

О ЧЕРКН

ПРОСТОНАРОДНАГО ЖИТЬЯ-БЫТЬЯ

ВЪ

ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ

И

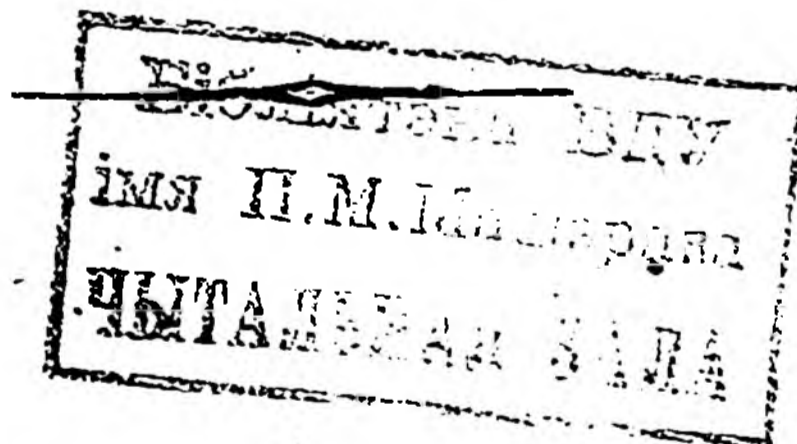
ОПИСАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ОБИХОДНОСТИ.

(Этнографическія данныя).

Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя
чертежами въ текстѣ.

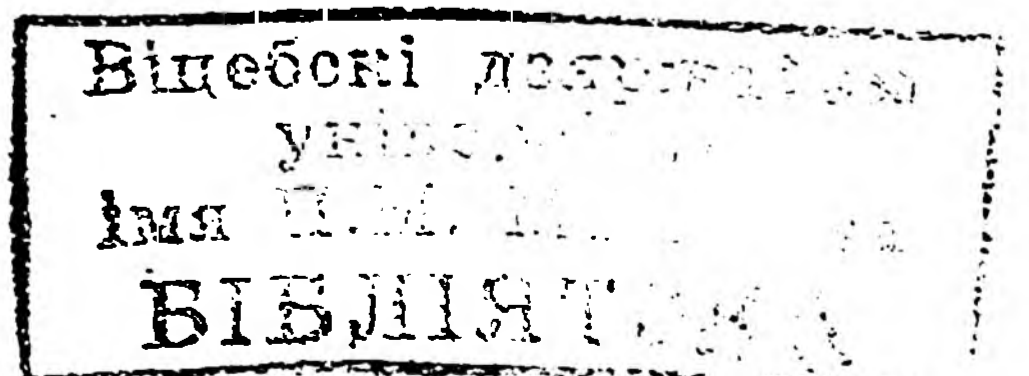
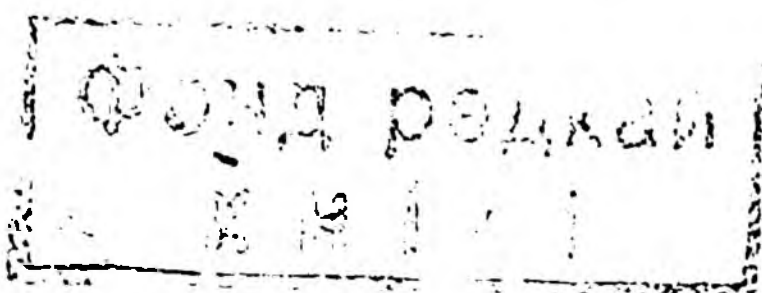
Составилъ

Н. Я. Никисфоровскій.

ВИТЕБСКЪ.

Губернская Типографія.
1895.

902.7

63.51 (4Бен-4Вит)

0-95

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюня 1895 года.

Пограничныя губерні:

А—В Псковская.

Б—В Смоленская.

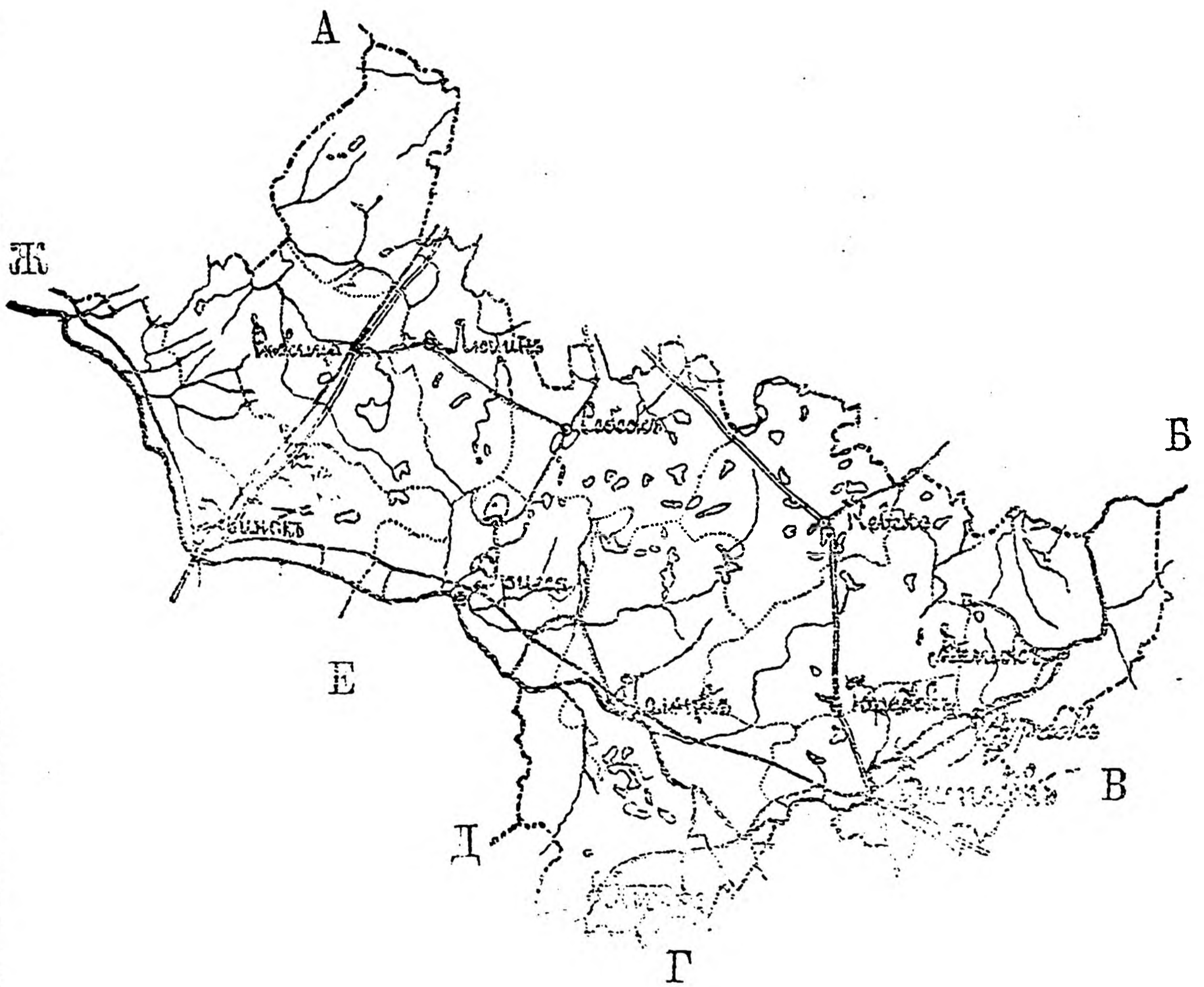
В—Г Могилевская.

Г—Д Минская.

Д—Е Виленская.

Е—Ж Курляндская.

Ж—А Лифляндская.

Географическій видъ Витебской губерні.

Редакция Императорскаго Минист-
стерства Народнаго Просвѣ-
щенія.

Почтительному-услужительному графу

составителю „Отечественнаго“
Ученнаго Журнала графу Велюч.
Виттебскому,
12 сент. 1895 г.

Отъ составителя.

Ставъ горожаниномъ съ давнихъ поръ и сносясь съ селомъ, какъ рѣдкій гость его, я каждый разъ вижу, что текущее жите- бытъе простолюдина Витебской Бѣлорусси, рассматриваемое въ связи съ предметами такъ называемой обиходности, какъ-то спѣш- но видоизмѣняется: одни предметы заново вошли въ обиходность, другіе утратили прежнюю обыденность и встрѣчаются все рѣже и рѣже, третьи, за очевидною непригодностью, вышли изъ употреб- ленія и не попадаются болѣе, даже какъ „завалящіе“. Свѣжій обозрѣватель настоящей жизни, незнакомый съ памятнымъ строемъ ея при дѣдахъ и отцахъ, въ такомъ видоизмѣненіи не найдетъ ничего необычнаго: ѣсть мужикъ чистый ржаной хлѣбъ, кое-когда пшеничные пироги домашняго изготовленія, изрѣдка пьетъ чай изъ собственнаго самовара, одѣвается въ фабричныя ткани, обу- вается въ стройные сапоги, живетъ въ чистой избѣ со струганнымъ поломъ, имѣетъ кое-какую столярную мебель, лавочную утварь и посуду, выѣзжаетъ въ мастерскомъ, даже расписанномъ экипажѣ, на сытой лошади, которая убрана ременною сбруей—тутъ все обычно, заурядно, какъ и быть должно! Но тотъ же обозрѣватель да вспомнить со мною, что за 33 приблизительно года передъ симъ текущая обиходность далеко не была такою: тѣдешный землячокъ продовольствовался мякиннымъ хлѣбомъ, или половинни-

комъ ¹⁾), зашивалъ первую подручную водой, изрѣдка—острымъ квасомъ, одѣвался въ разную домотканку, нашивалъ почти безсмѣнные лозовики ²⁾ на ногахъ, грузный треухъ и колпакъ—на головѣ, рѣдкія радости и сплошное горе переживалъ въ мрачной, курной хаткѣ, гдѣ въ то же время ютиль подрастающее поколѣніе житейскихъ пособниковъ, начиная отъ собственныхъ дѣтей и кончая будущимъ сальникомъ ³⁾, подателемъ шубки, молочка или тутъ же выращивалъ того малорослаго „бычанка“ ⁴⁾, на которомъ впоследствии то вспахивалъ и убиралъ поле, то подъ дуговою и шлейною запряжкой галопировалъ въ ближайшій городъ, или мѣстечко... Эту именно обиходность, повидимому, круто ушедшую въ даль, я желалъ бы возстановить предъ современнымъ обозрѣвателемъ быта простолюдина, того быта, про который не то иронически, не то страдальчески онъ частенько повторялъ слѣдующее излюбленное сказаніе: „Прышѣвъ Богъ до тэй до пеклы ⁵⁾, ды й пытайца ⁶⁾ у дѣябла: якъ тѣтыцьба маісця ⁷⁾, чѣрцюхно?—Няшто, Госпыди, якъ-ни-якъ ⁸⁾ мадѣишь ⁹⁾... такъ сáмо й наша жиццѣ: якъ-ни-якъ мадѣишь!..“

Пользуясь выгодами мѣстнаго старожила, давняго сельчанина, личнаго свидѣтеля прежняго житья-бытья простолюдина, свидѣтеля обновившихъ бытъ основъ, я постараюсь высказаться бытописательскимъ словомъ о трехъ существенныхъ сторонахъ—пищѣ, одеждѣ и жильѣ—съ относящимися къ нимъ предметами обиходности. При этомъ я ограничу бытописаніе двумя только смежными десятилѣтіями, на рубежѣ которыхъ стоитъ историческое 19 февраля 1861 года: въ первомъ изъ нихъ можно прочесть „последнее слово“ крѣпостническаго строя; во второмъ же, близкомъ къ прерванному строю, обновленная жизнь пока-что не очень далеко отходила отъ прежней. Что же касается топографической части бытописанія, то здѣсь не будутъ имѣть мѣста такъ называемые инфляндскіе уѣзды ¹⁰⁾ и сѣверныя окраины Велижскаго, Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ Витебской губерніи, послѣднія потому именно,

что бытъ и жизнь тамошняго простолюдина . всегда были ближе къ быту и жизни сосѣдей-великоруссовъ, живущихъ въ пограничныхъ губерніяхъ—Смоленской и Псковской.

При описаніи обиходности, при перечисленіи разнообразныхъ предметовъ ея, мнѣ, по необходимости, нужно будетъ называть ихъ мѣстными реченіями. Въ этомъ случаѣ, по силѣ умѣнья, я постараюсь передать ихъ фонетически ¹¹⁾ и тутъ же объяснять приводимыя реченія.

Существеннымъ недостаткомъ настоящаго бытописанія является отсутствіе рисунковъ и чертежей въ подлежащихъ мѣстахъ текста. пока-что помѣщеніе ихъ превышаетъ наличную возможность. Но я считаю долгомъ отмѣтить, что значительная часть подлежащихъ описанію предметовъ можетъ быть встрѣчена въ мѣстномъ музеѣ, въ распоряженіи собирателей-этнографовъ и въ житейскомъ употребленіи. Между прочимъ, послѣднее обстоятельство можетъ свидѣтельствовать, насколько текущая обиходность отдалилась отъ воспоминаемой и чѣмъ сказалась треть столѣтія на обновленномъ бытѣ и жизни простолюдина.

При богатствѣ этнографическихъ данныхъ, между прочимъ, и о Витебской Бѣлоруссіи, настоящее бытописаніе, въ возможно полномъ видѣ, появляется въ этнографической литературѣ пока-что впервые. Отмѣчая эту особенность, не допуская въ то же время ни малѣйшей тенденціозности, составитель имѣетъ честь представить въ настоящихъ очеркахъ сырой этнографическій матеріаль.

Н. Я. Никифоровскій.

1 января 1894 года.

Витебскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ составителя	Страницы. I—III.
---------------------------	---------------------

А.

Ѣжа, Ѣди(е)во, поя(Ѣ)духа; прорва, жратва, момна.

I. Хлѣбныя изготовленія	3.
II. Стрѣвы и вѣри(е)вы	11.
III. Скъ(о)ры(о)мяц(т)ина, пѣчѣсты	21.
IV. Случайныя кушанья	25.
V. Мы(о)канѣна	32.
VI. Ды(о)бѣвы, или ды(о)блѣды	35.
VII. Ласѣники и пы(о)ласѣнки	36.
VIII. Хлѣбъ въ печенѣи и употребленіи	39.
IX. Существенныя требованія стрѣпни	43.
X. Стрѣпуха	50.
XI. Сроки Ѣды	55.
XII. Образъ Ѣды	60.

	Страницы.
XIII. Питье и питейные предметы	65.
XIV. Столовая посуда	73.
XV. Варёвная посуда и прирады	77.
XVI. Консервная посуда	83.
XVII. Молочная посуда	87.
XVIII. Питейная посуда	89.
XIX. „На заѣдки и заливки“	94.

Б.

Одѣцц(тт)я, обуцц(тт)я и приборы.

I. Мужская одежда	103.
II. Женская одежда	115.
III. Мужская и женская обувь	122.
IV. Мужские и женские приборы (уборы)	126.
V. Дорожные и случайные приборы	134.
VI. Складища и сховы.	136.
VII. Столовое и спальное бѣлье	141.
VIII. Прядильные материалы передъ прядивомъ	145.
IX. Нитка	150.
X. Снова (основа)	156.
XI. Навивка на ставъ (станъ)	159.
XII. Тканье	163.
XIII. Обработка ткани	167.
XIV. Рабочіе предметы при ткани, одеждѣ, обуви и украшеніяхъ	171.
XV. Творцы одѣцц(тт)я, обуцц(тт)я и прибор(о)въ; брѣвчики, шѣвчики	184.
XVI. „На наидки“	193.

В.

Жилле, сялиба и будовля.

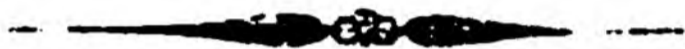
I. Передъ хаткы(о)й	213.
II. Хатка снаружи	218.
III. Хатка снутри	229.
IV. Сѣнки и исц(т)ѣпка, или призба, прійзба	251.
V. Хля(ѣ)вы (скотникъ, обора; дя(е)нникъ)	256.
VI. Клѣц(т)ь и повклѣц(т)ь	262.
VII. Токъ, рѣга, рѣя	268.
VIII. Пуня и влуня	282.
IX. Лазня (баня)	288.
X. Загорожи	301.
XI. „Звышь того“	307.

Г.

Тамъ-сямъ, вокругъ да около,

I. Въ хаткѣ, сѣнкахъ и исц(т)ѣпкѣ	313.
II. Предметы освѣщенія	331.
III. Подручные рабочіе инструменты	340.
IV. Въ хлѣву	351.
V. Въ возовнѣ	363.
VI. Сбруя и упряжь	378.
VII. Въ остальныхъ усадебныхъ строеніяхъ	386.
VIII. „Во саду-ли, въ огородѣ“	410.
IX. „У пча(е)линцу“	424.
X. На пашнѣ	433.
XI. На покосѣ	455.
XII. Въ лѣсу; лѣсные дары	466.
XIII. При водѣ	482.

	Страницы.
XIV. На рыболовлѣ	492.
XV. На охотѣ	516.
XVI. Тамъ же нынѣ	535.
Послѣсловіе	548.
Выноски и примѣчанія	I—CXLIХ
Замѣченныя погрѣшности	CLI—CLIV

О Ч Е Р К И
ПРОСТОНАРОДНАГО ЖИТЬЯ-БЫТЯ
въ Витебской Бѣлоруссіи
и
о писаніе предметовъ обиходности
(Этнографическія данныя).

А.

Ѣжа, Ѣдиво, поядуха, прорва, жратва, момна ¹²⁾.

„Кыли-бъ ня дюрка у рѣци, дыкъ-ба ходивъ чилѡвѣкъ у злоци ¹³⁾... Ны вишеу тольки й працѡимъ...“ ¹⁴⁾ (изъ множества мѣстныхъ присловій о Ѣдѣ).

Подъ приведенными именами отдѣла слѣдуетъ разумѣть не только пищу всѣхъ разновидностей—скоромную, постную, густую, жидкую, обыденную, праздничную, дорожную, но и образъ приготовления и потребленія ея. Такъ-какъ Ѣда и питье состоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ, то вслѣдъ за перечисленіемъ съѣдобныхъ предметовъ . будетъ сказано о предметахъ питія съ присоединеніемъ подлежащей посуды и нѣкоторой утвари, насколько послѣдняя примыкаетъ къ потребляемымъ предметамъ.

І. Хлѣбныя изготовленія.

1. Главный предметъ Ѣды дома и въ дорогѣ, въ будни и въ праздникъ, въ заурядной и парадной жизни, нерѣдко первый и послѣдній, другими словами—единственный предметъ Ѣды—есть хлѣбъ. Мѣстный простолюдинъ почтительно называетъ его—„хлѣбушко насучный“ ¹⁵⁾; въ разновидностяхъ и разномѣстномъ упо-

требленіи онъ бываетъ: а) чистый. Этотъ хлѣбъ готовится изъ одной только ржи, сперва провѣянной на току, а потомъ тщательно обточенной въ ступѣ, такъ же тщательно „переполутой“¹⁶⁾ послѣ сушки въ печи, передъ мелевомъ, и просѣянной чрезъ густое рѣшето муки. Если тѣсто для такого хлѣба слегка подсолено и не предстоитъ потомъ надобности омакивать хлѣба въ соль, послѣдній получаетъ названіе пирога: подъ этимъ именемъ онъ служитъ при парадномъ и праздничномъ употребленіи, отчасти въ дорогѣ и при поднесеніи, въ видѣ „дара“, почетнымъ лицамъ. — Потребители чистаго хлѣба бывали рѣдки, и достаточно сказать, что такой-то „ѣсь“¹⁷⁾ чистый хлѣбъ, чтобы въ окружающѣмъ о немъ заговорили, какъ о богачѣ. Ступенью ниже почитался хлѣбъ

б) „градovýй, или градówka“¹⁸⁾. По экономическимъ ли, или „сквалыжнымъ“¹⁹⁾ цѣлямъ, рожь не особенно тщательно провѣвалась на току, по крайней мѣрѣ, наиболее тонкая „пилюха“ не отдѣлялась отъ нея: въ такомъ видѣ рожь поступала въ печную сушку, млево, и непросѣянная послѣ него мука шла на хлѣбное тѣсто. — Потребители „градówki“ не могли похвастаться бѣдняками; многіе изъ нихъ имѣли благоустроенное относительно хозяйство, даже кое-какія деньги; вообще же они почитались „стоющими“²⁰⁾ людьми, которымъ многіе завидовали.

в) „Пушнэй“ хлѣбъ, или „пушнинка“ (въ шутку прибавлялось слово — святая) готовился буквально изъ непровѣянной ржи, которая, однако, при помощи метель, освобождалась послѣ молотбы отъ мелкой соломы, колосьевъ, глиняныхъ комьевъ, и ли же, будучи провѣяна, снова соединялась съ своею мякиною и „пилюхой“ и въ такомъ видѣ поступала въ жернова; мука просѣвалась чрезъ рѣдкое рѣшето и шла на тѣсто. — Потребители и такого хлѣба не могли похвастаться крайними бѣдняками: они все-таки ѣли „оржанину“²¹⁾, хотя ихъ хлѣбу никто не завидовалъ, по крайней мѣрѣ, не желалъ себѣ.

г) „Пыловэй“ хлѣбъ, онъ же „пыловушка“, есть тотъ, въ составъ котораго вошла лишь половинная часть ржи, а другую половину составили: ячмень, овесъ, гречиха, даже пшеница, взятые то порознь, то, въ свою очередь, смѣшанные въ извѣстныхъ доляхъ. Изрѣдка въ смѣси попадалась гороховая и бобовая мука; но ею только дѣлалась „замѣса“²²⁾, а не уторъ: въ послѣднемъ такая мука препятствуетъ должному окисленію тѣста, „подходу“ его, и парализуетъ ржаной вкусъ хлѣба.—Не взирая на почтенный составъ „пыловушки“, на видимо питательныя части ея, послѣдняя не имѣла повседневнаго употребленія, такъ-какъ скоро пріѣдалась; потребленіе же ея прямо свидѣтельствовало о ржаномъ недородѣ.

д) „Бульбянэй“ хлѣбъ состоитъ²³⁾ изъ половинныхъ долей— ржаной муки и мятаго, или на теркѣ перетертаго сырого картофеля, предварительно очищеннаго. По всей справедливости, этотъ хлѣбъ слѣдовало бы назвать „пыловымъ“; но такого названія онъ не имѣетъ въ средѣ потребителей.—Кто отвѣдывалъ этого хлѣба, тотъ признаетъ, что пріятный вкусъ его и бѣлизна не уступаютъ лучшимъ сортамъ печенаго хлѣба, и нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые сельскіе интеллигенты потребляютъ „бульбянэй“ хлѣбъ наравнѣ съ простолюдиномъ. Но у послѣдняго онъ является „насучнымъ“, вызывается нуждою, недородомъ ржи и другихъ хлѣбовъ, а потому—и подневольнымъ, пріѣдается „прикриць“²⁴⁾, какъ говорятъ, тѣмъ болѣе, что онъ скоро черствѣетъ и тогда теряетъ не только вкусъ, но и бѣлизну.

е) Послѣдній хлѣбъ, къ которому приводила семью и отдѣльныхъ лицъ безысходная нужда, вопіющая бѣдность, періодическіе хлѣбные недороды, есть хлѣбъ „мякѣнный“, или мякѣнка“ (шутливое дополненіе—святая), тотъ именно, о которомъ давній простолюдинъ, не „ображая Бога“²⁵⁾, простодушно иронизировалъ такъ: „по ёмъ кылѣ и чертъ пыбгигць, дыкъ ногу зыскѣбиць“!..²⁶⁾

Этотъ послѣдній жалкій хлѣбъ состоялъ изъ большей половины то овсяной, то ячменной, то пшеничной мякины, которая перемалывалась совместно съ ржаными зернами; въ болѣе же бѣдственныхъ случаяхъ тутъ бывало такъ мало ржи, что она служила чѣмъ-то въ родѣ клея для скрѣпленія мякинныхъ частицъ. Ясно, что „мякинка“, какъ и потребители ея — „мякинники“ — вызывали одно лишь сожалѣнiе даже со стороны завѣдомыхъ окрестныхъ бѣдняковъ, а сколько-нибудь зажиточныхъ сердобольцевъ подвигали на подаванiе бѣднякамъ настоящаго хлѣба.

ж) На страницахъ давней, хотя и не ускользнувшей изъ воспоминанiй старожиловъ и личныхъ свидѣтелей простонародной жизни значатся такъ называемые „болѣзные годы“²⁷⁾. Кромѣ холерныхъ, оспенныхъ, тифозныхъ и другихъ эпидемiй, кромѣ скотскихъ падежей, разорительныхъ событiй 1812, 1831 и 1863 гг., подъ ними разумѣются помѣстные хлѣбные неурожаи и, слѣдовательно, голода, но какiе? сравнительно слабыми можно считать голодовочныя проявленiя послѣдняго по Россiи хлѣбнаго недорода! По удостовѣренiю „живой граммы“²⁸⁾, голодающiе, напримѣръ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ потребляли хлѣбъ изъ лебеды, болотнаго „бобовника“, древесныхъ гнилушекъ, дополняя къ этому торфъ и глину. Первые два предмета, какъ и другiя подъ руками растенiя, у прибѣднившихся составляли нерѣдкое прибавленiе къ мукъ для весенняго хлѣба и въ болѣе счастливые годы.

2. Выше упомянуто, что подсоленное тѣсто для чистаго хлѣба даетъ пирогъ. Къ этому нужно прибавить, что солка касается лишь того комка тѣста, который предназначенъ для пирога: въ этомъ будетъ все его отличiе отъ остальныхъ хлѣбовъ. Понимаемый такъ „пирогъ“ печется не только изъ чистаго тѣста, но и изъ другихъ родовъ его, даже изъ „мякинки“. Кромѣ житейской практики, въ томъ удостовѣряетъ и шуточное присловье — „Господи, благослови! изъ чего хлѣбъ, изъ того и пироги!“ Однако, выше всѣхъ „пироговъ“ стоитъ „пшѣнный“, приготовлен-

ный изъ домашней пшеничной муки. Недостаточно очищенные зерна пшеницы, не вымытыя отъ головки, перемолотыя въ ручныя жернова, заторъ безъ дрождей, плохой подходъ тѣста и неумѣлое мѣсиво, часто превращаютъ „пшѣнный пирогъ“ въ хлѣбъ, едва-ли лучше ржаного.

Тамъ, гдѣ стряпуха знаетъ свое дѣло, или гдѣ набѣжалъ не заурядный случай, пирогъ бываетъ „крепаный“, т. е. съ начинкою. Обыкновенно „крепанкой“ служатъ: внутренности убойнаго животнаго, творогъ, рубленныя яйца, замасленная гречневая каша, а въ постные дни—та же каша, грибы и даже мелкорыбица.

3. Ни одно почти хлѣбное печенье не обходится безъ „лопуновъ“²⁹⁾. Комъ тѣста, величиною въ кулакъ, нѣсколько просаливается, распластывается по величинѣ домашней сковороды, на которой и ставится въ печь, на подготовленные уголья. Когда „лопунъ“ запекся сверху и снизу, его кладутъ „допекацца“ въ печное устье; на сковороду же и уголья поступаетъ тѣмъ временемъ новый. Если „лыпуны“ пекутся для путевыхъ и вообще не домашнихъ нуждъ, то при печеньи они смазываются масломъ или саломъ; но этого не дѣлается тогда, когда „лопунъ“ предназначенъ для замѣны хлѣба, который не можетъ выпечься къ очередной ѣдѣ.—Толщина „лыпуна“ бываетъ пальца въ два.

4. Но если „лопунъ“ распластанъ значительно тоньше, хотя и толще блина, то онъ называется „сочнемъ“. Печенье „сычня“, какъ и употребленіе его, совершенно сходны съ „лыпунѣмъ; недоѣдки того и другого идутъ въ помощь хлѣбу, при новой очередной ѣдѣ.

5. Намазанный тонкимъ слоемъ „припѣки“ и съ нею вновь запеченный, „сочень“ даетъ извѣстный лакомый „ляпинь“³⁰⁾, или „ляпышикъ“, составляющій отдѣльное блюдо въ домашней ѣдѣ и служащій путевымъ, даже гостиннымъ надобностямъ. Такъ, груда „ляпнѣвъ“ посылается матери, сестрѣ, брату, относится родихѣ при „прѣвидкахъ“³¹⁾ и проч.—„Припѣкой“ служить: а) жидкій

творогъ со сметаною, б) мятый картофель съ нею же, или съ масломъ, съ саломъ, съ яицами, в) чистая сметана и г) толченый макъ, конопля, въ постные дни. Удачнымъ приготовленіемъ „ляпышка“ слѣдуетъ считать то, когда „припека“ не отстаётъ отъ него.

Перечисленные доселѣ изготвленія получаютъ передъ самымъ печеньемъ хлѣбовъ, изъ вполне готоваго ржаного тѣста, т. е. замѣшаннаго и подошедшаго въ квашнѣ. Но немало изготвлений идетъ изъ него и до „замѣсы“, т. е. изъ тѣста „утворнаго“, только лишь вскисшаго. Такъ, чаще всего пекутся:

6. Драчёны. Уторное тѣсто для драчёнъ замѣняетъ отчасти дрожди. Если уторной кислоты пока недостаточно, то ее можно сдѣлать наскоро, подливъ въ тѣсто квасу, квашеной сыворотки. Кромѣ того драченное тѣсто разбавляется молокомъ и взбалтывается различною мукою—ржаною, овсяною, ячменною, гречневою, пшеничною, а въ бѣдныхъ случаяхъ—гороховою и бобовою. Это тѣсто не доводится, однако, до жидкости блиннаго, хотя и дѣлается значительно жиже хлѣбнаго; на сковороду оно свободно вычерпывается ложкой.—Каждая испеченная „драчёнина“ сверху смазывается масломъ, саломъ, а въ постъ—медомъ, если послѣдній водится дома, и всѣ онѣ накладываются грудю въ рѣшетъ, запасной сковородѣ, подходящей доскѣ, или на подостланной холстинѣ. „Ласыи ³²⁾ драчёны“, составляя отдѣльное „заѣдочное“ кушанье, остаются „ласыми“ и въ пути.—Часто драчены пекутся прѣсными, не на уторномъ тѣстѣ; но тогда онѣ бывають почти всегда пшеничными, на молокѣ.—Заурядная величина „драчёнины“ и толщина ея можетъ быть приближена къ „ляпню“ безъ „припеки“.

7. „Ладки“ пекутся изъ одинаковаго съ драченами тѣста. Онѣ не смазываются сверху, подобно драченамъ, и, подобно имъ, служатъ „заѣдочнымъ“ блюдомъ, но при какой-нибудь „моканинѣ“ ³³⁾; въ дорогу онѣ не берутся.

8. „Кривяники“—драчены и „ладки“—пекутся изъ того же уторнаго тѣста, взболтаннаго различною мукой, къ чему прибавляется еще кровь убойнаго животнаго. Последняя часто подолгу хранится въ запасѣ, какъ для „кривяникывъ“, такъ и для различныхъ кислыхъ кушаній.

9. Наконецъ, уторное хлѣбное тѣсто употребляется для „рачйнныхъ блиновъ“—ржаныхъ, овсяныхъ, ячменныхъ, пшеничныхъ. Какъ и слѣдуетъ быть, тѣсто разводится до жидкости обыкновеннаго блиннаго тѣста.

10. За исключеніемъ гороховой и бобовой муки, блины пекутся изъ всякой остальной и отъ нея получаютъ свое названіе—ржаныхъ, овсяныхъ, „ячныхъ, гречйшныхъ, пшённыхъ“ блиновъ. Обыкновенно всякое тѣсто для блиновъ заторяется въ спеціальной квашнѣ, съ вечера, безъ дрождей: къ утру оно вскисаетъ и готово на блины, печенье которыхъ начинается на первыхъ уголькахъ затопленной печки, длится во все время стряпни и едва заканчивается передъ загребомъ жара въ печурки, именно потому, что и для самой скромной семьи ихъ требуется немало, блиновъ 10—15 на человѣка, приблизительно. Если блины предназначаются для путевыхъ надобностей, они имѣютъ „припёку“, совершенно одинаковую съ „припёкой ляннёвъ“; тогда же они складываются надвое, припёкой внутрь, или вчетверо. Въ путевыхъ надобностей блины сбрасываются со сковороды на холстину, разостланную на лавкѣ, скамьѣ, обернутой кадкѣ, рѣшетѣ, гдѣ въ видимомъ безпорядкѣ, но въ цѣляхъ охлажденія, лежатъ до окончанія стряпни. Только тогда они укладываются въ рѣшето грудю, стопю, гдѣ покоятся до ѣды ихъ съ „моканиной“,—что почти всегда составляетъ первое блюдо первой ѣды.

Знатоки мѣстной простонародной жизни утверждаютъ, что по роду (мука) блиновъ можно опредѣлить обычныя и незаурядныя положенія дома. Такъ: а) овсяные блины, заторенные съ вечера, указываютъ на обычное теченіе семейной жизни; б) тѣ же блины,

приготовленные на овсяной цѣжѣ, указываютъ на неожиданность — болѣзнь одного изъ членовъ семьи, отлучку; в) ржаные блины пекутся въ ожиданіи пріѣзда близкихъ родственниковъ; г) ячменные тогда, когда наканунѣ, или за день пеклись другіе; д) гречневые — исключительно на масленицѣ, и е) пшеничные — въ номинальные дни. Со всѣмъ этимъ можно и не согласиться, но нельзя отрицать жизненной правдивости послѣднихъ двухъ утвержденій.

Блины всѣхъ родовъ пекутся въ обрѣзъ, т. е. примѣнительно къ потребностямъ семьи на одну, много — двѣ дневныя ѣды, и въ другому дню, не оставляются, подобно другимъ хлѣбнымъ печеньямъ.

11. Весьма рѣдко, по большей части, въ выдающіеся дни Великаго поста (1, 9, 17, 25 марта, въ среду 4-й и субботу 6-й нед.) приготавливаются „прѣсняки“ — прѣсные хлѣбы, „лопуны и сочни“ изъ ржаной, или домашней пшеничной муки. Въ остальныхъ случаяхъ они пекутся при хлѣбномъ „пирепѣвѣ“³⁴), за невозможностью одолжиться обыкновеннымъ хлѣбомъ, и для немногихъ любителей „присяцны“.

12. Еще рѣже встрѣчались „бубашки“ (черепенники), именно потому, что приготовленіе ихъ требуетъ дрождей и умѣнья пользоваться послѣдними, — что было недоступно сельскойстряпнѣ воспоминаемаго времени. Поступая въ домъ вмѣстѣ съ „ситникомъ, обаранками, перниками“³⁵) изъ мѣстечекъ и городовъ, „бубашки“ вмѣстѣ съ ними служили „ласыми“ предметами.

13. Значительно замѣняли и по внѣшнему виду сходны были съ хлѣбными печеньями „бульбяники“ или „гүльбишники“, обыкновенно приготавливаемые изъ очищеннаго мятаго картофеля, въ тѣсто котораго прибавлялось небольшое количество муки, ради клейкости, яйца, сметана, творогъ, для лучшаго вкуса. Приготовленные и запеченные въ видѣ „лопуновъ и сочневъ“, „бульбяники“ разрѣзались на части, складывались въ плоску и, слегка залитые масломъ, или сметаною, ставились въ печь до ѣды. — Это любимое кушанье ста-

рѣобрядцевъ (въ Ловожской в., Полоцк. у.) перешло и въ дома мѣстнаго крестьянства.

II. Стравы и варивы.

Подъ общимъ именемъ „стравъ или пытравъ и варивъ“ слѣдуетъ разумѣть обыденныя кушанья различныхъ видовъ, гдѣ преобладающими, или исключительными долями оказываются предметы растительные (трава). Хотя понятіе „вариво“ содержитъ въ себѣ весь кругъ вареныхъ кушаній, однако, оно скорѣе можетъ быть отнесено къ жидкимъ кушаньямъ, скоромнымъ и постнымъ одинаково, — къ теплымъ больше, чѣмъ къ охолодѣвшимъ.

14. Столъ мѣстнаго простолюдина трудно представить безъ „капусты“, подъ которою, однако, не должно понимать капусту въ собственномъ смыслѣ: послѣдней здѣсь бываетъ только доля, часто незначительная, а нерѣдко и того нѣтъ — рубленая свекла въ смѣси съ морковью, рѣпой и брюквой — вотъ мѣстная „капуста“! Подобно чистому хлѣбу, наиболѣе желательною является „капуста“ изъ чистой свеклы, безъ примѣсей. — На дневныя надобности „капусты“ берется добрая четверть „варивнаго“ горшка, который до верху наливается водой, по вкусу присаливается и приставляется къ огню. Въ скоромные дни сюда кладутся: то сало, то мясо, какъ свѣжее, такъ и приготовляемое въ прокъ, а за неизмѣнимъ ихъ, вбрасываются „скварки“, или кладется немного „топленнаго“ сала; но уже послѣ кипѣнья горшка; въ постные же дни — нѣсколько грибовъ, мелкая рыба, кусокъ судака, селедки или вливается двѣ-три ложки коноплянаго масла; въ случаѣ же недоступности ихъ, „капуста“ приправляется толченою коноплей, которая придаетъ бѣлизну „стравѣ“. Послѣднимъ, но рѣшительно необходимымъ дополненіемъ „капусты“ служитъ „заколѣта“ — жидкое тѣсто, на подобіе блиннаго, для нѣкоторой сгущенности кушанья и уничтоженія дикаго вкуса „капусты“, — что обыкновенно дѣлается при наступленіи болѣе спокойнаго кипѣнья горшка. — Несмотря на мо-

лочное довольство, „капуста“ не приправляется сметаною, ни даже молокомъ, ни „подсміцинемъ“³⁶⁾: изъятіе составляютъ масленичные дни, или обиліе молочныхъ запасовъ при отсутствіи мясныхъ.

15. Что сказано о „капустѣ“, то цѣликомъ относится и къ разновидностямъ ея, которыми бываютъ: а) „бураки—сячѣныи, крышѣныи, мочѣныи“, отварные;—б) „боцвинне“—стебли и листья свеклы, раннею лѣтнею порой;—в) маковые листья, иногда—рѣпа; г) „шныць“—молодые листочки извѣстнаго (кажется, зонтичнаго) растенія, весьма рано появляющагося на жирныхъ мѣстахъ, и д) „кислиця“—щавель. Изъ перечисленныхъ разновидностей „капусты“ надлежащую кислоту имѣютъ только „мочѣныи бураки“ да щавель; остальные пріобрѣтаютъ таковую при помощи кваса, сыворотки и, рѣдко—уксуса, уже во время варки.

Если позволяетъ возможность, „капуста“, какъ и многія другія кушанья, обильно приправляется лукомъ, который всегда подъ рукою, а въ парадныхъ случаяхъ—и перцемъ. Последняя приправа вызываетъ то шутливое, то укоризненное замѣчаніе: „у злыднихъ живемъ, а съ перцемъ ядемъ!“.

16. Въмѣсто „капусты“ готовится изрѣдка „поливка, або юшка“³⁷⁾. Это кислое кушанье состоитъ изъ кваса, бурачнаго рассола, разбавленнаго уксуса, кислой сыворотки, жидкой овсяной цѣжи, приправленныхъ „заколѣтой“.—„Поливка“ имѣетъ всѣ дополнителныя части „капусты“, т. е. мясо, сало, мелкорыбицу и проч.

17. Подобно „капустѣ“, „холодникъ“ есть родовое названіе кислаго кушанья изъ ботвиньи, свеклы, „шныци“ и даже щавеля. Обыкновенно предметы для „холодника“ отвариваются, мелко рубятся, разводятся окисляющими приправами (квасомъ, сывороткой, уксусомъ) и дополняются крошенымъ лукомъ, огурцомъ, или пустоцвѣтомъ его. „Холодникъ“ не имѣетъ „заколѣты“, употребляется въ холодномъ видѣ и можетъ быть немедленно же приготовленъ

изъ запасенныхъ комбевъ ботвиньи, свеклы и проч., которые заготавливаются съ утра, или наканунѣ; они часто забираются въ поле и на луга, гдѣ „холодникъ“ можетъ быть готовъ минутъ въ пять.— Такъ называемый „бялёный ³⁸⁾ холодникъ“ употребляется рѣдко, едва ли чаще „бялёный капусты и поливки“.

18. Жидкій овсяный кисель, занимающій средину между „поливкой“ и настоящимъ киселемъ, называется „журомъ, журьхой“. Онъ готовится на одну, много—двѣ ѣды, употребляется теплымъ, при рѣдкомъ дополненіи то коровьяго, то постнаго масла. По охлажденіи „журъ“ не даетъ даже сноснаго киселя: тогда онъ поступаетъ на второстепенныя надобности—въ собачье и свиное корыто.

19. Мѣстный кисель бываетъ исключительно овсяный, хотя и не всегда изъ овсяной муки, которая полностью уходитъ на блины: для киселя идутъ „высѣвки“, т. е. овсяныя отруби. Онъ наливаются теплою водою, ставятся на ночь въ теплое мѣсто и утромъ выжимаются руками, или ложкой на рѣшетѣ: получается „цѣдъ“, составляющій единственную основу киселя. Смотря по надобности, кисель можетъ быть сваренъ гуще и рѣже,—что происходитъ отъ большаго или меньшаго развода цѣжи водою. Любимый кисель вездѣ одинъ и тотъ же—въ бѣдномъ дѣмѣ и въ богатомъ: и тамъ и здѣсь онъ употребляется и теплымъ, и холоднымъ, съ масломъ, молокомъ, сытою, и безъ нихъ,—потребляется въ будни и въ праздникъ, при заурядной и при гостинной жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что кисель замѣтно фигурируетъ въ пословицахъ, поговоркахъ, въ пѣсняхъ и припѣвкахъ мѣстнаго простонародья и что къ нему относится не мало простонародныхъ примѣтъ.

20. Мѣстная солодуха въ своемъ составѣ не имѣетъ ничего солодоваго: въ приготовленіи она нѣсколько сходится съ мѣстнымъ пирогомъ безъ дрождей, т. е. свой кисло-сладкій вкусъ приобретаетъ естественнымъ броженіемъ и своевременнымъ перевариваніемъ.

Если позволяет домашняя возможность, для солодухи отдѣляется тонкая ржаная мука: она разводится прѣсною водою и до нѣкотораго окисленія ставится въ теплое мѣсто, послѣ чего солодушное тѣсто или, вѣрнѣе—брага поступаетъ въ вольный печной духъ. Въ дальнѣйшемъ многое зависитъ отъ умѣнья стряпухи: во время слѣдуетъ вынуть горшокъ изъ печи, быстро охладить солодушное тѣсто при помощи снѣга и льда, снова поставить въ печь и снова же спѣшно охладить. Когда все это сдѣлано и когда тѣсто не допущено до остраго окисленія, тогда получается желанная, „ласая“ солодуха: остывшая, она подается въ числѣ „заѣдковыхъ“ кушаній. Отдѣльные „ласунѣ“ мокаютъ въ нее хлѣбъ, даже намазываютъ хлѣбныя порціи, особенно, когда въ солодуху положено было немного меду; дѣти же обыкновенно лакомятся солодушною пѣнкою, дочиста вытираютъ хлѣбомъ и вылизываютъ миску, въ которой подавалась солодуха.

Обычнымъ временемъ потребленія солодухи почитаются посты—рождественскій и великій, когда, кстати, подъ руками есть много холодильныхъ предметовъ. Нѣтъ надобности говорить, что солодуха—исключительно постное кушанье.

21. „Крупеня“, или же—„крупникъ“ есть супъ изъ ячменной, гречневой и ржаной крупы; послѣдняя употребительна лишь около Ильина дня, когда изъ молодой, отчасти зеленой ржи начинаются первыя хлѣбныя изготовленія: печется новый хлѣбъ, блины, варится каша. „Крупеня“ начинаетъ серію прѣсныхъ „стравъ“ и, подобно „капустѣ“, считается обыденнымъ кушаньемъ, то смѣняя первую на день, то дополняя ее, какъ второе блюдо. Если выраженіемъ „одѣсь капусту“ обозначается половина ѣды, то словами „одѣсь крупеню“—конецъ ея. Застольное присловье утверждаетъ, что „капуста и крупеня — рѣдныи брацѣни“, и это говоритъ не только о близости кушаній другъ къ другу за столомъ, но и однообразномъ ихъ приготовленіи, составѣ. Дѣйствительно, сюда идутъ тѣ же „добавы“ сала, мяса, грибовъ, рыбы и проч.,—та

же четвертая часть горшка крупы; „капустную заболоту“ тутъ довольно часто замѣняютъ нѣсколько картофелей, сперва переваренныхъ, а потомъ растертыхъ ради „путрянисци“ ³⁹⁾ кушанья, нѣкоторой сгущенности его. Это не будетъ походить на подобные же городскіе супы, на счетъ густоты которыхъ простолюдинъ иронизируетъ такъ: „крупина зы крупинный гыняйтца зъ дубинный“. — „Посныя крупеня“ и „бяленыя“ подаются часто холодными, особенно, за второю и третьею ѣдой.

22. „Бяленый крупникъ“ и „крупникъ сальный“ готовится значительно жиже „крупени“ — то по недостатку крупы, то по расчетливости, и служитъ закусочнымъ кушаньемъ, подается на „захлибку“. Это не будетъ чисто молочный, или сальный супъ: онъ варится постнымъ и, послѣ кипѣнья, заливается то молокомъ, то савомъ: послѣдній и будетъ собственно „крупникъ“.

23. „Бульба, гульба“ — картофельный супъ, въ которомъ имѣютъ мѣсто всѣ „добавы капусты и крупени“ и который употребляется теплымъ и холоднымъ. Если „бульба несопкая“ ⁴⁰⁾ и семейный вкусъ не допускаетъ пластиковыхъ кусковъ картофеля, послѣдній растирается въ горшкѣ поваренною ложкой, колотовкой, специальнымъ толкачемъ, а при особенной твердости картофеля, онъ вычерпывается изъ горшка, „толчется въ ступѣ“, или деревянной мискѣ, и потомъ снова выворачивается въ горшокъ. „Бульба“ бываетъ и „бяленыя“, подобно „холоднику, крупени“ и др.

24. „Морква“ — чистый изъ моркови супъ, куда для „путрянисци“ прибавляется нѣсколько картофелей. Подобно предыдущему, суповой матеріалъ растирается то въ горшкѣ, то въ чашкѣ и потомъ заливается молокомъ, или, иногда, остается постнымъ: „добавы“ предыдущихъ „стравъ“ тутъ не имѣютъ мѣста.

25. Изрѣдка варятся то рѣпа, то „гарбузь“ ⁴¹⁾, то „пыстырнакъ“, къ которымъ прибавляется картофель и которые заливаются молокомъ: приготовленіе и потребленіе ихъ совершенно

сходны съ „морквы“. Слѣдуетъ дополнить, что всѣ эти кушанья слишкомъ временныя: первыя два имѣютъ мѣсто въ теченіе августа, второй—до половины сентября, а послѣдній—раннею весной, не болѣе двухъ-трехъ разъ.

26. Гораздо дольше, чуть не во всю зиму, готовится „грыжанка“ ⁴²⁾; по крайней мѣрѣ, потребление ея начинается при „старомъ молокѣ“ и затягивается при „новомъ“ ⁴³⁾. Она не всегда бываетъ „бяленую“: изрѣдка варится съ „добавами“, иногда—постною; въ то же время къ ней не всегда прибавляется картофель. Будучи въ составѣ молочнаго кушанья, правильные кубики брюквы не „толкуются“ какъ картофель, морковь, рѣпа и тыква, а остаются одни и тѣ же въ молочной, мясной и постной „грыжанкѣ“.

Перечисленные „стравы“ можно отнести къ разряду жидкихъ, хотя жидкость ихъ довольно относительная: четверть горшка крупы для „крупени“, большая половина горшка картофелю въ „бульбѣ“, такая же половина моркови въ „морквы“ и проч. дѣлаютъ кушанья довольно густыми. Но разъ они потребляются съ хлѣбомъ, за ними удерживается названіе жидкихъ. Многія изъ нижеслѣдующихъ кушаній не будутъ, пожалуй, гуще, хотя безхлѣбное потребление ихъ почему-то выдѣляетъ изъ категоріи жидкихъ и сближаетъ съ густыми. Сюда принадлежатъ:

27. „Крупеня съ горохымъ, або зъ бобымъ“, приготовляемая въ постные дни. Крупа здѣсь исключительно ячменная, изрѣдка—перловая, варится съ нешелушеннымъ горохомъ, или бобомъ, и ко второй ѣдѣ достигаетъ густоты „каши чрезъ ложку“. Въ послѣднемъ случаѣ, особенно когда кушанье охлаждено, въ „крупеню“ вливается одна—двѣ ложки коноплянаго масла.

28. „Зацѣрка“ приготовляется изъ пшеничнаго, гречневаго и ячменнаго тѣста—прѣсняка, которое протирается чрезъ рѣшето, или между рукъ, откуда падаетъ небольшими крупинками на столъ, на подостланную холстину. Когда крупинки провянутъ,

нѣсколько отвердѣютъ, тогда ихъ варятъ, хотя и недолго, какъ супъ, — съ масломъ, саломъ и изрѣдка — съ мясомъ.

29. То же тѣсто, мелко изрубленное ножомъ, сѣчкой и, въ свою очередь, завянувшее, даже засушенное, даетъ „сѣкѣнку“, которая готовится подобно „зацѣркѣ“, съ однѣми и тѣми „добавками“. — Оба эти приготовленія часто дѣлаются заблаговременно и покоятся въ мѣшечкахъ на печи и вблизи нея, чтобы тѣмъ дольше сберечь отъ порчи.

30. Мѣстная „мыкарѣна“ есть довольно грубая, часто мало-вкусная, лапша изъ домашней пшеничной муки, подобно всѣмъ „блѣннымъ стравамъ“, залпваемая молокомъ. „Мыкарѣна“ потребляется теплою, но предпочтительнѣе — холодною, и составляетъ одно изъ лакомыхъ „заѣдочныхъ“ кушаній, особенно, когда она приготовлена изъ фабричной муки; но послѣднее имѣетъ мѣсто въ зажиточныхъ домахъ, въ выдающіеся дни.

31. Клецки приготовляются изъ пшеничной, гречневой, ржаной и ячменной муки, то въ чистомъ видѣ, то въ смѣси, и оттого получаютъ свое названіе — пшеничныхъ, гречкихъ и „мишанныхъ“. Клецки, приготовляемыя спускомъ тѣста въ кипятокъ „черезъ ложку“, мало распространены; гораздо обыденнѣе клецки „катаные“⁴⁴⁾. Обыкновенно густое прѣсное тѣсто для послѣднихъ раскатывается руками въ длинныя „катѣлки“; онѣ разрѣзаются потомъ на маленькіе кусочки, округляются легкимъ катаньемъ въ рукахъ, или на столѣ и нѣкоторое время „вянутъ“, до вброса въ горшокъ. Это — простѣйшій видъ клецокъ, приготовляемыхъ, между прочимъ, въ постные дни; другой видъ ихъ — клецки съ „душами“, подъ чѣмъ нужно разумѣть маленькіе кусочки свиного сала, старательно помѣщенные въ каждую отдѣльную „клѣчину“. И тѣ и другія клецки, не превышающія величины грецкаго орѣха, вбрасываются въ кипятокъ, — что предупреждаетъ разваръ ихъ. — Клецки являются желаннымъ блюдомъ во всѣ дни, подобно биселю, бли-

намъ, кашѣ, — какъ теплой; такъ и холодной; онѣ составляютъ необходимое блюдо помпнальныхъ дней.

Повидному, клецки — густая „страва“, но онѣ имѣютъ добрую треть „юшки“ и потому причисляются къ жидкимъ.

32. Въ такомъ же точно положеніи находится и „гуща“ — супъ изъ подобія перловой крупы, обработанной домашними усилями и болѣе пзвѣстной подъ именемъ „обтовканыго“ ячменя. Подобно клецкамъ, „гуща“ имѣетъ треть „юшки“, съ мясомъ не готовится, чаще первыхъ бываетъ „блѣнная“ и потребляется теплою и охлажденною, даже и тогда, когда въ постные дни къ ней прибавляется то горохъ, то бобъ.

33. „Бовтѣха“ приближается къ густымъ кушаньямъ. Она бываетъ: пшеничная, ячменная, гречневая, даже овсяная и ржаная, отчего и получаетъ свое видовое имя. Приготовление „бовтѣхи“ слишкомъ просто: мука разводится холодною водою, присаливается и взбалтывается; послѣднее периодически повторяется во все время варки. — Внешнимъ видомъ „бовтѣха“ напоминаетъ переваренное блинное тѣсто; вкусъ же ея много зависитъ отъ „добавъ“ — сала, масла, — или отъ разбавленія молокомъ, на подобіе „блѣнныхъ стравъ“. Въ постные дни „бовтѣха“ готовится изъ гороховой и бобовой муки и тогда она потребляется только теплою.

34. То же приготовленіе на кипяткѣ, даетъ совершенно родственное кушанье — „болотуху“. Отъ умѣнья стряпухи зависитъ — не допустить то и другое кушанье до клейкаго сцѣпленія, до образования комочковъ и подгара: тогда оба кушанья поступаютъ въ корыто.

35. Оба кушанья справедливѣе было-бы назвать „куляшомъ“, если бы подъ послѣднимъ именемъ не состояло отдѣльное приготовленіе изъ ячменной, гороховой и бобовой муки. Мѣстный куляшъ по густотѣ занимаетъ средину между блиннымъ, примѣрно, тѣстомъ и густымъ овсянымъ киселемъ. Онъ потребляется теплымъ;

допущенный же до охлаждения, кулешъ даетъ новое кушанье— „бруски“. Кулешъ—скромное семейное кушанье: въ парадные дни онъ не готовится и не подается случайному гостю.

36. „Брускай, або стульцы“ приготавливаются изъ развареннаго гороха и боба, кои пропускаются чрезъ рѣшето, для очистки отъ шелухи. Полученный кисель охлаждается въ низкой посудѣ, гдѣ, сгустившись до нѣкоторой твердости, разрѣзается на небольшіе квадратики почти передъ подачей на столъ. „Брускай“ бываютъ и не гороховые—изъ остатковъ кулеша; но всѣ они составляютъ постное кушанье и всегда потребляются приправленными постнымъ масломъ. „Брускай“ чуть-ли не единственное кушанье, потребляемое не ложками, или руками, а специальными спицами, иногда о двухъ, или трехъ зубцахъ.

37. „Комы“ бываютъ исключительно гороховые и бобовые, хотя изрѣдка встрѣчаются и картофельные. Нѣсколько разваренный, нешелушенный бобъ, горохъ, картофель „толчется“ въ ступѣ, подсаливается, и изъ полученнаго тѣста дѣлаются шарики, не превышающіе величины кулака. Въ отдѣльныхъ приготовленияхъ „комы“ ставятся въ печь на сковородѣ, чтобы получить корку; но въ обыкновенномъ быту дѣло тѣмъ только и заканчивается: „комы“ потребляются, какъ „заѣдки“, или „пиратуска“, въ томъ видѣ, какой они получили первоначально.—„Комы“—исключительно постное и, отчасти, путевое кушанье.

38. Мѣстная каша рѣдко готовится „чрезъ ложку“; по большей части, она бываетъ густа: до того, что ложка съ трудомъ входитъ. Въ то же время каша не разнообразна: гречневая, ячменная, ржаная, картофельная, изрѣдка просовая, при чемъ, первыя двѣ обыденнѣе остальныхъ. Гречневая каша бываетъ „цалковья“, т. е. изъ цѣльной крупы, и „дранныя“—изъ болѣе мелкой, или даже изъ „пыдпадкрупья“⁴⁵⁾; ячменная же каша—только изъ „дранный“ крупы и „пыдпадкрупья“. Въ той и другой кашѣ прибавляется иногда немного мятаго картофеля: тогда получается болѣе лакомая

„каша съ бѹльбый“. Чисто картофельная каша готовится рѣже предыдущихъ двухъ и по экономическимъ видамъ, и по прїѣдливости ея. Что же касается двухъ послѣднихъ, то онѣ готовятся еще рѣже: ржаная имѣеть мѣсто около Ильина дня, а „прусиная“ ¹⁶⁾ не всегда доступна, такъ-какъ крупу нужно обязательно покупать. При урожаѣ тыквы, на короткое время появляется „гырбузѹвая каша“: она почти всегда молочная, что не бываетъ съ остальными видами каши, обыкновенно приправляемой то масломъ, то саломъ.

Какъ извѣстно, каша составляетъ одно изъ любимыхъ кушаний простолюдина, наравнѣ съ блинами и киселемъ; но отъ частаго приготовленія ея приходится воздерживаться потому, что это вызываетъ расходъ на замасливанье,—что и утверждено поговоркой: „наварилъ каши—масла не жалѣй!“

39. Мятый картофель, разжиженный молокомъ, или „подсмѣсцинимъ“, да четырьмя-пятью яйцами, выложенный на плоску средней величины, отстоявшійся въ „вольномъ духу“ до нѣкоторой густоты и получившій зарумяненную пѣнку, даетъ вкусную „бульбяную іечню“. Она подается на столъ въ числѣ „заѣдковыхъ“ кушаний и потребляется съ хлѣбомъ и безъ него, по желанію ѣдоковъ.

40. „Бульбяная іечня“ бываетъ и тогда, когда очищенный картофель мелко разрѣжется и получитъ „добавы“ предыдущаго кушанья. Дальнѣйшее изготовленіе и потребленіе этой „іечни“ совершенно одинаково съ предшественницей. Кстати: она стоитъ значительно ниже первой и на столъ появляется сравнительно рѣже.

41. Въмѣсто гречневой и ячменной (дубовая каша) въ нѣкоторые дни готовится „гуща“-каша, которая отличается отъ своей сродницы только тѣмъ, что не имѣеть жижи. Въ поминальные дни она замѣняетъ иногда кутью дома, при церковномъ и владбщенскомъ поминаньи, называясь ея именемъ. Такая кутья при-

правляется масломъ, или саломъ, а въ постные дни варится съ горохомъ или бобомъ.

42. Специальная „куцця“ готовится изъ цѣльныхъ пшеничныхъ зеренъ въ поминальные дни и во всѣ три коляды, которыя поэтому и принимаютъ ея имя: „першія“⁴⁷⁾ куцця, быгатыя, голодныя“⁴⁸⁾. Приготовление кутьи, какъ и потребление ея, обставлено множествомъ примѣтъ и повѣрій, о которыхъ здѣсь неумѣстно говорить.—Если есть собственныя пчелы, или семейный достатокъ позволяетъ купить меду, кутья готовится съ сытой; въ противномъ случаѣ она удобряется то коровьимъ, то постнымъ масломъ. Какова ни была бы кутья, она подается на столъ первую и всегда холодною.

43. При отсутствіи нужнаго для кутьи матеріала, но при спѣшности дѣла, мелко разрѣзываются баранки и въ такомъ видѣ потребляются въ сытъ, или сахарной водѣ. Эта „куцця“ считается значительно ниже пшеничной, но выше кутьи-„гуци“.

44. „Ласыя кулага“ заканчиваетъ рядъ „стравъ“. Она готовится изъ всѣхъ почти ягодъ, даже яблокъ и грушъ, но чаще всего изъ безкостныхъ ягодъ—черники, „пьянйки“⁴⁹⁾, брусники, клюквы. Ягоды варятся вмѣстѣ съ отборною мукой въ закрытомъ, по возможности, горшкѣ, до густоты киселя. То же бываетъ и съ костистыми ягодами—сливами, вишнями, черемхой, балиною, хотя первыя кое-когда предварительно отдѣляются отъ косточекъ и тогда только смѣшиваются съ мукой. Если позволяютъ средства, въ „кулагу“ кладется немного меду, или сахару: тогда послѣдняя намазывается, или вымакивается хлѣбомъ, „сочнями“, блинами, подобно солодухѣ.—„Кулага“ подается на „заѣдки“ теплою и холодною.

III. Скрымяцина, пачисты.

Въ расчетливыхъ хозяйствахъ, а такими можно почесть почти всякое крестьянское, не пропадаетъ ни одна часть убойнаго

животнаго: находить употребленіе въ томъ, или другомъ вѣшаньѣ, готовится въ томъ, или другомъ видѣ. Такъ, кровь идетъ на „крявѣники“—блины, аладьи, колбасы, или въ „поливку“; грудныя внутренности подъ общимъ именемъ „пичанѣвъ“—въ „стравы“, или на жаркое; брюшныя вытренности оиять же въ „стравы“, или въ „ныдиваники“⁵⁰); голова, ноги—на холодное и проч. Даже самцовыя ядра жариваются, правда, мужчинами самолично и поѣдаются ими до вылиза сковороды. Уже это одно указываетъ на возможное разнообразіе скромныхъ приготовленій; но тутъ же нельзя упускать изъ виду и молочныхъ, которыя лѣтнею, особенно, порой замѣняютъ мясныя. На рубежѣ постныхъ и скромныхъ „стравъ и пичистъ“ стоять:

45. „Іечни—смажины, или тушѣныи и пражинныи“. Изъ нихъ вторая есть обыкновенная сковородная яичница, доведенная до твердой густоты; первая же—смѣсь сладкаго молока со взболтанными яицами (5 яиць на бутылку молока); жидкость присаливается и въ плошкѣ, мискѣ, горшкѣ ставится въ „вольный духъ“, гдѣ и запекается до средней густоты, но не до ноздреватости. Обѣ яичницы подаются теплыми и холодными. О послѣдней нужно сказать, что она не оскорбитъ вкуса даже прихотливаго потребителя, и не даромъ она подается на „заѣдки“, какъ у богача, такъ и бѣдняка, при наиболѣе парадномъ случаѣ.

46. Подъ общимъ именемъ „пичистъ“ слѣдуетъ понимать большіе куски жареннаго мяса, или цѣлое животное, какъ: гусь, утка, курица, поросенокъ и проч. „Пичисто“ бываетъ: а) „тушѣныи“, когда жаривается въ закрытой посудѣ,—б) „смажиныи“, когда запекается на открытой сковородѣ, или желѣзномъ листѣ и в) отварное, вынутое изъ „стравы“ и нѣкоторое время простоявшее въ жаркой печи. Самымъ лучшимъ считается „тушѣнка“, потому что вмѣстѣ съ нею „тушитца“ и напитывается жиромъ добавляемый сюда картофель; тушѣнка обильно приправляется

лукомъ и перцемъ, — чего нѣтъ на половину въ „смажикѣ“.

47. Подобно „пячисту“ готовятся „пичані“ — грудныя внутренности, въ которыхъ относятся и почки. „Пичані“ готовятся во многихъ „стравахъ“, подобно мясу, салу, и др. „Пичанёвыя пячисто“ употребляется и холоднымъ, — что рѣдко бываетъ съ настоящимъ „пячистымъ“.

48. Послѣ жаркихъ важнымъ праздничнымъ блюдомъ считаются „кывбасы“, которыя бываютъ: а) „мисовэй“, б) „пичанёвыи“ и в) „кывавники“⁵¹⁾. Онѣ заготавливаются иногда передъ осенними „дѣдами“⁵²⁾ и, сберегаемыя то въ мясномъ рассолѣ, то въ зерновомъ хлѣбѣ, служатъ на надобности въ поминальный день, заговѣнье, въ праздники Р. Хр.; остатки доживаютъ до „товстыи субботы“. По большей части, однако, колбасы заготавливаются въ концѣ рождественскаго поста, при убоѣ откормленныхъ свиней, мясо и сало которыхъ идетъ главнымъ образомъ на колбасы. — Колбасный матеріалъ крошится довольно крупными кусками, приправляется обильно лукомъ, перцемъ и набивается при помощи бутылочнаго горлышка въ свиныя, или бараньи кишки, признаться, несовсѣмъ аккуратно очищенныя. За исключеніемъ послѣдняго и продолжительной лежалости иногда, мѣстныя колбасы не оскорбятъ вкуса.

При надобности, колбасы жариваются на сковородѣ, или „затушивыютца“ въ „прижаніи“: въ томъ и другомъ случаѣ онѣ протыкаются иглой, чтобы не лопались и не разваливались. — Въ холодномъ видѣ колбасы употребляются только въ дорогѣ.

49. Всѣ не мясныя колбасы называются „кйшкыи“, иногда — выдываными кйшкыи“. Начинкою такихъ колбасъ служитъ: а) гречневая каша со „скваркыи“, или мелко покрошеннымъ саломъ и б) съ тѣмъ же саломъ прѣсное густое тѣсто изъ пшеничной, гречневой, ячменной и даже овсяной муки. „Кйшки“ рѣдко жариваются на сковородѣ, а по большей части запекаются въ жир-

ной „тушенкѣ“, или отвариваются въ наиболѣе жирной „стравѣ“; подобно колбасамъ, часто протыкаются иглой.

Въ полушляхетскихъ домахъ начинка подслащается и даже смѣшивается съ яблоками и ягодами. Каково ни было бы приготовленіе „кишкѣ“, онѣ составляютъ лакомое „заѣдковое“ кушанье.

50. Желудокъ свиньи, овцы и теленка, начиненный гречневою кашей, называется „киндюкомъ“, или „трибухомъ“. Онъ запекается на сковородѣ, или въ открытой плоскѣ, часто переворачивается, поливается жиромъ и протыкается иглой, для вывода паровъ. Подобно гречневой „кишки“, начинка „киндюка“ подслащается, а самъ онъ потребляется исключительно теплымъ, при „заѣдкахъ“.

Гречневая начинка въ колбасѣ и желудкѣ рѣдко бываетъ заранѣе приготовленною кашей: чаще всего она готовится наскоро и есть—сырая крупа, разбавленная водою, а при сальномъ довольствѣ—жидкимъ саломъ.

51. Кишки и желудокъ, сильно очищенные, обваренные на рѣшетѣ и покрошенные потомъ, даютъ извѣстныя „вантробки“, отъ которыхъ получаетъ свое имя и „страва“, куда онѣ поступаютъ вмѣсто мяса, или сала. „Вантробки“ не даютъ жира и кушанье задабривается запаснымъ саломъ.

52. Тѣ же кишки и, въ особенности желудки жвачнаго животнаго, обваренные, искрошенные и „затушенные“ въ жидкомъ тѣстѣ, даютъ лакомыя „книги“, или „книгивки⁵³). Это кушанье имѣетъ сильный специфическій вкусъ и не всѣмъ нравится, а потому оно готовится для немногихъ любителей „книжнаго ѣдыва“.—„Книги“ потребляются теплыми холодными, преимущественно ко вкусу любителей.

53. Мѣстное холодное называется „сцюднимъ“ и готовится изъ головки и ножекъ убойнаго животнаго. Какъ извѣстно, онѣ сперва продолжительно варятся и „отпариваются“ въ закрытомъ горшкѣ: полученный густой бульонъ, раздробленное варкою

кое-какое мясо и нѣкоторыя косточки размѣщаются въ миски и застуживаются—получается густой, твердый „сцюдинь“, лакомое, праздничное кушанье и богача и бѣдняка. „Сцюдинь“ подается или первымъ, или послѣднимъ, при чемъ онъ сперва разрѣзается въ мискѣ на мелкіе брусочки, подобно „стульцамъ“, обильно посыпается перцемъ и вычерпывается ложками.

При значительномъ числѣ семействъ и при гостинномъ сборѣ, „сцюдинь“ заготавливается изъ нѣсколькихъ „ходовъ“, подѣ чѣмъ разумѣются всѣ четыре ноги животнаго; въ скромныхъ бобыльскихъ хозяйствахъ на это идетъ только „полхода“, лишь бы „потѣшить душаньку“.

Наиболѣе почтеннымъ, любимымъ „сцюдянѣмъ“ считается свиной; далѣе слѣдуютъ: поросячій, овечій, телячій, козій и коровій. Но выше всѣхъ стоитъ „гусячій сцюдинь“, приготовляемый изъ гусиныхъ головокъ, оконечностей крыльевъ и ножекъ. Разумѣется, этотъ послѣдній доступенъ тѣмъ немногимъ хозяйствамъ, гдѣ водятся гуси и гдѣ убой ихъ производится одновременно.

IV. Случайныя кушанья.

Къ разряду случайныхъ кушаній слѣдуетъ причислить тѣ часто несложныя кушанья, которыя создаются наскоро, часто безъ помощи огня, или и при воздѣйствіи огня, но когда послѣдній разведенъ для другихъ надобностей и цѣлей. Такъ, напримѣръ, печеный картофель во всѣхъ случаяхъ—на конопасномъ ночлегѣ, на пастьбѣ, при овинной и банной топкѣ, въ загребной печуркѣ и проч.—является случайнымъ кушаньемъ, какъ брюква и свекла, приготовленные подобнымъ же печеньемъ. Случайныхъ кушаній слишкомъ много; но чаще другихъ встрѣчаются слѣдующія:

54. „Цюпки“, или „мурь“—общеизвѣстная тюря. Онѣ дѣлаются: а) на разсолённой водѣ, или квасу, куда „цюютца, цюрутца“⁵⁴⁾ хлѣбные остатки, корки, сухари, мелко искрошенный

иногда лукъ и даже огурецъ;—б) на „бёрьки“⁵⁵⁾ и кленовомъ соку, куда уже не входятъ ни лукъ, ни огурецъ;—в) на медовой и сиропной сытѣ, гдѣ въ прихотливыхъ и богатыхъ случаяхъ „цюпюцца“ даже пшеничныя печенья;—г) на овсяномъ, присоленномъ „цюди“ и д) на различныхъ молочныхъ приготовленіяхъ—сладкомъ молокѣ, „пыстыялки“, сывороткѣ и „посмѣциню“. Во всѣхъ случаяхъ кушанье будетъ называться „цюпкыми“ только тогда, когда въ избранную жидкость именно „нацюплинѣ“ хлѣбъ небольшими кусочками, которые и вычерпываются ложкой.

Какъ очевидно, „цюпки“ могутъ имѣть мѣсто дома, на работѣ и въ пути. Можно было бы сказать, что это кушанье бѣдняковъ, убогихъ; но приходится свидѣтельствовать, что оно употребляется и довольно зажиточными поселянами въ самые, повидимому, небѣдные дни, употребляется, какъ на молокѣ, такъ и на водѣ.

55. „Цюпки“ на водѣ, квасу, древесномъ сокѣ и сывороткѣ, переваренныя съ ничтожными „добавами“ и безъ нихъ, называются „рулями“, или „чикуляды“⁵⁶⁾. Вполнѣ готовые „рули“ имѣютъ видъ кулеша, потребляются теплыми, при чемъ любители ѣдятъ ихъ съ хлѣбомъ. Это шляхетское кушанье, слабо распространенное въ крестьянской средѣ, не готовитсястряпухой на общесемейныя надобности: кто его любитъ и привыкъ, тотъ готовитъ самолично для себя. Но на отъѣзжей работѣ, внѣ дома, „чикуляду“ приходится видѣть артельнымъ кушаньемъ.

56. „Мочѣники“ весьма близко подходятъ къ „цюпкымъ“, но отдѣльное кушанье они составляютъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда потребитель пользуется жижею той или другой „стравы“: сюда оускаются борки, сухари и недоѣденные куски хлѣба. Послѣ размягченія хлѣбные куски поочередно вычерпываются и служатъ, какъ обыкновенный хлѣбъ при жидкомъ кушаньи. Болѣе существенное и частое употребленіе „мочѣники“ имѣютъ за общимъ столомъ, въ жидкихъ кушаньяхъ: ими пользуются старики и лю-

бители, которые и опускаютъ въ миску подходящіе куски хлѣба. Тутъ „мочѣники“ являются индивидуальной собственностью, и отецъ, наприм., воспользуется „мочѣникомъ“ сына съ согласія послѣдняго.

57. „Пражинный хлѣбъ“ получается такъ: хлѣбная порція обмакивается въ воду, квасъ, цѣжу, сыворотку, по вкусу посыпается солью и въ наклонномъ положеніи приставляется къ печному устью, противъ пламени. Черезъ короткое время порція нагрѣвается, а верхняя сторона ея подпекается и готова въ услугамъ потребителя „пражинного хлѣба“.

58. Подобно хлѣбу, лакомки балуютъ себя „пражиннымъ“ горохомъ и бобомъ: передъ тѣмъ же пламенемъ на сковородѣ, или въ черепкѣ ставится „пражинная“. Какъ только зерна начнутъ „пѣкыць“ —⁵⁷⁾ кушанье готово, и потребители спѣшатъ ѣсть горячія зерна.

59. „Мульдѣры“ есть неочищенный вареный картофель, который въ ручную, при помощи ногтей, „лупятца“ отдѣльнымъ потребителемъ, для собственнаго рта. Очищенный картофель обмакивается въ соль и съѣдается съ хлѣбомъ. Нѣтъ спора, что „мульдѣры“ составляютъ столовое блюдо, но они являются случайнымъ кушаньемъ для отдѣльныхъ потребителей, когда тѣ отъ нечего дѣлать урвутъ одинъ-другой картофель, отваренный и предназначенный къ „лупкѣ“ на какое-нибудь картофельное приготовленіе.

60. Не менѣе случайнымъ, хотя и непрочнымъ кушаньемъ слѣдуетъ считать яйцо, яблоко, грибъ, двѣ-три рыбки, запеченныя потребителемъ на уголькахъ въ печуркѣ, или въ печномъ устьи, при помощи пламени.

61. „Цыбуля“⁵⁸⁾ доступна лѣтнею порой и есть лишь перья и стволы лука, которые мелко крошатся, изрѣдка „толкуются“ въ мискѣ специальнымъ толкачикомъ и присаливаются. Въ такомъ

видѣ „цыбуля“ употребляется съ хлѣбомъ. При спѣшности дѣла бываетъ проще: перья складываются пучкомъ, обмакиваются въ соль и употребляются въ прикуску съ хлѣбомъ.

62. Въ одинаковой мѣрѣ случайнымъ является употребленіе рѣдьки. Старики ѣдятъ ее перетертою на теркѣ; остальные—изрѣзанною пластиками и посоленною, или въ прикуску, при чемъ она обмакивается въ соль, подобно луку.

63. Молочныя разновидности въ сыромъ видѣ опять же являются случайными кушаньями, какъ, на примѣръ: „солодкое“ молоко, „пыстыялка“ ⁵⁹⁾ съ творогомъ и безъ него, „сыркваша, помѣцинне, молѣзиво, топленый и отходлый твѣрыгъ“ ⁶⁰⁾, а также сметана и масло на хлѣбѣ, сыръ и „сырница“ ⁶¹⁾ въ прикуску съ хлѣбомъ.—Признаться, мѣстное хозяйство не очень балуетъ семью, и молочныя употребленія, именно въ „прикуску и прихлибку“, являются наиболѣе случайными.

64. Въ рождественскій и, преимущественно, великій постъ случайнымъ кушаньемъ можно считать толокно и несложныя изготвленія изъ него. Какъ извѣстно, для полученія толоконной муки, чистый овесъ сперва парится въ горшкѣ, потомъ высушивается въ жаркой печи и поступаетъ въ жернова. Когда мука освобождена отъ отрубей, она готова на употребленіе: полученное толокно поѣдается мукѣю, густымъ тѣстомъ и жижею. Въ первомъ случаѣ лакомки насыпаютъ толокно въ карманъ, откуда даже за работою время-отъ-времени вычерпываютъ рукою; во второмъ же мука разводится на соленой водѣ и вычерпывается, подобно кашѣ, ложками, или выбирается руками. По большей части, толоконное тѣсто сперва мнется въ рукѣ и, получивъ видъ палочки, откусывается „глытаниками“. Такимъ образомъ, въ указанномъ видѣ толокно становится застольнымъ, а изрѣдка—путевымъ кушаньемъ.

65. Разведенное на соленой водѣ по густотѣ похлебки толокно даетъ опять же застольное и путевое блюдо—„цутру“ ⁶²⁾,

или „болтонку“, которая вычерпывается ложками и потребляется съ хлѣбомъ, подобно всѣмъ жидкимъ кушаньямъ. „Пугра“, или „болтонка“ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ ряду подаваемыхъ кушаній: ее потребляютъ въ началѣ, срединѣ и концѣ ѣды; иногда же она служитъ просто „хлускый“ для одного-двухъ потребителей.

67. Подобно густому толокну, въ постные дни готовится „суслы“, или „кынопельныи комы“. Для этого обыкновенная конопля толчется въ ступѣ съ лукомъ и солью: полученное густое тѣсто скатывается въ шарики, или продольныя палочки, величина которыхъ не бываетъ больше того, сколько можетъ захватить горсть. „Суслы“ опять же не имѣютъ опредѣленнаго мѣста въ застольной и путевой ѣдѣ, хотя тамъ и здѣсь онѣ потребляются въ прикуску съ хлѣбомъ.

Приготовленіе „суслы“, слишкомъ простое само по себѣ, имѣетъ ту особенность, что весьма часто является случайнымъ даже при данной ѣдѣ: договорится кто-нибудь до „суслы“—и, пока доѣдается очередное кушанье,стряпуха минутъ въ десять изготавитъ послѣднюю и подаетъ на столъ. Если же „сусла“ предположена къ изготовленію раньше и если желательно придать ей лучшій вкусъ, то конопля предварительно поджаривается, или, по крайней мѣрѣ, круто засушивается.

68. При посѣщеніи городовъ и мѣстечекъ сельчане видятъ за еврейскимъ столомъ „цымусъ“—густую „тушеную“ брюкву съ мясомъ, или масломъ. Это кушанье, на мѣстный взглядъ, „брыдыкы“⁶³⁾, кое-гдѣ, однако, воспроизводится для немногихъ, скорѣе любопытныхъ потребителей, и такимъ образомъ является случайнымъ. Источникъ подражанія, непривычка употреблять сладкое мясное кушанье не даютъ „цымусу“ возможности распространиться въ простонародной стряпнѣ; потребители же его шутливо увѣряютъ, что „цымусъ-гутъ“⁶⁴⁾ слѣдуетъ ѣсть по-жидовски—въ шапкахъ и безъ крестнаго знаменія...

69. Случайными по времени, а нерѣдко и по мѣсту, можно назвать грибныя изготвленія. Мѣстная кухня вѣдается съ грибами: а) въ грибной „юшки“, когда малочисленность ихъ должна удовлетворить спросу значительной семьи; тутъ получается уха, въ которой грибы плаваютъ такъ, что ложечная ловля ихъ нѣсколько трудна;—б) въ „тушѣнки“, если достаточное количество грибовъ позволяетъ набить ими плошку, горшокъ, дополнить послѣдніе при укипѣ, не прибавляя воды, и в) въ видѣ „добавы“, когда сырой, или сушеный грибъ кладется въ ту и другую постную „страву“. Въ этомъ случаѣ сухой грибъ толчется иногда въ порошокъ, или мелко крошится. Зажаренныхъ на сковородѣ грибовъ нельзя встрѣтить, потому что такое изготвленіе вызываетъ расходы на масло.

Въ „юшки и тушѣнки“ можно найти всѣ съѣдобныя грибы; однако, боровики, „козлы и мыхывики“⁶⁵⁾, по большей части, засушиваются въ провъ, на постъ. При отсутствіи ихъ, засушиваются и черныя грибы, извѣстные подъ именемъ „обабкывъ“.

Грибныя консервы, въ видѣ маринованныхъ, засоленныхъ грибовъ, неизвѣстны здѣсь; изрѣдка только можно встрѣтить „мочѣныя“ грузди и волнушки, которые чуть-чуть доживаютъ до рождественскаго поста, потому что имъ слишкомъ мало удѣляется соли.

Вареные такъ и иначе грибы невѣроятно засаливаются и обильно приправляются лукомъ, а въ роскошныхъ случаяхъ—перцемъ. Въ скоромные дни въ грибы кладется очень скромный кусочекъ масла, или ложка сметаны; въ постный же день грибы остаются буквально постными. Въ тѣ и другіе дни грибы, однако, потребляются довольно охотно и жаркими и холодными.

70. Еще болѣе случайными бываютъ рыбныя изготвленія, такъ-какъ не вездѣ и не всегда можно имѣть рыбу. Подобно грибамъ, рыба встрѣчается а) въ „юшки“, б) въ „тушѣнки“ абó⁶⁶⁾ „смажпнки“ и в) сушеная, или вяленая; подобно имъ, засали-

вается, приправляется лукомъ, перцемъ и потребляется охотно, какъ теплою, такъ и холодною.

Рыбныя изготвленія совершенно не знаютъ масла: въ вареную оно не идетъ, а о жареной рыбѣ мѣстная кухня не имѣетъ даже понятія. Крупная рыба подается, правда, безъ ухи и не въ „смажинки“; но это не жаркое изъ рыбы, а только добрый кусокъ, сперва варившійся, а потомъ выложенный на тарелку и отстоявшійся въ печи, или на холодѣ.

Мѣстная вяленая рыба рѣдко бываетъ такою въ собственномъ значеніи; это скорѣе запеченная въ вольномъ духу рыба. Обыкновенно, предварительно очищенная, выпотрошенная и немного посоленная, она запекается въ печи на разостланной соломѣ. Вяленая такимъ приемомъ рыба поступаетъ потомъ „добавою къ страву“, или потребляется въ прикуску съ хлѣбомъ.

71. Рыбныя „сцюдини“ обязательно приготавливаются въ постные поминальные дни, или какъ запасное блюдо въ рождественскій и великій посты, когда подъ руками есть Богоданные холодильники—морозецъ, ледъ и снѣгъ. Въ приготвленіи и потребленіи рыбный „сцюдинь“ почти тотъ же, что и мясной, хотя рыба здѣсь не „цпрюшитца“, а сберегается цѣльною и захлаживается въ той же посудинѣ, въ которой варилаь.

72. Мелкая, часто сборная рыба, пзрубленная сѣчкою и для клейкости перемѣшанная съ мукой, даетъ извѣстныя „гальки“—рыбныя клецки. Въ „гальки“ поступаютъ почти всѣ части мелко-рыбицы, съ головою включительно; сюда же, въ тѣсто, кладется, почтенное количество луку и перцу,—что отчасти скрадываетъ горечь отъ неряшливо вынутой желчи и потроховъ. „Гальки“ предпочтительнѣе употребляются холодными, даже доведенными до „сцюдиня“; но онѣ одинаково лакомы и въ горячемъ состояніи, а потому почти всегда составляютъ „заѣдковое“ кушанье.

Сказанное о рыбныхъ приготвленіяхъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ есть озера, рѣки и свой рыбакъ. Множество семей знаетъ

рыбу одинъ разъ въ году—въ рождественскій сочельникъ, для котораго рыба заблаговременно покупается въ ближайшихъ городахъ и мѣстечкахъ и хранится иногда цѣлыя недѣли.

73. Въ короткій промежутокъ между 6 и 15 августа раза два-три готовится „париный“ горохъ и бобъ въ стручьяхъ. Эти послѣдніе собираются зелеными, складываются въ горшокъ, покрываются широкими листьями какого-нибудь огороднаго растенія, обливаются слегка водой и ставятся въ вольный духъ. Короткое время горшокъ стоитъ обыкновеннымъ образомъ, а потомъ переворачивается дномъ вверхъ. Когда горохъ, или бобъ „спаритца“, ему даютъ остынуть; на столъ онъ подается холоднымъ на „заѣдки“, при чемъ потребители ѣдятъ его, какъ спаржу, высосомъ не только зеренъ, но и стручковой мякоти, въ особенности гороховой.

V. Мыканина.

Подъ именемъ „мыканины“ разумѣется полужидкое, полугустое приготовленіе, предназначенное для моканья блиновъ „сочневъ“ и даже хлѣба, безъ которыхъ оно не употребляется и, слѣдовательно, не составляетъ самостоятельнаго кушанья. „Мыканинъ“ можетъ быть многое множество; но болѣе распространенными являются слѣдующія:

74. Скоромная „прижанна, прижѣнина, прижѣня“⁶⁷⁾. Она представляетъ соусъ, разведенный тонкою ржаною, овсяною, или даже пшеничною мукой, въ которомъ во множествѣ находятся кусочки свиного сала „скабки“, а въ подходящіе дни—цѣлыя кольца колбасъ. Все это вмѣщается въ плошку, или миску, заправляется лукомъ и перцемъ и подъ накрышкою ставится въ печь, при концѣстряпни. Тутъ „прижанна смягницъ“⁶⁸⁾ до подачи на столъ: она подается первою, немедленно послѣ раскладки блиновъ, или „сочневъ“, передъ каждымъ затрапезникомъ. Въ гостинныхъ случаяхъ, изрѣдка въ дни заговѣнья и разговѣнья заготавливаются

двѣ и три „латки прижаныны“, по одной на каждую ѣду; всѣ онѣ подаются на столъ жаркими.

Благодаря заботливому приготовленію, невозможному распару сала, „скабыкъ“ и колбасы, „прижанына“ даетъ пахъ, который царствуетъ надъ запахомъ другихъ кушаній и далеко до ѣды дразнить аппетитъ. „Прижанына“, какъ и составныя части ея, вымакивается, — какъ о томъ сказано будетъ ниже.

75. Постная „прижанына“ — тотъ же соусъ, иногда на селедочномъ разсолѣ, въ который помѣщается мелко искрошенная селедка, растертый картофель, или грибы. Эта „прижанына“ чаще бываетъ слегка кислою, употребляется и холодною, при чемъ прикрашивается ложкою постнаго масла, или коноплянымъ молокомъ.

76. „Мыканына бульбяныя“ бываетъ и скоромною и постною. Въ первомъ случаѣ растертый картофель разбавляется коровьимъ молокомъ, закрашивается то сметаною, то коровьимъ масломъ, иногда — разболтаннымъ яйцомъ; во второмъ же — коноплянымъ, или маковымъ молокомъ, селедочнымъ разсоломъ и ложкою-двумя постнаго масла. Эта „мыканына“ употребляется теплою и служитъ въ одной только первой ѣдѣ.

77. Молочная „мыканына“ готовится изъ свѣжаго растертаго творога, немного разбавленнаго сладкимъ молокомъ и сметаною. Эта „мыканына“, разумѣется, всегда холодная, немного присаливается. Но если есть нелюбители подсоленнаго молока, то для нихъ „мыканына“ отдѣляется въ особую миску, или же въ общейъ оставляется незасоленный уголокъ ея.

78. Исключительно на масляной недѣлѣ готовится „мыканына-сырница“ изъ крѣпкаго соленнаго творога, запасеннаго лѣтомъ. Если она подается теплою, то растертый творогъ разбавляется коровьимъ масломъ, холодною — тотъ же творогъ разводится сметаною.

79. Чисто сметанная „мыканіна“ доступна лишь наиболее зажиточнымъ домамъ, при большомъ молочномъ хозяйствѣ. Сметана тутъ подается и сырою и „оттоплиный“, при чемъ послѣдняя считается значительно выше первой.

80. „Топлёныя сало со сквѣркыми“ и безъ нихъ весьма рѣдко бываетъ „мыканійный“. Зато „топлёныя“ коровье масло рѣдко бываетъ ею, развѣ на масленицу, и то у наиболее достаточной семьи.

81. „Кынопельныи и мѣчныи мыканіны“ приготовляются изъ толченой конопли, или мака. Гуща разводится водою и присаливается по семейному вкусу, при чемъ изрѣдка дополняется растертымъ лукомъ. Впрочемъ, маковое приготовленіе дѣлается иногда и сладкимъ: гуща разводится сытой. Но это доступно состоятельнымъ семьямъ и пчеловодамъ.

82. Вполнѣ жалкою, является „мыканіна“ изъ сляццовый жѣжки“, называемой иногда „лякомъ“. Эта „мыканіна“, дешево покупаемая у селечныхъ торговцевъ, обыкновенно подается на столъ въ мискѣ въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ она вычерпана изъ сельдяной бочки,—въ бѣдномъ, а иногда и въ зажиточномъ домѣ. Небрезгливый простолюдинъ потребляетъ ее съ аппетитомъ, не уступающимъ аппетиту при ѣдѣ другихъ „мыканій“.

83. „Кулажныя мыканина“ является почти единственною, потребляемою при „заѣдкахъ“, тогда-какъ всѣ другія начинаютъ ѣду. Это происходитъ отъ того, что она не солится, а скорѣе прислащивается то медомъ, то сахаромъ. На „кулажную мыканину“ приходится смотрѣть, какъ на жидкую „кулагу“: и тамъ и здѣсь—одинъ и тотъ же матеріаль; да и потребляется она, подобно „кулаги“, теплою и холодною.

84. Жидкій медъ и дешевка-патока (мутный сиропъ) кое-когда являются „мыканійный“. Первый имѣетъ обязательное употребленіе у пчеловодовъ 1 авг., въ день памяти мучениковъ Мак-

Бавеевъ: медъ подается на „заѣдки“, при чемъ, вмѣсто блиновъ и хлѣба, омакиваемымъ предметомъ бываютъ свѣжіе огурцы ⁶⁹).

VI. Дыбавы, или дыклады.

85. Всѣ дополнительные къ кушаньямъ предметы называются „присма́кими и зыкрасы́ми“. Хотя оба понятія почти тождественны и хотя случается, что одинъ и тотъ же предметъ является то „присма́кимъ“, то „зыкрасы́й“, однако, въ житейскомъ употребленіи между ними существуетъ нѣкоторая разница, а именно: а) всѣ дополненія, отъ которыхъ кушанье становится вкуснѣе и питательнѣе, слѣдуетъ считать „присма́кими“, напримѣръ: мясо, сало, рыбу, грибы, картофель, лукъ и перецъ; б) „зыкраса“ скорѣе видоизмѣняетъ внѣшній видъ кушанья, хотя и не остается безъ вліянія на его вкусъ, составляя часто необходимую часть кушанья, какъ-то: соль и молоко въ супахъ, „зыколота“—въ „капустѣ“, „цѣскыныя бульба“—въ „крупени“, ради „путрянысци“ и проч.

86. Въ близкомъ родствѣ съ приведенными дополненіями состоитъ „волога“—жидкій жиръ, масло скоромное и постное, сало, молоко изъ толченой конопли, сметана, для удобренія густыхъ, по преимуществу, кушаній: каши, киселя, клецокъ, кулеша и др. „Волога“ помѣщается въ кушанье по окончательномъ изготовленіи его, часто уже за ѣдой, и касается только той миски, изъ которой предстоитъ ѣсть. Нерѣдко случается, что каша, напр., удобренная „вологы́й“ и на половину съѣденная, по требованію семьи, еще „шдывлѣживынтца“ при „доѣдкахъ“.

87. Весьма часто скоромною „вологы́й“ являются „скварки“ или „шкварки“—вытопки внутренняго свиного, говяжьяго, овечьяго и гусиного сала—въ кисломъ, прѣсномъ, густомъ и жидкомъ кушаньи. Кромѣ того „скварки“—потребляются въ прикуску съ хлѣбомъ,—что составляетъ случайное кушанье, или служатъ просто лакомствомъ и для дѣтей, и для взрослыхъ, когда поѣдаются голикомъ. Въ отдѣльных случаяхъ „скварки“ оставляются въ соляной „мыканіи“,

откуда извлекаются подобно другимъ твердымъ частямъ ея (см. ниже гл. XII).

88. Гдѣ только производится стряпня, тамъ долженъ быть такъ называемый „приваръ, приварыкъ“—что составляетъ: крупу всѣхъ родовъ и муку—пшеничную, ячменную, овсяную, гречневую, гороховую, бобовую, которая поэтому и называется „приварковый“. Обиліе „приваркывъ“ и возможное чрезъ то столовое разнообразіе ставятъ хозяйство на завидную высоту.

89. Сальные и, въ особенности, мясные консервы извѣстны подъ общимъ названіемъ „скырымяцины“. Смотря по частямъ, „скырымяцина“ бываетъ: а) „окарыкъ“—шея животнаго, б) „лытка“—стегно его, в) „кумпякъ“, или „кунпякъ“—то же стегно, округленное, съ отдѣленною костью, или просто увѣсистый кусокъ филея,—г) „скабки“ (шкабки. шкабырцины)—позвонковыя и реберныя части въ порціяхъ, д) „королевьи мысы“ (по иному произношенію—носы)—колѣнная часть съ хрящами и сухожильемъ и е) „ноги“—голенн животнаго. „Лытка и кунпякъ“, вывѣтренные и даже выкопченные, называются „вындланный“. Въ послѣднемъ видѣ мясо употребляется въ Пасху, отваривается въ дорогу.

90. Замѣтною „дыбавый“ въ постные дни служатъ „малюшки“ и въ прѣсномъ, и въ кисломъ кушаньи. Эта сушеная мелко-рыбца весьма дешева, а потому доступна почти во всякомъ хозяйствѣ. „Малюшки“ помѣщаются въ кушанье въ слишкомъ скромномъ размѣрѣ, и ихъ правильнѣе причисляютъ къ „присмакымъ“.

VII. Ласоники и пыласунки.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно множество съѣдобныхъ предметовъ, относящихся къ категоріи лакомствъ, такъ или иначе доступныхъ простолюдину. Какъ и подобаетъ, „ласоники и пыласунки“ не есть специальная пища, т. е. они не служатъ питаніемъ,

а только лакомятъ потребителя, какъ кремъ, десертъ. Въ этомъ смыслѣ „ласѣниками“ можно назвать нѣкоторыя заѣдковыя кушанья, особенно, подслащенные, какъ фрукты, плоды, ягоды, находящіеся подъ руками и составляющіе мѣстное производство. Но это слишкомъ обыденно, почти всегда и у всякаго можетъ быть и въ рукахъ, и въ зубахъ. Поэтому „ласѣники“ будутъ тѣ только съѣдобныя предметы, которые пришли извнѣ, издали, и въ текущемъ быту не попадаютъ; по большей части, потребление ихъ ограничивается покушкою, пробою. Сюда слѣдуетъ причислить предметы изъ городовъ, мѣстечекъ, ярмарокъ, пріобрѣтенныя покупкою, или чрезъ родственныя руки лакействующей и вообще прислужной братіи доставленные изъ помѣщичьяго и священническаго дома.

91. Пирогъ—бѣлый развѣсной хлѣбъ, покупаемый у базарныхъ торговцевъ, или сгибень-калачъ, окончательно исчезающій съ мѣстныхъ базаровъ. Какъ извѣстно, тотъ и другой хлѣбъ совершенно постные, слегка подсоленные.

92. „Кухынь“—пшеничная лепешка овалъной съ заостренными концами формы, достаточно извѣстная жителямъ Витебска, гдѣ „кухановыя“ производство пока-что не увяло. „Кухыны“ попадаютъ: а) простые, безъ посыпки тѣста,—б) съ чернушками, когда верхняя сторона посыпана ими,—в) съ конопелькой, когда одна, или обѣ стороны посыпаны ошелушенной коноплей,—г) тѣсто „кухына“ на скоромномъ и на постномъ маслѣ и—д) съ яицами—хрупкіе, рассыпчатые. Неизмѣнно, съ давнихъ поръ, копецкая цѣна „кухына“ вошла въ мѣстную поговорку.

93. Въ той же почти разновидности по приготовленію тѣста пріобрѣтаются „обаранки“ опять же достаточно извѣстныя въ губерніи 70). Баранки бываютъ: постныя, на маслѣ, яицахъ, съ чернушками, съ макомъ.

94. „Бубашки, или бублики“ — известные черепенники, приготовляемые постными, слегка подсоленными, но безъ всякихъ добавленій.

95. „Ситникъ, ситница“ — полубѣлый, ситный хлѣбъ съ тминомъ, или чернушками, подобно „пирогу“, покупаемый у базарныхъ торговцевъ.

96. „Перьники“, или „пыпраники“ — медовые пряники, а въ болѣе роскошныхъ случаяхъ — известныя вяземскія коврижки, или подобіе ихъ, мѣстный поддѣлокъ.

97. Мелкіе пряники ярко-бѣлаго и розоваго цвѣта, съ легкимъ запахомъ мяты, во множествѣ раскупаемые на „бирма-шахъ“.

98. „Маковники и инбирники“ — слащавое приготовленіе то изъ мака, то изъ имбиря, въ ромбоидальной формѣ, при незначительной толщинѣ маковой и имбирной пластинки.

99. „Гугыль“ и „смажѣныя рѣдька“ — исключительно еврейское и для евреевъ приготовленіе. Какъ известно, первый есть соединеніе мелкихъ пшеничныхъ шариковъ, переваренныхъ въ меду, или сиропѣ, а вторая — шинкованная рѣдька съ пряностями, поджаренная въ меду.

100. „Солодкіи струки“ — известный плодъ, дешево покупаемый въ бакалейныхъ лавкахъ, на лоткахъ и въ ярмарочныхъ палаткахъ.

101. „Цукѣрки“ ⁷¹⁾ различныхъ видовъ и цѣнности, приобретаемыя тамъ же.

102. „Фиги“ (винныя ягоды), „разынки“ (изюмъ), „мигдаль“ (миндаль), черносливъ, „лоскіи“ орѣхи изрѣдка попадаютъ въ мѣстные „пыласунки“.

103. Слѣдуетъ упомянуть еще о „мочѣныхъ дүлихъ“ ⁷²⁾, купавшихся весьма дешево (на 1 коп. 5 штукъ) въ рядахъ съ фруктами и на ярмарочныхъ столикахъ.

104. Кусочекъ, даже огрызокъ сахару, иногда загрязнившійся въ карманѣ вторичнаго, или третичнаго хозяина, запачканный мухами, а также недоѣдокъ пирожнаго, въ видѣ „пыласунка“, переходили изъ чертоговъ въ курныя хатки.

Перечисленнымъ далеко не исчерпывается „пыласункывый“ матеріаль: что не пріобрѣтается за деньги, то поступаетъ въ домъ ивною, прибавкою къ торговой сдѣлкѣ, или подаркомъ. Такимъ образомъ „ласоники и пыласунки“ мелькаютъ въ домѣ, въ рукахъ простолюдина, тѣмъ болѣе, что всякій прибывшій изъ города и ивстечка обязательно привозитъ какой-нибудь съѣдобный „гостинецъ“, а возвратившійся съ „кирмаша“ доставляетъ „кирмашевыя“⁷³).

Но „ласоники и пыласунки“, по большей части, преподносимые на „покушку“, доставляютъ скорѣе нравственное удовлетвореніе: удовлетворена любознательность по отношенію къ лакомому предмету, удовлетворено и то чувство, по которому не забыть дателемъ свой, близкій человекъ. Неустающая потребность физическаго питанія не удовлетворяется этимъ, а требуетъ хлѣба и кушаній; поэтому, вскорѣ же послѣ тѣхъ и другихъ „ласоникывъ“ приходится сноситься съ неизмѣннымъ кормильцемъ— „хлѣбушкый насучнымъ“. Умѣстно будетъ обратиться къ нему же съ дополнительнымъ словомъ бытописателя и снова поговорить о хлѣбѣ, какимъ онъ бываетъ отъ затора въ квашнѣ до исчезновенія во рту потребителя.

VIII. Хлѣбъ въ печенки и употребленіи.

Каковъ ни былъ бы по свойству муки предполагаемый хлѣбъ—чистый, градовый, пушнэй, половэй, бульбянэй, мякинный—хлѣбная основа, подъ именемъ „утворы“, имѣетъ преобладающее количество ржаной муки, именно потому, что она скорѣе даетъ правильную „кисиль“ тѣсту. Если квашня исправна, пришлась по дому и постряпухѣ, „утвора, или учина“, дѣлается часовъ за

10—12 передъ печеньемъ хлѣбовъ,—что происходитъ послѣ полудня, отъ 3—8 час. вечера ⁷⁴). Нѣкоторыя причуды квашни требуютъ: а) чтобы она установлена была на одежную подстилку—шубу, армякъ, балахонъ; б) чтобы слегка теплая вода пропускалась въ нее чрезъ рѣшето, а въ крайнемъ случаѣ—чрезъ ладонь и пальцы лѣвой руки стряпухи; в) чтобы „учинныя“ мука высыпалась руками стряпухи; г) чтобы „утвора“ ⁷⁵) взбалтывалась специальной колотовкою, которая должна оставаться въ ней, и д) чтобы квашня была прикрыта опять же верхнею одеждою, въ такомъ расчетѣ: если подъ квашней женская одежда, на квашнѣ должна быть мужская, и наоборотъ. Тѣ же причуды квашни требуютъ, чтобы она занимала неизмѣнное мѣсто отъ „утворы до замѣсы“ и чтобы съ нею во все время, до выскреба тѣста, вѣдалось одно лицо.

Къ утру, часа за два до печенья хлѣбовъ, „утвора“ даетъ „расчѣну“—вскисшее жидкое тѣсто. Тогда квашня съ подстилкою и покрывкою перемѣщается на лавку, скамью, или на специальный „крижъ“: тутъ совершается „замѣса“ тѣста, т. е. сгущеніе его надбавочною мукой и ручнымъ обстоятельнымъ мѣсивомъ. Послѣ этого тѣсто „подходиць“, и квашня остается въ покоѣ до приготовленія печи къ посадкѣ хлѣбовъ.

Каждая мѣстная „булка“ печется въ 8—20 ф., за исключеніемъ прѣсняковъ и „поскробыша“,—что зависитъ отъ семейныхъ привычекъ; отъ тѣхъ же привычекъ зависитъ и форма „булки“—совершенно круглая и овальная ⁷⁶). Снаровка стряпухи позволяетъ ей брать для „булки“ почти безошибочное количество тѣста, которое она перекинетъ надъ квашней нѣсколько разъ съ руки на руку и опускаетъ на лопату. Послѣдняя обязательно имѣетъ „подсыпку“, или „подсцѣлку“: первую бываютъ различныя отруби, даже мякина—овсяная, гречневая, а второю—широкіе листья нѣкоторыхъ овощей, листья клена ⁷⁷), айра. На лопатѣ „булка“ получаетъ надлежащую выправку въ формѣ, при чемъ поверхность

ея выглаживается мокрыми руками той же стряпухи; въ послѣднемъ видѣ „булка“ поступаетъ въ печь.

За послѣднимъ хлѣбомъ печь закрывается заслоною; но стряпуха слегка отскребаётъ оставшееся на стѣнкахъ и днѣ тѣсто, изъ котораго лѣпится „поскробышъ“. Вѣсъ и величина его случайныя, но потребители—всегда дѣти ⁷⁸).

Маленькій кусочекъ „поскробывыго“ тѣста съ руки бросается въ уголь квашни, для удержанія „кисили“; туда же помѣщается колотовка, и квашня устанавливается на свое обычное мѣсто въ избѣ, сѣняхъ, клѣти, на легкой подстилкѣ и съ такою же покрышкою.

Вынутые изъ печи хлѣбы немедленно же, по нѣскольку разъ, „отмачиваются“ холодною водою и покрываются холстиною, или легкою одеждою, до окончательнаго охлажденія. Если хозяйственная необходимость заставитъ употребить жаркій хлѣбъ, пока остальные находятся въ печи, или еще не остыли, такой хлѣбъ не принято разрѣзывать ножомъ, а нужно раздроблять ложечной рукояткою, или ломать, иначе не задастся остальной хлѣбъ. Только вполне остывшій хлѣбъ подпадаетъ подъ ножъ. Но тутъ каждая отдѣльная часть хлѣба является единицею и съ незначительною натяжкою можетъ быть подведена подъ бытописательскую нумеровку.

105. Подносимый на столъ хлѣбъ имѣетъ слѣдующія названія: булка, бѣкытка и бѣкотка, бѣхынь. Какъ сказано выше, вѣсъ отдѣльнаго хлѣба колеблется между 8—20 ф.; наибольшая срединная высота его бываетъ отъ 3—5 вершковъ, при діаметрѣ въ 7—10 в. (въ кругломъ хлѣбѣ). Сооруженіе увѣсистыхъ хлѣбовъ обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что они не такъ скоро плѣсневѣютъ, даютъ больше мякиша, вкуснѣе мелкобѣсныхъ, подобно тому, какъ бушанье изъ большого горшка вкуснѣе кушанья изъ ма- лаго.

106. Тотъ, на чьей обязанности лежитъ „хлѣборѣзъ“, прикладываетъ хлѣбъ къ лѣвой сторонѣ груди ребромъ, выпуклостью къ правой рукѣ, и, держа въ послѣдней ножъ, перекрещиваетъ вершину „бѣхына“ и отрѣзаетъ „покрѣмку“, или „горбушку, горбыль“. Послѣдній кладется крѣпкозубымъ дѣтямъ и возрастнымъ. Если же „покрѣмка“ кладется передъ замужнею женщиной, то обыкновенно шутливо приговаривается: „вотъ табѣ крѣмка на Хомку“ (Оома—сынъ). У малозубыхъ и лакомокъ она дѣлается „моченикомъ“, подобно коркамъ и засохшимъ кускамъ.

107. Дальнѣйшія хлѣбныя порціи называются „лустыми, лусткыми и скѣбкыми“, примѣнительно къ семейнымъ и индивидуальнымъ привычкамъ. Первая есть порція отъ середины хлѣба къ его краю, гдѣ онъ значительно толще, а вторыя прогоняются отъ края въ край хлѣба и вездѣ имѣютъ равномерную толщину. „Скѣбки“ чаще всего имѣютъ мѣсто при ѣдѣ въ „сухымятку“⁷⁹⁾, когда онѣ посыпаются солью, или когда хотятъ получить „пражинный хлѣбъ“.

108. Какъ бы ни былъ незначителенъ хлѣбный отрѣзъ, остатокъ хлѣба называется „краюхый, краюшкый“. Впрочемъ, это названіе правильнѣе примѣняется къ остатку половинной части цѣльнаго хлѣба.

109. Остатокъ разрѣзываемаго хлѣба называется „окраѣйкымъ“. Часто не превышая величины „покрѣмка“, онъ имѣетъ одинаковое съ нимъ мѣсто и употребленіе, при чемъ, при подачѣ его многодѣтнымъ, шутливо желаютъ, „кабъ бывъ окраѣйчикъ!“⁸⁰⁾.

110. Обычай требуетъ, чтобы хлѣбная порція, какъ и надбавка къ ней, съѣдалась вся, до подбора крошекъ включительно. Но разныя случайности заставляютъ иногда покидать недоѣдки, которые подъ именемъ „кувалычкывъ, кусаней, кусаникывъ“, съ ясными слѣдами зубовъ на послѣднихъ, вмѣстѣ съ крошками, собираются въ отдѣльную миску, корытце, рѣшето уже при уборкѣ

стола послѣ ѣды. Эти „кувалки и кусаники“ имѣютъ потомъ многостороннее употребленіе: лучшая часть ихъ подается дѣтямъ при неочередной ѣдѣ; ихъ потребляютъ возрастные при „хлѹски“, въ „моченикахъ“; они подаются незначительнымъ нищимъ, любимымъ животнымъ, для отманки и приманки собаки, или поступаютъ въ квасникъ.

111. Отдѣльные потребители кое гдѣ раздробляютъ хлѣбную порцію на кусочки, „какъ въ ротъ взять“, называемые „глыманями“, „глыманьими“ или „глытанями, глытаньими“. Общій обычай стоитъ, однако, противъ „глыманевъ“, потому что тутъ отдѣляется немало крошекъ, кои, по меньшей мѣрѣ, нежелательны.

112. Всегда и вездѣ почтительное отношеніе простолюдина къ хлѣбу-кормильцу исключаетъ всякую возможность швырять его, или лѣпить хлѣбныя „катэлки“ ⁸¹⁾. Къ тому въ раннемъ возрастѣ приучаются и дѣти: въ играхъ, при осязательномъ недоразумѣніи, вызвавшемъ драку, они откладываютъ хлѣбъ въ сторону и, управившись съ противникомъ, почтительно берутъ его въ руки для ѣды... Но есть неизбежные случаи непочтительнаго, повидимому, отношенія къ хлѣбу—перебросъ хлѣбнаго куска черезъ домъ при пожарѣ ⁸²⁾, поджариванье его на пламени при насморкѣ ⁸³⁾, вырѣзка разныхъ фигуръ изъ корокъ, для лѣкарственныхъ, чародѣйскихъ цѣлей, приготовленіе изъ мякиша шариковъ, при подачѣ скоту съ какимъ-нибудь снадобьемъ; наконецъ, приставшій къ ножу хлѣбъ отскребается, мнется подолгу въ шарики, обыкновенно подаваемые при изжогѣ. Но такое употребленіе хлѣбныхъ частей имѣетъ отдѣльную подкладку, часто суевѣрныя причины и цѣли, далеко отступающія отъ непочтительности къ кормильцу и вообще легкомысленнаго отношенія къ нему.

IX. Существенныя требованія стряпни.

Общежитейское положеніе удостовѣряетъ, что производитель есть наиболѣе тонкій оцѣнщикъ личнаго производства. И перво-

труженикъ „насучныго“ умѣеть цѣнить то, надъ чѣмъ онъ потратилъ время и силы. Неудивительно поэтому, что на току, въ амбарѣ, при мелевѣ, часто единичное зерно поднимается и бросается въ кучу, въ мѣшокъ, въ рукавъ жернова,—что пролитая на землю капелька крови убойнаго животнаго вызываетъ нѣкоторое сожалѣніе,—что кусочекъ сала, или мяса, отпавшіе при „чвартѳвцы“⁸⁴), считаются сгубою“ и немедленно подбираются. Та же поразительная бережливость въ отношеніи пищевыхъ предметовъ видна и въ стряпнѣ: иногда будетъ поднята упавшая крупинка, соляной кристалликъ, тщательно подобранъ нюшокъ просыпанной муки и проч. Все это граничило бы съ безпримѣрною скаредностью, если бы тутъ не выражалось идейнаго почитанія дара Божія, понесенныхъ на пріемъ его трудовъ и усилій. Что послѣднее справедливо, можно видѣть изъ того, что поднимающій отдѣльное зерно и крупинку не останавливается, напр., въ щедрой подачѣ зернового хлѣба и круцы, когда то приходится сдѣлать во имя Христова, или по другимъ житейскимъ обязательствамъ. Съ такимъ предварительнымъ взглядомъ приходится смотрѣть на мѣстную стряпню, бережливѣе веденіе которой, безъ ущерба дѣлу, могло бы послужить примѣромъ и не для сельской кухни.

Если нужна мука не требуетъ просѣва, она поступаетъ въ приготовленіе въ неприкосновенномъ видѣ, въ размѣрахъ, не превышающихъ потребности, для чего существуетъ та или другая условная мѣра—четверикъ, „лубка“, миска, ковшъ, ложка. Если же мука требуетъ просѣва, то онъ будетъ сдѣланъ начисто: оставшіеся на рѣшетѣ комья перетрутся руками, въ свою очередь, просѣются, и только невозможные изъ нихъ останутся при высѣвкахъ, которыя пойдутъ то на лепешки въ квасникъ, то на удобреніе свиной „мѣшинки“, то на „куриное тѣсто“, то въ телячій кулешъ⁸⁵). Разбиваемое, напр., блинное тѣсто не расплескивается въ „блинницѣ“, а неизбѣжный натекъ его къ той и другой сторонѣ немедленно исправляется ложкой, пальцемъ. Та же бережли-

вость не позволяет пролить на сторону одной капли вычерпываемаго блиннаго тѣста: капля можетъ задержаться развѣ на сковородномъ борту; но тутъ она сливается и запекается съ блиномъ. Когда тѣсто вычерпано до дна, „блинница“ сейчасъ же выноласкивается, при чемъ, первичные помои идутъ на „зыколоту“, а вторичные и третичные—на удобреніе и приправу свиной „мѣшинки“, или ими пополняется квасникъ, „ныливайтца квасъ“. Квашня не подвергается подобной мойкѣ, чтобы оставить „кисиль“^{*)}, и дѣло ограничивается только легкимъ отскребомъ тѣста отъ стѣнокъ и коло-товки. Зато отскребъ отъ лопаты, вода, которою заглаживались хлѣбы и въ которой потомъ вымывались руки стряпухи, вмѣстѣ съ остатками подсыпки обязательно идутъ въ „мѣшинку“, а не выливаются въ грязные помои.

Какъ извѣстно, единственною покупною круцой бываетъ гречневая, да изрѣдка—просовая. Та и другая крупа не имѣетъ мучнистыхъ осажденій, подобно ячменной, а потому она кое-какъ и кое-когда смывается передъ вареніемъ, тѣмъ болѣе, что такая крупа прошла немало Богъ вѣсть какихъ рукъ. Съ крупой ячменной и перловой, приготовленной дома и заранѣе разсортированной („цалковьи, драныи крупы, пыдпадѣрупье“), подобной перемывки не дѣлается, потому что чрезъ это утрачивается цѣнное на крупѣ мучнистое осажденіе; вода же, особенно при кипѣньи, вынесетъ на верхъ случайно оставшіяся мякинные и отрубныя частицы, которыя, безъ малаго ущерба кушанью, могутъ быть сняты при „шумовли“. Такимъ образомъ крупа поступаетъ въ горшокъ и кушанье почти въ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ она находилась въ крупохранищѣ.

Въ связи съ этимъ стоитъ невозможный разваръ кушаній, при чемъ крупу трудно бываетъ узнать, какъ и помещенный туда картофель, который въ упрямыхъ случаяхъ даже растирается; мясо же и сало распадаются на кусочки. Кромѣ продолжительнаго варенія, по возможности, подъ крышкой, цѣль развара дости-

гается тѣмъ, что въ горшокъ сразу укладываются всѣ части предположеннаго кушанья; только тогда послѣдній наливается водой и приставляется въ печь. Когда кушанье готовится со скоромью, или даже и съ постными „дыбавыми“, первый „сплывъ“ его въ печи еще нѣсколько терпимъ—не нужно будетъ „шумываць“; но послѣдующіе „сплывы“ внимательно предупреждаются и самая „шумовля“ останавливается. Когда же „печь загребется °7) и заслонится“, кушанье стоитъ въ ней подъ накрышкой до опорожненія горшка. Отъ всего этого кушанье пріобрѣтаетъ желанную густоту; при недостаткѣ же послѣдней, она создается искусственно: въ ячменный, напр., супъ добавляется немного ячменной муки, въ гречневый—гречневой.

Простолюдинъ никогда не забываетъ, что „густая каша дѣтей не разгоняетъ“, а потому на столѣ его появляется именно „густая каша“. Густота, распаръ и желанный вкусъ ея достигаются слѣдующими усилями: когда крупа отчасти распарится и на сгустившейся кашѣ станетъ прочная корка, горшокъ перевертывается въ печи вверхъ дномъ. Такимъ онъ остается до времени потребленія каши, чему предшествуетъ отмачиванье горшка холодною водой, чтобы каша свободнѣе отстала отъ горшечныхъ стѣнокъ.—Каша рѣдко потребляется холодною—съ постнымъ масломъ, коноплянымъ и коровьимъ молокомъ, съ сытою; если же она предназначена для ѣды съ коровьимъ масломъ, или жидкимъ саломъ, то держится все время въ печи и къ послѣдней ѣдѣ густѣетъ до крайней возможности.

Такъ называемыя „пираничныя стравы“ почитаются лакомыми, и за ними гоняется большинство семьянъ. Къ сожалѣнію, отъ текущихъ дневныхъ кушаній остаются къ другому дню слишкомъ скромные недоѣдки; все-таки они бережливо отогрѣваются и на другой день подаются на „покушку“, безъ всякихъ новыхъ дополненій.—Скоромныя „пираничныя стравы“ на самомъ дѣлѣ слишкомъ хороши и даже лакомы.

Картофельнымъ изготовленіямъ предшествуетъ чистка картофеля, которая подъ повсюднымъ терминомъ „скресь бѹльбу“ составляетъ почтенный отдѣлъ трудовъ стряпухи. Здѣсь картофельная кожица отскребається концомъ ножа; имъ же бережливо высверливаются душлистыя части картофеля. Такой трудъ довольно медленень и кропотливъ: гарнецъ картофеля, напр., можетъ быть очищенъ однѣми руками болѣе, чѣмъ въ часъ; за то здѣсь берегается добрая четверть его. Въ тѣхъ же видахъ несуповой картофель отваривается, „лупится“ въ ручную, при помощи ногтей, и тогда только мнется. Остающіеся „отскрѣбы и лупины“, бережно собираемые въ кучи, поступаютъ потомъ на удобреніе свиной „мѣшинки“.

Сырой молодой картофель не требуетъ „скрѣбки“, потому что нѣжная кожица его почти совершенно отстаетъ при обмываньи, особенно, если помѣшать предварительно ^{8°}) палкою въ посудинѣ, въ которой онъ вымывается. Тутъ получатся сырые „лупины“, которыя поступаютъ по принадлежности, а очищенный картофель только и теряетъ ихъ.

Облупливанье при помощи ножа дѣлается только надъ брювою, рѣпою и тыквой; остальные овощи „скрябутца“, подобно картофелю. Эти „лупины“ отпариваются и поступаютъ въ „мѣшинку“, или, удобренные „поспый“, даются тому и другому домашнему животному, какъ отдѣльный кормъ,—что обыкновенно въ изобиліи бываетъ во дни приготовленія „капусты“ на зиму.

Чисто молочныя „стравы“ не имѣютъ мѣста, потому что молоко, по возможности, берегается на творогъ, масло и сыворотку, или потребляется сырымъ. Подъ именемъ „бялёныхъ, забѣлиныхъ“ онѣ приготовляются только въ наиболѣе молочную пору, при чемъ кушанье буквально бѣлится, т. е. заливается незначительною долей молока. „Бялёными стравами“ бываютъ: ячменный, перловый и гречневый супъ, картофельный, брюквенный, морковный

взваръ и лапша. Всѣ онѣ готовятся вполне постными до полного перевара и заливаются молокомъ послѣ кипѣнья, а въ наиболѣе бережливыхъ случаяхъ—при самой подачѣ кушанья на столъ.

Такъ какъ исключительнымъ матеріаломъ стряпни являются растительные предметы, то во всѣ кушанья входитъ очень много соли. На непривычный вкусъ такія кушанья приторны изъ-за пересола; но въ этомъ, повидимому, и сказывается особенное достоинство ихъ: послѣ ѣды обильно пьется, чрезъ что, между прочимъ, не упадаетъ животъ... Той же обильной солки не лишены и „бялёныи стравы“.

Рыбныя приготовленія не могутъ похвастаться особенно приманчивыми: мелкая, напр., рыба совершенно не чистится и не потрошится. Давая желчную и кишечную горечь, такая рыба даетъ въ то же время довольно крѣпкую уху, помогающую скорѣйшему захлаживанью рыбнаго приготовленія,—что важно для образованія „сцюдиня“; горечь же можетъ подавляться обильнымъ дополненіемъ лука и перца. Что касается шелушныхъ нечистотъ, то небрезгливые потребители примиряются съ ними гораздо скорѣе, чѣмъ съ кишечными нечистотами.—Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что лукъ и перецъ, даже „струковѣй“, входятъ во многія кушанья, при чемъ, за неимѣніемъ настоящаго перца, послѣдній удобно замѣняется „дикимъ перцемъ“, приземистымъ трилистнымъ растеніемъ чернолѣсья, дающимъ нѣкоторое подобіе перечной горечи, запаха и вкуса.

При значительномъ составѣ семьи, когда приходится имѣть дѣло съ ведерными и болѣе горшками, послѣдніе вкатываются въ печь и вынимаются оттуда при помощи особаго валька, чрезъ что облегчается подъемъ грузныхъ горшковъ. Но и при такомъ вспоможеніи все-таки трудно и опасно перемѣщать горшки: въ виду этого послѣдніе сразу, до конца стряпни, устанавливаются въ печи на опредѣленные мѣста. Въ размѣщеніи горшковъ по отношенію къ огню, въ подгребѣ къ нимъ и отгребѣ угольевъ, въ отливѣ и

доливъ каждаго горшка, періодическомъ мѣшаньѣ того и другого кушанья, — что продѣлывается на значительномъ разстояніи ⁸⁹⁾ — таятся почтенная сноровка стряпухи, у которой не „сплывецъ горшочекъ“ даже и тогда, когда „печка топится у рызвалку“ ⁹⁰⁾.

Если главные горшки остаются въ печи неподвижными отъ начала до конца стряпни, то вспомогательные къ нимъ меньшіе удобно могли бы перемѣщаться. На самомъ дѣлѣ и эти горшки передвигаются только тогда, когда изъ-за нихъ трудно, напр., долить и отлить большой горшочекъ, или пригрести къ нему и отгрести уголья. За исключеніемъ указанныхъ случаевъ, вспомогательные горшки не разстаются съ нечью, подобно основнымъ, — что подтверждаетъ увѣреніе стряпухъ, будто цѣльность вкуса, чистота кушанья и правильный разваръ его только и могутъ достигаться непрерывнымъ нахожденіемъ горшка въ печи во все время стряпни.

Къ похвальнымъ сторонамъ стряпного дѣла необходимо отнести довольно частое умыванье рукъ стряпухи, а также и то, что всякая стряпная посуда обязательно ополаскивается водою даже и тогда, когда она была вымыта раньше. Къ сожалѣнію, посудная мойка и, ближайшимъ образомъ — горшочекъ производится спѣшно, точно надоѣвшая обрядность, при чемъ они высыхаютъ отъ мокроты въ печи, или на лавкѣ, въ „горшечномъ углу“. Оттого на стѣнкахъ горшочковъ остаются „прилипы“, которые не даютъ цѣльнаго вкуса новому кушанью, или помогаютъ проквасу его. Столовая посуда нѣсколько счастливѣе: миски и ложки не только вымываются, но и вытираются, что въ значительной мѣрѣ уничтожаетъ „прилипы“. Зато частое употребленіе и мытье деревянныхъ, напр., мисокъ и ложекъ даетъ послѣднимъ безсмѣнную влажность, отъ которой онѣ кваснѣютъ и пріобрѣтаютъ специфическій запахъ, такъ легко отличаемый въ „горшечномъ углу“.

Таковы въ главныхъ чертахъ существенныя требованія стряпни. Къ сему можно прибавить развѣ то, что каждое кушанье, по

крайней мѣрѣ, „стравы и варивы“ готовятся не въ обрѣзъ, а съ запасцемъ, на случай прибытія сторонняго лица—гостя, путника, нищаго,—или на случай неожиданнаго расширенія семейнаго аппетита. И дѣйствительно, часто является непонятнымъ, почему одна и та же семья, при одинаковыхъ трудовыхъ условіяхъ и при однообразно-точныхъ срокахъ ѣды, въ иной день приѣдаетъ всѣ изготовленія дочиства и непрочь-бы отъ „подбавки“, тогда-какъ въ другой день отъ каждаго кушанья получаютъ остатки, которые идутъ „у пираничныи стравы“. Это обстоятельство не ускользаетъ, однако, отъ „цямьыго“ ⁹¹⁾ простолюдина и поясняется такъ: если за ужиномъ всѣ кушанья потреблены безъ остатка, на другой день слѣдуетъ ожидать вѣдреной погоды, получились остатки—погода будетъ ненастная... ⁹²⁾.

Х. Стряпуха.

Очень возможно, что сдѣланное перечисленіе кушаній заставить предполагать, что описываемый столъ содержателенъ въ количественномъ такъ же, какъ и качественномъ отношеніи и что кухонныя производства достаточно разнообразны. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—поможетъ отвѣтить болѣе тѣсное ознакомленіе съ простонароднымъ житьемъ-бытьемъ середоваго дома въ будничныи, святочныи и гостиныи день, по крайней мѣрѣ, тогда лаконическимъ „да и нѣтъ“ не придется отвѣчать. Но скромнень ли, пышенъ ли, разнообразенъ ли будетъ столъ такого дома, или спустился онъ до поражающаго убожества въ домѣ бѣдняка—тамъ и здѣсь выдѣляется неустанныи трудъ и неосцѣняемая по достоинству хлопотливость семейной стряпухи. И не со вчерашняго дня повелось такъ, а съ того затерявшася въ сѣдой дали времени, когда послѣдовало раздѣленіе труда на мужской и женскій, и на которое имѣются лишь смутныя указанія въ произведеніяхъ народнаго творчества—сказкахъ и пѣсняхъ, болѣе опредѣленныя—въ

пословицахъ и поговоркахъ и совершенно шаткія—въ влочкахъ уцѣлѣвшей обрядности. Что же они говорятъ? Сказка лаконически передаетъ: баба пекла, баба варила, баба подала и при этомъ совершенно умалчиваетъ, сколько времени потрачено бабой, чтобы приготовить печенье да вареніе, сколько предварительныхъ трудовъ, хлопотъ и лишеній понесено, пока, наконецъ, она не исполнила своей работы. Тутъ приходится только опереться на слова прісказки, утверждающей, что „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается...“ Ничуть не больше того говоритъ и пѣсня. Стоитъ припомнить, ну, хотя пѣсенныя выпрашиванья волочебниковъ ⁹³⁾ за поздравительный трудъ, гдѣ, между прочимъ, они говорятъ:

„А въ пячѣ пырыся рыскырачылыся—⁹⁴⁾

Ѣсь ягѣ намъ нызначылыся!..“ ⁹⁵⁾

И здѣсь полное умолчаніе о томъ, какими заботами и трудами обставлено было воспитаніе „поросѣ“, убой его, потрошенье, чистка, начиниванье, жариванье: все это приходится возстановлять въ памятованіи по условнымъ пріемамъ житейской практики; какъ гости, волочебники только знаютъ „рыскырачныя пырыся въ пячѣ“ и не признаютъ даже за трудъ подачу его... Знакомые съ многочисленными пословицами и поговорками, относящимися къ стряпнѣ и лично къ стряпухѣ ⁹⁶⁾, не могутъ отрицать, что труды и хлопоты послѣдней не только не выставляются напоказъ, какъ заслуга передъ семьей, а напротивъ подлежатъ полунасмѣшливому пересуду и считаются трудами послѣдней важности: „съ вочергой—не съ сохой!“—говорятъ обыкновенно при сравненіи трудовъ стряпухи съ трудами пахаря. А между тѣмъ житейская практика обставляетъ работу стряпухи многими и многими требованіями, пріуроченными къ стряпному углу. Зайти да посмотрѣть бы въ этотъ несовсѣмъ почетный уголь!..

Грязна, напр., рубашка, на бѣльѣ и одеждѣ дырѣя, засоренъ до крайности ноль, помутнѣли отъ копоти и мухъ стекла, виситъ

ли по всему потолку и въ углахъ густая паутина, или подоспѣтъ другая подходящая неисправность—со всѣмъ такимъ нестроениемъ мѣряется семьяне; но не останется незамѣченнымъ запоздалое приготовленіе ѣды, недостача кушанья, недоваръ, переваръ, проквасъ, охлажденіе его, „сплывъ“ жира, случайный уголекъ, соломинка, прутякъ и нитка, незамѣченное въ картофелѣ дупло, нечисто вымытая, недостаточно вытертая ложка и многое другое. За все это ложится отвѣтственность на стряпуху, которая тутъ же выслушиваетъ то прямыя, то косвенныя укоризны, а при острыхъ случаяхъ—выдерживаетъ пословичный „пересоль на спинѣ“. Если она хозяйка, старшая въ домѣ, то, пожалуй, ее укоритъ одинъ мужъ; не то со стряпухами, почти всегда опальными—невѣсткой и снохой: кромѣ открытыхъ „шпиликъ“⁹⁷⁾, нестѣсняемыхъ укоризнъ и брани, онѣ принуждены бываютъ переносить множество молчаливыхъ, но ѣдкихъ укоровъ. Такъ, на глазахъ злополучной стряпухи медленно вытаскивается изъ кушанья уголекъ, прусакъ, мышиный „калтѣшъ“⁹⁸⁾, соломинка—изъ хлѣба, которые тутъ же укладываются на столъ; спѣшно поданная, можетъ быть, и недостаточно вымытая, вытертая ложка всесторонне и подолгу разсматривается владѣльцемъ, а потомъ самолично обмывается и вытирается имъ передъ ѣдой.

Это одна сторона незавидной доли стряпухи, не всегда и не вездѣ имѣющая жизненное мѣсто; другая, непредотвратимая сторона—чисто физическія усилія. Изъ предыдущаго видно было отчасти, во что обходится хлѣбное печенье, обязательное разъ, или два въ недѣлю. Не менѣе сложными трудами обставлены и всѣ ежедневныя дѣянія той же стряпухи. Въ то время, когда послѣ ужина семьяне отправляются „одъ столу къ полу“⁹⁹⁾, она сперва возится съ уборкою посуды, потомъ кладетъ въ печь дрова, ставитъ туда же вымытые горшки, мететъ избу, стираетъ столъ, кормитъ домашнюю собаку и, заслонивъ печь, вершаетъ свои хлопоты тогда, когда по избѣ разносится ревучій храпъ со свистомъ. Засыпая подъ „сладостный вопль и стонъ“ семьянъ, стряпуха просыпается

до прекращенія его и немедленно же принимается за подготовительныя работы: чистить картофель, цѣдить цѣжу, мѣсить тѣсто; сбѣгаетъ иногда за водой разъ-другой, въ амбаръ и кладовую — за необходимыми предметами; когда же дрова разгорятся въ печи, она вкатитъ туда ведерныя горшки и дополнительные къ нимъ — меньшіе, слѣдитъ за кипѣньемъ кушаній, что приковываетъ къ стоянью у пылающей печки и наводитъ извѣстную „вѣчакъ сляпоту, головки ломѣту“¹⁰⁰⁾. Если при этомъ бываетъ печенье блиновъ, или подобныхъ изготовленій изъ хлѣба, торчанье передъ печью удлиняется, съ чѣмъ вмѣстѣ удлиняется и губительное вліяніе на здоровье печного жара.

Семьяне оставляютъ постели почти тогда, когда стряпуха прикончитъ свое дѣло и заслонитъ печь; но никто не приступитъ къ продолжительной работѣ безъ завтрака: послѣдній долженъ быть готовъ во что бы то ни стало къ предразсвѣтному времени и стряпуха спѣшитъ убрать столъ, выкатываетъ горшки, наливаетъ и подбавляетъ кушанья, а послѣ ѣды опять же убираетъ горшки, столъ, перемыкаетъ посуду, мететъ избу и проч. Повидимому, все это не очень большой трудъ; но непрерывность его, производство однѣми безсмѣнными руками и продолжительная „тыпытнѣ“¹⁰¹⁾ скоро отзываются и на молодой, дюжей женщинѣ; не даромъ же она, присѣвъ на короткое время на лавку, произноситъ неподражаемое, сердечное „ху-у-ту-у!“ понятное только тѣмъ, кто бывалъ въ положеніи стряпухи.

Ложки не успѣваютъ иногда „прывѣць“¹⁰²⁾ послѣ мойки, а семьяне уже начинаютъ тереться около стола: подходитъ обѣденная пора — для стряпухи новыя хлопоты по уборкѣ стола, разливу и подачѣ кушаній, новая мойка посуды, стирка и проч. Потрудившіеся или праздные члены семьи могутъ прилечь послѣ обѣда для отдыха; стряпуха же, прикончивъ уборку, отдыхаетъ только за женскою работою — шитьемъ и пряжей, отъ которыхъ не замедлитъ оторваться, когда семьяне снова соберутся къ столу полдничать: новая

уборка стола, новыя хлопоты съ кушаньями и посудой. По мѣрѣ того, какъ одиночныя и общія позѣвыванья начинаютъ вызывать ужинъ, стряпуха еще разъ приступаетъ къ неизмѣнной работѣ своей и ею заканчиваетъ трудовой день послѣ всѣхъ односельчанъ.

Такъ проводитъ стряпуха будничныи день зимою, когда прибавочная женская работа вся дома, подъ руками, и притомъ — легкая. Но тотъ же день лѣтомъ значительно разнится отъ зимняго: послѣ слишкомъ ранней стряпни и разсылки завтрака по рабочимъ угламъ, она спѣшитъ туда же и сама, становясь на лугу и нивѣ обычнымъ рабочимъ членомъ. Въ чемъ она не затрудитъ себя здѣсь, то сугубо, на счетъ личныхъ силъ, дотянетъ при печи, надъ горшками, запущенной посудой, которая изъ рабочихъ угловъ вечеромъ соберется домой. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что на обязанности стряпухи лежитъ сварить кулешъ для телячьяго поила, отпарить свиную „мѣшинку“, напоить и накормить тѣхъ и другихъ.

Въ праздничные и гостинные дни, когда всѣ семьяне имѣютъ полный отдыхъ, одна стряпуха не имѣетъ доли его, а работаетъ чуть не въ удвоенной мѣрѣ. Правда, тутъ она можетъ располагать нѣкоторымъ вспоможеніемъ женщинъ-сельчанъ. А если таковыхъ нѣтъ, если она принуждена работать на старого, да на малаго, если она въ домѣ „чужь-чужанинъ“¹⁰³⁾ среди золовокъ, деверей при свекрѣ и свекрови во главѣ? При томъ же многія изготовленія — хлѣбъ, блины, каша, солодуха — требуютъ, чтобы надъ ними отъ начала до конца работали однѣ руки.

Въ заключеніе нелишне имѣть въ виду стряпуху-мать, окруженную малолѣтними дѣтьми, или такую, у которой непутный мужъ, требующій иногда за собою почти дѣтскаго ухода: тогда тяжелое положеніе неощеняемой по достоинству труженицы становится сугубо тяжкимъ. Въ большихъ семьяхъ, при достаточной наличности женскаго персонала, стряпня можетъ чередоваться то

по-недѣльно, то по-мѣсячно. Но и этотъ сравнительно короткий срокъ не замедлитъ сказаться на стряпухѣ нѣкоторою „полинностью“¹⁰⁴): пока она въ работѣ, передъ печью, румянецъ не сходитъ съ пылающаго лица, а какъ опустится на отдыхъ, такъ и видно, что она „слиняла“. Самая ѣда стряпухи слишкомъ непутна: присаживаясь къ общему столу, усталая, съ перебитымъ аппетитомъ, она позже другихъ принимается за ѣду и раньше отстаётъ отъ нея.

Неустанная труженица творитъ свое дѣло день-въ-день, мало слышитъ похвалъ и много—порицаній; она не доѣдаетъ, не досыпаетъ. На округляющихся лицахъ семьянъ, на румянномъ цвѣтѣ ихъ она, пожалуй, можетъ видѣть плоды трудовъ своихъ; но въдѣ это не припишется трудамъ и усиліямъ стряпухи; напротивъ, всѣмъ, какъ и труженицѣ, очевидно, что утромъ она принималась за пустой горшокъ, а вечеромъ разставалась опять же съ пустымъ горшкомъ... цѣлодневный трудъ и хлопоты такимъ образомъ безслѣдно пропали!..

ХІ. Сроки ѣды.

Благодаря кормленію почти исключительно растительною пищею, рабочій и гулевой простолюдинъ не прочь поѣсть при всякой подходящей возможности. Это можно видѣть не на дѣтяхъ только, за безвременную, частую ѣду прозванныхъ поросятами („дядёныкъ—што пыросёныкъ: только пыдывай!“), но на степенныхъ старичкахъ, какъ и на лицахъ средняго возраста, которымъ тоже—„только пыдывай!“ Однако, для настоящей, правильной ѣды существуютъ точные, съ незапамятныхъ поръ установленные, сроки, когда всѣ семьяне, или значительная часть ихъ, собираются къ домашнему столу и сообща трапезуютъ. Показателями этихъ сроковъ въ отдѣльной семьѣ, какъ и цѣлой деревнѣ, служатъ: привычка, положеніе солнца на небѣ и деревенскій хронометръ, во образѣ пѣтуха. Подъ руководствомъ ихъ создаются четыре срока дневной

ѣды, въ будни и въ праздникъ, хотя въ разговѣнье, особенно же заговѣнье, къ нимъ прибавляются еще и новые ¹⁰⁵).

Первая дневная ѣда есть „снѣданья“, которое безсмѣнно во весь круглый годъ бываетъ между 6—8 часами утра. За эту ѣдой не заспживаются подолгу, сколько потому, что тутъ, по большей части, подается одно лишь кушанье, столько и потому, что каждый затрапезникъ не чувствуетъ пока надлежащаго позова къ ѣдѣ и что каждый спѣшитъ къ работѣ. Зимой, при относительномъ досужествѣ, „снѣданья“ бываетъ приблизительно чрезъ часъ послѣ общаго просыпленія; лѣтнею же порой оно разграничиваетъ первыя двѣ „упряжки“ ¹⁰⁶) и длится приблизительно столько, сколько требуется на отдыхъ и ѣду упряжной лошади,—что займетъ около часа. На „снѣданья“ подается теплое, жидкое кушанье, потребляемое, конечно, съ хлѣбомъ; тамъ же, гдѣ домашняя нужда не позволяетъ „вары рываривыць“ ¹⁰⁷), довольствуются „цѹпкыми“, или хлѣбомъ въ „сухымѣтку“, запивая водой, квасомъ.

Такъ называемый „привалыкъ“ послѣ „снѣданья“ дѣлается только лѣтнею порой, чтобы дать упряжной лошади полный часовой отдыхъ; но это бываетъ у немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Вообще же, пока свѣжи силы, каждый рабочій членъ спѣшитъ къ той и другой дѣятельности, и въ промежуткѣ между „снѣданнимъ“ и обѣдомъ должна быть исполнена главная часть предположенной дневной работы.

Обѣдъ составляетъ вторую, но основательную дневную ѣду. Онъ бываетъ между 10—11 ч. утра и нѣсколько растягивается. Последнее зависитъ отчасти отъ свободнаго послѣ него времени, отчасти же отъ обязательнаго потребленія двухъ и болѣе кушаній, особенно, въ святочные и поминальные дни. Приблизительнымъ срокомъ отъ начала обѣда и до конца его слѣдуетъ считать „ладную часину,“ ¹⁰⁸),—что соотвѣтствуетъ часу-двумъ въ будни и въ праздникъ.

Къ обѣду собираются всѣ, кто работаетъ вблизи дома, и только работающимъ въ отдаленныхъ уголкахъ обѣдъ приносится на мѣсто. При пашенной, сѣнокосной и жнивной толокѣ¹⁰⁹), обѣдъ, какъ и всѣ первыя три ѣды, происходитъ на мѣстахъ работъ, куда кушанья и посуда доставляются изъ хозяйскаго дома. Выгодное вообще вспоможеніе толочныхъ пособниковъ становится тягостнымъ именно изъ-за необходимости таскать изъ дома объемистую посуду съ кушаньями часто на далекое разстояніе.

Послѣобѣденный отдыхъ въ видѣ сна почитается совершенно необходимымъ, и не снѣтъ развѣ дѣти, пастухи, невѣсты-дочери да стряпухи. Съ незначительною натяжкой можно увѣрять, что полдень застаётъ простолюдина въ обязательномъ снѣ.

Въ промежутокъ между 3—4 ч. пополудни бываетъ „полудинь“—третья дневная ѣда. Подобно „снѣданню“, и эта ѣда не затягивается, особенно, лѣтнею порой, потому что тутъ подается опять же одно только кушанье, а освѣженные силы тружениковъ и рабочихъ лошадей позволяютъ спѣшить къ работѣ почти съ утреннею энергіей. Зимнею порой, когда „полудинь“ заканчивается почти въ сумерки и когда не имѣется работы, мужчины приваливаются на отдыхъ вплоть до ужина; женщины же въ это время прядутъ, или отправляютъ другія женскія работы.

Послѣдняя дневная ѣда есть „вечеря“, которая бываетъ около 7—9 ч. вечера. Ею заканчивается дневная дѣятельность простолюдина, и повсюдное выраженіе „вечеря ѿ спаць“—вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности: послѣ ужина нѣкоторое время работаютъ стряпухи да пряжи, остальные же семьяне отправляются послѣ краткой молитвы „одѣ столу къ полу“.

За „вечерей“ потребляются лишь остатки дневныхъ кушаній; за отсутствіемъ же таковыхъ создаются кушанья случайныя, которыми нерѣдко бываютъ „хлѣбъ да вода“ („молодецкая ѣда“). За этою ѣдой обыкновенно присутствуютъ всѣ семьяне,—что лѣтомъ составляетъ единственный полный сборъ семьи въ теченіе

цѣла дня. Тутъ старшіе и вообще семьяне выслушиваютъ отчетъ въ произведенныхъ работахъ; тутъ же дѣлается распорядокъ работы за завтрашній день. Лѣтомъ „вечера“ проходитъ нѣсколько скорѣе, чѣмъ зимою: конопасы спѣшатъ увести и пристроить лошадей на ночлегъ, пастухи—скорѣе прилечь, чтобы не опоздать утреннимъ выгономъ скота, проработавшіе весь день и ожидающіе того же и завтра—спѣшно уходятъ спать; только стряпуха нѣкоторое время хлопочетъ надъ уборкою посуды да надъ главными заготовленіями для стряпни на слѣдующій день.

Въ такомъ неизмѣнномъ порядкѣ проходитъ дневная ѣда въ будни, въ праздникъ, лѣтомъ и зимою. Незначительныя отклоненія въ данномъ домѣ, въ деревнѣ и общинѣ не могутъ приниматься въ расчетъ, какъ мѣстные, слишкомъ случайныя, и это непременно должно имѣть какія-нибудь основательныя причины. Но есть случаи, когда отступленіе неизбежно, когда оно дѣлаетъ продовольственную жизнь совершенно непохожею на обычную. Къ нимъ слѣдуетъ отнести особыя праздничныя, поминальныя дни и семейныя торжества.

Въ такъ-называемыя „коляды“ существенно ѣдою бываетъ только „вечера“; къ ней главнымъ образомъ направляется домашняя стряпня. Если кое-что готовится на другія очередныя „ѣды“, то готовится въ скромныхъ размѣрахъ, для избранныхъ потребителей; большинство же не ѣстъ до зари, обыкновенно, въ рождественскую и крещенскую коляду. Нѣчто подобное бываетъ въ „дяды“: слишкомъ скромная ѣда за завтракомъ и отсутствіе полдника, выдвигаютъ „вечерю“ изъ ряда обыкновенныхъ по обилію, спеціальности кушаній и по обстановкѣ; въ то же время, въ „радыницу и троецкіи дяды“, вечерняя ѣда бываетъ скромнѣе будничной, потому что поминныя кушанья употребляются частію за обѣдомъ, частію на могилахъ сродниковъ, куда семьяне отправляются послѣ полудня.

Выдающіяся семейныя событія—родины, крестины, свадьба, похороны—видоизмѣняютъ не только кушанья, но и время потребленія ихъ, по преимуществу. Стоитъ вспомнить, что возвращеніе, напр., кумовей съ новокрещеннымъ, прибытіе свадебныхъ поѣзжанъ, какъ и выносъ покойника, почти всегда зависятъ не отъ воли хозяевъ и домашняго распоряженія. А между тѣмъ и хозяева и гости принуждены поджидать младенца, поѣзжанъ, изготовленія гроба—и очередная ѣда тутъ поневолѣ отходить далеко отъ очереднаго срока.

При заурядной будничной жизни, а отчасти праздничной и торжественной, существуетъ извѣстная „хлѹска“—спѣшная, скромная ѣда, когда потребитель съѣдаетъ два-три „глымані“ хлѣба, блина и т. под. Разумѣется, чаще всего „хлѹсюць“ дѣти, по нѣсколькѹ разъ между одной и другой ѣдой; то же дѣлаютъ и пастухи въ полѣ. Но и проголодавшійся рабочій „хлѹсиць“ въ ожиданіи ѣды, старикъ и старуха—по немощи, стряпуха—чтобы не тошнило; отправляющійся на отхожую полевою работу „трѹху ¹¹⁰⁾ хлѹсиць, кабъ ни було на щѣ сэрца“ ¹¹¹⁾. Наконецъ „хлѹска“ принимаетъ видъ новой, пятой ѣды, когда тотъ же рабочій во время послѣдней „зыпражки“ присядетъ на короткій срокъ для отдыха и кстати потребить скромные остатки полдничной ѣды,—что составляетъ уже „пыдвячѣрыкъ“. Какъ очевидно, „пыдвячѣрыкъ“ имѣетъ временное (лѣтнею порой) и случайное (остатокъ кушанья) употребленіе, дабы легче было возвращаться домой съ „порѹзныи“ посудю. Въ отдѣльныхъ случаяхъ „пыдвячѣрыкъ“ дѣлается на ходу, при возвращеніи съ работы.

За исключеніемъ приведенной случайности (остатокъ кушанья), эта ѣда обращается въ обычную „хлѹску“, какъ на короткомъ присѣстѣ, такъ и во время слѣдованія домой.

ХІІ. Образъ ѣды.

Въ такъ называемыхъ старожитныхъ домахъ обыкновенно дѣлаются нѣкоторыя подступы къ общей ѣдѣ. По мѣрѣ того, какъ

столь прибирается ложками, хлѣбными порціями, а въ иные дни и блинами, семьяне умываютъ руки и подходятъ къ столу. Старшій въ семьѣ читаетъ молитву вслухъ, или про себя; въ послѣднемъ случаѣ личнымъ примѣромъ онъ призываетъ къ тому же остальныхъ. Послѣ молитвы каждый садится на опредѣленное за столомъ мѣсто, при чемъ способные управляться съ ложкой дѣти помѣщаются при матеряхъ, то „станькѡмъ“ ¹¹²⁾ на лавкѣ, то на поставленной на нее колодкѣ. Тутъ, на живомъ примѣрѣ взрослыхъ, они усваиваютъ принятыя въ домѣ и окрестномъ быту застольныя правила и приличія, извѣстныя подъ именемъ „люцкысци“, или „людянысци“ ¹¹³⁾, которая, между прочимъ, требуетъ:

1. Чтобы каждый затрапезникъ отломилъ кусочекъ хлѣба отъ своей порціи и, посыпавъ слегка солью, успѣлъ съѣсть его прежде, чѣмъ на столѣ появится первое кушанье. Въ этомъ случаѣ хлѣбный кусочекъ не превышаетъ одного „глытаника“.

2. Потребная для личныхъ надобностей соль берется изъ солонки исключительно ложкой ¹¹⁴⁾, при чемъ она (соль) посыпается на столъ съ правой стороны потребителя въ маленькую кучу. Къ концу ѣды эта куча исчезнетъ безслѣдно, чему помогаетъ закусыванье хлѣбомъ и солью послѣ каждаго кушанья.

3. Поставивъ на столъ кушанье, хозяйка-стряпуха и сама присаживается. По ея слову—„принимайцися!“—ложки и руки застольниковъ направляются по принадлежности.

4. Употребленіе отдѣльныхъ тарелокъ неизвѣстно въ простонародномъ застольи, и всѣ трапезующіе ѣдятъ изъ общей миски, или тарелки.

5. Чтобы не было пролива кушанья на столъ, каждый черпаетъ несомѣшную полную ложку, обтираетъ ее о край миски и, на пути ко рту, держитъ подъ ложкой тотъ кусокъ хлѣба, отъ котораго откусываетъ. Такимъ образомъ, „пусциць пуцики“ ¹¹⁵⁾ и вообще капнуть на столъ почти невозможно: это могутъ сдѣлать

развѣ дѣти, хмѣльные, или тѣ, кого нечаянно толкнули: но и при такомъ невольномъ проливѣ кушанья, несправность все-таки подлежитъ нѣкоторому порицанію и не останется незамѣченною.

6. Послѣ приема кушанья съ ложки послѣдняя тщательно облизывается, по большей части, кладется на столъ и рѣдко держится вертикально; слѣдуетъ обстоятельное пережевыванье пиши и „захлѣбъ“ ея половинною долею ложки потребляемаго, напр., жидкаго кушанья. Благодаря несоразмѣрной величинѣ мѣстныхъ ложекъ, дѣти и подростки схватываютъ съ нихъ пищу особымъ манеромъ, поворачивая ложку передъ ртомъ всѣми тремя сторонами поочередно. Поэтому ложка у нихъ и не выходитъ изъ рукъ, пока данное кушанье потребляется.

7. Каково ни было бы жидкое кушанье, но сперва вычерпывается только „жидишъ“ его, при чемъ тутъ имѣютъ преимущественное мѣсто „моченики“; когда же затрапезники дошли до „гусцежѣ“¹¹⁶⁾, послѣдній потребляется почти безъ хлѣба, подобно кашѣ.—Подонные остатки въ мискѣ предоставляются дѣтямъ.

8. Обыкновенные „сѣрбы и чавкѣ или цмаки“, при ѣдѣ¹¹⁷⁾ бываютъ иногда слишкомъ рѣзки и производятъ замѣтный, своеобразный шумъ. Но есть отдѣльные дома, гдѣ принято не „сѣрбыцъ“ и пережевывать пищу съ сомкнутыми губами: тогда и застольная тишина бываетъ поразительною.

9. При навичномъ отломѣ и откусываньи хлѣба, отъ него рѣдко отпадаютъ крошки. Упавшія на столъ бережно собираются мякишемъ, или пальцами; упавшія же на полъ, по возможности, немедленно поднимаются, и невольный виновникъ набожно цѣлуетъ поднятую крошку и что произноситъ: „выбачай, Божинька!“¹¹⁸⁾ относя обращеніе именно къ хлѣбу.

10. Если кушанье готовилось съ мясомъ, или саломъ, то предназначенные для очередной ѣды куски ихъ подаются въ ку-

шаньи. Прежде, чѣмъ приступить къ потребленію его, „присмакъ“ вынимается изъ миски на тарелку, или на специальное „дѣно“¹¹⁹⁾, гдѣ въ ручную разрѣзается на мелкіе кусочки, которые потомъ вбрасываются въ миску. Въ иныхъ случаяхъ придерживаемый лѣвою рукою кусокъ мяса, при помощи правой, разрѣзается надъ миской. Трапезующіе довѣряютъ чистотѣ рукъ того, кто рѣжетъ мясо, или сало, и потребляютъ кушанье безъ всякой брезгливости. Смотря по обстоятельствамъ, сало иногда растирается въ мискѣ ложкой, или специальнымъ толкачикомъ: тогда оно уже не вѣдается съ руками, признаться, не всегда опрятными.

Семья принялась за кушанье, но никто не позволитъ себѣ вычерпнуть мясного и сального кусочка, пока хозяйка не произнесетъ: „чаму ни бирицѣ!“ Тактичность обязываетъ каждога вычерпнуть ни больше, ни меньше остальныхъ; дѣтямъ же не предоставляется самостоятельнаго вычерпыванья „присмакъ“: они пользуются послѣдними изъ ложекъ матерей.

11. Подобнымъ же образомъ идетъ потребленіе и различныхъ „пачистъ“. Мясо, за столомъ, посыпается разрѣзанное солью и перцемъ и то вычерпывается изъ посуды ложками, то выбирается пальцами, при чемъ отдѣльному потребителю не возбраняется погружать свой кусочекъ въ „подливу“¹²⁰⁾, скромные подонки которой тщательно вытираются хлѣбомъ,—благодаря чему посуда снимается со стола почти чистою.

Если при „пачисты“ много „подливы“ и затрапезники затрудняются, мочать ли прежде хлѣбъ, брать ли мясо съ „подливый“, или послѣднюю вымакивать въ концѣ, хозяйка разрѣшаетъ недоумѣніе, когда говоритъ: „пыспробуйця подливы!“ или: „чаму ни мясо съ подливый!“, или же: „подливу пысля! Первое и послѣднее указываютъ на мочанье хлѣба въ „подливу“, а второе—на потребленіе ея вмѣстѣ съ мясомъ, при чемъ, то и другая вычерпываются,—какъ въ „крупѣни“ („Калки“¹²¹⁾ и пуцики“ тутъ еще менѣе возможны: „подливы“ берется немного, а ложка

выносятся изъ миски со всевозможною предосторожностью, т. е. подолгу обтирается о край миски и поддерживается снизу „кусани-вымъ“, которымъ каждый разъ и вытирается.

12. Потребленіе „мыканны“ происходитъ въ ручную, т. е. обмакиваемые предметы погружаются туда не ложкою, а рукою. Если при этомъ „мыканна“ коснулась пальцевъ, послѣдніе немедленно же облизываются. Въ виду того, что моканье блинами встрѣчается чаще, чѣмъ другими предметами, то о немъ слѣдуетъ сказать отдѣльно. Потребитель отрываетъ четверть блина и, свернувъ его трубочкой, опускаетъ въ „мыканну“ открытой стороною, при чемъ старается захватить трубочкой и гущу, которую въ „прижаннѣ“, напр., бываютъ колбасные, сальные и мясные кусочки. Въ большинствѣ въ ротъ поступаетъ вся четверть блина, особенно, при началѣ ѣды; но въ концѣ ея трубочка обмакивается и потребляется въ два пріема.

13. Очень рѣдко бываетъ, когда чашка снимается со стола съ недоѣденнымъ кушаньемъ: это возможно лишь при вечерней ѣдѣ; обыкновенно же затрапезники потребляютъ кушанье до дна. Что же касается наиболѣе лакомыхъ кушаній съ „пачистыми“ включительно, то они потребляются до тщательнаго вытиранья и вылизыванья посуды, которая при мойкѣ даетъ мясной запахъ, едва улавливаемый собачьимъ чутьемъ.

14. Въ потребляемыхъ предметахъ затрапезники видятъ первые дары Божьи и неукоснительно вѣрятъ, что Податель ихъ незримо наблюдаетъ за поведеніемъ трапезующихъ и отношеніемъ къ дарамъ. Съ этой точки зрѣнія праздные разговоры, бранныя и площадныя рѣчи строго преслѣдуются за столомъ. Дѣтская нескромность и нарушеніе застольныхъ правилъ немедленно и тутъ же наказываются ударомъ ложки по лбу. Только по выходѣ изъ-за стола договариваются невымолвленные „жарты“¹²²⁾, мыцюги“¹²³⁾, или заканчиваются споры, прерванные за столомъ. Та же своеобразная скромность и почтительность къ дарамъ Божьимъ сопро-

вождаетъ и незастольную ѣду,—какъ то можно видѣть при полевыхъ работахъ, при путевыхъ закускахъ и проч.

15. „Заѣдки и захлибки“ вершаютъ общую ѣду за обѣдомъ и ужиномъ. О наличномъ матеріалѣ ихъ сказано выше; къ тому слѣдуетъ прибавить, что „захлибки“ потребляются или совершенно безъ хлѣба, или съ незначительною прикуской его, и что они желательны тогда, когда за ѣдою преобладали густыя кушанья.

16. Поднимаясь съ мѣста, каждый затрапезникъ нижнимъ ребромъ правой руки троекратно „жигнаиць“¹²⁴⁾ то мѣсто стола, гдѣ лежалъ его хлѣбъ, и читаетъ короткую молитву. Общая потрапезная молитва читается еще рѣже, чѣмъ передъ ѣдой, за исключеніемъ колядныхъ и поминальныхъ дней, въ которые обязательно слѣдуетъ общая молитва, или, по крайней мѣрѣ, одновременное отправленіе ея.

17. Выходъ изъ-за стола съ непроглоченнымъ жевкомъ, а тѣмъ болѣе выносъ хотя бы и незначительнаго кусочка его, чтобы доѣдать послѣдній, строго порицается застольными правилами. Этого выноса не дѣлается даже ради собаки, или другого призрѣваемаго животнаго: окончена ѣда, вышли изъ-за стола семьяне и помолились Богу,—тогда, пожалуй, каждый воленъ снять со стола свой или чужой недоѣдокъ и поступить съ нимъ по усмотрѣнію. Въ связи съ этимъ, по возможности, избѣгается подачка хлѣба, даже обобранной кости кошкѣ и собакѣ во время ѣды—и сельскіе „куцки да кщчки“¹²⁵⁾ знаютъ это и терпѣливо выжидаютъ выхода хозяевъ изъ-за стола.

18. Послѣобѣденное умыванье рукъ есть обычай сравнительно немногихъ пожилыхъ мужчинъ. Но это же становится обязательнымъ для всѣхъ семьянъ послѣ ужина въ заговѣнье.

19. Свои семьяне, даже дѣти, не благодарятъ старшихъ послѣ ѣды, хотя въ Лепел. и Дрисс. у. встрѣчаются почтительныя примѣры выраженія благодарности: всѣ младшіе по возрасту

члены семьи цѣлуютъ руки хозяина и хозяйки. То же дѣлаютъ и гости такого же возраста. Такое выраженіе благодарности позаимствовано отъ разсѣянныхъ тамъ и здѣсь бывшихъ шляхтичей.

ХІІІ. Питье и питейные предметы.

Изъ приведенныхъ данныхъ о пищѣ отчасти можно видѣть, что ея потребляется немало не только въ теченіе дня, но и за отдѣльною ѣдой, видимыми показателями чего служатъ почтенныхъ размѣровъ опорожненные горшки да не менѣе внушительныхъ размѣровъ животы потребителей, при чемъ „хлѣбушко насучный“ проходитъ чрезъ всю ѣду, отъ начала до конца. За исключеніемъ помянутыхъ тамъ же изъятій, видно было, что и вся остальная пища состоитъ изъ растительныхъ предметовъ, потребление которыхъ должно выигрывать количествомъ. Такимъ образомъ уже одно это вызываетъ на соотвѣтственное потребленіе питья; густота же кушаній, обильная солка ихъ и такая же солка каждаго заѣдковаго кусочка хлѣба увеличиваетъ потребность, чрезъ что количество питья не уступаетъ ѣдѣ, а то—и превышаетъ послѣднюю. Многочисленные, часто глубокіе послѣ ѣды „рыги да йки“¹²⁶⁾ прямо указываютъ на безотложную необходимость питья; та же необходимость „литыньки“¹²⁷⁾ проходитъ чрезъ весь недолгій срокъ отъ одной ѣды до другой, сопровождается „иросѣннійку“¹²⁸⁾ и не оканчивается съ отощаніемъ живота, когда человекъ бываетъ, „якъ хортъ“...¹²⁹⁾.

1. Разумѣется, главнымъ питейнымъ предметомъ приходится считать воду, которая въ при-рѣчныхъ и при-озерныхъ мѣстахъ получается изъ этихъ водовмѣстилищъ, кстати, предпочитаемыхъ остальнымъ. Нѣсколько ниже стоитъ „криничная и уздорная“¹³⁰⁾ вода, хотя лѣтнею, напр., порой она охотнѣе пьется только изъ-за ея студености. Гдѣ нѣтъ ни той, ни другой воды, окрестное на-

селеніе довольствуется водою изъ „мочуль“¹³¹⁾, прудовъ, болотинъ и мелководныхъ колодцевъ, находящихся подъ руками. Въ потребленіи послѣдней воды, весьма часто съ окрашивающимъ цвѣтомъ, съ водяными тлями, отдѣляемыми каждый разъ процѣживаньемъ,¹³²⁾ съ жуками и головастиками, вылавливаемыми иногда уже дома¹³³⁾, сказывается какое-то необъяснимое упорство, по которому простолюдинъ не хочетъ итти дальше дѣдовской воды и колодцевъ, кое-какъ сработанныхъ отцами. Этой водой предковъ онъ продовольствуетъ себя, свой скотъ и пока не додумывается до лучшей. „Вода бруды ня дяржйць“¹³⁴⁾,—говоритъ онъ,—а потому не брезгаетъ иногда и такой „мочульной“ водою, гдѣ спасались отъ зноя и вылеживались свиньи... Въ такихъ бѣдноводныхъ мѣстахъ сточная вода, какъ весенняя, такъ и дождевая, считается наиболѣе цѣнною, и ею пользуются, пока то возможно. Но и въ мѣстахъ болѣе счастливыхъ, т. е. при-рѣчныхъ, при-озерныхъ и по сосѣдству съ родниками, та-же сточная вода замѣняетъ остальную, особенно, если добываніе ея укорачиваетъ водоносный путь.

Въ суровыя зимы, когда бѣдныя водомѣстилища вымерзаютъ окончательно и когда за настоящею водою приходится ѣздить и ходить на далекое разстояніе, нужда пригоняетъ къ „талой“ водѣ изъ снѣга и льда. Въ такое время всевозможныя теплыя помѣщенія обильно уставляются свободною посудой, гдѣ таетъ снѣгъ и ледъ, поднашиваемый дѣтьми; тѣми же предметами пополняются и „варѣвны“ горшки. Едва ли нужно говорить, что умыванье рукъ и лица дѣлается тутъ однимъ только снѣгомъ...

2. Хороша ли или нехороша вода, а все же самый „плохой квасъ лучше воды“. Вопреки другой пословицѣ, — „чимъ съ худымъ квасымъ, дыкъ лѣши¹³⁵⁾ зъ водою“—простолюдинъ охотнѣе пьетъ его, чѣмъ воду. Главное требованіе отъ мѣстнаго вкуса—острая, почти уксусная кислота его, способная „вѣчи дерць“¹³⁶⁾.

Въ этихъ видахъ квасъ устаетъ подолгу, пока не получитъ желанной кислоты.

Наиболѣе распространеннымъ является хлѣбный квасъ, который бываетъ: простой и „зъ-подъ-крука“¹³⁷⁾. Для того и другого кваса предварительно заготавливаются „квасины“ — печенья изъ отрубей, простой отваръ послѣднихъ, плѣсневѣлый хлѣбъ, или хлѣбныя корки, недоѣдки. „Квасины“ помещаются въ квасникъ и пропорціонально (какъ 5:1) наливаются теплою водою. Остальное предоставляется времени. По мѣрѣ того, какъ квасъ спиваютъ, убыль его пополняется водою, и добавляются новыя „квасины“. Съ теченіемъ времени послѣднія нерѣдко занимаютъ уже большую половину квасника... Этотъ простѣйшій квасъ бѣло-мутнаго цвѣта вычерпывается сверху, при чемъ плѣсень предварительно разгребается кружкой, или сдувается въ сторону при питьѣ.

Квасъ „зъ-подъ-крука“ не имѣетъ существеннаго отличія отъ предыдущаго; онъ только чище перваго, потому что не черпается, а „точитца“, т. е. выцѣживается изъ квасника чрезъ „гвоздь со шпунтомъ“¹³⁸⁾. Соломенные маты на днѣ квасника удерживаютъ „квасины“ и въ значительной мѣрѣ дистиллируютъ квасъ.

При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ квасъ задѣлывается на зажаренныхъ сухаряхъ: тогда онъ принимаетъ красноватый цвѣтъ и считается наилучшимъ.

3. Фруктовые квасы по кислотѣ удовлетворяютъ мѣстному вкусу; но они не имѣютъ „тѣку“¹³⁹⁾ хлѣбнаго кваса, а потому стоятъ ниже его и менѣе распространены. Въ употребленіи встрѣчается только: а) яблочный и б) брусничный. Первый дѣлается изъ высушенныхъ „пылявѣшикъ и падылицъ“¹⁴⁰⁾, а второй — изъ „замоченной“ недозрѣлой брусники: зрѣлая, чистая брусника идетъ на „кулагу“.

4. Весеннею порой лакомымъ напиткомъ бываетъ „бѣрка“ — сокъ отъ подрубленной березы — и „клянѣвникъ“ — сокъ клена. Гдѣ

много есть „берьки“, послѣднюю наливаютъ въ боченки, которые на мѣсяць закапываютъ въ землю: получается острый квасъ, едва уступающій уксусу. „Клянóвикъ“, добываемый въ скромномъ количествѣ, чаще всего составляетъ лѣкарство для гусятъ въ пору цвѣтенія ржи, когда они страдаютъ головою опухолью: его даютъ пить гусатамъ и примачиваютъ головы.

5. Кислая сыворотка—слишкомъ лакомый напитокъ, которымъ пользуются рѣдко и немногіе, такъ какъ сыворотка уходитъ полностью на кислыя кушанья, да и въ самыхъ молочныхъ хозяйствахъ всегда сберегается нѣкоторый запасъ ея.

6. Точно также рѣдкимъ, хотя для отдѣльныхъ лицъ и искомымъ напиткомъ являются кислые разсолы—бурачный, капустный, огуречный. Къ нимъ обыкновенно прибѣгаютъ послѣ перепоя и при желудочномъ затвердѣніи; такимъ образомъ поименованные напитки скорѣе могутъ почестся лѣкарственными.

7. Въ воспоминаемое время еще не исчезло, хотя и близко было къ исчезновенію т. наз. „прóстыя“ ячменное пиво, приготовлявшееся на спеціальныхъ пивоваренныхъ заводахъ, или домашними средствами, къ осеннимъ и зимнимъ празднествамъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно называлось „покровскимъ, змитровскимъ, михайловскимъ, микольскимъ“. Тутъ пиво часто варилося нѣсколькими семьями сообща въ огромныхъ котлахъ, или же складчинный матеріалъ отдавался въ ближайшіе пивоваренные заводы, откуда складчики получали пиво пропорціонально выданному матеріалу ¹⁴¹⁾.

Пиво, о которомъ идетъ рѣчь, могло быть только праздничнымъ, гостинымъ напиткомъ. Въ похвалу его слѣдуетъ сказать, что, не одуряя головы, оно служило пріятнымъ, лакомымъ, здоровымъ напиткомъ; тѣмъ же оставалось оно и при употребленіи съ хлѣбомъ въ „цюпкыхъ“, или при „сухымятки“.

8. Какъ старшій братъ „прóстыго“ пива, извѣстно было тогда же пиво „марцóвыя“ ¹⁴²⁾. Кромѣ густоты, болѣе темнаго цвѣта и нѣкоторой слащавости, пиво это больше пѣнилось, а при

бутылочной закупоркѣ, давало много газовъ, вызывавшихъ потомъ у потребителей пріятную отрыжку. „Марцѳвыя“ пиво приготавлилось только на заводахъ; отсюда оно поступало въ дома потребителей, какъ рѣдкій напитокъ, для дорогихъ гостей, а старикамъ напоминало давнюю бражку, уже не имѣвшую мѣста въ воспоминаемое время.

9. Съ проведеніемъ д.-в. желѣзной дороги въ 1866 г. „прѳстыя“ пиво стало замѣняться „баварѳвымъ“, сперва въ придорожныхъ мѣстахъ, а потомъ не замедлило пробраться и въ отдаленные уголки губерніи. Подобно „марцѳвому“, при этомъ пивѣ состоитъ т. наз. „черное“, достаточно извѣстное въ текущемъ употребленіи.

10. Рѣдкимъ, лакомымъ напиткомъ почитались дешевые „медки“ и сладкіе квасы, добываемые въ городахъ и мѣстечкахъ. Ими обыкновенно угощались слишкомъ дорогие гости и лица, какъ-то: священники, становые, писаря, тесть и теща, невѣста. На смѣну имъ вмѣстѣ съ баварскимъ и чернымъ пивомъ выступили сомнительные лимонады и еще болѣе сомнительные „екатеринославскіе“ квасы, давность коихъ беззастѣнливо возводится къ 20—40-мъ годамъ.

11. Въ бытописуемое время простолюдинъ вѣдался съ холоднымъ потребленіемъ перечисленныхъ напитковъ и только по наслышкѣ зналъ да изрѣдка мимоходомъ видѣлъ, какъ употребляютъ „сладкіи чай съ сыхырями“⁴³), подъ которыми онъ разумѣлъ чай и кофе безразлично. Знаменательный фактъ: при сформированіи Веляшковичской вол., Вит. у., самоварными пионерами здѣсь были—самоваръ волостного писаря да корчмаря; къ концу же бытописуемаго срока на крестьянскихъ празднествахъ (свадьба въ д. Цыколовѣ) начинается появляться самоварный чай, который тогда заваривался въ самоварѣ же, безъ правильной, а теперь даже дикой, засыпки: въ двадцати-стабанный, примѣрно, самоваръ всыпалась добрая горсть чаю—и тогда самоваръ наливался водою

и доогрѣвался... Если чай заходилъ въ домъ случайно (при посредствѣ лакействующихъ родственниковъ, или подаркомъ), то онъ считалъ лишь запаснымъ предметомъ, не употреблявшимся и тогда, когда „треба було грудки пунариць“; ¹⁴⁴) какъ извѣданные, сподружные предметы, послѣдней надобности успѣшнѣе удовлетворяли различныя лѣкарственныя травы, корни, или пользованіе иными, даже не растительными, предметами ¹⁴⁵). При надобности, подходящая снадобья варились, или лучше „топѣлиси“ въ закрытомъ горшкѣ, а полученный отваръ употреблялся то теплымъ, то жаркимъ: это и есть единственный поводъ и мѣсто употребленія жаркихъ напитковъ. Такъ, при „кѣлькахъ“ ¹⁴⁶) отваривался сборъ вѣтвистыхъ растеній (чертополохъ, татарникъ, лопушникъ и сродныя имъ), при горловыхъ боляхъ—„горлянка“ (пчёлки), грудныхъ—пятавриумъ и бобовникъ, желудочныхъ—мята, при явно простудныхъ недомоганіи, „брали на поты“ отваръ липоваго цвѣта, малины (сушенныя ягоды, или стебель малины) и проч.,—что достаточно известно по народной медицинѣ ¹⁴⁷).

12. За исключеніемъ воды и кваса, перечисленные напитки лишены той популярности, какую имѣетъ водка, и ни одинъ изъ нихъ не блистаетъ разнообразіемъ именъ, какія придаются той же водкѣ: „водица оржиная (въ шутку—святая), оржанушка, посница, вѣтанушка, горкушка, зыбарушка, окыянница“ и проч. Обилію именъ отвѣчаетъ и обиліе дѣйствій, связанныхъ съ потребленіемъ водки: „хапиць, пиракѣныць, забиць мушинку“ ¹⁴⁸), закѣныць у шульжѣку ¹⁴⁹), свисныць, дерныць, дирбалызныць, скываць шило“ ¹⁵⁰) и проч. Въ разнообразіи именъ и дѣйствій водки, а также и въ выражаемыхъ ими иносказаніяхъ скрыты воздѣйствія ея на потребителей, которыми бываютъ: малъ и старъ, богачъ и бѣднякъ, утученный горемъ и тотъ, кому хорошо повелось, труженикъ и бездѣльникъ. Нужно ли говорить о мѣстѣ и времени потребленія? И это не поддается какому-либо оформленію: гдѣ и когда есть потребитель, тамъ возможно и потребленіе. Но во времени, мѣстѣ потребленія,

въ именахъ водки и иносказаніяхъ о потребленіи ея какъ будто что-то намѣренно скрыто, точно потребители чего-то боятся, или совѣстятся. Думается, причины этого можно отчасти видѣть въ многочисленныхъ разсказахъ о происхожденіи водки, гдѣ прямо говорится о сатанинскомъ началѣ ея ¹⁵¹⁾, а отчасти и въ конечномъ воздѣйствіи водки на неумѣреннаго потребителя, когда тотъ доходитъ до сатанинскихъ навожденій.

Постоянные и временные потребители водки обыкновенно не имѣютъ дома водочныхъ запасовъ; при той и другой надобности водка „сыскивается“, т. е. потребители посылаютъ за ней, или „разыскивается“, когда они отправляются на мѣсто водочной продажи, чтобы тамъ же и распить ее. Подобно острымъ квасамъ, „забористыя, мѣцныя“ ¹⁵²⁾ водка занимаетъ первое мѣсто, и чтобы заурядная водка стала таковою, ей даютъ перечный и „гылганый“ ¹⁵³⁾ настой; водка съ другимъ настоемъ и водка подслащенная стоятъ ниже, и потребители мало вѣдаются съ ними.

Самые жадные потребители водки рѣдко позволяютъ себѣ пить и безъ „аршина“ ¹⁵⁴⁾ и не изъ бутылки, или другой узкогорлой посудыны. Единственное изъятіе бываетъ при многочисленности гостей: тогда водка наливается въ миску и вычерпывается оттуда рюмкой, или спеціальнымъ ковшикомъ, о которомъ сказано будетъ ниже.

Наблюдавшіе за потребителями водки не откажутся припомнить, что одни изъ нихъ выпиваютъ порцію стремительнымъ взмахомъ посудыны, другіе дѣлаютъ это по частямъ—половину, треть посудыны, третьи выпиваютъ порцію медленно отъ начала до конца, точно смакують каждый глотокъ. Этотъ послѣдній приемъ только отчасти имѣетъ здѣсь мѣсто: настоящее питье водки, всегда и вездѣ однообразное, дѣлается со „смаковкы“ и можетъ быть приравнено къ голубиному питью воды (непрерывная тяга), съ тою разницею, что голова пьющаго медленно закидывается назадъ, пока питейная посудина не приметъ почти перевернутаго

положенія, чрезъ что оттуда выкатится послѣдняя капля. При погонѣ за этою каплей самый скромный потребитель обыкновенно шуточно говоритъ, что „пьяницу и капля дорога“. Другую особенность питья составляетъ морщенье, которое будетъ замѣтно у людей „пріобыклыхъ“ такъ же, какъ и рѣдкихъ потребителей, при чемъ, какъ бы въ оправданіе, всѣ говорятъ: „якъ ёто пьяницы пьюць, ня мѳрщутца?!..“ Вообще же водочные компанейцы и, ближайшимъ образомъ, тотъ, кто на очереди, явно и скрыто, но неупустительно слѣдятъ за рюмкою и наливомъ, а по опорожненіи ея, стремительно отставляютъ послѣднюю подальше отъ себя, при чемъ уже глаза обращены будутъ не въ сторону рюмки.

Если кто не „зыживаиць“ ¹⁵⁵⁾ водки, то при компанейскомъ застольномъ питьѣ онъ все-таки обязанъ принять налитую рюмку и „пригубиць“ ¹⁵⁶⁾, произнеся обычный привѣтъ: „бѳцця здоровеньки усї!“ или сказать то-же очередному сосѣду ¹⁵⁷⁾. Принятую рюмку онъ возвращаетъ потомъ наливающему, который нѣсколько пополняетъ ее и передаетъ въ очередь. Въ этомъ случаѣ не только не удивить, а напротивъ похвальнымъ окажется врученіе рюмки кому-нибудь изъ старшихъ, уважаемыхъ и любимыхъ лицъ: сынъ вручаетъ отцу, матери, жена мужу и проч. Эти послѣдніе выпиваютъ ее не въ счетъ своей очередной рюмки.

Смотря по обстановкѣ и водочному довольству, первоначальное питье бываетъ иногда „узѳпырнымъ“, т. е. выпивается по двѣ рюмки сряду, при чемъ первой рюмкѣ предшествуетъ осѣненіе себя и даже принятой водки крестнымъ знаменіемъ. При дальнѣйшемъ питьѣ уже имѣютъ мѣсто упрѳшиванья и „примѳсы“, ¹⁵⁸⁾ съ одной стороны, а съ другой—отгѣкиванье и напускной куражъ, обыкновенно заканчивающіеся потребленіемъ новой рюмки водки; далѣе слѣдуютъ различные причиты и прибаутки, традиціонныя шуточные движенія, въ родѣ: опрокидыванья выпитой рюмки на темя, поцѣлуй въ дно ея и проч.

XIV. Столовая посуда.

Въ скромномъ хозяйствѣ, или при хлопотливомъ положеніи семьи, можно обойтись довольно ограниченной посудой: одна и та же миска, слегка вымытая, годится для всѣхъ кушаній очередной ѣды,—одна и та же ложка, старательно облизанная, или вытертая хлѣбнымъ кусочкомъ, да богоданныя вилки о пяти зубцахъ, позволяютъ управиться со всѣми кушаньями. Набѣжитъ незаурядный случай—гостинный, толочный—немедленно же можно одолжиться у сосѣдей нужнымъ количествомъ мисокъ и ложекъ, если только гости, или толочане не догадались прибыть со своими, напр., ложками,—что въ воспоминаемое время кое-гдѣ важивалось. Въ виду сказаннаго, приходится лишь слегка упомянуть о немногочисленной столовой посудѣ.

1. „Сольница, или сольничка“ имѣеть здѣсь чистый типъ русской солонки: четыре дощечки вверху и внизу связаны нѣжными обручиками; внизу вставное дно, вверху—наклонная шарнирная крышка. Задняя стѣнка значительно выше остальныхъ, съ прорѣзью въ верхней части; двѣ же боковыя дощечки идутъ отъ задней къ лицевой съ постепеннымъ пониженіемъ. Узорная рѣзба на дощечкахъ и даже обручикахъ проста и однообразна: то мелкіе вырѣзы косыхъ крестовъ, ромбовъ, то зубчатые вырѣзы, то неглубокіе выдолбы. Въмѣсто такой, „стоишій¹³⁹⁾ сольницы“, нерѣдко можно увидѣть берестовую и деревянную кубышку со вставнымъ дномъ, безручный ковшъ, маленькую мисочку и плоску, или горшечный и кувшинный черепокъ, которые для прочности и даже красоты обвиваются берестою.

Какова ни была-бы солонка, она не снимается со стола и въ свободное время находится безотлучно при хлѣбѣ. Для странныхъ надобностей соль держится отдѣльно, въ случайной посудинѣ.

2. Миски встрѣчаются глиняныя и деревянныя. Между первыми различаются: простыя миски, скорѣе—плоски, и „пыливанны“¹⁶⁰⁾; деревянныя миски бываютъ „долбежны“¹⁶¹⁾ и точеныя, сработанныя на токарномъ кружалѣ, или „станѣ“, гдѣ вытачиваются колесныя ступицы. Почти всѣ глиняныя миски для прочности увиваются берестю, или же вверху и внизу скрѣпляются тонкими обручами. „Долбежны“ миски не имѣютъ надлежащей красоты:¹⁶²⁾ онѣ нѣсколько кривы, не совсѣмъ гладки, зато отличаются прочностью и сработаны „зъ вѣдымныго древа“¹⁶³⁾.

Величина мисокъ, емкость ихъ разнообразится до безконечности: начинаясь „мисищій“ и постепенно умаляясь, она доходитъ до „мисыньки и мисульки“. Въ послѣднемъ видѣ посуда служитъ надобностямъ маленькихъ дѣтей, а иногда замѣняетъ питейный ковшъ. Относительно емкости мисокъ можно установить слѣдующее: на шесть взрослыхъ потребителей перваго (жидкаго обязательно) кушанья употребляется миска емкостью въ гарнецъ. „Долбежны“ миски бываютъ значительно меньше и могутъ служить надобностямъ одного, двухъ лицъ.—Подобно всякой деревянной посудѣ, часто сносящейся съ жидкостями, деревянныя миски отъ времен и чернѣютъ, приобрѣтаютъ глянecъ и типичный проквашенный запахъ.

3. Глиняныя и деревянныя „талѣрцы“ мелькаютъ среди столовой посуды и на столѣ появляются при мясныхъ кушаньяхъ: въ нихъ только подается и разрѣзается мясо. Прикончена послѣдняя работа, мясо вброшено въ миску—и сполоснутая „стравый“ да вытертая хлѣбомъ тарелка оказывается лишнею на столѣ, отбуда она тогда же и снимается. Только при ѣдѣ „пачистыхъ“ тарелка служитъ настольною посудой: разрѣзанное въ ней мясо вычерпывается и выбирается, какъ и изъ миски.

Тарелка отправляетъ многоразличныя хозяйственныя службы: она замѣняетъ питейный ковшъ, ею отмѣряется крупа и мука, прикрывается горшокъ, въ ней приготовится нѣжное мѣсиво для

первичнаго корма поросять, изъ нея подастся нищему „збѣжже, зѣрниты“ ¹⁶⁴⁾ и проч.

4. Вмѣсто тарелки, для разрѣзыванья мяса и сала, употребляется специальное „дѣно“, которымъ бываетъ иногда небольшая квадратная доска (см. выноску 119). Подобно тарелкѣ, „дѣно“ ополаскивается кушаньемъ надъ мискою, вытирается хлѣбомъ и, при мытьѣ столовой посуды, вымывается и „шаруитца“ ¹⁶⁵⁾ наравнѣ съ нею.

5. Пословица утверждаетъ, что „сухая ложка ротъ деретъ“; въ дополненіе къ этому можно сказать, что мѣстная ложка способна сдѣлать то же и несухую... Сработанная наскоро, примитивными инструментами, она шероховата, царапаетъ губы, а что хуже всего—имѣетъ широкіе бока и не входитъ въ ротъ,—что неудобно при ѣдѣ киселя и другого липкаго кушанья. Рослые мужчины и тѣ, кого судьба наградила широкимъ ртомъ, изловчатся внести ложку въ ротъ по самое „давье“ ¹⁶⁶⁾; женщины же и, въ особенности, дѣти не могутъ сдѣлать этого и принуждены, во первыхъ, черпать далеко неполную ложку, а во вторыхъ—спускать съ нея кушанье въ ротъ „по-трѣхи, да по-вольки“,—какъ о томъ упоминалось выше.

Въ употребленіи встрѣчаются ложки трехъ типовъ: овальныя, широкобокія ¹⁶⁷⁾, напоминающія бубноваго туза, и круглыя, послѣднія употребляются значительно рѣже, отчасти потому, что не выдерживаютъ нажима и отламываются при ручкѣ во время черпанья густого кушанья и, въ особенности, при мытьѣ картофеля, „волѣжинный“ каша и проч. Наибольшая длина своеручной столовой ложки не превышаетъ 6 вер., наименьшая длина круглыхъ исключительно покупныхъ ложекъ равна 4 вер. Если судьба заноситъ въ домъ металлическую ложку, то послѣдняя хранится, правда, какъ предметъ любопытства, какъ скарбъ, или на случай приѣма вѣтеллигентнаго гостя; пользоваться же ею никто не пожелаетъ, потому что такая ложка имѣетъ недостаточную вмѣстимость, а

главное—держать жаръ,—что обязывает затрапезника дуть на эту ложку дольше и сильнее, чѣмъ на деревянную.

6. Пуская въ ходъ богоданную вилку, простолюдинъ шутливо увѣряетъ, что „ѣтыю сáмыю видѣлку Богъ перши дурувáвъ“. Однако, и обычная вилка кое-гдѣ встрѣчается, какъ въ застольномъ употребленіи, такъ и при стряпнѣ: такъ, при помощи ея, вынимается изъ горшка и миски жаркое мясо, придерживается при разрѣзываніи его. Въ этой службѣ вилка покоится въ сторонѣ, потому что мясо и другіе съѣдобные предметы обыкновенно потребляются ложками и руками.

Подобно металлической ложкѣ, вилка появляется въ домѣ только случайно—подаркомъ, или находкою; и, подобно ей, служить предметомъ любопытства, увеличиваетъ скарбъ, да подается при угощеніи важнаго гостя.

7. Гораздо чаще можно встрѣтить „пярчóвку“ ⁽⁶⁸⁾, которая появляется на столѣ въ парадныхъ случаяхъ. Она бываетъ почти всегда съ крышкою: жестяная коробочка,—помадная банка, бутылочка, деревянная и берестовая кубышка, низкій рожокъ и деревянный тобарный графинчикъ, задешево покупаемый на базарахъ и въ лавкахъ.

8. Какъ посуда для коровьяго масла при ѣдѣ, „маслѣнка“ появляется на столѣ развѣ тогда, когда подана жаркая бульба въ „муньдерыхъ“, при чемъ, ея бываетъ: мисочка, тарелка и вообще мелкая каменная посуда. Но въ запасливомъ хозяйствѣ имѣется нарочитая для пасхальнаго стола „маслѣнка“, часто деревянная кубышка, которая разъ въ годъ появляется на столѣ, процутешествовавъ предварительно вмѣстѣ съ пасхальными снѣдками въ приходскую церковь. По опорожненіи, такая „маслѣнка“ покоится въ иномъ домѣ въ „божницѣ“ во весь годъ.

Перечисленная столовая посуда въ полномъ наборѣ можетъ встрѣчаться весьма рѣдко: миска, изрѣдка, тарелка и ложки только и могутъ почестся столовыми завсегдатаями. Для нихъ

существуетъ двойкая мойка: обыденная, на скорую руку и парадная; при послѣдней мойкѣ посуда „шарѹптца“ хвощомъ, пескомъ, соломою и мочалой. Такъ и иначе вымытая посуда не всегда вытирается, а высыхаетъ обернутою на столѣ, на лавкѣ, на припечкѣ, или въ нарочитой „градкѣ“, придѣланной къ стѣнѣ, гдѣ ложки, напр., затыкаются, подобно тому, какъ стамески и напильники въ мастерской.

9. Для путевыхъ недомашнихъ надобностей кушанье помѣщается въ „кѹбличекъ“—небольшое ведерко (емкость—гарнецъ, или два) съ двумя ушками и крышкою, въ срединѣ которой есть гнутая ручка; чрезъ послѣднюю и ведерныя ушки проходитъ задвижка. „Кѹбличекъ“ удобно переносится и одновременно служить хранилищемъ кушанья и мискою.—Если кушанье подоспѣло въ время, отправляющійся на работу беретъ его тогда же; нѣтъ—оно будетъ доставлено въ рабочій уголъ въ свое время именно въ „кѹбличкѣ“,—что обыкновенно возлагается на дѣтей.

XV. Варевная посуда и прирады. ¹⁶⁹⁾

Значительная часть стряпной посуды приобрѣтается покупкою въ городахъ, мѣстечкахъ и на ярмаркахъ, или мѣною на разные хозяйственные продукты у проѣзжихъ горшечниковъ и только деревянные предметы, необходимые при стряпнѣ, сооружаются домашними усилиями, по мѣрѣ умѣнья. Покупная и мѣновая посуда бываетъ: желѣзная, глиняная и деревянная. Первое мѣсто занимаетъ:

10. „Чигунъ, или цыгунъ“ ¹⁷⁰⁾—чугунный котелъ въ одно-два ведра, примѣнительно къ составу семьи, душъ на пять, на десять. Въ немъ готовится первое кушанье на цѣлодневныя надобности; въ другомъ такомъ же „чигунѣ“ и на тотъ же сробъ готовится второе кушанье. Такимъ образомъ изо-дня-въ-день въ „варевномъ“ употребленіи бывають два „чигуны—кислый и прѣсный“, почти никогда незамѣняющіе другъ друга.

11. Тамъ, гдѣ пріобрѣтеніе „чигунѡвъ“ затруднительно, они замѣняются соотвѣтствующими глиняными „гырщкѡми“¹⁷¹⁾, которые еще строже разграничиваются на кислые и прѣсныя.

12. Необходимымъ принадлежкомъ каждаго „чигунѡ и гырщкѡ“ бываетъ „отлѣвышъ, или слѣвникъ“ — котелъ и горшокъ, почти на половину меньше основнаго. „Отлѣвышъ“ служитъ запасомъ для пополненія основнаго горшка при выкипѣ, сплавѣ и вообще — на всякій случай; — въ немъ же иногда держится теплая вода для мытья посуды и долива того и другаго кушанья послѣ ѣды.

Употребленіе маленькихъ „чигунъчикывъ, гырнужѣвъ и гарнужѣвъ“¹⁷²⁾ можно встрѣтить развѣ въ приготовленіи „башиньки“ дѣтямъ, больнымъ, да на несподручной службѣ — съ незначительными крохами „зыкратъ, присмакъ, волѡгъ“, при „оттапливаньи“ лѣкарственныхъ травъ и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда приходится „клатъ горшки“¹⁷³⁾ больному.

13. „Лѡтка“ (плѡшка) встрѣчается наравнѣ съ большими горшками и, подобно имъ, отъ ведерной вмѣстимости доходить до ёмкости питейнаго ковша. Главнымъ образомъ въ „лѡтцы прѡжутца и тунутца разныя кашысты, іечни, прижаныны“, которыя въ ней же и подаются на столъ. Кромѣ того „лѡтка“ часто замѣняетъ миску при подачѣ жидкихъ кушаній, при разливѣ „сцюдяневъ“, а также служитъ и другимъ стороннимъ надобностямъ, подобно тарелѣ.

14. Маленькихъ сковородъ, или съ готовыми при нихъ ручками, нельзя встрѣтить при мѣстной стряпнѣ; напротивъ, наибольшія сковороды, поставляемыя въ печь при помощи чепелы, имѣютъ преимущественное распространеніе: съ такой сковороды получится порядочный блинъ, на ней удобнѣе помѣстить объемистую „смаженку“, ею же можно прикрыть и „широчѣнный“¹⁷⁴⁾ горшокъ, когда требуется „упарить страву“. На столѣ сковорода появляется только съ „прѡжыннѣй іечнѣй“, рѣже — съ зажаренною колбасой. Кромѣ указанной службы, сковородой прикрывается всякая холод-

ная посудина, на ней подается вода и зерна курамъ, цыплятамъ, молоко и кормъ—„подсоскамъ“¹⁷⁵⁾—поросятамъ; только кошки и собаки не допускаются къ сковородѣ.

15. При печеннхъ блиновъ и другихъ хлѣбныхъ изготовленій при сковородѣ состоитъ: „подмѣзка, мазѣлка“, которою бываетъ: кусочекъ свиного сала, иногда завернутый въ тряпочку, прилаженную къ небольшой деревянной рукояти, или кусочекъ воска, придѣланный такимъ же образомъ, при постныхъ печеньяхъ.

16. Подобно столовой вилкѣ, „блѣха“ (противень) заносится въ мѣстную кухню довольно рѣдко и случайно: подаркомъ, дешевою покупкою на толкучкѣ, или кое-какимъ домашнимъ изготовленіемъ изъ попавшагося куска листового желѣза.

17. „Мыкоцѣръ, или макитру“—обыкновенный гладкій глиняный бабочникъ—можно причислить къ поваренной посудѣ потому только, что въ немъ изрѣдка мнется жаркій картофель, неразварившаяся морковь, творогъ на „мыканину“, растирается макъ и конопля. Если „макитра“ изъ горшечной глины не „поливная“, въ ней кушанье ставится въ вольную печь: тогда „макитра“ появляется и на столѣ, какъ миска и плошка.

18. „Шумовка“¹⁷⁶⁾ попадаетъ слишкомъ рѣдко, да и пользованье ею несовсѣмъ сподручно, потому что въ печи горшокъ стоитъ отъ стряпухи довольно далеко. Если набѣжить необходимость „шумуваць“ кушанье, то это дѣлается при помощи „полоника“.

19. „Полоникъ“¹⁷⁷⁾—спеціальная большая ложка на длинной рукояти (общая длина его 1 ар. 6 в. и болѣе, изъ коихъ 4 в. приходятся на ложку)¹⁷⁸⁾—совершенно необходимъ при стряпнѣ: при посредствѣ его отливается въ „отлѣвышъ“ и дополняется главный горшокъ, подсаливается, кладется всякая „добава“, отвѣдывается кушанье и вычерпывается въ миску, при подачѣ на столѣ.

20. „Поварёшка“ ¹⁷⁹⁾ отличается от „полѳника“ сравнительно меньшими размѳрами, вѳсомъ (общ. дл. 10 в., овалъ ея 2½ в., глуб. 1 в.) и крючкомъ въ концѳ „цавьѳ“, для привѳса на гвоздь, край горшка, посудыны. „Поварёшка“ служитъ только для вычерпыванья кушанья въ миску и рѳдко, не въ примѳръ предшественнику, для растиранья „добавъ“ въ горшкѳ, да вычерпыванья на сковороду блиннаго тѳста.

Внѳ спеціального употребленія „полѳникъ и поварёшка“ служатъ питейною посудой, взамѳнъ ковшѳ, а состарившись, съ трещинами и выщербами, еще долго остаются въ амбарѳ и клѳти для вычерпа зернистаго хлѳба, крупы, муки, при складащахъ которыхъ они замѳняютъ савокъ.

21. Нельзя не согласиться, что ухватъ, кочерга и чепела пристряпной посудѳ то же, что соль при хлѳбѳ, ложка—при кушанья, и эти три главныя орудіястряпни трудно представить другъ безъ друга, почему и мѳстонахожденіе ихъ въ печномъ углу безразлично называется „вылышникымъ, кычарогникымъ, чипѳльникомъ“. Примѳнительно къ горшкамъ и сковородѳ, „вилки“ и чепела на длинныхъ, довольно прочныхъ деревянныхъ насадкахъ (чѳренахъ), бываютъ нѳсколькихъ величинъ; что же касается всегда единственной кочерги, то оконечность ея изрѳдка бываетъ желѳзною, а сплошь и рядомъ она—вся деревянная: то крючковатый самородокъ, то кусокъ колеснаго обода съ готовою дыркой, куда скоро и удобно можно вправить насадку. Въ виду того, что деревянная кочерга скоро можетъ сгорать, крючковатый конецъ ея почти всегда покоится въ помойной посудинѳ, или же часто обливается водой. Кочерга употребляется только при послѳднемъ загребѳ угольевъ въ печурки; во время же печной топки уголья подъ сковороду и къ горшкамъ пригребаются ухватомъ и чепелой.

22. Отъ загребной кочерги слѳдуетъ отличать „кисялёвку“—легкую деревянную кочергу, крючковатый самородокъ, употребляю-

щуюся для размѣшиванья киселя въ печи, а изрѣдка—и другихъ жидкихъ кушаній. „Кисялёвка“ покоится отдѣльно отъ „кычарѣгъ“, воткнутая въ стѣнную дыру, или привѣшенная на гвоздь.

23. Для удобнаго перемѣщенія грузныхъ горшковъ по печному „поду“ употребляется „котулка, или котка“—короткая чурка съ правильной выемкой по срединѣ, имѣющая видъ оси съ двумя глухими колесами по краямъ. При пользованіи этою „прирадой“, въ выемку кладется ухватный черенъ—и „горщокъ ѣдиць“,—какое выраженіе нашло себѣ мѣсто въ нѣсколькихъ загадкахъ о путешествіи горшка въ печь и обратно.

24. Маленькія „ночвычки“¹⁸⁰⁾ употребляются при стряпнѣ рѣже, чѣмъ такое же корытце¹⁸¹⁾: послѣднее дѣлается съ толстыми стѣнками и дномъ, почему сѣчка не такъ скоро пробьетъ ихъ, какъ первыя. Длина корытца рѣдко превышаетъ 12 вер., а ширина 4 в.; но этого вполне достаточно, чтобы управиться съ сѣчкою, а при случаѣ—растолочь и растереть матеріалъ для предположеннаго кушанья. Въ послѣднемъ случаѣ употребляется „тывкѣчикъ“—пестъ вершк. въ 6 длиною, тупой конецъ котораго не превышаетъ діаметра въ 2 вер. „Тывкѣчикъ“ держится отдѣльно и, подобно „кисялёвцы“, виситъ при стѣнѣ на привязанномъ къ нему снуркѣ.

25. Мѣстная сѣчка бываетъ одноручною и двуручною. Она одинаково служитъ стряпнѣ и для приготовленія свиной „сѣчинки“ въ небольшомъ количествѣ и на скорую руку.

26. „Тартка“ (терка) почти всегда изготовляется домашними усиліями, при помощи гвоздя и молотка, изъ случайнаго куска жести. При стряпнѣ она служитъ только къ тому, чтобы натереть картофеля въ хлѣбное и блинное тѣсто; но разъ въ годъ, къ пасхальной ветчинѣ, на ней трется хрѣнъ. Въ остальное время любители и беззубые трутъ на ней рѣдку, лакомки—морковь и брюкву.

27. „Дежка-хлѣбница“ обязательно имѣется въ самомъ бѣдномъ хозяйствѣ. Почти всегда она дѣлается съ нѣсколькими клепами изъ чернаго дуба, которыя правильно размѣщены среди остальныхъ—еловыхъ, или сосновыхъ,—и имѣетъ плотно пригнанную крышку съ узкими краями. Въ краткомъ описаніи трудно передать все, что народная жизнь связываетъ съ квашней: объ этомъ не мало говорится при описаніи обрядностей, въ сказкахъ, пѣсняхъ, загадкахъ, даже пословицахъ и поговоркахъ, кои вошли въ различные этнографическіе сборники. А потому, не прерывая описанія, приходится вспомнить лишь слѣдующія существенныя требованія: а) новую „хлѣбницу“ слѣдуетъ задобрить, поставивъ на сутки рядомъ со старою на одну подстилку и подъ одною покрывкою,— б) завести въ ней „бѣсилъ“, в) никогда не вымывать и не выскребать ея снаружи и внутри, г) не запарить и не заходить водою, е) держать на строго опредѣленномъ мѣстѣ подъ прикрывкою и на подстилкѣ и ж) ни въ какомъ случаѣ не одолжать въ сторонній домъ ¹⁸²): квашня капризна, обидчива—станетъ давать плохой хлѣбъ.

Величина квашни слишкомъ разнообразится: начиная отъ двухъ-гарнцевой емкости при заторѣ, она доходитъ до четверикового и больше затора. неизмѣнно общимъ остается лишь одно: высота квашни должна быть совершенно одинакова съ діаметромъ устья.

28. Для замѣса тѣста квашня почти всегда переносится къ лѣвой сторонѣ печного устья, подъ „конь“, и тутъ устанавливается на специальный „крижъ“ изъ досокъ, поставленныхъ ребромъ. Она находится здѣсь до окончательной уборки и потомъ относится на постоянное мѣсто.

29. Хлѣбная колотовка неизмѣнно повоняетъ въ „хлѣбницѣ“. Для хозяйственныхъ нуждъ—при битвѣ масла, расколотѣ въ горшкѣ картофеля, моркови, тыквы, муки въ кулешѣ—употребляется

отдѣльная колотовка, нѣсколько меньше хлѣбной, хотя и имѣющая одинаковый видъ съ нею.

30. Маленькая квашня, специально предназначенная для блиннаго тѣста, есть извѣстная „дѣжка-блѣнница“. Она встрѣчается рѣже первой—блины можно заторить въ мискѣ, въ горшкѣ—и не вызываетъ ухода и предосторожностей квашни.

XVI. Консервная посуда.

Расчетливое, а то и убогое, крестьянское хозяйство заставляетъ пользоваться всякою посудой: пока она нова, посуда служитъ специальнымъ надобностямъ; устарѣла, получила трещины, выбоины—идетъ на второстепенную, далеко не привычную службу; свободна посуда отъ прямого назначенія—ей дается временное, опять же непохожее на обычное. Ничтожный, повидимому, черепокъ отъ боковой части горшка, едва вмѣщающій ложку воды, и тотъ можетъ пойти въ дѣло. При всемъ этомъ нѣкоторая посуда имѣетъ исключительное назначеніе хранить консервы и довольно рѣдко отступаетъ отъ своего назначенія. Сюда относятся деревянная посуда.

31. „Пирарѣзъ“ — половина распиленной 40, или 20-ти ведерной „кѹфы“ ¹⁸³⁾ изъ подъ водки и пива. Онъ первоначально служитъ для закваса и храненія на зиму капусты, или для соленья мяса, въ большихъ хозяйствахъ, а въ свободное время въ немъ содержится вода дома и въ банѣ. Когда же одряхлѣвшій „пирарѣзъ“ протекаетъ, тогда въ немъ хранится хлѣбная и „приваркывыя“ мука, крупа, скромный (пшеница, конопля) и излишній запасъ зернового хлѣба.

Постепенно уменьшаясь, „пирарѣзъ“ доходитъ до „ппрарѣзичка“, величиною въ гарнецъ,—что завсѣтъ отъ величины распиленного боченка.

32. Совершенно одинаковую службу съ „пирарѣзомъ“ несетъ „сильдѣвка, или сильцѣвка“ — сельдяная бочка, задешево поку-

паемая въ городахъ, мѣстечкахъ и корчмахъ. Эта бочка не распиливается, а служитъ въ томъ видѣ, въ какомъ она поступила въ домъ, т. е. безъ верхняго дна.

33. „Пирарѣзъ“ неминуемо имѣетъ болѣе узкое дно и широкое съ незначительнымъ выгибомъ отверстіе. Подобная посуда съ прямыми сторонами, двумя ушками, плоскою крышкой, запирающеюся въ ушкахъ деревянною задвижкой, даетъ извѣстный „свѣзикъ“. Онъ готовится нарочно для соленья мяса и сала. Емкость „свѣзика“ не превышаетъ двухъ четвериковъ и, подобно „пирарѣзу“, уменьшается до „свѣзичка“. Въ послѣднемъ случаѣ, при вмѣстимости ниже четверика, посуда принимаетъ имя „фаски“, особенно, когда занята масломъ и творогомъ въ прокъ; но при храненіи „топлѣного“ сала удерживаетъ обычное имя „свѣзичка“.

34. Извѣстная одноручная и двуручная „шаѣнка“ служитъ самымъ разнообразнымъ надобностямъ: ею черпается вода, въ ней переносится кушанье въ рабочіе углы, хранится свиная „мѣшинка“, а въ обратномъ случаѣ—кровь убойнаго животнаго и внутренности, творогъ, масло и скромныя сбереженія мяса.

35. „Пирарѣзъ, свѣзикъ и шаѣнка“ имѣютъ дно уже отверстія. Къ этой же категоріи посуды приходится отнести и „чирплѣ“—небольшую клѣпчатую посуду на длинной рукояти для черпанья воды изъ прорубей и зернового хлѣба изъ закромовъ. На службѣ „чирплѣ“ можно встрѣтить „шаѣнку“ съ отпиленной ручкой, „бочурѣнку“ съ выбитымъ дномъ и маленькій „пирарѣзичекъ“¹⁸⁴).

36. Изъ глиняныхъ посудъ для консервовъ первое мѣсто принадлежитъ „слѣйку“¹⁸⁵)—большой банкѣ, для храненія „топлѣного“ сала, масла, творогу, меда. Ради прочности, „слѣйкъ“ обвивается берестой при первомъ же появленіи въ домъ и тогда онъ

весьма рѣдко ставится въ легкій печной духъ. Часто случается, что такой „слѣпкъ“ переживаетъ 50 лѣтъ.

37. Обвитый берестю „гырлѣчь“¹⁸⁶⁾ служитъ по стольку же и тѣмъ же надобностямъ, какъ и „слѣпкъ“.

38. Точно такъ же обвивается берестю то новый, то подержанный горшокъ. Подъ именемъ „бирисня“¹⁸⁷⁾ онъ служитъ всѣмъ главнымъ надобностямъ двухъ предыдущихъ и наравнѣ съ ними несетъ многія второстепенныя службы. Между прочимъ, всѣ три посуды замѣняютъ „бѣйку“ при битвѣ масла, или служатъ для храненія наиболѣе дорогихъ сѣмянъ—мака, конопля, крупнаго боба и гороха, цѣнной крупы, которою является просовая, ржаная и гречневая.

39. „Кырчага, кырчажка“ есть плетеная посуда изъ соломы и распластанной тонкой лозы съ накладною крышкою того же плетенья, имѣющая форму молочной кринки, или короткошейнаго графина. Она бываетъ около аршина въ вышину и можетъ вмѣстить четверикъ и болѣе крупы, для храненія которой главнымъ образомъ предназначается. Большія „кырчаги“ имѣютъ по бокамъ лозовыя ручки, для болѣе удобнаго переноса ихъ съ мѣста на мѣсто¹⁸⁸⁾.

40. Изъ того же матеріала плетется „сивѣлка“, формою напоминающая низкій „свѣзикъ“ безъ крышки, и вмѣщающая нѣсколько меньше четверика (6—7 гарнц.). „Сивѣлка“ имѣетъ специальное назначеніе при хлѣбномъ посѣвѣ; но такъ какъ, по минованіи краткосрочной службы, она надолго остается праздною, то и поступаетъ, между прочимъ, на консервы для сыпучихъ предметовъ, подобно „кырчагѣ“.

41. Одинаково съ „сивѣлкой“ известна „лѣбка“—лѣбяная, или изъ тонкой, драной доски, почти четвериковая посуда безъ крышки, съ узкою въ видѣ обруча накладкой вверху и внизу. Существенное отличіе „лѣбки“ отъ другихъ деревянныхъ и плетеныхъ посудинъ состоитъ въ томъ, что отверстіе ея не шире и не

уже дна. Между прочимъ, „у лубцы“ хранится на парадный случай тонкая ржаная и пшеничная мука.

42. У пчеловодовъ имѣется „липывка-довбежинка“ со вставнымъ дномъ, прямая кадка, для храненія меда. Она дѣлается не только изъ липоваго, но и изъ другихъ мягкодревесныхъ стволовъ—ольхи, осины, березы и ели. Когда попадаетса дерево потолще, стволъ его идетъ на сооруженіе довольно большихъ кадокъ (выс. 2 ар., діам. выше арш.), которыя удерживаютъ названіе „липывки“, хотя сдѣланы не изъ липы, и служатъ для храненія сыпучихъ тѣлъ.

43. По величинѣ „липывки“, нерѣдко превосходящей послѣднюю, сооружается „дощникъ, или дощникъ“—кляпчатая изъ толстыхъ досокъ посудина съ двумя-тремя иногда желѣзными обручами вмѣсто деревянныхъ, для храненія муки и зернового хлѣба, въ помощь заеромамъ. Если „дощникъ“ безъ дна, то онъ прочно и навсегда уставляется на землю въ кляти, при чемъ внутри и снаружи основаніе его обмазывается глиною,—что, при высотѣ „дощника“ и прямизнѣ стѣновъ, дѣлаетъ его рѣшительно недоступнымъ для крысъ и мышей. Ту же выгоду имѣетъ и перемѣщаемый „дѣнный дощникъ“.—Служа, по большей части, хранилищами зернового хлѣба, „дощники“ только изрѣдка могутъ считаться консервною посудой въ ряду перечисляемой теперь и скорѣе должны быть отнесены къ амбарной посудѣ.

44. Форма мѣстнаго „пыйка“ колеблется между „свѣзыкыый“ посудой и прямосторонней „лубкый, липыкый“. Служа мѣрною единицей ¹⁸⁹⁾, „паекъ“ въ то же время служитъ посудиною для храненія сыпучихъ тѣлъ, особенно, лѣтнею порой, когда не требуется его спеціальной службы. „Пакъ“ бываетъ кляпчатый и „долбежный“. Въ послѣднемъ случаѣ онъ сходствуетъ съ „липыкый“.

45. „Гарчѣвка“ отличается отъ своего патрона только емкостью, составляя лишь восьмую часть его, хотя въ то же время

имѣеть болѣе разнообразный видъ: высоту и ширину обыкновеннаго гарнца, большую ширину при незначительной высотѣ; изрѣдка встрѣчаются „гарчѣвки“ и четырехъугольныя, изъ досокъ, и „платушки“ — изъ соломы и лозы.

XVII. Молочная посуда.

Какъ ни скромно данное хозяйство, однако же, его трудно представить безъ коровки, молоко которой нерѣдко служитъ единственною скороминой для семьи. А разъ въ домѣ есть коровка, ради молочныхъ продуктовъ существуетъ и отдѣльная, немногочисленная, правда, посуда; она остается и тогда, когда приниженное положеніе заставитъ довольствоваться какою-нибудь козою. Въ зажиточномъ и бѣдномъ хозяйствѣ обязательною молочною посудой состоитъ:

46. „Доѣнка“ — деревянная посуда съ прямыми стѣнками, вмѣстимостью не превышающая „бубличка“. Одна клепка „доѣнки“ нѣсколько удлинена и даетъ ручку, какъ у „шаѣнки“; противоположная клепка съ самородкомъ-рыльцемъ цилиндрической формы, просверленнымъ насквозь, рѣзко отличаетъ посудину отъ всякой другой. Слѣдуетъ признать, что „доѣнка“ — единственная посуда, содержащая, по крайней мѣрѣ, внутри съ наибольшою чистотой, и что она ни на какія другія надобности не употребляется, даже въ праздныхъ случаяхъ, во время передоя.

При „доѣнкѣ“ безотлучно состоитъ тряпочная цѣдилка, опять же не въ примѣръ прочимъ предметамъ содержащаяся опрятно и не употребляемая на стороннія надобности.

47. „Гырлѣчь“ составляетъ вторую и съ тѣмъ вмѣстѣ последнюю молочную посуду, почти нераздѣльную съ „доѣнкой“. Слѣдую поговоркѣ — „изъ большого не вывалится“ — въ самомъ скромномъ хозяйствѣ обыкновенно имѣются кринки вмѣстимостью въ гарнецъ, и рѣже — съ меньшею вмѣстимостью, между прочимъ,

на тотъ случай, что она можетъ пригодиться на многочисленныя второстепенныя надобности.

48. Въ житейскомъ употребленіи весьма мало различаются понятія—„гырлѣчь и жбанокъ“, по крайней мѣрѣ, послѣднее почти всегда замѣняетъ первое. На самомъ дѣлѣ „жбанкомъ“ слѣдуетъ назвать рылистый съ ручкою кувшинъ, въ молочномъ хозяйствѣ изрѣдка замѣняющій кринку.

Обычная служба кринки и кувшина достаточно извѣстна; второстепенная же служба ихъ стоить нѣкотораго упоминанія. Такъ, за отсутствіемъ ведеръ, при наскоро сооруженныхъ изъ веревочекъ перевѣслахъ, на коромыслѣ и въ рукахъ, они прогуляются за водой, съ кушаньями—въ рабочіе углы; заткнутые тряпкой, влочки сѣна или соломы, сопутствуютъ отхожему рабочему то съ водой, то съ квасомъ; „ягидники“¹⁹⁰⁾ выходятъ съ ними многія версты за сборомъ ягодъ; отхожіе ночлежники сваряютъ въ нихъ грибы и другое кушанье. Наконецъ и дома они послужатъ складочнымъ помѣщеніемъ для сухихъ ягодъ и грибовъ, для рѣдкихъ сѣмянъ, крупы, муки, яицъ; въ нихъ же на скромные случаи готовится квасъ и т. под.

49. Гдѣ молочное хозяйство поставлено нѣсколько шире, тамъ имѣется „бѣйка“—высокая, но узкая кадочка¹⁹¹⁾ съ клетчатой же накладной крышкой, съ круглою дыркой по срединѣ послѣдней. „Бѣйка“ или „мыслобѣйка“ служитъ специальнымъ надобностямъ, для сбиванія масла. Приготовленная сметана вливается въ „бѣйку“, туда же на пестъ опускается „крестовикъ“—двухвершковой ширины и четырехвершковой длины дощечки, крестообразно сложенныя. Одинъ конецъ песта прочно укрѣпленъ въ срединѣ „крестовика“, а другой черезъ крышку выходитъ наружу.—Подъемъ и опущеніе послѣдняго помогаютъ сбивать масло въ довольно короткій срокъ.

Въ простѣйшихъ случаяхъ масло бьется въ горшкѣ, мискѣ, „макитры“, при помощи ложки, или небольшой колотовки. Это

замедляетъ дѣло; но терпѣливая стряпуха, или приставленное ею лицо, ущемивъ между ногъ посудину со сметаною, да непрерывно вертя ложкою въ одну сторону, получаетъ черезъ часъ-два, а иногда и болѣе, то дорогое „масѣлко“, которое пойдетъ на разныя хозяйственныя надобности, или въ продажу.

50. Всякій одноручный, или двуручный горшокъ называется „горнушкой“. Какъ извѣстно, „горнушки“ не бываютъ большихъ размѣровъ, не превышаетъ гарнца. Варить въ немъ приходится рѣдко, развѣ „кашечку“ для дѣтей, и служба его чисто консервная—для храненія сметаны, масла, жидкаго сала, меда, или болѣе цѣнныхъ сыпучихъ предметовъ.

XVIII. Питейная посуда.

51. Домашнимъ резервуаромъ для воды служить „кадь“. Эта клепчатая посуда разнообразится по объему и по внѣшнему виду, хотя собственно „кадь“ имѣетъ широкое сравнительно съ отверстиемъ дно. Она стоитъ то прямо на полу, на землѣ, то на подложенныхъ плахахъ, то на ножкахъ, которыми бываютъ три продолженныя внизъ клепки.—то изрѣдка на лавкѣ. Настоящая „кадь“ вмѣщаетъ не менѣе трехъ „судовъ“ ¹⁹²⁾ воды; ниже этой вмѣстимости та же посуда называется „кадушкый“: кадка съ послѣднимъ именемъ служить второстепеннымъ надобностямъ, а иногда—и мѣрою.

52. Послужною сестрой кадки состоитъ „ряжка“—водоносное ведро съ двумя ушками, перетянутыми веревочнымъ, или лыковымъ перевѣсломъ. Водоносное ведро—не слишкомъ точная мѣра, расходящаяся съ обыкновенною ведерною, и ее правильнѣе называютъ „ряжичкый“.—При двухъ ведрахъ состоитъ неразлучнымъ спутникомъ „коромисиль“—грубое, но легкое орудіе, накладываемое на одно только плечо.

Служба ведеръ такъ разнообразна, что трудно указать мѣсто, гдѣ бы не воспользовалась ими житейская надобность. Кромѣ

прямой обязанности, ведро служитъ для переноса кушаній, питей, при сборѣ ягодъ, грибовъ, консервѣ ихъ; въ праздное ведро укладывается молочный и мясной консервъ, запасная „мѣшинка, сѣчинка“, для свиней, готовится поило для телятъ и стельныхъ коровъ; оно берется на ночлеги и въ отхожіе рабочіе углы, гдѣ „живоцѣнка“¹⁹³) и хозяева ея пьютъ поочередно. Наконецъ, то же ведро несетъ позорную службу, когда замѣняетъ грязную лохань, дѣтскій урильникъ и проч.

53. Черпательною мѣрою воды и кваса служитъ „кѣнывка“ — клепчатая кружка, имѣющая дно немного уже отверстія. Одна изъ мелкихъ клепокъ „кѣнывки“ дѣлается съ прорѣзною ручкою. Емкость „кѣнывки“, принимаемая за „кварту“, на самомъ дѣлѣ, значительно превосходитъ эту мѣру жидкости. Вообще слѣдуетъ помнить, что простолюдинъ не гоняется за точностью домашней питейной мѣры, основательно утверждая, что „душа мѣру знаетъ“. Поэтому мѣрная емкость „кѣнывки“ колеблется между одною-двумя бутылками (квартами). Подобно всякой почерцной питейной посудинѣ, „кѣнывка“ почти не разлучается съ кадкою: она то плаваетъ въ водѣ, то стоитъ на крышкѣ, если только послѣдняя есть на кадкѣ, и только изрѣдка — на сосѣдней лавкѣ, или скамьѣ.

54. Гораздо лучше „кѣнывки“ служитъ ковшъ, который выдалбывается и вырѣзается изъ древесной чурки. Онъ примыкаетъ къ кадкѣ еще тѣснѣе, потому что имѣетъ на концѣ ручки крючекъ, которымъ привѣшивается на кадочный край, рѣдко — на сосѣдній брюкъ¹⁹⁴).

55. Глиняная кружка съ ручкой называется „кѣхликъ“. Эта покупная посуда встрѣчается значительно рѣже и хранится на случай поднесенія питья болѣе почетнымъ посѣтителямъ. Емкость „кѣхлика“ не превышаетъ полуторыхъ бутылокъ, зато не бываетъ менѣе одной. Въ послѣднемъ случаѣ „кѣхликъ“ является мѣрною единицей — „квартый“.

Когда черпательною посудой, хотя и временно, явился одно-ручный горшечекъ, за нимъ удерживается имя „кѹхлика“.

Въ наиболѣе расчетливыхъ случаяхъ „кѹхликъ“ обвивается берестю и тогда онъ несетъ нескончаемо долгую службу, подобно всѣмъ „бierasцѣнкымъ“.

56. Настоящая „блишиняя ¹⁹⁵⁾ квѣрта“, равная одной бутылкѣ, заносится въ домъ только покушкою. Вслѣдствіе этого и въ виду непрочности, „квѣрта“ не пользуется распространенностью, а скорѣе мелькаетъ только среди остальной посуды. Еще рѣже мелькаетъ мѣдная „квѣрта“, которая въ домѣ, даже въ цѣлой деревнѣ, будетъ единственною мѣдною посудиною.

57. На службѣ черпательной посуды можно встрѣтить „большую квѣрту“, или „пывгарчѣвку“—жестяную двухбутылочную посудину, подобно „квѣртѣ“, зашедшую случайно. Житейское употребленіе „пывгарчѣвки“ почти незамѣтно, и гдѣ таковая имѣется, она стоитъ цѣлые годы безъ прямого употребленія, служа второстепеннымъ, отдаленнымъ надобностямъ, какъ сѣладище для денегъ, мелкихъ вещей и проч.

58. Главною, основною мѣрою и хранилищемъ водки, а также и другихъ жидкостей—уксуса, постнаго масла, чистаго дегтя, ворвани, окрашивающаго раствора, лѣкарственнаго снадобья, нюхательнаго табаку и проч.—является общеизвѣстная „бутѣлька“, или „сулѣйка“. Изъ всѣхъ ходячихъ посудинъ бутылка весьма рѣдко обвивается берестю, именно потому, что чрезъ это сбрадывается содержимое ея.

59. Что сказано о „бутѣльцы“, какъ общераспространенной посудѣ, цѣликомъ можно отнести и къ „пѣвштопу“, цѣлому „штѣпу“, которые неизмѣнно остаются застольною, разливною посудой.

60. Для храненія и перевозки водки, какъ и другихъ жидкостей, всевозможныя „бѹтли“ ¹⁹⁶⁾ несподручны, потому что обязываютъ къ осторожности, которую часто весьма трудно бываетъ

соблюсти. Попадъ въ домъ довольно случайнымъ путемъ, „бѹтля“ остается праздною посудиною долгіе годы, пока не выручитъ сторонній пріобрѣтатель, или пока кто-нибудь не разобьетъ ея по неосторожности.

61. Для храненія и перевозки жидкостей свѹше бутылки гораздо сподручнѣе общеизвѣстный и распространенный „глякъ“ — пузырчатая глиняная посудина съ маленькимъ горлышкомъ, съ одной, или двумя ручками при немъ. Величина „гляковъ“ слишкомъ разнообразна: начиная отъ ведернаго, можно встрѣтить крохотный „глячѣнычикъ“, емкостью въ сотую ведра; дешевизна же посудыны позволяетъ обзавестись ею въ нѣсколькихъ экземплярахъ: одинъ для водки и пива, другой для масла, дегтя и проч. Расчетливая бережливость не замедлитъ обвить „глякъ“ берестю, и тогда послѣдній служить нескончаемо долгіе годы.

Лѣтнею порой „глякъ“ съ квасомъ или водою путешествуетъ въ отхожіе рабочіе углы, при чемъ онъ значительно лучше другой посудыны хранить питье.

62. Если бы „бочѣныкъ, или бочѹрка“ не разсыхались отъ празднаго стоянья, то они могли бы совершенно затмить „бѹтлю и глякъ“ на предметъ содержанія водки, уксуса, кваса, воды; къ сожалѣнію, „бочѣныкъ“ каждый разъ требуетъ замочки и запарки. Кромѣ того онъ не можетъ вмѣщать остальныхъ жидкостей — масла, дегтя, ворвани и проч.

Форма и величина „бочѣнкывъ“ нѣсколько разнообразна: такъ а) встрѣчаются обыкновенные боченки отъ трехъ ведеръ до гарнца, б) плоскіе боченки послѣдней мѣры съ воронкою, мыскомъ у дна и в) баклажки — низкіе, но широкіе боченки вмѣстимостью отъ одной до двухъ четвертей ведра. „Бочѹрки“ всѣхъ видовъ затыкаются „шпѹнтымъ“ — деревяннымъ, плотно подогнаннымъ гвоздемъ, затычкою.

По большей части, всѣ боченки дѣлаются изъ дуба, а послѣдніе два типа имѣютъ то въ клепкѣ, то въ днѣ рыльце и гнутую ручку.

63. Небольшой ливеръ и лейка появляются въ домѣ временно, случайно, особенно первый. Нѣтъ ихъ—водка, напримѣръ, и пиво разливаются по бутылкамъ прямо чрезъ боченковую воронку надъ поставленною миской, или корытцемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ настоящей водочной посуды и набѣжала необходимость „сбѣгать за водкой“¹⁹⁷⁾, или пивомъ, послѣднія приносятся въ кувшинъ, кринкѣ, горшечкѣ, банкѣ, откуда разливаются въ принятую рюмку, или другую питьевую посуду. При гостининомъ и толочномъ сборѣ, водка наливается прямо въ миску, откуда вычерпывается принятою рюмкой,—что значительно ускоряетъ одѣленіе гостей.

64. Если судьба занесла въ домъ стаканъ, или фарфоровую чашку, то они, разумѣется, остаются внѣ спеціальнаго употребленія, а блюдутся на случай поднесенія питья интеллигентному посетителю, замѣняютъ рюмку (водка наливается по „рубяжкѣ“¹⁹⁸⁾, или же въ нихъ помѣщаются мелкіе предметы, бездѣлушки и деньги. Въ этомъ случаѣ стаканъ и чашка покоятся въ потайныхъ мѣстахъ сундука и „кубла“ и часто по цѣлымъ годамъ не видятъ свѣта Божьяго...

65. Нормальною чаркой почитается та, емкость которой равна половинѣ извѣстной „сотки“. Подъ разными, часто иносказательными именами („бручѣкъ, кѣкъ, пыпирѣшка“¹⁹⁹⁾, мѣрка, аршинъ, „аршиникъ“ и проч.), принятая чарка бываетъ: стеклянная, жестяная, фарфоровая, глиняная и деревянная. Послѣдній видъ чарки весьма часто встрѣчается въ формѣ маленькаго ковшичка, съ крючковатою, или прямою²⁰⁰⁾ ручкой (общая длина $3\frac{1}{4}$ в., ручки— $1\frac{1}{4}$ в., длина отверстія $1\frac{3}{4}$ в., ширина его— $1\frac{1}{4}$ в., при глубинѣ $\frac{5}{8}$ вер.). Какова ни была бы принятая чарка, у подгулявшихъ бражниковъ, при мирной, житейской по-

пойкѣ, она обращалась въ „сарѣбриныю“, а будучи подаваема компанейцу съ ладони, ставала на „зылотѣй блюди“,—въ чемъ удостовѣряетъ слѣдующая стародавняя пѣсня, теперь—увы!—не раздающаяся болѣе при подобномъ бражничаньи... Часто нестройными, зато сердечными, голосами компанейцы пѣвали:

„Чаричка моя, сарѣбриныя,

Ны зылотѣй блюди пыстѣвлиныя!..

Кому чару пиць, тому здраву быць!..

Пиць чару (такому-то—имя и отчество очередного)

На многіи—многіи лѣты!.. ²⁰¹).

XIX. «На заѣдки и запивки» ²⁰²).

Такъ ѣлось и шилось въ бытописуемое время и такими предметами обиходности обставлялось удовлетвореніе первой жизненной потребности простолюдина Витебской Бѣлоруссіи... Съ тѣхъ поръ, повинуваясь неизблемымъ велѣніямъ Творца, земной шаръ не одинъ разъ совершилъ свой круговой обходъ и перевертъ, и за это время не одинъ миллионъ наземныхъ предметовъ призвался къ новой, или обновленной жизни, не одно бытіе смѣнилось другимъ, оставивъ по себѣ то осязательный, то неуловленный слѣдъ. Въ послушномъ подчиненіи волѣ Творца повсюду проявилась и воля людская: въ одномъ мѣстѣ палъ лѣсъ, въ другомъ—высохло болото, въ третьемъ—ничтожный, повидимому, пустырь началъ давать нѣжный пирогъ, въ четвертомъ—остатняя „подзолица“ ²⁰³) произвела тонкую рубашку; тамъ протянулись „желѣзныя струны“, почти съ быстротою молніи передающія человѣческое слово на тысячи верстъ, здѣсь пробѣжалъ сказочный „конь, подъ которымъ земля дрожить, изъ ушей дымъ валить, изъ ноздрей пламя пышетъ“, или же, управляемый умомъ и волею человѣка, пронесся въ заоблачной выси „огненный змѣй“... Что произошло съ многомиллионной единицей мірозданія, то же, въ соотвѣтственной мѣрѣ, сказалося и на маленькой частичкѣ этой единицы, которой (частички)

касается настоящее бытописание. — Обращаясь тѣснѣйшимъ образомъ къ темъ отдѣла, не упуская изъ виду безсмѣннаго существованія „дюрки у роци“ и чрезъ то неуставаемой потребности въ пищу и питье, приходится лишь свидѣтельствовать, что удовлетвореніе этой потребности не удержалось въ стародавнихъ устояхъ, какъ не удержались многіе предметы обиходности, прямо и косвенно примыкающіе къ ѣдѣ и питью. Переживаемая дѣйствительность поможетъ подтвердить это данными, поставляемыми самою жизнью.

Еще весною 1869 г. мелкій тогда бакалейный торговецъ м. Сиротино, Полоцкаго уѣзда, (Гирша Сухорукій) иронически удостовѣрялъ, что „теперь мы можемъ обойтись безъ настоящихъ пановъ—у насъ завелись новые“, и при этомъ рассказалъ, какъ нѣсколько крестьянъ, при закупкахъ къ Пасхѣ, потребовали отпустить имъ „того жѣвтыго, што паны у пирога кладуць“ (шафранъ), и какъ удивленный торговецъ, „отпустивъ желтый товаръ, взялъ за него слишкомъ красную цѣну“... Теперь, чрезъ 25 лѣтъ, подъ своимъ подлиннымъ именемъ, шафранъ желтитъ не только дрожевой, часто пышный пшеничный прогъ, но и его не менѣе пышную спутницу, бабку; расцвѣченные сверхъ того „разынкыми и мигдалыми“ ²⁰⁴⁾, оба они мелькаютъ не въ пасхальномъ только коробѣ, одинъ разъ въ году появляясь при приходской церкви и затѣмъ—на столѣ, но и въ нерѣдкіе дни празднествъ и семейнаго торжества. Если кому-нибудь трудно пріобрѣсти шафранъ, онъ съумѣетъ сдѣлать желтою хотя поверхность пирога и бабки, густо наслоивъ ихъ яичнымъ желткомъ. Такимъ образомъ упоминаемый въ 1 гл. прогъ сдвинуть съ первенствующаго мѣста и, подъ названіемъ „пытлюваныго, ²⁰⁵⁾ солинныго хлѣба“, составляетъ только наиболѣе добротный сортъ его въ праздники, торжества и поминальные дни, когда въ церкви и на кладбищѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ „кочоры“ ²⁰⁶⁾, а не пирога. Дешевизна бѣлой пшеничной муки, доступные пути къ пріобрѣтенію ея и выработанное умѣнье обращаться съ пшеничными печеньями сдѣлали то, что кромѣ пирога

и бабки на праздничномъ столѣ простолюдина стали обычными и никого не удивляющими бѣлые пшеничные блины, „налесники“²⁰⁷), грибки“²⁰⁸), блины „крипаны“ и „сырники“²⁰⁹).

Въ свою очередь не ново тамъ же появленіе мясныхъ и сырныхъ „гáлыкъ, или кувдуновъ“²¹⁰), а также появленіе котлеты, известной подъ именемъ „счѣныго мяса“, „ныдивáный рыбы“²¹¹) (преимущественно—щуки), по крайней мѣрѣ, немногіе затрапезники встрѣтятъ ихъ, какъ предметъ любопытства. Проводниками этихъ предметовъ на крестьянскій столъ обыкновенно являются крестьянскіе выходцы на временную, или долгосрочную службу въ города и къ сельскимъ интеллигентамъ, какъ-то: работницы, няни, кормилицы, кухарки и состарившіеся повара. Благодаря имъ и еще болѣе—сосѣдству пришлыхъ лицъ, въ значительной мѣрѣ развилось приготовленіе мясныхъ и другихъ консервовъ, между которыми не могутъ уже считаться послѣдними мѣстное соленье и копченье окороковъ, колбасъ, гусей, утокъ, баранины, — что достаточно известно базарнымъ покупателямъ-горожанамъ, какъ известны прочны сыры крестьянскаго изготовленія, отчасти напоминающіе голландскіе, даже и по внѣшнему виду значительно отступающіе отъ обычныхъ сыровъ—треугольниковъ.

Съ наплывомъ и расселеніемъ въ губерніи прибалтійскихъ латышей, на крестьянскомъ столѣ, между прочимъ, начала мелькать латышская „пүтра“²¹²) —слишкомъ простое и весьма скоро приготовляемое кушанье. Правда, непривычный вкусъ „пүтры“, опять же несовсѣмъ привычныя сроки потребленія ея, наблюдаемые у проводниковъ новаго кушанья при такихъ, или иныхъ житейскихъ сношеніяхъ, значительно отталкиваютъ простонародье отъ „настоящей пүтры“²¹³); но тутъ же, въ силу раздражительности, крестьянскаястряпня создаетъ уже самобытное, но пока-что безыменное кушанье, занимающее средину между „пүтрой“ и фаршмакомъ...²¹⁴).

Посѣтители сельскихъ лавочекъ, нынѣ довольно часто мелькающихъ въ бойкихъ мѣстахъ, не откажутся припомнить, что,

кромѣ необходимыхъ въ сельскомъ быту предметовъ (мука, крупа, соль, постное масло, сельди, табакъ, спички, колесная мазь и проч.), въ нихъ можно встрѣтить и довольно разнообразныя предметы лакомствъ: пряники, конфекты, мармеладъ, грецкіе и турецкіе орѣхи, сладкіе струки и т. под. Что же касается ярмарочныхъ привозовъ, то здѣсь предметы лакомствъ наполняютъ десятки баглановъ, составляя нерѣдко единственный предметъ торговли. Выше сомнѣнія, что присутствіе лакомствъ въ лавочкахъ и на ярмаркахъ вызывается потребителскимъ спросомъ, и бытописателю остается отмѣтить лишь тотъ фактъ, что сельскіе потребители лакомствъ покупаютъ послѣднія не на „покушку“ только, не ради того, чтобы „отбываться кирмашёвымъ“, а чтобы поѣсть, поблажить себя досыта. Для этого иной лакомка наполнить лакомствами платокъ и, бродя по „кирмашу“, да на пути въ домъ, приѣдаетъ дочиста. Эта манерность лакомиться, издавна извѣстная въ городахъ и пригородахъ ²¹⁵⁾, теперь пробралась въ села, и проводниками ея являются отпускные, или молодые выслужившіеся солдаты, да городскіе бывальцы—фабричныя, подмастерья и т. под. молодой людъ—совсѣмъ нежелательный просвѣтитель сельской молодежи, мужской—по преимуществу. Въ значительномъ числѣ родительскихъ сѣтованій, между прочимъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ и сѣтованія на крайне разорительную привязанность дѣтей-подростковъ къ „ласбникамъ и пыласункамъ“.

Вошедшія въ текущую обиходность кушанья привели туда кое-какую культурную посуду. Такъ, въ домѣ простолюдина начинаетъ мелькать не только фарфоровая тарелка, но и „бѣлый повмисыкъ“, такая же миска съ ручками (ваза), глиняныя и жестяныя бабочники и другія формочки для пшеничныхъ печеній, мелькаютъ и питейныя посудины изъ фарфора: кружки, чашки, рюмки. Съ развитіемъ и лучшей постановкой гончарныхъ издѣлій, и, въ особенности, когда отдѣльные предприниматели ²¹⁶⁾ пытались выдѣлывать изъ мѣстной глины разнообразную культурную посуду,

отличавшуюся от бѣлой фарфоровой только цвѣтомъ (черный, кирпично-желтый и смѣшанный), стали нерѣдкостью вазы съ ручками, полмиски, тарелки, блюда, кружки, кувшинчики и чайная посуда. Благодаря конкурентному подъему этихъ издѣлій и относительно изящной отдѣлкѣ, дешевизна и красота ихъ послужили первыми причинами къ замѣну кривобокихъ, грузныхъ мисокъ; къ этому не замедлила еще подоспѣть и подражательность. Въ первое время дѣло не обходилось безъ комическихъ приключеній: такъ, развальная и вмѣстительная рукомоynая чашка появлялась на мѣстѣ деревянной и глиняной, а извѣстная спальная посуда, кстати, удобная для захолаживанья студенья, киселя и приготовленія „мыбаньны“, являлась на столѣ съ тѣми и другою... ²¹⁷).

Несправедливо было-бы завѣрять въ томъ, будто перечисленные кушанья и въ связи съ ними новые предметы приросли къ необходимости простолюдина; напротивъ, пока-что они только „мельбають“ въ обиходности, которая все еще продолжаетъ вѣдаться и даже не можетъ обойтись безъ стародавнихъ. Но и такого мельбанья уже достаточно, чтобы новые предметы обиходности рано ли, поздно ли замѣнили стародавнiя, или же привились къ жизни, не умаляя и не уничтожая прежнихъ, и лучшимъ подтвержденiемъ этого служить распространенiе самовара и чаешитiя. Нѣтъ слова, для двухъ третей простонародья послѣднее дѣло все еще недоступно, составляя предметъ потайныхъ, завистливыхъ желанiй, хотя въ наиболѣе парадномъ положенiи дома такое желанiе можетъ быть выполнено кое-гдѣ уже и сосѣдскимъ одолженiемъ. Если для чисто домашнихъ надобностей трудно обзавестись мѣднымъ и даже жестянымъ (предѣльная цѣна его 1—2 руб.) самоваромъ, то обзаведенiе глинянымъ и жестянымъ чайникомъ въ послѣднее время не представляетъ затрудненiй, какъ не представляетъ того же приобрѣтенiе кое-какого чаю и сахару. За неимѣнiемъ чая, но при необходимости „париць грудки“, въ такихъ чайникахъ, даже при самоварѣ, можно заварить подручныя травы—мяту, горлянку,

буквичный листъ, липовый цвѣтъ, чаберъ, или поджаренныя винныя ягоды ²¹⁸).

Кромѣ различныхъ предпринимателей, въ видѣ подрядчиковъ, скупщиковъ и -вообще „бывальцевъ“ изъ мѣстнаго престопагодья, въ числѣ первыхъ обзаводятся самоваромъ волостныя старшины, старосты, сборщики, а вслѣдъ за ними и тѣ, кто подостаточнѣе, кто водить съ ними хлѣбосольныя сношенія, или кто „бѣриць на пыхи“ ²¹⁹). Къ сожалѣнiю, даже у такихъ стародавнихъ чаепиць дѣло съ чаемъ пока что стоитъ довольно безпорядочно: чай приобрѣтается дешевый, иногда слишкомъ сомнительнаго происхождения, заваривается помногу, переваривается „до вѣнчиковъ“ и потомъ, съ густотою чуть-ли не темнаго пива, заливается молокомъ въ стаканѣ... Слѣдуетъ ожидать, что ознакомленные съ правильнымъ заваромъ чая отслужившіеся выходцы (б. кухарки, горничныя, няни, кормилицы) и солдаты помогутъ сельчанину исправить неумѣлое чаепитіе, которое въ отдѣльныхъ случаяхъ принимаетъ видъ „пуншепитія“, такъ-какъ въ чай вливается рюмка-двѣ водки... ²²⁰).

На парадныхъ, праздничныхъ сборищахъ, въ зажиточныхъ домахъ, нерѣдко можно встрѣтить красное и бѣлое вино, приобрѣтаемое не бутылками только, а цѣлыми „анкаркыш“, ²²¹)—можно встрѣтить домашнюю наливку, ромъ, коньякъ и либеръ—къ чаю. Пригородные (Селютской вол., Вит. у.) дачники 1891 г. и ближайшихъ къ нему лѣтъ удостовѣряютъ въ сказанномъ, присоединяя къ сему, что въ одномъ случаѣ, новобрачныя, напр., принимали домашнюю встрѣчу и поздравленіе съ шампанскимъ... Последнее не можетъ считаться чѣмъ-нибудь новымъ: еще въ 70-хъ годахъ двое братьевъ—Суховиловъ (Бѣльской вол., Пол. у.), извѣстные въ то время желѣзно-дорожныя коммисіонеры, поставщики дровъ и шпалъ, прокатили на „заморскихъ шпучкахъ“ не только громадный заработокъ, но и свое родовое крестьянское достояніе... Случайные посѣтители путейныхъ заведеній въ бойкихъ пунктахъ не могли

не замѣтить, что, на ряду съ простыми напитками, тутъ можно увидѣть нѣкоторый запасъ разныхъ наливокъ, ликеровъ и винъ: очевидно, присутствіе ихъ вызывается спросомъ потребителей-сельчанъ.

Къ слову объ употребленіи баварскаго и чернаго пива остается присоединить развѣ то, что современный простолюдинъ знаетъ обстоятельно „пару, полдюжину и дюжину пивъ“, а при-дорожные (дв.-вит. ж. д.) сельчане научились пользоваться уже цѣльными „боченикими бира“, поставляемаго изъ Риги и Двинска, по заказу потребителей, на путевыя станціи, — научились различать пиво по игристости и безошибочно узнавать мѣсторожденіе его по вкусу...

Съ проведеніемъ въ житейское, хотя бы даже и рѣдкое, употребленіе „пивъ, винъ и сипучикъ“²²²⁾ ворвались неожиданными гостями: нѣсколько чуждая обрядность питья, причеты и привѣтствія. Воспоминаемые, напр., бражники, банкетные компанейцы, какъ дѣти одной матери, пивали изъ одной „чарички“, поочередно привѣтствуя другъ-друга наисердечными пожеланіями: „буць здоровиниць, сватокъ, братокъ! буця здоровиньки уси! зы здоровійка вашія!“ (отвѣтное привѣтствіе: „пи ны здоровійка! сахырцымъ удушю—мылоточкымъ у гылову!“)²²³⁾. А когда тѣ же бражники-братья доходили до нѣкоторой косности языка, не позволявшей выговаривать полностью цѣпкое (по произношенію) привѣтствіе, обѣ стороны, то поочередно, то хоромъ нескончаемое число разъ вторили легко произносимое и глубоко-сердечное „дай-жи, Божа“!.. и этими словами, въ задушевномъ произношеніи которыхъ особеннымъ манеромъ вибрировалъ голосъ чуть-ли не въ десяткѣ нотъ, сказывалось все, чего желали, но чего не въ состояніи были вымолвить стороны!..

Точно разъединившіеся братья, собутыльники текущаго времени нерѣдко пьютъ изъ различныхъ рюмокъ, или стакановъ, и хорошо еще, если вымолвятъ чуждое — „буць сабѣ“! (отвѣтъ: „ты

сабѣ!“)²²⁴); чаще всего питье обходится безмолвнымъ кивкомъ головы назадъ и подмигиваньемъ на налитую посудину, или опять же чуждымъ чоканьемъ, т. е. прикосновеніемъ своей посуды къ компанейскимъ,—что дѣлается иногда при общемъ подъемѣ посуды, а чаще—одинъ собутыльникъ прокатится донышкомъ своей посуды по налитымъ посудинамъ товарищей и стремительно опорожнить собственную; вслѣдъ за нимъ сдѣлаютъ то же и товарищи... Это значитъ, что землячокъ научился „чубыцца“!..²²⁵).

Б.

Одѣцця ²²⁶), обуцця и приборы.

„Кылі-бъ ня ѣжа, ды ни одѣжа, дыкь-ба опрөгся чилувѣкъ лежа... ²²⁷). Што у посцѣли, тоя и у косцѣли... Уси ягó приборы ²²⁸)— лапци, ды обóры“... (изъ множества мѣстныхъ пословицъ объ одеждѣ и обуви).

Не опережая заботь о „хлѣбушки насучнымъ“, но и не оставая отъ нихъ, у бытописуемаго простолюдина проходятъ равномерныя же заботы объ одеждѣ и обуви, и тогда только онъ относится успокоительно къ теченію жизни, когда его „нутрѣ сыто, а цѣло (тѣло) прикрито“. На этомъ бы и поставить обычное бѣлорусское— „хулà (хвала) Табѣ, Божухно“!.. ²²⁹). Однако, съ неуловленныхъ людскою памятью „сѣдыхъ временъ“ ведется такъ, что иногда и неполнѣ сытый, недостаточно прикритый чловѣкъ не останавливается на приконченныхъ, повидимому, заботахъ о прикритіи тѣла: подчиняясь ли условнымъ требованіямъ среды, или въ силу таковой и иной раздражительности, личной прихотливости, исбателью хочется, чтобы тѣльная покрывка была выше заурядной или чтобы она разила сторонній глазъ. Такимъ образомъ на концѣ заботь о существенномъ явно и скрыто вырастають новыя—о на-

рядности, пригожествѣ одежды и обуви. Это послѣднее, не чуждое и простолюдину Витебской Бѣлоруссіи; онъ называетъ общимъ именемъ „приборывъ“.

Въ виду сказаннаго, вслѣдъ за описаніемъ одежды и обуви, разграниченія ихъ на празднично-парадные, будничныя и, въ особенности, на мужскія и женскія, бытописательское слово неизбѣжно коснется и тѣхъ немудреныхъ, правда, нарядовъ и украшеній, кои примыкаютъ сюда, какъ обиходные предметы. Что же касается мѣстнаго приготовленія одежды и обуви, а также сподручныхъ предметовъ, при помощи которыхъ происходитъ безхитрое, почти примитивное изготовленіе той и другой, то перечисленіе и описаніе таковыхъ займетъ свое подлежащее мѣсто. Въ то же время не останется обойденнымъ указаніе на исчезнувшіе, или исчезающіе предметы настоящаго отдѣла, какъ и на положеніе ихъ среди предметовъ текущей обиходности.

I. Мужская одежда.

1. Рубашка русскаго покроя, т. е. съ косымъ воротомъ и весьма узкимъ ($\frac{1}{4}$ вершка) воротникомъ, у взрослыхъ и дѣтей безразлично называется ²³⁰) сорочкою. У первыхъ она едва спускается до колѣнъ, у послѣднихъ же, „баштоникывъ“ ²³¹), доходитъ почти до пятъ. Разумѣется, при своеобразной, въ то же время неминуемой подпояскѣ, сорочка, какъ и другая одежда, значительно укорачивается, при чемъ у взрослыхъ она доходитъ только до половины стегна, а у дѣтей—до колѣнъ, имѣя лицевую сторону нѣсколько ниже задней.—Воротникъ сорочки, края воротнаго отверстия и даже края вольныхъ рукавовъ, по большей части, обшиваются узкою ($\frac{1}{4}$ вер.), сине-красною тесемкою фабричнаго изготовленія, при чемъ, въ видѣ эпюлетъ, на плечи нашиваются иногда такого же цвѣта „наплечники“—узкія (1 верш.) тесьмы отъ воротника до рукавнаго пришива, а подъ мышки тогда же подшиваются ромбоидальныя „пылчки“ ²³²) изъ кумачной, ровной ткани.

Обыкновенно сорочка застегивается съ лѣвой стороны, на оконечностяхъ воротника, одною пришивною пуговицей фабричнаго изготовленія ²³³).

Таковъ общій типъ сорочки, употребляющейся въ пограничныхъ и близлежащихъ къ Смол. и Псков. г. мѣстахъ, и отклоняющійся нѣсколько къ юго-западу, гдѣ ужé прерывается и цокуновское произношеніе ея—„сорочка“.—Будничная сорочка шьется изъ домашняго холста средней толщины, праздничная и парадная—изъ такого же, но болѣе тонкаго холста, „набѣйки“, пестрядины, въ роскошныхъ же случаяхъ—изъ ситца и кумача. Для прочности, а также и теплоты, болѣе тонкая сорочка съ внутренней стороны дѣлается съ „подшивами“, которые едва доходятъ до половины груди и спины: вверху они пришиваются при воротникѣ или вшиваются внутрь его, а внизу пристрачиваются чуть замѣтнымъ швомъ.

2. „Кывняровка“, въ болѣе полонизированныхъ мѣстахъ известная подъ именемъ „кошӯли, кошӯльки“, распространена повсюду и даже уживается рядомъ съ сорочкою. Эта рубашка изъ бѣлаго, исключительно домашняго холста, бываетъ различной тонкости, и на мужчинѣ средняго роста и тѣлосложенія даетъ слѣдующія, точныя измѣренія: при четырехъ полотнищахъ ²³¹), длина рубашки отъ воротника до подола составляетъ 1 арш. и 5 верш., а ширина по подольному рубцу нѣсколько превышаетъ 2 арш. и 4 верш.; длина рукава равна 10 вер., а ширина его въ пришивѣ—15-ти, въ вольномъ концѣ, по рубцу—6—7 вершкамъ; по срединѣ груди отъ воротника идетъ прямой воротъ въ 4 вер., который почти всегда обнажаетъ узкую полосу груди; въ заключеніе рубашку вершаетъ „ковнёръ“, имѣющій по длинѣ 10, а по высотѣ 2 верш. и дающій рубашкѣ имя. Въ мѣстѣ пришива къ „кывняру“ рубашка становится относительно узкою потому только, что здѣсь она собирается во множество складокъ, вшитыхъ въ основаніе воротника и, кстати, всегда служащихъ богатымъ гнѣздилищемъ паразитовъ...

У сорочки воротникъ обыкновенно состоитъ изъ одной ткани съ корпусомъ рубашки; у „кывнярѳвцы“ же онъ дѣлается изъ значительно тончайшаго холста, а въ щегольскихъ случаяхъ— даже изъ коленкора, потому именно, что, при верхней одеждѣ, выпускается наружу, при чемъ узенькіе концы его кое-какъ стоятъ. То же бываетъ и при повязкѣ шеи платкомъ, или шарфомъ. Въ остальныхъ случаяхъ широкій, никогда не крахмаливаемый воротникъ спадаетъ самъ собою при основаніи шеи и такимъ образомъ является отворотнымъ.

Впрочемъ, для наиболѣе будничныхъ надобностей, „кывнярѳвка“ шьется съ болѣе узкимъ воротникомъ, минимальная ширина котораго едва доходитъ до 1 вер. При повязкѣ шеи платкомъ, или шарфомъ, такой воротникъ отстаетъ отъ нихъ, такъ что между платкомъ и воротникомъ остается замѣтная полоса обнаженной шеи.

Воротникъ застегивается ordinarily только застежкой, которою бываютъ: а) пришивныя къ основанію его съ того и другого конца нитяныя плетушки, б) пришивныя же кромки какой-нибудь ткани, или прочныя, но тонкіе рубцы одежды,—в) одна пуговица—покупная, или швейнаго производства, застегивающаяся то прорѣзною, то нитяною петлей,—г) цвѣтная ленточка, или обрывокъ цвѣтной матеріи, продѣтые черезъ прорѣзныя петли на концахъ воротника, и д) покупная, дешевая запонка („шпонька“) въ тѣхъ же петляхъ. Область употребленія той или другой застежки невозможно разграничить, такъ какъ одно и то же лицо нерѣдко носитъ рубашки съ различными застежками.

Дѣтскія „кывнярѳвки“ отличаются отъ возрастныхъ только болѣе узкимъ воротникомъ, при чемъ, у „баштѳникывъ“ онъ доходитъ до пяти, какъ и сорочки.

Рубашки того и другого типа обыкновенно носятъ „на выпускъ“, при неизбѣжномъ опоясываньи, и только въ при-шляхетныхъ мѣстахъ (въ Лепел., Дрис. и Полоц. у.) „кывнярѳвка“

встрѣчается вправленную въ портки. Последнее несовѣмъ удобно: длинная до колѣнъ рубашка и значительная ширина ея дѣлають стегна неуклюже-широкими, точно туда запрятана легкая одежда. Впрочемъ, у постоянныхъ носителей вкладной „кывнярѣвки“ она дѣлается значительно короче и уже.

3. Подобно рубашкамъ, портки бываютъ „кывнярѣвыи“ и „бизковнѣрныи“. Первые считаются болѣе парадными и шьются изъ ровной ткани. Въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается вкладная рубашка, такіе портки имѣють съ правой стороны одинъ мелкій „кишѣнь“ ²³⁵⁾ для склада и ношенія мелкихъ предметовъ. Если портки предназначены для выпуска поверхъ обуви, то нижнія части ихъ оканчиваются короткою незатѣйливою бахромой, которая есть ничто иное, какъ оконечность ткани, откуда вынута до десятка уточныхъ нитокъ, а концы основы связаны пучками, нитокъ въ пять каждый.—Высота „кывнирѣ“ штановъ не бываетъ шире полвершка; обхватная же ширина его въ поясицѣ, для средняго мужчины, свыше 1 ар. и 2 вер., при общей длинѣ въ 1 арш. 4 вер. Впереди воротникъ портковъ застегивается на одну крупную пуговицу („гузикъ“) — покупную, костяную, случайно попавшуюся мѣдную, или кожаную, сработанную дома изъ куска старой подошвы ²³⁶⁾.

Кромѣ портковъ изъ ровнаго бѣлаго холста, шьются „штаны“ изъ набивнаго холста и пестрядины; для зимнихъ же надобностей изъ — домотканнаго, сваленнаго сукна. Каковъ ни былъ-бы матеріаль, портки и штаны всегда одинаковы по длинѣ, ширинѣ и той удивительной глубинѣ, по которой „гузѣнне“ ²³⁷⁾ является шире поясицы и, благодаря неумѣлости закройщицъ-бѣлошвеекъ, имѣеть позади какой-то отвислый мѣшокъ. „Гузѣнне“ играетъ довольно почетную роль въ суевѣрно-предразсудочной жизни: такъ, треніемъ его вылѣчивается „осурѣченне“ ²³⁸⁾ молодое животное и даже дѣти.

4. „Бизковнёрныи“ портки называются „матузными“, или просто—„мытузами“, отъ той веревки, при помощи которой они стягиваются, или распускаются въ поясницѣ, какъ стягиваются и распускаются нѣкоторые мѣшки, служащіе мелкимъ надобностямъ. Такъ какъ „мытузы“ изготовляются для будничнаго, домашняго употребленія, то они шьются наскоро, даже изъ кусковъ разносортныхъ тканей, и никогда не имѣютъ кармановъ. При надобности, „матузная“ веревочка не развязывается—и „мытузы“ спускаются и поднимаются волокомъ...

Что сказано о порткахъ возрастныхъ, то цѣликомъ можно сказать и о порткахъ мальчиковъ, при извѣстной обрядности, одѣваемыхъ году на седьмомъ. Общимъ у тѣхъ и другихъ является ношеніе портковъ, которые, покоясь на крестцѣ и бедрахъ, впереди спускаются ниже живота.

5. Необходимымъ дополненіемъ рубашки и портковъ является какая-нибудь опояска. Появленіе безъ шапки и босикомъ не удивить стороннихъ такъ, какъ появленіе безъ опояски, которую наскоро бываетъ веревочный обрывокъ, путо, или даже лыко. Къ такой крайности приходится, однако, прибѣгать слишкомъ рѣдко, потому что въ домѣ и въ пользованіи отдѣльнаго лица всегда есть по нѣскольку поясовъ.—Рубашечный „пьясь“, всегда „плицушѣвый“, или „плицянка“, значительно уже тѣхъ, которыми опоясываются верхнія одежды, хотя длина его всегда равна длинѣ послѣднихъ, а именно—два поясныхъ обхвата и полъ-аршинные концы съ кистями. Каковъ ни былъ бы рубашечный поясъ, онъ опоясывается по выпускной рубашкѣ довольно низко—по направлению портковой поясницы, при чемъ весь животъ остается надъ поясомъ.

Узорность поясовъ и ширина ихъ довольно условныя: есть самодѣльные пояса въ полтора верш. шириною и есть пояса въ четверть дюйма, по внѣшнему виду, едва отличающіеся отъ тонкаго снурочка; у иныхъ поясовъ узоры настолько чисты и хороши,

что съ трудомъ вѣрится въ ручное, домашнее производство поясовъ.

„Плисцянки и тканые пыасы“ дѣлаются, по большей части, изъ смѣшанныхъ нитокъ—суконныхъ и льняныхъ, окрашенныхъ въ различные цвѣта. Такіе пояса гораздо прочнѣе чисто шерстяныхъ, хотя и уступаютъ послѣднимъ въ изяществѣ и мѣстной оцѣнкѣ. „Плисцянки“ дѣлаются въ ручную, при помощи двухъ-трехъ деревянныхъ вилочекъ, тогда какъ тканые пояса изготовляются на обыкновенномъ ткацкомъ станкѣ, или подобіи его—на вбитыхъ въ стѣну, или въ землю колышкахъ, на кои натягивается поясная основа.

Не будетъ ошибки въ увѣреніи, что среди мѣстныхъ одеждъ пояса являются наибильнѣйшими: невѣста, напр., заготавливаетъ ихъ въ такомъ количествѣ, что поясовъ достаетъ на личныя и мужнія надобности и на одѣленіе многочисленныхъ сватовъ и новой родни. Кромѣ того пояса поступаютъ во множествѣ „офярыми“²³⁹) въ окрестныя церкви, каплицы и костелы.

Какъ ни хороши пояса домашняго изготовленія, покупные считаются болѣе нарядными и ими опоясывается самая верхняя одежда—лѣтняя и зимняя.

6. вмѣсто поясовъ наиболѣе положительныя лица пользуются „дягый, дяжкый“—узкимъ ремешкомъ съ мѣдною, или желѣзною „спражкый“. Обыкновенно „дяга“ имѣетъ длину только въ ординарный обхватъ поясицы.

7. Въ мѣстахъ при-шляхетныхъ можно встрѣтить „кымизэльку“—жилетку домашняго изготовленія (изъ набивного, пестрядиннаго и вообще цвѣтнаго холста и сукна), застегивающуюся то пуговками, то петличными крючками, то снурочками. Ношеніе „кымизэльки“ не исключаетъ ношенія рубашечнаго пояса, или ремня.

8. Въ зимнюю и вообще холодную пору часто можно видѣть ношеніе нагрудника—довольно толстой накладки на грудь изъ плотной холстины, или сукна, которая сверхъ того подбита толстымъ слоемъ пакли, или шерсти, вмѣсто ваты; изрѣдка встрѣчается нагрудникъ изъ куска той, или другой шкуры. Во всѣхъ случаяхъ онъ имѣетъ слѣдующія части: низкій воротникъ, застегивающійся позади пуговкою, крючками, пришивными снурочками, — боковые сурки или тесемки, для продѣванія той и другой руки, и болѣе длинныя, свободныя тесемы, или сурки, которые соединяются и связываются на спинѣ. Длина нагрудника не заходитъ ниже грудной оконечности, ширина же еле-еле касается боковъ.

9. Первая по необходимости и главная по распространенности верхняя одежда есть „насовъ“, который встрѣчается двухъ типовъ—съ низенькимъ, едва замѣтнымъ воротникомъ и „кывняровый“—съ высокимъ, откладнымъ воротникомъ. Въ покровъ и вообще внѣшнемъ видѣ обоихъ „насовъ“ такая рѣзкая разница, что приходится разсматривать ихъ порознь. Общее между ними—только холщевая ткань, которая, начинаясь съ ровнаго гладкаго холста, доходитъ до причудливо узорной—въ ромбы, елочки, насыпные бугорки, узорныя полосы и проч.—да ослѣпительная бѣлизна,—что зависитъ отъ умѣнья „твяхъ“ бѣлить холсты безъ общеупотребительныхъ бѣлильныхъ предметовъ.

а) Низковоротный „насовъ“ шьется специальными деревенскими портными въ талию и спускается только до колѣнъ. Спинка и задъ „насова“ цѣльные, полы же, съ клиньями по бокамъ, пришивныя, и только изрѣдка составляютъ одно цѣльное съ грудью. Узкій воротникъ, лацкана, полы, рукава и карманныя отверстія его обкладываются довольно толстымъ синимъ суркомъ, который вверху и внизу кармана бываетъ фигурно перебитъ. У наиболее щеголеватыхъ лицъ тѣмъ же суркомъ узорно украшена и грудная часть „насова“. Такой „насовъ“ обязательно застегивается у во-

воротника и поясицы, а также и на срединѣ между ними, на самодѣльные, нитяныя, шарообразныя пуговицы.—Употребленіе его значительнѣе въ окраинахъ, на границѣ со Смол. и Псков. губ., хотя съ незначительными измѣненіями этотъ „насовъ“ можно встрѣчать по всему Вит. и отчасти—Полоцк. уѣзду. Въ тѣхъ же окраинахъ встрѣчается „синяцинный насовъ“ изъ ровной ткани синяго цвѣта.

б) „Кывнярѳвый насовъ“, или собственно балахонъ, не шьется въ талію, какъ первый, и скорѣе похожъ на легкій халатъ съ широкими полами. Длина этого „насова“ на средній ростъ не превышаетъ 1 арш. 13 вер., при подольной ширинѣ въ 4 ар. и 4 вер. Онъ шьется въ три полотнища, изъ наиболѣе широкой ткани; но подольную ширину увеличиваютъ довольно широкія клинья.—Обыкновенная длина рукавовъ не превышаетъ 12 вер., при чемъ въ пришивѣ они имѣютъ около 13, а въ вольномъ концѣ—около 8 вер. Ни кармановъ, ни снурочныхъ обшивовъ „кывнярѳвый насовъ“ не имѣетъ, и вверху застегивается на одну какую-нибудь пуговицу, съ лѣвой стороны. Выдѣляющеюся особенностію „кывнярѳвыго насова“ является откладной воротникъ, длина котораго бываетъ около 12, а ширина—около 3 вер. Онъ пришивается къ корпусу такъ, что при застежкѣ (правымъ лацканомъ, въ углу котораго есть прорѣзная петля) концы не достигаютъ другъ до друга вершка на два,—что составляетъ т. наз. „кывнярѳвую разнѣнку“²⁴⁰).

Оба „насовы“ непременно опоясываются, но не такъ, какъ рубашка, а значительно выше—по срединѣ живота; появленіе же „на люди“ съ неподпоясаннымъ „насовымъ“ равносильно появленію на улицѣ въ халатѣ.

Подобно предыдущему „кывнярѳвый насовъ“ бываетъ не только „синяцинный“, но и другихъ цвѣтовъ, при чемъ встрѣчаются желтые, коричневые и розовые „насовы“, хотя такой цвѣтъ ихъ

можетъ считаться лишь половиннымъ (бѣлая основа и цвѣтной утокъ).

Что носятъ возрастные, то носятъ и дѣти— „насовы“ того же покроя и ткани, при чемъ на долю ихъ выпадаютъ остатки и концы послѣдней.

10. Гдѣ распространено употребленіе „насова“, тамъ носится „знизыкъ“—короткая одежда той же ткани и покроя, едва доходящая до половины стегна. Подобнымъ же образомъ и „бывняровому насову“ соотвѣтствуетъ „сподыкъ, исподыкъ, подыспыдыкъ“, надѣваемый, какъ и главный „кулькомъ“²⁴¹).

Изъ названія послѣднихъ двухъ одеждъ видно, что онѣ есть нижнія, носимыя подъ другими одеждами. Къ этому остается прибавить, что „знизыкъ и подыспыдыкъ“ подпоясываются отдѣльнымъ поясомъ и имѣютъ значеніе сюртука, тогда какъ „насовъ“—значеніе верхняго пальто.

11. Сермяжныя одежды совершенно сходствуютъ съ балахонными въ покроѣ, длинѣ, разшивкѣ и разновидностяхъ, т. е. сермяги бываютъ кафтаннаго покроя „бывняровыи, знизыи и сподыи“. Материаломъ для нихъ служитъ ткань то изъ чистаго сукна, то изъ смѣшаннаго, гдѣ на половину, или въ меньшихъ доляхъ соединены нитки суконныя и льняныя. Въ общемъ употребленіи встрѣчаются сермяги двухъ цвѣтовъ—бѣлыя и сѣрыя, съ оттѣнками, не доходящими, однако, до чисто чернаго цвѣта²⁴²). Въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ цвѣтъ ихъ бываетъ „синяцінный“, а въ различныхъ мѣстныхъ уголкахъ можно изрѣдка увидѣть и другіе цвѣта, даже желтый.

Если кафтанная сермяга изъ чисто бѣлаго сукна, она обшивается синимъ суркомъ какъ и „насовъ“ того же типа; такая же обшивка синимъ суркомъ, кое-гдѣ мелькаетъ и на свѣтлосѣрой сермягѣ. По большей части, однако, темныя сермяги обшиваются въ подлежащихъ мѣстахъ тонкою кожей, которою почти вся грудь расцвѣчивается зубчатыми и ажурными узорами. „Кыв-

няровыи“ сермяги не имѣютъ обшивки, хотя въ отдѣльныхъ сермягахъ изрѣдка на верхней окраинѣ воротника нашивается кое-какой цвѣтной снурокъ.

Подобно балахонамъ, сермяги всѣхъ видовъ застегиваются на шарообразныя пуговицы изъ кожи; но это же не исключаетъ опояски ихъ отдѣльнымъ поясомъ.

Слѣдуетъ дополнить, что мѣстныя одежды не знаютъ ни подкладки, ни покрывки, а состоятъ изъ ординарной ткани, которая только въ воротникѣ да обшлагахъ складывается иногда вдвое.

12. Въ покроѣ, длинѣ и украшеніяхъ шубы ничѣмъ не отличаются отъ балахоновъ и сермягъ, при чемъ при нихъ состоятъ короткія „шубчѣнки“, соотвѣтствующія „знизкымъ и подыспыдкымъ“. Шубы кафтаннаго покроя имѣютъ узорныя изъ кожи нашивки на короткомъ воротникѣ, лацканахъ, груди, обшлагахъ и около дѣйствительныхъ, или фальшивыхъ кармановъ. Послѣдняя, т. е. карманная нашивка, часто служитъ единственнымъ отличіемъ женской шубы отъ мужской, если не считать рукавнаго отворота, или пестрой опушки на рукавахъ и вдоль верхней полы.

Воспоминаемая шуба есть исключительно нагольная; когда же она поизносилась и загрязнилась, то поверхъ ея всегда надѣвается чистая сермяга, или балахонъ²⁴³).

Несмотря на присутствіе въ шубѣ шарообразныхъ кожанныхъ пуговицъ, она въ свою очередь обязательно опоясывается отдѣльнымъ, наиболѣе прочнымъ и красивымъ поясомъ.

Помимо названія „шубчѣнки“, захудалая, износившаяся шуба принимаетъ названіе „шубарѣнки, кыжушчѣнки“²⁴⁴) и въ такомъ видѣ служитъ послѣднимъ, а часто и совершенно несроднымъ надобностямъ: она является постельною покрывкою, подстилкою, подушкою, подстилкою и покрывкою квашни и проч.

13. Пятипалыя перчатки, извѣстныя подъ именемъ „скарпетыкъ“, или „шкарпетыкъ“²⁴⁵), совершенно неупотребительны:

здѣсь ихъ не умѣютъ вязать, также какъ и носить. Единственнымъ прикрытіемъ рукъ отъ зимней стужи служатъ покупныя кожаныя рукавицы да самодѣльныя „испѣтки“²⁴⁶). Эти послѣднія бываютъ двухъ видовъ—сшивныя, изъ остатковъ домашняго сукна, и вязаныя на деревянныхъ прутьяхъ изъ грубыхъ суконныхъ нитокъ, свойлоченныхъ потомъ домашними усилями.

14. Для прикрытія головы не только зимнею, но и лѣтнею порой служила извѣстная „маргѣлка“—бѣлая войлочная шляпа, имѣющая видъ низко усѣченнаго конуса, съ завороченными вверхъ небольшими краями. Эта шляпа замѣтно выходитъ изъ употребленія. Другой видъ „маргѣлки“, уже болѣе не встрѣчающейся, напоминалъ скуфью съ округлыми сторонами; она не имѣла загиба, а была съ ровно отрѣзанными краями. Обѣ „маргѣлки“ носились въ томъ видѣ, въ какомъ вышли изъ рукъ мастера, т. е. безъ лентъ и украшеній.

15. Подобно „маргѣлкы“, изъ остатковъ одежнаго сукна готовились безкозырьковыя шапки конической формы и формы усѣченнаго конуса. Онѣ были почти всѣхъ сермяжныхъ цвѣтовъ—бѣлыя, свѣтло-сѣрыя, темныя, и изрѣдка—на кое-какой подкладкѣ. Грубая кройка, а еще болѣе—грубое шитье ихъ позволяли употреблять такія шапки только въ домашнемъ быту: имѣя кое-гдѣ пришивные наушники и даже отворотъ надъ шеей, эти шапки хорошо, однако, служили зимнею порой.

16. Совершеннѣе „маргѣлки“ по внѣшнему виду и убранству почитался „брыль“—высокій войлочный колпакъ съ небольшими полями, которыя хотя и загибались вверхъ, но не приставали къ стѣнкамъ тульи, какъ у „маргѣлки“ перваго типа. Поверхъ полей, при самомъ основаніи, „брыль“ опоясывался или тесьмой изъ яркой матеріи, или ажурною тесьмой изъ лошадиныхъ волосъ; послѣдняя оканчивалась сзади кистями, въ которыя искусно и прочно вплетались мелкіе кусочки краснаго, а изрѣдка и синяго сукна.

„Грыль“ не бывалъ бѣлаго цвѣта, но не доходилъ и до темнаго; желательнымъ цвѣтомъ его въ юго-восточной окраинѣ являлся коричневый.

17. Последнею теплою шапкою, теперь совершенно исчезнушею, слѣдуетъ считать „обловуху“. Она готовилась домашними усилиями изъ овчинныхъ кусковъ и покрывалась остатками сермяжнаго сукна болѣе темнаго цвѣта. „Обловуха“ имѣла видъ конуса, съ выемкой впереди, и совмѣщала шапку съ наушниками и пришитымъ къ ней воротникомъ, — что дѣлало ее незамѣнимою въ зимнюю пору. При легкой погодѣ, наушники и воротникъ поднимались вверхъ, и тогда они становились опушкою „обловухи“. Въ исключительныхъ случаяхъ они бывали изъ лисьяго хвоста, или бѣличьяго мѣха и дѣлали шапку значительно наряднѣе.

Настоящая „обловуха“, сшитая на бараньемъ мѣху, подбитая паклей, покрытая толстымъ сукномъ и вмѣстившая какую-нибудь дорожную поклажу, вѣсила свыше 5 фунтовъ ²⁴⁷).

Упомядая вкусу носителей „обловухи“, городскіе и мѣстечковые шапочники изготовляли плоскодонныя „обловухи“ — мѣховыя и ваточныя шапки съ наушниками и пришитымъ воротникомъ. Изящное, повидимому, шитье, болѣе приличное сукно и подобранный мѣхъ не очень-то заманивали потребителей, которые охотнѣе вѣдались съ своею грузною, но за то прочною и теплою „обловухой“.

За исключеніемъ послѣдней, всѣ перечисленныя шапки носились во весь годъ, по крайней мѣрѣ, пожилыми мужчинами; болѣе молодые щеголи пріобрѣтали лавочныя козырьковыя шапки на лѣтнее время. Такая шапка часто справлялась одинъ разъ въ жизни и, бережно содержимая, черезъ десятки лѣтъ поступала въ другія руки, по наслѣдству, или надѣвалась умершему владѣльцу ея, при „ображаніи нябощика“ ²⁴⁸).

18. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ носятъ нагрудники и „кыми-зельби“, нерѣдко можно видѣть употребленіе „капэлюша“ — соло-

менной, лозовой и лыковой шляпы съ полями, и въ видѣ „маргелки“. Эту чисто лѣтнюю шляпу изготовляютъ досужіе пастухи на мѣстѣ паствы, откуда они возвращаются потомъ съ двумя шапками—„капэлюшимъ“ на головѣ и прежнюю—въ рукавъ, или карманѣ. Обыкновенно „капэлюшъ“ едва переживаетъ лѣто и заканчивается свой вѣкъ игрушкой у дѣтей, покрывшкою на пугалѣ, или на „шумѣтникѣ“²⁴⁹).

19. Для будничныхъ надобностей женская рубашка шьется изъ довольно грубаго, хотя и ровнаго холста. Она бываетъ: а) „бизковнёрный“, собирающеюся на шеѣ при помощи шнура, на подобіе мужскихъ „мытузѡвъ“, и б) съ такимъ узкимъ воротникомъ, который правильнѣе было бы назвать обшивкой. Та и другая рубашка воротниковою частью ложится на основаніе шеи и даетъ здѣсь густыя складки. По большей части, первая рубашка имѣетъ вольные рукава; вторая же имѣетъ короткіе обшлага, застегивающіеся на одну нитяную пуговицу швейнаго производства. Кромѣ того наплечники и основанія рукавовъ дѣлаются съ поперечными тесьмами, изрѣдка нашивными, чаще же всего—уточными, причемъ наплечная тесьма шире, но короче, тогда какъ рукавная уже и чуть не обходитъ вокругъ всего рукава.—Послѣднею разностью между той и другою рубашками остается слѣдующее „матузныя“ не имѣетъ воротного разрѣза, тогда какъ у „обшивной“ онъ есть и гораздо длиннѣе, чѣмъ въ мужской (свыше 5 вершк.).

Длина рубашекъ остается условною, хотя и не бываетъ ниже середины голени; ширина же ихъ довольно общая—два полотнища съ подрукавными вставными полосами,—что равняется 2 ар. и 2 вер. въ подолѣ. Длина рукавовъ не превышаетъ 11 вер.; ширина же ихъ въ пришивѣ колеблется между 12 и 13 вер., а въ обшлагѣ—между 4 и 5 вер., въ окружкѣ²⁵⁰).

20. Той же длины и ширины бываетъ парадная „кывнёръ-выя“ рубашка, имѣющая широкій откладной воротникъ. Здѣсь наплечники и рукава значительно шире, чѣмъ у предыдущихъ,

при чемъ рукава обязательно оканчиваются цвѣтными, или тонко-матерчатыми обшлагами. У болѣе достаточныхъ лицъ эта рубашка бываетъ цѣльная, изъ коленкора, тонкаго „кужилю“; у остальныхъ же она дѣлается съ „надточками“, или „на пудмуровцы“²⁵¹⁾ т. е. верхняя половина ея будетъ изъ коленкора, или „кужилю“, а нижняя—изъ случайнаго, иногда и очень грубаго холста.

Воротникъ „обшивнѣй и кывняровый“ рубашки рѣдко застегивается на пришивную пуговицу, а по большей части—на запонку, или стягивается лентою и обрывомъ цвѣтной матеріи.

Дѣтскія рубашки дѣвочекъ, пока тѣ ходятъ безъ юбокъ, отличаются отъ общихъ женскихъ только длиною—доходятъ почти до пятъ и всегда опоясаны, при чемъ поясъ лежитъ поверхъ живота, не такъ какъ у мальчиковъ того же возраста, которые носятъ его подобно возрастнымъ мужчинамъ.

21. Простая домашняя юбка изъ бѣлаго холста называется „сподниціи“. Не въ примѣръ рубашкѣ, она довольно широка—въ 4 полотнища; длина же ея такова, что обнажаетъ третью часть голеней, и на средній ростъ не бываетъ длиннѣе 1 ар. 4 вер.; въ поясицѣ она стягивается двумя пришивными тесьмами, или поясками. Кромѣ общаго вида дѣвическая „сподница“ обособляется тѣмъ, что имѣетъ подоль съ уточною каймою краснаго цвѣта, въ 1 вер. шириною, иногда узорно-прихотливо сработанною. Замужнія женщины и старухи только донашиваютъ такіа „сподницы“²⁵²⁾.

22. Маркость „сподницы“ и другія причины заставляютъ охотнѣе пользоваться въ будничной жизни „набойкыи“—юбкою изъ набивнаго холста различнаго сорта (кужилю, пачиси) и различныхъ цвѣтовъ. Длина и ширина „набойки“ совершенно одинакова съ длиною и шириною „сподницы“.

23. Гораздо изящнѣе ихъ „сыянь“—юбка со спеціальнымъ тканьемъ, гдѣ основа и утокъ имѣютъ синія, красныя и даже желтыя нитки въ перемежку съ бѣлыми. Занесенное въ припѣвку

выраженіе — „у Лявѣнхн сыянтъ зъ пылысамъ“ — ясно характеризуетъ его полосатую цвѣтистость, хотя нельзя отрицать, что „сыянтъ“ тчется „у мачинки, у клятѹшки, у кубѹшки, у ялѹшкн“ ²⁵³) и проч. „Сыянтъ“ носятъ дѣвушки и молодыя замужнія женщины, по преимуществу, лѣтнею порой.

24. Для зимнихъ надобностей дѣлается „дрѹлихъ“ ²⁵⁴) — полусуконная юбка изъ специальной ткани, гдѣ бѣлыя и окрашенныя нитки, шерстяныя и льняныя, даютъ „дрѹлихывую“ матерію, весьма отличную отъ всѣхъ остальныхъ домотканокъ. Эта ткань не войлочится, подобно сукну, а изрѣдка ворсируется домашними скребками.

У „дрѹлиха и сыяна“ спереди дѣлаются вставки изъ бѣлаго холста, длиною около 8, а шириною около 6 вер., обыкновенно прикрываемыя фартукомъ.

25. При „сподницѹ, набѹйки, сыяни“ и даже „дрѹлихи“ состоятъ иногда „кѹлты“ — жалкія подобія „кулькомъ“ сшитыхъ кофточекъ, которыя скорѣе безобразятъ, чѣмъ красятъ нижнюю одежду. „Кѹлты“ застегиваются только у воротника на одну пуговку; полы же ихъ, едва доходящія до поясицы, или въ постоянной распашкѣ, или подтыкаются за юбочную подпояску. — Въ воспоминаемое время „кѹлты“ встрѣчались рѣдко, у выходцевъ изъ помѣщичьихъ дворовъ, у городскихъ выходцевъ да шляхетскихъ сосѣдокъ.

26. Исчезнувшій изъ употребленія „кѹтликъ“ плотно облегалъ спину и грудь и внѣшнимъ видомъ нѣсколько напоминалъ жилетку и корсетъ безъ роговинъ. „Кѹтликъ“ есть та именно шнуровка, о которой сохранились слѣдующія пѣсенныя упоминанія:

„Прыдай, маця, ялывицу ²⁵⁵) —

Купи минѣ шнуровицу:

Въ минѣ трасѹтца —

Зъ минѣ мальцы смяѹтца“!... ²⁵⁶).

Зажиточныя щеголихи справляли „китликъ“ изъ парчи; лица же по-бѣднѣе шили его изъ какой-нибудь яркой матеріи, или изъ лучшихъ домотканокъ, — чрезъ что обычный покрой его не измѣнялся. Подобно корсету, „китликъ“ зашнуровывался позади, на груди лежалъ ровною безпрорѣзною гладью, внизу же, вокругъ талии, имѣлъ пришивную опояску, по толщинѣ не уступавшую средней болбасѣ. Эта опояска изъ домашней ткани какъ-то странно сочеталась съ парчей, или цвѣтнымъ ситцемъ „китлика“.

„Китликъ“ справлялся разъ въ дѣвической жизни и донашивался потомъ въ первые годы замужества, или же непосредственно послѣ него поступалъ въ „сховы“ для наслѣдницы.

27. Употребленіе „хвыртуха“ имѣетъ крайности: то онъ носится въ парадныхъ случаяхъ, то въ наиболѣе грязныхъ положеніяхъ. Такъ въ него собираются грибы, нѣкоторыя ягоды, валежникъ, щепы, картофель, овощные листья для корма животныхъ и проч.

Нарядный фартукъ дѣлается изъ всѣхъ юбочныхъ льняныхъ тканей, при чемъ подоль его заканчивается яркою уточною тесьмой, какъ въ „сподницы, сыяни и дрылхи“. Длина фартука на 2 вер. меньше юбочной; ширина же равна только полотнищу.

28. Въ домашнемъ быту дѣвушки ходятъ съ открытыми головами, или на короткое время прикрываютъ ихъ легкими платками „у наброску“; остальные женщины имѣютъ на головѣ безсмѣнный днемъ и ночью платокъ, который повязывается „кыштуромъ“²⁵⁷), въ видѣ шапочки, или два конца его, одинъ разъ перевязанные позади, видимо распадаются въ стороны плечъ. Въ томъ и другомъ случаѣ платокъ складывается надвое, въ треугольникъ, и концы тупого угла спадаютъ на шею. Этотъ главный платокъ, называемый „хустый, хусткый“, почти всегда квадратный, дѣлается изъ тонкой домотканки, отъ бѣлаго до „сыянного“ цвѣта, съ боймами и безъ нихъ. Если полотнище узко, то ихъ

сшивается полтора и болѣе, при чемъ мѣсто сшива становится почти незамѣтнымъ, благодаря умѣнью скрыть это; — единственному умѣнью въ данномъ случаѣ, такъ-какъ остальные швейныя работы не отличаются тонкостью швовъ и всегда даютъ уродливо толстый рубецъ.

Въ послугахъ съ этою „хустый“ состоятъ еще двѣ-три: небольшая, накидная на плечи, большая для покрывки головы и плечъ при выходѣ и выѣздѣ, и сравнительно малый, ручной платокъ, свернутый трубкою. Наплечный платокъ домашней ткани имѣетъ иногда коймы отъ 1—2 вер. ширины, кое-какое „бахроцця“²⁵⁵), а изрѣдка — и узорную вышивку: по угламъ только, на складной половинѣ, или по всему полю. Этотъ платокъ, сложенный вкось надвое и накинутый на плечи, подъ подбородкомъ перевязывается одинъ разъ длинными концами, которые потомъ и спускаются на грудь. Благодаря неудачной окраскѣ узорныхъ нитокъ, неумѣлому мытью, красивый платокъ принимаетъ обрашивающій отгѣнокъ и изъ бѣлаго становится то мутно-краснымъ, то мутно-синимъ. Большой выходной платокъ, вершающій „одѣцце“, бываетъ только накиднымъ, при чемъ, длинные концы его, перекинутые на груди крестообразно, поддерживаются свободною рукой, и только при долгой дорогѣ, въ зимнюю пору, да необходимости править лошадью, или вообще работать руками, одинъ конецъ обводится вокругъ шеи и подтыкается подъ подбородкомъ. Что же касается ручного платка, то значеніе его въ рукахъ довольно трудно указать — ни потъ, ни носъ имъ не вытирается — и на такой платокъ приходится смотрѣть, какъ на одинъ изъ „приборывъ“.

У зажиточныхъ лицъ всѣ помянутыя „хусты“ бываютъ фабричныя — бумажныя, шерстяныя и дешево-шелковыя; большинство же пользуется домотканками, которыя, совместно съ фабричными, по величинѣ и давности бываютъ: „хусты, хустычки, хустальки, хусцѣнки и — шмотки, шмотчѣнки“.

Не будетъ погрѣшности въ увѣреніи, что, подобно поясамъ, платки—наиболѣе многочисленная одежда на одномъ и томъ же лицѣ,—что можно видѣть при полномъ дорожномъ одѣяніи каждой женщины.

29. Дѣвушки воспоминаемаго времени носили „вянокъ“ изъ парчевой, по преимуществу, а также и другой ярко-цвѣтной матеріи. „Вянокъ“ обыкновенно довольно плотно прилаживался на голову и крѣпко держался при самыхъ порывистыхъ движеніяхъ. Основою его были: стѣнки стараго ситечка, лубокъ, береста, склеенный холстъ, которые сперва обшивались снаружи и внутри холстомъ; вѣночная же матерія накладывалась потомъ только на наружную сторону. При заурядной жизни „вянокъ“ не имѣлъ украшеній; но тотъ же „вянокъ“ обильно украшался по наружной сторонѣ живыми и искусственными цвѣтами, а также лентами сзади, когда дѣвушка шла въ немъ вѣнчаться.

Правда, дѣвушки начинали носить „вянокъ“ съ довольно ранняго возраста, году на 10-мъ; но настоящій „вянокъ“ справлялся только одинъ разъ въ дѣвической жизни, по достиженіи брачнаго возраста, и, подобно „китлику“, послѣ замужества, поступалъ въ новыя наслѣдственныя руки. Умершая дѣвушка обязательно убиралась въ личный „вянокъ“, въ которомъ ее и погребали.

Высота вѣночныхъ стѣнокъ, кстати, совершенно равномерныхъ, не превышала 3 вер.; верхъ же вѣнка оставался открытымъ и обнажалъ голову сверху.

30. На смѣну вѣнка молодья замужнія женщины надѣвали „наметку, обметку“ изъ бѣлой коленкоровой, или особенно тонкой домашней ткани. Высота „наметки“ не превышала вѣночной; уборъ также плотно прилаживался по головѣ, но имѣлъ закрытую верхушку и двѣ спадающія позади полосы изъ той же матеріи, по ширинѣ равныя „наметочному“ околышу, непрерывнымъ продолженіемъ котораго онѣ и служили.

„Намётка“ — праздничный нарядъ. Подобно вѣнку, она справлялась одинъ разъ въ жизни, донашивалась въ старости, а по смерти собственницы ее надѣвали умершей.

31. Пожилыя, маловолосыя женщины носятъ „чапъ, чапѣць, или коптуръ“ — довольно неуклюжій чепчикъ изъ домотканки, стягивающійся „матузнымъ“ порядкомъ позади, — независимо отъ безсмѣннаго головного платка, который только изрѣдка снимается на ночь. Появленіе въ одномъ только „коптурѣ“ считается неприличнымъ даже среди домашнихъ. Но тотъ же чепчикъ изъ ситца, кумачу и шерсти составляетъ выходной головной уборъ.

32. Благодаря сосѣдству старообрядческихъ женщинъ (въ Ловож. в. и Жарцахъ, Пол. у.), употребляющихъ весьма изящную головную повязку, гдѣ совмѣщается чепчикъ и платокъ, и тамошня бѣлорусскія нарядницы изрѣдка пользуются тою же повязкою. Приготовленіемъ послѣдней завѣдуютъ отдѣльныя модистки: по мѣрѣ головы онѣ складываютъ головной платокъ („волосникъ“) шапочкою и сшиваютъ, при чемъ концы платка скрадываются въ изящно расположенныхъ складкахъ. Несмотря на долготнее сожителство и доступную переимчивость, повязка имѣетъ слабое распространеніе среди сосѣдовъ-бѣлоруссокъ, и ее чаще всего употребляютъ бывшія у старообрядцевъ батрачки ²⁵⁹).

33. Вся верхняя женская одежда такъ мало разнится отъ мужской, что по-смѣнное пользованье ею составляетъ заурядное дѣло. Однако, въ наиболѣе зажиточныхъ домахъ мужская и женская одежда нѣсколько обособляется, при чемъ послѣдняя имѣетъ: а) кафтанный, въ талію, покрой, — б) болѣе низкіе воротники въ „кывняровыхъ“ одеждахъ, — в) преобладающую узорность на груди и около кармановъ, — г) опушку (въ шубѣ) на рукавахъ, правой полѣ и подолѣ. Кромѣ того одежда шьется подлиннѣе мужской и при ней не состоятъ въ послугахъ „знізки и подыспыдки“ всѣхъ сортовъ, по крайней мѣрѣ, при выходныхъ случаяхъ ²⁶⁰).

Ш. Мужская и женская обувь.

34. Главную, повсюдную обувь составляют лапти—лозовые, лыковые, берестовые и изрѣдка пакляные, изъ тонкихъ витушекъ пакли ²⁶¹). Тамъ, гдѣ есть много лозняка, у сельчанъ всегда найдутся поражающіе запасы лозовой коры для лаптей: полосы коры, свернутыя въ кольца и нанизанныя на повязь, привѣшиваются на повѣтныя и сѣнныя стѣны; увидишь ихъ во множествѣ на чердакѣ, въ углахъ и подъ стрѣхами, вмѣстѣ съ вѣниками. Когда наступитъ надобность, нужное количество колець замачивается въ теплой водѣ и поступаетъ въ издѣліе; точно также замачиваются передъ обуваньемъ и сработанные лѣтомъ лозовые лапти, запасъ которыхъ, въ свою очередь, бываетъ довольно значителенъ. „Лозовики“—слишкомъ „простыя лапти“: полосы широки, боекакъ прилегаютъ другъ къ другу, подошва ординарна, носки мелки и коротки. Благодаря всему этому, „лозовики“ изнашиваются дня въ три и могутъ служить на домашнія надобности и при полевой работѣ.

35. „Простыя“ лыковые лапти, изъ молодой липовой коры и вяза, нѣсколько долговѣчнѣе лозовыхъ, хотя, подобно имъ, работаются наскоро, такъ же незатѣйливо и, въ свою очередь, служатъ только будничнымъ домашнимъ надобностямъ, да при недалекихъ отхожихъ работахъ. Матеріаль для простыхъ лыковыхъ лаптей приобрѣтается то лично, въ подходящемъ лѣсу, то покупается въ мѣстечкахъ и на ярмаркахъ: „мотушкыми“, цѣльными „трубкыми“ и „луццимъ“ ²⁶²)—тонкими, длинными липовыми жердочками съ корою на нихъ, которая потомъ снимается дома, послѣ распаренія ихъ въ печи,—что имѣетъ мѣсто зимою.

36. „Кывярзні“ ²⁶³) значительно прочнѣе и изящнѣе „лозовиковъ и простыхъ“ лаптей. Они дѣлаются изъ болѣе узкихъ, ровныхъ лыковыхъ полосъ, иногда на специальной колодежѣ, имѣютъ болѣе глубокіе носки, отдѣльныя ушки для „оборыкъ“ и двойную-

тройную подошву, для прочности подшитою паклей. Такия лапти уже бывають выходными—въ церковь, „у люди“ и въ дальній путь.

37. Совершеннѣе всѣхъ лыковыхъ лаптей—„пыхлопнѣ“. Они дѣлаются изъ ровныхъ гладкихъ полосъ, полдюймовой ширины, на колодкѣ, при чемъ, темная поверхность лыковой коры предварительно соскребається. Это придаетъ „пыхлопнѣмъ“ особенную бѣлизну, гармонирующую съ бѣлизною одежды.—Кромѣ благоустроенныхъ носковъ, вершковой высоты „быкывикдвѣ, быковецъ“²⁶⁴) съ правильными ушками и „зыпяткывѣ“, эти лапти имѣють прочную подошву, густо переплетенную пакляными плетенками; или тонкими веревочками. „Пыхлопнѣ“ составляютъ только праздничную, парадную обувь и, будучи берегаемы больше остальныхъ лаптей, служатъ нѣсколько лѣтъ.

Такъ какъ производство „пыхлопнѣвѣ“ нѣсколько сложно, то они изготовляются уже специальными мастерами этого дѣла и сбываются на ярмаркахъ, или торговцамъ деревянными издѣліями. Если купленные „пыхлопнѣ“ безъ пакляной подшивки, послѣдняя „пыдвирѣйтца“²⁶⁵) самими владѣльцами.

38. Лапти изъ берестовыхъ полосъ и веревочные (изъ пакли) встрѣчаются довольно рѣдко, хотя такія лапти противостоятъ мокротѣ больше, чѣмъ всѣ предыдущіе. На слабую распространенность ихъ вліяють двѣ причины: а) лѣнь на предметъ добычванія и обработки бересты, а также выдѣлки изъ пакли веревокъ, и б) необходимость часто отрѣзывать оттрепавшіеся куски бересты и веревокъ,—съ чѣмъ постоянно хлопчуть лапотники при изнашивающейся обуви.

39. Необходимую принадлежностью лаптей, а также и кожаной обуви, являются онучи и только изрѣдка—чулки. Примѣнительно ко времени года онучи бывають: а) „пырцянки“ и б) „суконки“. Первыя получаютъ изъ куска домашняго холста, а вторыя—изъ сермяжнаго сукна. Заурядная длина отдѣльной

„онучины“ бываетъ около 12, а ширина около 9 вер.—Умѣнье обертывать ноги онучами пріобрѣтается очень рано: уже 10-лѣтнія дѣти могутъ скоро и довольно изящно сдѣлать это, при чемъ, складки и загибы не „мѣлюць“²⁶⁶) ногъ. Впрочемъ, для лучшаго спокойствія ногъ, послѣднія предварительно обертываются „пыдо-нучикыми“—кусками холста значительно меньше онучъ, обхватывающими только ступни.

На этомъ, однако, не заканчиваются заботы о спокойствіи ноги: дно лаптя и другой обуви обыкновенно устилается соломенной „подстилкой, сдѣланный“.

40. Въмѣсто онучъ зимнею и вообще холодною порой кое-гдѣ можно встрѣтить „панчѣхи“—суконные чулки до-колѣнной длины. „Панчѣхи“ вяжутся изъ грубыхъ „сучёныхъ“ нитокъ грубыми же „прутьями“, подобно „испоткымъ“, и войлочатся домашними усилиями.

41. Еще рѣже встрѣчаются „носки“—короткіе нитяные чулки, сработанные не менѣе грубо. Эти послѣдніе носятъ только мужчинами, при сапожной обуви. Такъ какъ мѣстныя мастерицы не всегда умѣютъ задѣлать пятку и тѣмъ придать чулку его обыкновенный видъ, то, по большей части, онѣ вяжутъ длинный мѣшокъ, который пріобрѣтаетъ чулочный видъ только на ногѣ...

42. Лапотная обувь неизбѣжно требуетъ „обѣръ, или обѣр-кывъ“, которыми въ крестообразномъ видѣ увиваются ноги поверхъ онучъ, отъ лаптя до колѣнъ почти. При каждомъ лаптѣ должно быть двѣ „оборины“, или лучше—два конца цѣльной „оборы“, продѣтой чрезъ запяточное и боковыя ушки лаптя. Вся „обора“ съ двумя ея концами имѣетъ около 5 ар. длины.

Будничныя „оборы“ есть тонкія веревочки изъ пеньки, по преимуществу; болѣе парадныя, къ лучшимъ лаптямъ и даже башмакамъ, дѣлаются въ видѣ узкихъ поясовъ ровнаго цвѣта; преобладающими, однако, являются черныя шерстяныя „оборы“. Отсюда, несомнѣнно, ведетъ происхожденіе извѣстная фраза—„за-

блиць цяцёрку у черныхъ обёркыхъ“, — что на языкѣ сельскихъ ловеласовъ означаетъ приволокнуться, овладѣть женщиной.

43. „Оборкыми“ увиваются не только онучи, суконные чулки, но и мягкіе „вѣлинцы“, когда послѣдніе замѣняютъ при лаптяхъ онучи и чулки. Болѣе „кыляныи вѣлинцы“²⁶⁷⁾ носятъ отдѣльно, и ими пользуются, по преимуществу, зимою; лѣтомъ же ихъ носятъ старики, больные да конопасные ночлежники.

„Вѣлинцы“ дѣлаются дома захожими „шипувѣлыми“²⁶⁸⁾ изъ всякой шерсти; тутъ иногда пускаются въ дѣло старыя суконныя одежды, шубныя обрывки, старыя войлоки изъ хомутовъ, черезсѣдельниковъ и проч.

44. Въ западныхъ окраинахъ, а въ послѣднее время и повсемѣстно, можно встрѣтить „пастылы“ — кожаные полубашмаки, стягиваемые въ носкахъ и вообще прикрѣпляемые къ ногамъ при помощи „обёркывъ“, а иногда — короткихъ ремешковъ. Эту обувь носятъ исключительно мужчины, по большей части, лѣтнею порой.

45. Люди зажиточные, а также и живущіе на „пѣхи“, на праздничные и парадные случаи обзаводились „бѣтыми“ изъ чернаго и рыжаго товара. Въ воспоминаемое время „бѣты“ бывали только „рантывыми“²⁶⁹⁾, на низкихъ, но широкихъ „подбѣрыхъ“²⁷⁰⁾, густо подбитыхъ прочными широкошляпными гвоздями, или неменѣе прочными подковами; тѣ и другія оставляли довольно рѣзкій слѣдъ на дорогѣ и на полу. „Рантывыи бѣты“ почему-то бывали не цѣльными, а „пришвыми“, при чемъ, на самой срединѣ всхода изъ голенища въ „пришву“ врѣзывался отчетливый язычекъ, почему такіе сапоги извѣстны были подъ именемъ — „бѣтывъ зъ изыка́ми“.

Заказчики и мастера не гонялись за стройностью „бѣтывъ“; послѣдніе должны быть только просторны. Зимою это выгодно, а лѣтомъ лишній просторъ можно убавить обильною „подсцилкъй“. Поэтому наиболѣе любимыми „бѣтыми“ считались „осташи“²⁷¹⁾ —

прочные, неуклюже-просторные сапоги, покупаемые на мѣстных ярмаркахъ и въ лавкахъ.

Благодаря обильной смазкѣ чистымъ дегтемъ и саломъ, а также и бережливости, „боты“ служили владѣльцамъ нерѣдко всю ихъ жизнь и несовсѣмъ поношенными переходили къ наследникамъ.

46. За исключеніемъ „пастыльвѣ“ женщины носили одинаковую съ мужчинами обувь—лапти всѣхъ видовъ и сапоги, причемъ, одни и тѣ же, напр., сапоги можно бывало видѣть сегодня на отцовскихъ, а завтра на дочернихъ ногахъ. Табъ было въ скромномъ обиходѣ. При большей зажиточности, женщины справляли черные и рыжіе „чиравки“—мелкіе башмаки, подобно лаптямъ, носившіеся съ „оборкыми“, для которыхъ по сторонамъ и позади имѣлись пришивныя ушки.—Кажется, „чиравки“ берегались еще дольше, чѣмъ „боты“, и нетрудно бывало встрѣтить семью, гдѣ внучка донашивала „бабины чиравки“...

47. Щеголихи воспоминаемаго времени носили „пувсапѣжки“—башмаки, поднимавшіеся до голеней, съ разрѣзомъ впереди, который стягивался шурками, или тоненькими ремешками. „Пувсапѣжки“ не отличались стройностью современнаго башмака и не бывали одноножными; все-таки они были изящнѣе неуклюжихъ „чиравкыбывѣ“ и дѣлались изъ черной, сравнительно мягкой, кожи. Наилучшими считались „козловинькіи пувсапѣжки“.

Несмотря на обычную бережливость, эти башмаки не имѣли долговѣчности первыхъ, нужно полагать, потому, что они дѣлались изъ менѣе прочнаго, хотя и красиваго товара, и что мастера спѣшили отвѣтить спросу на красивую обувь въ ущербъ прочному ея изготовленію.

IV. Мужскіе и женскіе приборы (уборы).

На счетъ личной бѣдности въ одеждѣ и обуви мѣстный простолюдинъ создалъ множество пословицъ и поговорокъ, изъ

которыхъ приведенная выше иронически утверждаетъ, будто „уси-
яго приборы—лапци ды обору“. Разумѣя подъ „приборами“ до-
полнительныя украшенія въ той и другой, приходится, однако,
утверждать, что иронизирующая пословица уместна только при
довольно ограниченныхъ положеніяхъ. Такъ, сказанное объ одеждѣ
и обуви отчасти позволяетъ видѣть, что онѣ относительно разно-
образны; не менѣе разнообразны и тѣ дополненія къ нимъ, безъ
которыхъ, правда, можно обойтись, но которыя съ незапамятныхъ
временъ составляютъ то необходимую принадлежность одежды и
обуви, то прихотливое къ нимъ украшеніе. Къ такимъ именно до-
полнительнымъ, отчасти уборнымъ предметамъ, принадлежатъ:

48. Шейная „хустэлька“ у мужчинъ—фабричный, цвѣтной
платочекъ (квадратный аршинъ), сложенный шалью и два раза
окружившій шею. Хотя при повязкѣ его узелъ приходится спереди,
подъ подбородкомъ, но при дальнѣйшемъ ношеніи онъ не замед-
литъ очутиться на сторонѣ и даже позади,—чему обыкновенно но-
сители не придаютъ значенія. „Хустэлька“ повязывается въ празд-
ничные, парадные дни, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, и послѣ того
часто не снимается по нѣсколькимъ днямъ сряду, даже на ночь, не-
смотря на лѣтнюю, или избяную теплоту.

Женихъ и шафера повязываютъ „хустэльку“ по-женски,
т. е. накидываютъ вдвое сложенный платокъ на шею, при чемъ
уголъ его спускается на спину, а длинные концы одинъ разъ пе-
ревязываются подъ подбородкомъ. Въ такомъ видѣ „хустэлька“
покоится на верхней одеждѣ до окончанія первыхъ брачныхъ
празднествъ.

Въ суровые холода, при дальнемъ пути, поверхъ одежды
повязывается „большая хуста“, которая, при „безковнерный“
одеждѣ и при колпакѣ, замѣняетъ воротникъ и наушнички.

49. Съ появленіемъ шарфовъ ²⁷²⁾ „хустэлька“ начала вытѣс-
няться „шалыкомъ“—покупнымъ шарфомъ, вязанымъ и тканымъ.
„Шалыкъ“ видимо пришелся по вкусу, и мѣстные щеголи усердно

носятъ его въ самые знойные дни, обвертѣвъ вокругъ шеи два раза и спустивъ концы на грудь.

50. Потребители нюхательнаго табаку обязательно носятъ „нысовичку“ — плохонькій платочекъ, или такой же кусочекъ холста. Главнымъ образомъ въ „нысовичку“ завертывается табакерка, или рожокъ, которые обыкновенно хранятся въ карманѣ, за пазухой, или заткнутые подъ рубашечный поясъ. Специальной щетки — вытиранью носа — „нысовичка“ почти не служитъ, и „нющцы“ обходятся въ этомъ случаѣ при помощи пальцевъ, руки, рукавовъ и одежной полы.

51. Примѣнительно къ потребности „курцы“ безотлучно носятъ „капшукъ“, или „кисету“ — небольшой холстинный, или ситцевый мѣшочекъ, въ устьѣ стягивающійся снурками. Въ щегольскихъ случаяхъ „капшукъ“ имѣетъ въ нижнихъ углахъ двѣ пришитыя кисточки; подобными кисточками заканчиваются и стягивающіе снурки.

„Капшукъ“ предназначается собственно для храненія курительнаго табаку, съ которымъ, однако, почти всегда покоятся: кремень, кресало, трутъ, спички и даже „пипка“ съ необходимыми при ней — „цыбукомъ и чисцикымъ“²⁷³). Подобно „нысовичкѣ“, „капшукъ“ носится въ карманѣ, за пазухой и за рубашечнымъ поясомъ. Весьма рѣдкостные „курцы“ — женщины — имѣютъ тотъ же „капшукъ“, который онѣ носятъ безотлучно при себѣ, а болѣе частые изъ нихъ „нющцы“ имѣютъ одинаковую съ мужчинами „нысовичку“.

52. Къ рубашечному поясу у мужчинъ обыкновенно привѣшиваются три предмета: калита, ножъ и мѣдный гребешокъ, на отдѣльной ремешковой привязи каждый, при чемъ калита находится среди нихъ на видномъ мѣстѣ. Калита есть почти квадратная (стороны верш. по 3), плоская кожаная сумочка, закрывающаяся спереди удлиненною заднею стѣнкой; эта послѣдняя бываетъ украшена большими мѣдными „гузиками“, и чѣмъ больше послѣд-

нихъ, тѣмъ калита цѣниѣе, наряднѣе. Обыкновенно она служитъ для храненія такъ назыв. „карманныхъ денегъ“ и въ то же время—наиболѣе цѣнныхъ мелкихъ вещей. Такъ, „картѣвники“ и другіе игроки, носятъ здѣсь карты, „бирьки, тронки“²⁷⁴); чаровники—тайные предметы, вѣрующіе простаки—талисманы и т. под.

53. Каковъ ни былъ бы носильный ножъ—складной, или прямой—онъ обязательно покоится въ кожаномъ чехлѣ, съ правой стороны. Кромѣ чехольнаго ушка, чрезъ которое продѣвается ножъ, къ послѣднему ушкомъ же прикрѣпляется свыше-аршинный, узкій (1/8 вер.) ремешокъ, другимъ концомъ привязанный къ черенку ножа. Это позволяетъ работать ножомъ, не отвязывая послѣдняго, и въ то же время берегаетъ его отъ потери.

54. Слева отъ калиты привѣшивается мѣдный „грибинѣцъ“, обыкновенно задешево приобретаемый у тряпичниковъ и мелкихъ торговцевъ. Этимъ густымъ гребешкомъ пользуются очень рѣдко, въ исключительныхъ обстоятельствахъ; для приведенія же волосъ въ порядокъ служатъ большія деревянные гребенки и „щѣци“, изготовляемыя домашними мастерами довольно грубо. „Щѣци“ дѣлаются изъ лучшей щетины, мягкіе концы которой, перевязанные проволокой, или бичевкою, и залитые перетопленною смолою, даютъ рукоять.—Внѣ этой потребности гребенка и „щѣци“ служатъ для расчесыванья льна и пеньки.

55. На одной привязи съ тѣльнымъ крестомъ, хотя и не вмѣстѣ съ нимъ, виситъ мѣдная ложечка, для вычерпыванья ушной сѣры. Эта ложечка обыкновенно недорога и приобретается у тряпичниковъ и мелкихъ торговцевъ.

56. Рядомъ съ крестомъ на отдѣльной ремешной „почѣпцы“ виситъ при голомъ тѣлѣ известная мошенка—кожаный мѣшокъ, выработанный изъ бараньей и козловой „мошенки“ личными домашними усиліями, или же сшитый изъ выкроенныхъ полосъ кожи. Подобно „кышукѣ“, устье мошенки стягивается узкими

ремешками, которые проходят или через пришитые вверху кольца и ушки, или через небольшія прорѣзи.—Мошенка служитъ для храненія болѣе крупныхъ денегъ въ пути и вообще внѣ дома.

57. Въ 50-хъ годахъ еще можно было видѣть кое-гдѣ употребленіе „чиреслиникивъ“—широкихъ мѣшочныхъ поясовъ изъ кожи, на пряжкахъ, которые спеціально предназначались для ношенія значительной звонкой монеты. Подобные же, хотя и болѣе бороткіе пояса на пряжкахъ, нашивались подъ колѣнами, на верху икры. Служа одинаковымъ съ „чиреслиниками“ цѣлямъ, такіе пояса назывались тѣмъ же именемъ. Какъ естественно и ожидать, поясные „чиреслиники“ оставались скрытыми подъ одеждой поясами, ножные же покоились на голоть тѣлѣ, подъ портками.

58. У мужчинъ изрѣдка можно было увидѣть серьгу то въ томъ, то въ другомъ ухѣ. Она была больше заурядныхъ женскихъ и отличалась отъ нихъ помѣщеннымъ внутри ободка крестомъ. Мужскія серьги встрѣчались серебряныя и мѣдныя и пріобрѣтались онѣ у тряпичниковъ и офеней. Продѣтая въ ухо въ ранней молодости, серьга безсмѣнно носилась во всю жизнь и не вынималась даже при погребеніи.

59. Молодой мужчина обыкновенно обзаводился „пярсцѣнкомъ“—серебрянымъ, или мѣднымъ кольцомъ; но носилъ его только до женитьбы,—что и служило примѣтою холостого мужчины.

60. Женскіе „прибѣры“ гораздо многочисленнѣе и во многомъ не имѣютъ сходства съ мужскими. Они неразлучны при домашнемъ туалетѣ также, какъ и парадномъ, когда нужно „причипурица“²⁷⁵), не отстать отъ людей. Какъ ни скромна жизнь, какія препятствія ни подставляютъ житейскія положенія, все-таки у каждой женщины найдутся кое-какіе „прибѣры“, доставшіеся преемственно, по наследству, подаренные и пріобрѣтенные лично на потайныя сбереженія.—Въ 29 п. упомянуто было о ручномъ влаткѣ,

который при выходах составляет первую уборную потребность. Этот платокъ, свернутый трубочкою, неизмѣнно покоится свернутымъ и въ складищѣ, такъ что за цѣлогодичное потребленіе онъ развернется развѣ только для поправки, не болѣе двухъ разъ, хотя въ рукахъ побываетъ въ десяткахъ случаевъ.

61. „Истужки, устужки“ (ленты) всяческихъ цвѣтовъ, преимущественно же—ярко-красныя составляютъ необходимыя украшенія при невѣстиномъ вѣнкѣ, рубашечной застежкѣ у женщинъ также, какъ и мужчинъ, и при заплетеніи косы у дѣвушекъ. Въ послѣднемъ случаѣ „истужка“ называется „укобникомъ, закобникомъ“.

62. Болѣе скромное мѣсто, но совершенно на одинаковой службѣ занимаютъ „похистки“—ленточные обрѣзки и обрывки опять же яркой матеріи. Въ совершенной старости „истужки и похистки“ подолгу продолжаютъ служить дѣвочкамъ при играхъ „у дѣлѣкѣ“²⁷⁶), или же постуцаютъ въ личное складище.

63. Подъ общимъ именемъ „краль“ шейныя ожерелья довольно разнообразны, начиная отъ зеренъ чуть не бисерныхъ и доходя до орѣховой величины. Среди множества иногда и очень дорогихъ „краль“ встрѣчаются: а) „прдстыи крали“—дешевыя, разноцвѣтныя бусы, приобрѣтаемыя у тряпичниковъ и офеней;—б) „гырнаты“, зерна которыхъ имѣютъ грани и темновиневый цвѣтъ;—в) „кывавыи маѣцицы“—гладкія зерна того же цвѣта; г) „пярловыи маѣцицы“—фальшивыя и дѣйствительныя жемчужныя зерна, и д) „бруштѣнъ, или бруштѣнтъ“—фальшивый и настоящій янтарь. Чѣмъ больше на шеѣ „мотковъ“ тѣхъ, или иныхъ „краль“, тѣмъ наряднѣе и завидливѣе для другихъ становится мѣстная щеголиха.

Приобрѣтеніе наиболѣе дорогихъ „краль“ является нѣсколько загадочнымъ: у тряпичниковъ и офеней ихъ не бываетъ; въ то же время не покупаются онѣ и въ лавкахъ, гдѣ можно попасть на фальшивыя. А между тѣмъ на шеѣ то одной, то другой наряд-

ницы мелькаютъ: жемчугъ, янтарь и другія цѣнныя „кράли“. Нужно полагать, что, помимо наслѣдственности и дара, такія „кράли“ переходятъ изъ рукъ въ руки неувимую торговлю, гдѣ продавцами и покупателями бываютъ однѣ и тѣ же мѣстныя щеголихи.

64. За исключеніемъ креста въ нижней части ободка, мужскія серьги не имѣютъ другихъ дополненій и всегда бываютъ гладкими. Женскія серьги („подвѣски“) ²⁷⁷), напротивъ, узорчаты, со вставными камнями, которые на самомъ дѣлѣ есть только „стеклярусы“ различныхъ цвѣтовъ. По достоинству металла серьги не заходятъ выше серебряныхъ; но и такія серьги составляютъ „приборы“ весьма ограниченнаго числа зажиточныхъ щеголихъ: остальные довольствуются мѣдными и изъ различнаго сплава серьгами.

Женскія серьги составляютъ такую необходимость, что безъ нихъ трудно представить 10-ти-лѣтнюю дѣвочку, какъ и немощную старуху, которая въ воспоминаемое время погребалась съ этимъ „приборомъ“.

Здѣсь уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о промыканіи ушей. Мѣстная, отчасти шутливая поговорка утверждаетъ: „кылі серьги прымыкаюць, дыкъ завсѣды больно буваиць“. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—могутъ свидѣтельствовать тѣ, кто переносилъ эту боль, и сторонній наблюдатель принужденъ вѣрить, что въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго и что, для облегченія незначительной на самомъ дѣлѣ боли, есть стародавнія вспоможенія. Вотъ они: а) самое удобное время для промыканія ушей есть первыя три дня Страстной недѣли до полудня четверга включительно; б) промыкать должна родная вдовая бабка, или сторонняя женщина ея лѣтъ и положенія; в) лучше всего дѣлать промыканье безъ свидѣтелей, или при ограниченномъ числѣ ихъ, и г) какъ свѣжую рану, такъ и во все время, до заживленія, весьма полезно при-

мачивать молокомъ кормилицы, въ особенности, молокомъ родной матери.

65. Последнимъ женскимъ „приборомъ“ слѣдуетъ считать „парсѣнки“, которые почти всегда бывають гладкими кольцами и не заходятъ выше серебряныхъ. Дѣвушки начинаютъ носить кольца при первыхъ положительныхъ данныхъ, что онѣ стали невестами, продолжаютъ носить ихъ въ положеніи засватанныхъ и заканчивають ношеніе въ пору старческихъ подстунговъ (присловье: „40 лѣтъ—бабій вѣкъ“). Куда обыкновенно дѣваются вѣнчальныя кольца—трудно отвѣтить: ни женщины, ни тѣмъ болѣе мужчины не носятъ ихъ послѣ замужества.

Вмѣсто мѣдныхъ, бронзовыхъ и серебряныхъ колець въ воспоминаемое время употреблялись кольца оловячныя—домашней работы и покупныя,—кольца желѣзныя, стальные, и всѣ они бывали исключительно гладкими.

Дѣти и молодежь украшали пальцы соломенными кольцами, гдѣ умѣлая рука строила въ узлѣ довольно красивую повязь. Того же возраста дѣвушки украшали шею и подкистья рукъ нѣсколькими „мыткѣми краль“ изъ зрѣющей брусники, клюквы, калины, рябины и др. ягодъ. Всѣ такія украшенія не переживаютъ сутокъ и на другой день обильно валяются въ „шмяццѣ“ и другихъ непотребныхъ мѣстахъ.

66. Съ давнихъ поръ мужчины, женщины и дѣти въ рубашечной застежкѣ нашивали „шпоньки“—простѣйшія запонки со вставными въ лицевую сторону цвѣтными стеклами. Наравнѣ съ другими уборными, недорогими предметами, „шпоньки“ поступали въ обиходность отъ тряпичниковъ, офеней, или покупались въ мелочныхъ лавченкахъ и „шахвыхъ“ ²⁷⁸). Изрѣдка встрѣчались и самодѣльныя „шпоньки“—двѣ, по преимуществу, металлическія пуговицы меньшаго размѣра, соединенныя одна съ другой ушками.

V. Дорожные и случайные приборы.

Всѣ „приборы“ данной категоріи не составляютъ украшеній, подобно предыдущимъ, и могутъ быть рассматриваемы, какъ дорожныя и другія складища, безъ которыхъ, однако, трудно представить путника и вообще отлучающагося изъ дому. Такими „приборами“ слѣдуетъ считать:

67. „Кошэль, или пихцэль“ ²⁷⁹⁾—футлярную съ подвижною крышкою корзину изъ чистой бересты, или лыкъ, и изъ лозовыхъ прутьевъ, перевитыхъ соломой, подобно „сѣвалцы, кырчаги“ и др. предметамъ того же плетенья. Величина „кышиля“ довольно неопредѣленна: начинаясь съ величины, едва превышающей калиту онъ доходитъ до 12-ти-вершковой ширины, при высотѣ въ 8 и толщинѣ 4 вер. Самые маленькіе „кышалі“ ²⁸⁰⁾ нашивались на груди посыльными, сборщиками на храмы, тогда какъ наибольшіе изъ нихъ служили путевымъ надобностямъ и покоились въ экипажѣ. Носильный „кошэль“ почти всегда имѣетъ слѣдующую, неизмѣнно однообразную величину: ширина 8 вер., высота 6 и толщина 3 вер. Въ двухъ нижнихъ углахъ и двухъ верхнихъ придѣланы ушки, чрезъ которыя и подъ основаніемъ „кышиля“ проходитъ „почѣпка“—веревка, или тесьма, поясъ, для ношенія на плечѣ. Длина глухой „почѣпки“ устанавливается сразу такъ, чтобы носильный „кошэль“ покоился у поясицы, будетъ ли онъ за спиною, или сбоку.

„Кошэль“ служитъ для склада дорожной провизіи и внѣ этого ни на какія другія надобности не употребляется, а виситъ на стѣнѣ. „Кошэль“ носятъ только мужчины.

68. За неимѣніемъ „кышиля“, при продолжительной отлучкѣ, когда вмѣстѣ съ харчами нужно брать бѣлье, путникъ несетъ „торбѣшку“—холстинный мѣшокъ, устье котораго стягивается „мотузнымъ“ порядкомъ, или завязывается то пришивною, то вольною веревкой, другой конецъ которой подтыкается подъ поясъ спереди;

вершина „торбешки“ покоится на томъ, или другомъ плечѣ, а оставшая часть—на спинѣ. Такой образъ ношенія „торбешки“ видимо отличаетъ путника отъ нищаго и пастуха, которые носятъ ее при боку, у пояса, при чемъ устье послѣдней открыто, а глухая „почепка“ покоится на противоположномъ плечѣ.

69. Когда пѣшеходъ отправляется въ особенно дальній и продолжительный путь, то свои харчи, бѣлье, одежду, обувь и другіе „пожитки“ онъ несетъ въ „хытуль“, который есть увеличенная „торбешка“ съ закрытымъ устьемъ, носимая на спинѣ при помощи ремней, поясовъ, тесемъ. Эти послѣдніе, привязанные къ нижнимъ угламъ „хытуля“, перекрещенные иногда на груди, переходятъ по плечамъ и соединяются позади съ устьемъ „хытуля“. Въ такомъ видѣ носятъ „торбы“ мѣстные нищіе; но у послѣднихъ онѣ имѣютъ открытое устье и служатъ только для ссыпки подаваемого зернового хлѣба.

70. Молодъ ли, старъ ли путникъ, онъ непременно имѣетъ какую-нибудь „уручину, кѣекъ, пыпирашку“,—деревянную палку, иногда съ самородною головкой внизу ²⁸¹⁾, а иногда съ желѣзнымъ наконечникомъ, которымъ бываетъ то спеціально приготовленная „нысадка“, то насадочный обломокъ ухвата, кочерги, чепелы, навозныхъ вилъ и проч., или банка отъ косы и другого какого-нибудь рабочаго инструмента.

71. Изрѣдка можно увидѣть „торбешку и хотуль“ у путницъ; но онѣ рѣдко носятъ ихъ по-мужски и чаще—подъ мышкою, придерживая рукою. Въ сравнительно большихъ переходахъ женщины несутъ харчи и „пожитки“ въ большихъ платкахъ. Обыкновенно переносимое кладется въ средину раскрытаго платка и заворачивается двумя противоположными концами его: въ такомъ видѣ ноша помещается на срединѣ спины, а два свободные конца платка связываются на груди, пройдя предварительно—одинъ черезъ плечо, а другой подъ мышкою.

72. При незначительномъ переходѣ, но при объемистости ноши, переносимые предметы связываются всѣми четырьмя концами платка и тогда узелъ называется „ванзэлкымъ“. Послѣдній покоится на плечѣ, на головѣ, и поддерживается руками.

Указанными путевыми „приборами“ поставляется слишкомъ рѣзкая грань между путникомъ и путницею: менѣе странною будетъ женщина въ какой-нибудь „обловухи“, чѣмъ съ „кышалѣмъ“ у пояса; тою же странностью отличено будетъ ношенье „ванзэлка“ мужчиною. Несмотря на очевидную необходимость, путница не пойдетъ съ „уручинѣй“: послѣднею воспользуется развѣ немощная старуха, увѣчица, блажная, или ожидающая нападенія собакъ.

VI. Складыща и сховы ²⁸²).

Для храненія холста, носильнаго и другого бѣлья, одежды, обуви, а также и мелкихъ предметовъ, въ каждомъ домѣ имѣются отдѣльныя хранилища, извѣстныя подъ безразличнымъ именемъ „складыщъ и сховывъ“. Немногочисленные, слишкомъ простые и условно однообразныя хранилища эти, однако, вполне удовлетворяютъ потребностямъ, замѣняя комоды, гардеробныя шкафы, ящики и шкатулки. Первымъ, повсюднымъ и, главное, общедоступнымъ хранилищемъ является:

73. „Кубиль“ — большая клѣпчатая бадка ²⁸³) съ двумя ушками вверху, съ накладною крышкою, запирающеюся деревянною задвижкой, на трехъ ножкахъ, которыя есть продолженныя внизъ клѣпки. Проходя чрезъ оба ушка и по верхнему „дону“, задвижка тупымъ концомъ задерживается при одномъ ушкѣ; другой же конецъ ея, по выходѣ изъ ушка, запирается висячимъ замкомъ, входящимъ въ сдѣланную пробоину. Такъ какъ „кубиль“ одновременно замѣняетъ комодъ, шкафъ, шкатулки и проч., то въ немъ можно найти бѣлье, одежду, обувь, мелкія вещи и съѣдобныя предметы изъ категоріи „пыласункывъ“. — „Кубиль“ есть исключи-

тельно женское хранилище, хотя матери и жены берегутъ въ немъ дѣтское, а также и мужнино бѣлье, одежду и обувь. „Кубиль“ справляется дѣвушкѣ-невѣстѣ и съ накопленнымъ приданымъ ея. при извѣстныхъ церемоніяхъ, отвозится въ мужній домъ, при концѣ брачныхъ празднествъ ²⁸⁴).

Подобно другимъ кадкамъ, „кубиль“ не употребляется на второстепенныя надобности, а какъ-то незримо исчезаетъ изъ обихода послѣ долгосрочной, однообразной службы.

74. „Скряня, скрянька“, встрѣчаемая значительно рѣже „кубла“, служитъ одинаковымъ съ нимъ потребностямъ въ болѣе зажиточныхъ домахъ. Это сундучное хранилище, по вмѣстимости не менѣе „кубла“, бываетъ то съ плоскою, то съ округлою крышкою, запирается висячимъ и внутреннимъ замкомъ и изрѣдка окрашено снаружи и обито тонкими желѣзными полосами. Въ болѣе роскошныхъ случаяхъ внутри „скряни“ дѣлаются „прискрники“—небольшіе по бокамъ ящички съ отдѣльными при нихъ крышками, для склада мелкихъ вещей, а въ подъемной крышкѣ, въ свою очередь, дѣлается „пріащикъ“, куда обыкновенно засовываются холсты въ „трубкахъ“ и подобные предметы.

Приобрѣтеніе „скряни“ составляетъ событіе не только въ домѣ, но и въ деревнѣ: любопытные собираются на осмотръ сундука нѣсколько дней сряду и поздравляютъ владѣльцевъ точно такъ же, какъ и при покупкѣ лошади, коровы.

75. Когда нѣтъ ни „кубла, ни скряни“, имущество бережется въ „ванзѣлкахъ“, которые обыкновенно покоятся то въ клѣти, то на „полѣ“ ²⁸⁵), то привѣшенными къ стѣнѣ. Эти „ванзѣлки“ часто имѣются въ домѣ и при существованіи настоящихъ хранилищъ: тогда въ нихъ помѣщаются болѣе объемистые предметы, какъ, напр., шубы, армяки, обувь и вообще что поглубѣе и погрязнѣе. Личное имущество наемныхъ работниковъ и работницъ, приживальцевъ и бобылей, а также стариковъ, хранится обыкновенно въ „ванзѣлкахъ“.

76. Являясь именемъ собирательнымъ, понятіе „бялізна“ имѣетъ, однако, тѣсное и широкое значеніе, что видно изъ буднично-жителейскихъ выраженій: а) „ёсь ны бялізни, б) скидываць бялізну, в) сцираць бялізну“. Въ первомъ случаѣ разумѣется одна женская рубашка въ періодѣ регуль, во второмъ—мужское и женское бѣлье при смѣнѣ, въ третьемъ—бѣлье и одежда въ стиркѣ. Въ общемъ „бялізний“ приходится считать не бѣлье только, а и всѣ холстинныя издѣлія, гдѣ прошла иголка съ ниткою и гдѣ мытье и бѣленье сдѣлали свое дѣло.

77. Другое собирательное имя—„лоїно, или ланнѣ“—принадлежитъ связкѣ перемываемаго бѣлья; но оно одинаково относится къ вороху и складу грязнаго бѣлья, одежды, „сцѣрыкъ“²⁸⁶) и другихъ предметовъ изъ холста, при чемъ отдѣльная вещь есть „лонїна“.

78. „Транты (дранты)—бранты, или транцѣ“ составляютъ отдѣльную категорію поношенной и, отчасти, уже порванной одежды и бѣлья. Выраженіе: „тресь трантыми“ всегда означаетъ ношеніе порванной, не починенной одежды.

79. Доношенное до крайней возможности „транцѣ“ причисляется къ категоріи „шарпо́цця“. Обыкновенно „шарпо́цця“ не подлежитъ правильной починкѣ, т. е. тутъ не накладываются заплаты, и образовавшіяся прорѣхи наскоро заметываются, или оставляются на произволь. Тѣмъ не менѣе „шарпо́цце“ все-таки продолжаетъ носиться до послѣдней возможности.

80. Когда же такая возможность прошла, „шарпо́цця“ дѣлается „старі́зний“ и перестаетъ служить специальнымъ надобностямъ: холщевая „старі́зна“ ожидаетъ тряпичника, а сермяжная и шубная нѣкоторое время состоятъ безсмѣнною подстилкою въ постели, подъ бадками и на нихъ, подстилкою для новорожденныхъ животныхъ, покрышкою вспотѣвшихъ лошадей, а потомъ начинаютъ валяться на „шумѣтнѣныхъ“, въ собачьихъ логовахъ и, наконецъ, „цы за-вгòлли“²⁸⁷).

81. „Тряпóцця“ (отъ тряпка) имѣеть нѣсколько значеній. Такъ, этимъ именемъ обозначается: а) собраніе тряпокъ, служащихъ стирками;—б) всякая льняная ткань, доведенная до „шарпóцця“ и приготовленная на стирки;—в) уничижительное названіе лишней женской одежды, хотя-бы послѣдняя составляла даже праздничный нарядъ.

82. Отъ „тряпóцця“ нужно отличать „скупáцця“—небольшіе куски холста, сукна, овчины и фабричной ткани, оставшіеся обрѣзками при кройкѣ. Эти „скупаты“ тщательно берегаются и идутъ потомъ отчасти на „лапки“²⁸⁸), отчасти на обшивки, на мелкіе предметы, какъ „капшукъ“, или служатъ „похйсткыми“.

Другой видъ „скупáцця“ составляютъ одежные куски то висящіе пока при одеждѣ, то оторванные отъ нея.

83. Мелкіе куски болѣе дорогой ткани, ленты, различныя женскія украшенія и мелочныя вещицы составляютъ „пыдрыбязы, пыдрыбяззя“, которое копится поколѣніями и переходитъ отъ бабки ко внучкѣ. Принимаемое въ такомъ видѣ „пыдрыбяззя“ составляетъ необходимую имущественную собственность каждой женщины, и владѣтельница его время-отъ-времени копошится въ многочисленныхъ узелкахъ, коробочкахъ, „пушкыхъ“²⁸⁹), перебираетъ свое „пыдрыбяззя“ въ одиночку и коллективно и тѣмъ коротаеть праздное подъ часъ время, тѣмъ болѣе, что тутъ можетъ быть широкій просторъ для личныхъ и стороннихъ воспоминаній при каждомъ предметѣ.—Обѣщаніе показать и перебрать „пыдрыбяззя“ нерѣдко успокаиваетъ капризныхъ дѣтей, а послушнымъ скромницамъ бываетъ заслуженною наградою.

Кстати добавить: въ нномъ „пыдрыбяззи“ можно встрѣтить весьма рѣдкіе предметы ручного и неручного производства, цѣнныя находки, состоящія изъ кладовыхъ монетъ, металлическихъ и костяныхъ издѣлій,—что, по справедливости, могло бы занять почетное мѣсто въ музейныхъ витринахъ...²⁹⁰).

84. Есть еще одинъ видъ складаща — „мыртыхлясця, или мутрухлясця“²⁹¹). Оно отличается отъ предыдущаго развѣ меньшею цѣнностью собранныхъ предметовъ, тогда какъ обиліе и разнообразіе ихъ остаются тѣми. Кромѣ того „мыртыхлясця“ не подлежитъ такой охранѣ, какъ „пыдрыбяззя“, обыкновенно припрятываемое въ „кѹбилѣ и скрѣню“: по большей части, оно покоится въ мѣшкѣ, или узелкѣ, привѣшенномъ къ стѣнѣ. Въ этомъ складащѣ можно найти: матерчатые обрѣзки, клокъ шерсти, остатки недопряденной „кудѣли“, образцы льна и пеньки, различныя сѣмена въ отдѣльныхъ завязкахъ, мелкіе рабочіе предметы при женскомъ рукодѣльи и т. под. Въ свою очередь и такое складаще изрѣдка подлежитъ пересмотру, хотя онъ вызывается скорѣе необходимостью разыскать нужный предметъ, чѣмъ времяпрепровожденіемъ и любопытствомъ.

85. Почти всѣ перечисленные „схѹвы“ и складаща находятся въ исключительномъ завѣдываніи женщинъ; послѣдніе же два такъ и называются „жанѹцкими“. Однако, нѣчто похожее на „пыдрыбяззя и мыртыхлясця“ имѣется и у мужчинъ, — что составляетъ непривосновенное, совершенно особнячное складаще ихъ, извѣстное подъ именемъ „пыдрыбязывѣ“. Какъ естественно ожидать, тутъ собраны не пустяки какіе, а полезные подручныя предметы: разные инструменты, гвозди, желѣзные куски, пружины, издѣлія изъ дерева, камни точильные, сорта сѣмянъ и проч. „Пыдрыбязы“ не подлежатъ праздному пересмотру, и послѣдній бываетъ только при отыскиваніи подходящаго, нужнаго предмета.

Кто присутствовалъ при разборѣ „пыдрыбяззя, мыртыхлясця и пыдрыбязывѣ“, тотъ, несомнѣнно, удивлялся сочетанію предметовъ и безпорядочной укладкѣ ихъ. Когда идетъ раскладка предметовъ, послѣдніе, повидимому, вынимаются изъ упорядоченнаго складаща; но когда тѣ же предметы кладутся обратно въ хранилище, то это дѣлается „загрѣбымъ“, спѣшно, а потому предметы помѣщаются въ складаще „шѹрымъ-бѹрымъ“. Слѣдуетъ оговориться,

что такой „шурь-бурь“ присущъ всему простонародному имуществу, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ посмотрѣть на внутренность избы, на подворье и въ различныя хозяйственныя помѣщенія... Есть случаи, когда побывшій въ городѣ и привыкшій къ порядочности семьянинъ старается упорядочить домашній „шурь-бурь“: всѣ его мѣропріятія считаются „выгáдыми да вымыслыми“, которыми семьяне отказываются слѣдовать, и благое начинаніе сводится къ тому, что цивилизаторъ пристаётъ къ обычному домашнему „шурь-бурь“...

VI. Столовое и спальное бѣлье.

Столовое и спальное бѣлье слишкомъ бѣдно количественностью и разнообразіемъ: такъ первое ограничивается одною только скатертью, а второе—чуть-ли не наволочкой. Однако, въ благоустроенномъ домѣ, кромѣ этихъ предметовъ, попадаетъ еще: постельный сѣнникъ, простыня и даже пологъ. Все это заслуживаетъ отдѣльнаго упоминанія и описанія.

86. „Скацирка, или убрúсыкъ“, дѣлается изъ болѣе нарядной узорной ткани, той именно, изъ которой шьются лучшіе „насыды“. Скатерть дѣлается по длинѣ домашняго стола; ширина же ея—два полотнища,—что въ свою очередь будетъ соответствовать ширинѣ стола, обыкновенно довольно узкаго. Въ праздничные и парадные дни скатерть разстилается по всему столу не только на время ѣды, но и помимо ея; въ будни же она, правда, находится на столѣ, но только ради прикрытія хлѣба и солонки отъ пыли, мухъ и кошекъ. Служа той и другой надобности въ теченіе приблизительно мѣсяца и перенеся множество „капыкъ и пúцикывъ“, временное за ѣдой вытиранье ложекъ и рукъ, скатерть становится грязнѣе многихъ окружающихъ предметовъ, хотя и продолжаетъ служить, почитаясь чище ихъ потому только, что лежитъ на столѣ, при „дарѣ Божьемъ“...

87. Въ мѣстахъ, близкихъ къ раскольничьимъ поселеніямъ, при парадномъ обѣдѣ, встрѣчается нѣчто похожее на пользованье салфетками, которыми здѣсь являются полотенца, обыкновенно накладываемыя хозяйкою на обѣ, спущенныя подъ столъ руки каждаго затрапезника ²⁹²). Помимо салфеточной службы за столомъ, по увѣренію знатоковъ простонародной жизни, положенное на руки полотенце „связываетъ волю гостей и подчиняетъ ихъ хозяйской волѣ“.

Главная служба полотенцевъ, обыкновенно называемыхъ „ручниками“, состоитъ въ вытираньи рукъ и лица послѣ умыванья. Такъ какъ руки умываются по нѣскольку разъ въ день и вытираются концами полотенца, то послѣдніе буквально чернѣютъ тогда, когда середина его чиста. По мѣрѣ дальнѣйшей службы „ручника“, темень подымается къ срединѣ, а къ концу недѣли все полотенце становится немногимъ чище онучи: тутъ оно смѣняется и поступаетъ въ „ланнѣ“.

На надобности всей семьи удѣляется одно только полотенце, которое обыкновенно виситъ на срединѣ стѣны, противъ „полу и пылаць“, и снимается отсюда на самое короткое время. Въ баню оно не заносится: тѣло вытирается здѣсь бѣльемъ, то снятымъ, то приготовленнымъ для смѣны, чистымъ.

Тѣ же „ручники“ съ узорными боймами, иногда отпущенными кистями, служатъ второстепеннымъ надобностямъ: невѣста опоясываетъ ими главныхъ сватовъ, въ числѣ „даровъ“ приподноситъ священнику; при домашнемъ траурѣ такой „ручникъ“ наполовину вывѣшивается за окно на 40 дней; имъ покрывается божница; наконецъ, „ручникъ“ служитъ однимъ изъ замѣтныхъ предметовъ, жертвуемыхъ по обѣщанію въ церкви, костелы, баптицы и на придорожные кресты.

Величина и убранство „ручниковъ“ не поддаются условной мѣрѣ: есть „ручники“ свыше 2-хъ саженой длины, при 12-ти вершковой ширинѣ, и есть такіе, что едва длиннѣе 1 арш., при 4

вершковой ширинѣ; есть „ручники“ съ бахрамой по концамъ, тканюю, вышивною каймой, и есть совершенно гладкіе, безъ всякой каймы. Общимъ во всѣхъ полотенцахъ слѣдуетъ считать—ровное, безузорное тканье, какъ тканье на рубашечный холстъ.

88. „Навлѣчка“ найдется при каждой постели. Если она служить наволочкою на подушку, то, подобно остальному бѣлью, занашивается до невозможной грязи, такъ какъ смѣняется не болѣе трехъ разъ въ году. Но не лучше судьба и той „навлѣчки“, которая служитъ мѣшкомъ для сѣна и соломы и замѣняетъ подушку: она смѣнится развѣ тогда, когда начинка ея обратится въ невозможную труху, которую нужно высыпать.

Длина „навлѣчки“ бываетъ отъ 1½ до 2 ар., при соответственной (1—1½ ар.) ширинѣ, если только она предназначена на многосемейныя нужды; но тутъ же она легко замѣняетъ „сянникъ“ и идетъ подъ бокъ. Въ другихъ случаяхъ размѣры „навлѣчки“ бываютъ нѣсколько скромнѣе, при чемъ она и наряднѣе, по крайней мѣрѣ, по краямъ идутъ узкія цвѣтныя полосы.

89. Настоящій „сянникъ“ бываетъ довольно почтенныхъ размѣровъ: сажень длиною и 2 ар. шириною. Онъ рѣдко набивается сѣномъ, которое хрупко и скоро „патрѣшитца“²⁹³); чаще всего набивкою служатъ: солома и „горѣхвины“²⁹⁴).

„Сянникъ“ составляетъ постельную роскошь, безъ которой обходится большинство: на нары постилается ржаная солома и „горѣхвины“, которыя удобно служатъ спальнымъ надобностямъ.

90. Послѣдній видъ постилки вызываетъ необходимость въ „прысцини, или прысцирадлы“, которая, примѣнительно къ длинѣ и ширинѣ наръ, бываетъ поражающихъ размѣровъ и походитъ скорѣе на парусъ, чѣмъ на простыню. Въ крайности можно обойтись безъ простыни—и множество семей спокойно почпваетъ на незастланной соломѣ, или „горѣхвиныхъ“.

91. Если возможно обойтись безъ простыни, то еще болѣе можно обойтись безъ „кòлды“ (одѣяла), которую, примѣнительно ко времени года и личнымъ потребностямъ, замѣняетъ лѣтняя и зимняя одежда, не только въ отлучкѣ, но и дома. Старая одежда обязательно несетъ такую службу въ самыхъ разнообразныхъ ночлежныхъ мѣстахъ—на печи, нарахъ, на землѣ, сѣновалѣ, въ овинѣ, полѣ и лѣсу, при конопасныхъ и другихъ ночлегахъ; но и новая одежда несвободна отъ одѣяльной службы, по крайней мѣрѣ, ночлежники-гости покрываются ею. Когда ночлежники спятъ „у покыть“²⁹⁵), и одною одеждою приходится покрыть двоихъ, то она обыкновенно кладется воротникомъ на ноги, а подоломъ на плечи, при чемъ, кромѣ этой покрывки, на ноги накладывается другая одежда опять же подоломъ вверхъ.

Лѣтомъ, или при комнатной духотѣ, одѣяльную службу можетъ исполнить и простыня, если таковая имѣется въ запасѣ и не употреблена на „ванзэлыкъ“.

Настоящая „кòлды“ все-таки кое-гдѣ попадается, особенно въ мѣстахъ пришляхетныхъ. Она дѣлается изъ цвѣтной домотканки (ткань для „дрылиха и сыяна“) и „набóйки“, на подбивкѣ изъ пакли и на бѣлой холстинной подкладкѣ. Размѣры „кòлды“ не превышаютъ размѣровъ обыкновеннаго одѣяла.

92. Гораздо чаще одѣяла и простыни можно встрѣтить пологъ, обыкновенно сшитый изъ бѣлаго, довольно грубаго холста, въ видѣ накладного на ящикъ чехла, который привѣшенъ къ балкамъ и потолку и со всѣхъ сторонъ закрываетъ постельное мѣсто. Главное назначеніе полога—защищать спящаго отъ мухъ, а потому онъ употребляется исключительно лѣтомъ: тутъ пологъ перемѣщается изъ избы то въ сѣни, то въ клѣть, то въ сарай. Въ остальное время года пологъ можно встрѣтить надъ супругами-младоженами и надъ „родихый“,—отчего послѣдняя называется „пылогóвый кумой“²⁹⁶).—Гдѣ въ одеждѣ преобладаетъ „синяцина“, тамъ и спальное бѣлье готовится изъ синяго холста.

VIII. Прядильные материалы передъ прядивомъ.

Вся мѣстная домотканка строго раздѣляется на „пырцянпну²⁹⁷⁾ и суконину“: первую составляетъ ткань изъ льняныхъ нитокъ, а вторую—изъ шерстяныхъ, даже и тогда, когда тѣ и другія нитки смѣшаны, по крайней мѣрѣ, эта ткань не имѣетъ отдѣльнаго названія. Такимъ образомъ исключительными прядильными материалами являются ленъ и овечья шерсть, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ и скромныхъ размѣрахъ тѣмъ же матеріаломъ бываетъ пенька, хлопчатая бумага, кроличья, козья и даже собачья шерсть,— о чемъ сказано будетъ ниже.

Когда снятый съ поля ленъ выдержалъ мочку, стилку, сушку, побывалъ потомъ въ мялкѣ и подъ трепалкою, тогда въ видѣ „вѣзыкъ, повѣсымъ“²⁹⁸⁾, между прочимъ, онъ поступаетъ въ исключительное распоряженіе той женщины, которая переработаетъ его въ нитки, ткань, одежду. Первымъ приступомъ къ такой далеко некороткой работѣ является „разборка вѣзки, или повѣсма“, подъ чѣмъ нужно разумѣть развязыванье льняного кулька-сырца и раскладку льна въ подручномъ мѣстѣ, на какой-нибудь плоскости... Небезполезно будетъ присмотрѣться къ зачинающейся работѣ, тѣмъ болѣе, что, при глубокомъ вздохѣ, труженица вымолвила протяжныя слова—„блыгслѡвъ-ты²⁹⁹⁾-ка-жъ, Бѡжухна!“—тѣ особенныя слова, которыми напутствуется безотложное рѣшеніе, трудная, дальняя дорога, невольное подчиненіе обстоятельствамъ...³⁰⁰⁾.

Усѣвшись на лавкѣ, или на соотвѣтственной по ширинѣ и прочности скамьѣ, да подложивъ подъ себя большой деревянный гребень зубьями въ отвѣсъ съ предмета сидѣнья, будущая пряжа беретъ только горсть льна и пропускаетъ ее чрезъ рѣдкіе гребневые зубья то однимъ, то другимъ концомъ, до тѣхъ поръ, пока расчесываемая горсть льна перестанетъ отдѣлять снизу гребня льняные влочья (расческа дѣлается снизу вверхъ, при чемъ всю работу справляетъ правая рука, а лѣвая придерживаетъ осно-

ваніе зубьевъ, или скидываетъ завязнувшіе клочья). Что сдѣлано съ первою „жменькый“, то же съ однообразною точностью будетъ сдѣлано и съ послѣдующими, пока не переберется все „повѣсмо“ и, значительно преобразованное, переложится на новое мѣсто. Отъ всей этой работы на полу подъ гребнемъ получается ворохъ вычесокъ, которыя обыкновенно переполнены кострикою. Для выдѣленія послѣдней, вычески встряхиваются потомъ при помощи веретена и, нѣсколько очищенные, даютъ „варьховки, или верьхычись“ — не особенно нѣжный матеріалъ на буделю, изъ нитей которой впоследствии получается болѣе грубая ткань на будничныя надобности.

Вычесанныя льняныя горсти подвергаются новому чесанью болѣе густымъ деревяннымъ, но уже ручнымъ гребнемъ. Тутъ работа происходитъ „станькомъ“, при чемъ льняная горсть держится на подъемѣ лѣвою рукою, и чесанье продолжается до тѣхъ поръ, пока гребень не перестанетъ отдѣлять вычесокъ. Давая болѣе нѣжные клочья льна съ меньшимъ количествомъ тонкой кострики, эти вычески, послѣ должнаго встряхиванья веретеномъ, даютъ „пачись“ — матеріалъ для тонкихъ, правда, и мягкихъ, хотя и непрочныхъ нитокъ. Полученная впоследствии ткань изъ „пачиси“ идетъ, однако, на болѣе парадное бѣлье и одежду.

Вслѣдъ за этою чesкой достаточно очищенный ленъ выдерживаетъ послѣднюю — чesку головными „щѣцами“, о которыхъ помянуто было выше. Въ этомъ случаѣ придерживаемая лѣвою рукою горсть льна распластывается на столѣ, лавкѣ, скамьѣ и продолжительно разглаживается, чтобы извлечь остатки кострики и измельчать волокна ³⁰¹). Незначительныя вычески со „щѣць“ поступаютъ „у пачись“, а вполне очищенный ленъ, подъ именемъ „кѹжиля“, даетъ первосортный матеріалъ для прядива. Гдѣ въ распоряженіе пряжи поступаетъ льна побольше, тамъ онъ сортируется по длинѣ и цвѣту, при чемъ сѣрый и синеватый „кѹжилъ“

идеть на швейныя и поясныя нитки, или же таковыя отдаются потомъ въ окраску.

Грубые хлопья съ неменѣе грубою кострикою, отдѣлившіеся изъ-подъ трепалки, даютъ „оттрѣпыши“ (отрѣпки), которые въ свою очередь по нѣскольку разъ встряхиваются веретенкомъ, для отдѣленія кострики, и служатъ потомъ матеріаломъ для прядива нитокъ на грубыя ткани для мѣшковъ и „дярүгъ“³⁰²⁾ разныхъ. Невозможныя для прядива вычески смѣшиваются съ отрѣпками, т. е. грубыми клоками льна, отбитыми трепалкою, и поступаютъ „у пакулля“, которымъ обыкновенно конопатятъ стѣны, или набиваютъ упряжныя подушки; у ружейныхъ охотниковъ „пакулля“ идетъ на пыжи.

Четыре вида обработаннаго льна—„оттрѣпыши, вярхочись, пачись и күжилъ“—даютъ полный матеріалъ для портяного прядива. Каждый видъ спрядается отдѣльно, и нитки поступаютъ на отдѣльную ткань. Правда, „пачись и вярхочись“ кое-когда смѣшиваются въ ткани, но такого смѣшенія нитокъ не можетъ быть въ „күжили и оттрѣпышихъ“.

Вполнѣ готовый видъ льна сперва распластывается на плоскости, а потомъ свертывается въ цилиндрическую трубку, высота которой не превышаетъ 8 вер.; при толщинѣ вер. въ 6. После этого „кудѣля“ привязывается къ прялкѣ—и начинается прядиво.

Глядя на готовую „кудѣлю“, а въ особенности, на первую попавшуюся „ручайку“, знатоки весьма легко опредѣляютъ не только возрастъ пряжи, но и нѣкоторыя душевныя особенности ея. Такъ, „оттрѣпышную кудѣлю“ прядутъ: начинающія дѣвочки-дѣти, „блажныя“ и старухи. У первыхъ двухъ нитка неровна—то толще, то тоньше, у послѣднихъ, какъ отчасти и „блажныхъ“, въ нитку впрядается много кострики, хотя старухи выводятъ обыкновенно болѣе ровную нитку. „Вярхочисную кудѣлю“ прядутъ дѣ-

вочки отъ 10 до 14 л. и пожилыя женщины съ ослабленнымъ зрѣніемъ. Первыя весьма старательно выбираютъ кострику зубами и рукою, „ращѣвкывыюць“ комья и норовятъ вытянуть, по возможности, тонкія нитки, подобныя кужельнымъ: такія нитки не даютъ въ ткани горбинъ. Помимо множества кострики, у вторыхъ пряхъ комья запрядаются усиленнымъ верченьемъ промежъ пальцевъ лѣвой руки вышедшаго комка; но пока это закончится, веретено сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ—и въ этомъ мѣстѣ нитка будетъ круче.— „Пачисную кудѣлю“ поручаютъ возрастнымъ дѣвушкамъ, уже начавшимъ прясть „кужилъ“, или такимъ пряхамъ, которыя отстали отъ „кужельного“ прядива. Равномерная толщина нитки, такая же крутизна ея, безусловное отсутствіе хотя бы и скрытыхъ комьевъ—вотъ непремѣнныя условія этой пряжи, кстати, весьма нѣжной и несовсѣмъ прочной. Всяческое уклоненіе свидѣтельствуетъ о какой-нибудь ненормальности пряжи, которая то задумалась, то потрясена набѣжавшею невзгодою.— „Кужельныя кудѣля“ требуетъ опытной, молодой и живой пряжи, которою можетъ быть вполне зрѣлая дѣвушка, неуходившаяся молодуха, или „дывушія“³⁰³), обыкновенно не желающая отстать отъ молодыхъ дѣвушекъ. Словомъ, за такое прядиво берутся тѣ, у кого „молодая кровь бьетъ ключомъ“, или кто хочетъ молодиться. Вспоминая про дни молодости, увядающая женщина иногда съ глубокимъ вздохомъ говоритъ, что и она „колі-то прала кужиль“... На понятномъ житейскомъ языкѣ это означаетъ, что она не только умѣла тонко и скоро прясть, но что она дѣлила особенныя и преимущественныя удовольствія „кужельницъ“: хаживала на посидѣлки, гдѣ, кромѣ заурядныхъ „обгдныкъ“³⁰⁴) въ прядивѣ, пользовалась нестѣсняемымъ правомъ игръ, шутокъ въ совмѣстномъ обществѣ подругъ и парней, обыкновенно набѣгающихъ на посидѣлки. Да позволено будетъ увѣреніе, что наисимпатичныя воспоминанія каждой пряжи относятся къ той порѣ жизни, когда она „прала кужиль“...

Съ шерстью дѣло обходится значительно проще: она только „рызскубѣйтца“ ³⁰⁵⁾ и сортируется по цвѣтамъ -- бѣлая, черная и сѣрая. Если подоспѣли шерстобиты, и домашняя возможность позволяет нанять ихъ, разбивка шерсти поручается имъ; въ большинствѣ случаевъ къ этому дѣлу призывается и старъ и малъ: дружными усилями семьяне „рызскубѣць“ и разсортпругють шерсть, изъ которой потомъ пряжа свертывается „вѣвну“, на подобіе льняной, точно также привязывается къ прялкѣ, хотя тутъ же обвертывается холстиною, платкомъ, чтобы не распадались части „вѣвны“, обыкновенно слабо держащіяся другъ съ другомъ.

„Вѣвна, вѣвинка“ не имѣетъ такихъ избранницъ въ прядивѣ, какъ ленъ: прядиво ея доступно всѣмъ возрастамъ, лишь бы пряжа умѣла выводить ровную нитку, которая по тонкости не доходитъ до „кужельный“, зато не спускается и до грубой „отрѣпышный“. Мягкость прядильнаго матеріала, необходимая медленность прядива и ненужность слюны для смачиванья выводимой нитки приманиваютъ къ работѣ тѣхъ, кто полѣнивѣе да постарѣе.

Пенька цѣликомъ уходитъ на веревки, или въ продажу. Только въ домахъ мѣстныхъ рыболововъ нѣкоторая часть ея удѣляется на нитки для сѣтей ³⁰⁶⁾. Кстати примолвить: пряжи неохотно берутся за прядиво пеньки сколько потому, что послѣднюю трудно довести до мягкости льна, а еще болѣе потому, что нитки поступаютъ потомъ въ распоряженіе рыболова, а не остаются на ткацкія надобности пряжи-ткача. Поэтому, весьма часто бываетъ что пеньковое прядиво исполняютъ сами же рыболовы, т. е. мужчины, исполняютъ на обыкновенной женской прялкѣ, не хуже многихъ пряхъ.

Въ немногихъ домахъ, гдѣ водятся „трусѣ“ ³⁰⁷⁾, или гдѣ умѣютъ пользоваться козьимъ пухомъ, старательно выщипываемымъ во время линьки, прядется кроличья и козья шерсть, изъ нитей которыхъ вяжутся потомъ „испѣтки“, преимущественно въ кожаныя

рукавицы. Въ виду того, что та и другая шерсть короче овечьей, и нитки предназначаются на сравнительно грубыя издѣлія, онѣ прядутся значительно толще заурядныхъ шерстяныхъ, поступающихъ на ткань.

Прядиво ваты („бавѣлны“) встрѣчается такъ рѣдко, что многія пряжи не имѣютъ о немъ даже и понятія. Тѣмъ не менѣе въ при-шляхетныхъ мѣстахъ „бавѣлнины“ нитки домашняго производства идутъ на утокъ, на пояса, или же изъ нихъ вяжутся кое-какія пятипалыя перчатки. Если то же дѣлается въ остальныхъ мѣстахъ, то вата для прядива не покупается, а заходитъ въ домъ какъ-нибудь случайно—находкою, подаркомъ, мѣною. Еще рѣже, да и то по суевѣрно-предразсудочнымъ побужденіямъ, прядильнымъ матеріаломъ бываетъ шерсть какой-нибудь „кудлы“³⁰⁸). Эта шерсть, снимаемая съ собаки съ нѣкоторою „гидысцю“³⁰⁹), проходитъ всѣ превращенія обыкновенной овечьей шерсти, пока не перейдетъ въ нитки, въ вязальныя издѣлія, при чемъ производство работы, какъ и ношенье издѣлій отличается тою же „гидысціей“. Разумѣется, что ко всему этому приводитъ исключительная нужда: такъ, нитки и поясковыя тесемки изъ нихъ на рукахъ, ногахъ и шеѣ носятъ тѣ, кто перепуганъ данною собакою, или вообще боится собакъ (д. Софоненки, Пол. у.), или тѣ, у кого не остается никакихъ средствъ для удаленія ножного пота, разъѣдающаго ножные пальцы до гніенія и нестерпимаго зловонія (м. Волицы, Дрис. у.)...³¹⁰).

Скромное, будничное имя нитки едва-ли можетъ передать стороннему наблюдателю про обширнѣйшій кругъ дѣятельности пряжи. А между тѣмъ съ этой скромной нитки, чуть осязаемой пальцами, зачинается цѣлозимняя работа пряжи, благодаря которой сперва тучнѣетъ веретено, растутъ пудовыя клубки, растягивается вдоль стѣны и на ткацкомъ станкѣ нитяная паутина, къ веснѣ создается ткань, которая къ началу лѣта преобразуется въ разнообразное бѣлое полотно, пригодное на бѣлье, одежду, скатерть,

полотенце и др. надобности. Фабричное производство ткани начинается тоже съ нитки; но эта послѣдняя, выводимая силою, превышающею сотни человѣческихъ, разойдется по фабричнымъ угламъ, гдѣ дальнѣйшую обработку она получитъ при воздѣйствіи опять той же широкой силы. И все это будетъ сдѣлано скоро, прочно и красиво! Вполнѣ тождественныя требованія поставляютъ жизнь и той „живой фабрикѣ“, которая, во что бы то ни стало, должна одѣть себя, семью, или продажею своего производства сколотить кое-какія сбереженія на „приборы“, на черный день,—завести личныя деньги. Какъ она достигаетъ всего этого — видѣть нетрудно: работа „живой фабрики“ вся на виду отъ начала до конца, и чтобы обстоятельнѣе ознакомиться съ нею, стоитъ присѣсть да посмотреть, какъ на переменныхъ мѣстахъ пряжи — на лавкѣ, скамьѣ, нарахъ, лежанкѣ, случайной колодкѣ, завалинкѣ зачинается прядиво. Благо труженица услась за прялку и, держа въ лѣвой рукѣ пустое веретено, правою кладетъ на себя предработный крестъ...

Задѣлъ нитки и первое появленіе ея на веретенѣ совершаются двояко: пряжа выводитъ безъ веретена кое-какую нитку вершка въ 4 и, завертѣвъ ее на тонкой оконечности веретена, продолжаетъ выводить настоящую, начальный конецъ которой она наворачиваетъ у веретеной пятки. Такъ зачинается всякая нитка, кромѣ „кужельный“, и, отчасти, „пачисный“. Въ кужельномъ прядивѣ то же начало бываетъ нѣсколько проще: вытянутый изъ „кудѣли“ тонкій клочекъ надѣвается на ослоненную оконечность веретена шапочною; пальцы правой руки, при неумовимомъ нажимѣ льняной шапочки, закручиваютъ веретено въ то время, когда пальцы лѣвой руки продолжаютъ вытягиванье льняного клочка. Пряхамъ-малолѣткамъ „зычпаютъ веретено“ ³¹¹⁾ возрастныя, пли же позволяютъ имъ воспользоваться кускомъ первой попавшейся нитки, одинъ конецъ которой завертывается у веретеной пятки,

а другой, послѣ „защѣвка“ ³¹²⁾ на носу веретена, прививается къ „кудѣли“.

За исключеніемъ шерстяной пряжи, носъ веретена обязательно ослюнивается, при чемъ, для упрощенія дѣла, пряжа беретъ его въ ротъ. Въ послѣдующее время носъ веретена не остается сухимъ, и вертящіе пальцы правой руки время-отъ-времени подносятся ко рту, чтобы принять нужную для этого слюну. Въ свою очередь, хотя и значительно чаще, ту же слюну принимаютъ пальцы лѣвой руки, безотлучно покоящіеся у „кудѣльный быроды“ и вытягивающіе прядильные ключья. Такимъ образомъ слюна пряжи неразлучна съ ниткою отъ „зачала“ ея и до конца. Удостоверяютъ ³¹³⁾, что это сообщаетъ ниткѣ большую крѣпость, особенно, у молодыхъ пряхъ, но тутъ же обуславливаютъ, чтобы влажная пряжа была немедленно высушена, иначе „слюна переѣстъ пряжу“. Ясно, что при продолжительной и усердной работѣ, пряжа расходуетъ невѣроятное количество слюны, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если къ концу работы голосъ ея хрипнетъ, а пальцы начинаютъ принимать уже какую-то сметанистую слюну. Въ помощь дѣлу, для вызова послѣдней, пряжа держитъ при себѣ клюкву, калину, рябину и бруснику, изрѣдка потребляетъ по ягоде, или же отхлебываетъ глотокъ квасу и воды, кои тутъ же у нея подъ руками. Пожилыя пряхи и старухи пользуются подручною водою вмѣсто слюны, т. е. обмакиваютъ пальцы въ посудину; но за то ихъ пряжа почитается ниже ослюниваемой.

Въ прядильной работѣ главнымъ образомъ участвуютъ первые три пальца обѣихъ рукъ. Оттого нижняя кожа этихъ пальцевъ невѣроятно тончаетъ за время работы, при чемъ, отъ безустанной мокроты она какъ-то жалко морщинится и получаетъ болезненно-бѣлый цвѣтъ... Тутъ весьма часты и весьма возможны порѣзы ниткою и уколы кострикою до крови, особенно, лѣвой руки. Къ счастью, порѣзъ и уколъ почти не вызываютъ крови, потому что эта рука всегда остается нѣсколько приподнятою

вверхъ: она только мѣетъ и обязываетъ пряжу періодически опустать или потряхивать ею.

При навычной ловкости и по мѣрѣ утолщенія пряжи на веретенѣ, послѣднее дѣлаетъ достаточное верченье для вывода нитки болѣе аршина, даже при закрутѣ его раза три. Такъ бываетъ съ „вяхъочисій и пачисій“; при „оттрѣпышный“ пряжѣ да при слабыхъ силенкахъ пряжи, веретенный закрутъ даетъ возможность пользоваться имъ гораздо кратчайшіе сроки, такъ что для вывода аршинной нитки нужно крутнуть веретено разъ 10 и болѣе. Далекое не то бываетъ съ кужельною, бойко-игривою пряжею: тутъ пряжа иногда только одинъ разъ крутнетъ веретено, но крутнетъ его ладонями такъ, что оно буквально зажужжитъ и дастъ несчетные обороты, пользуясь чѣмъ, она спѣшно выдергиваетъ клокъ за клокъ и выводитъ нитку аршина въ два и болѣе, до тѣхъ поръ, пока веретенная пятка не коснется пола и не остановить вертящагося веретена. Съ тою же бойкостью пряжа проведетъ пальцами лѣвой руки отъ середины выведенной нитки къ кудельной бородѣ,—что обязательно завершится своеобразнымъ щѣлкомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Не отводя далеко лѣвой руки отъ „кудѣли“, пряжа тутъ же наматываетъ на разставленные пальцы лѣвой руки выведенную нитку, а правою рукою въ то же время „сощѣвкывыиць“ петлю съ конца веретена, на которое немедленно же навиваетъ свѣжій кусокъ нитки. Такъ, за каждымъ новымъ выводомъ нитки растетъ и тучнѣетъ веретено, а благодаря слюнѣ и общей тяжести, оно доходитъ до фунтового вѣса и уже обрываетъ нитку. Тогда грузное веретено отнимается отъ кудели и подъ именемъ „ручайки“ помѣщается въ теплое мѣсто: въ „пачурку, на загнѣту“, приставляется къ заслонѣ, печному устью, или кладется на печь, на „сопыху“, гдѣ обыкновенно просыхаетъ лучина и „подтопа“. Въ ожиданіи товарокъ, „ручайка“ сохнетъ и значительно облегчается, при чемъ пряжа начинаетъ слабо дер-

жаться на веретенѣ и, при неосторожности, готова спасти съ него.

Когда наберется „ручайкѣ“ пять, ихъ туго наматываютъ на первую „ручайку“, спрядывая концы, чтобы получить непрерывную нитку. Эту работу исполняетъ сама пряжа однолично, приставивъ остріе ручайки къ лѣвому плечу, а пятку ея держа на ладони той же руки; въ то же время правою рукою она наматываетъ нитки „ручайки“ на растущій все болѣе и болѣе „прѣсцинь“, пятка котораго покоится на стегнѣ. Если есть возможность, то сматываемая „ручайка“ приставляется наклонно къ оконному углу, гдѣ на подоконникѣ имѣется стародавняя ямочка для веретеной пятки, или же такую „ручайку“ придерживаютъ дѣти—любители этого дѣла.

Для „прѣсна“ употребляется наиболѣе длинное веретено. Впрочемъ, въ благоустроенномъ хозяйствѣ, для этого имѣются отдѣльныя веретена, подлиннѣе и толще прядильныхъ.

Готовый „прѣсцинь“ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими продолжается покоиться въ мѣшкѣ, непременно въ сухомъ мѣстѣ, пока не наступитъ время навить нитки на клубокъ. Последнюю работу, какъ требующую значительной силы, иногда исполняютъ досужіе мужчины. Тутъ „прѣсцинь“ уставляется на подоконникѣ, подобно „ручайки“, или въ специальную стойку; держанье же его въ рукахъ поручается только тѣмъ, кто не станетъ зѣвать по сторонамъ и не „спусциць прѣсна“,—что крайне неблагопріятно отзывается на работѣ.—Здѣсь также стараются сдѣлать непрерывную нитку, для чего сопрядаютъ одинъ „прѣсцинь“ съ другимъ и съ клубкомъ.

Кое-гдѣ „прѣснёвыи нитки“ наматываются на мотовило, которое бываетъ двухъ видовъ: а) лубяной сквозной цилиндръ и б) „рогѹли“³¹⁾—двѣ струганныя палки длиною вер. въ 12, съ пробоинами посрединѣ, куда туго входитъ концами третья палка

почти аршинной длины. „Рогульные“ концы направлены бывают въ разныя стороны.

Клубки и мотвила съ нитками, бережно завернутые въ холстину, или сложенные въ мѣшокъ, обыкновенно покоятся въ какомъ-нибудь сухомъ мѣстѣ. Отсюда они извлекаются лишь тогда, когда наступитъ время дальнѣйшей обработки нескончаемо длинной нитки.

Началомъ пряденья, хотя и несовсѣмъ точнымъ, слѣдуетъ считать первые дни рождественскаго поста, когда прикончится молитва, подготовится ленъ да пройдутъ осеннія празднества и „госціны“³¹⁵). Прерываясь въ рождественскіе святки да въ послѣдніе дни масленицы, пряденье затягивается до половины Великаго поста, а при короткомъ мясоѣдѣ—и до Пасхи. Но та же работа послѣ Пасхи неминуемо свидѣтельствуешь о домашнемъ замѣшательствѣ и въ общемъ напоминаетъ запоздалый отлетъ какой-либо одинокой перелетной птички... Отъ ранняго „дѣ-свицца“³¹⁶) до поздней ночи, съ небольшими перерывами во время ѣды и текущей хозяйственной работы, то при гнетущей тишинѣ, то подъ завыванье вѣтра и морозный трескъ, то при веселой бесѣдѣ, то подъ ругань и споръ, смѣхъ и плачь, „вѣхи-крѣхи“³¹⁷) стариковъ и больныхъ, капризные дѣтскіе крики, къ которымъ присоединяются храпъ спящихъ, блеянье подпольной овцы да ягнать, буданье куръ въ подпечьи и многое другое,—выпрядается безконечная, повидимому, нитка, та нитка, на которую такъ много ушло трудового времени, женскаго терпѣнья и, въ особенности, пряхиной слюны,—та нитка, что была свидѣтельницей многообразныхъ женскихъ думъ, житейскихъ и семейныхъ положеній пряхи, и которая потомъ одѣнетъ, отчасти обуеетъ, всю семью, или, проданная, промышленная, доставитъ труженицѣ нѣсколько копеекъ да кое-какіе „прибѣры“... Чтобы понять радость пряхи при выводѣ послѣдней нитки, нужно видѣть тѣ чисто дѣтскія продѣлки, которыми сопровождается конецъ дѣла: тутъ пряха швыряетъ сво-

бодныя веретена и послѣднюю „ручайку“ куда попало, ѣздить по избѣ верхомъ на прялкѣ, а если то пришлось на масленицѣ, такъ не преминетъ прокатиться на той же прялкѣ съ ближайшей горы... ³¹⁸).

Х. Снова (основа).

Какъ нельзя съ точностію указать начала и конца пряденья, такъ нельзя сдѣлать того же относительно времени основы и послѣдующаго за нею тканья. Обыкновенно они слѣдуютъ другъ за другомъ, по возможности, скоро, дабы не „слѣживались нитки“, — что въ среднемъ устанавливаетъ недѣльный промежутокъ, при условіи правильнаго теченія жизни. Такъ какъ конецъ пряденья является желательнымъ на масленицѣ, и многія пряжи управляются къ этому сроку, то общимъ, регулярнымъ временемъ основы слѣдуетъ считать первую недѣлю Великаго поста, по крайней мѣрѣ, большинство пряхъ дѣлаетъ ее въ это именно время.

Незнакомые съ производствомъ основы, посѣтители крестьянской избы удивятся множеству высверленныхъ на чистой „стѣнѣ“ ³¹⁹) дырьевъ, которыя правильно расположены на концахъ каждаго бревна, начиная отъ высоты лавки и кончая высотой вполне возрастнаго человѣка. Если стѣна длинна, примѣрно, саж. въ 4—5, то такія же правильно расположенныя дырья будутъ и по срединѣ ея; двѣ-три дыры кромѣ того обязательно находятся въ срединныхъ бревнахъ той же стѣны, въ аршинномъ отступѣ отъ „кута“. Все это, повидимому, нарушаетъ красоту лучшей стѣны и тѣмъ болѣе, что въ свободныя дырья почти всегда бывають воткнуты самыя разнообразныя предметы: ложка, „киселѣвка“, мѣшалка, палочка, на которыя навѣшиваются не менѣе разнообразныя предметы — цѣдилка, стирка, рѣшето, шапка, платокъ и проч. Въ иныя дырья втыкается тряпичный обрывокъ, клокъ шерсти, льна, вычесанныхъ волосъ, обмылокъ. Такъ бываетъ во весь круглый годъ, при самыхъ парадныхъ домашнихъ положеніяхъ.

Когда наступит время дѣлать основу, то дырья немедленно очищаются, очищается и вся стѣна, съ которой снимаются ручки, шапки, выбиваются временно деревянные крючья, для вѣшанья ихъ, и даже снимается лавка, если только она не прилажена къ стѣнѣ наглухо: послѣдняя остается оголенною въ буквальномъ смыслѣ, и на ней торчитъ развѣ подпотолочная полка. Тогда въ освобожденныя дырья вколачиваются полъ-аршинные колышки, специально предназначенные сюда и берегаемые въ каждомъ домѣ изъ года въ годъ. Колышки удерживаютъ навиваемую основу, пока послѣдняя на стѣнѣ.

Всю работу по уборкѣ стѣны и вколачиванью колышковъ производить „снубаха“³²⁰⁾ личными усиліями и рѣдко пользуется помощью свободныхъ прислужниковъ. Уложивъ „кросенны клубки“, или „уѣшки“ и мотовила на подостланную „старизну“, она продѣваетъ въ „снубалку“ по нити отъ каждаго клубка, связываетъ концы нитей и, надѣвъ петель на „пичинальный кѣликъ“, начинаетъ „снубаць“, т. е. переходитъ вдоль стѣны отъ угла до угла и, при помощи „снубалки“, туго накладываетъ на колышки парныя, тройныя и проч. нити зигзагами. Это метанье отъ угла до угла, при соблюденіи постепеннаго подъема и опусканія, а также и счета нитяныхъ накладокъ на колышки, составляетъ утомительно-однообразную работу, исключительную работу „снубахи“. Слѣдующій расчетъ можетъ дать приблизительное понятіе о трудности такой работы. Полагая, что данная основа дѣлается на „12 стѣнъ“³²¹⁾, что разстояніе между противоположными колышками не превышаетъ 3 саж., что всѣхъ колышковъ только 13 и что ширина основы не болѣе 20 „пасымъ“³²²⁾ (одно „пасмо“ состоитъ изъ 10 „чйслинъ, чйслина“—изъ 3 нитокъ), приходится согласиться, что 600 нитей должны обойти и лечь на 13 колышкахъ и что для ординарной укладки только двухъ нитокъ сразу потребуется 12 полныхъ переходовъ, что (12 . 300) вызоветъ не менѣе 3600 метаній... Если нѣтъ свободнаго прислужника, „снубаха“

ваха“ время-отъ-времени должна отлучаться отъ стѣны, чтобы поправить клубки, или связать порвавшуюся нитку; тѣмъ временемъ она потеряетъ счетъ положенныхъ въ основу нитокъ, и тогда приходится сосчитывать ихъ въ цѣломъ „повѣсми“. Соглашаясь съ тѣмъ, что въ минуту можно сдѣлать 5 переходовъ, въ переводѣ на округленное время получится 720 мин., или 12 часовъ непрерывно-однообразной работы, отъ которой ноютъ ноги, млѣютъ руки, „смягнуць вусцинки“. Тягость работы увеличивается тѣмъ, что основа должна быть закончена и снята со стѣны въ тотъ же день, иначе въ нее ночью заберутся черти и перепутають нитки ³²³).

Завершенная основа остается нѣкоторое время на стѣнѣ для того, чтобы „обтянуться“ и чрезъ то удобнѣе сходить съ колышковъ. Снимая основу, „снубаха“ придаетъ ей видъ тамбурной плетушки; а закончивъ дѣло, бьетъ ею по стѣнѣ троекратно ³²⁴) и потомъ небрежно бросаетъ на полъ, какъ надоѣвшую, опостылѣвшую работу. По освобожденіи стѣны отъ колышковъ и приведеніи ея въ обычный видъ, плетушка поднимается съ мѣста и укладывается въ мѣшокъ, въ которомъ и покоится до навивки на станокъ.

Основа изъ шерстяныхъ нитокъ требуетъ тѣхъ же метаній „снубахи“ отъ угла къ углу, тѣхъ же счетовъ накладываемыхъ на колышки нитокъ. Шерстяная ткань бываетъ значительно уже льняной, и основа для нея могла бы быть сдѣлана значительно скорѣе; на самомъ дѣлѣ шерстяная основа затягивается дольше вслѣдствіе относительной слабости нитокъ: „снубаха“ движется медленнѣе, чтобы не порвать нитокъ, и все-таки она весьма часто принуждена бываетъ останавливать работу и связывать порвавшіяся нитки. Только „ручничовыя снуба“, которая на половину уже бѣльевой и одежной, приканчивается вдвое скорѣе другихъ основъ.

з—„ниты зъ бирѹлькыми“ надъ ними, и—„пыножи, і—„цыны“ въ основѣ, к—готовая ткань, навитая на жердочку, л—передняя „колода“, м—задняя „колода“, н—передній „поташвичъ“, о—плаха-колода „сукáлки“, п и п¹—неподвижныя стойки „сукáлки“, р—корытце (выдолбъ) для цѣвокъ, с—„сцѣринъ“, т—„коло“; вертикальныя „пунктиры“—тонкія веревочки къ „набилицѣ и нитамъ“, а отъ послѣднихъ къ „пыныжамъ“; горизонтальный „пунктиръ“—основа и свѣжая ткань по сю сторону берда) ³²⁶).

Главную часть стана составляютъ двѣ равномерныя „колоды“ (брусъ почти саженой длины и 4-хъ-вершковой толщины). Въ 4 верш. отъ заднихъ и въ 15-ти отъ переднихъ оконечностей брусъ имѣютъ узкія (1 вер.), вертикальныя (5 вер.) пробоины, куда неподвижно входятъ 4 плахи, почти на аршинной высотѣ отъ основанія стесанныя въ доски, соотвѣтственно толщинѣ и длинѣ пробоинъ. Заднія плахи-доски бываютъ вышиною около 2¹/₂ арш., тогда какъ переднія едва доходятъ до 1 арш. и 10 верш. Кроме указанныхъ пробоинъ, въ переднихъ оконечностяхъ брусевъ, непосредственно передъ стойками, есть еще горизонтальныя, куда довольно туго входятъ концы „сидѣльный“ лавочки; другія двѣ горизонтальныя пробоины находятся по сю сторону заднихъ стоекъ (въ 10—12 верш. отъ оконечностей): въ эти пробоины опять же довольно туго входятъ концами или тонкій брусъ, или подходящая доска,—что вмѣстѣ съ лавочкою прочно сдерживаетъ „колоды“ и, слѣдовательно, обѣ стороны стана.—Отъ вершины заднихъ стоекъ идутъ двѣ горизонтальныя перекладины, одними концами плотно прикрѣпленныя къ вершинамъ, а свободными протягивающіяся параллельно „колодамъ“, почти до переднихъ стоекъ, образуя съ задними повернутую назадъ букву г. Для прочности и большей неподвижности, перекладины и стойки соединены наклонными упорками аршинной длины, идущими отъ середины къ срединѣ, или длинными упорками, нижніе концы которыхъ туго вправлены въ углы соединеній „колоды“ съ задними стойками, какъ на чертежѣ.

Свободные концы перекладинъ имѣютъ неглубокія вырѣзки на верхней сторонѣ: сюда накладываются жердочки, для привѣса къ нимъ „набилицы и нитывъ зъ бирѹлькыми“.

Брусъ, плахи, перекладки, упорки, грузныя сами по себѣ, будучи плотно соединены лавочкою и „поперечкою“, даютъ главную основу кросень, и послѣднія устойчивы въ любомъ мѣстѣ. Но эту устойчивость вершаютъ еще двѣ равномерной длины „колодки“: одна изъ нихъ помѣщается концами въ кругообразныхъ вырѣзахъ позади заднихъ стоекъ, а другая—въ такихъ же вырѣзахъ переднихъ стоекъ, при самой вершинѣ послѣднихъ ³²⁷). Такъ какъ стойковые вырѣзы находятся на одинаковой высотѣ, то и помѣщенные въ нихъ „колодки“ покоятся въ станѣ на равномерной высотѣ.—Обѣ „колодки“ дѣлаются съ головками, длина которыхъ не превышаетъ 4 верш., при такомъ же діаметрѣ ³²⁸). Эти головки просверливаются, или пробиваются насквозь, крестообразно, для вклада и дѣйствія „пыташвичими“. Въ сказанномъ только и есть общее между двумя „колодками“; въ остальномъ онѣ нѣсколько разнятся: такъ, остовъ передней „колодки“ стесывается до конца, тогда какъ въ задней имѣется другая, болѣе узкая головка, то образующая съ пробоиною пазъ, то помѣщающаяся на противоположномъ концѣ „колодки“. Общая длина „колодокъ“ не превышаетъ 1 арш. и 10 верш., хотя часть ихъ между стойками будетъ не выше 1 арш. и 4 верш.,—что вполне равно разстоянію, занимаемому лавочкою и поперечиною для скрѣпы обѣихъ сторонъ стана.—Въ такомъ видѣ станъ готовъ для навивки основы, и вся работа по установкѣ его въ нужномъ мѣстѣ не превышаетъ 10 минутъ.

Пока основа покоится въ мѣшкѣ, или остается привѣшенною на время въ избѣ, „исцѣпкѣ“, сѣняхъ, въ клѣти, даже въ сараѣ, устанавливается „кросинный ставъ“, круглый годъ стоявшій прежде прислоненнымъ въ углу сѣней, въ сараѣ, подъ повѣтью, или подъ широкой стрѣхой какого-нибудь строенія. Благодаря естественному

грузу, относительной крепости указанныхъ соединеній и широкимъ ножкамъ, станъ прочно держится въ любомъ мѣстѣ; неровности же пола, или земли легко устраняются полѣнными, досчатыми и кирпичными подкладками. Какъ бы тамъ ни было, но готовый станъ въ этомъ видѣ въ каждомъ мѣстѣ представляетъ „рыгоззѣ“ и въ первое время разить зрѣніе.

Навивка основы на заднюю „колодку“ имѣетъ слѣдующіе подступы: прежде всего одинъ конецъ основы разрѣзается, и нитки продѣваются чрезъ привѣшенное бердо, по двѣ въ „трысцину“³²⁹), а потомъ чрезъ „ниты“, по одной ниткѣ въ каждый; вслѣдъ за этимъ нитки перегораживаются „цынами“ — тонкими лучиночками — во всю ширину основы. Впрочемъ, послѣднее дѣлается лишь тогда, когда концы навиваемой основы, связанные по 10, примѣрно, нитокъ, прикрѣплены къ пруту и вмѣстѣ съ нимъ вложены въ продольную выбоину „колодки“³³⁰). Сказанное доселѣ о навивкѣ составляетъ наиболѣе трудную часть ея, собственно потому, что здѣсь приходится три раза продѣвать одну и ту же нитку — чрезъ бердо, одинъ и другой „нить“, а потомъ разъединять ихъ „цынами“ и укрѣплять къ пруту и колодкѣ, — исключительно однѣми руками. Уже послѣ этого становится необходимою сторонняя помощь: пока навивальщица накатываетъ основу на заднюю „колодку“, ея пособникъ расплетаетъ основу, слѣдитъ за правильнымъ проходомъ нитокъ чрезъ бердо, „ниты и цыны“, поправляетъ послѣдніе и усиленно заботится о томъ, чтобы основа была, по возможности, натянута и чрезъ то ложилась бы на „колодку“, какъ можно туже. Въ этомъ періодѣ навивная работа идетъ довольно скоро, и остановки возможны развѣ при разрывѣ нитки да выправкѣ „сукуруцины“³³¹); проходя же чрезъ равномерныя „трысцины“ берда, „ниты и цыны“, основа правильно укладывается на переворачиваемую „колодку“, отъ чего послѣдняя постепенно толстѣетъ и, при длинной основѣ, въ 12 стѣнъ, сравнивается съ толщиной головки.

Когда такимъ образомъ навивка доведена до конца, остатокъ основы прикрѣпляется по сию сторону берда къ „припуснику“, на который она надѣвается то неразрѣзаннымъ концомъ, то „пасмычками“. Въ послѣдующее время „припусникъ“ входитъ въ продольную выбоину передней „колодки“ и помогаетъ наворачивать на нее ткань; сейчасъ же онъ находится въ 4 верш. отъ берда и прикрѣпленъ къ ней поясомъ, или тонкою веревкой. „Обѣдвѣ колодки утѣживыютца пыташвичими“, однимъ концомъ вставляемыми въ колодочныя головки. Задній „поташвичъ“ — довольно длинный шесть — концомъ упирается въ брусъ стана, подъ рукою ткащаго; передній же (н — на черт.), короткій, послѣ нужнаго поворта колодочной головки, привязывается къ тому же правому бруску. Навитая и вытянутая основа вполне приспособлена къ тканью, которое немедленно же и зачинается.

Какъ ни проста, повидимому, навивка, она требуетъ не менѣе продолжительной работы, чѣмъ основа ³³²), хотя и имѣетъ то преимущество, что можетъ оставаться недоконченною къ другому и третьему дню: ночныя шалости чертей не повредятъ навивки...

ХІІ. Тканье.

Отъ ткацкаго станка, кратко описаннаго въ предшествующей главѣ, получаетъ свое имя дальнѣйшая работа съ ниткою, отъ основы до превращенія послѣдней въ ткань. Тогда понятными становятся будничные термины: а) „снубаць кросны, б) сымаць кросны, в) ставиць кросны, г) виць кросны и д) ткаць кросны“. Подъ послѣднимъ терминомъ и извѣстна собственно ткацкая работа, о которой приходится сказать сравнительно мало.

Какова ни есть уточная нитка — льняная, шерстяная, цвѣтная, гладкая, т. е. некрашенная — она должна быть одинаковой толщины съ ниткою основы, иначе получается неровная ткань, которой всемѣрно избѣгаютъ мѣстныя ткачихи. Передъ поступленіемъ въ челнокъ уточная нитка навивается на цѣвкѣ при помощи „су-

балки, или сукáйлы“, каковая работа всегда охотно и въ перебой исполняется дѣтьми. Такимъ образомъ ткачихѣ можно работать безостановочно, если только не предстоитъ поднимать упавшаго челнока, связывать порвавшейся нитки, расправлять „сѹкырытки“. Частое передвиженіе „нитывѣ, цыновѣ“, поверты „колѹдокъ поташвичими“, наматыванье ткани на скалку, какъ и пропускъ челнока сквозь основу, подъемъ и опущеніе „нитывѣ“ при помощи „пыножѹвѣ“³³³⁾ и неизбежный ударъ бердомъ за каждую уточную ниткою—уже составляютъ необходимыя стадіи ткацкой работы, всю суть ея. При навычной ловкости, энергіи ткачихи и обязательной спѣшности работы, это дѣлается такъ скоро, что наблюдатель едва успѣваетъ прослѣживать за многообразными движеніями ткачихи, при чемъ, движеніе „слизѹтынькыго“ челнока, внутри котораго помѣщена цѣвка съ уточною ниткою, представляется чуть-ли не волшебнымъ, по крайней мѣрѣ, толчки его тою и другою рукой едва уловимы!.. Ближайшимъ образомъ ткацкая работа идетъ такъ: нажавъ, примѣрно, одинъ правый „пѹножѣ“ („пѹножу“) ³³⁴⁾ и тѣмъ приподнявъ соотвѣтствующій „нить“ вмѣстѣ съ половиною частью продѣтой сюда основы, ткачиха образуетъ отверстіе въ основѣ между бердомъ и „припѹсникымъ“; чрезъ это отверстіе справа влѣво скользнетъ челнокъ. Уловивъ его и проведенную сквозь основу нитку, она той и другою рукою нѣсколько натягиваетъ ее, пока не нажметъ лѣваго „пыныжѹ“ и не прибьетъ нитки бердомъ. Первая уточная нитка заткана, а между нею и бердомъ снова получилось отверстіе, чрезъ которое челнокъ скользнетъ обратно и проведетъ сквозь основу вторую уточную нитку: новый нажимъ праваго „пыныжѹ“, новый прибой бердомъ, и такъ до конца ткани... Только и слышны: легкій шумъ поднимаемой части основы, скрипъ неисправныхъ „бирѹликъ“ да парный ударъ берда, при чемъ, второй ударъ нѣсколько слабѣе перваго... „Марѹдныя“³³⁵⁾ ѣтыя работа“,—говорятъ ткачихи; но чтобы понять „марѹднысѣ“, стоитъ припомнить, что, при самомъ спѣшномъ дви-

женіи ткачихи, она можетъ пропустить въ минуту не болѣе 5-ти уточныхъ нитокъ на ровной ткани. Переводя это на болѣе осязательныя данныя, приходится предложить слѣдующій счетъ: въ 1 вер. „кужельный“ ткани не менѣе 50 уточныхъ нитокъ; на затокъ ихъ требуется не менѣе 10 минутъ; такимъ образомъ, чтобы соткать 12 стѣнъ (36 саж.), потребуется 288 часовъ, или непрерывныхъ 12 сутокъ!...

Такъ относительно скоро можетъ быть соткана только „кужельныя“ ткань, гдѣ нитки имѣютъ наивысшую прочность. Всѣ остальныя ткани вызываютъ довольно частыя остановки, потому что нитки ихъ скорѣе рвутся. Цвѣтныя ткани и ткани съ перемежающимися цвѣтными утками, сверхъ того, обяыываютъ ткачиху къ отдѣльному счету и къ смѣнѣ челноковъ (съ тою и другою цвѣтною ниткою). Все это значительно замедляетъ работу, и пресловутыя „12 стѣнъ“ могутъ быть закончены въ мѣсяць, въ два, считая рабочій день въ 10 часовъ да остановки и отлучки по хозяйственнымъ и семейнымъ дѣламъ.

Когда ткацкая работа подошла къ концу, т. е. когда „зытыкальникъ“ на временныхъ привязяхъ подошелъ къ „нитымъ“, при чемъ уже вынуты и „цыны“, ткань считается оконченнымъ: ткачиха спѣшно отнимаетъ пруть, выдергиваетъ остатокъ основы изъ „нитывъ“ и берда и спѣшно заплетаетъ „пасмы“ при концѣ ткани, а остатки основы, вершка въ 4, также спѣшно отрѣзаетъ. Непосредственно за симъ она начинаетъ буквально неистовствовать, подобно тому, какъ и при окончаніи прядива: разбрасываетъ по избѣ „припусникъ, зытыкальникъ, пыташвичи, набилицу, ниты, бирульки, пыножи“, бердо, шесты, челнокъ, цѣвки, а потомъ ѣздитъ верхомъ на одной и другой „колодеѣ“ по избѣ, сѣнямъ, по двору ³³⁶), подобно тому, какъ дѣти ѣздятъ на палочкахъ и хворостинахъ... Правда, такое поведеніе ткачихи имѣетъ суевѣрную подкладку; но его хочется приравнить къ тому состоянію насѣдки-когда послѣдняя, сорвавшись съ гнѣзда послѣ утомительнаго си,

дѣнья, спѣшить размяться—мечется въ стороны, купается и вообще исполняетъ наскоро многоразличныя движенія.

Только что законченная ткань и грузныя кросны остаются нѣкоторое время въ томъ видѣ, въ какомъ покинула ихъ ткачиха, т. е. ткань частью беспорядочно виситъ на передней „колодкѣ“, а частью лежитъ на полу между кроснами, кои на этотъ разъ высматриваютъ какъ-то особенно жалко. Въ такомъ положеніи кросны, новый холстъ и другіе предметы не остаются даже на часъ: ткань свертывается въ „трубку“, поднимаются разметанные предметы, а кросны разбираются и уносятся на свои обычныя мѣста.

Слѣдуетъ дополнить, что для бѣленья и вообще удобнѣйшей управки съ тканью, послѣдняя дѣлится на „скуты“ ³³⁷) при самомъ производствѣ ткацкой работы; такъ 12-ти стѣнная ткань будетъ имѣть около 4 „скутѣвъ“, гранью между которыми служитъ уточный пропускъ въ четверть вершка. Когда „скутъ“ отрѣзанъ, концы его кое-какъ зарубаются, или заметываются черезъ край, чтобы ткань не распускалась при бѣленьи, или какъ сукно, при валеньи.

Чисто суконная и даже смѣшанная (шерстяная и льняная нитка) ткань можетъ быть сработана руками не одной ткачихи; за то всякая льняная ткань отъ зачальной нитки въ прядивѣ и до укладки послѣдней уточной на кроснахъ обязательно производится руками одного лица. Если прислушаться къ существующимъ на этотъ счетъ увѣреніямъ, то выходитъ, что такая ткань будетъ „спѣрка, носка, не отойдетъ отъ дома“, ее не будутъ портить мыши, моль и проч. Но всѣ эти убѣдительныя увѣренія только маскируютъ притворное отношеніе къ ослюенной ниткѣ, по которому, напр., родная мать неохотно тчетъ выпряденныя дочерью нитки, и наоборотъ.

Пока нитки и ткань не вѣдались съ бѣленьемъ, онѣ называются „сѣровыми“ и въ этомъ состояніи служатъ многообразнымъ

лѣчебнымъ надобностямъ; въ особенности важны отрѣзанные концы основы: повязкою порѣзаннаго пальца останавливается кровотечение, успокаивается ломота, треніемъ и повязкою молодого животного предупреждаются или излѣчиваются „сурѣцы“,—накладкою въ видѣ корпіи, успѣшно заживляются раны и проч. Но самымъ дорогимъ „сѣровыхъ концовъ“ почитается то, что они даютъ наилучшій матеріалъ для „обыденника“³³⁸). Обыкновенно дѣти развертываютъ эти „концы“ и раздираютъ въ клочья, подобно шерсти: изъ такой „кудели“ прядутся нитки, которыя потомъ идутъ на отдѣльную ткань, или плетенье.

Другимъ не менѣе цѣннымъ продуктомъ тканья является „пѣхликъ“—довольно нѣжный пушокъ, обильно отдѣляющійся отъ нитокъ при движеніи берда и „нитывъ“, и наслоившійся подъ кроснами. „Пѣхликъ“ собирается и хранится для тѣхъ же лѣкарственныхъ надобностей, что и „концы“, и изъ него получаютъ нитки для „обыденника“. Къ сожалѣнію, цѣлительная сила „концовъ и пѣхлика“ дѣйствительна до того времени, пока ткань не поступила въ бѣленье,—ослабляется по мѣрѣ бѣленья и совершенно пропадаетъ, когда ткань поступила на одежду...³³⁹).

ХШ. Обработка ткани.

Единственною послѣдующею обработкою льняной ткани служить бѣленье „скутѣвъ“, а шерстяной—войлоченье ея. То и другое дѣлается просто, домашними усиліями, хотя войлоченье въ сукновальняхъ бываетъ исправнѣе и предпочитается домашнему.

Подъ безразличнымъ именемъ „бѣли“³⁴⁰) льняная ткань въ „скутѣхъ“ прежде всего варится и прѣтеть въ жаркомъ щелокѣ не менѣе сутокъ, а потомъ разстиляется на открытомъ мѣстѣ по травѣ, въ направленіи отъ востока къ западу, подъ солнечнымъ припекомъ: время-отъ-времени высохшая „бѣль“ снова поливается щелокомъ, или омакивается въ него, и потомъ снова же разсти-

лается. Такъ, чередуясь съ прѣніемъ въ жаркомъ щелоѣ, мочкою, поливкою и разстилкою, новая „бѣль жлукцита“³¹⁾ съ недѣлю и только послѣ этого вымывается и колотится валькомъ въ открытой, чистой водѣ, чему, однако, предшествуетъ мочка ткани, здѣсь же. Когда разѣдающая ткань „жлукта“ (она же—„лугъ“) удалена, тогда начинается второй періодъ обработки, во время котораго „бѣль бѣлнца“, т. е. несчетное число разъ омакивается въ чистую воду, поливается ею, разстиляется, перевертывается, выдерживаетъ ночную росу, дождикъ и проч. Такая работа довольно продолжительна: начинается она съ конца апрѣля, а заканчивается въ началѣ іюня, и стоитъ въ зависимости отъ вѣдреныхъ дней въ это время. Усердно-продолжительное бѣленье касается наиболѣе тонкихъ, или узорныхъ тканей—„кужельныхъ и пачисныхъ“—да и тѣ окончательной бѣлизны достигаютъ въ одеждѣ и бѣльѣ, послѣ неоднократной стирки; ткань „варьхочисная и оттренышная“, какъ болѣе слабая, не можетъ выдержать такого бѣленья, а какъ грубая, идущая на послѣднія надобности, даже и не требуетъ его: достаточно вымыть ткань раза два въ открытой водѣ, выколотить валькомъ и высушить привѣсомъ на изгороди, подобно бѣлью. Точно также слегка перемывается и всякая цвѣточная ткань, чтобы не отмыть краски. Такъ и иначе изготовленная „бѣль“ скатывается при помощи валька и каталки въ увѣсистыя „трубки“ и до надобности покоится въ складищѣ, составляя „добро“³²⁾ даннаго хозяйства, показной предметъ рукодѣльницы и наслѣдственное достояніе, потому что, скопленные „трубки“ могутъ спокойно вылеживать десятки лѣтъ.

Обработка шерстяной ткани значительно легче и скорѣе: представляется затрудненіе войлочить и ворсировать ее въ сукновальнѣ, то и другое можно сдѣлать дома. Ткань помещается въ ступу, или корыто, поливается время-отъ-времени жаркою водою и подвергается дѣйствию нѣсколькихъ ручныхъ толкачей. Послѣ 3—5 толченій сукно значительно свойлочится, по крайней мѣрѣ,

нити перестаютъ расходиться. Ворсировка же достигается продолжительнымъ чесаньемъ мокрой ткани „щѣпими“, или скребницею. А чтобы ткань не садилась, ее растягиваютъ вдоль стѣны и прибаваютъ въ разныхъ мѣстахъ гвоздями, или же туго накатываютъ на скалку. При всемъ томъ, узкая сама по себѣ шерстяная ткань (400 нитокъ въ основѣ), еще болѣе суживается отъ войлоченья и теряетъ почти пятую часть точной ширины. Можно утвердительно сказать, что вполне готовая шерстяная ткань рѣдко превышаетъ 12-ти-вершковую ширину.—Въ увѣсистой „трубкѣ“ готовое сукно покоится рядомъ съ льняными тканями.

Смѣшанная ткань (льняная и шерстяная), предназначаемая обыкновенно для верхней одежды, войлочится слегка, исключительно домашними средствами; но та же ткань, приготовленная на „дрылихъ“, остается безъ войлоченья, потому что уточная окраска можетъ слинять, да и не нужна грузная ткань для такой одежды, какъ „дрылихъ“.

Льняная „синяцинная“ ткань получается двояко: или а) нитки предварительно красятся въ синильномъ заведеніи, или б) туда отдается готовая и, отчасти, выбѣленная ткань; тутъ она то окрашивается въ ровный цвѣтъ, то набивается узорами и полосками. Шерстяная „синяцина“ получается отъ окраски вполне готоваго, т. е. предварительно войлоченнаго и сворсированнаго сукна. Какъ бы ни была сработана та и другая ткань, она не вѣдается съ указанною выше обработкой: льняная „синяцина“ долгое время носится даже безъ обычной бѣльевой мойки, и послѣднюю, весьма легкую, вызоветъ развѣ крайнее загрязненіе бѣлья и одежды; старательнѣе вымывается она уже на закатѣ службы, когда приблизятся къ „старгизни“ и значительно выцвѣтеть... Суконная „синяцина“, какъ и всякая „суконина“, не знаетъ даже и такой перемывки: единственными мойщиками ея бываютъ—дождь и сыкотный снѣгъ, а сушильщиками—теплая изба, баня, открытое на-

дворье, или же выдержка мокрой „суконины“ на себѣ, въ той увѣренности, что „Богъ вымочилъ—Богъ и высушитъ“... ³⁴³).

Для мелвихъ, часто щегольскихъ издѣлій, готовится „синь и крась“ ³⁴⁴), подѣ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть синія, красныя, желтыя, зеленыя и другихъ цвѣтовъ нитки, окрашенныя въ красильныхъ заведеніяхъ, а больше — домашними средствами. Мѣстныя руководѣльницы достаточно знакомы съ окрашиваньемъ и умѣютъ сдѣлать это довольно прочно. Такъ, остатки личной краски изъ сандала могутъ служить для полученія розовой краски; изъ настоя шелухи лука получается кирпичная краска; кора „крушинника“ ³⁴⁵), или цвѣтъ „диванны“ ³⁴⁶) даютъ нѣжно-канарейчатую краску, отваръ молодыхъ листьевъ березы — зеленую и проч. ³⁴⁷). Какая краска удобнѣе пристаетъ ко льну, какая къ шерсти, какъ предупредить, такъ называемую, выцвѣтаемость — составляетъ секретъ деревенскихъ красильщицъ.

Приглядываясь къ большинству домотканокъ, особенно, на будничной одеждѣ, не приходится сказать похвальнаго слова мастерицамъ: ткань груба, неровна, недостаточно выбѣлена, или свойлочена. Зато на праздничной, щегольской одеждѣ удается видѣть такую ткань, производство и обработка которой могутъ спорить съ фабричными, и не хочется вѣрить, что она сработана толстокожими пальцами, вѣдавшимися съ „оттрѣпышими“, — сработана на грубомъ „крѣсиннымъ ставу“. Къ сожалѣнію-ли, нѣтъ-ли, но только размножающіеся дешевые ситцы и вообще бумажныя фабричныя издѣлія остановили дальнѣйшій ростъ и производство чудныхъ домотканокъ, которыя, для личныхъ нуждъ, пока-что выдѣлываются въ западной части губерніи. На этихъ тканяхъ все-таки можно видѣть слѣды и предѣлъ терпѣливаго, умѣлаго производства мѣстныхъ работницъ.

Кто потрудился прослѣдить работу „живой фабрики“ отъ „задѣла кудѣли“ до укладки вполне готовой „трѣбки“ въ складъ, кто далъ всему производству надлежащую оцѣнку, тотъ

пойметъ, во что обходится мѣстная одежда, часто для порядочной семьи сооружаемая однѣми руками, —пойметъ единственный въ своемъ родѣ глубоко-сердечный вопль и отчаянное сѣтованіе, когда безпутный мужъ или сынъ пропѣтъ, промотаетъ одежду, —не осудить „неразумной бабы“ ³⁴⁸⁾ за голошенье съ причитаньями, какъ надъ покойникомъ, когда злодѣйская рука посягнетъ на „скуты, трубки“ и одежду! ³⁴⁹⁾ Вѣдь тутъ вопить, сѣтуетъ и голосить труженица, понесшая неустанный семи-мѣсячный трудъ въ связи съ многочисленными физическими и нравственными ограниченіями... Въ то же время нельзя осудить горделивой радости „неразумной бабы“, когда она раскладываетъ передъ „сястрицами“ ³⁵⁰⁾ трубки, показываетъ таковыя присяжнымъ сватамъ, какъ приданое, или когда видитъ, что старъ и малъ въ семьѣ одѣты плодами трудовъ ея, —что, кромѣ убранства стола скатертью, божницы —ручникомъ, плоды трудовъ красуются тамъ, гдѣ возносится общая молитва къ Подателю благъ!..

XIV. Рабочіе предметы при ткани, одеждѣ, обуви и украшеніяхъ.

Въ различныхъ мѣстахъ отдѣла и раньше уже упомянуто было о нѣкоторыхъ предметахъ, служащихъ при производствѣ ткани, сооруженіи одежды, обуви и украшеній; къ сказанному остается сдѣлать лишь немногія дополненія. Но и тѣ предметы, о которыхъ будетъ упомянуто впервые, только въ незначительномъ составѣ могутъ почестся спеціальными; большинство же ихъ оказывается съ многостороннею примѣнимостью, съ неопредѣленною спеціальностью, и въ этомъ случаѣ нелегко разобраться, гдѣ первичная и гдѣ второстепенная служба предмета. Стоитъ, напр., припомнить стригольныя ножницы для овецъ, безспорно, спеціальныя даже по внѣшнему строенію. Казалось бы, отслуживъ краткосрочную службу разъ-два въ году, имъ можно покоиться больше остальныхъ предметовъ; а между тѣмъ житейская нужда тамъ и

здѣсь призываетъ ихъ къ далеко несродной службѣ: мужчины пользуются ими, когда нужно „подсѣчьца“³⁵¹⁾, замѣнь шила острымъ концомъ просверливаютъ незначительныя дырья, вмѣсто циркуля дѣлаютъ кружки для экипажнаго узора (въ спинкѣ и головкахъ саней), отрѣзаютъ лапотныя отрѣпки, надоѣдливыя „скупать“ и мн. др.; тѣ же ножницы у женщинъ полностью замѣняютъ швейныя (при кройкѣ, отрѣзахъ), концами ихъ протыкаются и прорѣзываются одежныя петли, „скурыщяныи гүзики“³⁵²⁾, при помощи лезвія „скрибѣтца бѹльба“, или, замѣнь ножа, тотъ и другой конецъ избороздитъ зудящую голову „сястрицы, дочүшки, мамки“, когда тѣ обоудно „щутца, сдчутца“...³⁵³⁾. Если, примѣнительно къ сему, разсмотрѣть разнообразную службу поясного „ножика“ у мужчинъ, то скорѣе трудно будетъ указать область, гдѣ нѣтъ мѣста его службѣ: несчетно служа при удовлетвореніи первой жизненной потребности—ѣдѣ, „ножикъ“ состоитъ неразлучнымъ орудіемъ при хозяйственныхъ подѣлкахъ, гдѣ замѣняетъ топоръ, долото, буравъ, стружокъ, столярную циклю, а музыкальные мастера имъ же сооружаютъ скрипку и дуду „себѣ на славу и добрымъ людямъ на потѣху“...

Разумѣется, всѣ подобные предметы могутъ быть помянуты и разсмотрѣны не въ одной урочной категоріи, а тамъ, гдѣ сказывается болѣе замѣтная служба ихъ, или гдѣ они чаще подъ руками.—Въ настоящей главѣ подходящіе предметы займутъ мѣсто лишь послѣ чисто спеціальныхъ, между которыми состоятъ:

1. Деревянная „праща“, состоящая изъ двухъ неравныхъ досокъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ, причемъ, во время пряденья, большая доска занимаетъ вертикальное, а меньшая—горизонтальное положеніе: на послѣдней обыкновенно сидитъ пряха. При ближайшемъ разсмотрѣніи досокъ обнаруживается слѣдующая разница: начинаясь вверху довольно тонко и имѣя равномерную ширину до перехвата³⁵⁴⁾, вертикальная доска постепенно утолщается къ основанію въ то же время, ниже пере-

хвата, она постепенно сужается такъ, что въ основаніи имѣетъ только треть и менѣе вершинной ширины. Въ свою очередь и горизонтальная доска въ соединеніи имѣетъ наименьшую ширину, хотя и наибольшую толщину, а потомъ постепенно расширяется и тончаетъ. Большинство мѣстныхъ прялокъ, кстатц, сработанныхъ, по возможности, легко (наиболѣе грузная вѣситъ 3 ф.), не имѣетъ постепеннаго утолщенія досокъ, а въ той и другой, при соединеніи, во внутренней сторонѣ, сдѣлано по нѣскольку „уступцовъ“³⁵⁵), напоминающихъ крыльцовыя ступеньки. Это отчасти краситъ прялку; но мастера стараются дать ей и дальнѣйшія украшенія: такъ вершина стойки и конецъ сидѣнья имѣютъ изгибистыя вырѣзы, а часть стойки, ниже перехвата, имѣетъ сверхъ того правильные вырѣзы съ обѣихъ сторонъ. Совмѣстно съ этимъ верхняя часть стойки, имѣющая до перехвата не менѣе 10 верш., дѣлается съ пробоиной по серединѣ и 3—4-мя зарубками по тому и другому ребру: въ пробоину вдѣвается веревочка арш. въ 2, которая по сю сторону стойки задерживается глухимъ узломъ и служитъ для увязки „кудѣли“, а реберныя зарубки удерживаютъ веревочку. По мѣрѣ уменьшенія „кудѣли“ веревочка перемѣщается и стягиваетъ остатки пряжи.

Обыкновенно стойка и сидѣнье соединяются толстыми концами: въ послѣднемъ дѣлается пробоина, въ которую наглухо входитъ и задѣлывается конецъ стойки. Но такая прялка всегда уступаетъ самородку, который нарочно разыскивается въ лѣсу. Тутъ стойкою является истесанный стволъ дерева, а сидѣнемъ— соединенная съ нимъ часть корня. Правда, розыскъ и, въ особенности, обработка прялки („кышнѣ, бышнцѣ“)³⁵⁶) значительно труднѣе; за то она болѣе противостоитъ всевозможнымъ невзгодамъ, а масленичное катанье на такой прялкѣ гораздо удобнѣе и не приноситъ ей поврежденія...

Сооруженію прялки и стройной обработкѣ ея отдается наиболѣе лучшее время изъ жизни парня, къ которому онъ прила-

гаетъ всю свою мастеровую снаровку, потому что большинство прялокъ есть руководѣльный даръ предполагаемаго жениха невѣстѣ, любящаго брата—сестрѣ. Но какъ изящно ни сработана прялка, она не окрашивается, подобно кроснамъ, хотя отъ времени и пріобрѣтаетъ кое-какой мутный, неопредѣленный цвѣтъ, даже глянецъ, какъ пріобрѣтаютъ ихъ многіе предметы, вѣдающіеся съ избыною копотью, заносомъ пыли и пачканьемъ мухъ, потому что въ свободное время (отъ Великаго поста до заговѣнья 14 ноября) она ютится на „горѣ“³⁵⁷⁾, или воткнута будетъ въ какую-нибудь щель между разошедшимися стѣнными бревнами сѣней, клѣти, „исцѣпки“, гдѣ къ омутнѣнію ея есть достаточно причинъ...

Въ переживаемое время традиціонная прялка начинаетъ вытѣсняться изящною, легкою и по цѣнѣ доступною самопрялкою, такъ обильно сбываемою захожими токарями на базарахъ и ярмаркахъ, и не найдется, пожалуй, деревни, пригороднаго и примѣстечковаго дома, гдѣ не было бы самопрялки, съ которою знакомы даже начинающія пряхи. Въ воспоминаемое же время самопрялка составляла такой диковинный, рѣдкій предметъ, что для осмотра ея, какъ и прядива на ней, стекались близкія и окрестныя пряхи. При этомъ, зрители не хотѣли вѣрить въ прочность нитокъ, которыя бывали недостаточно ослюненными и не вѣдались съ навивкою на веретено, хотя тутъ же и отдавали уваженіе тонкой, ровной и спѣшно выводимой ниткѣ.

2. Нераздѣльно съ прялкою состоитъ „вирьцяно“—то отструганное ножомъ изъ березоваго, ольховаго и кленоваго дерева, то сработанное на кружалѣ, или при помощи „смычка“³⁵⁸⁾. Первое бываетъ грузно, криво и шероховато, несмотря на шлифовку ножомъ и ребромъ стекла, второе—всегда ровно, гладко и изящно: постепенное утолщеніе веретена и, въ особенности, токарно-вырѣзные, или нажимочные черные кружки³⁵⁹⁾ дѣлаютъ его даже красивымъ.

Длина прядильнаго веретена колеблется между 6-ю и 8-ю вершками; длина же „проснёвыго“ веретена и веретена для сученья нитокъ доходить до 10 вершковъ.

Кромѣ обычной службы веретено употребляется при закалываньи поросать: острый конецъ его стремительно проходитъ въ грудную полость и помогаетъ убить животное почти моментально. Если присоединить къ сему встряску выческовъ, проколъ ткани для петли да пользование веретеномъ при выворотѣ и очисткѣ тонкихъ кишекъ для колбасъ, вмѣсто подходящаго прута, то будетъ исчислена вся главная и сторонняя служба веретена, въ которой оно покоится въ веретеной связкѣ вмѣстѣ съ товарищами тѣ же сроки и въ тѣхъ же мѣстахъ, что и прялка.

3. Для удобнѣйшаго сматыванья „ручѣикъ“ на „прѣсцинь“ и, въ особенности, послѣдняго на клубокъ и мотовила, въ запасливыхъ домахъ имѣется „стойка“—деревянное сооруженіе, предназначенное для установки въ немъ веретена съ пряжею. Основаніе стойки состоитъ изъ 10-ти-вершковой грузной плахи, лежащей плоскою стороною; въ концы верхней округлой стороны плахи прочно вдѣланы два колышка верш. въ 6 длиною, соединенные вверху горизонтальною перекладиною. Въ разныхъ мѣстахъ послѣдней дѣлаются сквозныя дырочки, для прохода тонкаго конца веретена, а противъ нихъ небольшія углубленія въ плахѣ, для установки веретеной пятки. Той же цѣли, съ неменьшимъ удобствомъ, служитъ дѣтская „садѣбка“³⁶⁰⁾ и даже рѣдкое рѣшето. Въ послѣднемъ веретеной пятка входитъ въ какое-нибудь очко, а острый конецъ кладется въ наклонномъ положеніи на ребро рѣшетной рамы³⁶¹⁾.

4. Нитки наматываются на клубокъ и мотовила при посредствѣ юрка (вьюрка)—4-хъ вершковой тонкой цилиндрической палочки. Въ полвершкѣ отъ того и другого конца дѣлаются надрѣзы палочки до половины ствола, но въ противоположныхъ другъ отъ друга направленіяхъ, и просверливаются тонкимъ шиломъ

по сердцевинѣ только до надрѣза. Входя въ юрокъ съ одного конца и обойдя половину ствола его изгибомъ, нитка выходитъ въ противоположный конецъ. Проходъ нитки черезъ тонкія дырочки юрка, при известномъ нажимѣ на нитку пальцевъ правой руки, дѣлаетъ то, что нитка туго наматывается на клубокъ, или мотовило, расправляются нитяныя „сукырытки“ и выпадаетъ мелкая кострика, такъ и иначе вошедшая въ нитку.

5. Въ концѣ IX гл. о „ниткѣ“ сказано было, что вполнѣ готовые нитки переводятся на клубки и мотовила, которыми бывають „уѣшки и рогули“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что для кросинныхъ собственно надобностей нитки наматываются на клубки и „уѣшки“; на „рогули“ же—тѣ нитки, что предназначаются въ окраску, или нитки сучёныя. Къ слову объ „уѣшкахъ“ нужно присоединить, что на нихъ не „слѣживаются“ ³⁶²⁾ нитки, какъ въ клубкахъ, быстрѣе наматываются и сматываются. Поэтому, при подходящей возможности, въ ткацкомъ хозяйствѣ обзаводятся нѣсколькими „уѣшками“, на сооруженіе которыхъ идетъ свободный лубокъ изъ саней, старой „лѣбки“, или же обездонѣвшая „липывка“.—Въ среднемъ „уѣшка“ представляетъ сквозной цилиндръ, высота котораго не превышаетъ 8, а діаметръ 5 вершковъ.

6. При основѣ рѣшительно нельзя обойтись безъ „снувалки“—тонко сработанной деревянной лопаточки, наибольшая длина которой не превышаетъ 6 вер., изъ коихъ свыше 4 вер. занимаетъ рукоять „снувалки“. Широкая сторона послѣдней (1½ вер.) имѣетъ 5 тонкихъ сквозныхъ дырочекъ—4 въ угольныхъ оконечностяхъ, а 5-ю въ срединѣ ихъ. Какъ видно было раньше, „снувалка“ помогаетъ накладывать нитки основы на колышки.

7. Уточные нитки навиваются на „цѣвку“—тонкую, сквозную трубочку, длиною верш. въ 4. Повсюднымъ матеріаломъ для цѣвокъ служатъ: стебли маличника, молодые побѣги калины, клена и—рѣдко, почему-то неохотно—подходящія колѣнья тростника. При помощи тонкаго прутика мягкая сердцевина маличника, ка-

лины и клена довольно скоро выдавливается, даже дѣтьми, а потому запасъ цѣвокъ почти всегда превышаетъ надобность, при чемъ, цѣвки изъ малинника являются преобладающими. За немѣнѣемъ подъ руками малинника, довольствуются для той же надобности цѣвками изъ ствола чернобыльника.

Когда нитка навита на цѣвку до размѣровъ внутренней челночной ширины, готовая „утѣчка“ ³⁶³) продѣвается тонкимъ деревяннымъ прутикомъ и помѣщается въ челнокъ, при чемъ, удлиненные концы прутика довольно свободно входятъ въ угловыя углубленія челнока съ внутренней стороны, гдѣ удобно вертятся при раскрутѣ „утѣчки“.

8. Для навивки уточной нитки на цѣвку единственнымъ снарядомъ бываетъ „сукáлка“, или „сукáйла“, которая имѣетъ слѣдующее построение: основаніемъ „сукáлки“ служитъ 10-ти вершк. плаха—„колóда“, при радіусѣ въ 3 верш., обращенная округлою стороною кверху (на черт.—о), въ срединѣ которой есть выдолбленное по длинѣ цѣвокъ корытце (р): оно можетъ вмѣстить до 10 свободныхъ цѣвокъ и одну-двѣ „утѣчки“. Въ оба верхніе конца плахи вставлены неподвижныя стойки въ 8 верш.; (п и п'), при самой вершинѣ просверленныя насквозь: сюда входитъ „сцѣринъ“ (с)—гладкая палка, общая длина которой около 11 верш., съ пазами въ тѣхъ мѣстахъ, что входятъ въ колонныя пробоины. По выходѣ изъ пробоины, лѣвый конецъ „сцѣрина“ постепенно утончается и принимаетъ видъ острой оконечности веретена: сюда именно надѣвается цѣвка; а чтобы она не спадала при верченіи „сцѣрина“, то на послѣднемъ, передъ цѣвкою, прочно привязанъ короткій (вер. въ 3) снурочекъ, конецъ котораго накладывается на вздѣтую цѣвку и сначала осторожно завивается; послѣ этого верченье идетъ скорѣе. Готовая „утѣчка“ сдергивается со „сцѣрина“ и поступаетъ по принадлежности. Главная же часть снаряда есть „кóло“ (т)—досчатый кружочекъ съ діаметромъ около 5 верш., съ пробоиною въ центрѣ, чрезъ которую проходитъ „сцѣринъ“.

Въ 2 вер. отъ правой стойки „кóло“ неподвижно держится на „сцѣрину“.—Весьма рѣдко бываетъ, что „кóло“ дѣлается заново: по большей части, имъ бываетъ старое дно шайки, или небольшого боченка, но не ведерное, которое въ данномъ случаѣ велико, а главное—составное, не цѣльное.

Таково въ общемъ построение „сукáлки“, совершенно необходимой при ткацкой работѣ. Незначительными уклоненіями отъ этого можно назвать: отсутствіе въ нѣкоторыхъ „сукáлкахъ“ корытца да положеніе „кола“ на „сцѣрину“, особенно, когда расшатались скрѣпы, выпали клинья: тогда, наскоро приходится утверждать его въ случайномъ мѣстѣ.

Когда цѣвка надѣта на „сцѣринъ“ и закрѣплена снурочкомъ, навивальщикъ сплевываетъ въ правую горсть свою и влажною ладонью ведетъ поперекъ „сцѣрна“, сверху внизъ, отчего послѣдній вмѣстѣ съ „кóлымъ“ приходитъ въ вращательное движеніе, и такъ до конца навивки; сторонній зритель только и видитъ—верченье колеса, стержня и „уточка“, движеніе правой руки сверху внизъ, періодическое полевыванье въ правую горсть, а изрѣдка—и въ колонныя пробоины, если здѣсь начался „скрипъ несмазанныхъ колесъ“, да слышитъ шумъ и трескотню, напоминающіе мельницу... Тѣмъ временемъ лѣвая рука навивальщика безотлучно придерживаетъ цѣвку и направляетъ на нее навиваемую нитку.

Если нѣтъ дѣтей—всегдашнихъ любителей „сучиць цѣвки“, эту работу исполняютъ сами ткачихи и даже солидные мужчины съ неизмѣннымъ полевываньемъ въ горсть и стойковыя пробоины... ³⁶⁴).

Кромѣ спеціального назначенія, „сукáлка“ служитъ для сученья небольшихъ трощеныхъ нитокъ и снурковъ, когда то нужно сдѣлать наскоро, неожиданно. Все остальное время она покоится въ полномъ забытіи гдѣ-нибудь въ углу подъ лавкою, подъ „пóлымъ“, или на чердакѣ.

9. При описаніи кросенъ упомянуто обо всѣхъ частяхъ ихъ и о сподручныхъ предметахъ, необходимыхъ при ткацкой работѣ. Къ этому остается кое-что прибавить о сооруженіи „нитывъ“, которые для всякой ткани вяжутся изъ крѣпкихъ сученыхъ нитокъ на широкой (2 вер.) длинной дощечкѣ, подобно сѣти ³⁶⁵), и состоятъ изъ двухъ равномѣрныхъ половинъ, входящихъ петлями другъ въ друга; противоположныя, узловыя стороны, прикрѣпленныя къ прочнымъ снурочкамъ, обыкновенно надѣваются на прутья въ палецъ толщиною, по длинѣ равные берду и „цынамъ“. Нижніе прутья „нитывъ“ соединены съ „пыныжами“ при посредствѣ привязныхъ веревочекъ, верхніе же—съ „бирұлькыми“, привѣшенными къ жердочкѣ, лежащей на перекладинахъ (д) ³⁶⁶); къ другой такой жердочкѣ привѣшено бердо, заключенное въ „набилицу“, которая представляетъ двѣ горизонтально лежащія одна надъ другою рамы, съ пазами внутри, боковыми связями которыхъ (рамъ) служатъ два подвижные шипа, въ 9 вер. каждый, прошедшіе въ оконечныхъ (вертикальныхъ) пробоинахъ рамъ снизу вверхъ: къ жердочкѣ собственно привѣшиваются верхніе концы этихъ шиповъ, опять же при посредствѣ привязныхъ веревочекъ. Кстати дополнить: всѣ привязи, которыми удерживаются „ниты, набилица, пыножй“ и др., не задѣлываются наглухо, а соединяются и связываются петлями, чтобы, при надобности, можно было поднять, сократить, удлинить привязь.

Бердо готовится отдѣльными мастерами и пріобрѣтается покупкою. Оно одинаково служитъ при тканьѣ гладкой и узорной ткани. Тутъ берда различаются только по длинѣ ихъ и густотѣ „трисцинъ“,—что условными нарѣзками и обозначено на боковой рамѣ каждаго берда. По нарѣзкамъ узнается, во сколько „пасымъ“ (см. X гл. этого отд.) бердо и, отчасти, для какой ткани оно пригодно, т. е. для „кұжиля-ли, пачиси, вѣрхычиси“, или для „дярұжныйй“. Послѣднее осязательнѣе опредѣляется густотою „трисцинъ“ и толщиною каждой изъ нихъ.

По окончаніи надобности, берда, „набилица, ниты, бирульки, цыны, припусники, пытащвичи“ и др., со всѣми привязами къ нимъ, соединяются въ одну связку и, привѣшенные въ недоступномъ для мышей мѣстѣ, покоятся до новаго тканья.

10. Для „нитывъ“ и не-ткацкихъ надобностей употребляются сученныя нитки, которыя бываютъ: „пырцянны“ и суконныя. Первыя, исключительно швейныя, частью продажныя, готовятся изъ несовсѣмъ бѣлаго, хотя и прочнаго льна, — изъ подручной пеньки; вторыя же — изъ худшей шерсти, „быковинъ и подпүззя“³⁶⁷⁾, и идутъ на „испотки, носки“ и чулки. Тѣ и другія нитки выпраждаются отдѣльно отъ ткацкихъ, парными „ручайками“, трошатся на клубокъ и сучатся исключительно веретеномъ. Ближайшимъ образомъ сученье „пырцяныхъ“ нитокъ производится такъ: усѣвшись при жердочкѣ (полатной, при-печной, даже колыбельной) или при стѣнномъ крюкѣ, да помѣстивъ трощеный клубокъ въ посудину съ водою, сучильщица (изрѣдка — сучильщикъ) завиваетъ конецъ на веретенѣ, перекидываетъ „трощенку“³⁶⁸⁾ чрезъ жердочку, такъ что клубокъ и веретено очутятся по обѣ стороны ея, и закручиваетъ ладонями, подобно тому, какъ это дѣлается при бойкомъ прядивѣ „кужеля“. Пока веретено дѣлаетъ нужное верченье, сучильщица держитъ руками ту и другую сторону нитки, подергиваетъ вверхъ и внизъ, отчего веретенный закрутъ передается по ту сторону жердочки, почти до клубка. Если часть „трощенки“ ссучилась до требуемой крутизны, она наматывается на веретено, а для новаго сученья отпускается новая доля трощеныхъ нитокъ. Въ такомъ однообразномъ порядкѣ сучатся нитки отъ начала до конца.

Отъ двухъ „ручайкъ“ нитокъ, насыщенныхъ водою, веретено грузнѣетъ: тогда „сученка“ обрывается, и въ дѣло пускается новое веретено. Сученымъ ниткамъ не даютъ сохнуть на веретенѣ: онѣ наматываются въ „мотушки“ на рѣшетѣ, на оконечности стола и, въ особенности, на „рогүльнымъ“ мотовилѣ, при чемъ онѣ раздѣ-

ляются „пáсмьми“. Тутъ сученыя нитки высыхаютъ и, снятыя съ мѣста, поджидаютъ бѣленья, которое ничѣмъ не разнится отъ бѣленья холста; за такими нитками даже удерживается преимущественное названіе „бѣли“.

Въ досужее время вполне готовая „бѣль“ наматывается на клубокъ, основою котораго служитъ свернутое кольцо и засушенное гусиное горлышко, куда предварительно положены бывають одна-двѣ горошинки. По звуку перекатывающихся въ горлышкѣ горошинъ швея узнаетъ сортъ нитокъ, заранѣе разграниченныхъ ею. вмѣсто горлышка, тряпочки, щепочки и т. под. предметовъ, основою клубка бываетъ иногда потайная ассигнація, золотая и серебряная монета, кои желательно уберечь на „горькую годину“, скрыть отъ семейныхъ алчниковъ. Эти своеобразныя „схбы“ иногда совершенно неожиданно обогащаютъ наслѣдниковъ, или случайныхъ владѣтелей драгоценнаго клубка...

Сученье суконныхъ нитокъ обходится безъ воды, иногда и безъ жердочки, своеобразнымъ и крайне медленнымъ приѣмомъ: когда при веретенной пяткѣ есть кое-какая сученая завязь на веретенѣ, послѣднее устанавливается наклонно на колѣнѣ и вертится правою рукою, какъ при прядивѣ, въ то время, когда трощеныя нитки сучатся подъ пяткою, но не длиннѣе того, какъ можетъ отвести ихъ лѣвая рука. Эта работа длится недѣлями, зато сученыя нитки навиваются съ веретена прямо на клубокъ; онѣ бѣлятся и войлочатся уже въ издѣліи.

11. Воспособляющими предметами при шитьѣ являются: а) „вощины“ — кусочекъ бѣлаго, желтаго и цвѣтнаго воска („чѣрни“); въ образованіе послѣдняго входитъ, по преимуществу, жжёная пробка и печная сажа; „вощинами“ обязательно вошится всякая швейная нитка; — б) „ныпáрстыкъ“³⁶⁹), употребляемый немногими, впрочемъ, швеями, и то — „бяздоникъ“; в) точно также рѣдко употребляются „ножнички“: овальныя выкройки въ бѣльѣ и простѣйшей одеждѣ не имѣють мѣста, а отдѣлить нужный кусокъ

холста и вырѣзать клинья можно и ножемъ; въ крутыхъ же случаяхъ—стригольными ножницами, кстати, встрѣчающимися значительно чаще швейныхъ; д) еще рѣже употребляется „прась“³⁷⁶), для заглаживанья грубыхъ швовъ, и это возможно тогда, когда онъ прибылъ въ домъ случайно: по большей части, швы расправляются ударами молотка; е) дѣвушки и вообще молодая швей кое-когда пользуются довольно тонкими иглками при шитьѣ отборныхъ тканей; но такъ какъ грубые пальцы ихъ съ трудомъ управляются съ такими иглками, то и тонкія издѣлія сшиваются иглками средней толщины, большинство же швей обходится довольно толстыми иглками, чрезъ которыя удобно можетъ проходить прочная нитка. Въ каждомъ хозяйствѣ поэтому обязательно имѣется „ширшатка“—наибольшая иглка, въ другихъ мѣстахъ употребляющаяся для штопанья суконныхъ чулковъ и рукавицъ. Когда нужно сдѣлать штопку тѣхъ же предметовъ, мѣстныхъ швей пользуются деревянною иглкою, довольно тонко выструганною изъ клена и другихъ брѣвчатыхъ деревьевъ.

12. Единственнымъ вязальнымъ снарядомъ служатъ „прутки“—покупныя спицы наибольшей толщины. Чаще всего такими „прутками“ бываютъ прутиковыя спицы, сильно отструганныя и отглаженныя.

13. Для колоченья бѣлья на открытой водѣ употребляется короткій (12 вер.) „праникъ“: онъ имѣетъ гладкія стороны и на одномъ концѣ ручку. Для катанья же высушеннаго бѣлья и холстовъ дѣлается отдѣльный „праникъ съ кычѣлкы“. Кромѣ сквозной вырѣзной ручки онъ имѣетъ еще съ нижней стороны, во всю длину, поперечныя вырѣзныя грядки. Оба „праника“ работаются дома и оба одинаково грубы и тяжелы.

14. При плетеньи всевозможныхъ поясовъ, особенно, „плисѣяныкъ“, употребляются „рогѣльки“—деревянныя вилочки, ножка которыхъ имѣетъ около 8 вер., а собственно вилочки—2 вер. Нужныя для пояса нитки обыкновенно висятъ клубочками, а

ткань прикрѣпляется къ вилочкамъ, кои держатся нѣсколько на откосѣ, при чемъ ножка вилочекъ упирается въ грудь, въ животъ. Это позволяетъ исполнять работу сидя, стоя и даже на ходу.

15. Для витья „обдръ“ и веревокъ всѣхъ видовъ употребляются „крючки“—деревянные самородки съ подходящимъ сучкомъ ³⁷¹). Ножка орудія не превышаетъ 6 вер., а длина крючка—2 вер. Витье при помощи крючковъ приурочиваетъ работающаго къ опредѣленному мѣсту, такъ какъ начальный конецъ веревки долженъ быть укрѣпленъ неподвижно.

При витѣ обязательно бываетъ два крючка: завертываясь въ одну сторону вмѣстѣ съ паклей, пенькой, льномъ, крючки перемѣщаются съ руки на руку, чтобы перевить скрученные половины. Когда изделие готово, его первоначально „смунюць“ ³⁷²); т. е. клокомъ свободной пакли, тряпкой поводятъ взадъ и впередъ, чтобы смягчить витушку, а потомъ обжигаютъ пушистые отскоки, быстро поводя по ней лучиннымъ пламенемъ. Послѣ обжога слѣдуетъ новая „смунька“.

„Рогульки и крючки“ разграничиваютъ область мужскихъ и женскихъ работъ по отношенію къ одеждѣ и обуви. Иные видятъ въ этомъ разницу душевнаго склада и жизни того и другого пола: „рогульки“ обращены наружу—онѣ отталкиваютъ, тогда какъ „крючки“ забираютъ, притягиваютъ предметъ; первыя не требуютъ постояннаго при работѣ мѣста, вторыя же обязательно привязываютъ къ нему ³⁷³).

16. Вспомогательными орудіями при плетеньи лаптей являются—колодка и кочетыкъ. Первая есть оструганная по длинѣ и ширинѣ ноги ровная плаха, съ округленными кое-какъ концами, а второй—изогнутое, плоское шило (въ желѣзномъ кочетыкѣ), или, соотвѣтственно ему, отструганная палочка. Колодка употребляется при плетеньи только „квырзнѣвъ да пыхлапнѣвъ“, потому что простѣйшіе лапти, сооружаемые спѣшно, могутъ быть спле-

тены на глазомѣръ; а если онѣ будутъ нѣсколько неравномѣрны, такъ и въ этомъ не бѣда: лапти носятъ около дома и скоро. Другое дѣло кочетыкъ: безъ него трудно сплести даже „лозѣвки“.

17. Кожаная обувь, сбруя и другія, часто мелкія надобности вызываютъ присутствіе въ домѣ шила, которымъ, по большей части, бываетъ не настоящее сапожное шило (изогнутое), а подходящій желѣзный гвоздь, однимъ концомъ вправленный въ черенокъ, случайную палочку. И этимъ шиломъ, при надобности, можно сдѣлать необходимые проколы въ обуви, сбруѣ, „гүзыхъ“, притти въ помощь иглѣ при починкѣ шубы и рукавицъ, можно сработать калиту, чахоль, „шрытовницу“³⁷⁴) (у ружейныхъ охотниковъ) и, наконецъ, сработать дуду (у дударей). Если такое шило состоитъ изъ наиболѣе длиннаго гвоздя, толстой проволоки, употребляется одинаково и для прожиганія деревянныхъ предметовъ (чубука, свирѣли, голосниковъ дуды, грабельной головки и проч.), то оно называется „жигалый“.

18. Для остальныхъ уборныхъ предметовъ не имѣется вос-
пособляющихъ орудій. Такъ, волосяные ажурныя къ „брылямъ“ плетутся исключительно руками, безъ оригинала даже; вѣнки, какъ видно было изъ описанія, опять же сооружаются по навыку и умѣнью, какъ и „обмѣтки“. Только „китлики да колты“ кое-гдѣ составляли исключеніе: для нихъ имѣлись кое-какія бумажныя выкройки, или мѣрки изъ бумажныхъ и холстинныхъ полосъ. Но это важивалось у завѣдомыхъ закройщицъ и портнихъ, къ которымъ и обращались носительницы „китлика и колты“.

XV. Творцы одѣвца, обувца и приборывъ; крѣвчики, шевчики³⁷⁵).

Кто творцы „одѣвца, обувца и приборывъ“ — въ значительной мѣрѣ отмѣчено въ различныхъ мѣстахъ отдѣла. Здѣсь приходится завѣрить, что носители простѣйшей одежды, обуви и украше-

ній есть вмѣстѣ и творцы ихъ, и что наибольший трудъ и хлопоты на сторонѣ женщинъ, по крайней мѣрѣ, сооруженіе одежды всецѣло принадлежитъ имъ отъ начала до конца. Если же этотъ великій трудъ дѣлится между мужчинами и женщинами, то они или чередуются, или мѣняются, и только изрѣдка дополняютъ труды другъ друга: „ѣнъ“; напр., сплететь лапти, „ина“³⁷⁶) сдѣлаетъ къ нимъ парадныя „оборки (плицюшѣвыи), къ нея лаптямъ онъ свиваетъ веревочныя оборки; онъ выстружить вилочки, она сработаетъ на нихъ „кутасовый пнясь“; ³⁷⁷), онъ смастеритъ прялку, веретено, гребень, щетку и станъ со всѣми принадлежностями, она спрядетъ, оснуетъ, сотчетъ, выбѣлитъ ткань и сошьетъ изъ нея бѣлье и почти всю балахонную одежду; онъ сдѣлаетъ одинъ и другой „праникъ“, она вымоетъ, выколотитъ на водѣ бѣлье и одежду и выкатаетъ ее послѣ сушки и проч. Но рядомъ со всѣмъ этимъ производство одежды и обуви нѣсколько специализируется: такъ, во время продолжительныхъ и многократныхъ приваловъ на паствѣ, пастухъ плететъ лозовики, съ парюю-двумя которыхъ у пояса или за плечами онъ возвращается домой; если въ пастушескихъ послугахъ состоитъ дѣвочка-подростокъ, она дѣлаетъ то же, хотя болѣе спеціальную ея работу составляетъ плетенье поясовъ да „оборыкъ“. Какъ бы тамъ ни было, практика указываетъ, что пастухи являются чуть ли не единственными творцами запасныхъ лаптей. Остальные виды ихъ работаются какъ-то незримо, по мѣрѣ надобности, и нерѣдко въ ущербъ текущей, часто немаловажной работѣ: „оральбитъ“³⁷⁸) и другой подходящій рабочій продлитъ время отдыха на полѣ, или укоротитъ таковой дома, когда подоспѣла нужда сплести новые лапти. Но также незримо создается бѣлье и балахонная одежда—между дѣломъ, на рабочемъ привалѣ, и сторонній зритель не можетъ примириться съ тѣмъ, что такъ можно сооружать долговѣчное бѣлье и одежду; на самомъ дѣлѣ такъ: годовая пропорція ихъ бываетъ въ обрѣзъ и не простирается свыше трехъ смѣнъ бѣлья и

двухъ верхней одежду, а въ исключительныхъ положеніяхъ семьи и того меньше, какъ удостовѣряетъ поговорка — „съ плечъ, да въ печь“ — и какъ то приходится видѣть на дѣтяхъ, которыя ходятъ голикомъ, или подъ покрывкою одежды возрастныхъ, пока мать отстираетъ наскоро и высушитъ единственную ихъ рубашку; возрастные при такомъ положеніи ходятъ подъ покрывкою собственной верхней одежды...

Приведенное положеніе есть, конечно, исключительное; въ общемъ бѣльева и одежная запасливістьъ стоитъ выше харчевой, и эту запасливістьъ начинаетъ невѣста, не зная даже гадательно, кто будетъ носителемъ изготовляемой ею одежды, или лучше — кому она будетъ шить бѣлье и одежду изъ готовыхъ въ ея складѣ „трубыкъ“. Такъ и иначе, при построеніи легкихъ одеждъ, женщина является въ домѣ бѣлошвейкою и портнымъ вмѣстѣ. Если она навычна и вѣдалась съ этимъ дѣломъ раньше, то умѣлою рукою она выкроитъ нужные клинья, вставки, „пылики, наплѣчки“ и рукава съ частями ихъ; въ противномъ случаѣ, или при полномъ незнаніи закройнаго дѣла „не въ службу, а въ дружбу“, сдѣлаетъ то же сосѣдка, какая-нибудь „цѣтычка“ и, въ особенности, „мамба-кормицилка“, да тутъ же и приметаетъ разрозненные части. Остальное довершатъ иголка да вошенная нитка, иногда чрезъ долгіе сроки, при набѣжавшей необходимости.

О красотѣ и изяществѣ работы бѣлошвейки не заботятся, а многія изъ нихъ не имѣютъ даже и понятія: все дѣло сводится къ тому, чтобы поскорѣе прикончить работу и чтобы шитье было прочно въ швахъ. Въ погонѣ за послѣднимъ онѣ не обращаютъ вниманія на отвислые клинья, иногда поставленные не на мѣстѣ, на образовавшійся тамъ и здѣсь мѣшокъ въ угловыхъ соединеніяхъ швовъ; толстымъ же рубцамъ не придають особеннаго значенія, несмотря на то, что рубцы нестерпимо „мѣлѣютъ“, и что болѣе терпящіе отъ нихъ мужчины совершенно бесплодно сѣтуютъ

на своихъ бѣлошвеекъ, у которыхъ найдется безспорный отвѣтъ, что и „пань носюць рубцы“. Впрочемъ, при толщинѣ холстовъ, предназначенныхъ на будничныя одежды, трудно уйти отъ „мѣлкихъ“ рубцовъ, а волей-неволей приходится мириться съ ними и терпѣливо выжидать, пока обветшалость одежды да неоднократная мойка ея не смягчатъ сколько-нибудь постылыхъ рубцовъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что и сама судьба приходитъ на выручку: заворотные швы появляются только въ мѣстахъ сшива клиньевъ, надточекъ, вставокъ въ рукавахъ и при воротникѣ, тогда какъ „пола къ полѣ“³⁷⁹⁾ пришивается чрезъ край, причемъ отъ послѣдующей за симъ растяжки „полъ“, при боа молоткомъ и каталкой, или такимъ и инымъ разглаживаніемъ, рубецъ исчезаетъ почти безслѣдно, и сшивныя стороны представляютъ едва замѣтное соединеніе³⁸⁰⁾. Немногимъ краше бываетъ и съ тѣми одеждами, шитье которыхъ поручается завѣдомымъ мѣстнымъ портнымъ, по крайней мѣрѣ, и тутъ не обходится безъ уродливыхъ швовъ, тѣмъ болѣе что портные вѣдаются съ грубѣйшею тканью сермяжною, рядною—и неохотно берутся за шитье тонкоматерчатой одежды.

Прочность ткани и швовъ позволяетъ обращаться съ бѣльемъ и льняною одеждою гораздо смѣлѣе, чѣмъ то бываетъ у горожанъ, при обращеніи съ фабричными холстами, и ближайшимъ образомъ сказывается это на мытьѣ бѣлья и нѣкоторой одежды. Какъ извѣстно, мыло появляется въ крестьянскомъ домѣ въ незначительныхъ запасахъ, на незаурядныя нужды: для мытья колыбельнаго дитяти, обмыванія родихи, для мытья рукъ и лица, когда нужно показаться „у люди“, или какъ лѣкарственный предметъ³⁸¹⁾; даже банное мытье головы, по большей части, обходится безъ мыла, и чистота послѣдней достигается ногтевою скребкой. Когда приходится быть бережливымъ на мыло въ приведенныхъ положеніяхъ, то о расходѣ его при мытьѣ бѣлья и одежды едва-ли можетъ быть и рѣчь. Кромѣ воспособляющей „жлѣкты“,

прѣнія въ жаркой печи, для достиженія бѣлизны, примѣняется единственный житейскій пріемъ— „живокость“ (живая кость), т. е. приложеніе къ дѣлу ручныхъ и вообще физическихъ усилій, какъ то: продолжительное стиранье въ корытѣ, въ открытой водѣ, мощный выкрутъ мокрога бѣлья, неменѣе мощное и продолжительное колоченье „праникомъ“ и послѣдующая за симъ сушка на открытомъ мѣстѣ, которая, кстати, будетъ допущена тогда лишь, когда выкручиваемое бѣлье станетъ выдѣлять вполне чистую воду. Слѣдуетъ признать, что „живокость“ дѣлаетъ то же, что и мыло; если же бѣлье и одежда будутъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ при мыльномъ мытьѣ, такъ это не составитъ большой бѣды: носить будутъ свои люди, среди „нащеницывъ“³³²).—Чтобы сберечь бѣлье и одежду, „мыцѣхи“ не особенно часто балуютъ ихъ мытьемъ—разъ-два въ году и, преимущественно, въ безснѣжную и ведреную пору года. При самомъ старательномъ примѣненіи къ дѣлу „живокоста“ зимняя стирка даетъ половинные результаты и къ ней приходится прибѣгать изрѣдка, работать надъ ограниченымъ „лойдомъ“.

Исключивъ покупные „приборы“, или одинъ лишь матеріаль для нихъ, приходится повторить, что носители „приборывъ“ есть и непремѣнные творцы ихъ. Это такъ обыденно, что материнскіе, напр., уборы на дочери будутъ менѣе цѣнны, чѣмъ собственные, личнаго изготовленія, и послѣдніе составляютъ большій предметъ любопытства, даже и тогда, когда сработаны относительно проще. Въ виду сего щеголи и щеголихи спѣшатъ „причупурица у сымодѣлку“, если недостаетъ покупныхъ „приборывъ“, потому что чужіе могутъ быть узнаны: такіе предметы почти наперечетъ, ихъ уже видѣли на другихъ. Калига, ножный чахолъ, волосяной ажуръ на колпакѣ, узорный чубукъ у курильщика, и проч., какъ и многочисленныя уборы у женщинъ должны быть личнаго производства. Сработанныя несовсѣмъ удачно сегодня, завтра могутъ быть поправлены по указанію знатоковъ, или же передѣланы заново, по

пріобрѣтеніи снаровки. На „приборы“ покупные нѣсколько иной взглядъ: если таковые постуили по наслѣдству, прочнымъ подаркомъ ³⁸³), то на новомъ владѣльцѣ они такъ же цѣнны и интересны, какъ и на первоначальномъ; но тѣ же уборы, добытые одолженіемъ, находящіеся во временномъ пользованіи родного дитяти даже на общій взглядъ то же, что и одолженная „самодѣлка“. Возможнымъ, хотя и нежелательнымъ снисхожденіемъ обставлено пользованіе одолженными лентами для украшенія невѣстина вѣнка ³⁸⁴), потому что таковыхъ требуется до десятка, а это не всякому доступно, да и куда дѣвать потомъ лишнія, ненужныя ленты.

Сооруженіе верхней одежды и кожаной обуви поручается спеціальнымъ мастерамъ, которые извѣстны подъ именемъ „кравцовъ и шавцовъ“. Гдѣ и когда они выучиваются мастерству—указать трудно: по большей части, они—незадачливые, недоучившіеся ученики портного или сапожника, усвоившіе лишь манерность мастера ломаться и кичиться, да нѣкоторые несовсѣмъ похвальные навыки его—пьянство и легкомысленное отношеніе къ чужой собственности. Уже на свободной профессіи, послѣ долгаго опыта, они пріобрѣтаютъ портняжную и сапожную выправку, съ которою и готовы къ услугамъ деревлянъ. За малыми исключеніями, „кравцы и шавцы“—полные бездомники и безродники. Если же у нихъ есть кое-какіе бобыльскіе домишки и родня ³⁸⁵), то они все-таки предпочтутъ, или безразлично отнесутся и къ чужому дому и къ чужимъ людямъ. Такимъ образомъ нельзя погрѣшить увѣреніемъ, что „кравцы и шавцы“ есть мастеровые кочевники, готовые явиться въ любой домъ, въ любое мѣсто, хотя область кочевья ихъ невелика, обнимаетъ лишь десятокъ деревень ³⁸⁶), гдѣ они и осѣдлые жильцы знакомы другъ другу съ давнихъ поръ. Въ дополненіе къ общей характеристикѣ того и другого мастерового остается вспомнить единодушную притяжимость ихъ къ рюмкѣ и безцеремонное отношеніе къ заказамъ, къ выполненію ихъ, и въ этомъ

отношеніи сапожные мастера какъ будто опередили своихъ сотоварищей, портныхъ. Мѣткія, ходячія присловья касательно этого говорятъ такъ: „якъ шавецъ“ (нѣянъ и бѣденъ), — „зѣ копылля долѡвъ“ (пѣянъ такъ, что не удержался на мѣстѣ) и — „усѣ, яго обѣлля—шилля ды копылля“... Изъ этого очевидно, что почитая „шавца“ отмѣннымъ пьяницею, простонародье считаетъ его немѣющимъ другой собственности, кромѣ одного-двухъ шильевъ да стальныхъ же колодокъ, и то потому, что ничтожная цѣнность имущества не позволяетъ пустить его на пропой. По той же причинѣ имущество „шавца“ не можетъ имѣть посягателей, и бѣдное орудіе мастерства его годится развѣ такому-же мастеру, какъ и онъ; но послѣднему некуда дѣваться отъ собственнаго „шилля-копылля“... Практическая жизнь подтверждаетъ, что и „кравцы“ недалеко ушли отъ своихъ сотоварищей, и бывали случаи, что наниматели портного выкупали единственный цѣнный инструментъ его—портняжныя ножницы, иначе приглашенный мастеръ оставался, „какъ безъ рукъ“³⁸⁷).

При такихъ условіяхъ да при слабыхъ связяхъ съ домомъ и родней мастера спѣшили на зовъ, потому что это обезпечивало имъ сытный прокормъ, спокойный уголь и, кромѣ того, предоставляло возможность промачивать горло на зарабатываемыя деньги, которыя по частямъ, но полностью уходили въ ближайшую корчму. Если столовая и квартирная обстановка была хороша, мастеръ растягивалъ работу; наниматели же не особенно сѣтовали на это, потому что продовольствіе было свое, а плата чрезъ медлительность не возвышалась. Одно смущало нанимателей—мастеровая нечистота на руку; но за мастерами на этотъ случай слѣдили и возрастные, и дѣти. Это крайность: отдѣльныя лица справляли дѣло честно, по мѣрѣ умѣнья, а портные почему-то управлялись съ работами раньше сапожниковъ.

При появленіи мастеровъ въ домъ, послѣдній значительно преобразуется: портные всецѣло завладѣвали единственнымъ въ

домѣ столонь и „кѹтнимъ“ мѣстомъ, а сапожники занимали ближайшее къ сему мѣсто на лавкѣ. Тамъ и здѣсь начинаютъ мелькать необычные въ домѣ предметы—ножницы, вощѣнки, „пѣсмы“ разрѣзанныхъ нитокъ, мѣловые кусочки или оструганный уголь, дратва, щетина, колодки, сапожный ножъ, кромки и обрѣзки; къ этому присоединятся бойкіе отмахи рукъ, постукиванье молоткомъ, ножницами по рубцу, или не менѣе бойкое отрѣзыванье ими ткани и молодцеватое бросанье на столъ. При игривомъ настроеніи мастера или чтобы избыть тоску за однообразною работою, онъ открыто запоетъ пѣсню или нескончаемо мурлычить таковую, рѣшительно не справляясь съ семейною обстановкою и расположеніемъ хозяевъ къ пѣснѣ, и къ мурлыканью³⁸⁸).

Такъ, отрѣзь за отрѣзомъ, шевъ за швомъ—портной сошьетъ кафтанную съ орнаментами и простую безъ нихъ сермягу, сошьетъ и шубу, пристроивъ къ той и другой кожаныя шарообразныя пуговицы, сошьетъ, пожалуй, и кафтанный „насовъ“, или на добрую память, выкроить таковой и наставить домашнюю швею, какъ и гдѣ помѣстить клинья и вставки, какъ сшить „полы“ и зарубить. Соответственно сему, въ своей области, сапожникъ соорудитъ „бѣты и чиравки“, то заново, то однѣ головки, „подложитъ подметки, поправитъ подборы, подошьетъ ранты и проч., по вкусу нанимателей и согласно окрестнымъ требованіямъ. Здѣсь мастера не имѣютъ надобности въ ординарной, окончательной мѣркѣ: тѣ, кому исполняется работа, всегда подъ руками, а потому, къ обоюдному удовольствію и пользѣ дѣла, одежду и обувь можно примѣрять десятки разъ. Прикончена работа, сведены счета—наниматели и мастеровые расстаются, какъ свои люди, съ выраженіемъ взаимной благодарности³⁸⁹); а если у мастера удержались только „шилля-кошылля“, такъ хозяева дадутъ ему на дорогу и кое-какихъ харчей.

Обращаясь къ платной оцѣнкѣ трудовъ „шевчика-крѣвчика“, приходится свидѣтельствовать, что она крайне бѣдна. Такъ, за

пошить сермяги брался четвертакъ, мужской шубы—30—40, а женской—40—50 коп. Плата же за шитье балахона едва доходила до 15 коп... Плата сапожнику была нѣсколько выше: такъ за вполнѣ новые „бѣты“ онъ получалъ 75 коп. и даже рубль, за головки—50—60 коп., за подметки—10—20 коп., за „чиравѣки“—полтинникъ, „пувсапѣжки“—50—60 коп. Что же касается остальныхъ, значительно меньшихъ сапожныхъ подѣлокъ, то онѣ и по сейчасъ называются „гривенничными да пятачковыми“. При всемъ томъ обѣ стороны бывали довольны и этою платой, принимая въ расчетъ нанимательское продовольствіе и полную постановку матеріала, начиная отъ ткани и кожи и кончая швейными, дратвенными нитками да щетиной къ дратвѣ.

Кромѣ кочующихъ „шѣвчикывѣ-крѣвчикывѣ“, такіе же мастеровые бывали осѣдлыми, при чемъ и самое поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ представляло значительную разницу. Нуждаясь въ услугахъ портного и сапожника, деревенскіе заказчики не совсѣмъ охотно сносились съ осѣдлыми мастерами уже потому, что тѣ брали дороже; будучи же завалены заказами, они затягивали работу, при чемъ, за потерю мѣрки, исполняли заказъ по памяти, а если они бывали падкими на чужое добро, такъ убавляли матеріалъ, замѣнивали его, или, за давностью заказа, послѣ проволочекъ, обращали въ собственность,—что съ особенною выразительностью проявлялось въ дѣйствіяхъ сапожниковъ. Сельчане не надѣляли этихъ мастеровыхъ ласкательными именами „шѣвчикывѣ-крѣвчикывѣ“, а просто—„щавецъ, кравецъ“. Въ особенности несносными бывали тѣ „шавцы“ изъ дворовыхъ прислужниковъ, которые охотно, повидимому, брались за заказъ, но могли выполнять его лишь между дѣломъ, иногда и тайкомъ. Такими подручными „шавцами“ обыкновенно бывали кучера, помощники ихъ да „скарбѣвыи“³⁹⁰) различныхъ видовъ. Уже одинъ подступъ къ нимъ чего-нибудь стоилъ; отступъ же—и того дороже. Въ случаѣ затраты товара, или другого злоупотребленія съ нимъ, тяжба съ

мастеромъ не приводила ни къ чему, а часто была и невозможною, и хорошо еще, если отдавшій, напр., свои „боты подкѣныць подметки“, чрезъ долгіе сроки получалъ обратно голенища... А между тѣмъ нужда, порывы къ щегольству заставляли искать и вѣдаться съ такими „шавцами“, потому что настоящіе „шавцы“ были рѣдки.—По освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, „шавцы“ вдругъ какъ-то замелькали: это были разошедшіеся дворовые, едва доступные раньше деревенскимъ заказчикамъ; но они недолго мыкались среди другихъ кочующихъ мастеровыхъ и какъ-то незримо затерялись среди болѣе достойныхъ товарищей.

Остается упомянуть еще о „шипувалыхъ“, единственныхъ въ воспоминаемое время поставщикахъ „маргѣлыкъ и брылѣвъ“. Правда, выдѣлка этихъ предметовъ составляла лишь часть ихъ валильнаго производства: какъ и теперь, они, главнымъ образомъ, приготавливали валенки и войлоки; но, состоя бывало на кочевомъ мастерствѣ, подобно портнымъ и сапожникамъ, они далеко не походили на сотоварищей ни навыками, ни имущественнымъ положеніемъ. Такъ, сами „шипувалы“, орудія мастерства, а часто и готовое производство, перемѣщались въ собственныхъ экипажахъ, на собственныхъ лошадяхъ. А что всего отмѣннѣе—они составляли маленькія артели ³⁹¹). Ничего подобнаго не было въ жизни „шевчикывъ-крѣвчикывъ“, которые бродили въ одиночку, въ сопутствіи деревянной палки, а если имъ и доводилось „подъѣхать“ съ попутнымъ милостивцемъ, такъ это послѣднее (милость) сейчасъ же узнавалось: облагодѣтельствованный торчалъ позади экипажа, свѣсивъ внизъ и назадъ свои ноги... Такъ обыкновенно „подъѣзжаютъ“ изъ милости и притомъ—относительно небольшое разстояніе...

XVI. На „накидки“ ³⁹²).

Такъ одѣвался, обувался, убиралъ себя простолюдинъ Витебской Бѣлоруссіи и при посредствѣ такихъ именно обиходныхъ

предметовъ удовлетворялъ онъ второй жизненной потребности... Съ тѣхъ поръ и эта существенная сторона жизни не удержалась въ прежнихъ устояхъ, а измѣнилась чуть-ли не больше, чѣмъ измѣнилось удовлетвореніе первой потребности, по крайней мѣрѣ, въ текущую жизнь незримо, относительно медленно, но прочно и для всякаго осязательно вторглись слѣдующія положенія житейскаго опыта и мудрости народной: а) „нихто ня вѣдыиць, якъ хто обѣдыиць“, б) „нихто ни видавъ, якъ Богъ ныпитавъ“³⁹³), „нихто то ня видиць, што у табѣ (внутри тебя), а кожному (каждому) видно (видно), што ны табѣ“, г) „по одежкѣ встрѣчаютъ...“ д) „ѣсть ниже средствъ, а одѣваться выше средствъ“³⁹⁴). Если къ кодексу приведенныхъ положеній прибавить обычное стремленіе даже неполнѣ сытаго челоуѣка къ показности, вспомнить, что захолустный прежде простолюдинъ сталъ вѣдаться съ лицами самыхъ разнообразныхъ положеній, видѣть ихъ вокругъ себя и за предѣлами родного гнѣзда, то преобразование въ одеждѣ, обуви и украшеніяхъ покажется не только неудпвительнымъ, а скорѣе—вытекающимъ изъ естественнаго хода дѣлъ, или какъ неизбежная дань времени и обстоятельствамъ. Иные вопросы—на сколько такое преобразование соотвѣтствуетъ потребностямъ простолюдина и какъ оно уживается съ остатками стародавней жизни? Нужно ли оно и насколько? Отвѣтъ на это можетъ дать ближайшее ознакомленіе съ протонароднымъ бытомъ, жизнью и съ предметами обиходности,—сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. Не ради отвѣта на поставленные вопросы, не ради сожалѣнія о прошедшемъ и восхваленія переживаемаго, приходится провести параллель между утрачивающимися стародавними устоями и неотразимо находящимися новыми.

Давніе посѣтителі праздничныхъ сборищъ, церкви и ярмарокъ, одѣтые въ бѣлую балахонную, или сермяжную одежду, бѣлые соотвѣтственно сему липовики, имѣя на головѣ бѣлыя же то „маргѣлки“, то „обмѣтки“, только и могли представлять одно

„свѣтлое море одеждъ, обуви и головной покрывки“, и эта бѣлизна какъ-то отрадно сочетавалась съ бѣлизною души и сердца всегда прямодушнаго, безхитростнаго простолюдина. Правда, коегдѣ мелькнетъ бывало темный „брыль да кызырьковка“ на головѣ отдѣльнаго мужчины, цвѣтная „хустка“ или вѣнокъ на головѣ женщины, мелькнетъ и цвѣтная домотканка на верхней одеждѣ; но это только мелькнетъ и не нарушитъ гармоніи бѣлизны. То же впечатлѣніе бѣлизны оставалось и тогда, когда живое свѣтлое море станетъ расходиться живыми же ручейками по окрестнымъ дорогамъ и тропамъ въ мирныя пристани свои (дома) ³⁹⁵). Совершенно обратное впечатлѣніе получается отъ современнаго сборища въ церковь, на ярмарку и игрища: тутъ, среди подавляющаго разнообразія домотканокъ, покупныхъ матерій на платьяхъ, козырьковыхъ шапокъ, платковъ да черной кожаной обуви, бѣлый балахонъ, „насовъ“ и липовики мелькаютъ только, но мелькаютъ, какъ отторгнутые члены семьи, какъ чужіе межъ своими. Ту же пеструю рознь во внѣшнемъ видѣ приходится видѣть и тогда, когда толпа собравшихся на празднество вереницами и группами покидаетъ сборище и расходится по домамъ.

При болѣе внимательномъ осмотрѣ текущаго „одѣвца, обувца и приборывъ“, пестрота толпы остается пестротою и на отдѣльномъ лицѣ, по крайней мѣрѣ, сочетаніе различныхъ предметовъ въ одеждѣ, обуви и украшеніяхъ позволяетъ видѣть это. Такъ, „руськыя“ рубашка съ косымъ воротомъ, но болѣе высокимъ воротникомъ, обложенными и болѣе широкими тесьмами, прошла уже изъ края въ край; почетная прежде „бывняровка“ убавила высоту воротника на половину и болѣе, и признать въ ней таковую можно развѣ по срединному, прямому вороту. Кроме того обѣ рубашки уже сдѣлались будничными; про парадный случай имѣется кумачная съ обшивами рубашка, носимая „на выпускъ“ при распашной верхней одеждѣ. Эта рубашка не всегда

опоясывается домашнимъ, или покупнымъ поясомъ, а выходитъ внизу изъ подъ жилетки, сработанной мастерски на швейной машинѣ. Если щеголь одинъ изъ зажиточныхъ, то у него надѣты будутъ опять же мастерски сшитые брюки, то вправленные въ бутылочные сапоги со складками, на высокихъ каблукахъ, съ неизбѣжнымъ скрипомъ, или же будутъ выпущены поверхъ сапоговъ, „щиблѣтывъ“, изъ коихъ послѣднія, съ резинными сторонами, достаточно извѣстны современнымъ деревлянамъ, и носятся онѣ мужчинами и женщинами безразлично. Къ тому, что сказано о щеголѣ въ праздничномъ нарядѣ, остается присоединить, что верхнею одеждою тутъ бываетъ получившій права гражданства и теперь извѣстный и старому и малому—„спиньжакъ“, изрѣдка—городское пальто и даже сюртукъ. Весь такой нарядъ вершаетъ „кызырьковка“, домашній „капэлюшъ“, или же широкополая шляпа и котелокъ, конечно, съ чужой головы, прибрѣтенный у городского старьевщика, или подаренный „добрымъ баринномъ“...

Если присмотрѣться къ парадной и даже не-парадной женской одеждѣ и обуви, то разница между теперешнею и давнею будетъ еще рѣзче. Правда, рубашки прежнихъ типовъ („кывнярѣвки и мотузки“) остаются тѣми же и теперь; многія изъ нихъ имѣютъ и „пудмурѣвки“; но къ нимъ уже прочно пристала рубашка—„бизрукáвка“, сравнительно недавно ненавистная деревлянамъ, по крайней мѣрѣ, ношеніе ея городскими выходцами и служилыми у интеллигентовъ лицами уже слабо осмѣивается. Если въ будни, на работѣ, необходима болѣе прочная изъ домотканки юбка, то внѣ этого, а тѣмъ болѣе при парадномъ положеніи, ситцевая юбка уже становится обычною принадлежностью „одѣвца“; при болѣе лучшемъ матеріальномъ положеніи молодой нарядницы, на праздничные и парадные случаи найдется юбка съ кофтою изъ яркой шерстяной матеріи: обѣ онѣ будутъ обшиты въ подолахъ лавочными тесемками; такими же тесемками будутъ обшиты бор-

ты, рукава и воротникъ кофты. Все это сработано или на швейной машинѣ ³⁹⁶), или же въ ручную, но опытною, знающею мастерицей. Соотвѣтственно парадно-праздничной юбкѣ съ кофтою, изъ коихъ послѣдняя шьется въ талию, на головѣ, плечахъ и въ рукахъ нарядницы будутъ не менѣе цѣнные, яркіе платки фабричнаго изготовленія — бумажные, шерстяные и полуселковые. Что же касается обуви, то молодая и пожилая нарядницы и знать не хотятъ стародавнихъ „чиравікывъ“, а вѣдаются только съ настоящими „пувсапóжкыми“ да ботинками на резинахъ, съ обязательнымъ скрипомъ и высокими каблуками. — Обиліе готовой, недорогой одежды въ размножившихся магазинахъ и лавкахъ позволяетъ щеголихамъ пріобрѣсти такое и иное пальто на ватѣ, на подкладкѣ, съ мѣховымъ иногда воротникомъ. Сшитое изъ дешеваго драпа, сукна и менѣе цѣнной матеріи, но весьма изящно и въ талию, такое пальто не имѣетъ уже ничего общаго съ давними балахонами, сермягами и шубами ³⁹⁷).

Такимъ образомъ мужчина и женщина переживаемаго времени могутъ „причипурицца“ въ фабричныя ткани, получившія при шитьѣ щегольскую обработку, а голову и ноги — покрыть неменѣе изящными фабричными и ручными издѣліями. Если на одеждѣ встрѣтится домотканка, то таковая по покрою и обработкѣ приблизится къ городской портняжной, такъ что и тутъ дѣти и внуки давняго простолюдина будутъ далеко не похожими на своихъ предковъ. Въ этомъ отношеніи какъ-то посчастливилось верхнему пальто съ клапаномъ позади и безъ клапана, но съ двумя рядами пуговицъ впереди и, въ особенности — извѣстному „спиньжакѣ“. Теперь уже достаточно извѣстно, что эта бургузая, совершенно чуждая одежда неудержимымъ токомъ забралась въ отдаленные сельскіе углы, что ею уже прикрывается и старъ и малъ, а въ самое недавнее время щегольской „спиньжакѣ“ замелькалъ на плечахъ нарядницъ ³⁹⁸), отличаясь отъ мужского только обильнымъ тесемочнымъ обшивомъ по всѣмъ краямъ и около трехъ

пиджачныхъ кармановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что настояще пова-
мельканье пиджаковъ на женщинахъ не замедлитъ завоевать себѣ
полноправіе, подобно тому, какъ это произошло и у мужчинъ
тѣмъ болѣе что кургузый пиджакъ еще и до сего времени при-
цается въ простонародномъ обиходѣ и ношеніемъ его возмущается
не одна чисто русская душа ³⁹⁹), въ каковомъ परिцаніи, какъ
кажется, и таится наибольшая живучесть „спиньжака“... Правда,
носители пиджака приурочили къ нему неизбѣжную опояску какъ по
верхней одеждѣ, а при рабочемъ и бѣдномъ положеніи сермяжный
и балахонный пиджакъ вершаетъ лапотную обувь... Нелѣпое со-
четаніе пиджака, лаптей и юбки съ платкомъ на головѣ слиш-
комъ очевидно; это сознаютъ сами носители, и все-таки пиджакъ
неудержимо расходится дальше и дальше.

Легкій доступъ къ козырьковымъ шапкамъ, т. е. дешевиз-
на, повсюдная встрѣча съ ними на базарахъ у шапочниковъ и
лавкахъ, съ присоединеніемъ относительнаго изящества въ отдѣл-
кѣ, сдѣлали то, что почти всѣ прежнія шапки смиренно упокоились
на огородныхъ пугалахъ, или на „шумѣтникахъ“. Нераздѣльно съ
этимъ вошли въ употребленіе мастерскія зимнія шапки то изъ
неопредѣленнаго мѣха, то изъ мишурнаго барашка, которыя и
вытѣснили „обловухи, брыли и маргелки“, такъ успѣшно защи-
щавшіе бывало не только голову, но уши и шею носителей. Про-
бѣлъ въ закрытіи послѣднихъ весьма кстати сталъ пополнять
башлыкъ, который пришелся по потребностямъ деревлянъ такъ,
что теперь едва-ли можно встрѣтить семью, гдѣ не имѣлось бы
одного-двухъ башлыковъ, и съ ними, какъ и съ пиджаками, уже
начинаютъ имѣть дѣло и женщины.

До сего времени шла рѣчь объ одеждѣ и обуви, насколь-
ко тѣ присущи и необходимы при удовлетвореніи второй жизнен-
ной потребности. Если отцы и дѣды современныхъ щеголей грѣ-
шили тяготѣніемъ къ убранству своей скромной одежды и обуви,
то сродное сему тяготѣніе у внуковъ становится чуть-ли не по-

вальнымъ, благодаря нетруднымъ путямъ къ приобрѣтенію щегольскихъ „дыбавъ и приборывъ“, повсюдному соблазну и развивающейся страсти къ щегольству у подростяющей молодежи. На эту несовсѣмъ отрадную тему можно привести множество комическихъ, часто печальныхъ положеній, и всѣ они только и доказываютъ, что простолюдинъ Витебской Бѣлоруссіи спѣшитъ „щилигáць“ ⁴⁰⁰), спѣшитъ „чупурицца“, спѣшитъ оборвать неподаваемые требованія желудка, насущныя хозяйственныя требованія, лишь бы не отстать отъ другихъ, или щегольнуть больше обуржающихъ.

Помнится, что давними носителями палокъ бывали только старики да увѣчники различныхъ видовъ. Подходя къ церкви, даже къ дому, куда нужно было войти, они оставляли своихъ „коницъ“ гдѣ-нибудь у церковной ограды, или при сѣняхъ, и только наиболѣе немощные не разставались со спутниками. При большомъ стеченіи богомольцевъ, среди которыхъ найдется немало немощниковъ, такіе „спутники“ покоились группами въ ожиданіи хозяевъ и, служа предметомъ не щегольства, а необходимости, не могли имѣть посягателей, тѣмъ болѣе, что представляли грубый, хотя и прочный шестъ, чуть-чуть отструганный и прилаженный по росту и потребностямъ немощника. Между современною мужскою молодежью ношеніе палокъ („дясыкъ“ ⁴⁰¹), тростыкъ“) уже имѣетъ видъ щегольства, и съ такими тросточками молодые щеголи развязно входятъ въ церковь и въ домъ... Не хотѣлось бы думать, что въ этомъ сказывается бережливость, опасеніе за цѣлость палки, которая, по большей части, сработана самолично, изъ обыденнаго дерева; не думается также, что щеголю жаль потраченныхъ трудовъ; скорѣе и вѣрнѣе—имъ руководить показность трудовъ.—Какова палка щеголя, такъ заботливо охраняемая, не стоило бы и описанія, если бы онъ не билъ на показность ея наравнѣ съ другими „приборывами“. На простѣйшій случай уборною тростью служить гладкая жердочка поясной длины, при

толщинѣ большого пальца, съ которой кора снята то спиралью, то колечками, то угловыми и ромбоидальными фигурками: послѣ сушки кора прочно держится на палкѣ. Но тѣ же мѣстныя деревья и нѣкоторая мастерская снаровка позволяютъ имѣть и болѣе нарядную, отчасти раскрашенную палку. Такъ, сырая грушевая жердочка, освобожденная отъ коры, даетъ темно-желтую „тростку“, при чемъ правильные сучки, срѣзанные потомъ, сообщаютъ ей сучковатость; того же цвѣта палку даетъ стволъ бустарника „волчьихъ ягодъ“, — ольха — красноватую, — липа, осина, кленъ — ярво-бѣлую. Если досужій щеголь пожелаетъ придать палкѣ узорность, то сдѣлать это онъ можетъ прикладываніемъ къ отдѣланной жердочкѣ раскаленнаго желѣза. Подобная узорность и сучковатость вырашивается годами изъ древесныхъ стволовъ дуба, блена, ясеня, вишни и яблони: для этого весною дѣлаются на стволѣ небольшіе надрѣзы, или выемки коры, кои заростають потомъ надлежащими бугорками. Разумѣется, выше всѣхъ такихъ „тростыкъ“ стоитъ покупная, несомнѣнно, лакированная, съ головкою и ручкой изъ кости или рога — и щеголи обзаводятся таковою при подходящей возможности.

Въ положеніи щеголя переходъ отъ тросточки къ перчаткамъ составляетъ всего одинъ шагъ. И дѣйствительно, мужская молодежь обзаводится, между прочимъ, пятипалыми изъ черной лайки перчатками, которыми и щеголяетъ на праздничныхъ и ярмарочныхъ сборищахъ, не снимая ихъ не только въ церкви, стороннемъ домѣ, но даже и собственномъ, если только тамъ есть чужіе люди...

О распространенномъ ношеніи „пирсѣнкывъ“ едва-ли нужно говорить: таковыя не служатъ только знакомъ холостого человѣка, а, украшая почти каждый палецъ той и другой руки, указываютъ на нарядность, или погоню за нею. И жутко становится за щеголя, когда видишь, что украшенная „пирсѣнкывъ“ рука не умѣетъ сдѣлать правильно христіанскаго крестнаго знаменія ⁴⁰²)...

Въ послѣднее время у мужской молодежи начинаютъ мелькать дождевые зонтики, съ которыми щеголи появляются на праздничныя и ярмарочныя сборища даже и тогда, когда въ зонтикѣ не предвидится надобности. Мало того: для лучшаго сбереженія дорогого предмета, иной щеголь не рѣшится раскрыть зонтика и тогда, когда попалъ подъ дождь, когда по настоящему слѣдовало бы укрыть одежду и шапку отъ мокроты. Только въ рѣдкіе случаи солнечнаго припека щеголь раскроетъ зонтикъ, чтобы предохранить привычное тѣло отъ зноя, а загорѣлое до крайности лицо—отъ загара... Пока-что ни дождевой, ни солнечный зонтикъ не мелькаютъ въ женскихъ рукахъ; но можно съ вѣроятностью ожидать, что это не замедлитъ войти въ обиходность сначала нарядную, а потомъ и заурядную.

Ясно, что щеголь не станетъ вѣдаться съ давнею калитой и мошенкой, для наполненія которыхъ у него не станетъ, пожалуй, давнишнихъ средствъ. Всѣ свои неширокіе достатки онъ размѣщаетъ уже въ „пуртунѣцику“ ⁴⁰³), который задешево и легко можно приобрести въ любой мелочной лавченкѣ, у офеней и тряпичниковъ. Въстѣ съ изящнымъ казнохранилищемъ тотъ же щеголь обзаводится и другимъ, неменѣе дешевымъ предметомъ щегольства—портпапиросникомъ, въ которомъ по-смѣнно держатъ то курительныя снадобья, то деньги, смотря по тому, что водятся, или кое-какъ держится. Слѣдуетъ признать, что въ числѣ другихъ неблаговидныхъ навыковъ куренье табаку мужскою молодежью является чуть-ли не повальнымъ зломъ, съ которымъ родители не могутъ и не умѣютъ бороться. Это зло тѣмъ разорительнѣе, что щеголи-сынки не хотятъ знать простого табаку, не хотятъ знать и стародавней „пипки“; они приучаются курить покупныя папиросы, приучаются пользоваться „вартузнымъ тибакымъ“ ⁴⁰⁴), изъ которой многіе научились „круциць цыгарки“ ⁴⁰⁵). Если же такой табакъ пойдетъ въ трубку, то ею будетъ или известная „агличанка“ ⁴⁰⁶), или болѣе изящная покупная трубка съ

чубукомъ. Не въ стародавнемъ „кышуву“ будетъ храниться „картүзная тыбака“, а въ „блишанэй пушцы“ ^{‘07)}, изъ которой щеголь предварительно поѣлъ конфекты... Проводниками въ простонародную обиходность „смоленна картүзный тыбаки“ ^{‘08)} являются „ученные“ сынки сельчанъ, деревенскіе выходцы и, въ особенности, отслужившіеся, или отпускные солдатики, т. е. тѣ именно лица, въ отношеніи которыхъ родительская воля и силы оказываются вдвое слабѣе.

Въ дополненіе къ сказанному о „приборыхъ“, какъ и вспомогательныхъ къ нимъ предметахъ, остается присоединить, что сельскій щеголь почему-то особенно гонится за гармоникой, пріобрѣтеніе которой не составляетъ затрудненій, какъ то было раньше. На праздничныхъ и ярмарочныхъ сборищахъ гармонику можно увидѣть въ рукахъ не только знатока и любителя музыкальнаго дѣла, но и такого, который только умѣетъ „широчѣй гармонь развѣсь“ ^{‘09)} да нажать клапаны...

Что сказано о мужскихъ исключительно „приборыхъ“, то же въ соотвѣтственной мѣрѣ можно сказать и о женскихъ, хотя послѣдніе, повидимому, ограниченнѣе и непритязательнѣе. Благодаря сельско-школьному и стороннему, случайному воздѣйствію, деревенскія дѣвушки научились пользоваться тамбурнымъ производствомъ, а также и канвовымъ шитьемъ. Поэтому подола, рубава, воротники многихъ одеждъ и полотенца имѣютъ вышивные узоры, кое-какихъ пѣтуховъ, или другихъ животныхъ, и вязанья обшивки. Это слишкомъ не похоже на уборныя изготавленія бабушки и матери, которыя продолжительно и терпѣливо ткали на станкѣ узорныя кромки. Впрочемъ, и не на одномъ этомъ сказывается недостатокъ терпѣливаго отношенія къ рукодѣлю: такъ, самопрялка гонитъ нитку, и медленное обращеніе послѣдней въ ткань, по условіямъ ткацкой работы, уже составляетъ кару для современной ткачихи; нужно ли прилагать стародавнюю рачительность для орнаментовъ на простой „хүстцы“, на фартукѣ,

когда первая, весьма доступная по цѣнѣ, найдется въ любой лавкѣ съ краснымъ товаромъ и будетъ отличатся всѣми достоинствами фабричнаго производства, а второй—уже не имѣетъ употребленія при парадной одеждѣ ¹⁰⁾?

Но фартукъ все-таки удержался при будничной одеждѣ, гдѣ его служба довольно мрачна (см. II гл., п. 27 отдѣла); зато упомянутый „вянокъ“ невозвратно исчезъ, и смѣло можно утверждать, что на нарядницу въ вѣнкѣ теперь сбѣжались бы смотреть, какъ на выходца съ того свѣта. Правда, невѣста убираетъ голову не такъ, какъ другія дѣвушки; но это будетъ не прежній вѣночный уборъ, а легкій и низкій чепчикъ, обильно украшенный цвѣтами, бантиками и лентами. Въ зажиточныхъ же семьяхъ невѣстинъ головной уборъ, какъ и фата къ нему, покупаются вполне готовыми изъ модныхъ, галантерейныхъ магазиновъ и лавокъ...

Все это, какъ и многое другое, поступивъ въ личное пользованіе „готовенькимъ“, не можетъ имѣть той цѣны, какую имѣла давняя домотканка и вообще ручное производство. Что это такъ, видно изъ бережливаго отношенія къ одеждѣ и обуви. Давнишнія охранительницы одежды тщательно „зацуровывали“ ¹¹⁾ каждую прорѣху, а если таковая становилась невозможною для „цуровцы“, накладывали „лапикъ за лапикымъ“, пока не наступила пословицная пора—„съ плечъ, да въ печь“. Современныя охранительницы того же незнакомы съ „цуровкымъ“, по крайней мѣрѣ, онѣ не дѣлаютъ таковой въ фабричныхъ издѣліяхъ, предоставляя одеждѣ разрушаться по волѣ обстоятельствъ и отъ времени. Нѣчто подобное и съ обувью. Когда давніе носители „бѣтывъ, чиравыкывъ и пувсапѣжкывъ“ отправлялись лѣтомъ въ церковь, или на ярмарочное сборище, то они почестно несли въ рукахъ, за спиною на палкѣ, свою дорогую „обѣцѣйбу“, и только въ полуверстномъ разстояніи отъ мѣста слѣдованія присаживались для обуванья и, кстатѣ, поправленія одежды. Такія прива-

лочныя мѣста довольно явственно обозначались потомъ прикатомъ и вытоптомъ травы, набросомъ „сцѣликъ“ ⁴¹⁾, старыхъ лаптей, въ которыхъ досюда шли путники, или же здѣсь весною и осенью временно оставлялись лапти, съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути снова переобуться. Такимъ образомъ неудивительно, что обувь переживала долгіе годы, а нерѣдко—и своихъ хозяевъ. Далекое не то видится у современныхъ щеголей и щеголихъ. Разъ они парадно одѣлись, соотвѣтственно сему должны и обуться, и только давка тѣсной обуви можетъ пригнать богомольца, или „кирмашника“ пойти босикомъ, по примѣру бережливыхъ родителей и дѣдовъ. Но вѣдь это имѣетъ характеръ подневольной бережливости или, правильнѣе—кару за щегольство, въ силу котораго обувь шьется и покушается чуть-чуть по ногѣ...

Что покажетъ и чѣмъ похвастаетъ передъ „сестрицами“ и присяжными сватами современная охранительница „одѣвца“ и творецъ „приблывъ“? Нѣсколько фабричныхъ платковъ, платья изъ фабричной ткани, готовую изъ одежной лавки одежду?... Если тутъ есть нѣкоторыя стороны новизны, такъ зато честь и слава за нихъ всецѣло принадлежитъ фабрикѣ да родительскому, или мужнину карману. Остается показнымъ рукодѣльемъ поясъ, полотенце да скатерть; но, приходится повторить, на производствѣ ихъ недостаетъ ни давняго умѣнья, ни давняго терпѣнья... И какими же жалкими покажутся всѣ эти домотканки, „трубки“, когда ихъ приходится видѣть рядомъ съ фабричными издѣліями! Какъ, въ свою очередь, грубы и неряшливы будутъ одежныя рубцы бѣлошвеекъ, по сравненіи ихъ съ рубцами и строчками, даваемыми, напр., швейною машиною, подъ управленіемъ опытной руки!

Какъ очевидно, въ одеждѣ, обуви, украшеніяхъ и подспорныхъ къ нимъ предметахъ обиходности простолюдинъ зашелъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ пищѣ и питъѣ. Хорошо ли это, или нехорошо—вопросъ другой; сейчасъ же приходится свидѣтельство-

вать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ расточительность на „справы„ ложится новымъ бременемъ на крестьянское достояніе, такъ какъ на это уходятъ не только личныя сбереженія щеголей и щеголихъ, находившія бывало подспорное мѣсто въ домѣ, но сюда притягиваются обрѣзки и урывки семейнаго добра путемъ хищенія, утайки и другими преступными средствами ¹³);—приходится свидѣтельствовать, что кургузистость пиджачной одежды устанавливаетъ не сосѣдскую только, но и семейную рознь,—что нарядность и уборность ея ставятъ родителей и дѣтей въ иныя, принужденныя отношенія ¹⁴), по которымъ сыну и дочери какъ-то жутко произносить обычное задушевное „татка-мамка“, и они только выговариваютъ совсѣмъ плоское—„бацька-матка“,—по той простой причинѣ, что „сытый голоднаго только не разумѣетъ“, тогда-какъ щегольски одѣтый и убранный человѣкъ рѣшительно перестаетъ вѣдаться съ тѣми, кто по-бѣднѣе и проще одѣты-обуты... Если родители принуждены сѣтовать на возрастающую притяжимость дѣтей къ „ласоникымъ, пыласункымъ“, то имъ приходится сугубо сѣтовать и бессильно противостоятъ дѣтскому щегольству и расточительности на него, и, какъ бессильны они остановить развивающуюся предприимчивость разнообразныхъ производителей и сбытчиковъ новыхъ предметовъ обиходности, такъ немощны они преградить и тѣ пути, по которымъ щегольство и уборность новой формации проползаютъ въ сельскую жизнь.

В.

Жиллѣ, сялиба, будовля ⁴¹⁵).

„Чужая хата горѣй кáта ⁴¹⁶);
а якъ свѣя хáтка—што рóдная
матка... Суди, Богъ, купиць одеж-
ку шѣтыю, а хатку—крытыю...
Суди, Божа, разъ жанѣцца и
разъ сялѣцца“... (изъ множества
мѣстныхъ пословиць о жильѣ).

Приведенными пословицами далеко не исчерпывается просто-народный взглядъ на „хатку“, какъ мѣсто, гдѣ человѣкъ можетъ имѣть надежный, прочный пріютъ,—не исчерпывается и область желаній простолюдина по отношенію къ той же „хáткѣ“. Во всякомъ случаѣ этими немногими пословицами намѣчаются наиболѣе существенныя желанія, а именно: а) имѣть свою „хатку“, б) получить ее готовою и в) провести въ ней всю жизнь. Несомнѣнно, что равноспльныя желанія присущи и каждому осѣдлому земножителю; но у мѣстнаго простолюдина они пріобрѣтаютъ особенную силу, и чтобы отчасти понять это, такъ стоитъ: а) присмотрѣться къ печальному положенію бездомника, б) прислушаться къ холодящимъ душу причитаніямъ невѣсты, когда въ силу брачныхъ условій она оставляетъ домъ, в) присмотрѣться

къ прощанью ея или рекрута со всѣми углами, порогами и за-
стѣнками оставляемаго жилья и г) прислушаться къ не менѣе по-
трясающему душу голошенью надъ покойникомъ, когда остающіе-
ся въ живыхъ родные его хотятъ вылить, между прочимъ, и
скорбь по поводу окончательнаго разставанья съ „хаткы“. Но
опытъ доказываетъ, что и временная разлука съ тою же „хат-
кы“ во всѣ сроки и во всяческихъ проявленіяхъ жизни просто-
людина не остается безразличною: тамъ, вдали, сказывается тоска
по темной, тѣсной „хатки“, такимъ же сѣнцамъ, неприглядному
на сторонній взглядъ подворью и, какъ необходимому дополненію
къ сему—по кривой березкѣ на гумнѣ, мутной лужайкѣ за ого-
родомъ... Вспоминая все это, простолюдинъ таитъ неизмѣнное
желаніе, какъ бы „домовки“ ⁴¹⁷⁾...

Если, кромѣ того, прислушаться къ завѣтнымъ рѣчамъ на
тему о „хаткѣ“, да присмотрѣться къ тому, что составляетъ
простонародная жизнь, такъ великое значеніе собственной, при-
способленной къ жизни и долговѣчной „хатки“, какъ и обаяніе
ея, будутъ значительно яснѣе. Такъ, въ числѣ задушевныхъ хри-
стіанскихъ благопожеланій простолюдина есть и такое, которымъ
онъ „каждому хращонному зычиць ⁴¹⁸⁾ родицца и помѣрць у своей
хатцы“, а существующее на этотъ счетъ повѣрье категорически
утверждаетъ, что родившійся и умершій въ одномъ и томъ же
домѣ не уноситъ въ могилу тяжкихъ грѣховъ ⁴¹⁹⁾, и что личное
благополучіе человека есть прямое слѣдствіе благополучія „хат-
ки“, которое передается преемственно ⁴²⁰⁾... Ближайшимъ провод-
никомъ въ жизнь всяческихъ благополучій служить то, если „хат-
ка“ стоитъ на „дѣдыщини, или бацькыщини“ и, въ особенно-
сти, если она ютится на „своей вѣчысци, или вячнѣнки“, т. е.
на собственной землѣ. Пусть дѣдъ и отецъ прожили преблагопо-
лучно, пусть и сыну живется не хуже ихъ, но если это прохо-
дитъ на „ранди“ ⁴²¹⁾, то и всѣ блага „хатки“ остаются за на-
стоящими владѣльцами „вячнѣнки“, а „рындацили“ есть только

споспѣшники, такъ сказать, „кузнецы чужого счастья“... Поэтому „хатка“ и послѣднія хозяйственныя пристройки къ ней заботливо удерживаются на дѣдовскихъ и отцовскихъ мѣстахъ, а незначительныя злоключенія, перенесенныя здѣсь жильцами, всегда могутъ быть покрыты находящими въ разное время благополучіями: перемерли нынѣ отъ эпидеміи дѣти, зато было время, когда въ томъ же помѣщеніи въ два съ небольшимъ года выданы замужъ семейныя дѣвушки да переженились парни; нынче перепалъ скотъ, а между тѣмъ было время, что въ томъ же самомъ „хлѣви скотъ ни стывцлявся“ ⁴²²⁾ и т. д.

Различная нужда, а въ томъ числѣ и крѣпостническая подчиненность заставляли иныхъ покидать „дѣдывщину да бацькывщину“. Теперь, конечно, невозможно стать душою въ то, что при данномъ положеніи переживалъ выселенецъ; но нетрудно понять и ту единственную въ своемъ родѣ радость, когда онъ снова возвращался на „старь“. Возвращеніе на „старь“, не потерявшее жизненнаго проявленія и въ переживаемое время, имѣло особенное примѣненіе вслѣдъ за актомъ 19 февр. 1861 г., когда къ стародѣдовскимъ мѣстамъ успѣшили возвратиться многіе выселенцы. Кому не пришлось, или не приходится вернуться „на старь“, тѣ все-таки помнятъ „дѣдывщину да бацькывщину“ и чтятъ фамилные поселки немногимъ меньше, чѣмъ и могилы, предковъ ⁴²³⁾.

Въ противоположность сему отдѣльныя лица переходятъ „на новъ“, т. е. перемѣщаютъ усадьбу, положимъ, и на „дѣдывщину да бацькывщину“, но такъ, что это принимаетъ неузнаваемый видъ: домъ строится, напр., на „тыковѣщи, или пѹнищи ⁴²⁴⁾ а остальные строенія—примѣнительно къ дому, при чемъ на мѣстѣ избы станетъ огородъ, баня и проч. Къ такому положенію обыкновенно приводятъ выдающіяся событія: уничтоженіе построекъ пожаромъ, періодическая смертность членовъ семьи, скотскіе падежи, плохое разведеніе скота и проч. Но переходъ „на новъ“

бываетъ и иначе: новая семья (отдѣлившійся сынъ, братъ, племянникъ), пришелецъ, арендаторъ, свѣжій собственникъ купленнаго участка земли, селится на совершенно новомъ мѣстѣ, гдѣ предварительно расчищаетъ „цѹщу дрямѹщу“⁴²⁵), или располагаетъ усадьбу на заросляхъ, на чистой полянѣ. Такая „новъ“ есть полная, безусловная—и нѣтъ ей другого имени.

Кто проѣзжалъ чрезъ мѣстныя села и деревни, тѣ не откажутся припомнить, что по числу крестьянскихъ усадебъ и, слѣдовательно, по числу отдѣльныхъ хозяевъ онѣ имѣютъ слишкомъ мало общаго съ великорусскими селами, слободами, деревнями: пять, четыре, три, даже двѣ усадьбы—вотъ мѣстная деревня! Деревня въ 10—20 домовъ уже называется „большою“, свѣше того — „большенною, огромною“⁴²⁶). Деревня Загородно, Веляшков. вол., Вит. у., состоявшая въ воспоминаемое время изъ „40 дворовъ“, своею громадностью поражала не только окрестныхъ сосѣдей, но и самихъ деревлянъ, которые считали необходимымъ добавлять: „это — ня шутка“!.. Малоусадѣбность деревень имѣетъ отдаленныя и ближайшія причины, входить въ разсмотрѣніе которыхъ не представляется надобности; къ этому можно присоединить развѣ то, что по душевному складу простолюдинъ не совсѣмъ общителенъ, избѣгаетъ сосѣдскихъ столкновеній, такъ возможныхъ при сосѣдливомъ житьѣ-бытьѣ. Весьма мало будетъ погрѣшности въ увѣреніи, что, какъ дѣдъ, такъ и внукъ охотнѣе устраиваются „на одиноцы“, гдѣ сосѣдскія распри не имѣютъ мѣста и гдѣ необщительность простолюдина находитъ надежный пріютъ. Что эта притяжимость къ „одиноцымъ“ не нова, по привычкамъ простолюдина, въ томъ удостовѣрили еще крѣпостническіе „одиноцы“: исполняя желаніе своего крѣпостного, помѣщикъ разрѣшалъ выбирать „одиноцы“, которые частью и по сей день устояли, а иные имѣютъ ясныя слѣды давняго или недавняго „сѣлица“. Переживаемое и ближайшее время указываютъ на то же: такъ, пріобрѣтатели земельныхъ участковъ селятся не иначе, какъ „оди-

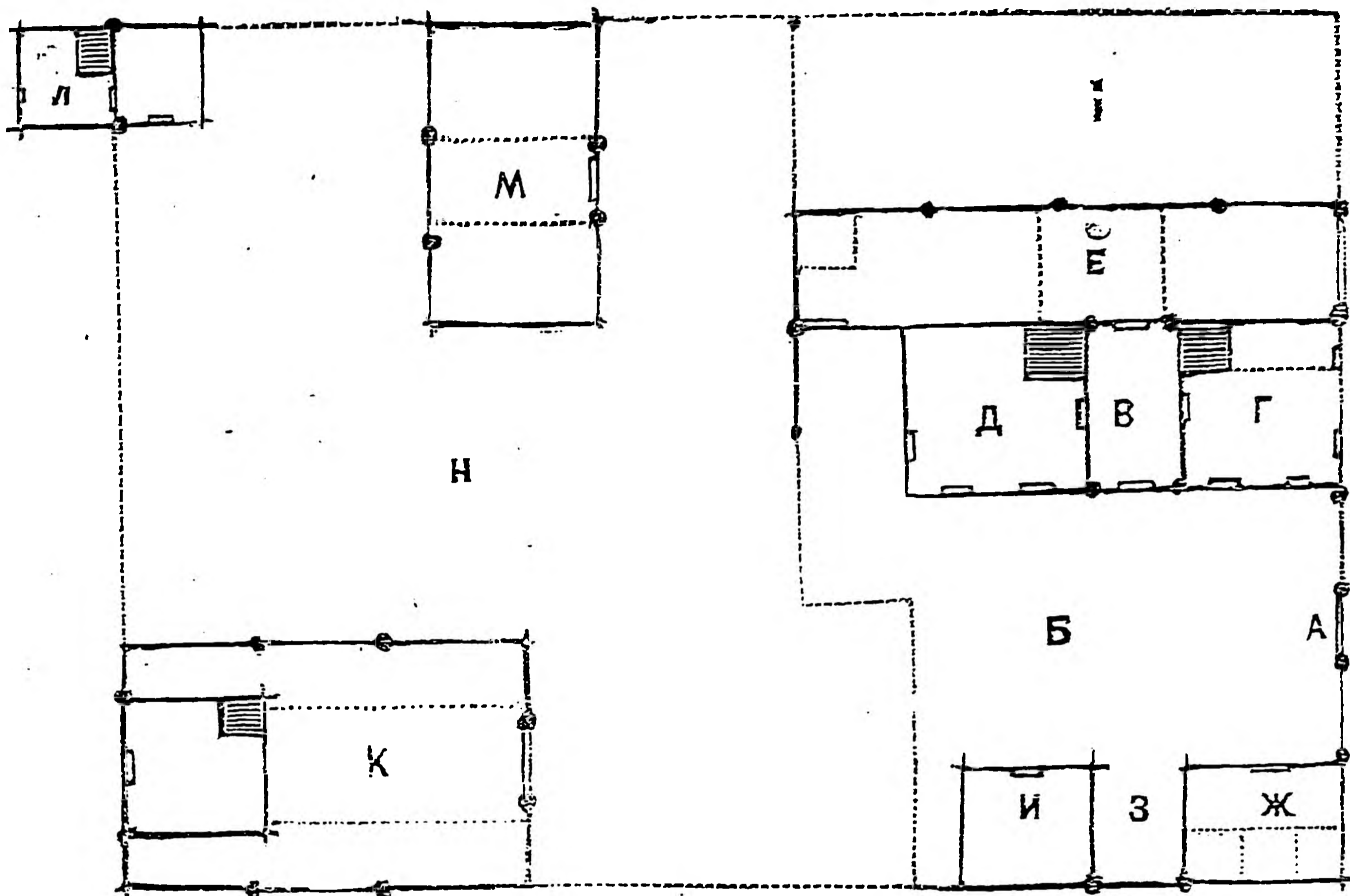
ноцыми“, пусть это будутъ братья или другая близкая родня. При подходящихъ обстоятельствахъ, цѣлыя деревни недалекихъ отъ насъ временъ разбиваются „на одиноцы“, и лучшимъ выразителемъ сего можетъ служить б. дер. Залѣсье (на большомъ пути изъ м. Яновичъ въ с. Веляшковичи, Вит. у.), имѣвшая раньше около 10 крестьянскихъ усадебъ.

Такимъ образомъ существенными и желательными условіями для построения „хатки“ являются: „вчнйна, дѣдыщина, или бѣцькыщина, старь (для однихъ), новъ (для другихъ) и одиноцы“. Гдѣ, по волѣ судьбы, ни суждено селиться и жить простолюдину, онъ снѣшитъ устроиться съ жилыми и хозяйственными постройками въ то же самое время, когда ведетъ и свое крестьянское дѣло—пашетъ землю. Неширокій кругъ этихъ построекъ виденъ будетъ изъ послѣдующаго; совокупность же ихъ, какъ и прилегающая сюда усадебная площадь, имѣетъ поставленные въ заголовкѣ отдѣла названія. Если эти названія замѣняются уменьшительными („жыллѣйка, сялибинка, будываннѣйка“), то ими не уменьшается область входящаго въ усадьбу, а только видоизмѣняется объемъ и вообще внѣшность его.

Самое опредѣленное показаніе всей „сялибы“ даютъ „одиноцы“, гдѣ, по необходимости, приходится имѣть подъ руками все въ собственномъ хозяйствѣ, потому что однодеревляне могутъ, напр., дѣлиться нѣкоторыми постройками—баней, токомъ, сѣннымъ сараемъ и даже гумномъ (при сушкѣ сѣна). Къ совмѣстному пользованію перечисленными предметами прибѣгаютъ, однако, немногіе бобыли, захудалые „жыхыры“⁴²⁷⁾ да находящіеся во временномъ затрудненіи (по случаю пожара, разоренія отъ бури) настоящіе хозяева. Обыкновенно же деревенскій хозяинъ даже средней руки обзаводится полною „сялибой“, дабы не „голиць вѣчи“⁴²⁸⁾ позыкый“ да „не раскидывать своего добра по чужимъ

угламъ“. Во всѣхъ случаяхъ „стоищаго жихырства сялиба“ имѣ-
етъ слѣдующія части:

Чертежъ А.

(Отдѣльныя части „сялибы“: а—въѣздныя во дворъ ворота, б—подворье, в—сѣни, г—главная жилая изба, д—„прійѣзба, или псѣйка“, е—„хлѣвы“, ж—клѣть, з—повѣть, и—„повѣлѣць“, і—садъ, или площадь огорода, к—токъ, л—баня, м—„пѣня“, н—площадь огородовъ и гуменныхъ лужковъ; наружныя пунктыры и внутреннея межъ построекъ—изгородь; пунктыры внутри строеній—временныя перегородки (въ хлѣву), закрома (въ клѣтѣ), отдѣленія токовища (въ току) и стороны сѣновала (въ „пѣни“); зачерченныя квадраты—печи въ теплыхъ строеніяхъ, перекрещенныя оконечности линий—срубныя соединенія бревенъ; кружки—заборныя столбы съ пазами).

Нѣтъ надобности удостовѣрять, что приведенная планировка есть наиболѣе совершенное расположеніе „сялибы“. Какъ видно

будетъ изъ послѣдующаго, вся крестьянская усадьба и отдѣльныя части ея далеко не подчиняются правильнымъ линіямъ чертежа, а на практикѣ размѣщаются или такъ, „какъ Богъ на душу положитъ“, или какъ пригонять обстоятельства. Такъ, тѣсно другъ къ другу, располагаются только изба, хлѣвъ и клѣтъ, и въ размѣщеніи ихъ видится кое-какая ординарность, т. е. отдаленные хозяева и однодеревляне даютъ имъ одинъ и тотъ же распорядокъ, внѣшній и внутренній видъ. Что же касается остальныхъ усадебныхъ построекъ, то здѣсь вполнѣ оправдываются пословичныя сказанія: „всякій молодецъ—на свой образецъ“, „кто во что то раздѣ“, и „моему ндраву ни припѣствуй“! Конечно, обычная предосторожность обязываетъ помѣщать подальше отъ дома такія строенія, какъ токъ и баня, изъ коихъ послѣдняя отстоитъ нерѣдко на версту отъ дома,—что зависитъ отъ положенія водовмѣстителя. Но тутъ же рядомъ можно встрѣтиться съ непонятною забывчивостью строительныхъ предосторожностей, когда токъ стоитъ на мѣстѣ „пуни“ (м), тогда какъ послѣдняя, какъ и „клубня“, если только она есть, помѣщены въ отдаленныхъ углахъ усадьбы. Въ особенности, такая задорная забывчивость встрѣчается въ расположеніи другъ къ другу сосѣдскихъ построекъ ²⁹).

Наиболѣе неустойчивымъ является расположеніе усадьбы и, главнымъ образомъ,—жилыхъ построекъ къ дорогѣ. Естественно ожидать, что послѣднія должны быть при дорогѣ, чтобы жильцамъ можно было бы хотя изрѣдка „и себя показать и на людей (проѣзжихъ, прохожихъ) посмотреть“. Но, какъ кажется, за этимъ послѣднимъ деревлянинъ гоняется меньше всего. Что показать? Бѣдноту и грязь подворья, какъ и внутренность избы, кои сторонній можетъ видѣть чрезъ сквозной заборишко и окна? Семейныя „сварки, спирання ³⁰“ да дѣлежь хохловъ? Нѣтъ, уже лучше и не показывать этого! „Посмотрѣть“? Но кто же не знаетъ того, что „за посмотри (да за просмотри) деньги платятъ“, иногда—и очень большія! Тамъ путникъ напросится на одол-

женіе, здѣсь — алчникъ прибереть, что плохо лежитъ; нищіе и цыгане скрадуть дитя, проѣзжіе подшибутъ его. И мало-ли подобныхъ невзгодъ упадетъ на придорожныхъ жильцовъ, какъ и на главные части усадьбы.

Это одна сторона дѣла, такъ и иначе доступная къ примиренію. Но какъ совладать съ неумолимыми силами природы — зимою и осеннею стужею, когда чрезъ плохо пригнанныя, недостаточно мшенныя бревна, изъ которыхъ, кстати, пташки повытаскали немало мху въ гнѣзда, станеть врываться въ избу и „хыдунѣмъ — хадѣць“ ⁴³¹⁾ вѣтеръ? А вѣдь очень возможно, что усадьба пришлась на „быйдани“ ⁴³²⁾, на юру!

Совокупность указанныхъ причинъ и, пока-что, недостатковъ общительности, или по мѣстному — „людянысци“, ⁴³³⁾ дѣлають то, что значительная часть жилыхъ построекъ: а) сторонится отъ дорогъ и б) закрывается холодными постройками, какъ щитами, отъ непобѣдимыхъ силъ природы. На непривычный взглядъ это можетъ показаться дикимъ, отзывающимся стародавнимъ невѣжествомъ. Но вѣдь за малыми изъятіями, тотъ же характеръ имѣють усадебныя расположенія новѣйшей формациі жильцовъ, которыхъ не всегда можно упрекнуть въ „стародавнемъ невѣжествѣ“ и дикости.

Зная все это, едва-ли можно порицать простолюдина за его усадебный распорядокъ, и не лучше-ли завернуть въ его „сялзбу“, какъ она есть, да присмотрѣться къ тому, что въ ней есть. „Завернуть“ сюда можно „гумѣнными, пызадкывыми“ ⁴³⁴⁾ путями: для сокращенія дѣла, такими путями пробираются свои люди — родня, сосѣди и сами семьяне. Но, на правахъ почестнаго, хотя и неожиданнаго гостя, сдѣлать это приходится иначе — чрезъ выѣздныя съ улицы ворота.

І. Передъ хаткой.

Выѣздныя съ улицы ворота есть не всегда тѣ „ворота те-сды“, о которыхъ гласить пѣсня: совершенно одинаковыя ворота

можно увидѣть на задворной сторонѣ, въ хлѣву, току, сараѣ, въ полевыхъ изгородяхъ и на выгонѣ. Это — двѣ неравномѣрныя колонны (брусковыя или круглыя), на саженомъ и болѣе разстояніи другъ отъ друга скрѣпленныя пятью-шестью тесаными досками, или столькими же жердочками. Болѣе длинная колонна нижнимъ концомъ помѣщается въ „пятникъ“, которымъ бываетъ то лежащая плаха, съ выдолбомъ въ верхней сторонѣ, то вкопанная въ землю старая ступица, — верхнимъ же концомъ колонна проходитъ сквозь надворотную перекладину, на высотѣ, какъ пройти возу сѣна. А чтобы ворота не распадались, то, для скрѣпленія горизонтальныхъ перекладинъ и колоннъ отъ длинной къ основанію короткой, въ наклонномъ положеніи, укрѣплена отдѣльная досчатая, или жердочная перекладина. Обѣ колонны плотно приходятся къ двумъ „шұлымъ“ ⁴³⁵), дающимъ широту воротъ и служащимъ для замѣта, который по одну сторону доходитъ до избы, а по другую — до клѣти. Каковъ ни есть замѣтъ, составляющія его простыя стесанныя бревнышки или доски обыкновенно лежатъ горизонтально, другъ на другѣ, и прямо достигаетъ весьма часто саженой высоты. Если хозяинъ желаетъ сдѣлать свой „дворъ знитнымъ“ ⁴³⁶), то заборныя части будутъ приложены плотно, такъ что любопытный глазъ не можетъ проникнуть чрезъ щели. Въ этомъ случаѣ и ворота будутъ имѣть иное построеніе: воротныя доски, прикрѣпленныя внизу и вверху къ двумъ рамамъ и плотно соединенныя одна съ другою, какъ и съ колоннами, будутъ держаться вертикально, при чемъ высота ихъ будетъ нѣсколько больше заборной.

Къ слову о воротахъ, какъ и „фортныхъ“ ⁴³⁷), остается прибавить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и мѣстахъ встрѣчаются ворота „пырканныи“ ⁴³⁸) (въ пчельникахъ, садахъ) и соломенные (въ хлѣвахъ), гдѣ тонкія „пырканныи“ и солома плотно и крѣпко переплетаются промежъ горизонтальныхъ перекладинъ.

Площадь двора остается условною, хотя наименьшая величина ея бываетъ не ниже 9—12 кв. саж. Правда, въ бобыльскихъ усадьбахъ дворъ суживается до площади въ 4 кв. саж. и менѣе, чтобы чрезъ то выиграть площадь огорода; но при такихъ домахъ часто не бываетъ хлѣва, клѣти, какъ и остальныхъ усадебныхъ построекъ,—чрезъ что нѣтъ надобности въ просторномъ подворьѣ и воротахъ, вмѣсто которыхъ достаточно калитки. Велика ли, или мала площадь двора, послѣдняя неминуемо убавляется „дровосѣчнымъ угломъ“, собачьей конурою, временными изгородными постройками—для „засадки“ откармливаемыхъ гусей, свиней и для „отсѣдки“ поросятъ—„отсѣскывъ“. Кроме того, на дворѣ почти безсмѣнно стоитъ водовозный, при отдаленности воды, и другой экипажъ, или лежатъ вороха соломы для постилки хлѣва впредь до помѣщенія таковой по принадлежности и мн. др.

Что же касается формы площади, то наиболее желательною является площадь квадратная. Если по условіямъ построекъ нельзя достигнуть этого, то заботятся о возможно правильномъ четырехугольничѣ площади,—что съ небольшими выступами и уступами построекъ почти всегда и достигается.

Чисторядность двора, въ свою очередь, остается условною, хотя слѣдуетъ признать, что нарушителей таковой есть всегда больше, чѣмъ охранителей, и что въ простонародномъ быту одинъ и тотъ же дворъ есть бѣлый и черный. Умыванье лѣтнею порою, выплескиванье грязныхъ помоевъ во весь годъ даютъ на дворѣ несмѣняемую влажность, которую вмѣстѣ съ другими слѣдами пребыванія вершаетъ скоть да дождь. Если присоединить къ сему наносы съ дровосѣчнаго угла, соломы съ крышъ при вѣтрѣ, наносы навозной соломы изъ хлѣва, при слѣдованіи скота на водопой, на паству и обратно, наносы съ „шумѣтнѣа“, набросы при дѣтскихъ играхъ, курные разгребы и рытье свиней, то недостаточная чисторядность двора будетъ вполне обрисована.

Но если дворъ приходится на низинѣ, благодаря чему грязь удерживается здѣсь дольше, то такая нечистотядность бываетъ значительно больше. Тогда, въ помощь дѣлу, подворье устилается древесными стволами, случайными полѣньями, случайными кусками кирпичей и такими же камнями. Все это дѣлается не сразу, а по частямъ, какъ набѣжить необходимость, да такъ и остается на мѣстѣ, куда было положено... Набѣжить новая нужда, къ старому замащиванью прибавляется новое и т. д.

Тѣмъ не менѣе, къ воскресному и праздничному дню безпорядочность и неряшливость двора нѣсколько исправляются: при помощи граблей, метлы и „сдвигалки“⁴³⁹⁾ неряшливое насланіе двора будетъ прибрано къ хлѣвному подходу, а настилка выровнена. То же сдѣлано будетъ и при посѣщеніи именитаго, даже внезапнаго гостя: пока тотъ просидитъ въ избѣ да прикончитъ дѣло, кто нибудь изъ семьи спѣшно уберетъ дворъ и „зыхвордсницъ“⁴⁴⁰⁾ его, такъ что гость будетъ выходить изъ дому по преобразованному двору...

Передъ входомъ въ сѣнныя двери приходится стать на „ганыкъ“⁴⁴¹⁾, которымъ бываетъ или небольшой деревянный помошь съ однимъ-двумя „уступцами“, или широкій брусъ, одна двѣ плахи, или плоскій камень, даже старый, иногда разбитый жерновъ. Когда сѣнной порогъ довольно высокъ, а это такъ обычно ради того, чтобы въ сѣни не забиралась мелкота изъ домашнихъ животныхъ, то по другую сторону его, уже въ сѣняхъ, бываетъ соответствующій помошь, или подкладка, особенно, если сѣни немощеныя.

Самая дверь бываетъ низка и узка (2 арш. 5 верш. высотой и 15—20 верш. шириною), и чтобы безнаказанно пройти чрезъ нее, такъ необходимо нагнуться, подобно тому, какъ это дѣлаютъ постоянные жильцы дома, у которыхъ сила этой привычки такъ развита, что, при наступленіи на „ганыкъ“ ногою, голова машинально наклоняется передъ двернымъ „ушакѣмъ“⁴⁴²⁾

и выпрямляется по ту сторону его. По силѣ привычки, такой поклонъ обязательно сдѣлаютъ жильцы и при другихъ положеніяхъ, лишь бы нога ступила на такой, или иной помостъ...

Въ простѣйшихъ случаяхъ сѣнная дверь есть нѣсколько досокъ, по возможности, плотно прилаженныхъ другъ къ другу и скрѣпленныхъ „иглицами“ ⁴⁴³⁾ со стороны сѣней, на двухъ гнутыхъ деревянныхъ петляхъ, вздѣтыхъ на деревянные крючья съ той же стороны. Вверху и внизу дверное отверстие ограничивается заметными бревнами, а по сторонамъ — „шүлинками“ съ парами для сѣнного замка. Все это вершаетъ туго вправленный колышекъ (8 верш.), при помощи котораго дверь „одхутайтца и зыхутайтца“ ⁴⁴⁴⁾; тутъ же, въ крайней доскѣ, недалеко отъ колышка, вбивается желѣзный „чѣпиль“, а противъ него, „въ шүлини“ — желѣзная „клямка“, ⁴⁴⁵⁾ для болѣе прочнаго затвора двери и привѣса замка. Для запора той же двери съ внутренней стороны имѣется то деревянная, то желѣзная „засѣвка“ которая иногда можетъ запираться и снаружи чрезъ косяковую пробоину особымъ желѣзнымъ ключомъ ⁴⁴⁶⁾. Но есть и другой видъ „засѣвки“: съ внутренней стороны двери, на особомъ шарнирѣ, прилаживается нетолстый брусъ, или жердочка, кои другимъ концомъ входятъ въ отдѣльный крюкъ „шүлинки“. При помощи веревочки, однимъ концомъ проходящей наружу чрезъ дверную доску, такая „засѣвка“ можетъ подниматься и опадать въ гдѣздо между крючкомъ и „притылыкомъ“ ⁴⁴⁷⁾, или же это дѣлается рукою чрезъ сквозную прорѣзь двери.

Сѣнная дверь съ такими приспособленіями есть крайняя, хотя и нерѣдкостная. При лучшихъ условіяхъ, та же дверь будетъ вправлена въ косячатые брусья, будетъ на желѣзныхъ завѣсахъ и съ желѣзною задвижкой. Къ этому остается прибавить, что та и другая дверь отворяется внутрь сѣней и непременно съ правой стороны. — Минуя небольшой проходъ сѣней, посетитель очутится передъ такою же дверью, ведущею внутрь хатки.

II. Хатка снаружи.

Хатка, куда приходится зайти посетителю, имѣетъ слѣдующія названія: „хорóма, хорóмина, хацѣнка, халупка, хабунька, хибарка“ ⁴⁴⁸) и мн. др. Въ этихъ разнообразныхъ именахъ хатки не всегда скрыты малообъемистость, неряшливость, относительная старость ея: по смирению, иной назоветъ „халупкою“ совершенно новую избу; другой, напротивъ, полуразваливающуюся хатку именуетъ „хорóминный“, или „пылацымъ“ ⁴⁴⁹). Но подъ какимъ-бы именемъ ни выражено было понятіе хатки, всѣмъ понятно, что тутъ идетъ рѣчь о жиломъ помѣщеніи деревлянина, а преувеличенное названіе предмета, иносказаніе о немъ вызоветъ развѣ улыбку, а не недоумѣніе, не непонятливость. Съ такимъ предварительнымъ взглядомъ нелишне первоначально ознакомиться съ внѣшнимъ построениемъ хатки, которое изъ края въ край, у богача и бѣдняка, „жыхыра“ и бобыля имѣетъ шаблонную однообразность.

Когда мѣсто для хатки облюбовано, когда по немъ пришли и сказались благопріятными всѣ вѣковѣчныя на сей предметъ испытанія, и когда оно удовлетворяетъ строительнымъ требованіямъ, т. е. между прочимъ, имѣетъ нужную „ривнядь“ ⁴⁵⁰), тогда къ дѣлу приступаютъ мастера, которые, послѣ традиціонныхъ подступовъ, кладутъ первый вѣнецъ ⁴⁵¹) непосредственно на землю и на нѣкоторое время прерываютъ работу—перепиваютъ и перекусываютъ. Нужно замѣтить, что эти фундаментныя бревна бываютъ значительно толще остальныхъ; послѣ вѣчныхъ надрубовъ они оставляются съ болѣе удлиненными концами, примѣрно, равными ширинѣ будущей завалинки. Уже спустя „ладную часинку“ ⁴⁵²), въ которую вошелъ иногда и краткосрочный сонъ, мастера приступаютъ къ дальнѣйшей, безостановочной работѣ. Отъ пухляго „тяпъ да ляпъ“ дня въ три создается тотъ „корабль“ ⁴⁵³),

въ которомъ поплыветъ по великому житейскому морю крестьянская жизнь...

Правильность избыного четырехугольника достигается не при помощи плотничьяго наугольника, а „цимьками“⁴⁵⁴) мастеровъ, при чемъ, наиболее предусмотрительный, или нежелающій скомпрометировать себя мастеръ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣреніе противолежащихъ угловъ какою-либо старою, достаточно обтянувшеюся веревкой: равно разстояніе однихъ противолежащихъ угловъ разстоянію другихъ такихъ же угловъ—правильность избыного четырехугольника достаточно опредѣлилась; если же вышла незначительная неточность, такъ стоитъ ли хлопотать объ исправленіи ея?—Точно также навичный, а тѣмъ болѣе начинающій мастеръ не станетъ возиться съ плотничьимъ отвѣсомъ, а вертикальное положеніе стѣнъ опредѣлитъ тѣми же „цимьками“. Такимъ образомъ, изъ-подъ рукъ деревенскихъ плотниковъ можетъ выйти иногда дважды косая хатка: съ косымъ четырехугольникомъ и съ косыми стѣнами, даже и тогда, когда ненавичный плотникъ будетъ пользоваться надлежащими указаніями и нѣкоторымъ руководительствомъ настоящихъ мастеровъ.

Если спускъ бревенчатыхъ пазовъ и угловыхъ соединеній дѣлается небрежно, неумѣло, то часто глубокія щели между бревнами обильно уснащаются мхомъ, такъ какъ хатка должна быть прежде всего мшеною. Въ первый годъ, пока мохъ и бревна сыроваты, хатка держитъ достаточное тепло; на другой годъ, благодаря лѣтней высушкѣ и отчасти хищничеству мелкихъ птишекъ, несмотря даже на осѣданіе хатки, послѣдняя удерживаетъ лишь половину прежняго тепла. Здѣсь-бы умѣстно было притти на помощь съ конопаткой; но до этого додумываются немногіе, тѣмъ болѣе, что пакля употребляется на довольно разнообразныя надобности, какъ о томъ сказано было раньше⁴⁵⁵). Большинство жителей предоставляет дѣло времени: осядетъ хатка—бревна прилегутъ плотнѣе другъ къ другу, а тѣмъ временемъ снаружи и

внутри может набѣжать случайная конопатка—и должное тепло придетъ само собою. Но пока оно придетъ, внутреннія щели хатки начнутъ конопатиться затычками вычесанныхъ волосъ, наскоро встѣнутыхъ да такъ и забытыхъ тряпичныхъ обрывковъ, и, въ особенности, безчисленными семьями пѣбныхъ паразитовъ, съ которыми со второго года существованія хатки зачинается жестокая война, затягивающаяся до конца службы хатки... ⁴⁵⁶).

На высотѣ пятого вѣнца прорубаются окна (4—3 окна), кои бываютъ двухъ видовъ: меньшія—„болончитыи“ и большія—„кватэрчитыи“ ⁴⁵⁷). Въ тѣхъ домахъ, гдѣ хозяева „видѣли свѣтъ“, или „бѣруць на пыхи“, послѣднихъ оконъ будетъ два, или, по крайней мѣрѣ, одно, при „кѹци“; но гдѣ нѣтъ этого, тамъ и всѣ окна будутъ только „болончитыми“. Эти скромныя по размѣрамъ (предѣльною длиною ихъ можно считать 8 верш., а высоту—6 верш.) окна есть ничто иное, какъ равномерный прорубъ въ двухъ, лежащихъ другъ на другѣ бревнахъ, до двухъ третей каждаго бревна. По окончательномъ сооруженіи хатки, просѣки съ наружной стороны заставляются мѣрными „вокошкыми“ съ остекленіемъ, гдѣ рама (8×6 верш.) имѣетъ по срединѣ вертикальную перегородку и куда стекла разъ навсегда вправлены въ рамочные пазы; съ внутренней же стороны тѣ же просѣки заволакиваются мѣрными досками, свободно отодвигающимися въ сторону. Эти волоковые доски зимнею порою имѣютъ подобіе и значеніе „подвойныхъ вокошкѣ“, въ лучиночные вечера они прикрываютъ для любопытныхъ домашнее нестроеніе, кое-когда даютъ возможность произвести днемъ искусственную темноту ⁴⁵⁸), а лѣтомъ, когда окна вынимаются окончательно и когда жильцы пользуются свѣтомъ непосредственно отъ свѣтоснаго источника, волоковые доски даютъ необходимую ради спасенія отъ мухъ темень, или же—защиту отъ лѣтнихъ холодовъ.

„Кватэрчитыи вокошки“ зачинаются на той же высотѣ, т. е. съ пятого вѣнца, и мѣстонахожденіемъ ихъ слѣдуетъ считать

обѣ стороны краснаго угла. Эти окна приходится назвать большими лишь относительно: по внѣшнему виду они представляютъ квадратныя прорубы, каждая сторона которыхъ равняется 12 верш., рѣдко — 1 арш. Существенное отличіе большихъ оконъ состоитъ въ томъ, что они имѣютъ косящатыя „прѣтылки“, или, по крайней мѣрѣ, — двѣ боковыя стойки, въ пазы которыхъ плотно входятъ концы урѣзанныхъ бревенъ. Въ послѣднемъ случаѣ подоконникомъ является не подложенная доска, а стесанная, по возможности, гладко сторона бревна, какъ то бываетъ у „болончатыхъ вокошикъ“. Какъ замѣчено выше, большія окна составляютъ щегольство и даже роскошь дома; болѣе скромное положеніе, погоня за теплотою и нѣкоторая закоснѣлость пригоняютъ къ довольству одними только малыми окнами: тутъ меньше расходу на остекленіе, можно приладить волоковыя доски и нѣтъ надобности въ употребленіи соломенныхъ матовъ, какъ это необходимо зимою порою, или же не вызываетъ построеніе „окѣйницъ“⁴⁵⁹).

Одновременно съ оконными просѣвками идетъ капитальный просѣкъ для входной двери. Чтобы удержать разъединенныя бревна, концы сихъ послѣднихъ сдерживаются шипами (шипъ вколачивается въ нижнее бревно и входитъ въ соотвѣтственный пазъ верхняго). При окончательномъ сооруженіи хатки и при посадкѣ двери, дверной просѣкъ вершится тремя косяками. О высотѣ и ширинѣ готоваго просѣвка нельзя устанавливать точной мѣры: въ иной хаткѣ просѣкъ позволяетъ пройти безъ наклона головы человѣку средняго роста; тамъ же, гдѣ гоняются за теплотой, этотъ просѣкъ будетъ немногимъ больше сѣннаго. Въ томъ и другомъ случаѣ высота просѣвка убавляется высокимъ порогомъ, и чтобы переступить послѣдній, приходится заносить ногу значительно выше обыкновеннаго⁴⁶⁰).

Количество вѣнцовъ въ выведенныхъ стѣнахъ опять же не поддается условному числу: тутъ все зависитъ отъ толщины бревенъ. Если бревна имѣютъ діаметръ въ 4 верш., то стѣны закан-

чиваются на 15 вѣнцѣ: тогда получится хатка болѣе средней вышины. Въ этомъ случаѣ послѣ 12—13 вѣнца кладутся три потолочныя „бальки“, кои потомъ закрываются однимъ-двумя заключительными вѣнцами. Когда такимъ образомъ выведены стѣны, на вершинныхъ бревнахъ уставляются крѣквы (4—5 парь), то въ бревенные прорубы, то прибиваются къ бревнамъ прочными деревянными гвоздями. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ настилка „латывъ“, кои въ соединеніи съ крѣквами даютъ „поплѣть“, будучи прикрѣплены къ латамъ прутьями. Такое прикрѣпленіе „латывъ“, весьма обычное въ остальныхъ строеніяхъ, гдѣ дѣло идетъ спѣшно, въ хаткѣ бываетъ значительно рѣже; обыкновенно „латы“ прикрѣпляются къ крѣквамъ деревянными гвоздями.

Когда „поплѣть“ готовъ, по немъ стелется соломенная крыша, которая бываетъ: простая и „подъ щетку, или гребенку“ ⁴⁶¹). Последняя, наиболѣе прочная и красивая вызываетъ отдѣльныхъ знатоковъ кровельнаго дѣла,—что для большинства недоступно и несовсѣмъ сподручно, особенно, если дѣло сводится къ скорѣйшему окончанію хатки. Гдѣ есть достатокъ хвойнаго лѣса и гдѣ умѣютъ дѣлать кое-какія драницы, соломою покрываются лишь верхнія половины крыши; остальные же части ея настилаются драницами, для прикрѣпленія которыхъ служатъ настильные тонкіе брусья по линіи, гдѣ одинъ рядъ драницъ примыкаетъ къ другому. Такія типичныя крыши почему-то чаще встрѣчались у „казѣнцевъ“ ⁴⁶²) (Поддубье, Витеб. у., окрестности Спасскаго и Махирова, Пол. у.).

Доведенная до накрышки хатка „столицца дѣшкыми“, т. е. постигается по балкамъ пилеными, а въ бѣдныхъ положеніяхъ тесаными досками, даже стесаными половинниками, но плоскою стороною внизъ; при чемъ, для прочности, каждая „дѣшка“, а половинникъ—по преимуществу, прибивается къ балкамъ однимъ, двумя или тремя деревянными гвоздями. Последнее является несовсѣмъ желательнымъ: дырчатая балка теряетъ долю прочности;

кромѣ того буравчатая или долотная дырѣя въ балкахъ не могутъ считаться благопріятными по чисто-суетвѣрнымъ причинамъ ⁴⁶³).

Со стороны „горы-столь“ ⁴⁶⁴) обильно настиляется мхомъ, кострикою, усыпается слоемъ земли верш. на 2—3, втаскиваемой туда въ ведрѣ или мѣшкѣ, на веревкѣ. Земляное наслоеніе снова засыпается „кострой“. Благодаря сему, хатка достаточно защищена сверху на предметъ выхода „скрозь-столь“ избыного тепла, какъ и протока въ нее оттуда же внѣшняго воздуха. На послѣдній случай „гыра-защитывыитца“ съ фронтальной части крыши, т. е. забирается тонкими досками, не менѣе тонкими половинниками, или же заборными предметами—тонкими бревнышками, иногда слегка стесанными съ обѣихъ сторонъ. Но если фронтальная часть имѣетъ спускную крышу,—что проще и обыденнѣе, тогда „гыра“ защищена отъ вѣтра и холода наиболѣе желательнымъ образомъ.

Какъ въ хаткѣ, такъ и во всѣхъ другихъ строеніяхъ стороны крыши дѣлаются весьма „отвѣтными“ ⁴⁶⁵), и въ соединеніи образуютъ прямой и даже тупой уголъ. Видимые недостатки такой крыши стараются объяснить тѣмъ, что по ней удобнѣе ходить при сгребаніи снѣга зимнею порой, что на ней задерживается дождевая влага, необходимая крышѣ послѣ сухихъ дней, и т. под. Вѣрно-ли это—не приходится оспаривать; но нельзя не примолвить, что мѣстные кровельщики боятся ползать по крутой крышѣ и дѣлаютъ ее „отвѣтный“ ради личныхъ удобствъ...

Вполнѣ законченная крыша вершется отдѣльной настилкою и насыпкою вдоль гребня кострики, для удержанія коихъ кладутся по гребню спеціальныя бѣзлы на аршинномъ и болѣе разстояніи другъ отъ друга. Кромѣ прямой цѣли, это придаетъ хаткѣ, какъ и другимъ постройкамъ, красоту и типичность, кои составляютъ обособленность то отдѣльной „сялибы“, то цѣлой деревни,

гдѣ гребни крышъ увѣнчаны стройными, однообразными „рогульками“⁴⁶⁶).

Стрѣховые концы крыши, куда пришлись „комлёвыя“ части соломы, уравниваются лопатнымъ приборомъ, или надрѣзываются косою, сѣчкою, большимъ ножомъ. Что же касается уравниванія бревенныхъ концовъ по угламъ, то это дѣлается послѣ всѣхъ плотничныхъ и каменныхъ работъ, дѣлается глазомѣрною отпиловкою концовъ, топорнымъ обрубомъ „ны цямки“,—что можно видѣть въ значительномъ большинствѣ строеній, а нѣкоторыя изъ нихъ, даже хатка, такъ и остаются до конца дней своихъ съ необрубленными углами.

Заботы о прочности и должайшей по возможности службѣ хатки обязываютъ щадить бревно, которое не стесывается ни снаружи, ни внутри: равняются и стесываются лишь сучковатости бревна и прилегающія къ нимъ мѣста, или дѣлается то же въ отношеніи кривыхъ бревенъ. Такимъ образомъ, мѣстная хатка есть бревенчатая въ полномъ значеніи слова, и изъятій окажется немного, развѣ въ позднѣйшихъ постройкахъ.

Обычнымъ строительнымъ матеріаломъ для хатки служатъ ель и сосна, которыхъ пока достаточно на мѣстныя надобности. Но гдѣ есть недостатокъ въ краснолѣсѣ и подручнымъ является только чернолѣсье, тамъ встрѣчается хатка и другія хозяйственныя строенія изъ березовыхъ, даже „юдашѣвыхъ бирвеннивъ“⁴⁶⁷). Нѣтъ надобности удостовѣрять, что такія постройки недолговѣчны и тогда, когда бываютъ холодными; что же касается теплыхъ помѣщеній, то строительный матеріалъ изъ чернолѣсья едва цѣлѣетъ до 15 лѣтъ, послѣ чего онъ начинаетъ „трупехныць“⁴⁶⁸), обращаться въ „пырохню“; даже въ первые годы онъ выпускаетъ губку за губкой не только снаружи, но и внутри, и это не похоже на хатку изъ краснолѣсья, гдѣ съ теченіемъ времени бревно крѣпчаетъ, особенно внутри, настолько, что въ него трудно вколотить желѣзный гвоздь, впустить буравъ и долото и только ниж-

ніе вѣнцы, соприкасающіеся съ землей (завалинки съ трехъ наружныхъ сторонъ) подгниваютъ скорѣе верхнихъ; но это можетъ случиться лишь въ такой срокъ, когда березовая, напр., хатка придетъ къ окончательному разрушенію.

Когда матеріаломъ для хатки были исключительно сосновыя, наиболѣе смолистыя бревна, и когда они заготовлены въ условную нору ⁴⁶⁹), то нельзя удивляться, если хатка пріютитъ два и даже три поколѣнія, т. е. просуществуетъ около 100 лѣтъ. По общему удостовѣренію, позднѣйшій, хотя бы и довольно толстый, смолистый лѣсъ, не выдерживаетъ такой долговѣчности, и единственнымъ пока исключеніемъ служатъ при-двинскіе лѣса Вел. у. и, въ особенности, сосновый лѣсъ изъ тиостенскихъ дачъ, Гор. у., гдѣ почва придаетъ дереву особенныя строительныя достоинства, по крайней мѣрѣ, въ памятное время этотъ лѣсъ имѣлъ преимущественную цѣнность на лѣсномъ рынкѣ.

Чисто дубовой, ясеновой и кленовой хатки нельзя встрѣтить, сколько потому, что эти деревья не составляютъ большихъ, сплошныхъ лѣсовъ, а если и такъ, то доступъ къ нимъ труденъ, столько и потому, что строительная обработка крѣпкаго матеріала значительно труднѣе. „Хилый бѣлоруссъ“ и не гонится за упрямымъ строительнымъ матеріаломъ, употребляя его развѣ на „шұлы“, на отдѣльныя части построекъ да на мелкія подѣлки—экипажныя, бондарныя и другія. Въ свою очередь, нельзя встрѣтить и „кымянціцъ“ ⁴⁷⁰), до которыхъ и не думалъ доходить простолюдинъ воспоминаемаго времени, хотя тамъ и здѣсь видѣлъ ихъ въ господскихъ усадьбахъ и въ общественныхъ зданіяхъ (корчмы). Это вызывало не только непривычное грязное отъ начала до конца занятіе, какимъ на самомъ дѣлѣ является обработка кирпичей, но и специальныхъ знатоковъ каменной стройки,—вызывало много другихъ непонятныхъ расходовъ, а главное—могло ложиться давленіемъ на перемѣну вѣковѣчныхъ привычекъ: какъ тутъ приладить необходимыя внутреннія приспособленія, вколотить, напр., въ

стѣну деревянный гвоздь для ручника, высверлить дырѣя для „мувальныхъ“ надобностей.

По тѣмъ же причинамъ хатка не имѣетъ даже каменнаго фундамента и нижнимъ вѣнцомъ стоитъ непосредственно на землѣ. Если мѣсто задалось не съ сырымъ грунтомъ и если къ хаткѣ нѣтъ подтека, то фундаментный вѣнецъ продержится дольше; въ противномъ случаѣ первовѣнечныя бревна, послѣ нескончаемаго пороста губокъ и грибовъ, подгниваютъ—и хатка почти равномерно осѣдаетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ тутъ проходитъ единственная въ своемъ родѣ картина: построивъ хатку въ красную пору жизни и, скажемъ, приспособивъ ее къ своему росту, въ дальнѣйшее время, по мѣрѣ осѣданія хатки и самого строителя, послѣдній, незамѣтно для себя и другихъ, до конца дней своихъ остается въ одномъ и томъ же отношеніи къ высотѣ хатки... Такъ, осѣданіе хатки предоставляется естественному теченію, и подгнившія бревна не замѣняются новыми, потому что строительнаго подвѣса зданій деревляне опасаются: скоростѣлая кладка стѣнъ и ненадежныя скрѣпы ихъ при подъемѣ могутъ грозить разрушеніемъ постройки, которая нерѣдко не переноситъ снѣжныхъ залежей на крышѣ и средней бури... Впрочемъ, осѣданіе хатки еще не очень грозно, и только наиболѣе рослому приходится ходить въ ней согнувшись. Иное дѣло, когда у той же хатки начнутъ отгнивать наружныя углы, да стѣны „кырыбáцютца“, но и тутъ жильцы не особенно горюютъ: мѣсто отпавшаго углового конца обильно замазывается глиною, а выпершіяся бревна подпираются снаружи, или снутри бревенчатыми подпорками. Слѣдуетъ оговориться, что къ подпоркамъ хатки приводитъ захудалое „жыхырство“, или же извѣстная всѣмъ безпечность бобыля.

Скорѣйшему, по крайней мѣрѣ, неудержимому осѣданію хатки отъ нижнихъ вѣнцовъ весьма много способствуютъ три завалинки, изъ коихъ одна дѣлается со стороны хлѣва, а двѣ остальные, болѣе благоустроенныя—съ фронтона и надворной стороны. Зани-

мая по меньшей мѣрѣ, высоту двухъ вѣнцовъ, завалинки медленно, но прочно гноятъ нижніе вѣнцы. Это знаютъ устроители хатокъ и всетаки не отстаютъ отъ завалинокъ, которыя существеннымъ образомъ защищаютъ фундаментъ отъ холода и вѣтра, но въ то же время даютъ самую удобную лавочку для сидѣнья и лежанья лѣтнею порой, такъ какъ благоустроенныя завалинки имѣютъ дерновую поверхность и, по возможности, оберегаются отъ куръ и свиней.

Обращаясь къ послѣднему требованію отъ хатки—размѣрамъ ея—приходится вспомнить, что обычная непритязательность простолюдина, скромныя требованія его, или лучше—способность и умѣнье „жиць, якъ ныбгѣць“⁴⁷¹⁾, довольно осязательно сказались на размѣрахъ хатки. Относительно скромности таковыхъ простолюдинъ разсуждаетъ, что „у цясноци якъ-ни-якъ прыживѣмъ, абы тольки ни въ обѣди“. Въ самомъ дѣлѣ: на что ему хата, которая своими размѣрами не подходитъ къ малорослости жильца? На что ему „стодола ёдыкыя, стайня, лядовня, вывѣвня?“⁴⁷²⁾ Вѣдь не „балы былюваць, ни пиры пироваць“ приходится въ хаткѣ, а только „жиць-спыживаць“⁴⁷³⁾, ды дѣбрыя ныживаць?!“ А такой рай можно сыскать не только въ хаткѣ, но и подъ елью, когда только есть „хлѣба край“.

Къ построенію скромной хатки, между прочимъ, приводитъ и сдѣпленіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Такъ, срубить „товстыю ляснину“ нѣсколько трудновато и не всегда сподручно, а захудалая лошадка едва ли выволочетъ „товстыя, довгоя бпрвяно“ съ мѣста порубки; мастерамъ труднѣе поднимать на высоту такое бревно... Стачивать же бревна, какъ то дѣлаютъ городскіе плотники при большихъ деревянныхъ постройкахъ, для хатки неудобно: сдѣлать это не всякій сможетъ, при томъ же въ хаткѣ окажутся лишнія щели, а главное—чрезъ то нарушается цѣлостность хатки и стройки ея⁴⁷⁴⁾. Такимъ образомъ мѣстная хатка невольнo остается въ скромныхъ размѣрахъ, и непривычный посѣтитель

удивляется имъ, когда познакомится съ наличностью хатки, т. е. съ составомъ жильцовъ, съ недвижимою и движимою принадлежностью ея. И жутко становится за человѣческое жильё, состоящее изъ одной комнаты, длина которой колеблется между 2 саж. 2 арш. и 3 саж., а ширина — того меньше, или же равна длинѣ ⁴⁷⁵), при высотѣ въ 1 саж. и 4—8 вершковъ! А между тѣмъ жильцами такой хатки являются: человѣческая семья въ 5—10 душъ, семья куръ въ подпечникѣ, ягнята съ матерью, теленокъ и поросята — въ подпольи, въ морозную „стыдь“. Прибавивъ къ сему передвижные и неподвижные предметы — громадную печь, двойныя нары для спанья, лавки, скамьи, столъ, ручные жернова, ступу, складаща, свиное корыто и многочисленныя мелочи — приходится удостовѣрять, что отдѣльный жилецъ пользуется правомъ на слишкомъ скромное количество куб. фут. порочнаго воздуха хатки. Лѣтомъ, когда обитатели хатки могутъ разойтись по вольнымъ мѣстамъ — куры — на хлѣвныя и повѣтныя „куршесци“ ⁴⁷⁶), подвѣсившіяся четвероногія — въ поле и хлѣва, люди — въ рабочіе углы на день — въ сѣни, клѣть, сарай, въ открытое поле — на ночь: тогда и бѣдное содержаніе воздуха въ хаткѣ менѣе замѣтно, чѣмъ зимою, когда жильцы и подроставшіе пособники ихъ, на день и ночь безсмѣнно, сойдутся въ закупоренномъ помѣщеніи, содержащемъ много-много 2880 куб. фут. воздуха! Если хатка хорошо замшена, а окна и дверь плотно пригнаны, то, къ ужасу жильцовъ, въ иной зимній вечеръ вдругъ и безпричинно гаснетъ завѣдомо сухая лучина ⁴⁷⁷), или, по крайней мѣрѣ, „неясно горитъ (не будучи) полита злою свекровью...“ Неудивительно, что вся содержимость хатки имѣетъ специфическій „пахъ“, тотъ дивный „пахъ деревенщины“, который выдаетъ простолюдина вдали отъ хатки и домашней обстановки и съ которымъ онъ не расстаётся отъ колыбели до могилы... Непривычный посѣтитель долженъ приготовиться къ такому „паху“, не „гербывиць“ имъ во время пребыванія въ хаткѣ и не сѣтовать особенно, если „пахъ“ при-

вьется на нѣкоторое время къ одеждѣ, въ той увѣренности, что онъ не замедлитъ отстать...

Такова во внѣшнемъ построении бытописуемая хатка, подъ кровъ которой жильцы уже могутъ войти, если только при семъ готово внутреннее размѣщеніе и обычный распорядокъ крестьянской избы и, какъ послѣдняя сложена, устроена у единицы, точно такую же будетъ она у сотни и тысячи единицъ, различая лишь положеніемъ входной изъ сѣней двери,—на что указываютъ чертежи А и Б (послѣдній помѣщенъ ниже): въ первомъ такой входъ приходится справа, а во второмъ—слѣва. Но отъ этого существеннымъ образомъ не измѣняется ни внѣшній видъ, ни тѣмъ болѣе внутренній распорядокъ хатки.

III. Хатка снутри.

Будетъ ли жилая изба помѣщаться справа, или слѣва, входная въ нее дверь обязательно открывается въ сѣни и въ сторону хлѣва (е на черт. А). Въ прибѣдненномъ состояніи хозяина и, особенно, при захолустномъ положеніи его, эта дверь будетъ отличатся отъ сѣнной развѣ только болѣе плотнымъ соединеніемъ досокъ да наилучшею пригнанностью къ „кысикамъ“: тѣ же деревянные „гнуцики“ петли, тѣ же два деревянные крюка, для навѣшиванья двери, и тотъ же колокъ въ срединѣ крайней, противоположной отъ петель доски, для отвора и затвора двери. Но такая, вполне деревянная дверь—очевидная крайность, вызванная предѣльнымъ убожествомъ, скаредностью, или невѣжествомъ, благодаря которому внукъ не сумѣлъ пойти дальше дѣдовской „дваринины“. Преобладающее большинство спѣшитъ устроить ее на двухъ желѣзныхъ „завѣсиныхъ“, которыя проходятъ рядомъ

съ „иглицы“ чрезъ всю ширину двери, для поддержанія чрезъ то лучшей скрѣпы досокъ,—и петли которыхъ ходятъ на прочныхъ желѣзныхъ крюкахъ. Въ свою очередь и колокъ-ручка замѣняется здѣсь спеціальною дверною „клямкы“. Несмотря на такую благоустроенность, избяная дверь не замедлитъ приблизиться къ простѣйшей сестрѣ своей: полусухія доски даютъ щели, которыя потомъ затыкаются клоками пакли и шерсти, или тряпичными обрывками; въ мѣстахъ же соединенія съ притолочными пазами щели бываютъ шире и глубже и, разумѣется, вызываютъ болѣе содержательныя затычки изъ пакли, шерсти и тряпокъ, кое-какъ прикрѣпленныхъ то къ двери, то къ „косякамъ“.

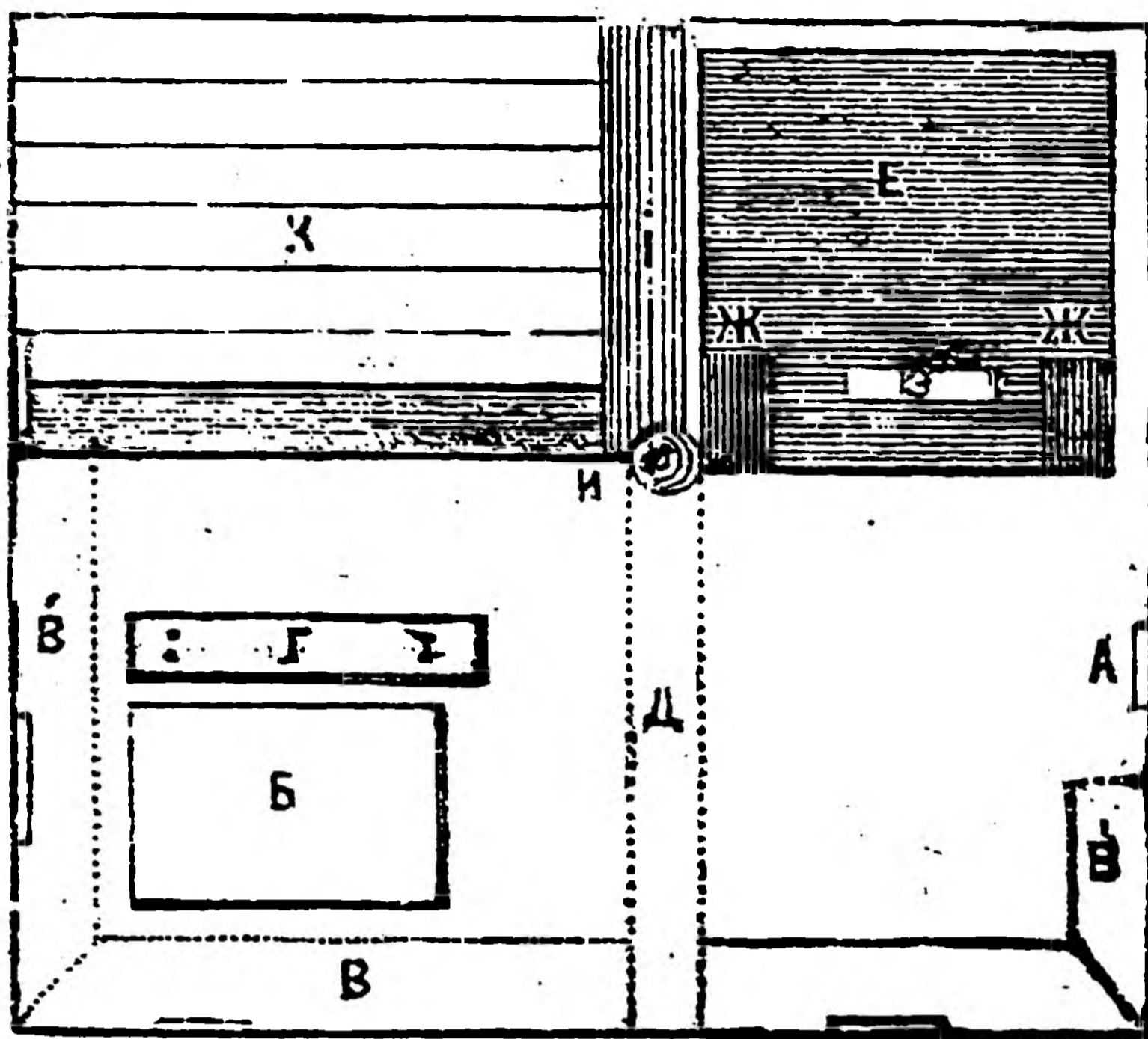
При входѣ въ хатку первое вниманіе посѣтителя останавливается на полу, который у двухъ третей деревлянъ былъ земляной: онъ такъ и назывался „землей“, каковое названіе пола, по привычкѣ, переходило и на „мосничный“ ⁴⁷⁸⁾ полъ, состоящій то изъ пиленыхъ досокъ, то стесанныхъ половинниковъ, уложенныхъ плоскою стороною вверхъ.—Благодаря первоначальной уграмбовкѣ, притаптыванію ходьбою и воздѣйствію внутренней теплоты, земляной полъ съ теченіемъ времени укрѣпляется настолько, что каблучные гвозди и подковы слабо отпечатываются на его поверхности, даже при „тынцы-плясыхъ“ ⁴⁷⁹⁾. Несомнѣнно, что глиняный полъ былъ бы значительно лучше; но отъ устройства его многіе деревляне воздерживаются, между прочимъ, и потому, что упавшее, напр., дитя больнѣе ушибется, а съ глиняною посудиною выйдетъ и того хуже, между тѣмъ какъ то и другое паденіе будетъ безнаказаннѣе на чисто земляномъ полу. Скажутъ, что земляной полъ даетъ холодъ и сырость; но послѣдней простолюдинъ не замѣчаетъ, а въ огражденіе отъ холода, особенно зимнею порой, онъ устилаетъ полъ соломой.

Съ теченіемъ времени чисто земляной полъ становится ниже своего первоначальнаго устоя, и это происходитъ не отъ утапты-

ванія его, а отъ незамѣтнаго воздѣйствія на поверхность того скромнаго, часто мягкаго вѣничка, который сначала потѣшитъ тѣло въ банѣ, а потомъ станетъ „скакать по избѣ, хвыросциць“ ее иногда по нѣскольку разъ въ день. Если присмотрѣться къ выносимой изъ избы „шумы“, то значительная часть послѣдней будетъ состоять изъ чисто земляныхъ частицъ. Такимъ образомъ земляной полъ становится все ниже и ниже, и вступленіе въ какую-нибудь престарѣлую хатку обязываетъ входящаго опускать ногу значительно ниже, чѣмъ то бываетъ при вступленіи въ новую съ такимъ-же землянымъ поломъ ⁴⁸⁰).

На метеніи земляного пола заканчиваются всѣ заботы о чистотѣ его; но и доля досчатаго пола едва ли можетъ быть названа лучшею. Правда, онъ метется такъ же исправно, какъ земляной, при помощи вѣника и съ него снимается почти все, что нанесено въ хатку обувью и босыми ногами. Но тутъ же за продолжительные сроки, на полу толстою корою нарастаетъ слой грязи, образуются даже грязевые бугорки, такъ что названіе досчатаго пола „зямлей“ можетъ имѣть немного преувеличенія. Заботливыя хозяйки принимаютъ періодическія мѣры для сведенія половой грязи: полвъ предварительно полъ водою и размочивъ слой грязи при помощи заступа, желѣзной лопаты, вѣничнаго и метельнаго голика, онѣ сводятъ грязь, а дальнѣйшими усиліями достигаютъ и нѣкотораго просвѣтленія пола. Этотъ немалый трудъ допускается разъ, много два въ году; но такъ-какъ къ существующему въ избѣ „паху“ мытье пола придаетъ новый, на нѣсколько дней слишкомъ сыростный „пахъ“, и такъ-какъ новое загрязненіе пола не замедлитъ возобновиться, то можно считать что мытьемъ пользуются далеко не всѣ деревенскіе полы, а пные не знаютъ такового во все время своего скорбнаго служенія...

Чертежъ Б.

(Отдѣльныя части хатки: а—входная дверь изъ сѣней, б—столъ, в, в, в,—лавки, г—„пиралокъ“, д—„полица“, е—печь, ж, ж—„ямки“, з—мѣсто печного устья и загнета, и—„конь, конёвый стовбъ“, і—лежанка, к—„поль“; четыре прорѣзи въ лицевой и лѣвой стѣнахъ—окна).

Въ приведенной планировкѣ хатки ⁴⁸¹), неподвижныя части ея подлежатъ разсмотрѣнію и описанію въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. „Лавы“, или лавки. Какъ извѣстно, лавками служатъ наиболѣе широкія, часто тщательно соструганныя доски. Длина лавокъ зависитъ отъ длины и ширины стѣнъ; что-же касается собственной ихъ ширины, то она не бываетъ меньше 6, хотя и не превышаетъ 10—12 верш. Будучи поднята на высоту, доступную для сидѣнія человѣка средняго роста, лавка обоими концами упирается въ угловыя части стѣнъ, однимъ же ребромъ она плотно прилегаетъ къ стѣнѣ. Для лучшаго устоя, лавка опирается серединою частью на неподвижно укрѣпленный столбикъ. Полная лавка, т. е. протягивающаяся изъ конца въ конецъ, находится только при „чистой стѣнѣ“; другая лавка, начинаясь отъ крас-

наго угла, иногда доходить только до „полу“ (к); третья же лавка, которую во многих домах замѣняетъ передвижная скамья, зачинается отъ лѣвой стороны двери и въ углу соединяется съ главною. Этотъ уголь и есть тотъ стряпной, горшечный уголь, о которомъ упоминалось раньше (см. отд. А, гл. II). Лавки замѣняютъ стулья, кресла, диванъ; въ подходящихъ случаяхъ онѣ служатъ кушеткою и кроватью. Будучи пригодными на неисчислимыя житейскія потребности, лавки служатъ: а) однимъ изъ главныхъ при-тоновъ для дѣтскихъ игръ; б) на нихъ и при нихъ проходятъ многочисленныя домашнія работы; в) тутъ коллективно и въ одиночку переживается набѣжавшая радость, выплакивается свѣжее и давнее горе; г) на нихъ посидѣльницы выводятъ тѣ безконечныя нитки, которыя впоследствии „соскутаюць“ и стараго и малаго, — выводятъ подъ собственныя пѣсни и „рѣги мальцывъ“⁴⁸³); д) сидя при почетномъ „куцѣ, купцы“ выглядываютъ дорогую „тыварину“⁴⁸⁴), заторговываютъ ее, „мирюць кунѣцу“⁴⁸⁵); е) отсюда родитель и родительница кладутъ на дѣтей свое „блыгисловѣннѣю, на вѣки нерушимыя“; ж) тутъ „частуютца“⁴⁸⁶) гѣсцики любинькѣи“; з) тутъ же, наконецъ, вылеживается „остатнѣя урѣмѣю пычаснѣй гѣсцикѣ“⁴⁸⁷)... Словомъ, какую бы ни взять сторону жизни, отправленіе этой жизни такъ и иначе соприкасается съ лавкою, хотя достаточно уже и того, что стряпной уголь при одномъ концѣ главной лавки и столовый (онъ же — „кутнѣй“) при другомъ изо дня въ день служатъ единственными мѣстами для удовлетворенія первой жизненной потребности.

2. „Кутнѣй вуголь“, или просто „кутъ“, помимо убранства единственнымъ въ домѣ столомъ съ приставными къ нему скамьями, красенъ божницей, которая возвышается нѣсколько надъ угловымъ соединеніемъ лавокъ въ красномъ углу. Въ наиболее благоустроенныхъ домахъ божницею служитъ небольшой (1 арш. высотой) угловой шкафчикъ съ створчатою дверцей, на верхней площадкѣ котораго стоймя и въ привѣсѣ на стѣнѣ размѣщены

иконы; численность послѣднихъ рѣдко превышаетъ 5—6 иконъ. Внутренность „божничный шахвычки“ хранить наиболѣе священные и вообще чтимые въ домѣ предметы: „святцѣнную“ воду, табовую же „крѣйду“, „Читварговую“ соль, „Блыговѣщину“, или другую проскурку, кусочекъ артоса, освященные хлѣбныя сѣмена, предметы изъ священныхъ мѣстъ, прибрѣтенные отъ проходившихъ богомольцевъ, или вынесенные оттуда лично, „громничныя“⁴⁸⁸⁾ и другія восковыя свѣчи, куски воска и восковыя фигурки, предназначенные на „офяру“⁴⁸⁹⁾, какъ полотенца, куски холста на тотъ же предметъ и мн. др. Если нѣтъ „божничный шахвычки“, то вмѣсто нея, на той же высотѣ отъ лавокъ, будетъ помѣщена неподвижная угловая полочка, площадка которой хранить все значеніе верхней площадки шкафчика. Крошъ иконъ, на ней и подъ ней, въ углу помѣщаются тѣ „божничныя“ предметы, о которыхъ только что упоминалось. Какъ шкафчикъ, такъ и полочка застилаются чистымъ, новымъ полотенцемъ, или кускомъ такого же холста, а всѣ иконы сообща—наиболѣе изящнымъ, длиннымъ полотенцемъ, узорчатые концы котораго спускаются на лавку.—Каковъ составъ иконъ и вообще наличность божницы, объ этомъ приходится сказать лишь немного изъ многаго. Неграмотный захолустный простолюдинъ воспоминаемаго времени, кстати, близкій къ временамъ унии, не клалъ строгаго различія между православными и католическими иконами, а прибрѣталъ тѣ изъ нихъ, кои разили яркостью красокъ, орнаментировкой, да бывали доступными по цѣнѣ. Посему въ божницѣ православнаго простолюдина рядомъ, напр., съ иконою св. Николая нетрудно было встрѣтить икону католическаго святого въ папской тиарѣ съ однозмѣйнымъ жезломъ,—встрѣтить небольшое на постаментѣ рѣзное „Рыспяцѣ“, стоящее на подоконникѣ, или на лавкѣ, близъ „кутнго“ угла,—встрѣтить и католическое размѣщеніе иконъ—надъ окнами и на стѣнахъ, при красномъ углѣ. Все

это читлось безразлично, читлось такъ, какъ можетъ чтить чисто христіанская душа.

Если досчатый полъ смывался разъ-два въ году или вовсе не зналъ мытья, если лавки, скамьи и столъ вымывались лишь изрѣдка, то домашнія иконы находились внѣ такой неисправности: въ каждую субботу, или, по крайней мѣрѣ, передъ выдающимся праздникомъ, онѣ, какъ и божница, тщательно вымывались, при чемъ мутная, часто грязная вода пріобрѣтала значеніе освященной воды, которую не выливали въ помой или нецотребное мѣсто, а единственнымъ такимъ мѣстомъ была наружная сторона краснаго угла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при болѣзняхъ, иконные помой служили лѣкарственнымъ средствомъ, наружнымъ и внутреннимъ, а немѣвше освященной воды, необходимой передъ ѣдой въ крещенскій сочельникъ и Крещеніе, смывали одну или нѣсколько иконъ обыкновенною водою и употребляли ее наравнѣ съ освященной ⁴⁹⁰).

3. Послѣ неподвижныхъ лавокъ и божницы обращаютъ вниманіе одна-двѣ небольшія полочки: одна изъ нихъ обязательно помѣщается въ стряпномъ углу, противъ печи, а другая—при стѣнѣ, противъ двери. Полочки состоятъ изъ цѣльной тонкой доски (длина доски 1 арш. 8 верш., а ширина верш. 6), держащейся на двухъ, прочно вколоченныхъ въ стѣну палкахъ, на аршинъ ниже потолка. Значеніе ихъ въ хаткѣ и служба довольно разнообразны: такъ, на одномъ концѣ полочки можно найти сухія хлѣбныя корки рядомъ съ лучкомъ щетины, завалящую ложку, черепокъ съ горстью крупы, блокъ шерсти, обернутый горшокъ, наскоро брошенный поясъ, а на другомъ—клубки пряжи, связку „ручайкъ, прѣснивъ“ и мн. др. Такое нестроеніе можно отнести къ полочкѣ стряпного угла; напротивъ, полочка противъ двери отличается однорядностью положенныхъ на нее предметовъ: шапки, платки, пояса и другіе предметы „одѣвца-обуцця“—вотъ наиболѣе видная поклажа этой полочки!—Въ отдѣльныхъ хат-

кахъ можно встрѣтить и большее число полочекъ, тогда какъ въ иныхъ положеніяхъ жильцы довольствуются лишь одною полочкою въ стряпномъ углу.

4. Больше предыдущихъ полочекъ обращаетъ вниманіе большая подпотолочная „полнца“ — широкая (8 верш.) и болѣе, прочная доска, одинъ конецъ которой вправленъ въ лѣвую чистую (см. прим. 319) стѣну, а другой покоится на столбѣ (черт. Б, лит. и), — что приходится почти на срединѣ хатки. Если „полнца“ тонка и можетъ гнуться отъ поклажи, то въ срединной части она прикрѣпляется непосредственно къ потолочной балкѣ или къ потолку, при помощи отдѣльныхъ упорокъ. Высота „полицы“ соразмѣряется такъ, чтобы подъ нею можно было проходить рослому человѣку, не задѣвая головой, и въ то же время не подымать слишкомъ высоко рукъ, когда приходится снять съ „полницы“ и положить на нее что-нибудь. Нетрудно угадать, что поверхность „полицы“ бываетъ уложена и уставлена самыми разнообразными предметами домашней обиходности. Тутъ можно увидѣть обернутый горшокъ, вскинутую одежду и почти всѣ предметы, замѣченные на полочкахъ; сюда заходитъ одинокая и семейная „кичка“; наконецъ къ сторонѣ „полницы“ привѣшивается крючковатый свѣточъ, который въ лучинную пору „свѣтитъ всѣмъ, иже въ хатинѣ суть“...

5. Пока-что преобладающее большинство хатокъ не знаетъ кроватей: угождая семейнымъ потребностямъ, тутъ пришлось-бы оставить кроватями всю малообъемистую хатку. Этотъ пробѣлъ съ очевидною пользою дѣлу возмѣщаетъ „поль“ (к) — досчатая нары, идущія отъ печи до стѣны. Длина „пола“ зависитъ отъ длины указаннаго пространства, ширина же — отъ ширины печи, такъ что приблизительная средняя мѣра площади „пола“ будетъ равняться 5—6 арш. на 2 арш. и 4 верш. Составляющія „поль“ прочныя доски или стесанные половинники плотно накладываются на крѣпкіе устои, изъ коихъ одинъ утвержденъ при стѣнѣ, а проти-

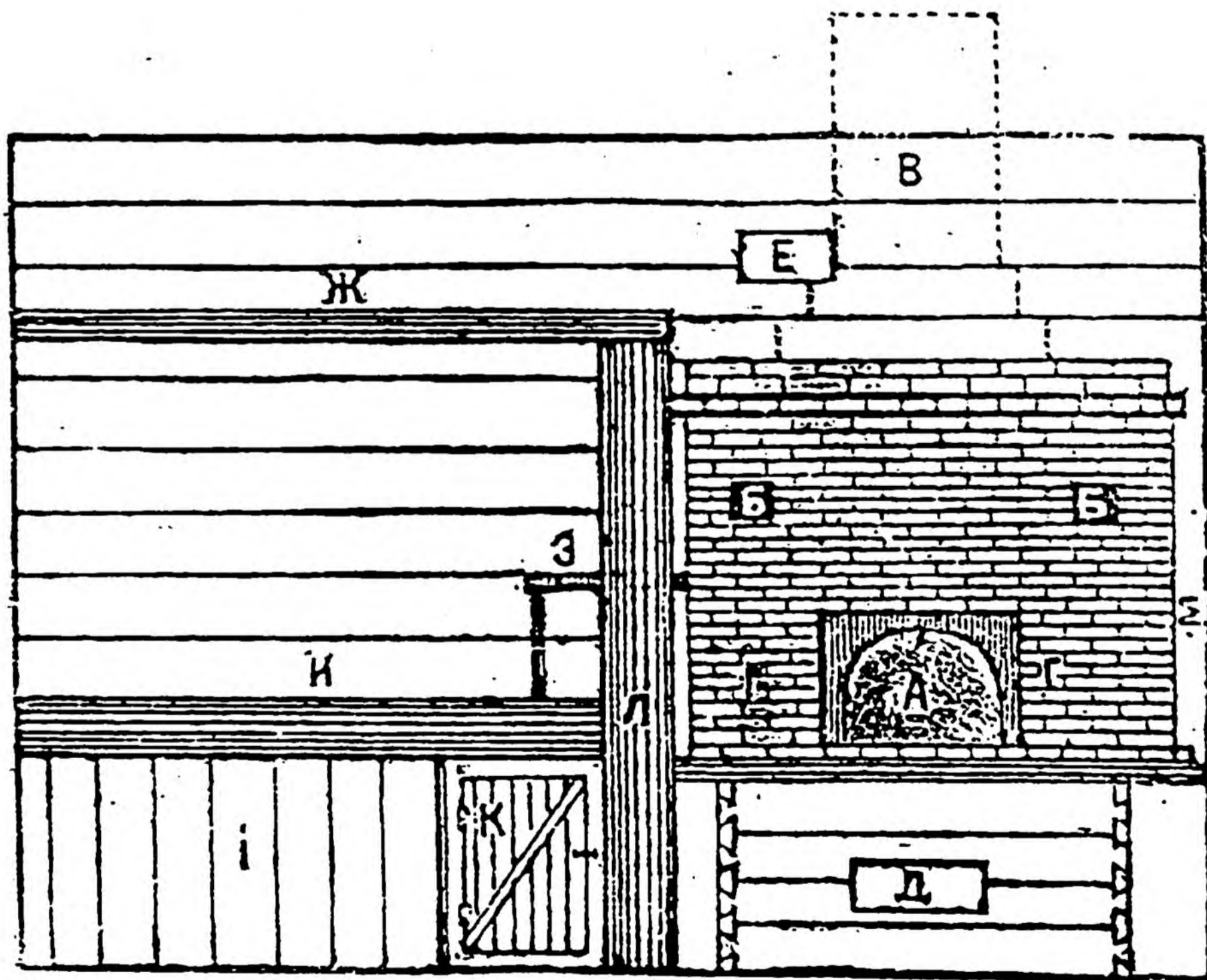
воположный—при печи. Если „поль“ длинень, а доски его тонки то подь средину „польный“ настилки помѣщается третій устой (два вкопанные въ землю столба съ перекладиною, но не кбзлы).

О житейскомъ значеніи „пола“ достаточно было сказано во второмъ отдѣлѣ, и къ этому приходится дополнить лишь то, что въ сторону хатки, гдѣ онъ заканчивается бревномъ средней толщины или брускомъ, „поль“ представляется имѣющимъ аршинную отъ земли высоту. На самомъ дѣлѣ не такъ: нормальному уменьшенію „польный“ высоты помогаетъ одно-два бревна, положенныя на землю прямо подь конечнымъ бревномъ „пола“, между тѣмъ пространство подь „полымъ“ настолько высоко, что тамъ свободно можетъ проходить 10-тилѣтнее дитя. Въ благоустроенныхъ хаткахъ подпольное отверстіе забирается „зыгрядый“ (см. чер. В, лит. і), которая при печи имѣетъ даже створчатую дверцу. Одна часть подполья отводится для помѣщенія овощей на зимнія надобности; тутъ иногда даже выкапывается неглубокая погребная яма; другая же часть подполья цѣликомъ предназначается для приюченія зимою новорожденныхъ животныхъ, а ягнать—съ матерями. Какъ уживаются въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ хозяева но ихъ семья съ юными житейскими пособниками—вопросъ друго й властительное самолюбіе человѣка въ данномъ случаѣ достаточно; удовлетворяется тѣмъ, что онъ покоится не ниже и не вровень съ пособниками, а выше ихъ, надъ ними...

б) Прямо надъ „полымъ“, имѣя ту же ширину, въ отступѣ на аршинъ отъ потолка расположены „пылаці“ —досчатая нары (черт. В, лит. ж). Довольно тонкія доски „пылаць“ однимъ концомъ прилажены къ правой стѣнѣ, а другимъ—въ брусчатую или бревенчатую перекладину и настланы въ совершенно обратномъ видѣ, чѣмъ доски „пола“. Въ то же время „пылаці“ не имѣютъ длины его, т. е. не доходятъ до печи, и между сею по-

слѣднею и „пылацами“ есть промежутокъ, позволяющій свободно пробираться съ „полу“ то на печь, то на „пылаци“.

„Пылаци“ вполне замѣняютъ „поль“, хотя и для ограниченаго числа жильцовъ: болѣе нѣжное построение ихъ, а также малообъемистость позволяютъ улежаться одному-двумъ искателямъ избыточной теплоты. Обыкновенно сюда забираются тѣ, кто „озызли“ ⁴⁹¹⁾ отъ стужи, или старики, которыхъ уже слишкомъ проныла напечная теплота. Слушая, или безплодно присматриваясь къ происходящему въ хаткѣ, слѣпой дѣдъ или баба вѣщаетъ отсюда то „преданія старины глубокой“, то старческія наставленія, то ворчбу, то „вохи-брохи“, или же, успокоившись отъ дневныхъ тревоженій, посылаетъ мѣстный храпъ за храпомъ и носовой свистъ за свистомъ... Въ спальной и вообще лежебочной службы „пылаци“ служатъ мѣстомъ, гдѣ просушивается мокрая одежда, обувь и даже нѣкоторые предметы изъ категоріи съѣдобныхъ (собранный съ грядъ лукъ, недосушенные грибы, первые снопы ржи, предназначенные для вымолота на ржаную кашу ⁴⁹²⁾ и т. под.).

Чертежъ В.

(Отдѣльныя части правой стѣны: а—устье печи, б, б,—печурки по обѣ стороны устья, в—пунктирное обозначеніе трубы въ трубной печи, г, г,—„ямки“ по обѣ стороны печного устья, на загнетѣ, д—„подпѣчка“, е—дымовая отдушина (въ курной избѣ), ж—„пылаці“, з—лежанка, и—„полъ“, і—подпольная „зыградка“, к—дверца къ ней, л—„конь, или конёвый стовбъ“, м—нижняя часть „запѣчка“; горизонтальныя линіи отъ вершины до „полу“—соединеніе стѣнныхъ бревенъ).

7. На срединной высотѣ между „поломъ и пылаціми“, при печной стѣнѣ, находится „лежанка“—помость изъ двухъ легкихъ досокъ, въ общемъ не превышающій ширину лавки (6—12 верш.). Лежаночныя доски утверждены однимъ концомъ въ стѣну (черт. В, лит. і), а другимъ покоятся на перекладинѣ, идущей отъ „быня“ къ отдѣльной стойкѣ, прочно прилаженной къ бревну или брусу „пола“ (см. черт. В, лит. з).—Именемъ лежанки вполне обозначается назначеніе ея: тутъ обыкновенно вылеживается, и даже спитъ тотъ, кому не достало мѣста ни на „пылаціхъ“, ни на печи, или тотъ, кто хочетъ средней теплоты, теплоты только для „миживрыль“ ⁴⁹³), спины, которую (теплоту) и получаетъ, прислонившись подлежащимъ мѣстомъ къ печи. Въ то же время лежанка помогаетъ взбираться на печь и „пылаці“, и гдѣ нѣтъ лежанки, тамъ обязательно торчитъ короткая, подвижная лѣстница, при надобности, подставляемая то къ печи, то къ „пылацімъ“ непосредственно съ „полу“, гдѣ она и стоитъ неизмѣнно прислоненною къ печи, или къ стѣнѣ.— Въ отношеніи чисторядности судьба лежанки едва-ли лучше „земли“ (избяного пола): озябшій и продрогшій спѣшитъ на печь и „пылаці“ въ томъ и съ тѣмъ, что пристало къ обуви, или босымъ ногамъ, и, наступая на лежанку, какъ на „уступицъ“, кладетъ на нее часть того, что пристало къ обуви, къ ногамъ... Что хуже всего въ данномъ положеніи—оставленное на лежанкѣ быстро высыхаетъ, а потому не-

удивительно, что лежаночный помостъ съ теченіемъ времени утолщается отъ наслоенія и значительно видоизмѣняетъ свой досчатый видъ...

8. При печномъ „рабрѣ“⁴⁹⁴), выходящемъ на средину избы, стоитъ неподвижный, вкопанный въ землю „коневый стовбъ, или конь“ — довольно толстое, гладкое бревно, высота котораго доходитъ до высоты „полицы“. Занимая почти центральное мѣсто въ избѣ, „конь“ служитъ опорой „пыла, лижанки, пылаць и полицы“ (см. черт. Б, лит. и, а черт. В—лит. л). Кроме того, „конь“ служитъ слѣдующимъ второстепеннымъ надобностямъ: а) за нимъ прячутся и изъ-за него высматриваютъ посѣтителей и гостей „близнюки и блазнотки“; б) то же дѣлаетъ „кунгца-дырыгая пцица“, когда на „охвоту“ за ней набѣжали то „охвотнички, то купчики“;—в) выраженіемъ „схувайся за конь“ обыкновенно дѣлается приглашеніе прикрыть срамный поступокъ, неблаговидное дѣяніе; наконецъ, г) конь имѣетъ значеніе трибуны при свадебныхъ и другихъ шрахъ. Такъ, сидя верхомъ, или свѣсивъ чрезъ него голову, свадебный глашатай произноситъ приблизительно слѣдующую, часто рѣчюванную, энергическую рѣчь: „Дядульки поштенны, бабульки смиренны, ойцы-матки любинькии, мальцы-дѣвкыи круглинькии, малыи ребятки, якъ гылубятки—увесь чесный народъ, увесь добрый находъ!⁴⁹⁵) хто и самъ пришевъ, кого й Богъ привевъ, кого й маця принисла, кого й кобылка привизла —рысныяснцця-рысцягнцця усю вашию сокровійку: блыгисловцця-ныдялцця зылатэй чарвонійкый, сарѣбринымъ рубялькомъ, ды й Боскимъ словкомъ нашего Миколку мылодого—охвотничка любого: ёнъ идець пылюваць⁴⁹⁶), сабѣ дольки шукать⁴⁹⁷), якъ ня въ чистый боръ, ды въ Авгынъкинъ дворъ; кабъ сы (со) счасцимъ пойшевъ, кабъ и дольку знайшевъ“!.. Если такая рѣчь произносится въ домѣ невѣсты или новобрачной то заключительныя слова будутъ таковы: „... нашу Авгынъку⁴⁹⁸), мылодую-пташичку любую: а йна жъ пыляццця, куды й Богъ вялиць!.. кабъ и счасційка

зныйшла, кабъ и зъ долькый прійшла“⁴⁹⁹)... Какъ доживаетъ „конь“ свой вѣкъ и замѣняется ли онъ новымъ при подгнивѣ нижней части—отвѣтить трудно; въ состарѣвшейся хаткѣ видится старый „конь“, который хранитъ на себѣ всѣ ясные слѣды сверстничества съ нею...

9. Печка замѣтнѣе другихъ неподвижныхъ частей хатки уже потому, что занимаетъ едва не четвертую часть избы, а также и потому, что высотой превосходятъ ее развѣ полочки, „полнца и пылаци“. Печка бываетъ: а) „цигельная“, сложенная изъ кирпичей, и б) „битая“ (глинобитная), даже въ воспоминаемое время встрѣчавшаяся лишь въ немногихъ, исключительно курныхъ хаткахъ, и гораздо чаще—въ овинныхъ сушильняхъ. По окончательномъ построении, обѣ печки представляютъ мало разницы не по формѣ и размѣрамъ только, но и по свойству матеріала: необожженные кирпичи и глина съ пескомъ, для связи ихъ, могутъ составить такую же сплошную глиняную массу, какъ и въ печкѣ глинобитной, по крайней мѣрѣ, при разрушеніи той и другой печки, получаютъ глиняные комья, а не кирпичи, или обломки ихъ. Болѣе очевидную разницу между обѣими печами можно установить развѣ въ срокахъ построения: въ то время, когда „цигельная“ печка безостановочно складывается изъ просушенной въ кирпичныхъ плитахъ глины, „битая“ печка растетъ по мѣрѣ высыхания нижнихъ частей, иначе, несмотря на досчатый футляръ, глинобитная печка расползлась бы отъ тяжести наслоения, отъ трамбовки и утаптыванья, да отъ груза булыжниковъ, обыкновенно помещаемыхъ въ разныхъ частяхъ ея, для удержанія печного тепла⁵⁰⁰). Если надъ „битой“ печкой потрудились опытная, терпѣливая рука, то печка переживаетъ хатку и, пожалуй, готова прослужить столько же и въ новой, когда послѣдняя поставлена на мѣстѣ разобранной,—что на самомъ дѣлѣ и встрѣчалось кое-гдѣ.

При незначительной разницѣ печки въ курной и трубной хаткѣ, отдѣльныя части ея такъ разнообразны, что это вызываетъ розничное перечисленіе и описаніе ихъ. Въ этомъ случаѣ умѣстно будетъ держаться того порядка, въ какомъ зачинаютъ, ведутъ и вершаютъ печку деревенскіе печники.

а) Для соблюденія строительнаго матеріала (кирпичей), ускоренія работы и въ виду хозяйственныхъ надобностей, печка не всегда имѣетъ каменное основаніе: вмѣсто него на увѣсистыхъ булыжникахъ строится „рысáдникъ“⁵⁰¹⁾—орусчатый срубъ въ 3—4 вѣнца съ „замочными углами“,⁵⁰²⁾ поверхъ котораго настилаются прочныя половинники, или брусья. Въ этомъ случаѣ кладка печи зачинается лишь съ помоста „рысáдника“. Такой же помость дѣлается въ печи и съ каменнымъ основаніемъ, только концы помоста не выходятъ наружу, какъ при „рысáднику“.— Какъ это ни поразительно, „рысáдникъ“ и помость не разрушаются отъ времени и, нераздѣльно съ печкою, переживаютъ хатку.

б) Внутренность „рысáдника“, а въ печкѣ съ каменнымъ основаніемъ—пустое пространство на томъ же мѣстѣ, есть извѣстная „подпѣчка, подпѣчка“, предназначаемая исключительно для зимовья куръ. Для входа и выхода послѣднихъ, а также для пролаза за яйцами, въ лицевой сторонѣ „рысáдника“ есть четырехугольное отверстіе (черт. В, лит. д), по устройенію и величинѣ почти одинаковое съ малыми окнами хатки. Очень возможно, что пролазъ въ „рысáднику“ будетъ тѣсенъ для взрослыхъ; тогда чрезъ него пробираются дѣти, любители спускаться въ „подпѣчка“, а возрастные извлекаютъ оттуда яйца и упрямыхъ куръ загребомъ бочерги... Въ печахъ съ каменнымъ основаніемъ подпечный пролазъ нѣсколько просторнѣе; зато каменные стѣны дѣлаютъ „подпѣчка“ значительно меньше предыдущаго.

в) Верхняя часть пролаза, ограниченная досчатою настилкою, даетъ основаніе четырехугольному углубленію (ширина его 12,

глубина 8 и высота 10 верш.)—известному „подприпичку“, или „пыдзагнётку“, куда обыкновенно помещаются мелкие стряпные предметы и посуда. У печей на „рысаднику“ такого „подприпичка“ нѣтъ, и имъ можетъ быть названо развѣ только свободное разстояніе отъ „припичка“ до пола.

г) Съ лицевой стороны печи на „рысаднику“, вдоль всей ширины послѣдней, идетъ выступомъ верш. на 8 „рысадниковый“ помость, настланный то кирпичемъ въ одинъ рядъ, то слоемъ глины соотвѣтственной толщины, при чемъ край помоста и настилки облицовываются заодно тонкою доскою. Такой выступъ по ту и другую сторону печного устья называется „припичкомъ, припичкомъ“⁵⁰³), срединная же часть его, противъ устья—„загнѣтый“.—Въ стряпную пору „припичкъ и загнѣта“ служатъ мѣстомъ стоянки приготовленныхъ, или вынутыхъ изъ печи горшковъ; здѣсь, прислоненная къ печи, просыхаетъ вымытая стряпная и столовая посуда; въ свободное же время, при надобности, сюда присаживаются искатели печного тепла, не нашедшіе его на лежанкѣ, печкѣ и полатахъ.

д) Кирпичная, или глиняная настилка внутри печи, имѣющая непрерывную горизонтальную поверхность „припичка и загнѣтки“, называется „подымъ“. Для лучшаго удержанія тепла, „подъ“ подмащивается мелкими гладышами, битымъ стекломъ, или „жарствой“⁵⁰⁴). Сводчатая часть печи надъ „подымъ“ есть „склипення“⁵⁰⁵), или небо“; высота послѣдняго доходитъ до 1 арш. и 4 верш.

е) Печное устье называется „чаломъ, чалесникомъ“ и, соотвѣтственно вмѣстимости печи, бываетъ довольно почтенныхъ размѣровъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ него свободно вбтывается подъ покрывкою тотъ многосодержательный „чигунъ, или горщобъ“, о которомъ говорилось въ первомъ отдѣлѣ; въ самомъ же „чалесники“ свободно могутъ уставиться рядомъ „два отлѣвники“.—Печное устье почти безсмѣнно закрыто заслоною, весьма рѣдко же-

лѣвною, а сплошь и рядомъ—деревянною. Отъ продолжительной службы обѣ стороны заслоны рѣзко видоизмѣняются: въ то время, когда наружная сторона ея хранить лучшей видъ и только слегка потускнѣетъ отъ помоевъ, коими довольно часто обливается, чтобы не горѣла, да отъ обычныхъ въ избѣ наносовъ на предметы, другая сторона ея становится именно тѣмъ загадочнымъ „вовчкѣмъ, што маиць горѣлинькѣй бочѣкъ“⁵⁰⁶). Впрочемъ, эта обгорѣлость касается и двухъ нижнихъ угловъ заслоны, какъ ближайшихъ сосѣдей загребныхъ печурокъ, почти всегда наполненныхъ горячими угольями, несмотря даже на то, что подъ этими углами безсмѣнно лежатъ кирпичные обломки, или соотвѣтственной величины булыжники: они держатъ заслонку въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ загребнаго жара.

Рядомъ съ обычною службой заслона употребляется для выноса изъ избы сора, золы, сажи; ею закрываются наиболее грязные предметы—помойная посуда, свиной и собачій кормъ и т. п. Но та же заслона является почему-то излюбленною подкладкою при вычесываніи женщинами головныхъ паразитовъ, которые на самомъ дѣлѣ довольно замѣтны на обугленной поверхности ея...

ж) По ту и другую сторону „чалесника“, при „загнѣтки“, расположены „ямки“, исключительное назначеніе которыхъ—хранить выгребенный изъ печи жаръ. Въ курной печи „ямки“ составляютъ отдѣльныя квадратныя пристройки изъ кирпича; въ „коминный“ же⁵⁰⁷) онѣ скрываются въ углубленіяхъ съ правой и лѣвой стороны „загнѣтки“ (шестка).—Старожилы удостовѣряютъ, что теперешнія „ямки“ непохожи на старосвѣтскія,—тѣ бывали „ямками“ на самомъ дѣлѣ: онѣ углублялись не въ стороны печи, а внизъ. Но отъ этого значеніе и служба ихъ не умалялись, а скорѣе выигрывали, потому что въ такую „ямку“ гораздо удобнѣе помѣстить горшочекъ, плошку или сковороду,

для подогрѣванія кушанья, а не приставлять ихъ одною только стороною, какъ это дѣлается въ современныхъ „ямкыхъ“.

з) Значительно выше печного устья, по обѣ стороны его, въ печи имѣются одна или двѣ „пачурки“ (черт. В, лит. б и б) —небольшія (4 верш.) квадратныя углубленія. Въ „пачуркахъ“ хранятся тѣ мелкіе предметы, которые желательно имѣть всегда наготовѣ сухими—спички, „тресычки“, тряпочки, часто необходимыя при добываніи огня, и проч. Сюда же помѣщаются и мыльные кусочки („обмылки“).

и) Въшнія стороны печи, по крайней мѣрѣ, выходящія на избу, вершаются „гзымсымъ“ —небольшимъ карнизомъ, которымъ въ данномъ случаѣ является одинъ рядъ кирпичей, выдѣляющихся отъ печи вершковымъ выступомъ. Большинство печей не имѣетъ, однако, „гзымса“ и, конечно, отъ этого ничего не теряетъ.

і) Параллельно съ вершиннымъ ребромъ лицевой стороны печи, на 8 верш. отъ нея, часто подъ среднею потолочною балкой, бываетъ привѣшана то на двухъ веревкахъ, то на деревянныхъ упоркахъ (крюки, или петли) жердочка небольшой толщины (1 верш. въ діаметрѣ), служащая для развѣшиванья мокрыхъ тряпокъ, одежды, онучъ, ради скорѣйшей высушки ихъ. Промежутокъ между указаннымъ печнымъ ребромъ и жердочкою, приходящійся надъ устьемъ, называется „сопыхый“. —На „сопыху“ свѣшиваются лучинныя плахи, готовая лучина, дровяные осколки, изъ которыхъ получается необходимая для затопленія печи „поджежинка, подтопинка“⁵⁰⁸). Все это быстро сохнетъ, такъ какъ „сопыха“ имѣетъ всегдашній теплый и сухой духъ.

к) Каменное основаніе печи и „рысѣдникъ“ не имѣютъ отступа отъ стѣнъ, въ угловомъ соединеніи которыхъ они находятся; зато остальная часть печи, выше настилки, обязательно имѣетъ равномерныя, верш. на 6, отъ той и другой стѣны отступы, называемые „залечкый, запеччимъ“ (черт. Б и В, лит. ж). Несомнѣн-

но; отступы дѣлаются въ видахъ пожарной предосторожности; на самомъ же дѣлѣ они скорѣе помогаютъ пожарному несчастью, потому что „запечча“ бываетъ завалено различными загорающимися предметами—старыми онучами, полуистрепанными лаптями, тряпками, грязнымъ бѣльемъ, древесными осколками, лучинными огарками, отгашенными головнями, мелкими полѣвьями и т. п. Правда, весь этотъ сборъ периодически извлекается изъ „запечча“ съ рѣшимостью впредь не засаривать его; но чрезъ недѣлю-двѣ опорожненное „запечча“ какъ-то незримо наполняется тѣмъ же хламомъ...

Кромѣ этого „запечча“ помогаетъ ребятишкамъ при игрѣ „у кулюкушки“⁵⁰⁹), или же позволяетъ имъ спрятаться отъ карающей руки старшихъ да высматривать гостей и посѣтителей въ томъ случаѣ, когда, за неимѣніемъ мѣста, слѣдуетъ то же не удастся съ печи и изъ-за „кыня“...

Послѣ сдѣланнаго перечисленія отдѣльныхъ частей печи остается примолвить, что кромѣ существенной службы ея—варить, грѣть и сушить—печка неожиданно служитъ на самомъ дѣлѣ неожиданной и малонзвѣстной надобности. Трудно представить, что тамъ, гдѣ готовятся разнообразныя „стравы, ласки пачысты“, гдѣ поспѣваетъ „рыскырачныя пырыся“ и откуда вываливаются увѣсистыя „букотки“, или идутъ „скачкомъ блины“⁵¹⁰), очень и очень часто, хотя и на скорую руку, можно получить почти всѣ блага любимой простонародьемъ баньки—„узяць на поты и пыцирабицца“⁵¹¹) вѣничкомъ, сколько потребуетъ зудящееся тѣло... Когда назрѣла такая необходимость, изъ печи вынимаются горшки, „подъ“ выметается помеломъ и настилается прямою соломкою: искатель баньки вползаетъ въ печь нагишомъ, заслоняетъ ее и тѣшитъ себя, какъ можетъ. Случается что то же продѣлаютъ одинъ за другимъ и всѣ семьяне, при чемъ возрастные втаскиваютъ съ собою и маленькихъ дѣтей. Въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ искатель баньки вынимается изъ печи въ

сильномъ обморокѣ и даже совершенно безжизненнымъ. Вспоминая потомъ про несчастнаго, обыкновенно говорятъ, что онъ „зыпѣ-рився на смерць“...

10. Если печь „съ коминымъ“, то послѣ „гзымса“ сквозь столъ“ и крышу выводится труба, которая, со стороны крыши, закрывается старымъ горшкомъ, сковородой непосредственно за топкой, чтобы надежнѣе удержать печной духъ, и открывается каждый разъ передъ топкою. Такой запоръ печного тепла имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ хозяева устроили трубную печь, но пожалѣли расхода на покупку вьюшекъ и на приспособленіе ихъ; взбираясь на крышу два раза въ день, „скнары покѣтывыюць⁵¹²⁾ за свой грѣхъ“... Впрочемъ, къ такой закрышкѣ трубы погоня за теплотою часто пригоняетъ и тогда, когда труба закрывается плохо прилаженными вьюшками, или же закрывается одною только вьюшкою, такъ какъ въ прямой трубѣ (а иныхъ здѣсь нѣтъ) духъ плохо задерживается даже и въ томъ случаѣ, если вьюшки и „боковка“ тщательно обернуты и оботкнуты тряпками⁵¹³⁾.

11. Чисто курныя печи нерѣдко имѣютъ трубы, которыми бываютъ четыре, даже три продолговатыя доски, кое-какъ сколоченныя въ квадратъ, или трехстороннюю призму. Такия трубы не соприкасаются съ печью и иногда помѣщаются въ сторонѣ отъ нея, зачинаясь отъ потолка и выходя чрезъ крышу. Онѣ не закрываются со стороны крыши, какъ „комины“, а послѣ окончательнаго выхода дыма изъ хатки „куряшки“⁵¹⁴⁾ затыкаются нарочитою затычкой изъ тряпокъ, пакли и старой одежды, какое дѣйствіе выражается терминомъ— „зытыкаць, затыкнѣць боковку“.

12. Собственно „боковкый“, имя которой произвольно перенесено на два описанныя отверстія, называется подпотолочное отверстіе въ стѣнѣ (см. черт. В, лит. е), то четырехугольное, напоминающее меньшее окно хатки, то кругообразный просѣкъ въ двухъ смежныхъ бревнахъ. Въ подлежащее время „боковка“ от-

тыкается и затыкается затычкой, иногда привѣшанною къ стѣнѣ веревочкою.

13. Въ хаткахъ отпущенныхъ, разжалованныхъ дворовыхъ, наиболѣе просвѣщенныхъ, зажиточныхъ деревлянъ, а также и въ общественныхъ зданіяхъ, какъ корчма, или жилия помѣщенія „скарбовыхъ“, при „коминный“ печкѣ, вдоль свободной стѣны ея, можно было встрѣтить „грубку“ — кирпичную лежанку съ отдѣльною топкой со стороны хатки. Длина „грубки“ всегда равна длинѣ печной стѣны, нераздѣльно съ которою она стоитъ; ширина же не превышаетъ 1 арш и 4—6 верш, при высотѣ въ 1 арш. 12 верш., — что устанавливаетъ поверхность лежанки и площадь печного „пода“ на одну высоту, а это весьма удобно для грѣющагося на вытопленной „грубцы“: онъ обогрѣвается ею и прилежащею теплою стороною печи. Если же ему хочется погрѣть голову, то стоитъ только свѣсить послѣднюю чрезъ „гылывашиникъ“⁵¹⁵) „грубки“ — „сопыха“ послѣдней областью струей теплаго воздуха, неустанно выходящаго изъ вольнаго, всегда безъ дверцы, устья „грубки“.

Существованіе „грубки“ уже не даетъ мѣста „полу“, вмѣсто котораго стоитъ самодѣльный „ложикъ“⁵¹⁶), онъ же — „посцѣля“, который имѣетъ и высоту „пола“, и чтобы взмѣститься на нихъ, необходимо сдѣлать небольшой подскокъ. Тотъ же подскокъ на „грубку“ является безусловно необходимымъ, и будничное выраженіе „ускочиць на грубку, полъ, пылаци, печку“ каждый разъ подтверждается практическимъ приѣмомъ...

14. Относительно „склипення“ печка и грубка“ весьма рѣзко различаются: въ первой оно имѣетъ округлый сводъ, при таковомъ же устьѣ, во второй же — угловой; а если печникъ не умѣлъ управиться съ четырехугольнымъ устьемъ „грубки“, то и оно имѣетъ угловое „склипення“, образуя въ отверстіи, какъ и по всей длинѣ, чистый пятиугольникъ.

15. Преобладающее большинство печей такъ и остается навсегда съ первозданною глиняною окраской, которая въ курныхъ хаткахъ съ теченіемъ времени чернѣетъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, приобрѣтаетъ даже тотъ черный глянecъ⁵¹⁷⁾, какою имѣютъ верхнія части стѣнъ и потолокъ: бѣленье печи тутъ являлось бы непроизводительною тратою и трудомъ. Но благоустроенныя печи, какъ и лежанки при нихъ, изрѣдка, ко дню св. Пасхи, выбѣливаются „вапный“⁵¹⁸⁾, по большей части, домашними усиліями и просто: въ ненужной посудинѣ (старое ведро, шайба, большой черепокъ) разводится „вапна“, для прочности окраски, разбавляемая мукою, или молокомъ, а „пэнзылимъ“⁵¹⁹⁾ является тряпка, прикрѣпленная къ случайной жердочкѣ. Отъ такой работы побѣлка печи и лежанки, а въ пышныхъ случаяхъ—потолка и верхнихъ вѣнцовъ внутренности хатки скорѣе уродуетъ, чѣмъ красить ихъ: получаютъ густыя полосы съ своеобразными плѣщинами, на которыхъ во множествѣ попадаются известковые бугорки... Несмотря, однако, на красильное нестроеніе, выбѣленные предметы значительно видоизмѣняютъ мрачный характеръ хатки и тѣшатъ взоръ.

16. Уголь, образуемый печью и небольшою (1 арш. и мѣнѣе) частью стѣны между дверью и печью, называется „вѣлышникымъ, кычарогникымъ и чипельникымъ“ безразлично (см. I отд., гл. XV), несмотря даже на то, что здѣсь находится одна только кочерга, одна чепела и одинъ-два ухвата. Хотя эти орудія стряпни, дающія углу имя, помѣщаются въ послѣднемъ произвольно, но въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ распорядкахъ всѣ они (орудія) уставляются насадками то вверху, то внизъ и только одна кочерга ставится вездѣ насадкою внизъ. Для сбереженія мѣста, ухваты, кочерга, чепела и помело засовываются въ „запѣчка“, или въ „подпѣчку“, когда тѣ свободны, первая—отъ заваловъ, а послѣдняя—отъ куръ,—черезъ что освобожденный уголь не измѣняетъ своего имени.

17. Наземная часть того же угла, приходящаяся подь „припчбымъ“ и прикрываемая „кычарогыми“, известна подь именемъ „шумника, шуметанка“. Сюда обыкновенно сметается и подолгу копится избыной сорь („шума“), выносимый потомъ на „шуметникъ“, собственно которымъ бываетъ уголь двора, непотребное мѣсто на задворкахъ и рѣдко—хлѣвъ, или повѣть. Много-ли, мало-ли, или совершенно нѣтъ сору, избыной „шуметникъ“ всегда закрытъ прислоненнымъ въ уголь вѣникомъ, послужившимъ сперва рь банѣ. По большей части, сорь не выносится непосредственно за метеньемъ, а копится въ теченіе дней трехъ и даже недѣли, служа зимой, напр., предметомъ развлеченія для курь, выпущенныхъ изъ „подпечки“ на кормежку. Точнымъ срокомъ для выноса изъ избы сора можно считать субботній вечеръ, или утро воскресенья, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день можно найти „шуму“ развѣ въ домѣ послѣднихъ окаянниковъ. Есть дни, когда „шума“ выносится въ вечернія только сумерки (весною, чтобы не разводились блохи), „у до-свицця“ (въ Чист. Четв., чтобы успѣшнѣе находить лѣтомъ птичьи гнѣзда)⁵²⁰), и совершенно не выносится (въ „пяденки“, коихъ въ году 12, и въ тѣхъ исключительныхъ положеніяхъ, когда въ домѣ произошла ссора).

18. Хотя скопленная „шума“ можетъ быть выносима при помощи разнообразныхъ предметовъ—на лопатѣ, въ корытцѣ, рѣшетѣ, въ фартукѣ, подолѣ, на вѣникѣ и въ горстяхъ—у преобладающаго большинства на сей случай имѣются отдѣльныя „шуметныя подсацѣлки“, обычное мѣстонахожденіе которыхъ—оба „шуметники“, избыной и надворный.

Когда заурядъ съ хаткой метутся и сѣни, тогда избыной сорь перебрасывается туда чрезъ порогъ и приобщается къ сѣнному. Тутъ онъ копится и покоится до выноса въ какомъ-нибудь углу подь вѣникомъ; но чрезъ это къ существующимъ „шуметникымъ“ не прибавляется новаго, хотя бы и номинально...

IV. Стѣнки и исцепка, или призва, призва.

На описанномъ устройствѣ хатки снаружи и внутри заботятся всѣ плотничные труды, какъ и труды каменщиковъ: хатка наполняется жильцами, подвижностью — и въ ней зачинается обычная жизнь деревлянъ. Однако, самое приближенное положеніе хозяевъ, малосемейность, скромный въ обрѣзъ достатокъ усадебной земли не могутъ примирить жильцовъ съ одною голою хаткой, и она даже у послѣдняго бобыля бываетъ полною тогда, когда при ней есть „стѣнки“: безъ нихъ хатка — не хатка. Сибшность ли, недостатокъ ли матеріальныхъ средствъ, или недосужество сопровождали строительное дѣло хатки, послѣдняя непременно будетъ имѣть незаконченный видъ: въ сторону намѣченныхъ стѣней у такой хатки торчатъ неравномерныя отъ избяной крыши жерди (лѣты), которыя въ послѣдствіи, по справкѣ, войдутъ въ крышу стѣней, и послѣдняя станетъ естественнымъ продолженіемъ избяной крыши. Затянется неблагоприятное положеніе строителей-хозяевъ, подпадутъ они подъ большее затрудненіе — отпущенныя, уже побурѣвшія „лѣты“ все еще будутъ торчать въ сторону стѣней, а вольное пространство подъ ними неизмѣнно хранитъ имя стѣней. Если строители предвидятъ протяжку въ сооруженіи надлежащихъ стѣней, то для защиты хатки со стороны входной двери прислоняютъ къ стѣнѣ жерди, мелкія бревна, и кое-какъ прикрываютъ ихъ соломой: образуется трехугольный покровъ, удерживающій имя стѣней. Это — временныя стѣни, хотя при горемычномъ положеніи жильцовъ, остающіеся на службѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Если захудалый жплецъ предвидитъ невозможность устроить надлежащія стѣни, то рассчитанное для нихъ пространство обгораживаетъ жердями, или частоколомъ и, защитивъ промежутки соломой, тростникомъ, камышомъ ⁵²¹), подводитъ крышу такихъ стѣней подъ одинъ уровень съ крышею хатки. Тутъ получаютъ

нѣсколько благоустроенныя сѣни, позволяющія размѣститься, какъ въ настоящихъ сѣняхъ, и достаточно защищающія входную въ избѣ дверь и „горѹ“. Такія сѣни остаются при хаткѣ часто на все время существованія послѣдней, при чемъ подгнившіе колья изгороди своевременно замѣняются новыми, а выдернутая животными, или выпавшая изъ стѣнъ солома, тростникъ и камышъ періодически и по мѣрѣ нужды восполняются свѣжими. Примѣнительно къ сѣннымъ стѣнамъ дверь здѣсь бываетъ не досчатая, а изгородная, изрѣдка даже приставная, перевитая одинаковымъ со стѣнами матеріаломъ.

Разумѣется, гораздо совершеннѣе и желательнѣе бревенчатыя сѣни, и онѣ пристраиваются къ хаткѣ у преобладающаго большинства сразу подъ одну крышу. Если хозяева бобыли или если дѣло сводится къ скромной хозяйственной жизни, сѣни будутъ непременно срубными, вѣнечными въ окраинѣ, тогда какъ концы бревенъ, приходящіеся къ избѣ, помѣщены въ пазы „шულъ“, при одномъ и другомъ углѣ дверной стѣны хатки. Черезъ это бревенчатыя сѣни не измѣняются ни по отношенію къ хаткѣ, ни размѣрами, ни внутреннимъ благоустройствомъ: подобно изгороднымъ, онѣ тѣсно соединены съ хаткой имѣютъ одинаковую съ нею ширину, половину, или двѣ трети ея длины и не имѣютъ потолка, — что придаетъ имъ больше простора.

Не зная жильцовъ, не ознакомясь съ ихъ семейнымъ положеніемъ и хозяйственнымъ достаткомъ, по тѣмъ и другимъ „сѣнкамъ“ можно заключать, что жильцы малосемейны, безземельники, и что въ будущемъ не предвидится здѣсь ни семейнаго, ни хозяйственнаго роста. Мѣстонахожденіе хатки съ такими законченными сѣнями обыкновенно на концѣ деревни, передъ околицей, какъ и отсутствіе другихъ усадебныхъ построекъ, почти безсмѣнный въ теченіе дня замокъ на сѣнныхъ дверяхъ только и подтверждаютъ сказанное. Тутъ „сѣнки“ все: защита отъ вѣтра, амбаръ, кладовая и даже хлѣвъ, если только достатки позволяютъ под-

воспитывать одного-двухъ поросятъ, или содержать козу, коровку, для которыхъ „сѣнки“ перегораживаются подлежащимъ образомъ.

Совершенно другое дѣло настоящія „сѣнки“, находящіяся „у жихырскимъ“ домѣ: прежде всего онѣ соединяютъ двѣ половины дома, или лучше—двѣ хатки, жалуо и „исцѣпку, или призбу“, и чрезъ нихъ можно пройти отдѣльною дверью въ хлѣвъ (черт. А, лит. в). Эти сѣнки вполне бревенчатые, но замѣтныя, т. е. оконечности каждаго бревна вправлены въ „шұлы“, плотно приставленные къ угламъ дверныхъ стѣнъ хатки и „исцѣпки“. Нѣтъ надобности говорить, что и здѣсь „сѣнки“ служатъ продолженіемъ избы, вмѣстѣ съ нею и „исцѣпкый“ стоятъ подъ одною крышею и вовсе не служатъ такимъ грязнымъ надобностямъ (помѣщеніе скота), какъ раньше упомянутыя. Мало того: въ благоустроенныхъ домахъ „сѣнки“ бывають мшеними, изрѣдка имѣютъ „мостъ“ изъ досокъ, половничковъ, стесанныхъ бревенъ, еще рѣже имѣютъ стѣнные узкіе прорубы (окна), но безъ остекленія, и даже холодный потолокъ, т. е. безъ моховой, костричной и земляной настилки. Въ большинствѣ, однако, домовъ „сѣнки“ лишены „моста“, потолка и прорубовъ. Благодаря первому, „сѣнки“ не разнятся отъ хатки, отсутствіе потолка даетъ имъ большій просторъ и открываетъ „гору“ избы и „призбы“; что же касается отсутствія прорубовъ (оконъ), то въ первые за постройкою годы въ затворенныхъ, примѣрно, сѣняхъ бываетъ нѣкоторый мракъ, который потомъ, по мѣрѣ осѣданія замѣтныхъ бревенъ, начинаетъ разсѣваться, такъ какъ свѣтъ входитъ въ сѣни чрезъ щели, иногда достаточныя для пролета ласточекъ...

Служа лишь проходнымъ помѣщеніемъ, настоящія „жихырскія сѣнки“ не имѣютъ да и не нуждаются въ большомъ просторѣ: ширина хатки—ихъ ширина, а длина—относительная, отъ 4 до 6 арш. Если нѣтъ „призбы“, вмѣсто которой стоитъ клѣть, или же первая занята семьей, то въ одномъ углу сѣней, къ хлѣву,

стоитъ „молочная скрыня“, въ другомъ—ручные жернова, на стѣнѣ виситъ упряжная и рабочая сбруя, припертая къ стѣнѣ соха, обернутая кадка, водяная кадка и прочіе предметы обиходности. При всемъ томъ въ „сѣнкахъ“ остается немало свободного мѣста, по крайней мѣрѣ, лѣтомъ здѣсь трапезуетъ семья, когда спасается отъ нихъ и избыной духоты, а въ пологѣ спать съ малыми дѣтьми хозяйка, если для того неудобно взбираться „ны горѹ“.

Хотя изрѣдка, ко дню св. Пасхи, стѣны и потолокъ избы, кое-какъ вытираются, освобождаются отъ обильной пыли, копоти и паутины; „сѣнки“ почти не знаютъ подобной чистки до конца службы, хотя засариваются немногимъ меньше избы, и это особенно замѣтно въ „не столѣвыныхъ ⁵²²⁾ сѣнкахъ“: чрезъ „поплѣтъ“ висятъ внизъ головками кровельныя соломенки; на нихъ и отъ нихъ протягиваются внизъ и въ стороны паутиныя сѣти и нитки, обильно наслоенныя копотью и пылью. Зимой, когда на все это падаетъ иней, подпотолочная часть сѣней даетъ чудную, въ своемъ родѣ единственную картину, гдѣ бисерныя нити заволакиваютъ нестройность нижней стороны крыши, а въ остальное время, особенно, лѣтомъ... здѣсь чаще всего ниспосылается съ высоты крыши то пророчественное указаніе на грядущее благополучіе, которое обыкновенно видятъ въ спускѣ на голову паука, его нити, или цѣлой ткани ⁵²³⁾. Но, не разбирая счастливица, они падаютъ въ миску трапезующихъ, въ кадку съ водой, или, при ворвавшемся вѣтеркѣ, да перелетѣ „нясуцій курки“ ⁵²⁴⁾ на чердакъ и обратно, стануть подолгу качаться и падать на многочисленные сѣнные предметы...

„Исцѣпка, или приѣба“ (въ Гор. у. „прійѣба“) ⁵²⁵⁾ есть та же срубная хатка, какъ и жилия, не по размѣрамъ только, но и по внутреннему устроению, и стоитъ съ нею и сѣнями подъ одною крышею (черт. А, лит. д). Въ томъ случаѣ, когда семья велика, не вмѣщается въ жилой хаткѣ, или когда послѣдняя об-

ветшала, „исцѣпка“ преобразуется въ жилую избу, при чемъ только-что оставленная жильцами хатка воспринимаетъ имя „исцѣпки“. Въ такой необходимости „исцѣпка“ отличается отъ жилой избы тѣмъ, что не имѣетъ полатей, не имѣетъ полной печи, а только нижнюю часть ея до „припичка“ — каменное основаніе, или „рысáдникъ“. Будучи холоднымъ помѣщеніемъ, „исцѣпка“ совершенно необитаема зимой и въ это время сюда забредетъ развѣ тотъ, кому нужно „счѹхыца“⁵²⁶⁾ отъ хмеля и перепоя; лѣтомъ же она служитъ однимъ изъ ночлежныхъ притоновъ семьи; а если хозяйка не лѣнива, станетъ носить кушанья изъ жилой избы, то семья и трапезуетъ здѣсь. Во все время года „исцѣпка“ служитъ кладовою, гдѣ рядомъ съ съѣстными припасами на лавкахъ, „полу“, печномъ фундаментѣ и по стѣнамъ размѣщены многочисленныя „складница и сховы“.

На построеніе „исцѣпки“ приходится смотрѣть, какъ на парное сооруженіе одной и той же одежды: тамъ и здѣсь проглядываетъ не необходимость, а матеріальное довольство. Въ самомъ дѣлѣ: съѣстные запасы, всевозможныя консервы удобно могутъ помѣститься въ клѣти, въ амбарѣ; тамъ же, какъ и въ жилой хаткѣ, нетрудно расположить запасную одежду, привѣсить къ стѣнамъ „ванзэлки“, или установить „кѹблы да сѣрыни“. При всемъ этомъ большинство „жѣхырывъ“ гоняется за построеніемъ „исцѣпки“, хотя у нѣкоторыхъ недостаетъ того, чѣмъ обыкновенно наполняется она...

Хозяева съ среднимъ достаткомъ и ниже на мѣстѣ „призбы“ ставятъ клѣть — срубное въ вѣнцахъ строеніе, которое будетъ нѣсколько (арш. на 2) уже хатки. Недостающая ширина забирается прочными стоячими досками, половинниками, круглыми, или стесанными бревнышками, и даетъ извѣстную „пригорóдбу“⁵²⁷⁾ — открытое со стороны сѣней помѣщеніе, которое служитъ многообразнымъ житейскимъ и хозяйственнымъ надобностямъ. Хатка, сѣни и клѣть съ „пригорóдкѣй“, имѣя равномерную ширину,

подводятся подъ одну крышу, подобно тому, какъ это дѣлается съ „исцѣпкый“.

Такая „кльць празъ сѣнки“ имѣетъ всѣ части и особенности обыкновенной кльци и отличается отъ нея развѣ недостаточнымъ притокомъ свѣта ⁵²⁸). При существованіи помянутой кльци оказывается ненужною „повкльць“ (черт. А, лит. и), а кльць (лит. ж) принимаетъ имя „анбарушки, или свѣрна“ ⁵²⁹), служа тѣмъ же нуждамъ, что и „повкльць“.

V. Хлявы (скотникъ, обора; дянникъ).

Въ исключительныхъ положеніяхъ всякая подвижность, составляющая наличное достояніе семьи, отдѣльнаго лица, можетъ вмѣститься въ описанныхъ строеніяхъ, а если того нельзя сдѣлать дома, то въ помощь и на выручку подоспѣютъ сосѣди и добрые люди. Примѣрно: сжатый хлѣбъ можетъ временно помѣститься и снодволь вымолотиться на току сосѣда; за неимѣніемъ амбара, зерновой хлѣбъ, сыпавный въ мѣшки и кадки, кое-какъ простоятъ въ собственныхъ сѣняхъ, хаткѣ и „исцѣпкѣ“, или же пріютится въ амбарѣ того же добраго сосѣда; на „жерновыхъ“ одного онъ превратится въ крупу и муку, а изъ квашни и печи другого мука преобразуется въ „хлѣбушко насучный“, — для чего стоитъ лишь поступиться лишнею ходьбою, да попросить сосѣдскаго одолженія, которое у большинства сдѣлается даромъ, или же за самый ничтожный отработокъ. Нѣчто подобное встрѣтитъ нуждающійся и тогда, когда дѣло коснется удовлетворенія другихъ жизненныхъ потребностей. Не то съ „живодѣнный, стачный“ ⁵³⁰), которую не оставишь и не уложишь по заказу и для которой требуется просторъ, далеко превышающій, напр., мѣсто стоянки какого-нибудь мѣшка съ хлѣбомъ. Если подвспитывающіяся животныя находятъ въ избѣ зимній пріютъ, если бобыль или бобылка ютятся въ сѣняхъ сальника или молочника, то владѣльцы живой собственности терпятъ сверхштат-

ную грязь и беспокойство только потому, что они—собственные и что отъ нихъ некуда уйти. Кто же изъ добрыхъ сосѣдей захочетъ чужой грязи и ненужнаго беспокойства? Кто, напр., въ своемъ подпольи рѣшится пріютить чужого теленка, когда, по принятому обычаю, къ нему въ хатку періодически допускается на часъ мать, чтобы обогрѣться и отдохнуть?!.. ⁵³¹⁾ Да о такой жертвѣ едва-ли могутъ помышлять стороны—нуждающаяся и готовая помочь!

Кромѣ всего этого, за скотомъ нуженъ личный хозяйственный досмотръ, въ нѣкоторыхъ животныхъ (лошадь и корова) сказывается ежедневная потребность, а главное—въ связи съ помѣщеніемъ скота въ чужомъ хлѣву стоитъ потеря навоза, какъ удобрительнаго для земли матеріала, который вывозится цѣликомъ на поле, принадлежащее только этому хозяйству, а не дѣлится, не дробится между двумя хозяйствами. Такимъ образомъ, даже „лыкомъ шитый ⁵³²⁾ хозяинъ“ устраивается такъ, чтобы его скотъ былъ при немъ, по возможности, ближе, чтобы онъ, будучи подручнымъ, служилъ въ любой часъ тѣмъ, къ чему предопредѣленъ, и чтобы въ теченіе года онъ скопилъ тотъ пока-что ⁵³³⁾ единственный матеріалъ, которымъ разъ въ три года ⁵³⁴⁾ кое-какъ удобряется поле.

Множественное имя „хлябѣвъ“ остается таковымъ почти номинально; позади полной хатки ⁵³⁵⁾, вдоль глухой стѣны ея, съ выступомъ въ площадь огородовъ, идетъ узкое (черт. А, лит. е) ⁵³⁶⁾, низкокровельное строеніе, въ которомъ ни снаружи, ни внутри нельзя примѣтить „хлябѣвъ“, а видится только одинъ хлѣвъ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ кое-какъ разграниченный изгородью изъ лежачихъ жердей. Такая изгородь по плотности далеко уступаетъ огородной и полевой, и если коровы и лошади не могутъ переходить въ помѣщенія другъ друга, то ничто не мѣшаетъ имъ сноситься чрезъ нее, по крайней мѣрѣ, какая-нибудь любезная корова лижетъ чрезъ изгородь понравившуюся ей ло-

шадь. Правда, относительно гуще загораживаются овечьи и свиные помѣщенія. Но если овцы состоятъ на „подножномъ корму“ у лошадей, то загородка первыхъ остается съ незакрывающимся въ сторону лошадей отверстиемъ, вполне достаточнымъ для прохода овецъ къ лошадиному корму. Въ помѣщеніи свиней имѣется входная дверь, или замѣняющая ее приставная доска; но это не всегда мѣшаетъ дерзкимъ животнымъ выбраться изъ своей закуты ⁵³⁷⁾ и повольничать по хлѣву изъ края въ край, пользуясь чѣмъ иной лакомка - „выпручекъ“ ⁵³⁸⁾ расположить къ себѣ дойную корову и начнетъ высасывать ея молочко, пока не будетъ накрытъ хозяевами, въ виду внезапной безмолчности коровы, свалившими было вину на „хливника“ ⁵³⁹⁾, вѣдьму, чаровницу-сосѣдку...

Какъ ни скромны хлѣвныя перегородки, онѣ все-таки разграничиваютъ слѣдующія, повидимому, громкія скотныя помѣщенія: а) „стайню“ — помѣщеніе для лошадей, б) „коровникъ“ — для рослыхъ коровъ, в) „целятникъ“, гдѣ ютятся подтелки-„шираймки“ и подвоспитавшіеся въ подпольѣ „сиголѣтки“ телята ⁵⁴⁰⁾, — г) „овечникъ“ и д) „свинярню“ ⁵⁴¹⁾. Что „хлявы“ есть собственно одинъ только хлѣвъ, лучше всего можно видѣть при навозной толкѣ: наѣдутъ спозаранку „госцики любинькіи“ ⁵⁴²⁾ — и прежде всего разберутъ хлѣвныя перегородки, а потомъ уже разберутъ одно заметное прясло къ улицѣ, когда на мѣстѣ его нѣтъ постоянныхъ воротъ. Образуется несовмѣстимое съ именемъ „хлявовъ“ поднавѣсное пространство, куда, какъ ласточки, въ теченіе дня станутъ влетать съ одного конца и вылетать въ другой навозныя телѣги. По завершеніи толочной работы, тѣ же „госцики“ снова заматаютъ прясло и разгородятъ хлѣвъъ точно такъ же, какъ то было до налета ихъ въ гости...

Съ внѣшней стороны описанный хлѣвъъ представляетъ пристройбу къ хаткѣ, задняя стѣна которой есть первая стѣна хлѣвного четырехольника; остальные три стѣны образуются изъ за-

метныхъ прясель въ „шұлахъ“, и только въ двухъ заднихъ углахъ, хотя и не вездѣ, стѣны имѣютъ срубныя вѣнцовыя построения. Крыша хлѣва, начинаясь подъ стрѣхою хатки ⁵⁴³), спускается слишкомъ „отвѣно“ на заднюю заметную стѣну, благодаря чему высота хлѣва здѣсь, особенно, при навозномъ ростѣ, едва достаточна для помѣщенія мелкихъ животныхъ, отдѣленія которыхъ на самомъ дѣлѣ и приурочиваются къ этой именно стѣнѣ. Для лучшей наглядности стоитъ припомнить, что стрѣха хатки можетъ имѣть наибольшую высоту въ 1 саж. и 10—16 верш., и что, спускаясь полого, хлѣвная крыша будетъ имѣть свою стрѣшную высоту, едва достигающую 2 арш. и 8 верш. Это имѣетъ выгодныя стороны: кое-какъ сложенная стѣна найдетъ защиту при самомъ посредственномъ снѣжномъ заносѣ, а лѣтомъ она встрѣтитъ то же въ густомъ крапивникѣ, чернобыльникѣ и чертополохѣ, кои здѣсь переростаютъ стрѣху...

Полагаясь на Богоданную шубку „стачины“, хозяева не придають особеннаго значенія мшеному хлѣву, а наиболѣе безпечные кладутъ заметныя бревна безъ надлежащаго спуска пазовъ, чрезъ что хлѣвъ имѣетъ нескончаемые сквозники, а въ суровые холода тутъ мерзнутъ мелкія животныя, или отмораживаютъ ноги коровы... Безпечность не пользуется, однако, тяжелыми уроками и, при наступленіи холодовъ новой зимы, подвинетъ хозяевъ развѣ на постановку вдоль хлѣвныхъ стѣнъ запасныхъ кулей соломы, обыкновенно безплодно покоящихся подъ случайнымъ, стрѣшникомъ, да на болѣе густую настилку скотныхъ помѣщеній соломою.

До сего времени рѣчь шла о наиболѣе простѣйшемъ хлѣвѣ, возможномъ тамъ, гдѣ безпечность, отчасти косность хозяевъ, или недостатокъ строительнаго матеріала заставляютъ вводить въ хлѣвной четырехугольникъ заднюю стѣну хатки. По тѣмъ же, болѣе крутымъ причинамъ, вмѣсто бревенчатаго замета, остальные стѣны имѣютъ „жардинны, пырканны“ и даже плетневыя стѣны,

съ внѣшней стороны кое-какъ защищенныя соломой, тростникомъ, камышомъ; ⁵⁴⁴) получается значительно худшій хлѣвъ, въ которомъ только Богъ спасаетъ скотъ отъ зимнихъ холодовъ, да отъ находа звѣрей... Но большинство заботливыхъ хозяевъ, устраивая хлѣвъ позади хатки, не вводитъ въ хлѣвной четырехугольникъ стѣны ея, а въ отступѣ сажени на три возводятъ отдѣльное строеніе съ собственною на обѣ стороны крышею. Если количество скота невелико и хозяйство не позволяетъ расширить скотоводства, хлѣвъ ограничивается только четырехугольникомъ, по длинѣ равнымъ полной хаткѣ, а боковыя стороны, къ улицѣ и огородамъ, забираются заметомъ. Но если дѣло скотоводства поставлено нѣсколько шире, и требуется значительно большее помѣщеніе, тогда на мѣстѣ указанныхъ заметовъ стоятъ подъ непрерывною съ хлѣвомъ крышею прибавочныя къ нему пристройки: въ этомъ случаѣ, да при разграниченіи скотныхъ мѣстъ капитальными стѣнами, дѣйствительно получаются „хлявы“, которые по отношенію къ хаткѣ даютъ подобіе широко развернутой буквы п. Нѣтъ надобности завѣрять, что у заботливыхъ хозяевъ такіе хлѣва мшечные, изъ плотно сметанныхъ бревенъ, а по всѣмъ четыремъ угламъ срубные, вѣнечные, при чемъ каждое помѣщеніе имѣетъ отдѣльную благоустроенную дверь.

Разъ хлѣва построены въ нѣкоторомъ отступѣ отъ задней стѣны хатки, между ними и сею послѣднею образуется вольный четырехугольникъ — извѣстный „дянный“ ⁵⁴⁵). Здѣсь скотъ вылеживается, а коровы доятся лѣтомъ, ради чего въ хлѣвахъ не затворяются двери; здѣсь же онъ группируется передъ выгономъ въ поле, а зимнею порою — на водопой. Въ виду того, что скотъ проводитъ на „дяникѣ“ добрую треть года, онъ уваживается немногимъ меньше хлѣвовъ, подобно имъ постигается соломой и вмѣстѣ же съ хлѣвами очищается въ навозную толоку.

Описанные хлѣва имѣютъ иногда двое воротъ — къ улицѣ и со двора, позади „исцѣпки“: въ первыя загоняются исключи-

тельно коровы, а въ послѣднія—мелкій скотъ и лошади. Чаше всего, однако, къ улицѣ нѣтъ воротъ, или таковыя отворяются лишь при толочной вывозкѣ навоза: въ этомъ случаѣ скотъ слѣдуетъ въ хлѣва и обратно черезъ дворъ, при чемъ, передъ вступленіемъ туда, онъ пройдетъ чрезъ „повѣтку“—заметное съ одной стороны, на столбовыхъ упоркахъ при „исцѣпкѣ“, однокровельное строеніе. При отсутствіи настоящаго „динника“, такая „повѣтка“ отчасти замѣняетъ его, по крайней мѣрѣ, здѣсь дольше другихъ стоятъ и даже ночуютъ лошади. Если подъ „повѣткый“ покоятся кое-какіе экипажи (сани—лѣтомъ, телѣга—зимой), то она получаетъ громкое имя „возбви“. Впрочемъ, такое имя переносится и на всякое другое помѣщеніе, какъ повѣтное, такъ и заметное, срубное, если только тамъ стоятъ экипажи. Все же скотное помѣщеніе—„хлявы, дянникъ и повѣтка“—носитъ общее имя „оборы“, которое встрѣчается значительно чаще имени „скотника“.

Сколько бы ни было входовъ въ „обору“, въ дополненіе къ нимъ остается неизмѣннымъ и вездѣ обязательнымъ входъ изъ сѣней чрезъ довольно узкую дверь, приходящуюся противъ входной въ сѣни двери. Это помогаетъ своевременно сноситься со скотомъ—доить коровъ, вносить пойло и успокаивать, когда въ хлѣву произошло какое-нибудь безпокойство⁵⁴⁶). Но въ плохо защищенныя сѣни это приноситъ тотъ смѣшанный запахъ навоза и скотскаго пота, который обдаетъ при вступленіи въ сѣни. Неприязательные деревляне сживаются съ „пахомъ“ хлѣва: аппетитно трапезуютъ въ сѣняхъ лѣтомъ, сладко спятъ здѣсь въ пологихъ, не брезгаютъ, когда перемалываемый тутъ хлѣбъ, или молочные консервы привьютъ къ себѣ этотъ „пахъ“... Существуетъ даже увѣреніе⁵⁴⁷), что хлѣвный „пахъ“ и, въ особенности, близкое сосѣдство „живоцины“, помимо теплоты, сообщаемой хаткѣ и жильцамъ, весьма здоровы и дезинфецируютъ жилье...

Въ послѣднемъ словѣ объ „оборѣ“ остается заявить, что она и, преимущественно, хлѣва остаются чѣмъ-то заповѣднымъ, недоступнымъ для самыхъ близкихъ сосѣдей, которые могутъ видѣть ихъ другъ у друга только во время навозной толоки. Но тогда здѣсь нѣтъ скота: онъ проводитъ день на паствѣ, а полдень и ночь—въ свободныхъ сараяхъ или полевой загородкѣ, если только очищенные хлѣва не „про вѣли“ и не настланы соломою. Что хлѣва заповѣдны и недоступны для стороннихъ во все остальное время, лучшимъ доказательствомъ служить практическій приемъ для выгона изъ хлѣва чужого животнаго, забравшагося сюда случайно, или запертаго со „шкóды“⁵⁴⁸): ни владѣлецъ животнаго, ни его посыльный не взойдутъ на „обору“ за своимъ повиннымъ или неповиннымъ животнымъ, и оно будетъ выдано хозяиномъ „обóры“, или его односельянами. Невозбранный осмотръ таковой и скота допускается только наиболее родственнымъ лицамъ—родителямъ отдѣленныхъ дѣтей, да братьямъ и сестрамъ съ ихъ супругами. Что же касается предложенія сторонняго лица зайти въ скотныя помѣщенія, то оно принимается какъ нѣчто обидное, вызываетъ недоумѣнiе хозяевъ и, если не будетъ отвергнуто рѣзкимъ отказомъ, такъ разрѣшится обиднымъ позволенiемъ...

VI. Клѣць и повклѣць⁵⁴⁹).

Строительное присловье, перешедшее въ загадку, объ этихъ строенiяхъ (черт. А, лит. ж, з, и) говоритъ такъ: „клѣць, ды повклѣць, а сярóдь ихъ икáя ни икáя (какая ни есть) повѣць“⁵⁵⁰). И дѣйствительно, когда налицо тó и другое строенiе, раздѣльное между ними пространство обязательно будетъ повѣтью, которая перейдетъ даже въ „возóвню“, если подъ нею ютятся экипажи. Въ построенiи двухъ однородныхъ, нерѣдко совершенно равныхъ по величинѣ зданiй, просвѣчиваетъ то же, что и въ построенiи „призбы“, или двухъ парныхъ одеждъ,—какъ

о томъ замѣчено въ III гл. настоящаго отдѣла. Правда, въ широкихъ хозяйствахъ и при хозяйственныхъ благополучіяхъ, клѣть и „повкльць“ могутъ оказаться едва достаточными для наличнаго хлѣба и другого добра; но почему-бы тогда не отстраивать одного цѣльнаго помѣщенія? Помимо отдаленныхъ причинъ (такъ строились дѣды), ближайшею служитъ то, что на клѣть и ея спутницу приходится удѣлять наиболѣе тонкій лѣсъ⁵⁵¹), изъ котораго не сложишь длинной и широкой постройки; съ другой стороны, самое, повидимому, устойчивое хозяйство находится въ зависимости отъ урожая: хорошъ онъ нынче—обѣ клѣти полны, нѣтъ—хлѣбъ и все добро свободно вмѣстится въ одной клѣти, а если таковая просторна, то сложенное здѣсь готово напомнить маленькое дитя, прибранное въ отцовскую одежду и обувь...

Клѣть и „повкльць“—холодные строенія. Несмотря, однако, на это, въ отношеніи ихъ строительныя заботы заходятъ дальше, чѣмъ при сооруженіи хлѣвовъ, а иногда превосходятъ тѣ же заботы и о хаткѣ. Что это такъ, стоитъ присмотрѣться къ постройкѣ клѣти снаружи и внутри. Такъ, прежде всего она не ставится непосредственно на землю, и нижній вѣнецъ покоится или на булыжной вдоль стѣнъ подкладкѣ, или на бревенныхъ столбахъ, однимъ концомъ вкопанныхъ въ землю,—что въ томъ и другомъ случаѣ даетъ клѣти фундаментъ. Далѣе: хотя здѣсь нѣтъ надобности мшить стѣнъ, составляющія ихъ бревна такъ плотно пригоняются другъ къ другу въ пазахъ и углахъ, что черезъ ничтожныя щели не можетъ пробраться даже муха.

Не въ примѣръ хаткѣ, клѣть обязательно имѣетъ досчатый полъ, при чемъ составляющія его доски припускаются одна къ другой плотнѣе стѣнъ, такъ что черезъ щели не можетъ пройти мелкое зерно. Сверхъ того, мѣста возможныхъ въ послѣдствіи щелей въ полу и нижнихъ половинахъ стѣнъ тщательно обмазываются глиною, смѣшанною съ пескомъ и „кылонцый“⁵⁵²), — что въ соединеніи образуетъ такую замазку, до которой не коснется

зубъ крысы и мыши. Опять же не въ примѣръ сѣнямъ, клѣть имѣетъ плотный досчатый потолокъ, который не настиляется мхомъ, землею, кострикою. Наконецъ, крыша клѣти строится такъ же заботливо, какъ и крыша хатки, т. е. изъ всѣхъ строе- ній она бываетъ „подъ гребенку“. Благодаря всему этому, да хо- рошо прилаженной двери, доступъ въ клѣть животнымъ алчни- камъ почти невозможенъ, и только послѣ долгихъ усилій сюда можетъ пробраться развѣ особенно настойчивая мышь или крыса. Въ предвидѣннн послѣдняго по клѣти размѣщаются приторные для мышей и крысъ предметы, испытанное дѣйствіе которыхъ достаточно извѣстно деревлянамъ, или же туда время-отъ-времени запирается домашняя гроза мышей—кошка.

Заурядная длина клѣти рѣдко превышаетъ 2 саж.; въ этомъ случаѣ ширина ея будетъ доходить до 1 саж. и 2 арш.; клѣть же съ квадратнымъ построениемъ встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ то бываетъ у хатокъ. Видимо скромные размѣры клѣти какъ-то непривычно сочетаются съ высотой, которая сна- ружи, отъ земли до крыши, доходитъ до 4, даже 5 арш., хотя внутри, отъ пола до потолка, она едва достигаетъ 1 саж. и 4 верш. Если, при зачинающихся постройкахъ, отъ клѣти отпу- щенъ въ сторону будущей повѣти „поплѣтъ“, какъ то бываетъ у хатки по отношенію къ будущимъ сѣнямъ, то жутко становится за такое капитальное строеніе, повидимому, способное сорваться съ мѣста при легкой бурѣ. На самомъ дѣлѣ даже незавершенная клѣть держится прочно, благодаря прочнымъ перегородкамъ внут- ри, для закрововъ. Ближайшимъ образомъ, по обѣ стороны две- ри, во всю ширину клѣти, идутъ два „повсцѣнки“ ⁵⁵³)—четыре плотно наложенныя одно на другое бревна, выходящія концами наружу и образующія съ продольными стѣнами клѣти срубы, по- хожіе на угловые. Другіе такіе же „повсцѣнки“, въ три бревна каждый, расположены нѣсколько ближе къ правой и лѣвой стѣ- нѣ, въ аршинномъ разстояніи отъ первыхъ, но такъ, что основа-

ніе ихъ зачинается съ той высоты, гдѣ оканчивается высота первыхъ „повсцѣнкывъ“, — что дѣлаетъ ихъ какъ-бы висящими въ воздухѣ. „Повсцѣнки“ въ свою очередь перегораживаются круглыми, или стесанными бревнышками, плотно наложенными другъ на друга и одними концами вправленными въ стѣнные пазы, а другими — въ пазы „повсцѣнкывъ“, при чемъ высота передней части перегородочнаго замета не превышаетъ высоты перваго „повсцѣнка“, тогда какъ высота задней части его равна высотѣ висящаго „повсцѣнка“. Эти заметныя перегородки разграничиваютъ „засики“⁵⁵⁴⁾ и служатъ для помѣщенія въ нихъ зернового хлѣба.

Приведенное описаніе перегородокъ относится къ наиболѣе просторнымъ клѣткамъ; въ клѣткахъ заурядныхъ перегородки нѣсколько скромнѣе и даютъ только одинъ рядъ „засикывъ“ противъ двери, — какъ то можно видѣть на черт. А, лит. — ж. Внутреннюю связь стѣнъ и, слѣдовательно, устойчивость всего строенія вершаютъ одна-двѣ подпотолочныя „бальки“, кои расположены всегда параллельно „повсцѣнкымъ“. Онѣ служатъ для привѣса разнообразныхъ предметовъ — грузной зимней одежды, запасной сбруи, сыровъ, колбасъ, окороковъ; здѣсь виситъ вполне очищенный, замораживающійся сальникъ до разбора его; здѣсь же, въ „минуту жизни трудную“, подвѣшиваетъ себя тотъ изъ жильцовъ, кому захотѣлось „свести счеты съ жизнью“⁵⁵⁵⁾...

Вполнѣ благоустроенная клѣтка имѣетъ „ганкы“ и крыльцо надъ нимъ, которые далеко непохожи на тѣ же предметы передъ домомъ. Такъ, „ганкымъ“ здѣсь служатъ два нижніе вѣнца клѣтки, въ сторону двора и двери удлиненные на 1 арш., а крыльцомъ — навѣсъ крыши по всей длинѣ длиннаго „ганка“. При углахъ онъ забирается точно такъ же, какъ „при клѣтцѣ празь стѣни“, т. е. имѣетъ двѣ небольшія „пригородки“ (см. III гл.), закуты которыхъ служатъ складочнымъ мѣстомъ для незначительныхъ предметовъ, орудій, ночлежнымъ притономъ для собакъ,

а если послѣднія при клѣти на цѣпи, то и всегдашнею будкою. —Полъ „ганка“ и потолокъ крыльца обыкновенно настилаются досками, немногимъ хуже, чѣмъ то сдѣлано и внутри клѣти.

Что сказано о построеніи и внутреннемъ размѣщеніи клѣти, то же цѣликомъ можно сказать и о „повклѣци“. Есть случаи, когда оба строенія имѣютъ тождественную величину, перегородки, полы и потолки, хотя добрая половина „повклѣцій“ строится нѣсколько бѣднѣе: съ глинянымъ поломъ, съ потолокомъ изъ жердей и даже безъ него, безъ перегородокъ и, слѣдовательно, безъ закрововъ. Въ послѣднемъ видѣ „повклѣць“ уже въ слабѣйшій мѣръ отвѣчаетъ своему спеціальному назначенію, а скорѣе превращается въ запасное строеніе, которому нѣтъ даже имени среди другихъ хозяйственныхъ построекъ.

Остановливаясь на разсмотрѣніи содержимаго клѣти и ея младшей сестры, приходится видѣть, что закрома первой, почтенныхъ размѣровъ мѣшки и кадки, помѣщенные на полу, наполнены отборнымъ хлѣбомъ для засѣва, продажи или запаса на возможные неурожаи: тогда клѣть удерживаетъ имя „мыгазэи, мыгазыны“. При такомъ положеніи въ „повклѣци“ содержится менѣе добротный, „пызадкывый“ хлѣбъ, запасы „приваркывый“ муки и крупа, т. е. хлѣбно-растительные предметы, предназначенные для текущаго продовольствія; здѣсь же ютятся и хлѣбные отбросы—мякина, „вотрина, пилуха, шаболы“⁵⁵⁶), у достаточныхъ хозяевъ цѣликомъ поступающіе на продовольствіе скота. При другомъ положеніи, клѣть содержитъ весь зерновой хлѣбъ, муку и крупу, тогда какъ ея спутница—только отбросы, остатки отъ нихъ, полученные на току, или при домашней обработкѣ. Встрѣчается и такое размѣщеніе: въ то время, когда въ клѣти сложенъ весь хлѣбъ и отбросы, въ „повклѣци“ хранятся „кублы“, сундуки съ повлажею, упряжь, мелкіе рабочіе предметы—бѣсы, лопаты, грабли и проч. Когда же послѣдовательныя задачи свели хозяйственное дѣло до крайности, когда нечѣмъ

наполнить и одной клѣти, тогда, послѣ продолжительной празднои стоянки, „повкльць“ незамѣтно переходитъ или въ скотное помѣщеніе, или въ подручное складище сѣна, соломы — „цѣрницы“⁵⁵⁷).

Видимое въ клѣти и „повкльци“ не всегда служитъ мѣриломъ помѣщеннаго здѣсь добра: такъ, въ глубинѣ закрововъ, подъ покровомъ зернового хлѣба, прячутся садовыя и дикія яблоки, которыя потомъ во всю зиму служатъ лакомыми „смаго“-прогонными и даже лѣкарственными предметами, — прячутся запасенныя на мясоѣдъ колбасы, „вяндлина“ къ Пасхѣ, яйца и печеные хлѣбы лѣтомъ. Наконецъ, тутъ же прячутся цѣнные уборные предметы изъ металла и камней и, чаще всего, деньги, кои не такъ легко могутъ быть найдены здѣсь посягателями, какъ въ заурядныхъ складахъ и „схобахъ“.

Служа хранилищемъ предметовъ первой необходимости, клѣть и „повкльць“ обязательно строятся въ чертѣ подворной площади, противъ оконъ хатки, чрезъ которыя жильцы могутъ въ любую пору дня и ночи слѣдить за содержательными, дорогими постройками, и, какъ замѣчено раньше, въ строительномъ отношеніи обѣ онѣ обставляются заботливѣе другихъ построекъ. Между прочимъ, на послѣднее указываетъ и единственная дверь на срединѣ лицевой стѣны клѣти: она сработана изъ плотно пригнанныхъ толстыхъ досокъ, отворяется внутрь клѣти и имѣетъ два прочные запора — „на чѣпиль“ снаружи и „на засовку“ внутри, отодвигающуюся особымъ шарнирнымъ ключомъ (см. примѣч. 446).

Раздѣльное пространство между клѣтью и „повкльціей“ (черт. А, лит. з), съ внѣшней стороны защищенное замѣтнымъ заборомъ и находящееся подъ общею съ ними крышею, есть известная „повѣтка“, даже „возовня“. Здѣсь нѣтъ ни воротъ, ни загорожи со стороны двора, нѣтъ подпорныхъ столбовъ, и стрѣшная часть крыши опирается на одно-два бревна, перекинутыя отъ

одного строения къ другому. Если жилия помѣщенія построены не при дорогѣ, ни даже въ улицѣ, то при послѣднихъ будутъ „кльць, ды повкльць, а сяродъ ихъ икая ни икая повъць“. Въ этомъ случаѣ въѣздныя на дворъ ворота устраиваются на мѣстѣ замѣтной стѣны повѣти, и послѣдняя даетъ тогда сквозникъ, не теряющій, однако, имени „повѣтки“; сверхъ того, она будетъ нѣсколько уже (по ширинѣ воротъ) заурядной, достигающей до 2 и болѣе саж. въ ширину.

Сквозная повѣть не заставляется предметами, чтобы не загораживать едва достаточнаго проѣзда на дворъ; заурядная же повѣть, напротивъ, переполнена ими. Кромѣ экипажей, подъ нею покоятся: приставленная къ стѣнѣ соха, борова, лучинныя плахи, старая кадка, колесо, охапка сѣна или соломы и т. п. разнообразныя предметы, кстати, размѣщенные наскоро, какъ ни попало. Но та и другая повѣть имѣютъ потолочныя балки, кое-какъ застланныя запасными досками или тонкими жердями. Это мѣсто почти всегда бываетъ „курошесцій“⁵⁵⁸), а поставленные, напр. на настилку сани даютъ кладущимся курамъ безопасное гнѣздо лѣтомъ.

Если нѣтъ „повкльци“, повѣть все-таки занимаетъ свое мѣсто; но тогда доступъ въ нее открытъ съ двухъ сторонъ—со двора и со стороны огородной изгороди,—что не умаляетъ ни размѣровъ ея, ни назначенія.

VII. Токъ, рига, рея⁵⁶⁰).

Поодаль отъ строеній, всегда на задней окраинѣ усадебной площади, ширится крытое развальное строеніе—токъ или рига, рея (черт. А, лит. к), которое весьма рѣзко отличается не только отъ описанныхъ выше, но и отъ другихъ гуменныхъ построекъ⁵⁶¹). Составляя одновременно теплое и холодное строеніе, токъ строго дѣлится а) на собственно токовище и б) сушильню,—какое дѣленіе не замѣчается извнѣ, потому что сушильня только

одною стѣною выходить наружу, тогда какъ остальные стѣны скрыты въ глубинѣ токовища, обнесеннаго заметными стѣнами и покрытаго сплошною двухскатною крышей. При ближайшемъ разсмотрѣннн тока съ внѣшней стороны, замѣчается, что размѣры его (минимальная длина 7, а ширина 4 саж.) какъ-то неудачно сочетаются съ высотой. Но это можетъ вазаться лишь съ двухъ боковыхъ сторонъ, гдѣ крыша спускается чрезъ стѣны длинными стрѣшниками, доходящими до 1¹/₂ арш., и впечатлѣннн значительно измѣняется передъ лицевою стороною, при вступленнн въ ворота: здѣсь открывается саженная высота стѣнъ, а поднимающіяся отъ нихъ стороны крыши сходятся на высотѣ почти трехъ саженей. Если войти въ совершенно празднон токъ, то послѣ хатки, хлѣвовъ и клѣти, онъ подавляетъ громадностью, тѣмъ болѣе, что это единственное зданнн, гдѣ эхомъ отдаются не только голосъ, но и скромные шаги вошедшаго. Почти тоже испытывается и тогда, когда по обѣ стороны токовища, отъ воротъ до сушильни, отъ земли до крыши, стоятъ двѣ сноповыя стѣны, хотя суженное пространство, съ непривычно высокими стѣнами и и указанною высотой крыши, даетъ обаяннн страха: вотъ-вотъ рухнутъ сноповыя стѣны и надѣлаютъ бѣдъ!.. Когда же примолотится хлѣбъ, когда соломенные кули, или скромные остатки ихъ займутъ мѣста сноповыхъ стѣнъ, и когда постилочная и кормовая солома раскинется безпорядочными кучами, ворохами, тогда указанное обаяннн значительно ослабляется, даже эхо пропадаетъ, и это длится до очистки тока для новаго хлѣба, — что обыкновенно дѣлается только передъ Ильинымъ днемъ.

Площадь всего токовища ограничивается, съ лицевой части, въѣздными въ токъ воротами, заметными заборами въ одно прясло по ту и другую сторону воротъ, а справа и слѣва — длинными заметами въ нѣсколько прясель, сзади же — сушильней и двумя закутами, образующимися между правою и лѣвою стѣною послѣдней, и заметными стѣнами тока. Собственно токовище, т. е.

мѣсто, предназначенное для молотбы, значительно меньше: начинаясь отъ въѣздныхъ вѣротъ, оно протягивается до сушильни, а справа и слѣва ограничивается низкими въ два-три бревна заметками, идущими отъ угловъ сушильни къ воротамъ,— что обозначено (черт. А, лит. в) двумя пунктирными линиями. Эта избранная площадь старательно выравнивается, утрамбовывается и настиляется слоемъ глины, дающей потомъ прочный глиняный полъ; остальные мѣста токовища только сглаживаются и кое-какъ утрамбовываются. Такимъ образомъ, все токовище, разграничиваясь заметками, имѣя двѣ закуты, иногда, въ свою очередь, разгороженныя жердями, дѣлится на пять частей, служащихъ отдѣльнымъ надобностямъ: для молотбы, для склада ржаныхъ сноповъ, для склада яровыхъ сноповъ (сноповыя стѣны), для склада стручковыхъ растеній и „вѣтрины“ (обѣ закуты). Среднему крестьянскому хозяйству это позволяетъ вмѣстить на току наличный хлѣбъ, который прямо съ поля укладывается здѣсь стѣнами, и тогда нѣтъ надобности въ отдѣльномъ хлѣбномъ сараѣ, устраиваемомъ развѣ при большомъ хлѣбномъ хозяйствѣ. Что же касается молотильныхъ остатковъ, то яровой и вообще кормовой соломѣ найдется мѣсто въ закутахъ тока, на опорожняемыхъ мѣстахъ сноповыхъ стѣнъ, тогда какъ прямая ржаная солома, связанная въ „пукѣ“⁵⁶²), находитъ достаточное мѣсто подъ стрѣшниками, а нѣсколько помятая, постилочная, можетъ покоиться и подъ открытымъ небомъ, на гумевой площади. Послалъ Господь урожай, или въ хозяйство поступило большее количество сноповаго хлѣба, на которое недостаетъ въ току рассчитаннаго мѣста; снопы укладываются на той же площади скирдами, „одѣнками“, и перемолачиваются первыми. Въ обратномъ случаѣ на томъ же току можетъ вмѣститься и безъ стѣсненія быть перемолоченнымъ хлѣбъ двухъ хозяйствъ. Въ такомъ именно положеніи и бываетъ молотильное дѣло захудалыхъ, малоземельныхъ хозяевъ, которые сообща строятъ одинъ токъ, и его вполне достаточно не только для

склада сноповъ, молотбы, но и для склада молотильныхъ остатковъ, въ видѣ соломы.

Въ дополненіе къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что токъ есть одно изъ тѣхъ строеній, гребень которыхъ держится „сохами“⁵⁶³⁾. Въ данномъ случаѣ „сохою“ называется березовое, рябиновое или осиновое бревно, оканчивающееся прочными узлами. Когда, при построении тока, наступило время заводить крышу. Въ яму у замета⁵⁶⁴⁾ вкапывается комлемъ и наклонно, въ сторону токовища одна „соха“; другая такая же „соха“ уставляется съ противоположной стороны: въ мѣстѣ соединенія, на трехсаженной высотѣ, вилы обѣихъ „сохъ“ способны прочно удерживать вложенное въ нихъ бревно, которое, однако, поддерживается еще двумя парами такихъ же равномерныхъ „сохъ“; а если токъ очень длиненъ, да широкъ, то гребневое бревно или соединенныя два бревна по всей длинѣ покоятся на четырехъ парахъ „сохъ“. Это даетъ основу будущей крыши: на гребневое бревно накладываются крючковатая стропила, спускающіяся на заметныя стѣны и вмѣстѣ съ настильными жердями образующія „полетъ“. Если сушильня выше заурядной, то серединною частью стропила опираются на верхнія бревна ея,—что позволяетъ довольствоваться меньшимъ числомъ „сохъ“ на одну пару.

Справедливо ожидать, что широкая, грузная крыша тока должна сдавливать заметныя стѣны не книзу только, а и въ сторону токовища. Но первое предупреждается тѣмъ, что наверху замета, въ выбоины „шуль“ кладутся длинныя и прочныя бревна, на которыя и опираются стропила; второе же предупреждается тѣмъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ по ширинѣ всего токовища, отъ „шулины до шулины“, кладутся балки. Последнее, однако, мѣшаетъ полному размаху цѣповъ, которые могутъ задѣвать балки. Гораздо сподручнѣе и достигаютъ той же цѣли прочныя подпорки снаружи и внутри, и онѣ придаются каждой „шулины“ при установкѣ ихъ и замета.

„Сыхатый токъ“ можетъ быть отличенъ даже снаружи, потому что одна пара „сохъ“ ставится на задней сторонѣ строенія, за чертою замета и выступающей сюда стѣны сушильни. Очевидныя удобства „сыхатыго току“ дѣлаютъ его болѣе распространеннымъ, несмотря на то, что „сохи“ скоро прогниваютъ, какъ чернотѣсныя, и требуютъ скорѣйшей смѣны, чѣмъ сосновыя, или еловыя „шұлы“. Это не исключаетъ, однако, устройства тока „бязсохыго“: гребневое бревно такого тока покоится на толстыхъ бревенчатыхъ упоркахъ, нижнимъ концомъ опирающихся на средину каждой балки. Какъ при данномъ построеніи молотбиты управляются съ цѣпами, не задѣвая балокъ—слѣдуетъ искать отвѣта въ привычной ловкости молотящихъ, хотя и должно признать, что желательные взмахи цѣпа здѣсь не имѣютъ простора, предоставляемаго „сыхатымъ токымъ“.

Заметныя стѣны тока, имѣющія срубно-вѣнечное построение только въ четырехъ своихъ углахъ, нарочно дѣлаются со щелями, чтобы врывающійся чрезъ нихъ вѣтеръ могъ провѣвать сноповыя стѣны; точно также слабо, или вовсе не защищаются: наддворотное отверстіе съ лицевой стороны и такое же по верху замета и сушильни—съ задней. Все это даетъ желательную сквознину, часто необходимую при вѣяніи хлѣба, и чтобы усилить, или получить таковую, почти въ каждомъ току устраивается въ срединѣ боковой стѣны узкая дверь, поднятая на аршинъ отъ земли: смотря по направленію вѣтра, она, какъ и ворота, то открывается, то остается затворенною, ни при вѣяніи только, но и во время молотбы, когда рабочимъ требуется или защита отъ вѣтра, или прохлада.

Вторую, въ то же время существенную часть тока составляетъ сушильня. Она бываетъ двухъ типовъ: а) „ѣвня, ѣвинка“, и б) „осѣць, осѣтка“⁵⁶⁵). Какъ замѣчено раньше, это теплое строение почти полностью скрывается въ глубинѣ и подъ кровомъ тока. Закоптѣлая внутри и снаружи, покрытая толстымъ слоемъ

пыли, вдали отъ свѣта, съ одною лишь „бокѳвкый“ у задней стѣны, кстати, устроенной низко, вовсе не для пропуска свѣта и потому почти всегда закрытою, сушильня вершаетъ то обаяніе пустоты и жуткости, о которыхъ упоминалось выше. Въ самомъ дѣлѣ: вступивъ подъ высокую крышу широкаго строенія, пройдя по крѣпкому глинистому токовищу, отдающему шагу эхомъ, низко наклонясь въ дверномъ проходѣ, да занеся высоко ногу, чтобы переступить высокій порогъ, посѣтитель очутится въ полной темнотѣ, въ которой нельзя приспособить зрѣнія больше потому, что вполне черныя стѣны усугубляютъ мракъ. Немудрено, что токъ и сношеніе съ нимъ способны породить предрасудочные страхи, подобно страхамъ на кладбищѣ, въ густомъ лѣсу, на болотѣ, и нѣтъ удивительнаго въ томъ, что наиболѣе „пудливыи и улякывшіи“ ⁵⁶⁶⁾ не рѣшатся пойти на токъ въ одиночку...

Обращаясь къ строительной сторонѣ сушильни, приходится сказать, что это вполне квадратное (длина стѣны отъ 2 саж. до 2 саж. и 2 арш.), срубно-вѣнечное и вполне теплое строеніе, т. е. имѣетъ ишеныя стѣны, настильный и насыпной потолокъ, плотно прилаженную, хотя и весьма низкую (1 арш. и 10 верш.), неширокую (1 арш.) дверь. Къ сему можно прибавить, что твердый глиняный полъ сушильни нѣсколько ниже токовища и что въ правомъ углу отъ входа, въ углубленіи пола, тонетъ кирпичная, глинобитная, или сложенная изъ подходящихъ булыжниковъ печь, по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе даетъ „ѳвинная печка“, возвышающаяся подъ поломъ верш. на 8—10. Чтобы управиться съ топкою, необходимо спрыгнуть въ четырехугольную передъ устьемъ печи яму, глубина которой будетъ по грудь рослому мужчинѣ. Въ этой ямѣ, по длинѣ равной сторонѣ всегда квадратной печи ⁵⁶⁷⁾, а по ширинѣ не превышающей 1 арш., можно управляться лишь на корточкахъ. Въ „осѣци“ печь того же построенія, но она бѳльшею половиною возвышается надъ поломъ и не имѣетъ передъ устьемъ такой глубокой ямы.

Существенная разница между „ёвній и осёцій“ состоитъ въ томъ, что первая, при наибольшей высотѣ въ 4 арш., имѣетъ ординарное приспособленіе для сушки хлѣба, тогда какъ вторая доходитъ до высоты 2 саж., имѣетъ два этажа, разграниченные досчатымъ поломъ, сверху наслоеннымъ глиною, съ отдѣльнымъ въ верхнемъ ярусѣ квадратнымъ отверстіемъ съ дверью, чрезъ которое снопы передаются въ верхнее отдѣленіе „осёци“ и обратно. Для прохода теплаго воздуха изъ нижняго яруса въ верхній, между стѣнами и раздѣльнымъ потолкомъ, справа и слѣва оставляются узкіе отступы, едва достаточные для пролаза взрослому человѣку. Преимущественныя выгоды „осёци“ очевидны: хлѣбъ можетъ сушиться въ двухъ ярусахъ одновременно, менѣ коптитъ, такъ какъ въ иныхъ осёцияхъ нѣтъ при-стѣнныхъ отступовъ, и теплый воздухъ пропускается въ верхнее отдѣленіе лишь послѣ топки чрезъ мелкія отверстія въ срединномъ потолкѣ. Наконецъ „осёць“ болѣе безопасна въ пожарномъ отношеніи. Однако, несмотря на преимущества „осёци“, она строится рѣдко, и ея имя перенесено на „ёвню“, которая можетъ быть встрѣчена повсюду, изъ края въ край. Почему такъ?—возможнымъ оправдательнымъ отвѣтомъ можетъ быть развѣ сбереженіе строительнаго матеріала да унаслѣдованная привычка обращаться только съ „ёвній“.

Единственнымъ приспособленіемъ для установки сноповъ укладки стручковыхъ растеній (горохъ, „сочивка“) ⁵⁶⁸) и льняныхъ головокъ въ сушильнѣ служатъ двѣ при-стѣнныя балки на высотѣ 1 арш. и 8—10 верш. отъ пола, которыя то густо, то рѣже настилаются „градкымп“—средней толщины гладкими жердочкамъ, равными длинѣ или ширинѣ „ёвни“, и свободно перемѣщающимися на балкахъ ⁵⁶⁹). Когда нужно „садить ёвню“ ⁵⁷⁰), первая жердочка отодвигается отъ стѣны и на нее уставляется рядъ сноповъ концами; то же дѣлается и до послѣдней жердочки, которая будетъ у противоположной стѣны: образуется снопо-

вый потолокъ, подь которымъ для подбора колосьевъ, метенья пола и затвора „бокѡвки“ приходится пробираться на четверенькахъ.

Если хлѣбъ достаточно просушенъ на полѣ, тогда „ѡвня сѡдитца“ значительно гуще, при чемъ одинъ рядъ сноповъ ставится на „градку“ комлями, а другой втискивается колосьями внизъ, да сверхъ того на вершину уставленныхъ сноповъ кладутся другіе, вплоть до потолка. Такимъ образомъ въ скромной по размѣрамъ „ѡвни“ можно за одинъ разъ сушить отъ 3—7 „копъ“⁵⁷¹⁾ средней „вѣзи“⁵⁷²⁾, или 180—420 сноповъ, должная обмолотка которыхъ вполне достаточна на малосемейное хозяйство. Болѣе же сырой хлѣбъ „сѡдитца“ не такъ густо, а иногда выдерживаетъ двухъ и трехдневную сушку, при топкѣ печи раза два-три.

Хотя для зимняго посѣва пригоднѣе высушенный въ сушильнѣ хлѣбъ—его зерно „трывалѣй“⁵⁷³⁾, тепломъ и копотью убиваются зерновые паразиты,—однако, есть случаи и свойство почвы, когда сѣменная, напр., рожь не сушится, а добывается „сыромолотымъ“. Тогда на избранномъ мѣстѣ токовнища ставится мялка, или кладется бревно, свободный улей, о которые и хлещутся снопы. Черезъ „сыромолотъ“ изъ сноповъ выдѣляются далеко не всѣ зерна: въ подходящее время такіе „околѡтки“ вѣдаются потомъ съ сушильней, съ цѣпами и вообще молотильною обработкой⁵⁷⁴⁾.

Таковъ „ѡвинный и осѣтный токъ“ бытѡискуемаго времени, удовлетворявшій двумъ потребностямъ—молотьбѣ и складшцу сноповаго хлѣба и соломы. Но уже тогда въ скромныхъ хозяйствахъ отстраивался токъ меньшихъ размѣровъ и съ видоизмѣненной особенностью, нынѣ сдѣлавшійся зауряднымъ, благодаря мелкотѣ и прибѣденности доброй трети крестьянскихъ хозяйствъ, а именно: сушильня занимаетъ уголь тока, наружу выступаютъ двѣ стѣны ея; входящія въ черту заметовъ—задняго и бокового, при чемъ на верхнее бревно боковой стѣны опираются стрѣшниковые кон-

цы стропиль одной стороны крыши; гребень же ея приходится не надъ серединою сушильни, а надъ противоположною, внутреннею стѣною ея. Выгоденъ ли такой токъ, гдѣ открыты двѣ стѣны сушильни—могутъ отвѣтить владѣльцы его; но онъ получаетъ распространеніе и удовлетворяетъ молотильнымъ потребностямъ ограниченныхъ хозяйствъ не хуже настоящаго.

Кромѣ специальной, въ скромномъ хозяйствѣ кратковременной службы, токовище служить и другой: здѣсь мнется и треплется пенька и ленъ,—отъ чего при-воротныя и при-дверныя (сквозниковая дверь) мѣста хранятъ довольно объемистыя кучи кострики, которыя растутъ съ каждымъ годомъ, пока содержимое ихъ не потребуетъ на потолочную настилку, на завалинки или на замощеніе какой-нибудь дороги. Скучная, трудная и вмѣстѣ грязная обработка пеньки и льна начинается лишь по окончаніи молотбы,—что приходится на скучный мѣсяць октябрь, или начало ноября, и это не похоже на игривую молотбу, такъ пріятно узнаваемую издали по мѣрнымъ ударамъ нѣсколькихъ цѣповъ, ударамъ съ особеннымъ „гукымъ-пукымъ“⁵⁷⁵). И не даромъ въ числѣ дѣтскихъ игръ есть воспроизведеніе, подражаніе молотбѣ, извѣстное подъ терминомъ „дражницъ“⁵⁷⁶) мылоцбѣ“. Для обычныхъ игръ дѣти не заходятъ въ токъ изъ-за неприглядной репутаціи его и, пожалуй, отдаленности отъ дома; зато молодежь нерѣдко собирается сюда на „тынцы-плясы и хыровбдицца“⁵⁷⁷).

Въ свою очередь и сушильня нерѣдко отправляетъ второстепенную, повидимому, неподручную службу. Такъ, если печь сложена изъ булыжниковъ, на подобіе банной, то здѣсь можно „узѣць на пѣты, пыцирабицца вѣничкымъ и спылоснѣцца“ грѣтою, водою, какъ и въ настоящей банкѣ, за тѣснотю хатки и домашнимъ многолюдствомъ; сюда въ сопровожденіи бабки-повитухи отправляются беременныя, чтобы разрѣшиться⁵⁷⁸); или на выправку органическихъ поврежденій; наконецъ, въ грибные урожаи, когда

въ лѣсу „хуць косу зыкыдай“ на грибы, послѣдніе сушатся на ровной площади печи и досушиваются потомъ на тѣсно сдвинутыхъ „градкыхъ“.

Въ дополненіе къ сказанному о существенной и второстепенной службѣ тога можно прибавить еще, что въ переживаемое и ближайшее время онъ служитъ цыганскимъ зимовьемъ, разумѣется, по взаимному соглашенію съ хозяевами; но въ первую половину бытописуемаго времени, когда достаточно извѣстенъ былъ типъ „бѣглыхъ“, укрывавшихся отъ крѣпостного гнета, или отъ солдатчины, токѣ служилъ зауряднымъ пріютомъ такихъ лицъ и занимался безъ вѣдома хозяевъ: между тѣми и другими устанавливались своеобразныя, вполне безмолвыя сношенія. Примѣрно: примутся рабочіе семьяне за молотѣбу, или за ленъ—и вдругъ изъ-подъ соломы, со сноповой стѣны, или угла сушильни выползаетъ невѣдомый челоуѣкъ, безмолвно беретъ за запасное орудіе и работаетъ усердно, до конца работы. Никто не спроситъ: кто онъ, откуда и зачѣмъ? потому что по прибѣденному виду и плохой одеждѣ достаточно опредѣляется личность Богоданнаго, усерднаго и бесплатнаго пособника. Таково первое знакомство хозяевъ съ невольнымъ, часто опаснымъ квартирантомъ, который, по окончаніи работы, приниженно забирается туда, откуда появился. Отвѣтомъ на это со стороны хозяевъ служитъ посылка кое-какихъ харчей, безмолвно, почти тайкомъ оставляемыхъ на току⁵⁷⁹). Въ дальнѣйшее время, по мѣрѣ выясненія личности укрывающагося и ослабленія пощковъ за нимъ, да благодаря сосѣдской дружбѣ, умолчанію передъ властями, такіе нежданые пособники нѣсколько сходились съ хозяевами и сосѣдями, принимали участіе даже въ полевыхъ работахъ, пробираясь туда окольными путями, или „ны прямѣй“⁵⁸⁰).

Хотя при данномъ хозяйствѣ могутъ найтись и другія строенія, вполне пригодныя для пріюта укрывающихся, какъ, напр., сарай и баня, но „бѣглые“ почему-то предпочитали тоуѣ. Зная

это, власти устраивали облавы и тщательные обыски именно на току, и часто поиски увѣнчивались находкою и поимкою укрывающагося, за котораго хозяева не могли отвѣчать, какъ пристанодержатели.

Прошло время—и единственными укрывающимися на току существами оказались вредоносные грызуны, въ поимку за которыми время-отъ-времени проберется кошка, или набѣжитъ злой „шашокъ“ да ласка съ горностаемъ, или подъ стрѣхою переднюетъ сова, летучая мышь. Ласточки, а тѣмъ менѣе воробьи, неохотно и по нуждѣ строятъ здѣсь свои гнѣзда. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ увѣреніемъ деревлянъ, что, внѣ хозяйственныхъ и семейныхъ нуждъ, токъ служитъ притономъ для наиболѣе неоптребныхъ существъ, то гражданскихъ отбросовъ и подонковъ, то для опустошителей крестьянскаго хлѣбнаго хозяйства⁵⁸¹).

За исключеніемъ сыромота, правильнѣе называемаго „обколотый“, молотильная работа однообразна изъ края въ край и совершается съ простотою, унаслѣдованною отъ предковъ. Для полноты описанія тока и для ознакомленія съ многозначительнымъ дѣломъ, почти вершающимъ трудъ земледѣльца, не бесполезно будетъ прослѣдить молотильное дѣло отъ начала до конца, когда очищенные зерна поступаютъ въ мѣшокъ и на дюжихъ плечахъ мужчинъ переносятся съ тока въ клѣть.

Въ предвидѣніи завтрашней молотьбы, наличные молотьбиты изъ семьянъ, толочане, или наемники обыкновенно справляютъ „вечерю“ раньше обыкновеннаго и немедленно же укладываются спать, изъѣдка—въ хаткѣ, въ большинствѣ—въ сушильнѣ, подъ посадомъ, который не только достаточно высушенъ, но и выстоялся („ѣвня выстылыся“)⁵⁸²), т. е. снопы значительно охладѣли. Доложь ли, коротокъ ли сонъ молотьбитовъ, но они просыпаются съ „вторыми пѣтухами“⁵⁸³) и непосредственно съ ложа⁵⁸⁴) приступаютъ къ молотильной работѣ, при тускломъ свѣ-

тѣ одной лучины, обыкновенно торчащей въ угловой щели сушильни ⁵⁸⁵). Въ то время, когда одни снимаютъ съ „градькѣ“ снопы и выкидываютъ на токовище, другіе кладутъ ихъ непрерывною отъ сушильни до конца токовища грядою, при чемъ ржаные снопы помѣщаются колосьями другъ на другъ и врозь комлями,— что даетъ въ грядѣ два ряда сноповъ; яровые снопы укладываются такою же грядою, но въ ней будетъ уже три, даже четыре ряда сноповъ, лежащихъ не съ регулярностью ржаныхъ, т. е. здѣсь одинъ снопокъ часто лежитъ колосьями на комлѣ другого, поперекъ и проч. Гряда сноповъ даетъ „пыстаць“ ⁵⁸⁶), вполне достаточную для первой молотильной обработки. Вооруженные цѣпами, молотъбиты располагаются по обѣ стороны гряды и начинаютъ работу, направляя удары цѣповъ къ одному мѣсту, протяженіе котораго не превышаетъ 2 арш. (при молотъбѣ 6 лицъ). Въ это время молотъбиты медленно перемѣщаются съ конца въ конецъ гряды, взадъ и впередъ, не поворачивая, однако, лица отъ разъ принятаго направленія ⁵⁸⁷).

Дружные, мѣрные и дюжіе удары цѣповъ касаются сначала колосьевъ, а потомъ уже передаются комлямъ, при чемъ тутъ больше всего достается „вязьмѣ“ ⁵⁸⁸), которое часто не выдерживаетъ ударовъ и распадается. Когда, такимъ образомъ, молотъбиты прошли вдоль гряды разъ 10, работа временно приостанавливается, для переверта сноповъ, и потомъ снова возобновляется съ прежними приемами. Первая „пыстаць“ считается оконченною тогда, когда уцѣлѣвшіе снопы будутъ встрясены надъ грядою руками, а солома—вилами, и убраны въ сторону. Слѣдуетъ новая настилка „пыстацѣ“ на то же мѣсто, гдѣ была первая, и новая молотильная обработка ея, хотя вымолоченныя зерна первой, по большей части, предварительно отодвигаются граблями и лопатой въ сторону. Въ „сквалѣжныхъ“ хозяйствахъ не довѣряютъ цѣпу, и уцѣлѣвшіе снопы (ржаные) еще разъ „ворушутца“ ⁵⁸⁹) и обиваются такъ, какъ при сыромолотѣ, и только послѣ этого связы-

ваются въ кули, а разбитая солома относится на предназначенное мѣсто.

Собственно молотба, упорядоченіе соломы и окончательное метенье токовища, чтобы подобрать разметанныя зерна и приготовить его къ вѣянью, заканчивается къ разсвѣту—и запыленные, усталые молотбиты направляются къ „сиданню“. Дальнѣйшая работа на току по силамъ одному лицу, а потому, послѣ ѣды и незначительнаго „отпочиву“, молотильное дѣло справляетъ самъ хозяинъ, или его надежный замѣститель.

Если есть надлежащій сквозникъ, или его можно получить отворомъ и затворомъ воротъ, боковой „фортка“, или же для того нужно перемѣстить хлѣбный ворохъ съ одного конца токовища на другой, вѣянье не откладывается надолго; но при бурной погодѣ, порывистомъ, неопредѣленномъ вѣтрѣ, это дѣло затягивается, и ворохъ, прикрытый соломой, мѣшками, снятою дверью сушильни и проч., простоятъ нетронутымъ иногда сутокъ двое. Во всякомъ случаѣ, предварительно вѣянья, слѣдуетъ „проба вѣтра“, для чего то съ одного, то съ другого конца токовища бросается одна пробная лопаточка вороха.

Когда благопріятное направленіе вѣтра опредѣлилось, вѣяющій усаживается на специальной колодкѣ, при самомъ ворохѣ, и, зачерпнувъ лопаточкою изъ кучи, бросаетъ впередъ зачерпнутое, гдѣ тонкая, грубая мякина, колосья, куски соломы, отдѣлившіеся комья глины, словомъ—все, что прошло межъ грабельныхъ зубьевъ при „пирогни“⁵⁹⁰) вымолоченнаго, летитъ впередъ, но укладывается вдоль токовища въ опредѣленномъ порядкѣ: у ногъ вѣющаго ложится „пилюха“, за ней—мякина; далѣе слѣдуетъ: „вотрина, пызѣдки“, настоящія зерна, на окраинѣ послѣднихъ—наиболѣе крупныя „спорыньи“, отпавшія съ зернами колосья, и далеко за чертою зеренъ—глиняные комья. Благодаря равномерному взмаху вѣялки, навычной ловкости вѣющаго, да попутному сквознику, все это накладывается полукружіемъ, въ за-

мѣтномъ раздѣлѣ другъ отъ друга. За послѣднимъ взмахомъ лопаточки вѣющій сгребаетъ ея „пилюху“ въ отдѣльный ворохъ. и тѣмъ кладетъ первое начало къ раздѣлу „збѣжжа“; вслѣдъ за симъ онъ отодвигаетъ мякину въ сторону уже граблями и тѣми же граблями осторожно сдвигаетъ въ отдѣльный ворохъ „вѣтрину“; замѣтивъ укладку „пызадкывъ“, вѣявшій разъединяетъ ихъ со „стопами“ зернами лопатою, которою, по другую сторону этихъ зеренъ, дѣлаетъ то же съ крайними отбросами. Такимъ образомъ, получается, 6 различныхъ вороховъ, тщательно отдѣленныхъ другъ отъ друга при помощи лопаты, граблей и метлы. Тогда всѣ заботы направляются на „стопащія зерннты“: тонкою метлою сгоняются на окраины колосья, соломинки, отдѣляются въ ручную и метлою до тѣхъ поръ, пока не получатся вполне очищенные зерна хлѣба, которыя сгребаются въ кучу послѣ всего.

Какъ очевидно, молотильная работа распадается на два отдѣльных дѣйствія—собственно молотьбу и вѣянье, хотя въ житейскомъ пониманіи оба они нераздѣльны, составляютъ одно цѣлое „молотьбы“. Нѣтъ спора, трудна первая половина молотильной работы: вѣдь не даромъ же она бываетъ коллективною, и не подоспѣй къ сему суровое, почти злобное состояніе, которое набѣгаетъ съ просонковъ и которое молотьбиты, кажется, проявляютъ ожесточенными ударами цѣповъ, работа могла бы затянуться, „спрыкривиць“; но и вторая половина молотьбы, повидимому, легкая, переносима лишь въ силу благодушія сытаго и отдохнушаго послѣ ѣды человѣка, который прикованъ къ ней на 3—5 часовъ сряду... Если стряпуха наскоро создастъ какое-нибудь кушанье, швея грубо и съ тѣми же „наскоро“ сметаетъ швы новой одежды, если и мужчины въ области мужскихъ работъ проявятъ нѣчто подобное, хотя бы, напр., въ приготовленіи дровъ, которыя въ спѣшномъ случаѣ переламываются даже безъ помощи топора, нажимомъ колѣна, то это никого не удивитъ, и лучшаго

едва-ли кто потребуеть. Далеко не таковы окрестныя и личныя требованія къ чисто земледѣльческому труду и обработкѣ продуктовъ этого труда, и нужно признать, что наисовершеннѣйшая точность, предусмотрительность, какъ и долготерпѣніе, цѣликомъ примѣняются ко второй половинѣ молотбы—вѣянью хлѣба. Кажется, будто здѣсь отдѣльное зерно прилагалось къ зерну, единичный отбросъ—къ отбросу... Съ тою же тщательностью, до остатняго зерна, щепотки „пилюхѣ“, подбираются съ токовища раздѣльные продукты вѣянья, подбираются въ концѣ-концовъ „нюшкѣми“⁵⁹¹)... Не довѣряя и такому подбору, вѣющій заканчиваетъ свою дѣятельность послѣднимъ метеньемъ токовища уже послѣ того, какъ отсюда въ мѣшкахъ, фартукѣ, подолѣ и корзинѣ перенесены всѣ 6 продуктовъ: авось отыщется какое-нибудь зерно, которымъ потомъ воспользуется „курка“, когда въ ея распоряженіе принесутъ съ тока „мѣцины, шѹму“!...

Какъ выносятся изъ тока полученное „сбѣжжа“—стороннему едва ли доведется увидѣть полностью, потому что, на всякій случай, про истинный урожай умалчиваютъ, и даже честные хозяева извращаютъ наличность его⁵⁹²). Здѣсь происходитъ то же, что и въ молочномъ хозяйствѣ: спрашивающему о томъ и другомъ непременно отвѣтятъ, что „нынче гораздо хуже прошлогодняго, или третьегодняго“, несмотря на завѣдомо благопріятное, хорошее состояніе урожая, или молочнаго хозяйства. Только разоряющійся хвастунъ расхваливаетъ текущее хозяйственнае благополучіе, да завѣдомый бѣднякъ повѣдаетъ о немъ сущую правду.

VIII. Пуня и клуня⁵⁹³).

Подобно току, на гуменной площади стоитъ особнякомъ неприглядное строеніе, замѣтно отличающееся отъ описанныхъ размѣрами, сложеніемъ стѣнъ, широкимъ отверстіемъ въ срединѣ продольной стѣны, не всегда закрытыми воротами, и особенно оголенностью внутри: нѣтъ здѣсь отгородокъ и перегородокъ хлѣ-

ва, нѣтъ и закутъ тока, а тѣмъ болѣе—малозамѣтной спутницы его — „ѣвни“, которая и въ праздное время тока напоминаетъ о людской жизнедѣятельности. Одна стѣна съ воротнымъ отверстиемъ и три полныя, двускатная крыша, опирающаяся стрѣшниками на продольныя стѣны -- вотъ вся немудреная наличность строенія и снаружи, и внутри! Оставаясь нѣкоторое время празднымъ, какъ и другія гуменныя строенія, оно не разитъ нескладницей повѣтри, неряшливостью тока, не томить и угрюмостью его: подъ ногами—мягкая труха; стѣны гладки, даже лоснятся; съ крыши не висятъ запыленные и закопченные паутинники, и, хотя нѣтъ здѣсь ни одного окна, свѣта достаточно вполнѣ. Широкимъ потокомъ онъ входитъ чрезъ воротное отверстие; если не защищено таковое между поперечными стѣнами и крышею, то онъ спускается сюда еще двумя потоками, справа и слева; наконецъ, достаточно свѣта, пробирающагося внутрь чрезъ стѣнныя щели, или чрезъ вздернутый вѣтромъ гребень, о надлежащемъ исправленіи котораго владѣльцы додумаются развѣ въ дождливую пору осени. Нѣтъ здѣсь алчииковъ-грызуновъ, не заходятъ и преслѣдователи ихъ; напротивъ, мирная ласточка охотно строится подъ гребнемъ и „поплѣтомъ“, а вслѣдъ за нею дѣлаетъ то же и воробей, и пока праздное строеніе понадобится на дѣло, та и другой успѣютъ выростить своихъ птенцовъ. Достаточный свѣтъ, просторъ и отсутствіе страшливости тока манятъ сюда ребяташекъ, которые, если не играютъ на дворѣ, на улицѣ и за околицей, такъ непременно „колышутца“⁵⁹⁾ именно здѣсь.

Таковы въ краткомъ очертаніи пүня и клүня—сѣнной и хлѣбный сарай, мѣстонахсжденіе котораго обозначено на черт. А, лит. м. Если только при усадебныхъ постройкахъ имѣется отдѣльный сарай для склада сноповаго хлѣба, а это бываетъ ужъ слишкомъ рѣдко, то онъ еще рѣже удерживаетъ имя „клүни“ и, ничѣмъ не отличаясь отъ „пүни“, замѣняетъ таковую, когда требуется помѣстить „залышнее“ сѣно. Въ свою очередь, на сво-

бодной сторонѣ пуни можетъ улечься остатокъ сноповаго хлѣба, которому не нашлось мѣста на току. Такимъ образомъ, для склада сѣна, изрѣдка—сноповъ строится одно и то же строеніе—пуня, которая въ скромномъ хозяйствѣ будетъ только одна, а въ болѣе широкомъ—двѣ.

Когда пуня имѣетъ стѣны, ими будутъ или обычные заметы съ срубно-вѣнчными углами, или изгородь изъ жердей, „пыр-кѣна“, или, наконецъ, плетень. Слѣдуетъ замѣтить, что къ построению изгородныхъ стѣнъ приводитъ недостатокъ строительнаго матеріала, и такія стѣны терпимы лишь по необходимости. Преобладающее большинство хозяевъ строятъ исключительно заметныя пуни, и къ нимъ относится послѣдующее описаніе.

Пуня средней величины имѣетъ слѣдующіе размѣры: продольныя стѣны не превышаютъ 5—6 саж., а поперечныя, имѣющія цѣльныя бревна, едва достигаютъ 2 саж.; высота же стѣнъ въ рѣдкихъ пуняхъ доходитъ до 4 арш., а высота крыши въ гребнѣ—до 2 саж. съ небольшимъ. Нижними бревнами пуня покоятся непосредственно на землѣ и во всѣхъ четырехъ углахъ имѣетъ срубно-вѣнчное построеніе, при чемъ противоположные отъ угловъ концы бревенъ, по продольнымъ стѣнамъ, вправлены въ пазы „шұл“, которыхъ въ той и другой стѣнѣ по двѣ. Когда вершаются стѣны, бревна двухъ верхнихъ вѣнцовъ, болѣе толстыя и длинныя, кладутся поверхъ „шұл“ и служатъ опорой стропиль по продольнымъ стѣнамъ. „Шұлы“ лицевой стороны есть вмѣстѣ и воротные столбы: онѣ находятся въ такомъ разстояніи одна отъ другой, что тутъ свободно проходитъ самый широкій возъ сѣна; „шұлы“ противоположной стѣны стоятъ на-противъ лицевыхъ, но промежутое разстояніе между ними закладывается то постояннымъ, то разборнымъ заметомъ. При возкѣ готоваго сѣна, это даетъ большое удобство: свалилъ возъ—и проѣзжай въ открытую стѣну, которую, по завершеніи работы, можно снова же заметать!

Для скрѣпы продольныхъ стѣнъ между собою, поперекъ пунн, отъ „шұлы къ шұлы“, кладутся двѣ прочныя балки. Какъ и въ току, на средину той и другой балки ставятся прочныя упорки, на которыхъ держится гребневое бревно срединными частями; концы того же гребневаго бревна покоятся или на „сохахъ“, поставленныхъ при одной и другой поперечной стѣнѣ, или на такихъ же упоркахъ, помѣщенныхъ на верхнихъ бревнахъ поперечныхъ стѣнъ. Кромѣ помянутой скрѣпы, „бальки отъ шұлы къ шұлы“ разграничиваютъ т. наз. „стѣны“, и наличное сѣно кладется только по чертѣ, надъ которою высится балка, а, наслаясь выше и выше, до гребня, не выходитъ и тамъ за черту той же балки. Это даетъ одну полную „сцяну“ сѣна; то же по другую сторону — „двѣ сцяны“; но если въ дополненіе къ „стѣнамъ“ сѣно лежитъ еще при заметѣ, супротивъ воротъ, и оно заняло ровно половину свободнаго между „стѣнами“ пространства, тогда получается извѣстный „трисцѣнь“. Пока же сѣно лежитъ только до балокъ, оно даетъ не менѣе извѣстный „повсцѣныбъ“.

Складывается ли сѣно сухимъ, или недосушеннымъ ⁵⁹⁵⁾ весьма желательно, чтобы оно провѣвалось. Въ виду сего строители удѣляютъ на пуньку менѣе добротный, часто кривой лѣсъ, и не заботятся о томъ, чтобы пригнать бревно къ бревну плотнѣе. По той же причинѣ боковыя отверстія надъ поперечными стѣнами и крышею часто остаются открытыми, а не заметными.

При мирномъ, вполне честномъ отношеніи сосѣдей къ чужой собственности, не представляется надобности охранять пунн замочными запорами, и если при ней есть кое-какія ворота, такъ только ради того, чтобы туда не заходилъ скоть при слѣдованіи, напр., къ водопою и обратно, зимнею порой, когда всѣ „затвѣры настезь“, или осенью и весною, когда тому же скоту предоставляется бродить по гуменной площади, — и, наконецъ, ради того,

чтобы зимою не навѣвало снѣгу. Въ виду послѣдняго ворота пуни бываютъ даже досчатыми и иногда не хуже въѣздныхъ во дворъ воротъ.

Годичная служба пуни продолжительнѣе службы тока, и начинается она съ первымъ сѣнокосомъ, а оканчивается тогда, когда скотъ пріѣстъ сѣно и выйдетъ на паству: строго говоря, пуня остается праздною лишь май и іюнь мѣсяцы. Но и въ это время, а въ особенности въ теченіе уборки сѣна пуня полна жизнью: всѣ лучшія дѣтскія игры—„булюкѹшки, куляння“⁵⁹⁶)—происходятъ здѣсь, и это не только не запрещается, а скорѣе поощряется старшими, какъ средство для утаптыванья сѣна; но при спѣшной кладкѣ его, тутъ хотя-нехотя отплясываютъ по „повсцѣнку“ и возрастныя... Наконецъ, тутъ деревляне пользуются тѣми незамѣнимыми постелями, на которыхъ, при отсутствіи тревожащихъ насѣкомыхъ, дается здоровый сонъ въ любое время... И этимъ незамѣнимымъ даромъ неприглядное строеніе служить нуждамъ семьянъ до глубокой осени. Но и зимой оно не остается въ забытіи: два-три раза въ день пройдетъ сюда тотъ или другой мужчина и пронесетъ на себѣ чудовищный ворохъ сѣна. Отъ такихъ проходовъ и „трѹски“ корма, отъ пуни къ хлѣву прокладывается своеобразный коверъ, по которому и незнакомый человѣкъ найдетъ дорогу въ пуню. Весною тутъ дольше держится тропиочная горбина, и коверъ пропадаетъ уже подъ новою зеленью гумна, если только онъ не подобранъ полуголоднымъ скотомъ во время весеннихъ шатаній по проталинкамъ.

Что сказано о заметной пунѣ, то же цѣликомъ относится къ пунямъ и съ остальными сѣнами, если только эти пуни находятся въ чертѣ усадебной площади. Когда же имѣются отъѣзжіе луга, или сѣнокосныя болотины, откуда лѣтомъ неудобно вывозить сѣна, и когда тамъ можно отстроить пуню, послѣдняя отличается отъ усадебной только отсутствіемъ воротъ: отверстіе таковыхъ закладывается наглухо заметомъ по оконча-

тельной уборкѣ и укладкѣ сѣна. Зимой, когда приберется домашнее сѣно и когда установится прочный санный путь, а болотины замостятся льдомъ, изъ отъѣзжихъ пунѣ сѣно перевозится въ опорожненную усадебную, даже на праздный токъ,—перевозится бесплатно толочанами, подобно тому, какъ это дѣлается при навозной толокѣ. Среди такихъ отъѣзжихъ пунѣ попадаются совершенно безстѣнныя, гдѣ двускатная крыша покоится на 6—8 столбахъ. Тутъ нѣтъ ни „повсцѣнкывъ“, ни „сцѣнъ“, ни „три-сцѣна“: сѣно укладывается по линіи столбовъ до гребня крыши и, охраняемое Богомъ да людскою честью, покоится въ пунѣ до зимняго перемѣщенія въ усадьбу. За невозможностью отстроить какую-бы то ни было пуню, сѣно складывается въ стоги, оставаясь на мѣстѣ подъ тою же охраною и смотрѣніемъ до зимняго пути.

Въ помощь току и пунѣ, на гуменной площади строятся незатѣйливыя сооруженія для провѣтриванья сноповъ, гороха, боба отрѣзанныхъ льняныхъ и конопляныхъ головокъ, а также травы, при запоздалой косьбѣ. Эти сооруженія извѣстны подъ именемъ „островкывъ“ и представляютъ изгородь длиною въ 2—3 саж. и болѣе, состоящую или изъ сучковатыхъ жердей ⁵⁹⁷⁾, подобныхъ стожару (серединный въ стогу шесть), или изъ столбовъ той же высоты съ равномерными пробинами, чрезъ которыя проходятъ жерди,—что даетъ подобіе широкой лѣстницы. Въ „островкахъ“, перваго вида поклажа держится зубьями жердей и, по завершеніи ея, покрывается соломой и придавливается гнетомъ; лѣстничныя „островки“ держатъ поклажу межъ своихъ ступенекъ и нерѣдко имѣютъ по всей длинѣ постоянную крышу, едва достигающую 2 арш. въ развалѣ. Въ виду того, что „островки“ служатъ для провѣтриванья хлѣба, по преимуществу, подъ ними бываетъ узкое продольное токовище, тщательно сглаженное и даже утрамбованное: выпадающія изъ клады зерна, или льняныя головки ложатся на токовище, откуда они потомъ и подбираются. Сколько для

предохраненія отъ земляной сырости, столько же и для предохраненія отъ куръ и свиней, пробирающихся сюда, поклажа на „островки“ дѣлается въ отступѣ отъ земли на арш.; далѣе она высится стѣною до 2 саж., при толщинѣ въ 1 арш. Если потребности широки, то на гуменной площади будетъ отъ 2 до 4 „островка“. Справивъ свою короткую службу, недѣли въ двѣ, онѣ торчатъ праздными во все остальное время года.

IX. Лазня (баня).

Въ отдаленномъ углу усадебной площади (черт. А, лит. л), а часто и за чертою ея, полнымъ особнякомъ торчитъ маленькое закоптѣлое строеніе—мѣстная баня, повсемѣстно извѣстная подъ именемъ „лазинки“. Тутъ не надъ чѣмъ остановиться любознательному посѣтителю: снаружи и внутри строеніе грязно, поразительно мало; оно не всегда съ крышею и достройками, возведено наскоро и, повидимому, безъ предварительнаго выбора мѣста. Такъ и кажется, что какой-нибудь сказочный „осылькѣ“⁵⁹⁸), несъ жалкое подобіе постройки, да не донесъ до мѣста, уронилъ—тутъ оно и осталось на людскую потребу!.. Недостаточно знакомые съ наличностью крестьянскихъ усадебъ, пожалуй, сочтутъ „лазню“ или за конопасную, или за охотничью сторожку, тѣмъ болѣе, что она больше смотритъ въ открытое поле, на какую-нибудь „мочулу“, болотину, на лѣсъ. Все это не вызываетъ того вниманія, какого „лазня“ заслуживаетъ, и только пользующійся благами убогаго строенія любовно остановится на немъ, да сладостно вспомнить единственные въ своемъ родѣ дары его!..

Съ внѣшней стороны, своими размѣрами, „лазня“ можетъ напомнить то овинную сушильню, то клѣть, потому что прежде всего она есть срубно-вѣчное строеніе и, какъ теплое, имѣетъ мшоныя стѣны, настильной, насыпной потолокъ и низкую съ высокими порогами дверь, при проходѣ чрезъ которую приходится нагибаться еще ниже, чѣмъ „у ёвни“. Въ виду того, что „лазин

ка“ рассчитывается на семейныя нужды, ради чего она имѣется почти при каждой отдѣльной усадьбѣ,—что въ ней желательно получить наилучшую банную теплоту, и что, наконецъ, за расходомъ строительнаго матеріала, ей приходится удѣлять остатній лѣсъ, баня не можетъ быть большою, и средніе размѣры ея таковы: длина продольныхъ стѣнъ не свыше 2 саж., поперечныхъ — 1 саж. и 2 арш., высота же отъ земли до верхняго вѣнца чуть-чуть превышаетъ 1 саж. Это послѣднее нѣсколько уменьшается—снаружи завалинками съ трехъ сторонъ, а внутри—потолкомъ. Небольшая (около 2 арш. высотой и 14 верш. шириною) дверь ⁵⁹⁹), а противъ нея, или противъ полка низкая „бокѡвка“, какъ въ сушильнѣ, безъ стеколъ, затыкающаяся нарочитою соломенною затычкою, вершаютъ внѣшность простѣйшей „лазники“, у которой весьма часто нѣтъ передбанника, а нерѣдко—и стропильной крыши. Послѣднюю замѣняетъ дернъ на потолочной насыпи то положенный во время постройки, то самородный, образовавшійся при совмѣстномъ воздѣйствіи на потолочную насыпь вѣтра и дождя: одинъ наноситъ сѣмена, а другой поливаетъ и раститъ ихъ ⁶⁰⁰)... Такъ какъ при топкѣ бани дымъ выходитъ чрезъ отворенную дверь и открытую „бокѡвку“, то надъ тою и другою идутъ до верхняго вѣнца темныя коптильныя полосы, по ширинѣ равныя дверному и „бокѡвному“ отверстию.

Болѣе благоустроенная „лазника“ имѣетъ „прилазникъ“—прибавленіе къ срубѣ въ сторону двери, совершенно одинаковое со скромными „сѣнкыми“ бобыльской хатки (см. IV гл. настоящаго отд.). „Прилазникъ“ подводится подъ одну крышу съ банею, отчего послѣдняя, при самыхъ скромныхъ размѣрахъ, значительно выигрываетъ въ длинѣ и высотѣ. Стѣны „прилазника“ частобольныя, или защищенныя соломой, тростникомъ, камышемъ, какъ и стѣны банныя, не дѣлаютъ его теплымъ и только въ нѣкоторой мѣрѣ защищаютъ отъ вѣтра и мятели, даже и тогда, когда „прилазникъ“ имѣетъ хорошо прилаженную дверь: банная печь не вы-

ступаетъ сюда стѣною, а дверь бани всегда закрыта, ради удержанія тепла. Будь и иначе, такъ переданная теплота не можетъ удержаться въ безпотолочномъ „прилазнику“⁶⁰¹).

Будетъ ли баня съ настоящею крышею, передбанникомъ, со стекольчатымъ окномъ, или простотою она дойдетъ до четырехугольнаго безкровельнаго строенія съ двумя жалкими отверстіями —дверью и „бокóвкый“, внутреннее размѣщеніе ея остается одно и то же: въ углу калильная печь, за нею—полóкъ, по мѣстонахожденію, соотвѣтствующій избяному „полу и пылацимъ“; далѣе слѣдуютъ двѣ низкія лавки, какъ въ избѣ, одна противъ двери, а другая—противъ печи и полка;—тонкія отступныя отъ потолка балочки—двѣ надъ лавками и одна на мѣстѣ, примѣрно, избяной „полицы“,—наконецъ, не въ примѣръ многимъ строеніямъ, все это красится досчатымъ поломъ⁶⁰²). Если къ сему присоединить кадку да высокое корыто съ ковшомъ, или „кóнывкый“, неизмѣнно покоящіяся въ углу противъ печи, такъ этимъ будетъ исчислена вся отмѣнная наличность богатой и убогой „лазни“, какъ очевидно, представляющей копію хатки и отличающейся отъ послѣдней крайнимъ недостаткомъ свѣта и глянцевиною закоптѣлостью всей внутренности.

Устроители „лазни“ предпочитаютъ всѣмъ печамъ печь булыжную, сложенную изъ плоскихъ увѣсистыхъ камней⁶⁰³), и только тамъ, гдѣ недостаетъ дорогого матеріала, кладутъ кирпичную и даже глинобитную печь. Во всѣхъ видахъ печей вершина ихъ закладывается грудю 10—15-ти фунтовыхъ камней, дающихъ извѣстный „кымянокъ“: сюда, на раскаленные каменья, льется вода, для полученія пара, и отсюда снимается избытокъ ихъ, когда нужно подогрѣть, или же совершенно готовить банную воду. Отъ накаливанья и, въ особенности, отъ воздѣйствія воды, камни скоро распадаются,— что вызываетъ частую смѣну „кыминка“, а чрезъ годъ-два это требуетъ коренной перекладки и всей булыжной печи. Если „лазинка“ не вспыхнула, какъ

свѣчка“, а дожила до обветшалости, то она укрыла по меньше мѣрѣ десятокъ печей... Къ послѣднему слову о банной печкѣ остается прибавить, что она не стоитъ на „рысѣднику“, какъ въ хаткѣ, не прячется въ углубленіе, какъ въ сушильнѣ: тутъ печка вся на виду, а въ отдѣльныхъ построеніяхъ какъ-будто торчитъ на земляномъ холмикѣ. Будучи квадратною (сторона 1 арш. и 10 верш.), она высится только до половины роста возрастнаго мужчины и имѣетъ отступы отъ стѣнъ, позволяющіе кое-какъ обходить ее вокругъ.

Банный полѣкъ дѣлается не шире, а нѣсколько уже печи и находится въ отступѣ отъ нея верш. на 6; онъ поднятъ къ потолку настолько, что тамъ едва можетъ сидѣть взрослый человѣкъ, въ отдѣльныхъ баняхъ, гдѣ нѣтъ подмостка, обыкновенно вспрыгивающій туда непосредственно съ пола. Это крайность и небрежность строителей: преобладающее большинство полѣковъ имѣетъ передъ собою подмостокъ, состоящій изъ одной доски, или половинника, положеннаго плоскою стороною на кое-какія подпорки, или на двѣ равномѣрныя колодки. Самый полѣкъ, состоящій изъ трехъ-четырехъ досокъ или половинниковъ, держится то на столбовыхъ упоркахъ съ перекладинами, то на прямостоящихъ „сохахъ“, съ тѣми же перекладинами; онъ можетъ дать мѣсто только тропмъ парящимся; остальные скатели паренья устраиваются или на подмосткѣ, или на приставленной къ полку колодочкѣ...

Громкое имя лавокъ нерѣдко принадлежитъ довольно толстому бревну, едва стесанному сверху, и припертому къ стѣнѣ. Если же лавками бываютъ доски, то онѣ крайне узки, помѣщены въ незначительномъ отступѣ отъ стѣнъ и покоятся на лежащихъ колодкахъ. Общее банныхъ лавокъ то, что онѣ возвышаются надъ поломъ не болѣе 3 верш. Отдѣльныя бани совершенно не имѣютъ лавокъ, и послѣднія замѣняются небольшими колодочками, или же моющіеся устраиваются на полу.

Подпотолочныя балки-жердочки устраиваются для единственной надобности—вѣсить бѣлье и одежду, нуждающіяся въ просушкѣ, или въ изведеніи паразитовъ. Нужно сознаться, что та и другая надобность достаточно удовлетворяются, да кромѣ того, выходящій изъ бани одѣваетъ теплое бѣлье и одежду. При большомъ стеченіи моющихся, эти жердочки-балки отъ конца до конца увѣшиваются чистымъ и грязнымъ бѣльемъ, одеждою, онучами и даже лаптями.

Устроеніе баннаго пола является безотложною необходимостью потому именно, что пролитая здѣсь вода и топотня моющихся могутъ дать невообразимую грязь. Правда, этотъ полъ, которому одному изъ первыхъ принадлежитъ имя „мѣста“, непритязательнѣе всѣхъ половъ, и состоитъ изъ стесанныхъ мелкихъ бревенъ, половинниковъ, тесанныхъ досокъ, кои только накладываются на балки, даже непосредственно на землю, но не пригоняются ни другъ къ другу, ни къ балкамъ. Тутъ часто необходимъ бываетъ навычный опытъ переступать съ мѣста на мѣсто, такъ-какъ „мошничины“ вертятся подъ ногами, поднимаются въ одномъ концѣ, опадаютъ—въ другомъ... Лавируя по тѣсному, клавикордному полу бани, хозяева каждый разъ заручаются обѣщаніемъ исправить его, но дѣлаютъ это лишь тогда, когда сгнившій полъ станетъ въ полномъ значеніи невозможнымъ.—Даже при указанныхъ крайностяхъ, банный полъ даетъ незамѣнимыя удобства: моющійся не знаетъ грязи; то на обѣленной поверхности его, то на подостланной соломкѣ можно отдыхать послѣ паренья, а всегда мягкая, подпольная земля готова на лѣкарственныя надобности ⁶⁰⁴); наконецъ, отсюда же получаютъ удильщиками тѣ „надѣйки“ ⁶⁰⁵), которыя пойдутъ на приманку рыбки не лѣтнею только, но и зимнею порою.

Хотя кадку, корыто и „чирпалку“ нельзя причислить къ неподвижнымъ предметамъ бани, но они такъ приросли къ мѣсту, такъ присущи каждой банѣ, что ихъ не встрѣтишь развѣ въ

оставленной только „лазни“. Обыкновенно кадка стоитъ въ углу противъ печи ⁶⁰⁶), а корыто—непосредственно за нею, вдоль лавки. Первая хранитъ, по большей части, холодную воду, а ея спутница, меньшая кадка, и корыто—грѣтую, при чемъ, то въ той, то въ другомъ будетъ жаркая вода. Если она грѣется камнями, то жаркая вода все-таки заготавливается въ корытѣ и сливается въ кадку по мѣрѣ накопленія ⁶⁰⁷). Кое-гдѣ, однако, вода грѣется въ праздныхъ „варѣвныхъ чигунѣхъ“ ⁶⁰⁸),—въ томъ и другомъ случаѣ—столько, сколько требуютъ нужды на мытье главнымъ образомъ головы. На топкѣ печи да на грѣннѣ воды и сосредоточено все приготовленіе бани къ баннымъ удовольствіямъ, и тотъ, кто топить баню, почтетъ свой трудъ законченнымъ, когда въ дополненіе къ грѣтой водѣ призапаситъ „суды“ таковой, для подлива на „кымянокъ“ и для промыванія глазъ, при потѣннѣ и пареннѣ переносящихъ ѣдкость оставшейся горечи и духоту пара: кто понуждается въ большемъ количествѣ „сцюдѣнки, хылодѣнки“, тотъ самолично и отправится за таковою во время бани. Посему нерѣдко можно видѣть, какъ тотъ, или другой „банный гость“ ⁶⁰⁹) не взирая на время года и погоду, то нагишомъ, то подъ накидкою лишь верхней одежды, пробѣжитъ съ ведромъ-двумя къ водоему, и это послѣднее чаще всего дѣлается женщинами, которымъ достаются остатки грѣтой и капли холодной воды.

Кромѣ унаслѣдованной привычки, къ возможно частой банѣ призываетъ деревлянъ трудовое положеніе и та неряшливостью обстановки, благодаря которой, „куда ни повернись, вездѣ замаешься“. Такимъ образомъ посѣщеніе бани хотя одинъ разъ въ недѣлю является безотложною, регулярною необходимостью, и это посѣщеніе приурочено къ субботнему вечеру. Но если среди недѣли набѣжалъ праздникъ, „дяды“ ⁶¹⁰), то баня готовится не въ зачетъ субботней; также не въ зачетъ пользуется и случайною сосѣдскою банею тотъ, кто уловилъ топку ея, да имѣетъ съ сосѣдомъ хлѣбо-соляныя сношенія.

Обычнымъ временемъ для затапливанья бани почитается „съ-повдѣнь“, т. е. часъ, или два пополудни, и въ то время, когда семьяне продолжаютъ текуція дѣла, приставленный къ топкѣ бани отправляется туда и немедленно же принимается за работу, которой здѣсь вдоволь: нужно управиться часто съ сырыми дровами, освободить кадку и корыто отъ камней, употребившихся въ предшествующей банѣ, нанести воды и новыхъ камней для грѣнія ея, или кипятить таковую въ приставномъ котлѣ, а потомъ основательно и нѣсколько разъ „вымишиць печку“⁶¹¹⁾, удалить горечь топки и дать банѣ выстояться. Все это займетъ 3—5 ч. непрерывной работы въ дымномъ сначала, а потомъ наполненномъ ѣдкою горечью помещеніи, гдѣ приходится дѣйствовать согнувшись и съ слезящимися глазами. Особенно трудную часть всей работы составляетъ грѣніе воды камнями: ихъ подолгу приходится накаливать до-красна, переворачивать въ печи и потомъ перемѣщать въ воду, — что дѣлается или при помощи стараго „полоника“, или клещами изъ двухъ досокъ; тутъ раскаленный и грузный (5—10 ф.) камень выпадаетъ — нужно снова и по нѣскольку разъ подхватывать, поднимать его, а такихъ камней можетъ понадобится до 30 и болѣе!⁶¹²⁾...

Когда „лазня угутувалыся“, приставникъ оповѣщаетъ о томъ домашнихъ, которые къ сему времени поуправились съ дѣлами и ждутъ вѣстей. Знаменательно: всѣ знаютъ о предстоящей банѣ, ждутъ зова, но никто не дѣлаетъ должныхъ приготовленій, и только тогда все поднимается на ноги, когда явится посланецъ: женщины разыскиваютъ въ складахъ бѣлье, обмылки, а готовящіяся идти въ баню „облегчajúтся“ отъ одежды, обуви, разыскиваютъ вѣники и проч. Правда, это дѣлается не съ заурядною медлительностью, а съ нѣкоторою даже торопливостью, такъ-что предбанные сборы закончатся минутъ въ 5—и старъ да малъ отправляются на „голый банкетъ“⁶¹³⁾, отправляются спѣшно, какъ то позволяетъ возможность: дѣти бѣжать „на обгѣнки“,

степенные мужи ускоряютъ обычные шаги, даже клюконосные старички учащеннѣе передвигаютъ всѣ три свои ноги. Иной, менѣе терпѣливый, начинаетъ „скідывыцца“⁶¹⁴⁾ на полпути и, переступая порогъ передбанника, онъ держитъ въ рукахъ снятую одежду и бѣлье...

Во всѣхъ случаяхъ мужчины идутъ въ баню первыми вмѣстѣ съ мальчиками, которымъ стало неудобно ходить туда съ женщинами⁶¹⁵⁾. Послѣднія, въ сопутствіи малолѣтковъ даже съ грудными дѣтьми на рукахъ, идутъ въ баню послѣ мужчинъ, терпѣливо выжидая передъ баней выхода какого-нибудь запоздалаго „мытца-парца“. Что дѣлается въ банѣ мужчинами то же съ неизмѣннымъ однообразіемъ вторится женщинами: слово бытописателя коснется лишь типичныхъ особенностей этого дѣла.

Уже по мѣрѣ приближенія къ банѣ предвѣушается банное удовольствіе по тому особенному запаху бани, который, при встрѣчномъ вѣтеркѣ и даже при спокойной погодѣ, узнается издали. Когда же банное тепло пахнуло въ лицо и обдало тѣло, а это сказывается въ передбанникѣ и при отворѣ банной двери, то и на пасмурника нападаетъ оживленіе, которое у живыхъ натуръ „распаривается“ до энергіи и игривости, малопонятной не-деревлянину. Переступая банный порогъ, новоприбывшій привѣтствуетъ находящихся въ банѣ игривымъ обращеніемъ: „парь-парымъ гысподамъ быярымъ“! Въ банѣ не тратятъ времени—всякій спѣшитъ воспользоваться банными благами—а потому игривое привѣтствіе или останется безъ отвѣта, или кто-нибудь пробурчитъ: „и табѣ“! Да вошедшій и не ждетъ отвѣта, и, по заведенному порядку, подходитъ со снятымъ бѣльемъ къ „кымянкѣ“. Если онъ имѣетъ насморкъ, то чтобы „ни зыпаліць“ его, беретъ въ горсть холодной воды, погружаетъ сюда обонечность носа и потомъ выплескиваетъ воду на „кымянкѣ“: это продѣлывается три раза; имѣющій же вереда, раны, колтунъ и др. наружныя изъязвленія, прежде всего отдѣляетъ вѣничный листокъ, кладетъ его въ ротъ,

гдѣ и держитъ до выхода изъ бани... Тутъ на „кымянкѣ“, дѣлается расправа съ бѣльевыми паразитами, извѣстная подъ двумя раздѣльными терминами: а) „прудѣць“ бѣлье и б) „школицѣ гадывѣ“. Въ первомъ случаѣ бѣлье только встрясывается надъ каменкою, отчего раздается легкій трескъ погибающихъ насѣкомыхъ; во второмъ же—бѣлье разстигается по ней, медленно волочится и перевертывается. Отъ послѣдняго приѣма по банѣ разносится запахъ тлѣющей холстины,— что и служитъ признакомъ достаточнаго наказанія паразитовъ. Однако, на этомъ не заканчивается „школенія гадывѣ“: вмѣстѣ съ одеждою грязное и, кстати, чистое бѣлье привѣшивается на подпотолочную балку до одѣванья, и нужно сознаться, что такими приѣмами убиваются даже гниды.

Пока нововошедшій произведетъ описанную расправу, его тѣло уже обливается потомъ, что тѣснѣйшимъ образомъ призываетъ къ паренью, составляющему всю суть банныхъ удовольствій. Распаривъ наскоро „шавковъ вѣничикъ“⁶¹⁶), или заручившись таковымъ у товарища, онъ присоединяется къ парящимся: если на полкѣ нѣтъ мѣста, онъ становится на подмостокъ, на колодку, и прежде всего расправляется съ плечами... Но тутъ наблюдатель рѣшительно теряетъ въ разнообразіи дѣйствій, звуковъ и суеты, и полностью можетъ уловить лишь то, что банное удовольствіе состоитъ въ пареньѣ и мытьѣ головы, при чемъ второе составляетъ спѣшное и, пожалуй, малосодержательное дополненіе перваго.

Болѣе или менѣе уловляемыми возгласами парящихся бывають слѣдующіе: „пыддаѣй душкѣ“⁶¹⁷)!.. подкинь трѣшку!.. подсыпь капиличку! (эти „трѣшку и капиличка“ составляютъ мѣру черпательнаго ковша, кружки)... а, кабъ цябе!.. а, кабъ ты полѣпшивѣ! (по адресу того, кто „пыддавѣ дѣху“)... и тутъ, подъ напоромъ особенно сильныхъ ощущеній, одинъ издаетъ необычные взвизги, другой стонетъ въ тактъ собственныхъ вѣничныхъ уда-

ровъ, третій еле хлещется отъ изнеможенія и слабо выговариваетъ „ху-ту! хухъ-ци мнѣ“! четвертый, несомнѣнно задѣтый особенно жаркимъ паромъ вѣника, прокатится буквально жеребьячьимъ „и-го-го-го“!.. Это граничитъ съ дѣтскимъ поведеніемъ; но оно вызывается желаніемъ подавить набѣжавшую на тѣло остроту пара, выразить довольство, а потому никого изъ присутствующихъ не удивляетъ, какъ не удивляетъ и то, что иныхъ парящихся приходится снимать съ полка замертво и „одливаць водой“, — что особенно часто бываетъ со старичками, которые ужъ очень „лѣхи пѣрица, цирабйца вѣничкымъ“... Возможнаго по дѣтскимъ силамъ паренья вѣникомъ не избѣгаютъ дѣти, даже грудныя. Извѣдавшій раньше паренье, какой-нибудь трехлѣтній Микитка смотритъ быкомъ на трудящуюся надъ собою мамку, а когда послѣдняя положитъ его подъ вѣникъ, онъ долго сопить и пыхтитъ и только тогда зареветь, когда мамка увлечется надъ его дѣтскимъ тѣломъ.

Ординарнымъ пареньемъ довольствуются немногіе: большинство вторитъ его нѣсколько разъ, хотя и слабѣе первичнаго. Во всякомъ случаѣ, послѣ cadaго паренья слѣдуетъ выходъ изъ бани, чтобы освѣжиться, остынуть. Если вблизи есть озеро, рѣка, прудъ, или хотя ничтожная „мочула“, выпарившійся бросается туда, „опунѣтца“⁶¹⁸⁾ раза два—и снова на полкъ, за вѣникъ; зимою замѣняетъ это снѣгъ: покататься въ немъ непосредственно съ полка и потомъ снова за вѣникъ—составляетъ одно изъ лакомыхъ дополненій банничанья.

Чѣмъ тѣснѣе располагаются другъ къ другу парящіеся, тѣмъ лучше это въ банномъ смыслѣ, потому что взмахи вѣниковъ усиливаютъ нужный зной, и тогда рѣже приходится „пыддываць дѣху“. Взаимнаго паренья нѣтъ: каждый орудуетъ вѣникомъ, какъ ему удобно и какъ то нужно для зудящагося мѣста, и только въ лѣчебныхъ случаяхъ встрѣчается паренье сторонняго лица, при чемъ, не оскорбляя чувства стыдливости, мужчину, напр., парить и „править“ завѣдомая лѣкарка... Слѣдуетъ, кстати, при-

молвить, что въ банѣ нѣтъ мѣста плоскимъ разговорамъ, шуткамъ и осмѣянію органическихъ недостатковъ, кои тутъ не прикрыты, а налицо, и темою краткихъ переговоровъ служить: банька, ея наличныя достоинства и недостатки, равно какъ и банные предметы—вода, вѣникъ и проч. Это можно приравнять къ той сдержанности, которая сопровождаетъ работу при навозной толкѣ, или поминальный „жалобный столъ“⁶¹⁹); какъ известно, въ остальныхъ случаяхъ и сборищахъ языки компанейцевъ развязываются до невѣроятной несдержанности...

Ожесточенному паренью отвѣчаетъ не менѣе ожесточенное мытье головы, начинающееся непосредственно за первымъ. Здѣсь блюдетъ порядокъ, отчасти напоминающій застольный приемъ передъ ѣдою: управившись съ пареньемъ и достаточно отдохнувъ (освѣжившись) на полу, передбанникъ и даже на открытомъ мѣстѣ, „банный гость“ не приступаетъ къ мытью головы, пока послѣдній парящійся не покончитъ, по крайней мѣрѣ, съ первичною паркою. Тогда, по слову хозяина, „банкетники“ приступаютъ къ корыту и размѣщаются вокругъ него—старшіе на лавкѣ, остальные—на корточкахъ. При этой, второй половинѣ баннаго дѣла, соблюдается самый экономичный расходъ жаркой воды, чтобы послѣдней достало и „мужукамъ, и жѣнкымъ“; она вычерпывается изрѣдка то горстью, то пригоршнями, и вся работа по мытью головы сосредоточивается на едва понятной скребкѣ ея дюжими ногтями моющагося, благодаря которымъ голова и волоса очищаются отъ „руды-нуды“⁶²⁰) даже и безъ мыла. Есть послѣднее въ видѣ обмылка, оно, разумѣется, пускается въ ходъ, но только лишь на голову.—Мѣриломъ полной очистки головы служить извѣстный скрипъ волосъ... Температура „жаркой воды“ обыкновенно такъ высока, что вычерпывать ее руками да поливать голову могутъ лишь привычные деревляне; но отъ такой воды, да держанья головы въ „пёршимъ духу“⁶²¹) въ значительной мѣрѣ убиваются головные паразиты и гниды, трупы кото-

рыхъ извлекаются изъ волосъ уже дома, при помощи частаго „грибинца“.

Если кто не „лихъ па́рица“, то вслѣдъ за мытьемъ головы онъ „обздаётца то лѣтний водою, то сцюдѣнкый“⁶²²⁾ и, послѣ крестнаго знаменія, одѣвается, вытеревъ предварительно лицо или снятымъ бѣльемъ, или свѣжимъ, волоса же на головѣ и бородѣ только выжметъ руками и ими сведетъ внизъ капли воды, оставшіяся на тѣлѣ, которое, какъ и примоченное бѣлье, высыхаютъ дома... Любители паренья снова забираются на полкъ, и иныхъ уже выгоняютъ изъ бани „жѣнки“, когда потеряютъ терпѣніе на „жданкыхъ“⁶²³⁾.

Обратное слѣдованіе изъ бани далеко непохоже на игривый спѣхъ въ нее: спѣшно идутъ домой, даже бѣгутъ, только дѣти да босоножки, особенно, зимою. Но кто „упочивывъ себе“ банею, какъ могъ, тотъ движется съ передышкою, передавая на пути своимъ „жѣнкымъ“ приносные предметы—„шавковъ вѣникъ“, обмылокъ, ведерко. Изнемогшихъ „банкетникивъ“ и стариковъ ведутъ домой подъ руки; но можно смѣло ручаться, что сегодняшній немощникъ на другой день съ благодарною готовностью отправится въ предложенную баню, если только нѣтъ спѣшныхъ препятствій.

Зимою, да при отдаленности бани, мокрые волоса изъ-подъ шапки и на бородѣ обыкновенно замерзаютъ, а стекающія капли воды и пота даютъ ледяныя сосульки. Со всѣмъ этимъ приходится развѣдываться уже дома.

По возвращеніи домой, „банкетники отводюць смагу“ водою, квасомъ, а любители заѣдаютъ лукомъ, рѣдкою, талымъ яблокомъ. Иной тутъ же укладывается „на лѣжни“ и покоится въ сладостной истомѣ до возвращенія „жѣныкъ“.

Послѣ мужчинъ „банкетницы“ продѣлываютъ здѣсь все то и въ той ожесточенной мѣрѣ, какъ и мужчины, при чемъ, въ силу обособленности женской одежды и преимущественной притя-

жимости, напр., блохъ къ тѣлу женщинъ, „прудка бѣлья, шкó-
линня гáдывъ“, какъ и скребка головы, далеко превышаютъ
мужскія. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ „жаноськыя доля“ хуже
мужской: имъ покидается „остатній духъ“, истрепанные вѣники,
мало воды и много грязи. И нѣтъ удивительнаго въ томъ, что
онѣ должны часто мыть голову дома („лугымъ“), да взаимно
„сочѣнца“ (см. объ этомъ въ 353 примѣч.).

Подробнымъ описаніемъ баннаго дѣла очерчена главная, не-
замѣнимая служба баньки, которая періодически оживляется „бан-
кетниками“, преобразуетъ ихъ, и которая вошла въ излюбленныя
пословицы, присловья, иносказанія ⁶²⁴), служитъ темою многочи-
сленныхъ загадокъ. Но и второстепенная служба той же баньки
неменѣе красна: здѣсь часто впервые видитъ свѣтъ Божій новый
человѣкъ. Хотя появленіе человѣка на этотъ свѣтъ не можетъ
быть пріурочено къ точному мѣсту, такъ какъ имъ можетъ по-
честься вся ширь міра ⁶²⁵), но мѣстное желаніе на этотъ счетъ
покоится на банькѣ, особенно, когда, за тѣсною - и многолюд-
ствомъ, разрѣшеніе отъ беременности неудобно дома. Это тѣмъ
болѣе желательно, что больная предварительно и послѣ разрѣше-
нія можетъ воспользоваться банными благами. Однако, больная не
остается здѣсь даже на сутки, а перемѣщается съ новорожден-
нымъ въ домъ, какъ только послѣдній будетъ сколько-нибудь
прибранъ и какъ только родиха и дитя освободятся отъ нечи-
стотъ. Все это могло бы остаться не отмѣченнымъ, если бы оно
не вызывало строго выполняемаго обычая: въ теченіе послѣду-
ющихъ шести недѣль въ такой банѣ моются только родиха и но-
ворожденный, а если для послуги туда входитъ бабка, или дру-
гая женщина, то она не моется и не снимаетъ бѣлья ⁶²⁶). Кромѣ
того, по истеченіи запретнаго срока, первый разъ идутъ въ баню
сначала женщины, и первою, въ одеждѣ, входитъ туда родиха
(изъ наблюденій въ Пол. и Гор. у.) ⁶²⁷),

Послѣдняя служба баньки вершается на сушкѣ, мятьѣ и трещаньи льна и пеньки ⁶²⁸), если того нельзя дѣлать въ овинѣ. Тогда банька становится еще неряшливѣе, и вокругъ нея стоятъ ворохи кострики, которые служатъ мягкимъ ложемъ при отдыхѣ „банкетникивъ и банкетницъ“...

Х. Загорожа.

Описанными постройками ограничивается полный кругъ того, что составляетъ крестьянское „жиллѣ, сялибу“, которыя не теряютъ своего имени даже и тогда, когда тутъ недостаетъ и половины усадебныхъ строеній (бобыльское „жиллѣ сялиба“). На общее требованіе этого мало для усадьбы, и простолюдинъ очень хорошо знаетъ, что полная „сялиба“ должна имѣть еще слѣдующія дополнительные и въ то же время раздѣльные строенія: а) батрацкую избу („люцкѣя“), б) строеніе для утвари и склада продовольственныхъ предметовъ („спижарня“), в) погребъ („склепъ“) г) ледникъ („лядѡвня“), д) исключительно стряпное помѣщеніе, кухню („пикарня“), е) конюшню („стайню“), овчарню, „свинярню, пташню“ и ж) красу гумна—„стодѡлу“, какъ и красу жилыхъ строеній—„дядилицъ“ ⁶²⁹). Все это полностью, или съ незначительными недочетами простолюдину съ давнихъ поръ приходится видѣть въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ усадьбахъ духовенства, а также и у бывшей мелкой шляхты, переимчиво создававшей у себя копію настоящей помѣщичьей усадьбы. Но нужно ли и насколько нужно все это въ непритязательной, подчасъ убогой обиходности простолюдина? Его „мылоццы и мылычѣнки“ ⁶³⁰) удобно пріютятся съ наличною семьей въ хаткѣ, „исцѣпцы“ и другихъ мѣстахъ; утварь и продовольственные предметы размѣстятся тамъ же, въ сѣняхъ и клѣти; сѣменные овощи спокойно пролежатъ зиму въ полевыхъ и приусадебныхъ „ямахъ“, тогда какъ „ѣминны“ ⁶³¹) найдутъ достаточно мѣста подъ „пѡлымъ“, а замороженная „капуста да бурѣ-

чиги“ могутъ стоять на холодкѣ—въ сѣняхъ „исцепцы“ и клѣтки; въ ледникѣ держать нечего—запасы масла, мяса, сала и другихъ консервовъ не Богъ вѣсть какіе и часто укроются подъ перевернутою жадкой, въ просторномъ „кѹбли, или скрѣни“; какъ видно было изъ предыдущаго, „стряпной уголъ“ хатки вполне достаточенъ для того, чтобы управиться съ несложнымъ производствомъ кухни; все наличное птицеводство сводится только къ удержанію куръ и кое-гдѣ гусей: первымъ достаточно мѣста въ „подпѣчки да на курысадни“, а о притонѣ вторыхъ упомянуто раньше (541 примѣч.); раздѣльное помѣщеніе остальнаго скота нежелательно потому, что это ведетъ не къ дружбѣ, а къ раздору его; наконецъ, „стодѣла“ далеко не по нуждамъ и потребностямъ простолюдина, и она вошла въ сравненіе о страшливой пустотѣ заурядныхъ построекъ, а „дядѣницъ“, укорачивая усадебную площадь, вызываетъ непонятный, безсодержательный уходъ за его чистотсю, добиться которой такъ же трудно, какъ трудно сдѣлать это по отношенію къ подворью. Такимъ образомъ перечисленные дополнителныя къ усадьбѣ и раздѣльныя строенія оказываются ненужными, лишними, и таковыхъ нѣтъ у современниковъ такъ же, какъ не было и у отдаленныхъ предковъ.

Гораздо настоятельнѣе необходимость во всевозможныхъ загорожахъ, и оѣ состоятъ обязательнымъ дополненіемъ всякой „силбы“, то разграничивая одну усадьбу отъ другой, то раздѣляя данную усадебную площадь на участки, то служа предѣльною графью между однимъ полемъ и другимъ. Мѣстная загорожа часто деревянная, и весь наличный матеріалъ ея состоитъ изъ кѣльевъ, жердей, жердочекъ, хвороста и прутьевъ. Только заметная загорожа, или просто—заметъ, выдѣляется изъ ряда усадебныхъ охранныхъ да показателъ участковъ. Не лишне поразсказать о каждой загорожѣ порознь.

1. Заметомъ обносится только площадь двора, а въ скромномъ положеніи—одна лишь лицевая сторона его отъ хатки до

клѣти (см. черт. А). Такъ какъ подворье ограничено, съ одной стороны, хаткой и ея спутницами, а съ другой — клѣтью и ея младшею сестрой, построенными по известной линіи, то зачетъ только поцолняетъ здѣсь раздѣльное пространство и полню, непрерывною стѣною онъ стоитъ лишь къ площади огородовъ. — Объ этой загорожѣ достаточно сказано въ различныхъ мѣстахъ отдѣла: „шұлы да замѣцины“ — вотъ ея наличность, къ сожалѣнію, дорогая, а потому не всякому доступная!

2. Немногомъ дешевле обходится „плотъ, поплотъ“ — изгородь изъ вертикально поставленныхъ тонкихъ (3 верш. въ діаметрѣ) бревенъ, однимъ концомъ вкопанныхъ въ землю вершекъ въ на 8—10. Бревна „поплота“ стоятъ близко другъ къ другу, такъ что промежъ нихъ чуть-чуть пробирается цыпленокъ, и имѣютъ тупыя, или заостренныя верхушки. Въ первомъ случаѣ онѣ равномерно, верш. на 8 внизъ, раскалываются, и въ ихъ расщепы вколачивается стесанная жердь, служащая скрѣпою верхнихъ частей изгороди; во второмъ же такая скрѣпа будетъ на 10—12 верш. ниже острія: тутъ тонкая жердь проходитъ чрезъ пробѣлы „поплотинъ“. Чтобы „поплотъ“ былъ надежнѣе, на саженомъ разстояніи другъ отъ друга, по линіи его, вкапываются болѣе толстыя „поплотинны“, разграничивающія прясла; всѣ же онѣ, какъ и тонкія, имѣютъ нижніе концы обоженными, или обернутыми въ бересту, — что одинаково задерживаетъ гніеніе⁶³²).

Мѣсто „поплота“ — лицевая сторона „сяйбы“, — при чемъ онъ нерѣдко замѣняетъ зачетъ или заборъ, но преимущественное — границы сада: чрезъ остроконечныя „поплотинны“ не всякій алчипкъ рѣшится перелѣзть въ садъ...

3. „Колля“ (частоколь) отличается отъ предыдущей изгороди болѣе тонкими бревнышками (2 и менѣе верш. въ діам.), часто незаостренными вверху и неуравненными по мѣрѣ, какъ у „поплота“. Эти колья не вкапываются, а вколачиваются въ землю то въ ручную, то топоромъ и долбней. Связью ихъ въ

верхнихъ частяхъ служить горизонтально приложенная и съ каждымъ коломъ въ отдѣльности перевитая прутикомъ жердь. Это единственная изгородь, гдѣ нѣтъ прясель, и встрѣтить ее можно всюду, гдѣ желательно преградить доступъ курамъ и вообще мелкимъ животнымъ. Она недолговѣчна, и даже сосновые колья едва переживаютъ 5 лѣтъ. Тогда нижніе концы затесываются и снова вколачиваются въ землю, — отчего частоколь теряетъ только часть первоначальной высоты.

Изрѣдка можно встрѣтить „кóлля“, поставленное не вертикально, а наклонно въ одну какую-нибудь сторону изгородной линіи. Такая изгородь недоступна для пролаза мелкоты; но ее гораздо труднѣе строить, вслѣдствіе чего „косья кóлля“ почти выходитъ изъ употребленія.

4. „Пыркáнь“ состоитъ изъ тонкихъ жердочекъ, которыя какъ бы перевиваютъ три горизонтальныя прочныя жерди, туго прикрѣпленныя къ парнымъ кольямъ; послѣдніе служатъ пряслами „пыркáна“. Построенію этой изгороди предшествуетъ постановка „рабѣрь“, подъ чѣмъ разумѣются вколоченные въ землю парные колья съ тремя горизонтальными жердями промежъ нихъ: одна лежитъ непосредственно на землѣ, средняя надъ нею, въ отступѣ на 1 арш. и 8 верш., а верхняя — въ томъ же отступѣ надъ средней. Приготовленныя „пыркáнины“ устанавливаются вертикально, при чемъ, въ то время, когда оба конца одной жердочки обращены въ одну сторону, тѣ же концы другой смотрятъ въ противоположную. Это даетъ веселенькую, густую изгородь, въ свою очередь, не очень прочную и долговѣчную, и только тамъ, гдѣ есть лѣсосѣки, можно получить прочный „пыркáнь“ изъ сучьевъ красной сосны, — чѣмъ, однако, пользуются немногіе, а остальные потребляютъ молодой 5 и 10-ти-лѣтній лѣсъ. Чтобы загородить саженное прясло, нужно употребить не менѣе 40 „пыркáнинъ“ средней толщины...

Въ виду непрочности „пыркана“, а иногда и недоступности его, онъ занимаетъ незначительныя разстоянія и, кромѣ указанныхъ раньше мѣстъ, охраняетъ пчельники, наиболѣе дорогіе посѣвы на огородахъ, рассадники, цвѣтнички и т. под.

5. Собственно „азгороду“⁶³³) составляютъ длинныя жерди, укладываемыя горизонтально, одна надъ другою, между парными кольями, такъ, что нижнія жерди лежатъ тѣснѣе, а по мѣрѣ возвышенія изгороди, онѣ находятся уже въ небольшомъ отступѣ другъ отъ друга. Послѣднему помогаетъ связь парныхъ колеевъ, на которую и кладутся жерди. Смотря по высотѣ „азгороды“, связей бываетъ двѣ, три и болѣе. Самая высокая „азгородка“ едва превышаетъ 2 арш., но въ то же время она никогда не спускается до аршинной высоты, иначе чрезъ такую изгородь могъ бы перебираться скоть, ради котораго она только и ставится, какъ въ чертѣ усадьбы, такъ и внѣ ея—на полѣ, лугу, болотинѣ и даже въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, въ перерѣзъ опушки, и въ этомъ случаѣ она служитъ продолженіемъ полевой, или луговой изгороди. При вступленіи въ лѣсъ, жердяная изгородь нерѣдко переходитъ въ „поваловую“, гдѣ уже нѣтъ колеевъ, а по линіи изгороди лежатъ срубленныя и по одному направленію поваленныя деревья. Точно также „азгородка“ нерѣдко упирается и входитъ въ воду, а иногда и пересѣкаетъ попутную лужу, мелкій прудъ; но тутъ она остается неизмѣнно жердяною.

Между усадебною и неусадебною „азгородь“ есть значительная разница: въ то время, какъ жерди первой кладутся плотнѣе, въ особенности, въ нижнихъ частяхъ, послѣдняя часто состоитъ изъ трехъ, даже двухъ жердей: но и чрезъ такую изгородь крупный скоть не проберется, а мелкота или тщательнѣе оберегается, или пасется вдали отъ соблазнительнаго „пролаза“. Въ остальномъ та и другая „азгородка“ одинаковы, т. е. парные кольца, соединенные двумя-тремя связями, даютъ прясла, которыя отстоятъ одно отъ другого на 4—5 арш.

„Азгороду“ пужно считать наиболее распространенною: она составляет стѣны нѣкоторыхъ строеній, ею обносится садъ, огородъ, усадебная площадь, разгораживаются хлѣва, сарай, полевой „дьянникъ“ и, наконецъ, она тянется верстовою линіей среди полей и луговъ. Этому больше всего способствуетъ долговѣчность жерд-дей, особенно, когда послѣднія очищены отъ коры: тогда онѣ выдерживаютъ смѣны три колевъ и болѣе.

Для изгородей, описанныхъ въ 3, 4 и 5 пунктахъ необходимы связи, которыми исключительно бывають березовыя и лозовыя прутья 2-хъаршинной длины. Эти прутья предварительно перекручиваются и поступаютъ въ связь тогда, когда сдѣлаются гибкими.

6. Послѣднею изгородью считается плетень, хотя по плотности онъ не уступаетъ „пыркѣну“, а по красотѣ можетъ быть приравненъ къ первымъ четыремъ загорѣжамъ. Какъ извѣстно, плетень состоитъ изъ линіи одиночныхъ колевъ, вколоченныхъ въ землю на аршинномъ разстояніи другъ отъ друга и перевитыхъ хворостомъ. Если хворостъ длиненъ, равномеренъ и слегка скрученъ отдѣльными пучками, то плетень выходитъ дѣйствительно красивѣе всѣхъ изгородей. Но такая работа трудна, вызываетъ вспоможеніе, а потому большинство плетней дѣлается проще: хворостъ перевиваетъ колья какъ ни попало, торчитъ въ стороны, и тогда онъ, по справедливости, можетъ считаться послѣднимъ.

Гдѣ есть много лозняка, тамъ плетневыхъ изгородей будетъ больше, и онѣ будутъ исключительно лозовыми; въ остальныхъ мѣстахъ плетневый хворостъ состоитъ изъ смѣшаннаго чернолѣся ⁶³⁴⁾ и получается отъ „пыдцярѣбывъ и рысцярѣбывъ“ ⁶³⁵⁾. Несмотря на очевидную непрочность хвороста, плетень переживаетъ добрый десятокъ лѣтъ, особенно, если къ старости получить наружныя подпорки, — что на самомъ дѣлѣ и бываетъ, когда под-

гніють его собственныя колья, или когда онъ повалится тѣсною.

На всѣ безъ исключенія изгороди употребляется подручный лѣсъ, при чемъ на колья и жерди предпочтительнѣе — сосна и ель. Для большей прочности изгороднаго матеріала, за исключеніемъ, конечно, хвороста, весь онъ очищается отъ коры; осину и, отчасти, ольху довольно успѣшно сгрызаютъ козы, и гдѣ есть послѣднія, сырой изгородный лѣсъ предоставляется ихъ очисткѣ.

Если та или другая изгородь перерѣзала „сцѣжку“⁶³⁶⁾, или если неудобно устраивать калитки, какъ, напр., въ усадебной изгороди, тогда дѣлается „прилазъ“, который состоитъ изъ подмостковъ по ту и другую сторону загорожи. Этими подмостками бывають: досчатая лавочка на столбикахъ, тонкіе чурбаны на кòзлахъ, вкопанные въ землю столбики и объемистые булыжники. Тамъ же, гдѣ сквозь изгородь необходимо пробираться съ телѣгою съ возомъ, устраиваються или ворота, или разборное изъ жердей прясло по шпринѣ воротъ.

Таковы наличные охранители⁶³⁷⁾ „жилля, сялбы, будовли“, полей и луговъ то отъ людей, то отъ домашняго скота, то отъ звѣрей! Если припомнить, что къ этому придаются еще многочисленные „запòры, завáлы, засòвки, нутрянныя и висючія замки“ да злополучная „жучка на лыццы“, то нельзя не согласиться съ жизненнымъ значеніемъ первыхъ словъ пѣсни, пронесенной нынѣ во всѣ концы Россіи:

„Чаму-жъ мнѣ ня пѣць,
Чаму-жъ ни дудѣць,
Были-жъ въ моей хатуньцы
Пырадыкъ идець“?!..

XI. Звышь того.

Такъ „звыводивъ жиллє, сялбывся, будувався“ бытописуемый простолюдинъ и съ такими предметами обиходности вѣдался онъ

при удовлетвореніи послѣдней жизненной потребности... Удержалось ли удовлетвореніе этой потребности въ давнихъ устояхъ и какому измѣненію подверглось оно — можно во-очію убѣдиться при посѣщеніи селъ, деревень и „оди́нѣцъ“, и это тѣмъ сподручнѣе, что предметы третьей жизненной потребности не могутъ быть скрыты, какъ пища и питье, не могутъ быть скрашены нарядностью, какъ одежда и обувь: постройки ветшаютъ медленнѣе одежды и обуви, а что дано имъ рукою мастера, при топорномъ да долотномъ „цяпъ-ляпъ“, то можно видѣть черезъ десятки лѣтъ.

Такъ, прежде всего, внукъ и сынъ бытописуемаго простолюдина норовитъ устроиться съ „сямбый“ не за пригоркомъ, лѣсомъ, гдѣ съ проѣзжей дороги, пожалуй, нельзя бывало запримѣтить человѣческаго жилья ⁶³⁸), со стороны той же дороги онъ не загораживаетъ хатки ни клѣтями, ни хлѣвами, не гонится и за теплотою, сообщаемую хаткѣ хлѣвами. Да и хатка ли это? Нѣтъ! за-частую это даже не изба въ обычномъ значеніи, а домъ горожанина, мѣстечковаго жителя, или причтовый домъ, хотя и подъ соломенною крышею. Если такой домъ „оди́нѣцы“, то онъ стоитъ на возвышенномъ пригоркѣ, фронтономъ къ дорогѣ, или въ сторону, гдѣ видъ на окрестности повоселѣе, — въ цѣпи деревенскихъ домовъ — тамъ, гдѣ приплась „бацькывшина“, но опять же фронтономъ къ улицѣ ⁶³⁹), со ступенчатымъ крылечкомъ въ сѣни, по обѣ стороны которыхъ выглядываютъ просторныя створчатыя окна со ставнями, при чемъ входная съ улицы дверь, какъ и ставни, сработаны „ёлочками“ ⁶⁴⁰). Будучи бревенчатымъ, жилой домъ имѣетъ соструганныя, гладкія бревна; если же онъ сложенъ изъ брусевъ, то углы его будутъ „замочно-срубными“. Въ дополненіе къ сему такой домъ стоитъ на аршинномъ фундаментѣ то кирпичномъ, то булыжномъ, тщательно скрѣпленномъ известью, съ нѣсколькими „лѣхтами“ ⁶⁴¹) въ немъ, тогда-какъ поверхъ остроконечной крыши украшенной

по концамъ рѣзными досками, выходятъ двѣ „кирпичныя, нерѣдко бѣленныя трубы“. Въ жиломъ домѣ послѣдней стройки уже нѣтъ сѣнныхъ „шүлинъ“: домъ строится сразу саженой въ 6 на 3, а сѣни выдѣляются капитальными стѣнами. Кромѣ того, какъ такой домъ, такъ и подновленный, прежней стройки, кое-гдѣ обшиваются досками ⁶⁴²). Ясно, что при такой чопорности дома не можетъ быть рѣчи о „курной хаткѣ“, и если такая доживаетъ свой убогій вѣкъ, такъ она приходится неменѣе убогимъ процентомъ.

Перемѣнившись снаружи, хатка не удержала и своего внутренняго вида: сѣни и обѣ половины ея имѣютъ досчатый на балкахъ, струганный полъ и такой же потолокъ, и доски перваго прибиты къ балкамъ не недавними деревянными гвоздями, а настоящими половыми, желѣзными. Тутъ уже трудно увидѣть традиціонный „полъ и пылаці“, по крайней мѣрѣ, въ парадной половинѣ: отъ русской печи, по линіи таковыхъ, идетъ досчатая съ дверью стѣна, отдѣляющая каморку отъ просторной свѣтлой комнаты, въ которой скамьи и даже табуретки замѣняютъ лавки...

Первымъ толчкомъ къ построенію такихъ жилыхъ домовъ слѣдуетъ, по справедливости, считать появленіе общественныхъ зданій для волостныхъ правленій, а вслѣдъ за тѣмъ — и для училищъ. Въ томъ и другомъ окружное крестьянство видѣло подражательные образцы для собственныхъ строекъ, и первыми переимщиками, такъ сказать реформаторами „хатокъ“, явились сельскіе старшины, старосты да желѣзно-дорожные поставщики, которымъ уже неловко стало принимать въ „хаткѣ“ разнообразныхъ новыхъ лицъ, какъ неловко стало и выходить „изъ дыма“ ⁶⁴³). Кто еще медлилъ построеніемъ вполне отмѣннаго дома, тотъ спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, передѣлать курную печь на „боминную“, да досчатою перегородкою закрыть „полъ и пылаці“.

Послѣдующими двигателями строительной реформы были новые поселенцы деревень—городскіе, мѣстечковые и служилые выходцы, улучшенный видъ построекъ для сельскаго духовенства и, отчасти, подвоспитавшееся поколѣніе грамотниковъ, бывшихъ питомцевъ сельскихъ училищъ, которымъ, какъ „вкусившимъ сладкаго, не хочется вѣдаться съ горькимъ“...

Какъ можетъ лично убѣдиться посѣтитель мѣстныхъ сель, деревень и „оди́нцовъ“, преобразованныя постройки не составляютъ чего-то общаго, сплошнаго; напротивъ, рядомъ съ пышнымъ домомъ деревлянина торчитъ давняя хатка его сосѣда. Но и такого мельканья достаточно, чтобы пророчить о лучшей будущности крестьянскихъ строекъ, особенно, если къ тому подоспѣтъ соревнованіе⁶⁴⁴), какъ оно подоспѣло, напр., въ „одѣцци, обѣцци и приборыхъ“.

Чопорный домъ новаго типа существеннымъ образомъ видоизмѣняетъ отношеніе къ нему ближайшихъ усадебныхъ построекъ—хлѣва и клѣти: если домъ стоитъ фронтономъ на улицу, то клѣть, какъ складище исключительно зерноваго хлѣба, строится по другую сторону улицы и не имѣетъ при себѣ обычныхъ спутницъ—„повклѣци“ да повѣти; хлѣвъ же стоитъ позади дома, въ значительномъ отступѣ отъ него, позволяющемъ устроить вдоль стѣны загорожу для цвѣтовъ, кустарниковъ, даже деревъ, и въ то же время дающемъ просторный „длнникъ“, куда, какъ и на улицу, смотреть не одно окно дома и куда выводитъ благоустроенная сѣнная дверь.

Примѣнительно къ дому гораздо изящнѣе и уютнѣе прежняго сооружаются не только хлѣвъ и клѣть, но и другія надворныя постройки, между которыми есть уже отдѣльная конюшня, запирающаяся „штабой“⁶⁴⁵), отдѣльная подручная „повклѣць“ и др. Да и самый въѣздъ на дворъ какъ-будто затерялся, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ давняго въѣзда чрезъ ворота двороваго замета, или между „клѣцій и повклѣцій“: то мимо правой,

то мимо лѣвой поперечной стѣны дома въѣзжаешь на такой дворъ, и дворъ ли онъ, „дьянникъ“ ли—трудно разобратъся.

Остальныя усадебныя, тѣснѣйшимъ образомъ—гуменныя постройки такъ недалеко ушли отъ бытописуемыхъ, что въ данномъ случаѣ о нихъ можно разсуждать лишь со стороны опрятной и изящной стройки, да той прочности заборовъ, которыми онѣ отличаются отъ стародавнихъ. Первому помогаетъ улучшающійся вкусъ простолюдина въ строительномъ дѣлѣ и обиліе мѣстныхъ плотниковъ, а второе вызывается развивающимся неуваженіемъ къ чужой собственности, въ силу чего весьма возможны случаи хищенія сноповъ изъ складищъ, сѣна—изъ „пүни“, даже банной кадки и ковша—изъ „лазни“... Если „дяды и бацьки“ простолюдина довольствовались подходящею „згородый“, главнымъ образомъ, охранявшей данное мѣсто отъ скота, и если для человѣческаго запрета они считали достаточнымъ поставить какую-нибудь „вѣшку“ ⁶⁴⁶), или другой условный знакъ, то „унѣки“, которымъ, по пословицѣ, „дыстались уся мѣка“, принуждены дважды ограждать: отъ незнающихъ запрета животныхъ и неуважающихъ таковой запретъ немалочисленныхъ озорниковъ и посягателей на чужую собственность. И въ самомъ дѣлѣ: что вызываетъ эти саженыя остроконечныя изгороди? на что тратится такая почтенная доля лѣса, который въ „поплóцинахъ“, половинникахъ, кольяхъ облегаетъ усадьбу? Нѣтъ слова: протянувшись въ длинныя линіи, съ мѣрными, однообразно сработанными единицами, современныя загорожи тѣшатъ зрѣніе, вызываютъ ласковый поминъ о предприимчивыхъ хозяевахъ. Но это ли имѣютъ въ виду устроители красивыхъ, прочныхъ загорожъ?—Нѣтъ!—приходится сказать: здѣсь только удачно сочетались строительное развитіе и необходимость ограждать отъ алчниковъ и посягателей...

Не можетъ быть сомнѣнія, что въ виду назрѣвающей трудности въ добываніи лѣса не на загородныя только, но и строи-

стѣны, крыша да печь, тогда какъ, повидимому, прочно укрѣпленные лавки, обѣ нары и даже потолочныя доски весьма нерѣдко перемѣщаются изъ стараго дома въ новый и утверждаются тамъ въ подлежащихъ мѣстахъ, при чемъ, для подновленія ихъ, для сведенія копоти, грязныхъ наростовъ, достаточно бываетъ кое-какой инструментальной скребки. Что же касается такихъ предметовъ, какъ окна и дверь, то едва ли нужно завѣрять объ ихъ принадлежности къ составу движимыхъ предметовъ: обветшала хатка, опасно въ ней жить, но прочны окна и дверь—они снимаются со своихъ мѣстъ и прилаживаются въ отстроенной хаткѣ; то же дѣлается и тогда, когда нужно замѣнить окна и дверь „исцѣпки“ окнами и дверью хатки. Кстати слѣдуетъ припомнить, что еще недалеко время, когда нуждающіеся могли пріобрѣтать на базарахъ, сельскихъ ярмаркахъ и у проѣзжихъ стекольщиковъ вполне готовыя, т. е. въ рамахъ и застекленные, окна.

Однако, по общему взгляду и по самому существу стройки, лавка, нары, потолочныя доски, окна и дверь такъ тѣсно соединены съ хаткою, что послѣдняя немыслима безъ нихъ, по крайней мѣрѣ, ихъ трудно приравнять къ движимости, подобно мебели и утвари. Такимъ образомъ, внутри хатки и ея спутницъ вполне движимыми, переносными предметами являются:

1. Единственный въ каждой отдѣльной избѣ столъ. Излюбленнымъ столомъ деревлянина является столъ на двухъ козлахъ, и только въ немногихъ домахъ можно увидѣть столъ на четырехъ колонныхъ ножкахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ существенную часть его составляетъ столовая доска изъ двухъ, даже трехъ „двѣядумныхъ“ ⁶⁴⁸⁾ досокъ, которыя, будучи старательно пригнаны одна къ другой, сдерживаемы скрытыми шипами, сдерживаются еще, подобно двери, двумя „ислицами“. Въ общемъ столовая доска имѣетъ длину не менѣе 2 арш., при ширинѣ до 1 арш., каковая мѣра можетъ похвастаться минимальною, такъ какъ деревлянинъ привыкъ вѣдаться съ просторнымъ столомъ, на ко-

горомъ могутъ покоиться достойные стола предметы ⁶⁴⁹), въ то время, когда на другомъ концѣ его трапезуетъ наличная семья. При увеличеніи послѣдней, сооружается новая столовая доска, которая и утверждается на прежнихъ кóзлахъ, или колоннахъ. Что же касается матеріала для столовой доски, то желательнымъ является дубовый; но, за неимѣніемъ послѣдняго и трудностью обработки, преобладающее большинство довольствуется сосновымъ, еловымъ, даже березовымъ матеріаломъ, и только „юдашѣвыи“ ⁶⁵⁰) деревья не употребляются для стола, который въ то же время не знаетъ ни столярнаго клея, ни скрѣпляющихъ столярную подѣлку желѣзныхъ винтовъ и гвоздей.

Покоится ли столовая доска на кóзлахъ, или на колонной стойкѣ, она не прикрѣпляется къ нимъ и въ любое время можетъ быть снята съ мѣста. Это, однако, не дѣлаетъ стола шаткимъ и, напротивъ, выступы „иглицъ“ съ нижней стороны, плотно прилегающіе къ прочнымъ всегда ножкамъ, какъ и естественный грузъ столовой доски, даютъ столу наилучшую устойчивость. Однако, грузъ столовой доски, мало и медленно уменьшается даже и тогда, когда отъ періодическаго „шурованія гольнѣмъ, жарствой“ ⁶⁵¹), хвощемъ, ножевой скребки, порѣзовъ и прожеговъ онъ протрется кое-гдѣ до „иглицъ“, дастъ впадины и пробоины.

Столовые кóзлы есть четыре стесанныя плахи, или толстыя доски, попарно и на срединѣ соединенныя, образующія крестъ. Въ томъ и другомъ крестовикѣ, въ точкахъ соединенія ножекъ, дѣлаются пробоины, вполне достаточныя для прохода концовъ прочной перекладины, служащей связью одного крестовика съ другимъ; по сю сторону концы перекладины заколачиваются деревянными клиньями, проходящими сверху внизъ чрезъ перекладинныя пробоины. Какъ очевидно, кóзлы могутъ быть пригодными для столовой доски различной длины, — что будетъ зависѣть отъ длины перекладины. — Стойка изъ прямостоящихъ колоннъ нѣсколько сложнѣе: внизу брусчатая ножки соединяются четырьмя

перекладинами, иногда заколачивающимися клиньями съ внѣшней стороны, какъ въ кóзлахъ, чаще же—заклепанныхъ въ пробойнахъ; вверху тѣ же ножки-брусья соединены четырьмя относительно тонкими досками, туго и навсегда своими концами задѣланными въ ножки. Ясно, что такая стойка можетъ служить лишь разъ прилаженной столовой доскѣ, и не можетъ раздвигаться, какъ кóзлы; но когда на первоначальной стойкѣ, примѣрно, въ 1 арш. и 10 верш. длиною, приходится приладить столовую доску почти саженой длины, то концы ея по ту и другую сторону, не придающіе гармоніи столу, все-таки позволяютъ ему прочно держаться даже и тогда, когда сидящій, или стоящій оперся на него „обѣдвюми лыкытками“...

Послѣднимъ, хотя и не повсюднымъ дополненіемъ стола является столовая „скрынъка“—выдвижной ящикъ, который, при второй стойкѣ, совершенно одинаковъ со всѣми столовыми ящиками; въ стойкѣ же изъ кóзелъ такой ящикъ можно назвать подвѣсно-выдвижнымъ, и подобіе его встрѣчается въ нѣкоторыхъ столярныхъ верстакахъ. Тутъ верхніе продольные концы „скрынъки“ отдѣльными планками входятъ въ свободные пазы двухъ другихъ планокъ, прибитыхъ снизу столовой доски, по ширинѣ послѣдней. По большей части, „скрынъка“ можетъ выдвигаться въ обѣ стороны стола и служить для складаща ложекъ и хлѣбныхъ „кусаниковъ“. Благодаря сему, здѣсь всегда есть нѣкоторая сырость и особенный специфическій „пахъ“.

Служебное значеніе стола, какъ мебели, слишкомъ общеизвестно; но о томъ же столѣ въ „хаткѣ“ можно сказать нѣсколько больше. Такъ, гдѣ поддерживаются старожитные обычаи, столъ служитъ мѣстомъ семейной „рады“: здѣсь, подъ председательствомъ домашняго патриарха, иногда дряхлаго слѣпца, сгруппировавшаяся семья постановляетъ многообразныя рѣшенія—благословляетъ на брачную жизнь, въ дальнюю отлучку, принимаетъ отчетъ, опредѣляетъ раздѣлъ, судитъ провинившихъ членовъ семьи и т.

под. За тотъ же столъ немедленно послѣ „пылягченія“ усаживаются всевозможные „госцики любви“, начиная отъ прѣхавшихъ родителей и кончая „купчиками-охвотничками“, садятся за „оцѣцкій столъ“⁶⁵²), который сперва изобразить гостиную, а потомъ, по мѣрѣ преобразованія (застелется свѣжею скатертью, уставится кушаньями), такъ сказать передъ носомъ собесѣдниковъ, онъ превратится въ столовую, откуда „госцики любви“ выскочатъ развѣ для умовенія рукъ, и, напротивъ, неприглашенный присѣсть у стола, хотя бы для краткой бесѣды, почтетъ себя принятымъ въ прихожей... Такъ какъ за „оцѣцкимъ столомъ“ имѣетъ мѣсто все лучшее въ жизни простолюдина, то послѣдній, даже какъ мебель, стоитъ выше остальныхъ предметовъ хатки: допустить на столъ кошку, курицу, или неразумное дитя почитается, по меньшей мѣрѣ, предосудительнымъ, потому что на немъ безсмѣнно покоится первый даръ Божій—хлѣбъ да соль; но если когда-нибудь на томъ же столѣ покоились священные предметы, какъ то возможно при напутствіи больного, при освященіи дома и при молитвенномъ обходѣ священника, то столъ дѣлается сугубо почитаемымъ, и указанная выше нестроенія приравняются къ кощунству.

Служа долгіе-долгіе годы, переживая хатки, поболѣнія хозяевъ, столъ неизмѣнно держится на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ красномъ углу (см. черт. Б, лит. б.), и не перемѣщается отсюда даже въ сѣни, гдѣ лѣтомъ семья трапезуетъ на снятой и укрѣпленной на пустыхъ кадкахъ двери, или на „пирядбу“; онъ не выносится и для обѣда толочанъ, ради чего то на открытомъ мѣстѣ, то подъ навѣсомъ строенія сооружается особый временный столъ изъ кое-какихъ досокъ, положенныхъ на колодки, или на упорки изъ кольевъ. Ясно, что объ одолженіи стола въ другой домъ не можетъ быть и рѣчи, и это сдѣлаетъ тотъ, кто пересталъ чтить „оцѣцкій столъ“, не давая оцѣнки семейнымъ преданіямъ о томъ, что такой-то родственникъ дѣдъ и бабка сидѣли

Вотъ на такомъ-то мѣстѣ за столомъ, держали руки вотъ на такомъ-то сучкѣ столовой доски и говорили вотъ то-то. А вѣдь все это тратится однимъ лишь передвиженіемъ, а тѣмъ болѣе — переносомъ стола!.. Но есть, однако, уважительный случай, когда тотъ же столъ относится отъ краснаго угла то къ „пóлу“, то къ стряпному углу, хотя и здѣсь онъ стоитъ при лавкѣ; это — скорбный случай нахожденія въ домѣ „нычаснаго гóсдика“, который обязательно укладывается при красномъ углѣ на лавкѣ, въ застольномъ мѣстѣ. По минованіи надобности, столъ устанавливается на обычное мѣсто, и первая его служба — есть поминанье покойника, — что извѣстно подъ именемъ „жалóбнаго стола“.

При многочисленности гостей и при невозможности удлинить стола другими, или снятыми дверями, собравшіеся къ „жалóбному столу“, какъ и къ крестинному, свадебному и проч., отправляютъ „столованья“ по-смѣнно, при чемъ, тутъ имѣютъ мѣсто т. наз. „першій, другій, трѣцій, даже чацвѣртый столъ“. Разумѣется, за всѣми по-смѣнными столами гости пользуются одними и тѣми же кушаньями и напитками, подаваемыми въ достаточномъ количествѣ, какъ и привѣтливостью да вниманіемъ хозяевъ. Для упорядоченія гостиннаго дѣла, собравшіеся размѣщаются двояко: или „первые столы“ занимаютъ болѣе почетными, выдающимися лицами, а за ними слѣдуетъ мелкота ⁶⁵³), или же для каждаго „столу“ опредѣляется пропорціональное количество почетныхъ и менѣе почетныхъ гостей. Во всякомъ случаѣ застольное размѣщеніе гостей носитъ характеръ давняго мѣстничества: первое „кúтнія мѣйсца“ занимаетъ почетнѣйшій пзъ гостей, а отъ него справа и слѣва располагаются по рангу остальные застольники. Нерѣдко случается, что такой почетный предсѣдатель высиживаетъ за столомъ всѣ столовыя смѣны, и это достаточно памятно сельскимъ священникамъ, когда, по просьбѣ хозяевъ, они принуждены бываютъ предсѣдательствовать 5—6 и болѣе часовъ сряду...

Пока „столуиць“ одна смѣна, остальные гости размѣщаются въ разныхъ свободныхъ мѣстахъ — сѣняхъ, „исцѣпцы“, на дворѣ и проч., но не въ хаткѣ, гдѣ „идеть столъ“, и ведутъ нескончаемые разговоры, темою которыхъ, однако, не служитъ предстоящее угощеніе. Застольные послѣдыши, разумѣется, терпятъ больше всѣхъ, и многіе изъ нихъ, подолгу сплевывая на землю да позѣвывая отъ томленія, иногда вздремнуть подъ говоръ и шумокъ сотоварищей.

По освобожденіи стола, хозяева и ближайшіе сотрудники ихъ начинаютъ „гукáць“ ⁶⁵⁴⁾ новую смѣну — и, послѣ незначительныхъ „примусовъ“, очередные гости составляютъ „новый столъ“. — Изъ сказаннаго отчасти понятно, какими трудами обставлено бываетъ положеніе хлѣбосольныхъ хозяевъ: хозяйка „притопывыптца“ до едва возможнаго волоченья ногъ, а хозяинъ, обязанный хотя „пригубливыць“ чуть-ли не съ каждымъ гостемъ дѣлается, наконецъ, несостоятельнымъ и, не въ обиду гостямъ, отводится въ уютное мѣсто для отдыха, „кабъ прочухыцца“...

Долголѣтній столъ, износившійся до предѣльной возможности, долго еще продолжаетъ служить въ сѣняхъ и клѣти, гдѣ на немъ и подъ нимъ покоятся ведра, кадочки, горшки, мѣшки съ поклажею и т. под. Даже и въ такомъ, повидимому, обидномъ пожалованіи столъ не остается безъ симпатичнаго помина, и дѣдъ нерѣдко передаетъ внуку о томъ, какъ за этимъ столомъ было „ѣдино-півано“, какъ сиживали, что говаривали „госцики лѹбыи“ отдаленныхъ дней!..

2. Незбѣжный спутникъ стола есть „пирадокъ“ — скамья на четырехъ расходящихся въ стороны и нѣсколько назадъ ножкахъ, имѣющая высоту домашнихъ лавокъ и длину домашняго стола. Служа прѣставною къ нему лавкою, (см. черт. Б, лит. г) „пирадокъ“ имѣетъ прочность таковой и почти доходитъ до ширины ея. Съ такими достоинствами „пирадокъ“ можетъ дать

покойное и просторное ложе, даже супружеское, когда онъ приставленъ къ лавкѣ, а приставленный къ лавкѣ въ стряпномъ углу, позволяетъ стряпухѣ размѣститься со стряпною наличностью; поставленный на средину хатки, онъ служитъ многочисленнымъ домашнимъ работамъ, кои неудобно производить на столѣ, какъ-то: катанье бѣлья, свертыванье „кудели“, разборъ убойнаго животнаго,—и въ то же время служитъ посидѣльникамъ, пѣвцамъ и во время игръ; для дѣтей, часто трапезующихъ не въ очередь, „пирадокъ“ замѣняетъ столъ, какъ онъ замѣняетъ его и для всей семьи при лѣтней ѣдѣ внѣ хатки, и, наконецъ, тотъ же „пирадокъ“ смѣняется въ „коня“ при дѣтскомъ волоченьи его по хаткѣ. Благодаря многообразной службѣ и подвижности, „пирадокъ“ недолговѣченъ, скоро „пудупыдаиць на ноги“⁶⁵⁵) и потому скоро смѣняется новымъ.

Относительное изящество „пиридка“ зависитъ отъ умѣнья домашняго столяра пользоваться подручными инструментами. Нѣтъ такого умѣнья—„пирадокъ“ отъ начала до конца работается топоромъ, безъ столярнаго клея, и, подобно двери, столовой доскѣ, на его прочность вліяютъ толстая доска, неменѣе толстыя „иглицы“, да туго заклиненные прочныя ножки, прошедшія вверху черезъ пробоины „иглицъ и пирадковъ“ доски.

3. Если ножки „пиридка“ соединены при основаніи поперечными перекладинами, а затѣмъ и продольною, то получается „тыпчаникъ“—болѣе прочная скамья, удерживающая все значеніе „пиридка“. Однако, настоящій „тыпчанъ, тыпчаникъ“, сработанный столярною рукой, даже при помощи клея, значительно разнится отъ „пиридка“: онъ имѣетъ болѣе тонкія спускныя, гладко отструганныя доски, четыре прямыя ножки съ перекладинами внизу и рамами вверху, какъ у стойки стола второго типа; въ то же время онъ не подгоняется къ высотѣ лавки. Будучи полезнымъ во многихъ отношеніяхъ, „тыпчанъ“ имѣется въ немногихъ выдающихся хаткахъ бывшихъ дворовыхъ, городскихъ и

мѣстечковыхъ выходцевъ, отслужившихся солдатъ и деревенскихъ столяровъ, хотя здѣсь онъ только дополняетъ мебель, а не замѣняетъ „пиридка“.

4. Гораздо чаще можно увидѣть „пирадочки“ — небольшія скамьи, довольно точныя копїи описанной во 2 пунктѣ. Длина, ширина и высота ихъ остаются условными и общимъ можно считать только легкость ихъ и чрезъ то удобное перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто: если скамью можно поднять и перемѣстить одною рукой, такъ это непременно будетъ „пирадочикъ“... Наибольшій изъ нихъ, приставляемый къ столу съ поперечной стороны его, выступающей на хатку, удерживаетъ имя „зэдлика“. Для удобства перемѣщенія, „зэдликъ“ (доска его) имѣетъ посрединѣ небольшую сквозную пробоину, куда свободно можетъ войти вистъ руки.—Внѣ застольной службы „зэдликъ“ позволяетъ пряхѣ, или другому рабочему расположиться въ любомъ мѣстѣ хатки, положить и снять съ „полїць“ нужный предметъ, подмоститься къ теплomu „чалеснику“; у дѣтей же онъ служитъ неизмѣннымъ конемъ, или повозкою, когда перевернуть ножками вверхъ.

5. „Услонъ, услоникъ, услончикъ“ еще меньше „зэдлика“ и похожъ на него развѣ тѣмъ, что имѣетъ пробоину да четыре ножки, которыя здѣсь не вставныя, а самородки, потому что „услонъ“ дѣлается изъ еловой плахи, сучья которой могутъ дать вполне готовыя ножки. „Услоникъ“ рассчитанъ на сидѣнье одного лишь негрузнаго человѣка и можетъ пригодиться всюду вмѣсто „зэдлика“.

6. Когда невысокія ножки „услоника“ умалены до 4—5 верш., тогда онъ становится „подножикымъ“ и неизмѣнно покоится подъ ногами сидящаго на высокой лавкѣ, скамьѣ, „пѳлу и прищичку“; малолѣтки же сидятъ на „подножику“ за столомъ, когда послѣдній и лавка неудобны для дѣтскаго сидѣнья, или же онъ подставляется къ „пирадкѣ“, когда тотъ замѣняетъ столъ.

Въ остальномъ „подно́жкѣ“ является дѣтскою игрушкою, изрѣдка прессомъ, или покрышкою корытъ и т. под. предметовъ. Часто случается, что въ хаткѣ можно найти не одинъ, а нѣсколько „подно́жкывъ“, для сооруже́нiя которыхъ пускается въ дѣло старая борона.

7. Почти одинаковую службу несутъ многочисленныя и разнообразныя по высотѣ и ширинѣ „коло́дки“—отпиленные или отрубленные куски бревна. Если такой чурбанъ имѣетъ діаметръ верш. въ 12 и выше, вершина его дѣлается съ незначительнымъ углубленіемъ, дающимъ большій покой сидящему; въ остальныхъ случаяхъ, да при равномерной толщинѣ концовъ „коло́дка“, безъ ущерба дѣлу могущихъ замѣнять другъ друга, эти чурки принимаютъ имена „стывба́, стовбу́ника, стовбу́нчика“. Въ то время, какъ высота перваго доходитъ до высоты лавки, послѣдній бываетъ даже ниже „подно́жика“, а иногда не отличается отъ выпильного колеса дѣтской повозки.

8. Появленіе въ домѣ „тыбу́речика“ можно считать случайнымъ; онъ поступаетъ сюда подаркомъ, особенно дешевою покупкою, мѣнокъ, или благодаря присутствію въ домѣ столяра. Этому появленію соотвѣтствуетъ негармоничное сочетаніе его съ остальною мебелью и вполне жалкій особнякъ; онъ рѣдко занятъ сидѣльцемъ, поклажею; даже дѣти воздерживаются употреблять „тыбу́речикъ“ на коня и повозку. Только при посѣщеніи интеллигентнаго гостя, застланный скатертью, полотенцемъ, или холстиною, онъ служитъ для сидѣнья, да перевернутый вверхъ ножками—„сади́бкою“ (стойкою) для маленькихъ дѣтей.

9. Еще рѣже можно встрѣтить „сту́лу, сту́льцу“, занесенную въ хатку неувимыми путями. Почти всегда съ какимъ-нибудь изъяномъ, поврежденіемъ, въ хаткѣ зауряднаго простолюдина „сту́льца“—почти ненавистная мебель, и только въ домахъ отпускныхъ дворовыхъ да городскихъ выходцевъ она есть сносный памятникъ о быломъ житьѣ...

10. Въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ есть свой мастеръ, можно встрѣтить „шѣхву“ — небольшой привѣсный шкафчикъ въ 1 арш. высотой и 12 верш. шириною, при глубинѣ въ 8—10 верш. Внутри „шѣхва“ перегородивается полочкою, а снаружи закрывается одностворною и даже двустворною дверью, запирающеюся желѣзнымъ крючкомъ, деревянною заверткою, или просто двумя веревочками. Какъ трудно указать опредѣленное мѣсто „шѣхвы“ въ хаткѣ, точно такъ же трудно ограничить кругъ помѣщаемыхъ сюда предметовъ; приблизительными показателями того и другого могутъ быть практическія положенія: „шѣхва“ привѣшивается поодаль отъ божницы, но не въ области нарѣ, и не заполняется грузными, объемистыми предметами.

11. На мѣстѣ „шѣхвы“, на той же службѣ, скорѣе можно увидѣть привѣсный ящикъ, лучиночную или соломенную корзину, съ крышкой и безъ нея. Если въ семьѣ развитъ складичный особнякъ, то ящики и корзины во множествѣ висятъ при стѣнахъ, даже въ области обѣихъ нарѣ, или занимаютъ добрую половину лавки, прилегающей къ „полу“, какъ и угловыя мѣста послѣдняго. Во всѣхъ такихъ положеніяхъ ящиковъ и корзинъ за ними удерживается громкое имя „скрынникъ“.

12. Если хатка построена нѣсколько притязательнѣе, имѣетъ, напр., коморку, то въ послѣдней стоитъ „лѣжикъ, посцѣля“ — деревянная на ножкахъ кровать самодѣльной работы. Этотъ „лѣжикъ“ настолько великъ, что позволяетъ помѣститься на немъ такъ же, какъ на „полу“, а стороннимъ можетъ быть принятъ за обычныя нарѣ. Такъ какъ построеніе „лѣжика“ требуетъ мастерской сноровки и вызываетъ больше времени, то, въ обходъ того и другого, онъ дѣлается проще: на двухъ прочныхъ козлахъ настилаются доски — и тогда „лѣжикъ“ имѣетъ чистый видъ „пола“, передъ которымъ, однако, удерживаетъ то преимущество, что при надобности можетъ быть разобранъ и очищенъ.

13. Гдѣ Господь посылаетъ частыхъ дѣтей, тамъ при спальномъ ложѣ матери долгіе годы и неизмѣнно находится дѣтская „колыбка“. Она бываетъ двухъ видовъ: „колыска и зыбка“, и состоитъ или изъ продолговатаго ящика, или деревянной рамы, обтянутой вдавленнымъ внизъ холстомъ, и привѣшивается она четырьмя веревками, кои идутъ отъ угловъ „колыбки“ и соединяются на аршинной приблизительно высотѣ, служа въ то же время опорами для колыбельной покрышки; внизу колыбели прилаживается веревочная или поясная „почѣпка“ — ручная и ножная. Последняя, состоящая изъ растянутого пояса, нерѣдко перетягивается на другой конецъ хатки, гдѣ мать, или няня расположилась то съ работою, то на отдыхъ.

Существенная разница между „колыскый и зыбкый“ состоитъ лишь въ привѣсѣ и образѣ качанія. Такъ, первая привѣшивается къ потолочной или полатной балкѣ и качается изъ стороны въ сторону, а вторая — къ концу гнбкой жерди, которою зачастую бываетъ савная оглобля, и качается сверху внизъ, причемъ, разумѣется, противоположный конецъ жерди прочно привязывается къ балкѣ. Тутъ все дѣло зависитъ отъ мастерско й привычки и принятаго въ семьѣ родѣ образа качанья, хотя нельзя не признать, что „зыбка“ можетъ служить обѣимъ цѣлямъ качанья.

При отхожихъ лѣтнихъ работахъ, „колыбка“ уносится на мѣстонахожденіе матери, и если тамъ нѣтъ подходящаго дерева съ прочнымъ сукомъ, то она утверждается на трехъ разставленныхъ колахъ, соединенныхъ вверху. Ясно, что для этого пригоднѣе рамочная „колыбка“.

Какъ извѣстно, дитя помѣщается въ колыбель лишь послѣ крещенія, а до сего времени оно покоится на подушкѣ, на сложенной одеждѣ, или же качается въ подходящихъ „ночвычкыхъ“. Такимъ образомъ первую колыбелью мѣстнаго младенца является

ворыто, и оно же въ отдаленные дни являлось послѣднимъ земнымъ притономъ прошедшаго жизньъ человѣка ⁶⁵⁶)...

14. Почти нераздѣльно съ колыбелью въ хаткѣ ютится дѣтская „садибка“, о которой упомянуто было въ пунк. 9 и раньше, во второмъ отдѣлѣ. При умѣньи да при досужествѣ, „садибка“ дѣлается съ выпильнымъ кружкомъ въ верхней доскѣ; за недостаткомъ же ихъ—значительно проще, и все построение ея состоитъ изъ квадратной шестивершковой доски въ основаніи, куда туго вставлены 4 колонны, соединенныя вверху перекладинами,—что издали готово напомнить фигуру куба. При полномъ отсутствіи какой-бы то ни было „садибки“, послѣднею становится праздный ящикъ, корзина, ведро, шайка ⁶⁵⁷) и др.

15. Въ сосѣдствѣ со стряпнымъ угломъ, иногда—въ глубинѣ его, ютятся подъ разными наименованіями путничьи и старческія вспоможенія—„квивилы ⁶⁵⁸)“, попихашки, попирашки, кійки, кійюги, урұчины, дѣдывы и бабины нѣги“. Если семья велика, есть въ ней немощники и старики, и если для ихъ помощниковъ облюбованъ этотъ именно „кїевый“ уголь, то здѣсь можно увидѣть странный наборъ странныхъ для незнакомаго человѣка палочныхъ предметовъ: у одной палки есть гнутый крючекъ, у другой торчитъ въ сторону урѣзанный сукъ, та заканчивается старымъ чепельнымъ или ухватнымъ насадкомъ, гайкою, желѣзнымъ обручикомъ, другая—болѣе или менѣе внушительною „былдовашкый“ ⁶⁵⁹) и проч. Къ сожалѣнію, при острыхъ семейныхъ недоразумѣніяхъ, „кїевый“ уголь можетъ поставить подручные предметы, орудованіе которыми извѣстно подъ терминомъ „валиць, узяццазы кійки“...

16. Вмѣстѣ съ помянутыми предметами, а часто и безъ нихъ, въ томъ же углу помѣщается „тыбацѣрныя былдывнѣ“, а за нею, подъ лавкою—„тыбацѣрныя макитра“, или просто—„тыбацѣръ“ ⁶⁶⁰). Сейчасъ непонятны существованіе и надобность этихъ предметовъ, но въ бытописуемое время они составляли не-

обходимую принадлежность дома, гдѣ имѣлись потребители нюхательнаго табаку. Первая изъ нихъ составляла деревянный пестъ въ 2 арш., заканчивающійся большою головкою, а вторая—толсто-стѣнный, глиняный бабочникъ съ небольшимъ рыльцемъ, для прочности, обвитый берестю и скрѣпленный нагнанными деревянными обручиками. Когда подоспѣвало время „церць, молдцьтыбаку“, въ „макитру“ клался листовой табакъ, нѣсколько листовъ вишни, и все это слегка посыпалось просѣянною золой; тогда, усѣвшись на полу или другомъ мѣстѣ, гдѣ можно протянуть ноги, да ущемивъ посудину между нихъ, „тыбацѣрь“ опускалъ туда пестъ тонкою стороною и вертѣлъ, пока не получался желанный порошокъ. По достиженіи цѣли, перетертый табакъ просѣвался чрезъ тонкое сито, и остатки его, подъ именемъ „выциркывъ“⁶⁶¹), отдавались потомъ пріятелямъ-курильщикамъ, какъ и корешки черенки табачныхъ листьевъ), обыкновенно считавшіеся ниже первыхъ.— „Былдывня, макитра“, прочная (сахарная) бумага да специальное маленькое сито—вотъ „тыбацѣрныя“ орудія, мѣсто которыхъ давно уже опустѣло!..

17. Къ передвижнымъ предметамъ хатки, сѣней и „исцѣпки“ по всей справедливости, слѣдуетъ причислить „жѣрны“, хотя у большинства хозяевъ они неподвижно установлены при какой-нибудь стѣнѣ. Будутъ ли „жѣрны“ переносными, или неподвижными, мѣстонахожденіе ихъ въ томъ и другомъ помѣщеніи бываетъ довольно опредѣленнымъ. Такъ, въ хаткѣ и „исцѣпкѣ“ они стоятъ при стѣнѣ, между дверью и „кѣвымъ“ угломъ, а въ сѣняхъ занимаютъ уголъ между дверью въ хлѣвъ и стѣною хатки, къ которой прилегаетъ печь. Встрѣчающіяся изъятія незначительны, и видѣть „жѣрны“ въ другихъ углахъ сѣней такъ же трудно, какъ трудно увидѣть ихъ, напр., въ клѣти.

Главную часть „жѣринъ“ составляютъ два равномѣрные камня мѣстной, а часто и домашней обработки, діаметръ которыхъ не превышаетъ 14, а толщина 5 верш. Соотвѣтственно положе-

нію, камни называются: „исподень и вирхень“; у первого сквозная въ центрѣ и круглая пробоина не достигаетъ 1 верш. въ діаметрѣ, тогда-какъ пробоина второго не менѣе 3 верш. и внизу перегороджена „пираллицей“ — неподвижно прилаженнымъ дубовымъ, даже желѣзнымъ брусочкомъ въ $\frac{3}{4}$ верш. Кроме того, для прочности (а „вирхень“ и по необходимости), оба камня сверху и внизу имѣютъ по два толстыхъ обруча, при чемъ къ обручу „вирхеня“ прикрѣплена „бѣнька“ — деревянный валекъ со сквозною дырочкою сверху внизъ, куда чуть можетъ войти мизинецъ. Дополнительными частями „жеринъ“ являются: а) „лопатень“ — прочная въ 3 верш. шириною доска, одинъ конецъ которой неподвижно укрѣпленъ, а другой можетъ подниматься и опускаться, — расположенная подъ помостомъ, въ отступѣ отъ него верш. на 6; — б) „вирьяно“ — дубовая жердочка длиною верш. въ 11, которая нижнимъ концомъ упирается въ середину „лопатня“, а пройдя сквозь нижній камень, другимъ заостреннымъ концомъ входитъ въ мелкое углубленіе „пираллицы“; — в) „мѣлинь, или мленъ“ — тонкая легкая жердочка въ 2 арш., нижнимъ, соструганнымъ концомъ, свободно входящая въ дырочку „бѣньки“, а верхнимъ такъ же свободно — въ пробоину высоко (арш. на 2) отстоящей отъ „вирхеня“ неподвижной перекладины, при чемъ дыра послѣдней стоитъ прямо надъ дырою верхняго жернова; — г) „кляпышь“ — двойная веревка, продѣтая чрезъ дырочку одной изъ досокъ помоста, гдѣ, на поверхности, она обхватываетъ деревянную чурочку верш. въ 2, а другимъ концомъ туго привязана къ вольной оконечности „лопатня“: отъ завертовъ чурочки (она же — „кляпышь“) зависитъ сокращеніе и удлиненіе веревки, а чрезъ то нужный подъемъ и опущеніе „вирхеня“; — д) послѣднюю, хотя послѣ камней и главною частью „жеринъ“ нужно считать „подъ“ — досчатый подъ жерновами помостъ, имѣющій квадратное построеніе и ограниченный четырьмя вертикально поставленными досками, — что придаетъ „поду“ видъ низкаго ящика,

въ срединѣ котораго покоятся жернова; изъ нихъ отчетливо виденъ издали только верхній.

Если „жёрны“ переносные, то „подъ“ и всѣ принадлежности держатся на четырехъ прочныхъ столбахъ, изъ коихъ два противостоящія поднимаются до высоты той перекладины, въ которую долженъ войти „мѣлинъ“ верхнимъ концомъ,—что составитъ предѣльную высоту ихъ въ 2 арш. и 14 верш.; высота же остальныхъ столбовъ оканчивается съ высотой „пóда“, а это не превзойдетъ 1 арш. и 8—10 верш. Столбы прочно соединены между собою перекладинами—внизу и на высотѣ досчатой настилки, а два возвышенные столба, сверхъ того, и третьею, на самой вершинѣ ихъ. Если же „жёрны“ неподвижные, то они будутъ имѣть только короткіе два столба, отъ которыхъ пойдутъ двѣ упорки въ стѣну: на этихъ упоркахъ стелется досчатый помостъ („подъ“), уставляются три боковыя доски, которыя въ соединеніи со стѣною образуютъ ящикъ, какъ и въ переносныхъ „жёрнахъ“; въ то же время „лопатёнь“ и вершинная упорка для „мѣлина“ будутъ вколочены въ ту же стѣну.

Изъ подробнаго описанія „жёринъ“ видно, что они нѣсколько сложнѣе другихъ предметовъ, вызываютъ неизбѣжную трату денегъ, то времени; но, несмотря на это, „жёрны“ имѣются въ каждомъ хозяйствѣ, необходимы болѣе другихъ предметовъ обиходности, и простолюдинъ не жалѣетъ тратъ, какъ онъ не жалѣетъ времени потребнаго на ремонтъ „жёринъ“ („биць жёрны“) ⁶⁶²), приспособленіе ихъ къ отдѣльному мелеву и на самое мелево. Знакомые со всѣмъ этимъ не откажутся припомнить, что, напр., для хлѣбной муки дюжій домашній мельникъ перемелетъ четверикъ ржи только въ два пріема: отъ сумерекъ до ужина и отъ „дó-свицця до сніданья“,—что въ осеннее время составитъ 6—8 ч. работы! Правда, остальные виды мелева проходятъ скорѣе, потому что при нихъ „вирхёнь“ нѣсколько поднимается и движется легче, такъ-что дѣло съ „пóспый“ ⁶⁶³) и крупую можетъ завершиться

въ часъ-два; но и въ такое время мельникъ достаточно начихает-ся отъ пыли, которая, кстати, залѣпитъ глаза, проберется въ волоса, уши, въ платье,—накланяется до изнеможенія и утрудитъ руки—водящую „мѣлинъ“ и засыпающую зерна. Все это онъ продѣлаетъ стоя, при необходимомъ нагибѣ всего тѣла впередъ, мелканьи жернова, то въ духотѣ хатки, то въ холодѣ да сквозникѣ сѣней! Какъ жалки бываютъ съ этой стороны мельники дѣти, когда въ силу сиротства, или иной подчиненности въ домѣ, они приставляются къ мельничному труду: взмолившись на приставленные „колѣдки, на услѣники“, вертятъ они низко опущенный иногда жерновъ то въ одиночку, то коллективно...

По достиженіи старости, что сказывается чрезъ десяти лѣтъ, когда камни сотрутся и истончаютъ, жернова долгое время служатъ прессами для творога и „капусты“, или же укладываются передъ порогомъ сѣней, клѣти, гдѣ они воспринимаютъ новое, громкое имя „гѣнка“... Съ измѣнившимся взглядомъ простолюдина на мельничное дѣло, когда онъ пересталъ шадить 3 коп. за перемоль, примѣрно, четверика ржи на мельницѣ, навсегда потерялась единственная въ своемъ родѣ музыка отъ одновременнаго „скрыга“⁶⁶⁴) жеринъ“ цѣлой деревни, имѣвшая живое мѣсто въ тихія осеннія „дѣ-свицца“, въ преддверіи празднествъ; орудія такой музыки смиренно почиваютъ передъ порогами современныхъ хатокъ, сѣней и клѣтей...

18. „Молочная скрыня“ есть деревянный ящикъ, досчатая стѣнка котораго вправлены въ пазы четырехъ равномѣрныхъ брусчатыхъ колоннъ, соединенныхъ восемью горизонтальными перекладинами, изъ коихъ 4 нижнія, въ отступѣ отъ земли верш. на 5, служатъ опорю для помоста, а 4 верхнія—для досокъ брышки. Въ общемъ „молочная скрыня“ имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина ея равна 2 арш., ширина 1 арш. 8 верш. и высота 1 арш. 12 верш.; что же касается колоннъ, то онѣ нѣсколько возвышаются надъ ящикомъ, а внизу образуютъ ножки, такъ что

подъ помостомъ за нужду можетъ пробраться ползкомъ собака средняго роста ⁶⁶⁵)! Внутри „молочная скрыня“ не имѣетъ ни полокъ, ни перегородокъ: кринки, горшки со сметаною, съ масломъ, съ творогомъ, какъ и посуда съ жидкимъ саломъ и другими предметами изъ категоріи скоромной „зыкрасы“, ставятся непосредственно на помость; при накопленіи же добра—другъ на друга.—Заднія доски крышки укрѣпляются неподвижно къ пере-клинамъ, тогда какъ переднія, будучи сколочены одна съ другою и соединены съ остальною половиною крышки желѣзными, даже кожаными завѣсами ⁶⁶⁶), могутъ подниматься и закрываться, при чемъ, на лицевомъ ребрѣ эта половина крышки запирается на „чѣпиль“ и замкомъ. Къ сдѣланному описанію остается прибавить, что установка предметовъ и выемъ ихъ изъ „молочной скрыни“ дѣлаются сверху, черезъ высокій край, и что достающій, напр., поклажу со дна ящика принужденъ перевѣшиваться черезъ стѣнку его и придерживать за колонну, даже и тогда, когда подмостится на приставленной колодочкѣ, или „подножку“, иначе онъ можетъ оказаться въ положеніи ныряющей утки,—что на самомъ дѣлѣ и бываетъ съ малорослыми да подгулявшими...

„Молочная скрыня“ находится въ исключительномъ завѣдываніи хозяйки дома, у которой неизмѣнно хранится и ключъ отъ нея: установка и всѣ распорядки внутри „скрыни“ опять же принадлежатъ ей, и только при особыхъ обстоятельствахъ, на скорую руку, сюда допускается подручный пособникъ хозяйки. Часто случается, что хозяинъ, творецъ „молочной скрыни“, не видитъ внутренности ея по цѣлымъ годамъ...

Всегдашнее мѣстонахожденіе „молочной скрыни“ есть холодный уголь сѣней, приходящійся между дверью въ хлѣвъ и стѣною „исцѣнки“, или „клѣци празъ сѣнки“, т. е. противъ угла, занимаемаго „жѣрнами“, если только они помѣщены здѣсь. Какъ то бываетъ со многими предметами обиходности, на „молочной

скрынѣ“ всегда стоитъ и лежитъ множество совершенно стороннихъ предметовъ: четверикъ, корзина, горшокъ, мѣхъ съ поклажею и пустой, камень-прессъ и даже хомуть. Зато здѣсь непременно стоитъ подойникъ и нѣсколько праздныхъ кринокъ; процѣживанье и разливъ молока происходятъ тутъ же.

Подобно всякой домашней самодѣльщинѣ, „молочная скрыня“ не отличается ни изяществомъ, ни легкостью: сработанная топоромъ да долотомъ, она груба, грузна и не привлекаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что она грязнится болѣе всякой утвари, а съ мытьемъ и чисткою не вѣдается часто до конца долготѣйшей жизни своей. Но она незамѣнима въ хозяйствѣ, и гдѣ можетъ быть молоко, тамъ обязательно должна быть и „молочная скрыня“. — По окончательномъ обветшаніи да при возможности устроить новую, „молочная скрыня“ поступаетъ въ хлѣвъ, гдѣ она становится лошадиными яслями, потерявъ предварительно легко удаляемую крышку...

II. Предметы освѣщенія.

Хотя искусственное освѣщеніе занимаетъ незначительные сроки суточной жизни простолюдина и хотя отъ середины весны и до середины осени отдѣльные дома не вѣдаются съ освѣщеніемъ, оно все-таки составляетъ довольно содержательный предметъ необходимости, безъ котораго можетъ обойтись развѣ слѣпецъ. Нѣтъ надобности напоминать, что по мѣрѣ наступленія и сгущенія сумерекъ, въ душу обыкновенно закрадывается безотчетная тоскливость, которая начинаетъ разсѣваться только при первомъ огонькѣ; въ быту простолюдина, живущаго „по солнцу“, это нѣсколько осязательнѣе, и кто на сю пору бывалъ въ хаткѣ, тотъ могъ замѣтить, что съ сумерками прерываются семейные разговоры, останавливаются дѣтскія игры, возня, и въ хаткѣ иногда создается мертвящая тишина⁶⁶⁷), если не выручаетъ какой-нибудь грызунъ, или сверчокъ: въ такую пору, однако, никто не спитъ, даже не

дремлетъ, а продолжаетъ то состояніе, въ которомъ застали сумерки. Дивный, своеобразный покой! Но онъ—покой не отдѣльной семьи, не деревни только, а общій сельскій, не-городской покой! И опять непонятно: прерывается онъ точно по предварительному уговору, по крайней мѣрѣ, въ 5—10 минутъ вся деревня засверкаетъ крохотными огоньками, прокрадывающимися чрезъ небольшія, мутныя окна хатокъ и „хацѣныкъ“. Моментъ освѣщенія наступаетъ приблизительно такъ.

Когда домашнія „молчанки“ протянулись до предѣльнаго срока, кто-нибудь изъ старшихъ скажетъ: „чаму цяплò ⁶⁶⁸⁾ ни палиця“? или: „ци ни пырò цяплò дуць“? Отвѣтитъ ли кто, или не отвѣтитъ на вопросы, но только вслѣдъ за этимъ слышится легкій шумъ отъ походки и движенія, особенный, если не единственный въ своемъ родѣ скребъ въ „ямкѣ“, легкій трескъ переламываемыхъ осколковъ лучины и вслѣдъ за тѣмъ звукъ дуновенія, напоминающаго звукъ паяльной трубочки ювелира, когда та направлена на уголья. Отъ двухъ-трехъ „дмұхывъ“, ясно различаемыхъ во всѣхъ углахъ хатки, крохотный огненный язычекъ повиснетъ на острыхъ концахъ „трэсычикъ“ ⁶⁶⁹⁾ и засверкаетъ звѣздочкою... Всѣ жильцы, старъ и малъ, какъ и добывшій „цяплò“, немедленно осѣняются крестнымъ знаменіемъ; если бы кто задремалъ на сию пору, онъ крестится по прекращеніи дремы, хотя бы и тогда, когда огонь помѣщенъ въ свѣточѣ, а въ домѣ поднялся говорливый шумъ.

Въ темнотѣ не видно, что дѣлаетъ „выдувающій цяплò“ ⁶⁷⁰⁾, а между тѣмъ его незримая работа, работа на ощупь, достойна вниманія. Заручившись позволеніемъ „дуць цяплò“, онъ отыскиваетъ на „ямки“ запасенныя „трэсычки“; болѣе толстою, или огаркомъ выгребаетъ на „загнѣтъ“ два угля и, уставивъ ихъ рядомъ, да приложивъ къ нимъ „трэсычки“, послѣ осѣненія крестомъ углей и сихъ послѣднихъ, да словъ—„Божа, блыслові!“—дуетъ на уголья и норовитъ выдуть пламя не ранѣе, какъ послѣ

третьяго дуновения. Когда же послѣднее добыто и прочно обняло „трѣсычки“, онъ крестится, загребасть угольки на прежнее мѣсто и тогда только зажигаетъ настоящую лучину и помещаетъ ее въ свѣточъ. Пока длится актъ добыванія огня, семьяне внимательно и съ удвоенною тишиною слѣдятъ за происходящимъ, причѣмъ медлительность или спѣшность подлежатъ личному обсужденію каждаго, не выражаемому, однако, гласно ⁶⁷¹), тогда какъ въ остальныхъ случаяхъ это вызываетъ шутивья, а нерѣдко и обидныя замѣчанія.

Утреннее добываніе огня не имѣетъ описанной торжественности, а для отдѣльныхъ лицъ оно даже и не видно: кто раньше проснулся, или кому предстоитъ спѣшная работа, тотъ и выдуваетъ огонь,—что, по преимуществу, падаетъ на долю пряхъ и страпухи.

Такъ идетъ дѣло, когда въ „ямкѣ“ удержался собственный огонь, при чемъ дорогими остаются ничтожныя искры его: при помощи трута, тряпокъ и пакли маленькія искорки переходятъ въ нужное „цяплѣ“. За полнымъ исчезновеніемъ послѣдняго, что почитается неблагопріятно пророчественнымъ, оно добывается кресаньемъ, холостымъ выстрѣломъ, и только въ крайнемъ случаѣ—трениемъ двухъ сухихъ палочекъ. Когда же нѣтъ никакой возможности добыть огня дома, тогда злополучная семья обращается къ послѣднему средству—„пѣзыкѣ циплѣ“ у сосѣдей. Но это сопряжено съ такими затрудненіями, что вѣдаться съ ними приходится лишь въ силу необходимости. Такъ „у пѣзыку“ идетъ или самъ хозяинъ, или хозяйка, или кто-нибудь изъ возрастныхъ, излагаютъ причины траты огня, выслушиваетъ укоризны и даетъ обязательство въ тотъ же день возвратитъ „цяплѣ“,—что съ точностью и выполняетъ: самолично и въ томъ же горшкѣ, въ который принималъ огонь, относитъ онъ „пѣзыку“ и вручаетъ выдававшему ее. Если же одолженіе пришлось въ молодикъ, то оно почти невозможно, и семья можетъ очутиться въ критическомъ положеніи.

Зная все это, соображаясь и съ тѣмъ, что „у пѣзыки“ приходится иногда идти въ далекія мѣста (живущіе на „одиноцыхъ“), дровляне всемѣрно заботятся о непрерывномъ сбереженіи и поддержаніи собственнаго „ципла“, которымъ, въ видѣ угольевъ, наполняются обѣ „ямки“ (см. черт. Б, лит. ж и ю) по окончаніи топки, — что извѣстно подъ терминомъ „загрѣсь ямки“.

Тушеніе огня происходитъ далеко не при такой обстановкѣ, какъ вечернее добываніе его: горящая лучина или догораетъ въ свѣточѣ, на виду улегшихся спать, или ее гаситъ та женщина, которой неудобно раздѣваться на глазахъ семьянъ, — гаситъ, уткнувъ горящій конецъ въ „пѣпилъ ямки“, затоптавъ его обутою ногою на полу, или же омочивъ въ воду, но не помой. Во всякомъ случаѣ лучинный огарокъ, какъ цѣнный остатокъ освѣтительнаго матеріала, вмѣстѣ съ другими огарками сберегается на „подтѣнку, поджѣжку“ и др. надобности.

Чтобы отчасти понять цѣнность освѣтительныхъ предметовъ, нелишне остановиться на заготовленіи и потребленіи ихъ, начиная съ лучины, которая, какъ извѣстно, бываетъ березовая и сосновая, и только въ рѣдкихъ положеніяхъ можно встрѣтить еловую, вязовую и осиновую лучину. Обыкновенно для лучины избирается среднее, „гѣнкое“⁶⁷²⁾ дерево, которое немедленно, по расчѣненіи его на куски въ 1 арш. и 8—10 верш., очищается отъ коры и раскалывается: березовое — на „плашки“, а сосновое — небольшими брусочками верш. въ 2 толщиной. Это — лѣсная и надворная работа; остальное происходитъ въ хаткѣ, въ досужее время или при набѣжавшей надобности. При этомъ березовыя „плашки“ сначала вьнутъ подъ навѣсами, или просыхаютъ на чердакѣ хатки, откуда небольшими партіями (10 плахъ) онѣ вылеживаются на печи, въ запечьи, надъ „сѣпыхый“, и только плаха-двѣ, потребныя на текуція надобности, кладутся въ жаркую печь, откуда и поступаютъ подъ раскалывающій топоръ. Отъ послѣдняго получаютъ толстыя полосы, которыя при помощи но-

жа немедленно щепаются въ топкія. Если такимъ образомъ расщеплено двѣ-три „плашки“, то получится почти охапка лучины, достаточная на нѣсколько дней. Эта лучина не разстается съ теплыми, даже жаркими мѣстами печи, откуда, при текущей надобности, извлекается по одной лучинѣ. Сосновые брусочки щепаются только ножомъ послѣ незначительнаго распара ихъ въ печи, и полученная вполне сырая лучина выдерживаетъ въ пучкахъ всѣ сушильныя стадіи березовыхъ плахъ, т. е. вянетъ, просыхаетъ и окончательно высушивается въ печи.

Во время щепанья лучина сортируется: гладкія, ровныя и длинныя лучинины составляютъ отдѣльный пучекъ и даютъ наилучшую лучину, тогда-какъ половинные осколки, лучинины съ изъяномъ, откладываются отдѣльно: вмѣстѣ съ огарышами они служатъ потомъ на скоротечныя надобности, какъ небольшой огарокъ свѣчи, или же идутъ на подтопу, подъ сковороду, когда нужно зажарить колбасу, сало, личицу; въ сильную стужу, когда къ вечеру поубавится хатное тепло, дѣти и даже женщины изъ такихъ лучинныхъ осколковъ складываютъ на полу небольшой костеръ и, стоя надъ нимъ, закрывъ подоломъ пламя, согревають нижнюю половину тѣла.

Какая лучина лучше—трудно сказать: давая ровное, чистое пламя, березовая лучина при случаѣ даетъ больше дыма и медленно тлѣющіе уголья; сосновая лучина щепается и сушится легче березовой, горитъ широкимъ пламенемъ, но она горитъ быстрѣе, коптитъ безпрестанно, а широкій уголь, свертываясь „вирцалемъ“, нерѣдко заслоняетъ пламень и вызываетъ болѣе частое оттиранье угля. Гдѣ есть береза и сосна, тамъ пользуются обоими видами лучины; разнообразіе пользованіе при той и другой надобности: нуженъ бойкій свѣтъ—горитъ сосновая лучина, мягкій и ровный—березовая. Вообще же приходится свидѣтельствовать, что при отсутствіи того или другого лѣса, лучина изъ не-

го считается парадною и горитъ она въ святочные и гостинные вечера.

Неизбѣжнымъ дополненіемъ лучины является свѣточъ, который бываетъ то переноснымъ, то постояннымъ; въ свою очередь, первый бываетъ стоячимъ и висячимъ. Стоячій свѣточъ состоитъ изъ жерди въ 2 арш. и 8 верш., вертикально вправленной въ стойку—перевернутую плаху, доску, крестовикъ, или колодку; на вершинѣ такой жерди неподвижно укрѣплена короткая поперечка, куда въ горизонтальномъ положеніи вколочена желѣзная съ разсѣкомъ скоба—издѣліе сельскихъ кузнецовъ: въ разсѣкѣ обыкновенно втыкается свободный конецъ лучины. Такой свѣточъ можетъ быть поставленъ въ любомъ мѣстѣ хатки. Висячій свѣточъ значительно короче стоячаго и имѣетъ крючковатый конецъ (прочный сукъ), которымъ онъ навѣшивается на „полицу“, балку, передпечную жердь; другой его конецъ, обыкновенно висящій внизъ, забивается поперечкою и скобой, какъ и стоячій.—Тотъ или другой свѣточъ днемъ лежитъ подъ лавкою, какъ онъ лежитъ тамъ и во все лѣто.

Постояннымъ свѣточемъ бываетъ: стѣнная щель, специальный выдолбъ въ печи между кирпичей, та же желѣзная скоба, вколоченная въ стѣну, или деревянный стѣнной крюкъ, съ придѣланною къ нему поперечкою и скобой. Въ прибѣдненныхъ случаяхъ, когда нѣтъ желѣзной скобы, въ свѣточѣ укрѣпляются двѣ поперечки, одна на другую, при чемъ концы ихъ оттопырены настолько, что въ щель можетъ входить лучина. Такими подходящими поперечками являются куски (верш. въ 6) стараго обода, сложенные внѣшними сторонами.

Въ хаткѣ и, тѣснѣйшимъ образомъ—въ свѣточѣ горитъ одновременно не болѣе двухъ лучинъ, которыя, примѣнительно къ обстоятельствамъ, въ стоячемъ и висячемъ свѣточѣ размѣщаются въ разные концы, тогда какъ въ остальныхъ свѣточахъ онѣ помѣщаются рядомъ. Если такіе свѣточи замѣняются живы-

ми, т. е. лучину держать отдѣльные приставники-подростки (на пирушкахъ, при псалтирномъ чтецѣ надъ покойникомъ, на току), то, для усиленія свѣта, они слагаютъ двѣ и три лучины, причемъ на ихъ же обязанности лежитъ „утирать носъ лучины“; въ остальныхъ случаяхъ, въ заурядной жизни, это дѣлаетъ тотъ, кто ближе къ свѣточу, или праздное лицо. При сильныхъ холодахъ, когда земляной полъ вызываетъ соломенную настилку, подъ лучину подставляется корыто съ водою, или снѣгомъ, куда и отпадаютъ опасные на этотъ случай лучинные уголья...

Вторымъ, но вполне праздничнымъ, изрѣдка—гостиннымъ предметомъ освѣщенія бывали сальные свѣчи домашняго изготовленія изъ бараньяго, козьяго и говяжьяго сала. Кто не щадилъ сала въ ущербъ кухоннымъ „закрасамъ“ и столовымъ „вологамъ“, тѣ обыкновенно производили фабрикацію свѣчъ въ два срока: недѣли за три до заговѣнья (14 ноября), когда обыкновенно отправляются „восиньскіи гостинны“⁶⁷³⁾, и передъ рождественскими святками, во время и послѣ которыхъ, вплоть до масленицы, идетъ вторая серія „гостинъ“. Щадившіе домашнее сало, или не имѣвшіе такового, но не стѣсненные средствами, на тѣ же случаи добывали фабричныя сальные свѣчи изъ мѣстечекъ и городовъ. Появленіе свѣчей въ домѣ не исключало, однако, пользованія лучиною, и тѣ же „гостинки любви“, ради которыхъ дѣлалась сальная трата, видя хозяйское радушіе, приглашали не „псуваць“⁶⁷⁴⁾ свѣчъ и обратиться къ лучинѣ...

Несюжная фабрикація сальныхъ свѣчъ обыкновенно производилась такъ. Заготовивъ предварительно „кноты“⁶⁷⁵⁾ съ петлями вверху да разогрѣвъ въ высокомъ кувшинѣ, кринкѣ заранее очищенное сало, фабриканты начинали поочередно обмакивать „кноты“ въ сало и привѣшивать ихъ въ сѣнномъ холодѣ: пока обмакивался послѣдній „кноть“, первый застывалъ и готовъ былъ къ новому обмакиванью. Отъ 15 приблизительно погруженій въ

сало „кноть“ наслояся настолько, что получалась уже сносная по толщинѣ свѣча, въ отличие отъ фабричной называвшаяся „моканьбой, моканникомъ“. Когда салная посуда была глубока, то „моканка“ могла удлиниться до 6 верш.; въ противномъ случаѣ, да при уменьшеніи сала, получались свѣчи въ 5 и менѣе верш., извѣстныя подъ именемъ „сморкачекъ“⁶⁷⁶).

Остатки сала, кстати, чисто приготовленнаго и незагрязненнаго омакиваньемъ, шли потомъ въ кухонное и столовое потребленіе, и только особенно брезгливыя семьи отдѣляли такіе остатки на смазку обуви, упряжи даже волосъ, или дарили нищимъ, продавали скушникамъ.

Какъ служить „моканка“—угадать не трудно. Часто непропорціональный фитиль, незамѣтно уклонившійся къ стѣнкѣ, горитъ неровно, плавить свѣчу, а если она сработана изъ консервнаго сала, обыкновенно для прочности посоленнаго при топкѣ, то сверхъ того свѣча непрерывно „порщитъ“, мѣняетъ свѣтъ и невольно призываетъ къ лучинѣ, которая, кстати, не имѣетъ столько враговъ, какъ свѣча: послѣднюю сгрызаетъ мышь, крыса, унесетъ хорекъ, кошка, собака, или же, по неразумію, но въ силу приманчиваго запаха и вкуса, потребить въ прикуску съ хлѣбомъ какой-нибудь „бланиокъ и бланитка“...

Свѣча обуславливаетъ такой или иной „лихтарокъ“⁶⁷⁷) и снимальныя щипцы. Если нѣтъ въ наличности ни мѣднаго, ни жестяного „лихтарика“, то сооружается деревянный, и таковымъ бываетъ: деревянная съ выдолбомъ вверху стойка, прочно вправленная въ досчатую подставку, подходящее „дно“, или же болѣе тонкая колодочка съ тѣмъ же выдолбомъ для установки свѣчи. За неудобствомъ сооруженія и спѣшностью, „лихтарикомъ“ является праздная бутылка то цѣльная, то битая: въ первой свѣча помещается въ горлышко, а во второй она ставится прислоненною къ стѣнкѣ, подобно тому, какъ это бываетъ и въ низкихъ посу-

динахъ—горшечкѣ, кружкѣ, „кѡновѣ“ и др. Среди такого разнообразія подручныхъ подсвѣчниковъ, иногда мелькаетъ приспособленная сырая брюква, свекла; въ особенно же снѣжныхъ случаяхъ свѣча устанавливается непосредственно на подоконникѣ, лавкѣ, на столѣ, на перевернутой мискѣ и горшкѣ, гдѣ предварительно „накапывается“ тою же свѣчею.

Если судьба заносила въ домъ снимальные щипцы, то они пускались въ ходъ; въ противномъ случаѣ нагаръ снимался при помощи ножницъ, двухъ палочекъ, или же пальцами, на которые предварительно необходимо было поплевать...

Восковые свѣчи, имѣвшіяся въ каждомъ домѣ, употреблялись, какъ предметъ освѣщенія, значительно рѣже даже въ домахъ пчеловодовъ: восковая свѣча горитъ во время святочной, или поминальной молитвы и во время поминальнаго стола; съ такою свѣчою зайдутъ въ хлѣвъ для приѣма новорожденного животнаго; если же то освященная свѣча („громничная“), то она жжется только при выдающихся положеніяхъ: во время грозы, при кончинѣ семьянина, при обжиганіи волосъ (2 февр.).

Подобно сальнымъ, и восковые свѣчи бываютъ исключительно самодѣльными, но „катаными“, при чемъ въ „кноты“ ихъ идутъ не бумажныя, а льняныя, или пеньковыя нитки. Здѣсь повторяется то же, что и въ сальной свѣчѣ: она даетъ сплавы, „порщѣць“⁶⁷⁸) и горитъ неравномѣрно.

Послѣднимъ, въ свою очередь, рѣдкостнымъ предметомъ освѣщенія бывалъ „олеѣ“, или свободное сало различныхъ сортовъ. Будучи помещенъ въ простую, или со стойкою и рыльцемъ плоскую, откуда черезъ край свѣшивался фитилекъ изъ нитовъ, влокаваты, пакли, этотъ предметъ давняго освѣщенія по всей справедливости могъ считаться послѣднимъ: онъ давалъ копоть, мало свѣта, вызывалъ частую поправку, или смѣну фитилей, заставлялъ оберегать отъ алчинокъ не менѣе сальной свѣчи и могъ быть

предпочтенъ лучинѣ развѣ тѣмъ, что не давалъ дымовой горечи. Слѣдуетъ, однако, вспомнить, что и такой предметъ освѣщенія стоялъ выше лучиннаго и что на мѣстный взглядъ это свидѣтельствовало или о богатствѣ дома, или нѣкоторой притязательности его, и что это находило своихъ завистниковъ, какъ и освѣщеніе свѣчею ⁶⁷⁹).

Въ связи съ житьемъ въ курной хаткѣ, недостаточнымъ свѣтомъ, проходящимъ внутрь ея чрезъ тѣсныя закоптѣлыя окна, обиліемъ только на ночь улегающейся пыли, бытописуемое освѣщеніе являлось неизвѣстнымъ нынѣ бичомъ глазъ. Благодаря ему, не натруженные работою грамотника глаза, кстати, все лѣто отдыхающіе на зелени, притуплялись значительно скорѣе нынѣшняго, отчего ряды тогдашнихъ деревенскихъ слѣпцовъ бывали какъ-то гуще, а глазные страдальцы то съ воспаленными, то гноящимися, то съ прищуренными вѣками не переводились въ деревняхъ. Будетъ ли, не будетъ ли смѣлымъ увѣреніе, но только низкоглазость, особое положеніе прищуренныхъ глазъ, составлявшія типичную особенность жильцовъ захудалыхъ мѣстностей ⁶⁸⁰), только и могли воспитаться при совмѣстномъ воздѣйствіи на глаза курной хатки и тогдашнихъ предметовъ освѣщенія. Воспоминаемые глазные страдальцы и частые слѣпцы не знали вѣрнаго источника своего несчастья и все дѣло переносили на „насланнѣ“ ⁶⁸¹) на чары, на гнѣвъ Божій.

Распространеніе керосина, нынѣ занявшаго чуть-ли не единственное, по крайней мѣрѣ, почетное мѣсто не у зажиточнаго только деревлянина, но и у захудалаго сосѣда его, разумѣется, поможетъ внукамъ понять слѣпоту и низкоглазость дѣдовъ, а самихъ лично не допустить до старосвѣтскихъ недуговъ.

III. Подручные рабочіе инструменты.

При многообразныхъ домашнихъ, а частію и недомашнихъ работахъ неизбѣжно употребленіе „запасинъ, уручинъ, струмен-

динъ ⁶⁸²⁾ разныхъ“, подъ широковѣщательнымъ именемъ которыхъ нужно разумѣть лишь подручные инструменты, часто мелкіе, еще чаще—съ незатѣйливымъ построениемъ и сплошь да-рядомъ—немногочисленные. Почти всѣ предметы этой категоріи имѣютъ слабое употребленіе при описанныхъ выше производствахъ и—совершенно косвенное при чисто земледѣльческомъ: ихъ область—обработка дерева во всѣхъ хозяйственныхъ углахъ, а орудующіи ими—старъ и малъ въ семьѣ, т. е. не потерявшій ⁶⁸³⁾ силы держать въ рукахъ инструментъ и только что пріобрѣвшій ее да кое-какой навыкъ управляться съ подручнымъ инструментомъ.

Иронизируя надъ спеціальными мастерами, увѣшивающими стѣны или биткомъ набивающими ящики воспособляющими предметами мастерства, простолюдинъ вѣроподобно утверждаетъ, что „стоищій писака напишетъ чепелой, а такой же, музыка зыграецъ и ны кычарзъ“... Переносъ подобное ожиданіе на свое производство, онъ не прочь вѣрить, что и настоящій работяга съ кое-какимъ топорикомъ да ножомъ сдѣлаетъ вдвое больше, чѣмъ писака и музыкантъ съ далеко несподручными предметами ихъ профессіи. Посему, хотя безъ подручныхъ рабочихъ инструментовъ и не можетъ быть полна обиходность, потребность въ нихъ такъ ограничена, что наличные предметы совершенно теряются въ скромной „хаткѣ, сѣнкахъ и исцѣнкѣ“, а въ отдѣльныхъ хозяйствахъ пользованіе ими сужается до того, что на всегдашнемъ счету стоятъ лишь топоръ да ножъ, тогда какъ придатки къ нимъ—буравъ и долото—смирно, по цѣлымъ годамъ, ржавѣютъ въ складнщѣ, или воткнутыми въ стѣнныя щели.

Однако, какъ ни изловчился деревенскій работяга орудовать возможно меньшимъ количествомъ инструментовъ, все-же есть рабочія положенія, когда неминуемо слѣдуетъ расширить инструментальную ограниченность топора и ножа. Если для того нѣтъ наличной дома „запасины, уручины, струменщины“, таковую можно

или возвращающійся отъ подрядной работы; при иномъ случаѣ, когда „торбѣшка“ наполнена харчами и заурядъ съ ними—инструментами, топоръ виситъ спереди, топорищемъ внизъ, а лопастью держится на „торбѣшничьихъ“ петляхъ. То и другое служитъ показателемъ дальней работы; въ обратномъ случаѣ, когда нѣтъ надобности въ „торбѣшкѣ“, топоръ держится при боку, вертикально: лопасть его покоится въ кисти, топорище же упирается въ подмышку. Направляющійся къ отдаленной и продолжительной лѣсосѣчной работѣ, или въ поиски за топорною работой вообще, держать топоръ за поясомъ сзади, въ то время, когда торба съ харчами и смѣною бѣлья, или же кошель вмѣсто нея, привѣшанъ на обычномъ мѣстѣ—на боку. При толочномъ лѣсосѣкѣ вблизи дома, какъ и поодаль отъ него, или же при лѣсосѣкѣ, на собственныхъ, неширокія нужды, топорникъ не имѣетъ ни кошеля, ни торбы, но топоръ несетъ по образу предшественника. Ношеніе топора при боку, но за поясомъ, изобличая во встрѣчномъ курильщика, или молодого рабочаго, въ то же время говорить о трудной, хотя и непродолжительной топорной работѣ. Когда та же работа одна изъ среднихъ по трудности, продолжительности, и когда она недалеко отъ дома, то пожилые несутъ топоръ на плечѣ, топорищемъ впередъ, а молодые—въ опущенной рукѣ, топорищемъ назадъ. Послѣдній образъ ношенья топора да снѣжное движеніе къ мѣсту работы указываютъ на краткость и близость ея. При слѣдованіи къ топорной работѣ верхомъ, топоръ обыкновенно держится за поясомъ, при боку, и только неопытный, или забывающійся топорникъ будетъ держать его сзади, въ рукѣ, или на плечѣ. При слѣдованіи въ рабочей пустой телѣгѣ, топоръ остается то за поясомъ, то бываетъ заткнутъ лопастью въ экипажную щель, а когда перевозится лѣсъ, онъ вколачивается сверху въ бревно, или въ дровяное полѣно, вершая возъ. Нѣтъ надобности дополнять, что ни одинъ изъ перечисленныхъ образцовъ ношенья топора не имѣетъ мѣста у женщинъ, и только спѣшная

нужда да безвыходное положеніе могутъ пригнать женщину къ топору ⁶⁸¹), чтобы отколоть какую-нибудь „поджѣжину, подтопину“.

Топоръ съ широкою клинообразною лопастью, съ прямымъ лезомъ, съ плоскимъ обухомъ, треугольнымъ проухомъ и плоскою, въ концѣ изогнутою рукоятю, называется „сякирый, сакерый“. Мѣстная „сякира“ не имѣетъ величины и груза мясницкой и плотничьей и часто отличается отъ зауряднаго топора только прямымъ лезомъ, да плоскимъ, часто прямымъ топоричемъ. При многихъ достоинствахъ и даже преимуществахъ сѣкиры передъ топоромъ, она имѣетъ слабое распространеніе и встрѣтится развѣ въ 10-мъ крестьянскомъ домѣ.

2. При чисто плотничьихъ работахъ и, тѣснѣйшимъ образомъ, при высѣкѣ пазовъ въ бревнахъ и „шұлахъ“, употребляется отдѣльный топоръ, который могъ бы быть сочтенъ за старинное военное оружіе, если бы только придать ему длинное топориче вмѣсто обычнаго. Въ самомъ дѣлѣ: топорное лезо не доходить и до 2 верш., тогда какъ лопасть топора имѣетъ не менѣе 5—6 верш. въ длину, при чемъ она нерѣдко бываетъ не сплошною плоскостью, а съ перехватомъ между лезомъ и обычнымъ топорнымъ обухомъ. Если орудующій такимъ топоромъ не имѣетъ плотничьей сноровки, то онъ употребляетъ его, какъ долото: пока товарищъ держитъ лезо на подлежащемъ мѣстѣ, другой размахивая ударами по обуху вгоняетъ топоръ въ дерево. Такое обращеніе съ топоромъ есть крайность, и въ рукахъ настоящаго плотника дѣло вытесыванья пазовъ происходитъ вдвое скорѣе.

3. Для тѣхъ же надобностей употребляется совершенно равный по длинѣ и ширинѣ топоръ, съ тою существенною особенностью, что здѣсь лезо устроено, какъ у кирки, поперекъ топорича. Непризванные плотники еще плоше обращаются съ такимъ топоромъ, а если онъ попалъ въ домъ случайно, то послѣ неудачнаго примѣненія къ дѣлу, такой топоръ очутится на мѣстѣ „копыла“ и дальнѣйшую службу несетъ на „лѣдахъ“, вмѣсто сохи...

4. Еще рѣже, случайными путями, заносится въ обиходность бочарная желобчатая „цисла“, съ которою деревлянинъ рѣшительно не умѣетъ распорядиться. Послѣ неудачныхъ попытокъ воспользоваться ею при высѣченіи назовъ, при выдолбѣ просторныхъ округлыхъ дыръ, дѣло кончается или полнымъ забвешіемъ несподручной „цислы“, или передѣлкою ея на болѣе подходящій предметъ, или же жалкою службой при сѣченіи мерзлой капусты, льда въ кадкѣ, вмѣсто свѣчки, или топора...

5. Умѣнье обращаться съ долотомъ не можетъ быть приравнено къ описанному во 2, 3 и 4 пунктахъ: долото знаетъ старъ и малъ, и тѣмъ болѣе, что за малыми изъятіями, оно вездѣ одно и то же, т. е. представляетъ желѣзный брусь въ $1\frac{1}{2}$ верш. толщиной, съ одного конца стесанный въ лезвіе той же ширины, а съ другой—исподоволь въ шило, на которое нагоняется деревянная насадка. При введеніи долота въ дерево, удары слѣдуютъ въ вершину насадки, отчего послѣдняя всегда расщелкана, если только предусмотрительный владѣлецъ не нагналъ сюда желѣзной банки или кольца.

6. Неразлучнымъ спутникомъ долота съ деревянною насадкою состоитъ короткая, верш. въ 5—6 длины „пубоѣшка“, въ одномъ концѣ стесанная въ рукоять. Толщина „пубоѣшки“, даже изъ прочныхъ деревъ (дубъ, корельская береза)⁶³⁵, не бываетъ меньше 3 верш. въ діаметрѣ: кромѣ груза, это придаетъ ей запасъ толщины, постепенно уменьшающейся отъ ударовъ.

За отсутствіемъ „пубоѣшки“, то же дѣло справляетъ топорный обухъ, увѣсистый молотокъ и даже камень; при чемъ чисто желѣзное долото удобнѣе вколачивать тремя послѣдними предметами, если не считать нечаянныхъ соскобовъ ихъ съ ударнаго мѣста: тогда придерживающей долото рукѣ достается болѣе, чѣмъ отъ „пубоѣшки“...

7. Неменьшею извѣстностью въ обиходѣ пользуется „сварь-дѣль“, который въ одномъ и томъ же хозяйствѣ доходитъ до

„сварьдэлыка, свёрлычка“. Если первый необходимъ для сверленія „снувальныхъ дюркь“, дырьевъ въ ясляхъ, въ телѣгѣ, боронѣ, то безъ второго рѣшительно нельзя обойтись при построении граблей, разныхъ подѣлокъ въ земледѣльческихъ орудіяхъ, экипажахъ, пельзя сдѣлать и того „изычка“⁶³⁶), который весною вколачивается въ березу или клень, и по которому стекаетъ „бёрька“, или „клянѣвикъ“, въ подставленную и подвѣшанную посудину.

8. Если буравъ можетъ расколоть просверливаемый предметъ, или когда нѣтъ тонкаго, длиннаго, буравчика, чтобы просверлить тонкій древесный стволъ, тогда это дѣло справляетъ „жигало“ — желѣзный пруть различной толщины, который вводится въ дерево послѣ накаливанья. При помощи „жигала“ дѣлается чубучная дыра, дырья „дударныхъ гукѣвъ, перабѣра, сѣски“⁶³⁷), грабельной колодки и мн. др.

9. Обычный скобель, какъ принадлежность плотничьяго ремесла, заносится въ обиходность значительно рѣже, чѣмъ „скобѣлка, скыблякъ“, вполне замѣняющіе столярный стружокъ, а при надлежащемъ умѣньи пользоваться таковымъ — даже циклу. Мѣстная „скобѣлка“ представляетъ согнутый ножъ, по концамъ котораго придѣланы поперечныя деревянные ручки. Это — двуручная „скобѣлка“, которая чиститъ и стружитъ дерево въ сторону движенія обѣихъ ручекъ. Но та же „скобѣлка“, согнутая въ кольцо и имѣющая одну только ручку, принимаетъ имя „скыбилька“, хотя по величинѣ и тяжести послѣдній мало разнится отъ первой.

Значеніе и область употребленія „скобѣлкивъ“ довольно широка: при чисткѣ коры съ лучинныхъ плахъ, кольевъ, жердей и бревенъ, они замѣняютъ топоръ; въ остальныхъ случаяхъ — столярные стружки („гѣбиль“, даже фуганъ). Въ этомъ случаѣ ими гладятъ и спускаютъ доски въ двери и столъ, подновляютъ лавки и другую мебель, чистятъ стѣны, а одноручка рѣшительно не-

замѣнима при выборкѣ и чисткѣ внутренности мѣстнаго улья.

10. Всѣ перечисленные доселѣ, какъ и упомянутые въ предыдущихъ отдѣлахъ подходящіе предметы, по крайней мѣрѣ, желѣзные части ихъ, требуютъ тѣмъ большаго точенья, чѣмъ чаще они пускаются въ дѣло. Въ этомъ отношеніи топоръ занимаетъ первое мѣсто въ ряду точильныхъ хлопотъ и трудовъ, и если онъ плохо, недостаточно „насталёвынь“, то полунасмѣшливое выраженіе „скольки точивъ, столько й рубивъ“ вполне отвѣчаетъ дѣйствительности. И хорошо еще что любое мѣсто поставляетъ въ изобиліи точильные предметы: если нѣтъ песчаника, обыкновенно предпочитаемаго всѣмъ другимъ, такъ найдется подходящій мелкозернистый камень, или булыжникъ. Всѣ они, имѣя относительную устойчивость снизу и кое-какъ сглаженную поверхность, называются „брусками“, хотя, признаться, въ нихъ нѣтъ ничего брусчатого. Какъ это ни наивно, въ точильные „бруски“ жалуются „жёрны“, когда обстоятельства пригоняютъ точить на нихъ тотъ или другой предметъ... Оттачивающій обыкновенно держитъ во рту воду, которую время-отъ-времени и выпускаетъ на „брусокъ, гдѣ истриць“, а за недостаткомъ воды, просто поплевываетъ туда же...

Если судьба занесла въ домъ настоящій „брусокъ“, т. е. мастерски обтесанный песчаникъ, имъ только вершнется точенье, напр., топора, который предварительно стачивается начерно на упомянутыхъ грубыхъ „брускахъ“, при чемъ, для этой надобности, нескончаемое время хранятся ничтожные обломки такого „бруска“, удерживающіе это имя до конца дней своихъ.

11. Попадающіеся въ обиходъ простолюдина разнообразныя напѣлки и подпилки, даже обломки таковыхъ, занесенные случайными путями, не служатъ спеціальной надобности — исправлять стачиваньемъ желѣзные издѣлія, а цѣликомъ замѣняютъ точильные бруски, когда нужно отточить остріе набѣло. Острый, черен-

ковый конец напилка и подпилка, противостоящий даже желѣзу, обращается въ надежное шило, которымъ обыкновенно и пробиваются дырья терки; даже противоположный конецъ его, хотя и болѣе тупой, нерѣдко замѣняетъ буравъ, благодаря тому, что трехгранникъ, съ крѣпкими и острыми углами, позволяетъ сверлить дерево.

12. Единственный въ домѣ молотокъ, служащій безразлично для мастерскихъ подѣлокъ, для „отвода косы“ и для набиванія жерновъ называется „клявцомъ клѣвчикомъ“. Примѣнительно къ существенной службѣ, „клявѣць“ имѣетъ плоскій четырехугольный обухъ и плоскій, слегка тупой носъ, лезо котораго поперечное, какъ у теслы, описанной въ 3 пункт. Въ среднемъ мѣстнѣй „клявѣць“ таковъ: длина желѣзной насадки доходитъ до $2\frac{1}{2}$ верш., изъ конхъ $\frac{1}{2}$ верш. относится къ тупому обуху, $\frac{1}{2}$ верш.—къ молоточному проуху, а оставшая часть—къ постепенно сужающейся лопастнѣ; дополненіемъ къ сему служитъ прочно вдѣланная и заклиненная рукоятъ, не превышающая 4—5 верш. Встрѣчающіеся въ обиходности кузнечные, столярные, сапожные и др. молотки, пригодные развѣ для пользованія при мастерскихъ поддѣлкахъ, да вколачиваньи, гвоздей, и, несомнѣнно, попавшіе въ домъ случайно, остаются съ именами „клявцовъ, клѣвчикывъ“.

13. Если съ однимъ „клявцомъ“ можно справиться всѣ жерновѣчныя и кособитныя надобности, если въ остальныхъ работахъ можно управиться при помощи „пубоѣшки“, топорнаго обуха, даже камня, то указать на необходимость „обцуговъ“⁶⁸⁸) такъ же трудно, какъ трудно уловить причины нахожденія ихъ въ домѣ, въ ряду другихъ подручныхъ предметовъ. И дѣйствительно, иные „обцуги“ перержавѣли до крайности, пролежали въ складщѣ долгіе годы, а между тѣмъ ими не вытасненъ изъ стѣны, изъ доски ни одинъ гвоздь, и долготѣнній покой ихъ, можетъ быть, нарушился тогда, когда, за потерю молотка, пришлось вколотить

гвоздь, расколоть орѣхъ, спорошить перецъ и т. под. По примѣру „кливца“, кузнечные клещи, столярныя, саложныя, шорныя и ювелирныя щипцы носятъ одно безразличное имя „обцуговъ“, умялясь до „обцужковъ, обцужикывъ“.

14. Въ тѣхъ же складащахъ, гдѣ покоятся перечисленные и только лишь упомянутые рабочіе инструменты, не въ примѣръ прочимъ, во множествѣ можно встрѣтить пестрый наборъ всевозможныхъ желѣзныхъ вещей, обломковъ, винтовъ и гвоздей, которые, поступивъ сюда въ первой иногда порѣ ржавчины, переживаютъ поколѣнія хозяевъ и истлѣваютъ у внуковъ, не будучи ни разу употреблены въ дѣло, прилажены къ мѣсту. Здѣсь таятся „находныя, подарунковыя шрубы, шрубчики“⁶³⁹), большіе и малые „цвяки, цвячки“⁶⁹⁰), то поднятые на дорогѣ, то вытасканные изъ ненужной доски, разбитаго ящика, — „гынталі“ — изъ крыши, „ухналі“⁶⁹¹) — отъ лошадиныхъ подковъ, даже сапожныя, широкошляпыя и безшляпыя гвозди. Передъ поступленіемъ въ складище почти всѣ они выдерживали молоточную на камнѣ или топорномъ обухѣ выправку, на которой для большинства и заканчивались всѣ сношенія ихъ съ владѣльцемъ пестраго набора всякой „зильзины“⁶⁹²).

15. Хотя дровяная и столярная пила была достаточно известна въ воспоминаемое время и хотя пріобрѣтеніе той и другой являлось желательнымъ, онѣ встрѣчались въ рѣдкихъ хозяйствахъ и путемъ одолженія служили всей деревнѣ, какъ и за предѣлами ея. Помимо дороговизны, пріобрѣтеніе, напр., дровяной пилы не вызывалось расчетливымъ сбереженіемъ дерева, какъ теперь, а топорнымъ трудомъ деревлянина не щадилъ: обильные остатки щепъ, если не шли на легкую топку печи, то чрезъ десятки лѣтъ перегнаивались въ кое-какое удобреніе для полей. Пріобрѣтеніе желательной столярной пилы было доступнѣе; но неумѣнье дать ей осадку останавливало не одного искателя, который могъ развѣ выправить ее въ „смыкъ“⁶⁹³). Въ такомъ нынѣ непонятномъ видѣ

столярная пила скоро кончала свой вѣкъ, тѣмъ болѣе, что пользующіеся ею заурядъ съ сухимъ деревомъ пилили и сырое... Обломки пилы, вправленные въ черепокъ, оттачивались на „брускахъ“ и преобразались въ кое-какіе ножи, которыми за нужду можно было содрать и обработать лыко, лозу, бересту, да „наскрѣсь бѣльбычки“.

16. Остальные столярные инструменты въ видѣ рубанка „гѣбля“⁶⁹⁴), различныхъ стружковъ, стамесокъ и проч., очевидно, случайные, не пользовались извѣстностью, а притупленные, за неумѣніемъ отточить и приладить ихъ, постуцали въ складище, пока умѣлая рука не выводила ихъ оттуда къ надлежащей работѣ. Правда, стамески еще служили вмѣсто долота и, подобно ему, оттачивались на „брускахъ“; но, какъ угодно, ударные приемы, какъ надъ долотомъ, не позволяли выдерживать ударовъ — и изломанныя спутницы столярныхъ работъ пополняли складищный хламъ или передѣлывались на ножи.

IV. Въ хлѣву.

Если вѣрно, что „изба красна пирогами“, да прибавимъ — привѣтливостью жильцовъ, то не менѣе будетъ справедливо и то, что хлѣвъ красенъ приюченнымъ здѣсь скотомъ. Много послѣдняго, хорошо онъ удержанъ, отвѣчаетъ на неширокіе хозяйственные спросы — „ци рожна-жъ хоцьць“⁶⁹⁵) больше? Что нужды въ породистости скота? На что тутъ какой-нибудь англійскій ломовикъ и скакунъ, орловскій рысакъ, шведка, вятка? Одни разнесутъ дряблый хлѣвишко, другіе — экипажъ и ѣздоковъ! На что эти коротконогіе, но съ грузнымъ, корпусомъ дургамки, длиннотѣлыя голландки, „страшенныя турольки“⁶⁹⁶), холмогорки? Опять же — и хлѣвъ и людей разноситъ да потребляетъ двойную пропорцію корма?! На что, наконецъ, эти „шлѣнскія“⁶⁹⁷), боквинскія овечки, а тѣмъ болѣе — курдючныя, мериносы, или — безшерстныя, англійскія, французскія свиньи? Однѣ изъ такого набора иноземныхъ

животныхъ не перенесутъ климата и, тѣснѣйшимъ образомъ, мѣстнаго хлѣва, а другія требуютъ непродуманнаго ухода.

Совсѣмъ иное дѣло, когда лошадь, напр., можетъ протащить кладь, „визеню“ пудовъ въ 25, „протрѣхыиць“ въ часъ верстъ 8, да въ двое сутокъ подниметь десятину земли, а потомъ „отхарчунца“ чѣмъ Богъ послалъ иногда на обглоданной межѣ парнаго поля, на выгонной околицѣ и тутъ же напьется изъ попутной дождевой лужицѣ. То же и съ многотерпѣливою, всепереносящею коровкою: дастъ она въ годъ теленочка, въ молочную пору—3-4 бутылки молока, не разрушитъ хлѣвной загорожи, яслей, дверей, станетъ уходить отъ аршиннаго „дубца“⁶⁹⁸⁾ въ рукахъ пятилѣтняго ребенка, да пропитается соломкою съ крыши, водою изъ свиного логова въ „мочулѣ“,—ну, можно ли требовать большаго отъ низкорослой, „требушистой коровенки“? А заморская свинья развѣ перенесетъ невзгоды кормленья и тѣ неизбежныя въ деревенскомъ быту „вѣтнѣ“! да „кляпыши“⁶⁹⁹⁾, которыми чаще другихъ домашнихъ животныхъ уснащаются свиньи?! Неприхотливый простолюдинъ довольствуется чисто мѣстнымъ скотомъ, дорожить своею „годóвлѣй“, а если наступила беда, плохо ведется скотъ, не молочны коровы,—что свидѣтельствуетъ о какомъ-нибудь скотоводственномъ уклоненіи⁷⁰⁰⁾, то достаточно будетъ смѣнить „мась“, сдѣлать „отводъ“ изъ благонадежныхъ рукъ, или же обратиться за помощью къ завѣдомымъ знатокамъ скоторазводнаго и скотоохранительнаго дѣла. При смѣнѣ, или „отводѣ“ скота, осязательно только смѣняется одна „мась“ на другую, вводится свѣжая особь, которая ни ростомъ, ни навыками, ни переносливостью не отличается отъ прежнихъ, потому что добывается изъ „пѣвныхъ“⁷⁰¹⁾ рукъ, а эти послѣднія владѣютъ опять же скотомъ мѣстнаго происхожденія.

Оставляя въ сторонѣ хозяйскія отношенія къ жильцамъ хлѣва, сказывающіяся въ уходѣ, заботахъ о размноженіи хозяйственныхъ пособниковъ, и пользованіе тою или другою силою,

достаточно будетъ остановиться на нихъ, какъ предметахъ обиходности, безъ которыхъ жизнь деревлянина не можетъ быть сочтена полною, а если этотъ деревлянинъ хотя и „лыкомъ шитый жихарь“, то и совершенно невозможною. „Сѣсь на жихырство“ можно тогда лишь, когда при землѣ, кое-какой усадьбѣ, есть и домашній скотъ — жильцы хлѣва, по преимуществу, къ которымъ, въ видѣ придатка, присоединяются остальные домашнія животныя.

Въ общемъ составѣ животныя даннаго хозяйства извѣстны подѣ слѣдующими, нерѣдко въ одномъ и томъ же „жихырствѣ“ безразличными именами: „статокъ, стачина, животы, живоцина и быдло, быдлѣ“. При болѣе внимательномъ различеніи именъ, однако, можно отмѣтить и нѣкоторую особенность ихъ: такъ, подѣ „статкомъ, стачиной“ разумѣются животныя безъ птицъ, собакъ, кошекъ; подѣ „животами, живоциной“ — безъ двухъ послѣднихъ; подѣ „быдломъ же, быдлѣй“ — исключительно нечистыя животныя — лошади, собаки, кошки. Въ виду сего, послѣднія имена сохраняютъ почти бранный смыслъ, когда прилагаются къ людямъ и отдѣльному животному, чистому и нечистому безразлично. Какъ о предметахъ, подведенныхъ подѣ разрядъ обиходныхъ, о домашнемъ скотѣ приходится сказать сравнительно немного.

1. Краса табуна, любой конюшни, всяческой ѣзды — „жирябокъ“ — не пользуется тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое отводится ему внѣ крестьянскаго обихода. Въ ѣздѣ, въ работѣ онъ не только разсѣянъ, какъ молодой вѣтреникъ, но и несносенъ, какъ порывистый непосѣдъ, могучій противникъ волѣ правящаго, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мѣстный обычай, изукрашенный суевѣрными предостереженіями, рѣшительно возбраняетъ женщинамъ ѣздить на „жирябку“. На паствѣ онъ забываетъ ѣду и питье, а отлучившись отъ дому, не въ примѣръ остальнымъ лошадямъ, выказываетъ отсутствіе домовитости. Всѣми такими сторонами, да благодаря нескончаемому одолженію со-

сѣдей, „жирябокъ“ терчимъ лишь, какъ будущій „конь“, къ каковому преобразованію приводитъ его, иногда тощаго, чахлаго, кастрація на 4—5 году.

2. Кастрированіе подлежащихъ домашнихъ животныхъ поручается тому, кто завѣдомо легокъ на руку и кто владѣетъ кое-какимъ навыкомъ—сосѣду, родственнику, или даже односельянину. Въ отношеніи же „жирибка“ это дѣло справляетъ вполне опытный, извѣстный въ окружицѣ, захожій коноваль, при чемъ не должны присутствовать домашніе. При неопытности коновала и при неувимыхъ обстоятельствахъ дѣла, кастрація можетъ быть неполною: тогда получается несноснѣйшій „подрѣзь“—бичъ другихъ лошадей, которыхъ онъ нещадно бьетъ и грызетъ до крови, а въ хозяйственномъ распоряженіи—злой упрямецъ, съ порывистыми, даже дикими выходками настоящаго „жирибка“. При многихъ нерѣдко достоинствахъ такой лошади, хозяева сѣшать разстаться съ нею, въ угоду сосѣдямъ и въ огражденіе собственныхъ лошадей.

3. Обычное имя мерина есть „конь“, каковое имя онъ хранитъ до конца дней своихъ и которымъ отличается отъ кобыль, какъ и отъ своего прежняго имени. Нѣтъ нужды удостовѣрять, что „конь“ является желательною и наиболѣе распространенною лошадыю, хотя количественностью немногимъ превосходитъ „заводницъ“.

4. Пока юная кобылка не достигла материнскаго возраста и даже пока не ожеребилась, она называется „жарѣлкой“. Уже послѣ этого она воспринимаетъ и до конца дней удерживаетъ имя „кобылки, кобылы“. Болѣе послушная, понятливая, привязанная къ дому и хозяевамъ, не обиженная послѣдними, подобно мерину, и кромѣ того дарящая хозяйству приплодъ, кобыла стоитъ выше мерина, и если иныя хозяйства обходятъ вырощеніе кобыль, такъ исключительно изъ-за періодическихъ немощей во время же-

рѣбаго состоянія и доенія жеребенка. — что приходится на горячее время сельско-хозяйственныхъ работъ.

5. Во все время доенія жеребенка кобыла носитъ обыкновенно съ жалостью произносимое имя „подсось“⁷⁰²⁾, и, нужно сознаться, что только наиболее черствый владѣлецъ остается глухимъ къ покорнымъ усиліямъ рабочей кобылки, къ недомоганіямъ ея, и, напротивъ, преобладающее большинство хозяевъ уважаетъ усилія и щадитъ немощи „подсоса“.

6. Подобно остальнымъ домашнимъ животнымъ изъ отдѣла млекопитающихся, лошадь проходитъ слѣдующія возрастныхъ стадій: а) „сосунъ, сосунокъ“ — доящійся материнскимъ молокомъ въ первый мѣсяць; б) „подсось, подсосокъ“ — приближающійся къ отдоенію; в) „отсосокъ“ — отнятый отъ доенья; г) „сиголѣтокъ“ (самка — „сиголѣтка“) — переживающій первое лѣто; д) „пиразимокъ“ („пиразимка“) — переживній лѣто и первую зиму; е) „другочокъ, трицячокъ“ („другачка, трицячка“) — лошадь по второму и третьему году, послѣ чего она воспринимаетъ имя коня или кобылы. Къ сему остается прибавить, что за жеребенкомъ и за другими животными, родившимися въ мартѣ, надолго, иногда на всю жизнь удерживается прибавочное имя „марцоваго, марцовка“, который, какъ и его ровесники, считаются лучше „позпяковъ“⁷⁰³⁾ — рождающихся подъ осень.

7. Сколько отъ первоначальнаго ухода, столько и отъ первыхъ запряжекъ сначала въ борону, а потомъ въ легкій экипажъ, да умѣнья „обѣзжать“, зависитъ вся будущность лошади, какъ рабочей силы, какъ выѣздной пособницы. Если это сдѣлано небрежно, неумѣльными руками, лошадь обнаруживаетъ разныя нетерпимыя уклоненія: „лянѣй“⁷⁰⁴⁾ конь одинаково несносенъ, какъ и „натурливый, съ затѣномъ“⁷⁰⁵⁾ конь, переносятъ потомъ нескончаемые побои и, несмотря на лучшія казовыя стороны, сбывается съ рукъ, также какъ и имѣющій органическіе недостатки и поврежденія. Впрочемъ, на „лянѣхъ“ лошадей есть от-

дѣльные запросы: горшечники, грузовые пзвозчики, боящіеся быстрой ѣзды и женщины готовы предпочесть такую лошадь, потому что она не разнесетъ, сравнительно слѣпа и держитъ тѣло.

8. Если лошадь одинаково хороша въ сохѣ и экипажной запряжкѣ и если при этомъ она не привередлива, не разноситъ, не забирается въ стравежъ, то лучшей не требуется: въ скакунахъ, рыскахъ и „виноходахъ“⁷⁰⁶⁾ не нуждается простолюдинъ, а иной такъ совершенно не знаетъ въ нихъ толку. Нѣсколько разборчивѣе относится онъ къ лошадиной мастистости, и въ этомъ случаѣ удерживаетъ лошадей той масти, которая лучше пришлась по дому, хотя нельзя не замѣтить, что преобладающими являются гнѣдые лошади; за ними слѣдуютъ мышатые, а потомъ—воронья, сивья, по большей части, имѣющія несовсѣмъ чистую, а смѣшанную масть. Точно также являются смѣшанными и, кстати, рѣдкостными особями: лошади караковыя, каурья, саврасья, буланья, чалыя и проч. Многихъ изъ такихъ лошадей рѣшительно не любятъ не только въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, деревняхъ, но и въ окружицахъ, и въ этомъ отношеніи замѣчательна судьба строка-тыхъ, пелёсыхъ или „лацлиныхъ“⁷⁰⁷⁾, лошадей: во многихъ мѣстахъ юго-восточной окраины еще около 1870 г. такіе, по мѣстному, выродки изводились, а настоящая пѣганка, попавшая сюда заѣздомъ, составляла диковинку и предметъ любопытства, въ то время, когда на 10-тиверстномъ, напр., пути отъ ст. Борковичъ до м. Волинцевъ, Дрис. у., половинная часть крестьянскихъ лошадей состояла изъ пѣганокъ всевозможныхъ оттѣнковъ.

9. Переживъ всѣ возрастныя ступени юности и достигнувъ кое-какой зрѣлости, послѣ „трицика, триццѣчки“, юная коровка вплоть до отеленія извѣстна подъ именемъ телки, тогда какъ быкъ того-же возраста воспринимаетъ имя „кнѣра, кнѣроза“⁷⁰⁸⁾, подъ которымъ онъ извѣстенъ, какъ „заводникъ“, до конца дней своихъ. Подготавливаемый собственно для рабочей, упряжной надоб-

ности „бычанокъ“ кастрируется на второмъ приблизительно году и получаетъ кое-гдѣ имя „рогача“.

10. Корова первотѣль носить имя „пярвосцинки“, которое удерживается за нею лишь до второго отеленія („другачка, другосцинка“). Въ нерѣдкихъ случаяхъ „пярвосцинкый“ становится слишкомъ юная, вступившая въ третій годъ жизни коровка. Ясно, что теленокъ такой коровки, какъ и молочные дары ея, ничтожны, жалки. По пословицѣ—„первый плодъ за плотъ“⁷⁰⁹)—жалкое новорожденное теля уничтожается, и порядочные хозяева спѣшатъ „запустить первосцинку“, тогда какъ алчная голь не стѣсняется немедленнымъ пользованіемъ молока, количество котораго едва-ли можетъ превысить количество молока доброй козы...

11. При нормальномъ отеленіи, да при менѣе корыстномъ отношеніи хозяевъ къ молоку, дойная корова пользуется „межмолокомъ“, и пока длится послѣдній (отъ явнаго обнаруженія стельности до цѣлу“), корова „запускаитца“ и въ это время называется „пирадойкый“. Наравнѣ съ нею называется „пирадойкый“ и яловая корова (яловка), хотя передою послѣдней затягивается иногда чуть не на годъ, тогда какъ первой—мѣсяца на два-три.

12. Быть можетъ, въ виду службы первымъ жизненнымъ потребностямъ, корова отличена отъ всѣхъ домашнихъ животныхъ такимъ или инымъ именемъ („звиска“), Эти имена даются: а) по цвѣту масти—„рыженя, буреня, билъня, чарноха, бялоха, рыжѣха, рябоха, половоха“⁷¹⁰),—б) отъ нѣкоторыхъ дней недѣли, на кои пришлось рожденіе данной коровы—„сирядоха, чицварѣха, пяцѣха, субоха“—и в) отъ случайныхъ наименованій—„войтовка, титовка, цыганка, жидовка, звяздонька“⁷¹¹) и проч. Остальная домашняя мелкота, за исключеніемъ развѣ собаки, носятъ только родовое имя—„шкырка (овца,) кызка (коза), дюшка (свинья), труска (кроликъ) и кыцка (кошка)“⁷¹²).

13. Изъ сказаннаго о лошадяхъ и коровахъ почти ничего нельзя примѣнить ни къ овцамъ, ни тѣмъ менѣе къ козамъ, которыя изрѣдка и въ отдѣльныхъ хозяйствахъ становятся жильцами хлѣва. Да и самое отношеніе хозяевъ къ этимъ жильцамъ непохоже на отношеніе къ ихъ сотоварищамъ: если не считать насильственного сниманья шерсти (овцы стреноживаются) раза два въ годъ, то все отношеніе хозяевъ состоитъ лишь въ двухъ конечныхъ положеніяхъ овцы и козы—при рожденіи онѣ выносятся изъ хлѣва, чтобы охранить отъ холода, а при концѣ жизни—когда наступило время для убоя. Правда, овцу и козу не слишкомъ „хворостятъ“, не гоняютъ „клибинный“⁷¹³⁾, подобно другимъ животнымъ; зато имъ нѣтъ и того вниманія, какое отдается лошади, коровѣ, свиньѣ: зимою онѣ на подножномъ корму, питаются вокругъ да около, а лѣтомъ—пристяжные, между-прочемные прихвостни стада. Даже самый поманъ о нихъ отличается отъ помана о другихъ животныхъ: о послѣднихъ „мярькуюць“ на разные лады, „раютца“⁷¹⁴⁾ при ихъ болѣзняхъ, на предметъ улучшенія выкорма, добротности; объ овцѣ и козѣ достаточно знать, что онѣ въ хлѣву и что внѣ его не попались волку.

14. При видимой непритязательности хлѣвного помѣщенія, въ послѣднемъ, однако, отводится кое-какой, прочно отгороженный уголъ для свиней, который запирается то дверью, то подъемною доскою, и сюда набрасывается солома для образованія „свинячій мярлюги“. Примѣнительно къ сему идутъ хозяйственные заботы о прокормѣ свиней: кромѣ мякны на зиму для нихъ запасаются „охряпы“⁷¹⁵⁾, сѣчинка“, безъ которыхъ свиньи не остаются и лѣтомъ, готовится „поспа“; на паствѣ подбираются любимыя свиньями мѣста. Все это далеко непохоже на заботы объ овцѣ и козѣ. Если „поросная“ свинья плохо доить поросятъ, таковыя подпаиваются коровьимъ молокомъ; послѣ „отсѣдки“— что въ крутыхъ обстоятельствахъ приходится черезъ 6 недѣль, поросятамъ подается мучная, сравнительно тонкая „мѣшинка“; въ дальнѣй-

шемъ „кожанатый ⁷¹⁶⁾ порсючокъ“ тщательно вымывается въ крѣпкомъ щелоѣ, табачномъ настоѣ, даже вычесывается. Ставъ „кримянымъ ⁷¹⁷⁾ порсюкомъ“ мѣсяцевъ чрезъ 6, поросенокъ дѣлается подсвинкомъ. въ каковомъ состояніи юный боровъ и свинка остаются до „поросности“ второй и, соответственно сему, полной зрѣлости перваго. Оставаясь „заводницей“ во всю дальнѣйшую жизнь, свинья получаетъ имя „кормный“, когда откармливаньемъ готовится къ убою, между тѣмъ какъ боровъ, выйдя изъ состоянія подсвинка, до кастраціи, извѣстенъ подъ именемъ „килаша“, а послѣ нея онъ—„ваперъ, вапрукъ“; выкармливаемый же для убои, получаетъ послѣднее имя кормнаго, „килбасвика“ ⁷¹⁸⁾, на которомъ въ тѣсной „засады“ кончаетъ свою жизнь.

Таковы въ именахъ желательные, хотя и не вездѣ наличные жильцы хлѣва—краса, подспорье, богатство деревенскаго хозяйства. Размѣстившись то по загородкамъ, то вольно, при полномъ доступѣ другъ къ другу, эти „навозники“ служатъ общимъ и различнымъ нуждамъ хозяйства, свыкаются одинъ съ другимъ до поразительной любви и уступчивости. Есть отдѣльныя положенія когда обитатели хлѣва плохо ѣдятъ безъ отлучившейся лошади, не идутъ на водопой, если туда не сопутствуетъ, повидимому, надѣдливая свинья и ничѣмъ не взявшая овца. Несомнѣнно, все это не можетъ почестся враждебнымъ дому и хозяйству, при очевидныхъ даже крайностяхъ дѣла и можно удостовѣрять, что именно къ дружному сожителству „стажны“, по мѣрѣ возможности, направляются многія заботы хозяевъ, между которыми прежде всего нужно считать кормленіе и поеніе скота. При сѣножатномъ недородѣ, или, какъ говорится, при „умалѣнни“ сѣна, лошади, коровы и ихъ спутники—овцы пользуются одною общею „цѣрнецы, сколоциными ⁷¹⁹⁾, рѣззій“: быть можетъ, такая общая нужда хлѣвныхъ жильцовъ и сближаетъ ихъ, по крайней,

мѣрѣ, замѣтно, что въ захудалые годы и въ захудалыхъ хозяйствахъ скотъ какъ-то дружнее...

Когда хозяйственное дѣло не подверглось указаннымъ невгодамъ, т. е. когда есть вдоволь сѣна и соломы, лошади съ спутницами кормятся отдѣльно и „стоятъ на стѣнѣ“, тогда какъ коровы довольствуются яровою соломою, съ примѣсью и безъ примѣси къ ней сѣна. Тогда кормъ подается раздѣльно, и къ домашнему сѣну припускаются лошади и ихъ подножки—овцы и телята, до „подцѣлковъ“ включительно. Посему, примѣнительно къ корму, кормовыя вмѣстилища располагаются въ отдѣльныхъ загородкахъ—„стайнѣ и коровнику“. Эти немудренныя вмѣстилища извѣстны подъ именемъ „дробывъ, дробинъ“.

Какъ видно было раньше (см. окончаніе I гл. настоящаго отдѣла), лошади, а изрѣдка и коровы получаютъ мелкій кормъ (сѣно, труху, „рѣзь“, мякину, „вотрину и даже „пилюху“) изъ старой молочной „скрыни“, вмѣсто которой нерѣдко можно встрѣтить ящикъ совершенно одинаковаго съ нею построения, только безъ крышки, и относительно ниже ея. Но собственно для закладки сѣна въ „стайни“ имѣются особыя сооруженія—„дробы, или дробины“, которыя бывають привѣсными (къ стѣнѣ) и стоячими (среди хлѣва, или отдѣленія его). Первые состоятъ изъ лѣстницы различной длины съ густыми жердочными поперечками (ступенями), не длиннѣе 1 арш. и 4 верш., которая привѣшивается къ стѣнѣ поперекъ, при чемъ нижняя сторона, прилегающая къ самой стѣнѣ, покоится на двухъ деревянныхъ крюкахъ ⁷²⁰), вколоченныхъ въ стѣну, а верхняя, въ отступѣ отъ той же стѣны на 1 арш., придерживается веревкою. Если „дробы“ рассчитаны на одну лошадь, онѣ не бывають длиннѣе 1 арш. и 8 верш., на двухъ лошадей—онѣ доходятъ до 2 арш. Но въ этомъ случаѣ, какъ при большемъ числѣ лошадей, употребительнѣе стоячія „дробины“, и послѣднія состоятъ или изъ двухъ равномѣрныхъ „дробъ“, внизу соединенныхъ вмѣстѣ, вверху же рас-

ходящихся въ стороны, или тѣ же „дробы“ внизу имѣютъ одну общую перекладину, куда неподвижно и разъ навсегда вколочены наискось „дробинныя паренчины“ ⁷²¹⁾ нижними концами. Тѣ и другія „дробины“ покоятся на двухъ козлахъ изъ колевъ, верхній разводъ которыхъ приспособленъ къ угловому разводу „дробинъ“. Такимъ образомъ стоячія „дробины“ оказываются приподнятыми подъ хлѣвною поверхностью, а если таковая съ теченіемъ времени поднимается, тогда перемѣщаются колья козелъ, — что такъ нетрудно дѣлать въ мягкомъ всегда навозѣ.

Лежачія „дробины“ неощенны при скоповомъ кормленіи скота: тутъ послѣдній можетъ подойти къ нимъ со всѣхъ сторонъ при чемъ крупныя животныя выбираютъ кормъ чрезъ борты „дробинъ“, тогда какъ подожники, безъ стѣсненія себя и сожителей, могутъ выбрать его изъ перекладинныхъ промежутковъ или подбирать таковой подъ „дробинами“, подъ отвислыми сторонами послѣднихъ.

Каковы „дробины“ въ лошадиномъ помѣщеніи, таковы онѣ и въ коровьемъ, за исключеніемъ развѣ того, что рѣшеточныя перекладины, удерживающія въ послѣднемъ лишь солому, отстоятъ одна отъ другой нѣсколько шире, верш. на 4, тогда какъ стѣнные „дробины“ имѣютъ такой отступъ лишь на 3 верш. и менѣе. Но кромѣ лежачихъ „дробинъ“, на всякій случай, тутъ же имѣются и подвѣсныя; если же скотъ размѣщенъ по отдѣльнымъ котухамъ, то „дробы“ торчатъ въ каждомъ изъ нихъ. Здѣсь можно видѣть, что парные крюки для „дробъ“ расположены въ двухъ-трехъ мѣстахъ стѣнъ, но на различной высотѣ: при началѣ зимняго кормленія „дробы“ прилаживаются на самую низкую пару крюковъ, а по мѣрѣ увеличенія навоза, онѣ перемѣщаются на болѣе высшіе, такъ что къ навозной толкѣ первыя пары крючьевъ почти скрываются въ навозѣ...

Съ выгономъ скота на паству и, въ особенности, въ день навозной толки, всѣ „дробы и дробины“ выносятся изъ скотныхъ

помѣщеній и сваливаются гдѣ ни попало; между прочимъ, нѣкоторыя изъ нихъ становятся пряслами временныхъ загорожъ, или же временными калитками въ загорожахъ, лѣстницами на скорую руку, даже подпорками фруктовыхъ деревьевъ.

Въ преддверіи хлѣва, со стороны двора, обязательно висятъ на стѣнѣ, или же стоятъ прислоненными къ ней извѣстныя „крѣшні“, служащія для ношенія корма въ хлѣвъ изъ складщъ. Какъ извѣстно, „крѣшні“ состоятъ изъ двухъ равномѣрныхъ тонкихъ дугъ почти аршиннаго радіуса, соединенныхъ въ отверстіи короткими (верш. въ 3) веревочными перевязями и переплетенныхъ веревочными ячеями. Когда послѣднія сдѣланы гуще, такъ что въ нихъ задерживается мелкое сѣно, „крѣшні“ называются „рѣзгинами“. При всей заботливости, съ какою переносится сѣно въ „крѣшнихъ, или рѣзгиныхъ“, оно все-таки оттирается при зацѣпѣ за попутные предметы и просыпается, — какъ о томъ упомянуто въ VШ гл. предыдущаго отдѣла, и наиболее расчетливые хозяева на сей случай имѣютъ особыя „кошалы“ — большія лучинныя корзины, въ отдѣльныхъ хозяйствахъ служащія гусинымъ гнѣздомъ весною; лѣтомъ въ нихъ переносится и подается лошадямъ сырая трава.

За отсутствіемъ „крѣшинъ и кошель“, скотскій кормъ переносится „бирѣмыми“⁷²²⁾, въ просторномъ холщевомъ мѣшкѣ; или же для того служитъ „пихцѣрь, пихцѣль“⁷²³⁾ — веревочный съ густыми ячеями мѣшокъ, затягивающійся въ устьѣ особую веревочную стяжку. Какъ извѣстно, „пихцѣрь“ предназначается собственно для путевыхъ надобностей: служа хранилищемъ дорожнаго сѣна, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ удобнымъ сѣдалищемъ въ экипажѣ; но такъ какъ сѣнные остатки не вытрясаются обратно изъ „пихциря“, то послѣдній кладется въ тѣ или другія ясли, гдѣ онъ и опорожняется хлѣвными жильцами. Посему „пихцѣрь“ значительно чаще можно видѣть вмѣстѣ съ „крѣш-

ними“, или же на мѣстѣ ихъ, чѣмъ въ возовнѣ и другихъ мѣстахъ.

V. Въ возовнѣ.

Какова наличная возовня, отчасти можно было видѣть изъ легкаго помина о томъ въ V и VI гл. предыдущаго отдѣла. Это — не специальное строеніе для экипажей, а скорѣе — случайное помѣщеніе для нихъ: повѣть, кое-какой навѣсъ, даже чердакъ сквозной повѣти называются возовнею, если только въ подлежащее время (лѣтомъ — сани, зимою — телѣгу) они приючиваютъ тотъ или другой экипажъ. Нѣтъ такихъ притоновъ, экипажи стоятъ въ пунѣ, на току, а при безопасности хозяевъ, хозяйственной распушенности — просто подъ открытымъ небомъ, при чемъ достаточно будетъ, если сани, напр., стоймя приперты къ стѣнѣ, забору, а съ телѣжныхъ осей сняты на зиму колеса, отдѣленъ передокъ, да корпусъ телѣги также стоймя покоится при стѣнѣ, заборѣ, подъ стрѣхою. Все это тѣмъ безнаказаннѣе, что ржавѣть тутъ нечему, потому что мѣстный самодѣльный экипажъ состоитъ изъ однихъ чисто деревянныхъ частей; но это же иногда оказывается даже выгоднымъ: дождь и слякоть смочутъ грязные прилипы, а послѣдующее затѣмъ ведро и вѣтеръ высушатъ смоченные экипажи, близость которыхъ къ рукамъ такъ необходима бываетъ въ самую, повидимому, неподходящую пору ⁷²⁴).

Множественное имя экипажей только въ отдѣльныхъ, широкихъ хозяйствахъ можетъ быть рассматриваемо, какъ названіе разновидностей ихъ, то лѣтнихъ, то зимнихъ; у преобладающаго большинства оно служитъ лишь указаніемъ на дубликаты, у прибѣденнаго же меньшинства, довольствующагося одною лишь телѣгою и санями — указываетъ только на эти два экипажа. На самомъ дѣлѣ нерѣдко приходится видѣть, что нынче въ телѣгѣ вывозился навозъ, завтра въ ней, на подкинутой охапкѣ соломы, или „пихцарю“. Ъдутъ на базаръ, въ путь, послѣ котораго те-

лѣга притащить изъ лѣсу дрова, съ поля снопы, съ луга сѣно, въ поле и обратно доставить соху, борону, въ промежуткахъ доставить воды изъ отдаленнаго водоема и, наконецъ, она доставитъ по назначенію какого-нибудь наемщика, проѣзжаго чина. Соотвѣтственно сему однѣ и тѣ же сани справятъ всяческую службу зимою. Разница, здѣсь та, что при рабочемъ положеніи, оба экипажа остаются оголенными, тогда какъ при путевомъ задѣ и передѣ кое-какъ переплетаются веревками, въ кузовѣ помѣщается ворохъ соломы, сѣна, а если предстоитъ дальній путь, то и „пыхцеръ“ съ сѣномъ. Такимъ образомъ содержимое возовни есть телѣга и сани, которая въ лучшихъ хозяйствахъ бываютъ дубликатами и только въ широкихъ представляютъ разновидности, применительно къ тѣмъ и другимъ хозяйственнымъ нуждамъ.

1. Простѣйшій видъ телѣги, необходимой во всякомъ хозяйствѣ, есть „колёсы“—телѣжный экипажъ о 4 колесахъ, за исключеніемъ послѣднихъ, сработанный дома, личными усилиями хозяевъ. Матеріаломъ для „колёсъ“ служитъ подручный, средней плотности лѣсъ⁷²⁵), а обрабатывающими инструментами—топоръ, долото да буравъ. При наличности матеріала и инструментовъ сооружаются слѣдующія части телѣжнаго корпуса („одѣръ“) и дополнителныя къ нимъ: а) двѣ равномерныя подушки—доски толщиной въ 2—3 верш., вышиною въ 4—6 верш. и длиною въ 12—14 верш.; подушки размѣщены надъ осями, съ которыми онѣ и соединяются—задняя неподвижно, а передняя при помощи шворня; б) связью подушекъ служатъ двѣ равномерныя „накладки“⁷²⁶)—средней толщины жерди, прочно придѣланныя къ верхнимъ краямъ подушекъ и концами спускающіяся назадъ и впередъ, при чемъ, если на „накладки“ присканы крючковатые „копани“, такъ онѣ заканчиваются крючьями, бородками внизъ; за неимѣніемъ таковыхъ, въ тѣ же концы „накладокъ“ вколачиваются и заклиниваются прочныя шипы 3-хъ-вершк. длины,—что опять же даетъ необходимые крючья⁷²⁷); в) второю связью подушекъ слу-

жить „тройна“ — изгибистый самородокъ, стесанный въ брусъ и туго заправленный въ нижнія стороны подушекъ, на среднѣ ихъ: своимъ изгибомъ „тройна“ ⁷²⁸) доходить до телѣжнаго помоста, а концами верш. въ 2 выступаетъ спереди и сзади подушекъ; г) въ „колесахъ“, предназначенныхъ для грузовыхъ поклажъ и имѣющихъ сравнительно длинный корпусъ, есть третья связь — „подтрѣйка“ — ровный брусъ толщиною верш. въ 2: однимъ концомъ онъ прочно помѣщается рядомъ съ „тройней“ въ задней подушкѣ, между ею и осью, а другимъ подъ передней осью, и чрезъ этотъ конецъ его проходитъ „шворень“ ⁷²⁹). Чтобы передній конецъ „подтрѣйка“ не опускался внизъ, его подвязываютъ къ „трѣйнѣ“ веревкою, или скрученною хворостиною; д) непосредственно за „накладками“ (онѣ же — крюки) въ верхнія ребра подушекъ туго и нѣсколько наклонно во внѣшнія стороны вколачиваются 4 „ручки“, по двѣ въ каждую подушку; „ручки“ служатъ потомъ опорами для боковыхъ досокъ, составляющихъ колесный кузовъ; е) верхняя оконечность каждой „ручки“ дѣлается съ пробойною (отъ зада къ переду), чрезъ которую туго проходитъ „дужка“ — согнутая дугою „блѣбина“, тѣмъ и другимъ концомъ, въ разстояніи другъ отъ друга верш. на 8—10, задѣланная въ „накладку“: боковыя доски кузова, пройдя между „ручками и дужками“, туго держатся на мѣстѣ и много, если при движеніи „колесъ“ увеличатъ трескотню, хотя расхлобыставшись подъ старость, онѣ начинаютъ выпадать и тѣмъ вызываютъ нескончаемыя поправки и остановки во время ѣзды; ж) телѣжная настилка, состоящая изъ двухъ-трехъ досокъ, не прибивается, а только накладывается на подушечныя ребра: она держится тремя „паклисками“ ⁷³⁰) — узкими дощечками поперекъ корпуса, которыя концами туго задѣланы въ „накладки“. Изъ нихъ середина „паклистка“ служитъ опорой для настилки и приходится подъ досками, двѣ же конечныя лежатъ на настилкѣ, при концахъ ея. Какъ ни туго придерживается настилка „паклисками“

дѣла досокъ та же, что и боковыхъ, т. е. онѣ дребезжать при ѣздѣ выпадаютъ подъ старость ⁷³¹); 3) вершиннымъ дополненіемъ хотя и не всѣхъ „колёсъ“ служатъ новыя „накладки“ — относительно тонкія жердочки, наложенныя поверхъ „ручекъ“ и на концахъ соединенныя согнутыми „кльбинами“, что даетъ четырехугольную раму. Такое приспособленіе дѣлаетъ „колёсы“ болѣе нарядными, и они чаще бываютъ путевыми. Если „накладка“ сдѣлана умѣлою рукою, то „колёсы“ уже не имѣютъ „дужикъ“, вмѣсто которыхъ на срединѣ той и другой нижней „накладки“ двуклочено по одной наклонной, какъ и ручки, узкой дощечкѣ: послѣднія и стесанные концы „ручекъ“ наглухо входятъ въ пробоины вершинной „накладки“ и здѣсь онѣ или заклиниваются, или заколачиваются деревянными гвоздями.

Если къ сильно сдѣланному описанію телѣжнаго корпуса, чаще называемаго „одромъ“, прибавить заднюю ось, которая обыкновенно туго приколачивается къ подушкѣ двумя дубовыми, или кленовыми гвоздями, то получится полный „одеръ“, къ которому уже не трудно добавить передокъ. Въ такомъ видѣ „одеръ“ можно было издавна пріобрѣтать то у завѣдомыхъ мастеровъ, то на ярмаркахъ, и дополнительныя части къ нему приспособлялись дома. Однако, готовые „одры“ пріобрѣтались только тѣми, кто рѣшительно не владѣлъ топоромъ въ столярномъ отношеніи, кто разлѣнился, или кто щадилъ время да не имѣлъ подручнаго дѣла; преобладающее большинство строило его дома, даже въ запасъ, какъ на всякій случай запасалось двумя-тремя осями.

Очурбаненныя „вѣси“ иногда долгіе годы покоятся вмѣстѣ съ лучинными плахами подъ навѣсомъ и, при надобности, только подтесываются и приспособляются то къ передку, то къ задней подушкѣ, при чемъ на концахъ ихъ, по мѣрѣ ступицъ въ наличныхъ колесахъ, дѣлаются сквозныя пробоины для чекъ, да изъ старой оси перемѣщаются подоски. Та и другая „вось“ совершенно одинаковы и, если бы онѣ не различались подподушеч-

ными пробоинами, то весьма удобно могли бы замѣнять другъ друга. Точно также немного ущерба дѣлу принесло бы и перемѣщеніе „колѣснаго“ задка въ передокъ: толщина осей и подушекъ одинакова, что, при равномерной высотѣ всѣхъ 4 колесъ, даетъ „одру“ ровную горизонтальную поверхность, а ширина и внѣшнее построеніе кузова, даже крючья нижнихъ „накладокъ“ съ опущенными внизъ бородками, только и позволяютъ отличать передъ отъ зада по прилаженнымъ къ первому оглоблямъ. Сняты послѣднія—и со стороны трудно разобратся, гдѣ передъ и гдѣ задъ „колесъ“.

На самомъ дѣлѣ такого замѣннаго перемѣщенія не бываетъ, а напротивъ, отдѣленный отъ корпуса передокъ во многихъ случаяхъ становится экипажною единицею. Такъ при возкѣ бревенъ, жердей, при отвозѣ сохи на пашню дѣло обходится однимъ лишь передкомъ, и если въ первыхъ двухъ рабочихъ положеніяхъ подъ задніе концы бревна, жердей подводится „одеръ“, такъ развѣ для того, чтобы сберечь цѣлость концовъ и, отчасти, не бороздить дороги. Въ свою очередь на верхнюю площадъ передка можно уложить хлѣбный мѣшокъ, когда нужно или отвезти сѣмена на ниву съ тока, или уставить кадку, когда нужно съѣздить за водою. Наконецъ, за неисправностью „одра“, дороги, на передкѣ можно даже съ нѣкоторымъ удобствомъ прокатиться въ городъ и мѣстечко, для чего стоитъ только привязать „пихцѣрь“ на площадку оси: ноги покойно могутъ опираться на оглобли, или свѣшиваться впередъ ⁷³²). Кто владѣетъ навыкомъ держаться на ногахъ во время ѣзды, тотъ можетъ прокатиться на томъ же передкѣ, подобно древнимъ конникамъ, каковое движеніе мпрныхъ конниковъ можно наблюдать во время толочнаго вывоза лѣса... Благодаря многосторонней службѣ передка, какъ самостоятельной единицы, онъ изнашивается скорѣе „одра“, который пережигаетъ два и три передка.

Существенную часть передка составляютъ оглобли, конми на

мѣстѣ бываютъ „гнуцики и копаня“. При построении первыхъ, одинъ конецъ оглобальной жерди стесывается до половинной толщины ствола: пока дерево сыро, оно сгибается въ сторону стеса, на положенную тутъ чурку, и въ такомъ положеніи остается до прилаженія къ оси; тогда же конецъ загиба то прибивается деревянными гвоздями къ оглоблѣ, поверхъ послѣдней, то привязывается къ ней прочными веревками, или лозовыми „крученками“. Оглобли-„копаня“ подыскиваются въ лѣсу, и на нихъ идутъ стволы оглобальной березы, имѣющіе толстое корневище. Когда дерево подсохнетъ, корневище стесывается въ доску, по толщинѣ оглобли, усиленно округляется и пробивается насквозь, какъ войти стержню оси. При ненадежности „копанявъ“, округленіе обводится досчатымъ „гнуцикомъ“, который вверху и внизу прибивается къ оглобальному стволу деревянными гвоздями, или же прочно привязывается. Последнимъ желательнымъ приспособленіемъ оглоблей являются урѣзанные сучки на переднемъ концѣ ихъ, чтобы здѣсь можно было укрѣпить „отосины“ (тяжъ, правило). Если же таковыхъ сучковъ не нашлось, или они приломались, на мѣсто ихъ вколачиваются прочные деревянные шипки.

На оконечности оси, по сю сторону чекъ, надѣваются „натосники“. Въ преобладающихъ случаяхъ они бываютъ деревянные (гнутая удлиненная петля, древесное изъ „крученкывъ“ путо) и веревочные (толстое кольцо, или же заканчивающійся петлею конецъ „отосины“). Во всякомъ случаѣ „натосники“ едва достигаютъ до 6 верш. длины, и переднія уши ихъ прочно соединяются концами „отосинъ“, тогда какъ противоположные концы туго обматываются вокругъ оглоблей, при сучкахъ, или при шипахъ. Какъ извѣстно, обѣ „отосины“ должны быть равномерно и туго натянуты, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣлать экипажные повороты. Такому требованію должна отвѣчать прочность „отосинъ“, которыми въ простѣйшемъ случаѣ бываютъ: просто „клябины“, древесныя веревки, а въ лучшемъ—толстыя пеньковыя веревки, для проч

ности, уснащенные иногда дегтемъ. Обычныя нынѣ желѣзные „натосники“, ременные или изъ витой проволоки „отосины“, какъ и желѣзные крючья на мѣстѣ оглобельныхъ сучковъ, составляли слишкомъ рѣдкостное дополненіе передка и могли быть развѣ у мѣстныхъ богачей да городскихъ и мѣстечковыхъ выходцевъ.

Сработанныя исключительно изъ дерева, мѣстныя „колѣсы“ имѣютъ единственное, не дома и не личными усиліями данное дополненіе — „кóлы, или катки, покаты“, полный наборъ которыхъ къ одному экипажу называется „станомъ“. Послѣдній, какъ „повстанъ“ и даже отдѣльное „кóло“, покупаются у спеціальныхъ мастеровъ колеснаго дѣла на ярмаркахъ, или въ щепныхъ лавкахъ. Благодаря обилію подходящаго лѣса, колесные мастера изготовляютъ исключительно гнутыя ободья, а не дѣлаютъ ихъ составленными изъ выпиленныхъ, подобранныхъ плахъ⁷³³); послѣднія колеса пригодны послѣ оковки и не могутъ соперничать съ „гнуцками“, отслуживающими на мягкихъ дорогахъ по нѣсколькѣ лѣтъ, особенно, если ободья сдѣланы изъ ясеня, клена и вяза. Къ сожалѣнію, мастера употребляютъ для ступиць мягкодревесныя породы (ольха, береза), которыя легче вытачиваются на немудреномъ кружалѣ, отчего внутренности ступиць скоро стираются, далеко отстаютъ отъ оси и не переживаютъ ободьевъ. Не будучи укрѣплены желѣзными „банками“ ни снаружи, ни внутри, оконечности ступиць нерѣдко раскалываются, что вызываетъ отпловку концовъ и надточки изъ старыхъ ступиць, чтобы колеса не вихлялись.

Изъ предыдущаго видно было, что отдѣльныя части стараго колеса пригодны на нѣкоторыя хозяйственныя нужды: ступица идетъ на воротный пятникъ, куски обода — на кочергу, на свѣточъ; изъ спиць вытесываются „загвоздки“, грабельные зубья, клинья; „колоница“ служитъ лѣкарственнымъ дома и служебнымъ въ клѣтѣ снадобьемъ⁷³⁴). Но и въ цѣломъ старое колесо опять же не непригодно: на срубленной макушкѣ дерева, или на крышѣ

утверждается оно для гнѣзда „буцина (бўсла)“⁷³⁵), а въ Купальскій вечеръ молодежь создаетъ оригинальный экипажъ, въ которомъ вывозитъ на урочное мѣсто и тамъ сжигаетъ „злыдни“ вмѣстѣ съ экипажемъ и двигателями его — „пóкатами“⁷³⁶)...

Болѣе благоустроенныя „колёсы“, т. е. имѣющія защищенный спереди и сзади⁷³⁷) кузовъ и служащія, по преимуществу, для выѣздныхъ надобностей, дѣлаются иногда съ подножками по обѣ стороны кузова, которая есть не иное что, какъ выходящая концами срединная „паклистка“. По своему устройству послѣдняя должна быть тонка, а потому концы подножекъ обязательно подвязываются веревками, или соединяются деревянными подпорками съ верхнею „накладкой“, иначе онѣ скоро отламываются. Высокіе сравнительно „кòлы“, оси, подушки — вызываютъ значительный, непривычный подъемъ ноги на подножки, когда нужно влѣзть въ „колёсы“; въ такомъ случаѣ гораздо удобнѣе влѣзть, ставъ сперва на ступицу, а потомъ на ободъ, — что и дѣлаетъ большинство ѣздоковъ, — или же взбираться туда подскокомъ, непосредственно съ земли⁷³⁸), — что совершенно доступно молодымъ и среднихъ лѣтъ мужчинамъ. Въ чисто рабочихъ, простѣйшихъ „колесахъ“, гдѣ нѣтъ передняго и задняго зашива въ кузовѣ, влѣзть гораздо удобнѣе сзади, потому что здѣсь приходится влѣзть прямо на телѣжную настилку, которая взрослому человѣку приходится ниже пояса.

Какимъ бы образомъ ѣздокъ ни влѣзъ въ „колёсы“, сидѣнье его тамъ заслуживаетъ нѣкотораго помина. При парадной ѣздѣ, или когда неловко сидѣть пзбочась, неловко прилечь, ѣздокъ сидитъ, протянувъ ноги впередъ горизонтально, — къ чему обязываетъ соломенная или сѣнная подстилка, равномерно разметанная по всему кузову. Свадебные поѣзжане, кумовья съ младенцемъ и вообще всѣ ѣдущіе съ кучеромъ, усаживаются въ самый задокъ, и тобы дать мѣсто правящему лошадымъ, который если не сидитъ на „пристежкѣ“, на привязанной въ передкѣ доскѣ, то

пріючивается промежь ногъ сѣдоковъ, при чемъ его собственные ноги или частью, или до колѣнъ свѣшиваются съ настилки. Въ этомъ случаѣ ѣздоки и кучеръ, сидя прямо надъ осью „оддрягивающъ“ тѣло на самомъ короткомъ пути,—переносить что обязываетъ одна лишь парадность ѣзды. Въ парадности ѣздокъ помещается на срединѣ кузова, при чемъ горизонтально протянутыя ноги его цѣликомъ покоятся въ кузовѣ, упираются или лежатъ пятками на передней „паклистка“, а помещенный сзади „пихцёръ“ служитъ лишь опорой для спины, или позволяетъ облокотиться на него, избочениться, когда лошадь идетъ шагомъ. При недалекомъ пути да одиночномъ сидѣннѣ, ѣздокъ блажитъ себя лежаньемъ, и въ этомъ случаѣ онъ покоится на животѣ, слегка приподнявъ голову и протянувъ ноги назадъ, которыя у долговязыхъ свѣшиваются позади „колёсъ“, пальцами внизъ ⁷³⁾). Когда же ѣздокъ направляется по чисто рабочимъ надобностямъ и въ оголенной телѣгѣ (за дровами, на сѣнокосъ, на поле), что предполагаетъ недалекий переѣздъ, то онъ или торчитъ на „накладкѣ“, между тѣмъ какъ ноги его опираются на телѣжную настилку, или же сидитъ на послѣдней, перевѣсивъ ноги черезъ телѣжный бортъ въ ту, или другую сторону. Это—одно изъ неудобныхъ сидѣннѣ, несмотря даже на незначительную высоту бортовъ, къ которому прибѣгаютъ тѣ, кто „измѣлился“ сидѣньемъ на голой настилкѣ и борту, или кто забылъ ѣзду „у-стойчку“, не можетъ держаться на ногахъ. Однако, забыть стоячую ѣзду трудно: съ наступленіемъ навозныхъ толковъ каждый 10-лѣтній мальчикъ и дѣвочка проѣзжаютъ стоймя не одинъ день, когда съ опорожненной, но грязною телѣгою они галопируютъ съ поля за новымъ навозомъ; это же потомъ подновляется съ возрастомъ мальчиковъ, когда, отвезя съ поля или луга возъ, они спѣшатъ туда порожнемъ за новымъ возомъ.

Описанныя съ возможною подробностью „колёсы“ есть прототипъ всѣхъ другихъ лѣтнихъ экипажей, рабочихъ и выѣздныхъ

Безразлично, при чемъ, за исключеніемъ одноколки, они будутъ различаться лишь удлиненнымъ корпусомъ, построениемъ сторонъ кузова, а изрѣдка—длиною осей: въ послѣднемъ случаѣ экипажъ не попадаетъ въ проторенныя колеи и идетъ по новымъ. Къ такимъ экипажамъ, значительно рѣдко встрѣчающимся, принадлежатъ:

2. „Нарядъ, понарядъ“ ⁷⁴⁰), корпусъ котораго верш. на 10 длиннѣе и шире „колѣсъ“. Этому соотвѣтствуетъ и большая прочность, даже громоздкость экипажа, въ который запрягается болѣе дюжая лошадь, а при легкомъ проѣздѣ—пара лошадей. „Нарядъ“ употребителенъ лишь тамъ, гдѣ дороги не гористы, не изгибисты, гдѣ не предстоитъ ни лѣсныхъ, ни каменныхъ зацѣповъ и гдѣ имѣются болѣе добротныя лошади. При отсутствіи всего этого, „нарядъ“ или совершенно не изготовляется, или же долгіе годы покоится безъ всякаго дѣла.

3. „Дробины“ имѣютъ ширину „наряда“, а длиною превосходятъ его на аршинъ и болѣе. Такъ какъ „дробины“ предназначаются исключительно для возки сноповъ, сѣна, гороха и соломы, то онѣ съ боковыхъ сторонъ и даже спереди имѣютъ рѣшетчатые стѣнки совершенно одинаковаго построенія съ хлѣбными „дробинами“, прилаженные наискось, во внѣшнія стороны и нижними концами туго вправленныя въ „накладки“. Такая же „дробинная“ рѣшетка дѣлается вмѣсто настилки.—Отслуживъ свою короткую службу, „дробинный одѣръ“ мирно покоится въ вознѣ, или, перевернутый вверхъ, нѣкоторое время служить засадкою для гусей и индюковъ, для чего достаточно приклонить къ открытой задней сторонѣ праздную „дробу“, дверь, или же приладить загорожи изъ досокъ... Въ крестьянскаго обихода „дробины“ составляютъ совершенно необходимый экипажъ у горшечниковъ, съ единственною разницею, что здѣсь „дробы“ помѣщены со всѣхъ четырехъ сторонъ кузова.

4. Еще рѣже входятъ въ обиходность „дроги“ — известные роспуски, которымъ на самомъ дѣлѣ трудно подыскать практическое приложеніе. Какъ и нынѣ, „дроги“ попадались лишь у предприимчивой „подгородицы“ да мѣстечковыхъ, пришоссейныхъ сосѣдей, и онѣ не имѣли ни страшной величины, ни громоздкости ломовиковыхъ роспусковъ: тѣ же оси, подушки, какъ въ „колесахъ“, и только саженныя и болѣе „накладки“ да прямая „тройня“ отличали ихъ отъ прототипа. Тутъ нѣтъ ни ручекъ, ни „боковинъ“, ни помоста: крупныя камни, кирпичи, мѣшки съ хлѣбомъ и мукою, даже дрова, довольно удобно держатся между „накладками и тройней“, которая здѣсь не такъ низко отстоитъ, какъ въ „колесахъ“.

5. Люди зажиточные, или „бярущи на пыхи“, городскіе и мѣстечковые выходцы заводили „кылымажку, или кырыфашку“ — красивую повозку, у которой, кромѣ благоустроеннаго кузова изъ лозовыхъ плетенокъ или луба, имѣлась спинка съ лавочкою для сѣдока и отдѣльная лавочка для кучера, прочныя подножки и выемки надъ ними въ „боковинахъ“, чтобы удобнѣе влѣзть, и даже различныя по высотѣ заднія и переднія „кóлы“. Въ лучшемъ случаѣ эти послѣднія бывали „кúтыми“ и запирались желѣзными „загвызками“ (741). — Ясно, что такой экипажъ былъ только выѣзднымъ и сберегался не хуже, чѣмъ, примѣрно, „бóты и чиравки“; при всемъ этомъ „кылымажка“ изнашивалась относительно скоро, потому что таковая нескончаемо одождалась подъ проѣзды „свадебниковъ“, или сановитыхъ лицъ. Будучи безъ рессоръ, она „рыздрогывала“ не хуже „колесъ“, такъ какъ въ ней приходится сидѣть надъ осями, и могла предпочитаться имъ только по своей благоустроенной вѣшности.

6. Для легкаго и короткаго проѣзда выгоднѣе всѣхъ дѣтнихъ экипажей могла бы почесться „бѣда“ (вертушка), если бы она имѣла болѣе устойчивости. При слѣдованіи по грязной, рытвинной дорогѣ, при зацѣпахъ, всходѣ на камень одною стороною,

распряжкѣ лошади в друг., „бѣда“ можетъ причинить дѣйствительную и неожиданную бѣду. Но легкость построения, какъ и ѣзды въ ней, призываетъ къ „бѣдѣ“ гораздо скорѣе, чѣмъ къ парадной предшественницѣ ея. Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ прибѣгнуть къ заурядной оси двѣ толстыя жерди (оглобли), поперечку къ нимъ, въ отступѣ отъ оси верш. на 12, наложить по сую сторону поперечки двѣ накладки, да укрѣпить на нихъ кое-какой кузовъ, хотя бы ненужный ящикъ, или корзину—и „бѣда“ готова!.. Любители „бѣды“, однако, даютъ ей лучшую обработку, по крайней мѣрѣ, кузова, почему она и можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ лѣтнихъ экипажей.

7. Что же касается остальныхъ лѣтнихъ экипажей, то они не входятъ въ простонародную обиходность, и на дворѣ деревлянина появляются лишь какъ гости, хотя и достаточно извѣстны по сосѣдливому употребленію ⁷⁴²). Сюда слѣдуетъ отнести: а) длинную „брыгу“ съ кошѣлками впереди и сзади, которая бываетъ то неподвижными, то снимающимися; б) не менѣе длинную „бѣду“—фуру, и в) изящный, удобный „биндюкъ“—легкій рыдванъ, съ запирающимся позади ящикомъ, узкимъ задомъ и широкимъ передомъ. „Биндюкъ“ состоитъ пока исключительнымъ экипажемъ „москальковъ“ и въ пользованіи „полячковъ“ не встрѣчается ⁷⁴³).

8. Необходимымъ дополненіемъ лѣтнихъ экипажей и, тѣснѣйшимъ образомъ, осей и колѣсъ служитъ „колонница“ (мазница)—прямоугольное ведрышко бочарнаго построения, въ которомъ исключительно хранится деготь. Въ верхнемъ днѣ „колонницы“ дѣлается квадратная въ 1 верш. прорѣзь, въ которой безсмѣнно торчитъ „мазка, мазидла“—короткая палочка съ тряпкою на концѣ, служащая для вычерпыванія и намазыванія дегтя („мазь“). Обыкновенно „колонница“ ютится въ углахъ возовъ, или подъ праздными экипажами; но если у путевого человѣка она стоитъ въ тѣлѣжномъ углу, то это одно изъ двухъ: или ѣздокъ направился за

покупкою „мази“, или же онъ держитъ дальнѣйшій путь; при обозной ѣздѣ да при перевозкѣ предметовъ, которымъ неудобно привить дегтярный запахъ, „колонца“ подвязывается подъ телѣгою къ „накладкѣ, или трейнѣ“.

Зимнѣе экипажи, главнымъ образомъ, раздѣляются на сани и возки. Подъ первыми разумѣются дровни и розвальни, а подъ вторыми сани съ защищеннымъ со всѣхъ сторонъ кузовомъ, или, лучшія изъ нихъ, съ узорною спинкою позади, помостомъ для сидѣнья, выхватомъ въ бокахъ кузова и даже кучерскою лавочкою. Всѣ сани и возки имѣютъ то гнутыя полозья, то самородки „копани“, подыскиваемая въ лѣсу, отчего сани съ послѣдними полозьями, въ отличіе отъ „гнуцикывъ“, называются „копанями, копанцами“. Какъ это ни поразительно, но самыя простѣйшія сани не сооружаются дома, подобно телѣгамъ, а пріобрѣтаются у специальныхъ мастеровъ на ярмаркахъ и базарахъ, пріобрѣтаются слишкомъ дешево ⁷⁴⁴), а если хозяинъ далъ на это собственныя, едва оболваненныя, „копани“, такъ сани обойдутся лишь въ четвертакъ и будутъ сработаны прочно и относительно изящно.

9. Когда парныя „копани“ поступили въ распоряженіе мастера, онъ прежде всего обтесываетъ ихъ, стараясь придать побольше однообразія изгибу головокъ, толщинѣ и высотѣ парныхъ полозьевъ, при чемъ послѣдняя преобладаетъ надъ первою ⁷⁴⁵). Въ готовые полозья, въ 4 равномерныя въ томъ и другомъ полозѣ пробоины, онъ вколачиваетъ свыше 8-ми вершковыя копылья и соединяетъ противолежащую пару ихъ особыми „гнуциками-вѣзами“, составляющими потомъ ложе для санной настилки. Такими же „вѣзами“ онъ соединяетъ каждую головку полоза съ первымъ копыломъ, а на оконечность разъединенныхъ головокъ, въ пазы ихъ, накладываетъ отдѣльную вязку—„говенникъ“. Вся такая работа вершится двумя накладками („наклевки“ съ пробоинами), которыя взгоняются на копылья и неподвижно покоятся на „вѣзѣ“, въ 4 верш. надъ верхнимъ ребромъ cadaго полоза. Передавая

сани владѣльцу, мастеръ горделиво завѣряетъ „на 100 зимъ, хуць до Полоцку ци до Вильня валм“!.. Но окраинный мужикъ, пристроивъ „завирты“ да завертевь оглобли, свезетъ на нихъ дрова въ ближайшее „мѣсто“, съѣздить въ лѣсъ, или за водою. Въ виду такой черной службы, „виззе“ не имѣетъ настилки до конца дней своихъ.

10. На выѣздыя надобности имѣются отдѣльные сани-розвальни, съ двумя „развалами“, однимъ концомъ прикрѣпленными къ головкамъ, а другимъ—расходящимися въ стороны отъ послѣднихъ кочыльезъ, верш. на 10—12, гдѣ они и соединены поперечкою одинаковой съ „развалами“ толщины; общая длина послѣдней превышаетъ 2 арш. Если нѣтъ въ наличности розвальней, „развалы“ приспособляются къ дровнямъ,—что въ „копаняхъ и гнущикахъ“ даетъ одно и то же, а для приданія необходимой „щитыцы“, крылья съ „нѣклистками“, какъ и промежутое между головокъ пространство, переплетаются веревками, подобно телѣжному задку и передку. Но розвальни служатъ выѣздымъ экипажемъ лишь на половину, за неимѣниемъ возка, и преимущественная служба ихъ—возовая ⁷⁴⁶).

11. Такъ какъ зима даетъ болѣе удобные пути, частые поводы къ выѣздамъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ „госцины“, то во всякомъ среднемъ хозяйствѣ имѣется какой-нибудь возокъ, съ плотнымъ кузовомъ изъ луба, драни, тонкихъ досокъ. Простѣйшій возокъ есть тѣ же „копанцы“, у которыхъ копылья удлинены до высоты головокъ и нѣсколько отогнуты въ стороны, что дѣлаетъ задокъ шире передка верш. на 8. Верхъ такого съ ровною поверхностью возка увѣнчивается рамою, какъ и въ благоустроенной телѣгѣ, а спинка кое-гдѣ имѣетъ даже узорную рѣзбу и лучевидныя стойки изъ чернаго дуба въ пережку съ бѣловатыми стойками изъ другихъ деревъ.

Описанный простѣйшій возокъ не имѣетъ „разваловъ“, отчего, благодаря подвижности, узкоколейности, онъ приводитъ къ

скорѣйшимъ кувыркамъ и вылетамъ, чѣмъ „бѣда“, заставляя каждый разъ произносить имя мастера „не во благоволеніяхъ“, а въ предательскихъ мѣстахъ держать ногу „у вѣнкахъ“ (747). Если „мѣтныи богатыри“ кладутъ подъ полозья „шаны“ (подрѣзы), то это только берегаетъ дольше полозья, но не бѣдоковъ отъ полетовъ и кувырковъ...

12. Обычный возокъ-„гнѹцкѣ“, достаточно извѣстный по городскимъ „форфоркамъ“, перевозящимъ „за цвѣй копки-съ драй паны“ (748), составляетъ ужъ слишкомъ нарядный зимній экипажъ, а если таковой расписанъ (749), то лучшаго и нежелательно для непритязательнаго простолюдина.

13. „Саньки, саныцы, санички“—не запряжной, а лишь дѣтскій для катанья экипажикъ; но онъ весьма нерѣдко служитъ и нуждамъ взрослыхъ, когда нужно перетянуть мѣшки съ хлѣбомъ отъ тока къ клѣти, дрова съ дальняго дровосѣка, одолженный грузъ отъ сосѣда (ступу), глину съ „глиница“, камни и проч. Въ этомъ случаѣ въ „саныки“ иногда впрягается лошадь просто веревками, вмѣсто оглоблей. Подобно настоящимъ санямъ, „саныки“ бываютъ „копанцы и гнѹцики“, въ видѣ дровней, развальней и возковъ, и сооружаются онѣ дома, по мѣрѣ умѣнья, въ подражаніе большимъ санямъ, на каковомъ подражаніи и кончается вся строительная снаровка, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ...

14. Вмѣсто „саникъ“, гораздо чаще можно встрѣтить „буцѣньки“—салазки, построенныя изъ двухъ стесанныхъ вперед досокъ, въ отступѣ другъ отъ друга верш. на 8—10, соединенныхъ посрединѣ двумя-тремя поперечками. Въ хозяйственныхъ нуждахъ „буцѣньки“ замѣняютъ саночки, а при вывозѣ лѣса, подкладываются подъ задній конецъ бревна; у дѣтей же онѣ служатъ исключительно для катанья съ горъ и для взаимнаго катанья по гладкой дорогѣ. Криво прилаженныя, часто узкія доски, плохо стесанныя тоноромъ, могутъ двигаться лишь съ кручи и

подъ запряжку дюжого Микитки; тогда дѣти подкладываютъ подъ полозья старые обручи, которые здѣсь то же, что подрѣзы въ возкахъ.

Всѣ вообще зимніе экипажи какъ-то долговѣчнѣе лѣтнихъ, хотя „гнѣцки“ переживаютъ только половину службы „копанцовъ“, т. е. лѣтъ 7, 8. Помимо прочности, приданной мастеромъ, этому помогаетъ значительная высота полозьевъ и послѣдующія подкладки подъ нихъ, по мѣрѣ утонченія, такъ что инныя сани, выдержавъ подкладки три и болѣе, все еще продолжаютъ служить, пока не выпадутъ копылья, не разрушатся „вѣзья“, не ломаются головки, а это приходитъ нерѣдко чрезъ добрый десятокъ лѣтъ... Если составныя части саней сработаны изъ крѣпко-древесниныхъ породъ, то всѣ онѣ потомъ такъ и иначе утилизируются на мелкія хозяйственныя подѣлки, подобно старымъ телѣжнымъ частямъ.

15. Дровосѣчники, лѣсные сторожа и охотники пользуются „иртами“ собственнаго изготовленія. Эти „ирты“ грубы, тяжелы (до 15 фунт.) и скоро утомляютъ даже привычнаго человѣка, а потому нуждающіеся въ нихъ часто предпочитаютъ путешествовать „у цалки“, — что наглядно можно видѣть на зимнихъ тропахъ съ дороги въ поле и лѣсъ, гдѣ „иртовая сѣжка“ относится къ пѣшеходной, какъ одинъ къ ста. Въ подходящихъ случаяхъ „иртовый“ путникъ спѣшивается и тащитъ на „иртахъ“, какъ на санкахъ, какую-нибудь кладь ⁷⁵⁰).

VI. Сбруя и упряжь ⁷⁵¹).

Сбруя и упряжь стоятъ въ такой тѣсной связи съ экипажами и упряжными животными, что поминъ о послѣднихъ вызываетъ слово и о первыхъ. Но если сами владѣльцы называютъ трудовыхъ пособниковъ своихъ „конѣшками, кобылѣнками, бычанами“, и если соответственно сему они поминаютъ и объ экипажахъ — „колесѣшки, колясѣнки, санѣшки“, — то сторонній въ пра-

въ ожидать, что сбруя и упряжь должны быть не иное что, какъ „оброцишки, обротчѣнки, хомуцѣшки, вожжишки, дужѣнки“. Да это такъ на самомъ дѣлѣ, и своими уничижительными именами сбруя и упряжь обязаны неприглядному построению, данному имъ мастерами, и тому прибѣдненному матеріалу: изъ котораго онѣ кое-какъ слажены. Изъ рѣчи объ экипажахъ видно было, что отъ мельчайшихъ и до крупныхъ частей они могутъ состоять изъ одного дерева; соотвѣтственно сему сбруя и упряжь могутъ состоять тоже изъ растительныхъ волоконныхъ предметовъ (пеньки и льна), съ присоединеніемъ сюда незначительныхъ деревянныхъ добавковъ, и нельзя не согласиться съ ѣдкимъ замѣчаніемъ, что иной мѣстный ѣздокъ только и имѣетъ ремней въ сбруѣ и упряжи что запряженная лошадь, или „бычанокъ“⁷⁵²)...

Но это ужъ слишкомъ: правда, мужикъ щадитъ кожу крупныхъ животныхъ ради „теплой копейки“⁷³) за нее и ради обуви; правда и то, что онъ съ долгими думами и соображеніями рѣшится на покупку готовой сбруи, или только сбруйныхъ ремней, если хозяйственные расчеты позволяютъ удѣлить на это кое-какія деньги; зато не менѣе справедливо, что какъ нынче, такъ и въ отдаленное время ременная запряжка стояла между двумя непріятелями: стихійною порчею таковой и посягателями на чужую собственность. За обработку подходящей кожи обыкновенно беретъ недорого, какихъ-нибудь 50—75 коп., а изъ кожи крупнаго животнаго можно сдѣлать многія сбруйныя подѣлки; скроить и сшить можетъ домашній шорникъ, или захожій „шѣвчикъ“; но съ этого именно времени и начинаются хлопоты съ ременною сбруей: чѣмъ и какъ смазывать ее? смочить дождь—приходится просушивать, а отъ этого кожа коробится, ломается, вызываетъ нескончаемые спивы, подвязки и оказывается негодною прежде считаннаго срока. Съ другой стороны, прочный ремешокъ пригоденъ на многія надобности: для привѣса ножа, калиты, гребешка, мошны, на поясъ, кнутъ—сколько же посягателей должна имѣть ременная

упряжь, если къ нему присоединить нерѣдкихъ охотниковъ снять съ лошади уздечку, хомутъ со шлеями, чрезсѣдельникъ?! Да это зачастую составляетъ спеціальный предметъ деревенскаго хищенія! Такимъ образомъ даже у людей средняго достатка невольно создается нерременная упряжь, которую смѣло можно оставить подъ дождемъ, въ спокойной увѣренности, что она высохнетъ и что это не оставитъ замѣтно-разрушительныхъ послѣдствій, — смѣло можно оставить тамъ, гдѣ засталъ конецъ запряжной работы — на нивѣ, на лугу, среди гумна — съ новою увѣренностью, что ни алчникъ, ни похититель не посягнутъ на ничтожную частичку упряжи.

Таковы главные мотивы къ построению упряжи изъ плетенокъ и веревокъ; но къ нимъ необходимо присоединить подручность матеріала, отдѣльную бѣдноту, или же разсчетливость. Совокупность указаннаго прежде всего приводитъ къ построению шлеи изъ плетеныхъ тесемъ: жена, дочь, наемная пастушка выпрядутъ, есучать и сплетутъ, подобно поясамъ, на тѣхъ же вилочкахъ („рогулькахъ“) тесьмы изъ ровныхъ бичевочекъ, по указанной мѣрѣ — болѣе длинную круговую тесьму, которая отъ гужей обойдетъ потомъ во всю длину лошади, — менѣе длинный нахребетникъ и соотвѣтственные по длинѣ откосныя тесьмы, обыкновенно приврѣпленные концами къ круговой, а серединами — къ нахребетнику. При тѣхъ же условіяхъ и та же мастерица сплететъ болѣе широкую подпругу — тесьму для приврѣпленія сѣделки; наконецъ, она же сплететъ отдѣльныя части „оброци“: круговой нащечникъ, налобникъ, нахрапникъ, лыску (отъ налобника къ нахрапнику) и „подмѣрдникъ“. Когда все это готово, тогда домашнему шорнику остается только сшить разрозненныя части; если же этого не сумѣетъ сдѣлать мужчина, такъ плею и „оброць“ сошьетъ женщина, какъ она сошьетъ хомутинный мѣшокъ и подходящую подушку для сѣделки (75¹).

На этомъ да на приготовленія сѣдельныхъ подпругъ и ли-

мокъ ⁷⁵⁵) заканчиваются плетеная сбруйныя работы. Дополнительно къ сему идутъ веревочныя подѣлки; „присидѣльникъ“, „супо́ня“, поводъ къ „обро́ци, вожки, или лейцы“ ⁷⁵⁶) и гужи работаютъ уже сами мужчины изъ подлежащихъ предметовъ—пеньки или льняной пакли, при чемъ, за исключеніемъ гужей, обыкновенно имѣющихъ наибольшую веревочную толщину, всѣ остальные витышки не превышаютъ толщины мизинца, разнясь другъ отъ друга простымъ и „дротóваннымъ“ витьемъ ⁷⁵⁷).

Единственными деревянными частями сбруи являются клещи и сѣделочныя вальки. Для первыхъ подыскиваются кривые самородки, которые обдѣлываются дома, по мѣрѣ умѣнья, даже шлифуются ребромъ оконнаго стекла. Въ случаѣ незначительной неприглядности такіе клещи поступаютъ къ оральному хомуту ⁷⁵⁸), а для упряжнаго подыскиваются новые, или задешево покупаются готовыми то на ярмаркахъ, то у завѣдомыхъ мастеровъ. Послѣдніе нетрудно отличить по мастерской отдѣлкѣ и по покрашенной нижней половинѣ.

Когда клещи въ наличности и когда такимъ образомъ имѣется хомутная основа, тогда разрозненныя половины клещей соединяются въ головкѣ „союзкой“, и въ нимъ, по мѣрѣ головы наличной лошади, прилаживается хомутина, набиваемая соломой, или сухими листьями „пуховки“—аироподобнаго растенія водныхъ мѣстъ на болотѣ. Послѣ укрѣпленія хомутины и гужей остается только подложить внутренность „подхомутникомъ“, а все построение—прикрыть сверху до гужей отдѣльною „крово́лій“ ⁷⁵⁹).

Такова сбруя, полностью сработанная дома, домашними шорниками и изъ домашняго матеріала. Дополненіемъ ⁷⁶⁰) къ ней служитъ сѣделка съ частями—„псдсѣдѣлкой“, подпругой, „присидѣльникомъ“, который вершаетъ сѣделку и проходитъ сквозь деревянныя ушки вальковъ, сработанныя въ видѣ сквозныхъ пробоинъ, достаточныхъ для прохода чрезсѣдельника, или же чрезъ укрѣпленныя дужки, на верхней сторонѣ тѣхъ же вальковъ. Эта

сбруя не всегда подгоняется подъ мѣру лошади, а если она не одна, то изготовляется такъ, что можетъ быть надѣта и на другую-третью лошадь. Посему нетрудно встрѣтить упряжную лошадку, на которой сбруя лежитъ подобно тому, какъ на взросломъ человѣкѣ лежитъ, примѣрно, одежда подростка: круговая тесьма туго впила въ лошадиный задъ и спускается до половины корпуса, въ то время, когда тѣсный хомутъ давитъ и тревожитъ лошадку, или же, будучи непомѣрно большимъ, подпрыгиваетъ на шею, — что въ равной мѣрѣ тревожитъ двойную страдалицу и приводитъ къ ссадинамъ. При обратномъ положеніи дѣла, т. е. когда лошадка въ сбруѣ крупной лошади, она не сдерживаетъ экипажа съ горы, а верѣдко тутъ же выскакиваетъ изъ хомута и шлеи...

„Бычанкѡвая“ сбруя, сработанная по точному примѣру лошадиной, за исключеніемъ развѣ удлинненныхъ клещей да расходящейся внизу хомутины (хомутъ надѣвался не чрезъ голову, какъ лошадямъ, а непосредственно на шею, сверху), какъ-то не выглядывала чужой сбруей и не приводила упряжное животное къ указанному нестроенію, и нужно признать, что „бычанкѡкъ“ высматривалъ въ запряжкѣ нѣсколько горделивѣе лошади, точно сознавалъ, что къ его сбруѣ приложены бѡльшія заботы шорника...

При совокупности условій воспитанія и недостаточной породности лошади, едва-ли приходится обуздывать такую или иную порывистость ея: не приучилась она сдерживать съ горы, не позволяетъ сдѣлать этого сбруя — ну и пусть бѣжитъ рысю-ли, вскачь-ли! Пробѣжитъ горный спускъ, да и опять пойдетъ обычнымъ ходомъ. Тутъ къ чему же лошадиная „замѣзка или заклизы“ ⁷⁶¹⁾? Гораздо существеннѣе и для лошадиной побѣжки необходимѣе „пѣжка, бизѹнчикъ, чжѹпла“ ⁷⁶²⁾, и одинъ изъ этихъ предметовъ составляетъ такое неизбѣжное дополненіе въ рукахъ ѣздова, какъ и вожжи. По пословичному предписанію — „и на

лошадку сторублевую май пужку готовую“, — присутствие кнута приводит лошадь къ повиненію и избавляет ѣздока отъ необходимости прибѣгать къ другимъ „погонялкамъ“ — хлестать лошадь концами вожжей, выломаннымъ „дубцомъ, клибиной“, но въ то же время помогаетъ отбиваться отъ попутныхъ собакъ. Въ виду сего весьма легко встрѣтить лошадь, которой съ избыткомъ извѣстны „пуга, бизунъ и даже чжупла“, но которая во всю свою трудовую жизнь не вѣдалась съ „замудкыи или закилызы“, и они пригодны развѣ для жеребца; но, какъ упомянуто раньше, онъ служитъ упряжнымъ надобностямъ относительно недолго и рѣже остальныхъ лошадей.

Какъ на сей случай, такъ и для нѣкоторой парадности сбруи, въ иныхъ домахъ имѣется настоящая желѣзная замудка („закилызы“ — то жъ), по мѣрѣ надобности, подвязываемая рядомъ съ „подмѣрдникомъ“ и потомъ снова удаляемая. Только вънемногихъ сбруйныхъ имуществахъ, гдѣ имѣется полная ременная „уздэчка, закилызы“ остаются неизмѣнно при ней, служа въ пути вмѣстѣ съ дуговымъ кольцомъ единственною упряжною побрякушкою. Слѣдуетъ признать, что, за исключеніемъ колокольчика да одного-двухъ бубенчиковъ въ экипажѣ „свадебника“, упряжь сторонится отъ побрякушекъ, и если бубенчикъ, или „балагѣлка“ ⁷⁶³) подвѣшиваются къ шеѣ лошади ради ночлежныхъ нуждъ, то они поутру снова снимаются до новаго ночлега въ отхожемъ мѣстѣ.

Вѣнцомъ экипажной запряжки приходится считать дугу, которая, примѣнительно къ „колясѣнкамъ и санѣнкамъ“, правильнѣе можетъ быть названа „дужчѣнкой“. Въ пной таковой дугѣ радіусъ едва доходитъ до 10 верш., и если она не опирается на хомутъ головою, такъ потому только, что при засупониваніи послѣдняго значительно сгибается лучка дуги, отчего выигрываетъ въ высотѣ. Вольная, внѣ запряжки дуга не всегда можетъ быть сочтена за таковую: слегка согнутая средней толщины жердь, съ не-

большими засѣчками на внѣшнихъ сторонахъ концовъ и съ желѣзнымъ кольцомъ въ передней части головки, или же, вмѣсто него, съ тонкою дужкою, какъ у сѣделки, такая дуга скорѣе можетъ быть принята за санную принадлежность ⁷⁶⁴), неудавшійся ободъ, начатое, но недоконченное издѣліе ⁷⁶⁵), и только по присутствію ея вблизи сбруи удастся угадать въ ней дугу. Но съ такою дугою обходятся тамъ, гдѣ нѣтъ знатоковъ гнуть настоящія дуги, или гдѣ нѣтъ подражательныхъ образцовъ; уже 10-ти-верстные сосѣди городовъ и мѣстечекъ дѣлаютъ дуговую лучку нѣсколько выше, даже стесываютъ стороны дуги, а пограничные со Смол. и Псков. губ., какъ и жители срединныхъ частей Велиж. и Себеж. у., пользуются настоящими русскими дугами—съ высокою лучкою, со стесанными сторонами, съ рѣзбою то на одной, то на обѣихъ сторонахъ; въ пышныхъ случаяхъ эти дуги бываютъ даже раскрашенными.

Какова ни есть наличная дуга, кстати, для работы и выѣзда одна и та же, она непременно справляетъ и другую службу: при подмазываньи телѣги она подставляется, какъ подпорка, подъ жердь, приподнимающую телѣжныя стороны. Благодаря сему да прислону къ колесу послѣ распряжки, дуга имѣетъ многочисленныя дегтярныя прилипы, значительно видоизмѣняющіе первоначальный видъ ея.

Верховая ѣзда съ давнихъ поръ не имѣла многочисленныхъ любителей, и продолжительными, хотя невольными всадниками бывали развѣ крѣпостные чины: войты, „цивыны, лавники, дозорцы“, ихъ помощники, лѣсные сторожа и охотники. Эти всадники покоились на довольно благоустроенномъ сѣдлѣ, которое имѣло всѣ части обыкновеннаго сѣдла, до войлочнаго потника и желѣзныхъ стремянъ включительно. Такое же благоустроенное сѣдло кое-гдѣ мелькало и у заурядныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, вся свита жениха слѣдовала за нимъ верхомъ то на собственныхъ, то на одолженныхъ сѣдлахъ.—Въ заурядномъ положеніи, при

порчѣ дорогъ да при костлявомъ хребтѣ лошади, наскоро создается скороспѣлое сѣдло, главною основою котораго бываетъ мѣшокъ съ сѣномъ или соломою, кое-какъ привязанный то веревочною, то плетеною подпругою; вмѣстѣ съ послѣднею со спины лошади спадаютъ на стороны веревочныя же стремяна, правильнѣе — петли, для установки ногъ. Къ построению такого сѣдла могутъ вызывать какія-нибудь 10-тиверстныя разстоянія; если же нужно прокатить нѣсколько меньше, то достаточно накинуть на лошадиную спину пустой мѣшокъ, одежду, при чемъ уже нѣтъ надобности въ стремянахъ — ноги всадника висятъ, или же, при быстрой ѣздѣ, остаются прижатыми къ бокамъ лошади. Про такую ѣзду, какъ и про всадниковъ галопирующихъ на голой спинѣ относительно небольшихъ разстояній (на ночлегъ, водоной, на пашу и обратно), обыкновенно шутливо говорятъ: „ущамѣць коня“... Въ послѣдней ѣздѣ, когда всадниками являются возрастные „мальцы“⁷⁶⁶), захудалыя, часто переутомленныя лошады несутся галопомъ и это спасаетъ ѣздоковъ отъ „мѣлу“ на голомъ хребтѣ лошади и возможныхъ при рысистой ѣздѣ ссадивъ; достигается же такой часто бѣшеный галопъ неистовымъ гикомъ, ножными толчками въ бока лошади и подергиваньемъ поводьевъ.

Указать на точное мѣсто-хранилище сбруи и вообще упряжныхъ принадлежностей такъ же трудно, какъ трудно найти въ данномъ хозяйствѣ исправную, благоустроенную упряжь. Хороша сбруя, построена изъ ремней — ей отводится мѣсто въ хатѣ, сѣняхъ, запертой клѣтѣ⁷⁶⁷); поплоше сбруя, сработана изъ тесемъ — ея мѣсто слишкомъ неопредѣленно: сегодня — въ сѣняхъ, завтра — въ пунѣ, подъ повѣтью, подъ стрѣхою, подъ телѣгою. Въ виду недостаточнаго ухода, небрежной поддержки, отсутствія смазки, безсмѣннаго употребленія и другихъ причинъ, сбруя недолго удерживаетъ свою красу и скоро пополняется подточками, надвязками: въ одномъ мѣстѣ разорванный ремешокъ сточенъ веревочкою, въ другомъ, на мѣсто похищеннаго ремешка вставлено путо, на

мѣсто исчезнушаго колечка опять же поставлена наскоро скрученная „союзка“, и такъ безконечно; по мѣрѣ же дальнѣйшей службы нерѣдко трудно бываетъ рѣшить что именно было первоначальной основой сбури—ремни, или веревки да тесьмы? Здѣсь, какъ и многомъ другомъ, сказывается любопытная бытовая черта: простолюдинъ не любитъ поддерживать обиходныхъ предметовъ надлежащею, основательною починкою, а предоставляя имъ временное подспорье, тѣмъ самымъ даетъ возможность скорѣе отслуживаться, переходить на другія, часто неподручныя надобности...

VII. Въ остальныхъ усадебныхъ строеніяхъ.

Въ пестромъ подборѣ пословицъ, поговорокъ и присловіи, характеризующихъ разнообразныхъ членовъ великой русской семьи, примѣнительно къ топографическому положенію и бытовымъ условіямъ каждаго, о жильцахъ Витебской Бѣлоруссіи имѣется лишь одно изреченіе „народной мудрости“, кстати, циркулирующее далеко отъ мѣста и совершенно неизвѣстное, даже непонятное въ предѣлахъ той же бѣлоруссіи, а именно: „волынка да гудокъ, собери нашъ домокъ; соха да борона разорили наши дома“⁷⁶⁸). При очевидной насмѣшливости, изреченіе это подтверждаетъ ту безспорную истину, что мѣстный простолюдинъ всецѣло отдается сохѣ да боронѣ, что ради нихъ не можетъ удѣлить времени на иную отрасль труда, выйти изъ „землепахъ“, какъ онъ себя называетъ, и его-ли вина, когда облитая потомъ „зимелька“ въ иной годъ не возвращаетъ даже сѣмянъ? „Съ Богомъ ня сбрысца“, — покорно говоритъ „землепахъ“ и продолжаетъ стойко „держаться за сошеньку — кривые роженъки“ въ упованіи на милость Божью, какъ и на то, что „годъ на годъ не приходится“, что „зимелька“ все-таки дастъ существенные предметы для удовлетворенія первой жизненной потребности. Непонятная въ пныхъ мѣстахъ притяжимость къ родному мѣсту, отсутствіе бойкой предприимчи-

вості, выработаною „варкою въ семи котлахъ“ и неширокій кругъ требованій только и могли создать мѣстнаго „землепаха“, который изъ края въ край одинъ и тотъ же въ неразлучномъ единеніи съ немудреными, немногочисленными земледѣльческими орудіями и снарядами. Всѣ они, какъ и подсобныя къ нимъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: при помощи однихъ земледѣлецъ готовится земля къ произрастанію будущаго кормильца, а другими онъ обрабатываетъ принесенный плодъ или для себя, или для своихъ земледѣльческихъ сотрудниковъ. Примѣнительно къ сему и будутъ разсмотрѣны земледѣльческія орудія и снаряды, ютящіеся какъ въ доселѣ упомянутыхъ строеніяхъ, такъ и въ остальныхъ усадебныхъ помѣщеніяхъ.

1. Главнымъ орудіемъ для подъема (вскапыванья) просторной земельной площади, а часто и окончательной обработки ея, съ незапамятныхъ временъ служитъ земледѣльская соха. Согласившись на томъ, что соха и служба ея извѣстны всѣмъ и каждому, нетрудно будетъ описать и перечислить отдѣльныя части мѣстной сохи, которая опять же съ незапамятныхъ временъ одна и та же, строится съ одною и тою же заботливостію, терпѣливою предусмотрительностію. Съ этой стороны ярче другихъ выступаютъ два существенныя требованія: а) всѣ части сохи должны состоять изъ разнообразныхъ, по возможности, деревъ, не исключая и „юдашѣвыхъ“, и б) сооруженіе сохи поручается только женамъ, при чемъ работа вдовца предпочитается работѣ находящагося въ супружествѣ ⁷⁶⁹). При соблюденіи такихъ условій въ сохѣ тѣсно соединяются другъ съ другомъ слѣдующія раздѣльныя части:

а) „диряво“ ⁷⁷⁰), служащее главною основою сохи. Оно есть кривая доска, вытесанная изъ древеснаго самородка, довольно точной мѣры, а именно: длина по изгибу превышаетъ 1 арш. и 8 верш., ширина головки едва доходитъ до 4 верш., тогда какъ ширина при ножкахъ достигаетъ 6 верш.; въ подобномъ

соотвѣтствіи находится и толщина „дирива“: въ то время, когда головка счесана чуть не до полвершка, особенно, въ крѣпкодревесинной доскѣ, ножки имѣютъ почти 2-хвершковую толщину и къ сей послѣдней „дириво“ подгоняется постепеннымъ утолщеніемъ. Здѣсь „дириво“ заканчивается двумя „нарѣжниками“, образованными долотнымъ пробоемъ и на самомъ концѣ стесанными для насадки желѣзныхъ „лимяшѣвъ“. Длина „нарѣжниковъ“ едва достигаетъ 5 верш., а разстояніе между ними остается неизмѣнно въ 2 верш., и это разстояніе не умалется и между насаженными „лимяшами“, которые только удлиняютъ „нарѣжники“.

б) Головка „дирива“ увѣнчивается „колѣдой, рогачемъ“ — брусчатою поперечкою въ 10 верш., по концамъ стесанною въ круглыя ручки, около 3 верш. каждая ⁷⁷¹). Головка туго вправляется въ „колѣду“, заклинивается здѣсь, или же прибивается деревянными гвоздями въ дыркахъ, высверленныхъ насквозь. Когда оглобли вдѣланы въ горизонтальныя пробоины „колѣды“, — что приходится по обѣ стороны головки, непосредственно за нею, хотя и въ иномъ направленіи, — тогда „колѣда“ бываетъ нѣсколько короче; но это не измѣняетъ обычнаго вида ея и толщины колѣднаго бруска. Вызывая оглобельныя пробоины, съ которыми трудно бываетъ справляться въ тѣсномъ брускѣ, это же вызываетъ на „колѣду“ крѣпкое дерево; а потому оглобли прикрѣпляются къ ней извнѣ, при помощи „обжи“, и это нѣсколько видоизмѣняетъ дѣло.

в) На лицевой сторонѣ „дирива“, въ отступѣ на 1 верш. отъ „колѣды“, прочно прибивается „обжа“ ⁷⁷²) — деревянный брусъ, выходящій концами по ту и другую сторону „дирива“. Въ отверстіе между „колѣдой, обжій“ и головкою вправляются оглобли, которыя съ задней стороны имѣютъ надлежащія засѣчки и сверхъ того здѣсь же онѣ скрѣпляются то поперечкою, то древесною витушкою, то „кляпышимъ“. Такое прикрѣпленіе „огло-

биль“ можно встрѣтить гораздо чаще перваго, потому что оно проще, не вызываетъ осторожныхъ долотныхъ пробоинъ, да и самыя оглобли дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ прочнѣе, а на случай порчи—удобопоправимѣе.—На мѣстѣ соединенія съ „колѣдъ, диривѣмъ и обжій“ оглобли отстоятъ другъ отъ друга верш. на 4—5, какъ позволяетъ ширина „дирива“ въ головкѣ; въ дальнѣйшемъ онѣ расходятся въ стороны и на концахъ, гдѣ кстати вколочены „сучки“ для прикрѣпленія „гузовъ“, имѣютъ разстояніе до 1 арш. и 4—6 верш. Чтобы такое разстояніе навсегда удерживалось за оглоблями, послѣднія соединены поперечкою—крѣпкою жердочкою, концы которой входятъ въ средину той и другой оглобли, и приходится это надъ „нарѣжниками“, на неизмѣнной высотѣ въ 1 арш.

г) Оглобли и ножки „дирива“ соединены двумя „пыццѣжками“, которыя вверху привязаны къ оглоблямъ, непосредственно при распорѣ, и, перекрестившись на срединѣ, прикрѣпляются къ ножкѣ „дирива“ противоположными концами. Для „пыццѣжкѣ“ выбираютъ въ большой палецъ толщины прутья какого-нибудь гибкаго и крѣпкаго дерева (вязъ, черемуха, вишня), которые, для большей прочности, предварительно перекручиваются, какъ это дѣлается съ изгородными связями и другими древесными „крученками“. Какъ очевидно, „пыццѣжки“ сдерживаютъ оглобли и ножки въ неизмѣнно-однообразномъ положеніи и кромѣ того помогаютъ утвердить „наполѣкъ“.

д) У самыхъ „нарѣжниковъ“, сверху и снизу „дирива“, прикрѣпляются двѣ одинаковыя брусчатая поперечки, концами въ 1 верш., выходящія въ стороны: верхняя поперечка называется „зимлянкой“⁷⁷³⁾, а нижняя—„подрогачникомъ“. Обѣ онѣ служатъ нѣсколькимъ надобностямъ: удерживаютъ „нарѣжники“ отъ раскалыванья, на концы ихъ надѣваются петлями „пыццѣжки“⁷⁷⁴⁾ и, сверхъ того, онѣ помогаютъ откидывать дернъ, расширяютъ борозду, а „подрогачникъ“ гладитъ ложе ея.

е) Последнее дополнение сохи составляет наполокъ—тонкая желѣзная лопаточка, съ загнутыми внизъ двумя сторонами, на легкой деревянной насадкѣ въ 12—16 верш. Длина лопасти на полка не бываетъ свыше 5 верш., ширина же его неравнобѣрна: у насадки онъ доходитъ до 3 верш. тогда какъ на концѣ имѣетъ ширину „лимиша“, на который попеременно и накладывается передъ проведеніемъ каждой новой борозды. Будучи туго укрѣплена на мѣстѣ перекрещиванья „пыццяжикъ“, наполочная насадка позволяетъ, однако, немного приподнимать наполокъ, поворачивать его и накладывать на тотъ или другой „лимишъ“, съ которымъ наполокъ соединяется подъ угломъ въ 45—47°, почти на серединѣ его. Кромѣ очевидной помощи при разрыхленіи земли, наполокъ помогаетъ отваливать дернъ въ желательную сторону, а если это кое-гдѣ и не удастся сполна, то „оральбитъ“ поможетъ дѣлу ногою во время слѣдованія за сохою, или же для этого временно останавливается пахущее животное.

Описанная соха, ставшая съ незапамятныхъ временъ единственнымъ и первымъ орудіемъ для вспахиванья земли, упорно держалась въ простонародномъ обиходѣ при всѣхъ случаяхъ запряжки—лошади ли, „бычанка“ ли, коровы ли ⁷⁷⁵), или же, за полнымъ отсутствіемъ упряжныхъ животныхъ, въ нее запрягались (въ лямки) двое-трое дюжихъ членовъ семьи ⁷⁷⁶)... Другого типа и устройства сохъ простолюдину не доводилось даже видѣть ни въ помѣщичьихъ, ни шляхетскихъ, ни тѣмъ менѣе причтовыхъ хозяйствахъ: тамъ соха могла отличаться развѣ изящною, почти столярною отдѣлкою и бѣльшею легкостью. Но и мужицкая соха не бывала грузною, по крайней мѣрѣ, повѣсивъ одной оглаблей на плечо, свободно, не сгибаясь подъ тяжестью, „землепахъ“ переносилъ ее въ поле, версты за двѣ и обратно, и только при попутной ѣздѣ помѣщалъ въ телѣгу, а при отдаленной пашнѣ—на телѣжный передокъ.

Казалось бы, что такой цѣльный и спеціальныи предметъ,

какъ соха, не можетъ быть употребленъ на иныя надобности; а между тѣмъ праздные зимою „лимяши“, вообще легко сколачиваемые съ „нарожниковъ“⁷⁷⁷), вдругъ очутятся на мѣстѣ пещи, при просѣкѣ „лунокъ“⁷⁷⁸), на мѣстѣ лома, при копани могилъ, откопѣ картофельныхъ ямъ зимою, и вмѣсто копача и заступа осенью и весной, при выкапывани корнеплодниковъ. Что же касается наполька, то во все свободное и даже рабочее время онъ замѣняетъ заступъ при незначительныхъ земляныхъ работахъ, особенно на распаханыхъ мѣстахъ.

2. При подъемѣ новины, когда нужно „драць облогу, уздымаць пожню“, или же вспахивать запущенную ниву, гдѣ соха оказывается несостоятельною, употребляется „рязокъ“, который представляетъ полную соху, съ тою единственною особенностью, что „диравó“ здѣсь имѣетъ одинъ лишь „нарожникъ“. На него насаживается желѣзный „рязокъ“ — прочный лемехъ съ широкимъ и острымъ вверху лезомъ. Когда такая соха пущена въ ходъ, острый конецъ „ризыка“, стоящій ребромъ, свободно кроитъ самый тугой дернъ, и послѣ работы новина представляетъ площадь, гдѣ дернъ порѣзанъ на 5—6-ти-вершковыя полосы: эти послѣднія немедленно же поднимаются потомъ сохою, при чемъ непрерывныя дерновыя полосы ложатся въ одну сторону, пластъ къ пласту, и образуютъ гладкую земельную площадь, которой нѣтъ подобія среди остальныхъ вспаханныхъ площадей. Для полученія кое-какой земельной мякоти поднятая новина слегка „скородитца“ легкою бороною, и тогда вспаханная площадь опять же не имѣетъ сходства съ остальными „горбылистыми“ папнями: она ровна, гладка, точно утрамбована полевымъ валомъ⁷⁷⁹).

Работа съ „ризакомъ“ легка: десятинную площадь можно изрѣзать въ одну „запряжку“; но она вызываетъ рабочее участіе двухъ лицъ: въ то время, когда одинъ правитъ „ризакомъ“, другой водить упряжное животное непосредственно за недоуздокъ, чтобы проводить правильные разрѣзы дерна.

Нетрудно видѣть, что „ризакъ“ пригоденъ въ ограничен-ныхъ случаяхъ, почему это земледѣльческое орудіе встрѣчается въ слишкомъ рѣдкихъ хозяйствахъ, да и тутъ оно бываетъ меньше дома, чѣмъ у добрыхъ людей: за „ризакѡмъ“ ѣздятъ за десятки верстъ, разыскиваютъ его то по личному нюху, то по указанію настоящихъ хозяевъ, потерявшихъ въ нескончаемыхъ просьбахъ объ одолженіи, то выжидаютъ, пока насадка „ризака“, превращенная въ пешню, въ лопату, не будетъ отыскана и приложена по назначенію...

3. Вспахиванье „ляда“ замѣтно отличается отъ всякой иной пашни: здѣсь соха безсильна, потому что на малой относительно площади она непрерывно наталкивается на древесные пни и упрямые корни; „ризаку“ опять же нѣтъ работы, такъ какъ пережженный дернъ настолько рыхлъ, что поддается вскапыванью легкимъ коломъ. Въ этомъ случаѣ незамѣнимую службу сослуживаетъ „копыль“ — крюковидная желѣзная насадка на саженомъ почти шестѣ, плоское и острое лезо которой устроено поперечкою, какъ у теслы, упомянутой въ 3 пункт. III гл. При работѣ „копыль“ держится впереди, вводится въ землю сильнымъ взмахомъ и потомъ слегка притягивается: небольшіе дерны одинъ за другимъ скоро видоизмѣняютъ „лядо“, которое потомъ остается обработать бороньбою и дальнѣйшею вспашкою. Во всѣхъ такихъ дѣяніяхъ „копыль“ вполне замѣняетъ соху, какъ онъ замѣняетъ ее при выкапываньи корнеплодниковъ.

Подобно „ризаку, копыль“ составляетъ обиходную собствен-ность слишкомъ немногихъ деревлянъ и, подобно ему, является бродячимъ земледѣльческимъ орудіемъ. Самый жаркій спросъ на него—время яровой запашки, когда на выжженныхъ „лядахъ и грудяхъ“ нужно засѣвать ячень и пшеницу; тогда въ разныхъ рукахъ и окрестныхъ мѣстахъ „копыль“ въ работѣ съ утра до вечера; его подолгу разыскиваютъ и терпѣливо выжидаютъ освобожденія. Кто не имѣетъ собственнаго „копыла“ да потерялъ на-

дежду на позаймствованіе, тотъ пускаетъ въ дѣло заступъ, пешню, а въ крайнемъ случаѣ—плоско заостренный коль.

4. „Зилязникъ“ можетъ замѣнить всѣ три описанныя орудія. На самомъ дѣлѣ такъ и бываетъ въ томъ исключительномъ положеніи, когда въ хозяйствѣ нѣтъ упряжныхъ животныхъ, нѣтъ сохи, „ризака, копыла“, а есть только кое-какая земляца да неустанное требованіе „хлѣбца насучнаго“. При помощи „зилизника“ медленно, но сравнительно съ „копыломъ“ глубже вспахивается земельная площадь, при чемъ представляется возможнымъ дробить отваливаемый дернъ и тѣмъ помогать послѣдующей бороновкѣ. Въ упомянутомъ выражена крайность—и поле вспахивалось „зилизникомъ“ лишь въ одномъ случаѣ на пятьсотъ обычныхъ правильныхъ вспашекъ. Какъ тогда, такъ и нынѣ имъ вспахиваются небольшія огородныя пространства, мелкія „ляды“, гдѣ нельзя извернуться съ сохою, и гдѣ требуется глубокій подъемъ земли. Въ остальномъ „зилязникъ“ отправляетъ обычныя службы свои: имъ копаются ямы, канавы, пруды, выправляются борозды между грядками, за неимѣніемъ легкой лопаты прибываются стороны „лехъ“ и проч.

Мѣстный „зилязникъ“ есть довольно грузная изъ прочнаго дерева лопата, иногда съ рукоятю на вершинѣ древка, имѣющая лопасть не свыше 5 верш. въ ширину и 6 верш. въ длину, которая оканчивается при основаніи острымъ полукружіемъ. На такую лопасть туго наколачивается специальная желѣзная насадка, дающая орудію имя. Какъ ни необходимъ „зилязникъ“ въ быту „землипаха“, и какъ ни легко пріобрѣтеніе желѣзной насадки, все же найдутся не единичныя хозяйства, гдѣ нѣтъ „зилизника“, и таковой приходится одолжать у добрыхъ людей.

5. „Рыдиль или рыдлѣвка“ есть прямая лопата, въ четырехъ угольной тонкой лопасти которой имѣется ложе, куда обыкновенно вставляется рукоять изъ самага случайнаго дерева. „Рыдлѣвка“ неопѣненна при легкихъ земляныхъ работахъ, даже при рѣзкѣ

дерна, но она не выдерживаетъ того нажима при отворачиваніи дерна, какой легко дается „злизняку“, и ломается. Это положеніе „рыдлѣвки“, какъ и необходимость пріобрѣтать ее покупкою, позволяютъ обзаводиться прекраснымъ орудіемъ лишь незначительному меньшинству хозяевъ ⁷⁸⁰).

6. „Копачка, копалка, копка“ ⁷⁸¹) составляетъ послѣднее земледѣльческое орудіе для вскапыванія земли. Если имѣется благоустроенная „копка“, то она нѣсколько напоминаетъ „рыдлѣвку“: прямое, хотя и короткое (1 арш.) древко имѣетъ желѣзную насадку съ тонкою лопастью, овальною вверху и сужающеюся внизу, при чемъ наибольшая длина овала будетъ 3 верш., а ширина — едва 2 верш. „Копачка“ вѣдается съ землею главнымъ образомъ не при вспашкѣ, а при добываніи корнеплодниковъ, какъ при окончательной выборкѣ ихъ, такъ и на текущія надобности, во время роста. Въ томъ и другомъ случаѣ работающій „копачкой“ присаживается на землю, или прислоняется на одно колѣно, и взмахомъ только правой руки вводитъ копачку въ нужное мѣсто. При окончательной уборкѣ огорода, картофельной нивы, подвигаясь медленно впередъ, рабочій проползетъ такимъ образомъ не одинъ десятокъ грядъ и извлечетъ изъ земли затаившіеся корнеплодники; но та же работа „копачкой“ во время роста корнеплодниковъ можетъ почестъся мѣстною и касается лишь отдѣльныхъ предметовъ, кои нужно извлечь, не повредивъ сосѣднихъ, какъ свекла, морковь, брюква, или не повредивъ „цицывы“ ⁷⁸²), какъ у картофеля.

Такая „копачка“ имѣется у крайне ограниченнаго меньшинства и сооружается она какъ-то случайно, когда довелось быть въ кузницѣ, удѣлить праздный остатокъ желѣза да воспользоваться досужествомъ и расположенностью кузнеца. Въ этихъ условіяхъ „копачкой“ являются испорченныя насадки узхватовъ, чепелы, кочурги и т. под., или же плоско стесанный колъ ⁷⁸³).

7. Неразлучною помощницею сохи является „скорода“, како-

вое имя есть общее всѣхъ боронъ — т. наз. „конныхъ граблей“, для разрыхленія поднятой земли, разбивки комьевъ, уравниенія площади и сокрытія сѣмянъ. Въ частности „скорода“ бываетъ: а) „ельцы“, которые состоятъ изъ 8—10 еловыхъ плахъ, урѣзанные сучья которыхъ даютъ готовые толстые зубья не свыше 6 верш. Обработанные плахи связываются двумя парами прочныхъ „клибъ“ и отстоятъ одна отъ другой верш. на $1\frac{1}{2}$; въ такомъ же разстояніи находятся и оглобли „ельцовъ“, расположенныя по краямъ. Оглоблями здѣсь бываютъ или гладкія жерди, или удлиненныя плахи съ такими же зубьями, какъ во всей боронѣ. — Сооруженіе „ельцовъ“ не представляетъ затрудненій ⁷⁸⁴): одна 20-ти-лѣтняя ель можетъ дать плахъ бороны на четыре и болѣе, а расколоть ее на плахи, стесать послѣднія, обработать зубья и соединить плахи „клибами“ — составляетъ наипростѣйшую топорную работу.

б) Съ тою же доступною легкостью сооружается „ельчина ельчинка“ — нѣсколько меньшая борона, отличающаяся отъ первой высокими и тонкими зубьями. Иная „ельчинка“ доходитъ до высоты 10—12 верш. и при движеніи подпрыгиваетъ. Это послѣднее весьма важно при бороньбѣ каменистыхъ полей и, въ особенности, лядъ, гдѣ прочные и частые пни дѣлаютъ безпрестанные зацѣпы, препятствующіе работѣ всякою иною бороной.

Къ сожалѣнію, „ельцы и ельчины“ боронятъ пашню хуже остальныхъ боронъ, даже и тогда, когда онѣ сработаны со всею мастерскою осмотрительностью. Въ этомъ случаѣ „скородьбиты“ принуждены бываютъ проводить борону по одному мѣсту много лишнихъ разъ, накладывать поверхъ грузъ изъ камней, или дерна, и все-таки дополнительно къ сему разбивать упрямые комья „пубоѣшкый“, топорнымъ обухомъ, подручнымъ коломъ, или „кѣпкый“. Такъ какъ „скыродиць“ ⁷⁸⁵) приходится одною бороной, то чтобы занять болѣе широкую полосу, борона устраивается довольно часто безъ оглоблей и съ ромбоидальнымъ построениемъ:

тогда къ тупому углу ея придѣляется валець, какъ въ экипажной пристяжкѣ, и къ нему привязываются гужевыя веревки. Занимая относительно широкую полосу и вихляясь въ ту и другую сторону, ромбоидальная „скорода“ лучше и скорѣе боронитъ пашню.

в) Полезное вихлянье бороны и чрезъ то захватъ большей полосы пашни довольно успѣшно достигается „смыкомъ“ — относительно короткою, но широкою бороною, у которой имѣется впереди дуга, вполне замѣняющая оглобли; къ срединѣ дуги прикрѣпляется валець, какъ въ ромбоидальной „скородѣ“. Нѣтъ надобности подтверждать, что пашня боронится „смыкомъ“ вдвое скорѣе, чѣмъ „эльцами“, особенно, если здѣсь зубья вставные, расположенные ближе другъ къ другу, чѣмъ то возможно въ „эльчинныхъ скородахъ“, и вся невзгода такой бороны можетъ заключаться въ выпаденіи зубьевъ. Въ виду послѣдняго, настоящая борона, т. е. построенная изъ брусьевъ въ клѣточки и со вставными зубьями, составляла, какъ и нынѣ, достояніе немногихъ „землепаховъ“, такихъ, гдѣ подоспѣвала плотничья, или столярная помощь.

г) Надежнѣе всѣхъ боронъ со вставными зубьями приходится считать „битую скороду“ съ короткими, прочными „клецами“⁷⁸⁶). Она строится съ оглоблями, какъ и „эльцы“, съ дугою вмѣсто оглоблей, иногда — и ромбоидально, съ валькомъ для запряжки. Во всѣхъ случаяхъ основу ея составляютъ средній толщины „клибы“, соединенныя клѣточками и на мѣстѣ соединенія переплетенныя лозовыми „круцѣнками“. Сюда, въ сдавленный четырехугольникъ продольныхъ и поперечныхъ „клибъ“, туго и нѣсколько наискось вколачиваются прилаженные изъ дуба, клена и ясеня, „клецы“, съ небольшими засѣчками при головкахъ. Когда „битая скорода“ построена умѣлою рукой и когда передъ боронбою она замочена въ водѣ, тогда только остается пустить въ работу наиболѣе дюжую лошадь — и борона, дѣлая свое дѣло, въ

то же время пополняетъ недочеты сохи, потому что наискось поставленные „клевцы“ врѣзаются въ дерны, какъ „лпмши“, и дробить ихъ довольно быстро.

Выгоды „битой скороды“ не подлежатъ оспариванью, и гдѣ только въ деревнѣ, даже по сосѣдству, объявилась таковая, хозяева не замедлятъ ввести въ личное хозяйство „битую скороду“, не взирая на то, что сооруженіе ея труднѣе остальныхъ боронъ. Въ свою очередь, не подлежитъ спору, что наилучшею бороною могла бы почесться борода съ желѣзными зубьями; но на сооруженіе ея, какъ и ремонтъ, необходимы траты, многимъ хозяевамъ непосильныя. Вообще же необходимо помнить, что перемѣщеніе боронъ, иногда и на значительныя разстоянія, происходитъ волокомъ, какъ и въ настоящей работѣ, т. е. зубьями къ землѣ, а это безнаказанно могутъ переносить однѣ лишь „ельничныя скороды“.

8. Гдѣ почва глиниста и гдѣ подъемъ земли пришелся на сухое время, послѣ бороньбы остается на пашнѣ множество земляныхъ комьевъ, которые необходимо разбить. Выше упомянуто, что комья разбиваются разными случайными орудіями—долбней топоромъ, коломъ, жердью и др.; но есть мѣста, гдѣ на сей случай имѣются спеціальныя орудія—„кўки“, состоящія изъ короткой толстой чурки, прилаженной къ тонкой рукояти, въ видѣ молотка: подъ ударомъ „кўки“⁷³⁷⁾ распадаются самые упорные комья, и эту работу весьма охотно спразляютъ подростки и малыя дѣти обою пола.

Поминомъ о „кўкѣ“ приходится закончить рѣчь объ обрабатывающихъ землю орудіяхъ, выше которыхъ на самомъ дѣлѣ и не имѣется въ наличномъ обиходѣ простолюдина. Да и что прибавить къ сему? Скорѣе тутъ можно замѣнить одно примитивное орудіе другимъ, какъ, напр., соху—плугомъ, „скороду“—бороною съ желѣзными зубьями: такой замѣнъ быстро и неудержимо идетъ въ текущее время, благодаря развитію желѣзнаго дѣла и измѣняв-

шесюся, несомѣнно, взгляду простолюдина на желѣзные предметы, вводимые въ землю, при обработкѣ послѣдней. Далекo не то происходило въ бытописуемое время, и простолюдинъ готовъ былъ приписывать частые неурожаи мести земли за оскорбленіе ея желѣзомъ ⁷⁸⁸).

9. Серпъ и коса первыми воспринимаютъ плоды трудовъ земледѣльца и дары земли. О мѣстномъ серпѣ приходится сказать сравнительно немного: онъ покупается вполне готовымъ, съ точеною ручкою и надлежаще зазубреннымъ, или же заказывается надежнымъ кузнецамъ, которые изъ стараго доброкачественнаго серпа, изъ старой изломанной косы выковываютъ, правда, болѣе грузный, но и болѣе захватистый, надежный, прочный серпъ. Его не трудно отличить отъ покупного по простой изъ случайнаго дерева ручкѣ и по той неровности леза, которую далъ ему молотокъ. Впрочемъ, по мѣрѣ службы и дальнѣйшаго оттачиванія, неровность леза значительно сглаживается и, подобно всѣмъ земледѣльческимъ орудіямъ съ желѣзною насадкою, серпъ даже блеститъ. Какъ покупной, такъ и самодѣльный, серпъ необходимо ежегодно „зубиць“, и это дѣло полностью проходитъ въ мѣстной кузнѣ, въ точные сроки ⁷⁸⁹), ради чего направляются туда сами хозяева, но не тѣ, кто ведетъ работу серпомъ во всѣхъ хозяйственныхъ мелочахъ. „Зубленія сирпа“ можно считать единственнымъ случаемъ, когда онъ бываетъ въ рукахъ, или на плечѣ мужчины; въ остальные сроки серпъ при мужчинѣ такъ же страненъ, какъ странна коса въ рукахъ и на плечѣ женщины: послѣдняя никогда не коситъ, а мужчина никогда не жнетъ, за исключеніемъ развѣ мальчиковъ-подростковъ, случайно и временно появившихся на жнивѣ. Во второй половинѣ бытописуемаго срока, когда набѣжало временное затрудненіе съ чернорабочими въ помѣщичьихъ хозяйствахъ ⁷⁹⁰), къ жнивному дѣлу приглашались отпущенные на вольныя работы солдаты: трудно представить то удивленіе, съ которымъ деревляне смотрѣли на солдатское жниво, а незнакомые съ

положеніемъ этого дѣла на чужбинѣ отказывались вѣрить въ очевидность факта и видѣли въ немъ особое знаменіе...

10. Чисто мужское орудіе, мѣстная коса пріобрѣтается только покупкою въ городскихъ и мѣстечковыхъ лавкахъ, или на ярмаркахъ, которыми такъ богата сельская весна. Личные свидѣтели этой покупки не откажутся припомнить суетливый гамъ продавцовъ и покупателей, а также и тотъ единственный лязгъ, который производится ударомъ тупого носа о твердый предметъ: такъ „пробуюць косу“ покупатели и существенно на одномъ этомъ опредѣляютъ достоинства ея. Удачная или неудачная коса прилагивается надлежащимъ образомъ, уже дома и „отцягивытца“. Последнее состоитъ въ томъ, что ударомъ „кливца“ по лезвію косы, лежащей на бабкѣ, оно расплескивается и тончаетъ настолько, что точильная лопаточка только уравниваетъ оттяжныя шероховатости и дѣлаетъ ее готовою къ работѣ.

При посадкѣ коса получаетъ слѣдующія раздѣльные дополненія: а) „косовину, или косовьѣ“ — почти саженный гладкій шестъ изъ молодой ели, или сосны, какъ наиболѣе пряморастущихъ деревьевъ. Тонкій конецъ косовья слегка заостряется, чтобы при отдыхѣ можно было воткнуть въ землю, а къ противоположному концу на 1 верш. стесанному наискось, прикрѣпляется пятка косы. Какъ извѣстно, пятка входитъ въ дерево небольшимъ шинькомъ; дальнѣйшее прикрѣпленіе ея къ косовью дѣлается съ помощью тонкой деревянной пластинки длиною вершка въ 4; б) желѣзною „банькой“, которая нагоняется довольно туго на самый конецъ косовья и деревянной планочки, прикрывшей пятку косы. Если не имѣется желѣзной „баньки“, таковую замѣняетъ плетеная лыковая, извѣстная подъ именемъ „кошелочки и мыльницы“⁷⁹¹). Но имя кошелочки полностью принадлежитъ другой „баньки“ находящейся на косовьѣ вершка на 3 выше отъ первой и прижимающей къ нему другой конецъ пластинки, и в) косовинная рукоять называется „палпцый“ и представляетъ коротенькую дужку, своею

серединою обхватывающую косье, а связанным, но расходящимися концами направленную въ сторону косовиннаго лезвія. „Палица“ укрѣпляется на срединѣ косья, и когда коса несетя на плечѣ, то, при слѣдованіи нѣсколькихъ „косьбитовъ“, это даетъ строевое однообразіе и готово напомнить стародавнее войско...

11. Точильная лопатка составляетъ такой необходимый и неразлучный съ косою предметъ, что послѣднюю трудно представить безъ первой; къ тому же точильная лопатка имѣетъ специальное исключительное употребленіе, всегда при косѣ, и на стороннюю службу не годится. При косарной работѣ, довольно часто обвязывающей „лопадицу“ косу, лопатка обыкновенно волочится по землѣ позади косаря на тонкой веревочкѣ, однимъ концомъ прикрѣпленной къ поясу, и только у бережливыхъ косарей она торчитъ за поясомъ, за пазухой, при голомъ тѣлѣ, или же „у бинзани“ портковъ.

Благоустроенная точильная лопатка сначала покрывается слоемъ перегонной смолы, смѣшанной съ мелкимъ пескомъ, а потомъ, пока смола не остыла, ради забористости, посыпается болѣе крупнымъ и даже мелкою „жарствой“. Если же лопатка сооружается наскоро, то вмѣсто смолы употребляютъ „колоницу“, которая, однако, боится солнечнаго припека и какъ-то больше твердѣетъ отъ волоченья на болотистой „мокривый“ сѣножатѣ. — Съ другими видами точильныхъ предметовъ (брусками, оселковыми стержнями) воспоминаемые косари не вѣдались, и надлежащую отточку производили описанною лопаткою, а всѣ косовинныя „лупы выгоняли“⁷⁹²⁾ при помощи „клѣвчика и бабки“ — неразлучныхъ спутниковъ косы и косаря, который держалъ ихъ на всякій случай при себѣ, въ отдѣльномъ мѣшечкѣ, или въ карманѣ. „Клѣвчикъ и бабка“ (маленькая наковальня) могутъ быть пущены въ дѣло въ самыхъ, повидимому, неожиданныхъ мѣстахъ, если только тамъ можно утвердить „бабку“: пень, бревно, пова-

ченое дерево, прочная жердь въ изгороди, а за отсутствіемъ, или дальностію таковыхъ, и телѣжная ось (передокъ) служатъ постоянными гнѣздами „бабки“, вколачиваемой сюда двумя тремя ударами „клевчика“.

12. При косьбѣ гречихи, гороха, малорослаго овса и ячменя ⁷⁹³), когда требуется наиболѣе правильная укладка комлей, къ косѣ прилаживается отдѣльное построение— „грабѣльки“. Взятые отдѣльно „грабѣльки“ представляютъ и при посадкѣ на косу замѣняютъ косовинную пластинку, крюковидный конецъ которой, укладываемойся вдоль тупой стороны косы, составляетъ грабѣльную колодку; сюда, вертикально къ косовинному лезу, вставлено бываетъ до пяти тонкихъ зубьевъ 6-ти верш. длины. Благодаря „грабѣлкамъ“, скашиваемые предметы укладываются такъ благоприятно, что потомъ легко и скоро могутъ быть связаны въ подлежащіе снопки.

На „грабѣльки“ подыскивается крюковатый самородокъ, который потомъ отдѣляется и прилаживается къ домашней косѣ. Такъ какъ надобность въ нихъ можетъ быть довольно рѣдкою, то къ построению „грабѣлекъ“ прибѣгаютъ относительно немногіе хозяева, остальные же прибѣгаютъ къ „позыкѣ“.

13. Сѣнокосныя грабли состоятъ изъ двухъ неподвижно соединенныхъ частей: „граблины“ (она же — „цавьѣ“) и „бруска или колодки“ съ зубьями. Первая имѣетъ величину „косовины“ и входитъ въ колодку двумя расколотыми концами въ тупой сторонѣ; что же касается „бруска“, то въ благоустроенныхъ грабляхъ онъ слегка изгибается въ сторону „граблины“.

Безспорно, грабли составляютъ слишкомъ необходимый предметъ при сѣножатѣ, какъ и на нивѣ, но и въ разныхъ усадебныхъ углахъ—въ току, въ пунѣ, на дворѣ, даже дровосѣкѣ—онѣ незамѣнимы („безъ граблей, какъ безъ рукъ“), и Богоданными граблями тутъ подѣлаешь немного. Между прочимъ, при помощи ихъ упряются ряды передъ посѣвомъ, боронятся „ляды

одного тѣла съ „лимишами“. Такія вилы служатъ десятки лѣтъ и не дома только, а и при всѣхъ навозныхъ толокахъ у близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Однако, эти вилы доступны далеко не всѣмъ, и въ доброй половинѣ хозяйствъ можно увидѣть чисто деревянные вилы — дубовый, или ясеновый самородокъ, обработанный по силѣ умѣнья. Состоя въ одно и то же время наземными и навозными, эти вилы позволяютъ управиться не хуже „лимишевыхъ“. Правда, при усердномъ рабочемъ нажимѣ, особенно послѣ толочной выпевки, такія вилы неожиданно теряютъ тотъ или другой рожекъ; но отъ этого работа не останавливается, такъ какъ подъ руками всегда можно найти другія и третьи запасныя вилы.

17. Однаковая судьба постигаетъ и чисто деревянный „копачъ“, когда въ прибрѣдченномъ положеніи таковой употребляется вмѣсто насадочнаго желѣзнаго: подъ рабочимъ одушевленіемъ иной „скидиль“ захочетъ свалить съ воза побольше „гною“, туго завязитъ „копачъ“ да рванетъ зацѣпленный пласть къ себѣ — и злополучные зубья „копача“ останутся въ навозѣ, а въ рукахъ „скидиля“ — нибудя негодный шестъ — остатокъ копача... Дѣло опять же поправимое: подъ руками сыщется новый копачъ — крѣпкодеревянный самородокъ съ двумя правильными сучками, обращенными подъ угломъ къ рукояти. Его не трудно обтесать и приладить къ работѣ.

Не трудно видѣть, что навозныя вилы и копачъ, служащіе самымъ грязнымъ надобностямъ, имѣютъ и грязное мѣстонахождение. Если они съ желѣзными насадками, то, пожалуй, будутъ приючены въ клѣти, даже сѣняхъ, чтобы спасти насадки; что же касается чисто деревянныхъ вилъ и копача, то они оставляются тамъ, гдѣ засталъ конецъ работы.

18. Не всякому носѣтптелю „пүни“ понятно будетъ безсмѣнное пребываніе здѣсь чистенькаго, легкаго, аршинной длины крючка, который зимой торчитъ въ сѣнной „сторонѣ“, а лѣтомъ, по опорожненіи пүни, подъ крышею, или въ сѣнной щели. А меж-

ду тѣмъ безъ этого крючка нельзя, или, по крайней мѣрѣ, трудно добыть сѣна изъ стороны. При необходимости „накусъ сѣна“, крючекъ быстро втыкается въ сторону своею острою головкою, а выдернутый оттуда такъ же стремительно, онъ вытаскиваетъ своимъ единственнымъ зубцомъ блокъ сѣна. Блокъ за блокомъ—и на землѣ вырастаетъ нужная охапка сѣна, тогда какъ въ сторонѣ образуется сѣнное углубленіе.—Такимъ же образомъ, при помощи крючка, извлекается сѣно или солома изъ гуменныхъ стоговъ.

19. Мѣстная мялица состоитъ изъ деревяннаго бопанца съ двумя прочными корневищами, расходящимися въ стороны. По надлежащей обработкѣ дерева, оба корневища даютъ мяличныя ножки, тогда какъ толстый стволъ дерева, длиною около сажени, нѣсколько стесывается сверху и въ немъ, по всей почти длинѣ, вдутъ одна или двѣ выдолбки, служащія гнѣздомъ для била. Последнее, тщательно прилаженное къ выдолбкамъ, въ мяличной головкѣ заканчивается короткою рукоятью, а въ хвостѣ ходитъ вверхъ и внизъ на шарнирномъ гвоздѣ. Какъ извѣстно, обрабатываемый ленъ, или пенька кладется на мяличный стволъ, подъ било—и подъемомъ да сильнымъ прибоемъ его переламывается самая упрямая костра. Слѣдуетъ признать, что всѣ работы со льномъ и пенькою справедливо причисляются къ наитруднѣйшимъ сельско-хозяйственнымъ работамъ; но работа на мялкѣ почему-то называется „самый сибирный“, и въ предвидѣніи ея томится не одинъ привычный рабочій да потягивается при поминѣ о предстоящемъ мятѣ.

При работѣ и вѣтъ ея мялица стоитъ наклонно, опираясь на землю двумя ножками и вольнымъ концомъ ствола. Средняя регулярность можетъ быть отнесена и мѣстонахожденію мялицы: она стоитъ при банѣ, или при току, на время работы вносится въ передбанникъ, или въ токъ; но есть рѣдкіе случаи, когда мялица появляется въ сѣняхъ и даже въ хаткѣ, это—домашнее

валенье сукна.—Служа нескончаемо долгіе годы, переживая хозлевъ, дрихлая мялица заканчиваетъ свой вѣкъ подъ топоромъ, а вслѣдъ за симъ— „поджѣжиный, подтопиный“, подобно многимъ предметамъ изъ категоріи земледѣльческихъ орудій и снарядовъ.

20. Когда мялица сдѣлала свое дѣло, т. е. когда у льна или пеньки поломана костра, обрабатываемый матеріалъ поступаетъ подъ „трипáчку, или трапó“, которая есть легкая верш. 12 въ длину и свыше 2 верш. въ ширину лопаточка съ короткою рукоятью и острыми ребрами. Сильными ударами реберной стороны „трипá“ по горсти или даже по „повѣсму“ перемятаго матеріала изъ него извлекается наиболѣе крупная костра, а туго держащаяся при волокнѣ въ значительной мѣрѣ мельчается. Когда трепальная работа касается небольшой партіи, лишь на собственные нужды, то горсть льна или пеньки держится въ это время лѣвою рукою на отлетѣ и рѣдко—прислоняется къ мяличной головкѣ; но при обработкѣ значительной партіи, на пригонной работѣ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, на наемной работѣ при льноторговыхъ складахъ, въ помощь „трепáчки“ имѣется специальный „загнѣцкѣ“—короткая плаха, въ округлую сторону которой неподвижно вправлена неширокая доска вышиною около 1 арш. и 12 верш. Тутъ „трипáчикѣ“ перевѣшиваетъ обрабатываемую горсть на вершину стойки и, придерживая ее лѣвою рукою, орудуетъ „трапóй“, находящеюся въ правой, при чемъ сперва пускается въ дѣло большая „трипáчка“ (свыше 1 арш. и 6 верш. длиною, при соответственной ширинѣ), а потомъ и обыкновенная меньшая.—Такъ именно работаютъ присяжные „трипáчки“⁷⁹⁸) надъ большими партіями льна и пеньки, предки которыхъ создали непонятную и даже улегшуюся нынѣ поговорку: „айдѣ трипáчки трипали, тамъ и грошики прыщали“...

Рядомъ со специальною службою „трипáчка“ оказывается пригодною и на инныя надобности: „ткаха“ работаетъ на ней за-

ново, или „присаживыиць ниты“ ⁷⁹⁹), а рыболовъ строитъ „рѣжу для оборца“.

Перечисленнымъ исчерпывается полный кругъ земледѣльческихъ орудій и предметовъ, съ одной стороны, подготовляющихъ землю къ посѣву, а съ другой—воспринимающихъ и обрабатывающихъ готовые дары. Слѣдя за мѣстонахожденіемъ ихъ въ усадебныхъ строеніяхъ, приходится видѣть, что немногіе предметы ютятся въ опредѣленныхъ мѣстахъ, тогда какъ остальные покоятся или тамъ, гдѣ засталъ конецъ работы, или гдѣ было поближе какое-нибудь усадебное строеніе, такъ что, при надобности, необходимо разыскивать, а небрежно оставленный, да набѣжавшею случайностью перепорченный предметъ—и исправлять въ преддверіи работы. Предметы съ желѣзными насадками, а также зубчатые предметы, хоровятся, повидимому, нѣсколько осмотрительнѣе; но къ этому призываетъ сбереженіе насадокъ отъ хищниковъ и опасеніе, какъ бы не натолкнуться на острый или зубчатый предметъ, да не нажать бѣды: косою, серпомъ можно порѣзать тѣло, а всевозможными „нарѣжниками“, зубьями граблей, вилъ и боронъ наколоть то же тѣло. Еще большая случайность можетъ постигнуть неразумныхъ, а часто и опрометчивыхъ хозяйственныхъ пособниковъ—лошадь, корову и другихъ животныхъ. Въ виду сего серпъ и коса, навѣшанные на значительной высотѣ стѣны, торчатъ въ малодоступномъ углу строенія; соха, припертая къ стѣнѣ стоямя, оцять же ютится въ малопроедномъ углу; вилы и грабли, въ свою очередь, подтыкаются между крышею и послѣднимъ бревномъ строенія; даже при временной остановкѣ работы, грабли или втыкаются „граблиный“ въ землю, или кладутся на нее, на обрабатываемый предметъ, зубьями внизъ. При всемъ этомъ приходится сталкиваться съ довольно непонятною небрежностью, нерѣдко окупаемою дорогою цѣной: такъ, пашущая лошадь оставляется въ сохѣ или боронѣ на часовую отлучку хозяина; на время такой-же отлучки зря бросаются на землю коса и грабли, а

оставленная за нивою да перевернутая какимъ-нибудь шутникомъ борона лежатъ тутъ до новой надобности: предательскіе зубья зимою прикроетъ снѣгъ, а лѣтомъ—густая трава...

Сверхъ перечисленныхъ предметовъ, какъ очевидно, ютящихся въ разныхъ усадебныхъ мѣстахъ, въ надворныхъ строеніяхъ, или въблизи ихъ ютятся и живые dodatки хозяйства—собаки и „птаства“, подъ именемъ которой въ рѣдкихъ только хозяйствахъ можно разумѣть пернатую „живнысь“—куръ, гусей, индюковъ, въ преобладающемъ большинствѣ—однѣхъ лишь куръ. Раньше упомянуто было о неопредѣленномъ мѣстопробываніи этихъ хозяйственныхъ послѣдышей, хвостовъ, „зѣди“⁸⁰⁰), какъ называютъ ихъ хозяева, и къ этому остается добавить раздѣльные имена „птаха“⁸⁰¹), какъ особц, примѣнительно къ разнообразному положенію его. Такъ, владыка курятника, куриный „заводай“, чаще всего извѣстенъ подъ именемъ „пѣвня“, хотя подаваемый имъ голосъ носитъ названіе „пѣтуховъ“ (первые, вторые, третьи пѣтухи). При оставленіи „на племѣ“, хозяйки подмѣчаютъ „пис-кльска“, раньше другихъ начавшаго подавать пѣтушій голосокъ и тутъ же принимаютъ во вниманіе драчливость подрастающаго „курятнѣнка“, его относительную домовитость, игривость, не придавая большой цѣны его родовитости: „гыляндэрскій пѣвинь“, какъ и „шурна“⁸⁰²), не имѣетъ предпочтенія, потому что потомство ихъ не даетъ хорошо „кладущихъ кұрыкъ“, выносливыхъ особей, а его пѣвучій „ревъ“ не ласкаетъ слуха, не гармонируетъ съ пѣвучестію окрестныхъ „пѣвпвзъ“ и нерѣдко фальшивъ. Гораздо важнѣе породистости раннее рожденіе „кұрыкъ“, между которыми безспорное первенство принадлежитъ „марцовкымъ“: къ концу лѣта они становятся „молодыми кұрками“, а въ срединѣ осени, или къ началу зимы дѣлаются „кладущими, гасущими“, отпуская по яичку въ день. Еще до весенняго выхода на подворье такая курка начинаетъ „квыкѣть“ и около масленицы превращается въ настоящую „квактұху“, готовую подарить „мар-

цѣпкывъ“. Состоя „дядиныхъ“ до майскихъ дней и, выростивъ „пшклять, отводлая кѣрка“ въ іюнѣ снова дѣлается „кладущій“. Все это слишкомъ выгодно въ хозяйственномъ положеніи, какъ выгодна бываетъ и „кѣрка—яловка“, прекращающая кладку ящѣ лишь на время линьки, или „кѣрка-крапивница“ устраивающая кладку ящѣ въ какомъ-нибудь потайномъ мѣстѣ, которое только въ рѣдкихъ случаяхъ не можетъ быть разыскано и утилизировано⁸⁰³). Безспорно, хозяйству приходится бороться съ разорителями огородныхъ посѣвовъ и посягателями на гуменныя складыща. Но въ огражденіе перваго случая „дядиныхъ“ наказывается въ подходящемъ мѣстѣ на нитку, а это, не препятствуя отправленію материнскихъ обязанностей, удерживаетъ все гнѣздо разорителей вдали отъ посѣвовъ, пока тѣ не поднимутся до безопасной высоты. Что же касается посягательства куръ на гуменныя складыща, то къ сей порѣ семьяне гуще и чаще группируются около дома, и тутъ скорѣе можетъ раздаться отгонное „кышь!“ или полетѣть въ сторону посягателей еще болѣе отгонный комъ земли, камень, палка...

Кромѣ куръ, въ мѣстахъ при водныхъ домашняя „птаства“ пополняется еще гусями и даже утками, тѣмъ болѣе, что зимою они довольствуются самою невзыскательною пищею, а отъ ранней весны и до поздней осени прокармливаютъ себя сами, гдѣ и какъ приведется⁸⁰⁴). Но такъ какъ разведеніе водоплавающихъ птицъ доступно далеко не всякому хозяйственному мѣсту, то объ этихъ птицахъ въ пользованіи деревлянина можно сказать немногимъ болѣе, чѣмъ объ „пидыкахъ, цыцаркахъ“⁸⁰⁵) и голубяхъ—случайныхъ домашнихъ птицахъ, или, правильнѣе, гостахъ среди „птаствы“. Подаренное, вымѣненное и другимъ путемъ пріобрѣтенное пидючье или цесаркино яйцо подкладывается подъ куриную насѣдку „цыкавствы“ ради, а полученный выводокъ сбывается потомъ въ стороннія руки. Что же касается голубей, то появленіе и исчезновеніе ихъ стоитъ внѣ хозяйственныхъ заботъ, и въ

пользу этой, однако, чуждой птицы будетъ сдѣлано слишкомъ много, когда какой-нибудь мальчикъ-подростокъ привѣситъ подъ стрѣхою заваливающую корзиночку, или соломенный кулекъ (конусообразное плетенье).

VIII. «Во саду-ли, въ огородѣ»...

Въ поселянской планировкѣ „сялбы“ (черт. А) площадь сада (лит. і) и огородовъ (лит. н) помѣчены тамъ, гдѣ у половиннаго числа „жыхырьствъ“ они находятся на самомъ дѣлѣ, или гдѣ мѣстонахожденіе ихъ является наиболѣе желательнымъ. Но какъ трудно направить волю хозяевъ на шаблонный распорядокъ усадьбы и построекъ, такъ же трудно опредѣлить съ точностію и тѣ скромные уголки, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ: смѣщеніе главныхъ построекъ, дополненіе прежнихъ новыми, коренная перестройка по случаю пожарнаго несчастія, неудачный выборъ огороднаго мѣста основателями „сялбы“, прихоть наслѣдниковъ, сосѣдскія невзгоды и мн. др. могутъ вызвать самые неожиданные усадебные распорядки, а по отношенію къ нимъ—и неожиданное мѣстонахожденіе сада, или огорода. Не считаясь съ тѣми многократными случаями, когда бывшій при домѣ садъ теперь очутился среди поля, лѣсныхъ зарослей, достаточно помнить, что переустройство сада въ огородъ и обратно такъ возможно и такъ легко, какъ возможно измѣненіе хозяйской воли и житейскихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ единственнымъ точнымъ мѣстонахожденіемъ сада и огорода можно признать лишь относительную близость къ жилому помѣщенію: тутъ, на виду и подъ охраною жильцовъ, фрукты и овощи оберегаются отъ хищниковъ и въ то же время остаются подручными на личныя надобности, для чего стѣдуетъ только перейти на задворокъ, или перебѣжать чрезъ „вѣлку“ (дорогу).—Въ скромной, но ласкающей тѣни сада, личность котораго вся тутъ, „какъ на ладони“, невольно припоминается немудреный сказъ о его зарожденіи, ростѣ и судьбѣ. Повторить бы этотъ сказъ!..

Было время, когда на „пыщярóбный или рыщярóбный“ работъ хозяйливый дѣдъ натолкнулся на „лисовушку“³⁰⁶⁾. Юный ли видъ деревца, стройность его, хозяйственное корыстолюбіе и желаніе оставить по себѣ „памитку“ руководили дѣдомъ, и только онъ пощадилъ „лисовушку“, а прикончивъ работу, безъ особеннаго усилія выдернулъ деревцо изъ земли, принесъ домой и тутъ же прикопалъ его на задворкахъ, поливъ раза два водою да прикинувъ на корневище столько же горстей щепъ и навозу. Судьба сжалась надъ дѣдовскими трудами и „лисовушкой“: послѣдняя прижила и раскинулась. Хозяйливый дѣдъ не сожалѣлъ, однако, остановиться на этомъ: каждую весну и подъ осень онъ пытался, или только намѣревался „прищипнуть лисовушку“. Дѣло какъ-то не спорилось: то „прищепъ“³⁰⁷⁾ неудаченъ, то время неподходяще, то „трипотынь“³⁰⁸⁾ неисправенъ, то, наконецъ, „шкóдливо“ чье-нибудь завистливое око — и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ дѣдъ прекратилъ культивированіе „лисовушки“, которая тѣмъ временемъ подросла и начала давать „пылявки“. Вкушалъ ли дѣдъ плоды трудовъ своихъ, или предоставилъ это потомству, но только самъ онъ, какъ и его семьяне, видѣли въ разросшейся „лисовушки“ хозяйственный даръ, красу задворка; излагая же на смертномъ одрѣ свою послѣднюю волю, дѣдъ не забылъ о „диравѣ“, просилъ „бирягчй“ таковое и много сожалѣлъ о томъ, что не удалось своевременно культивировать деревья и расширить садовой площади прибавочными насажденіями³⁰⁹⁾.

Сколько по дѣдовскимъ завѣтамъ, столько же и по личному побужденію неменѣе хозяйливый сынъ усугубилъ насажденія новыми „лисовушками, пылявушками“, былъ счастливѣе относительно „прищепы“, или, приобрѣтя настоящее культурное дерево, осуществилъ то, что составляло несбывшіяся мечты дѣда. По словицѣ — „къ готовому костру легче пригрести“ — сынъ дополнялъ насажденія то подходящимъ фруктовымъ деревцомъ, вишен-

бой, то ягодниками, и въ послѣднемъ дѣлѣ усердными сотру-
дниками явился внуки первонасадителя: во время паствы, гриб-
ныхъ и ягодныхъ поѣскахъ, дранья лозы и другихъ подходящихъ
отлучкахъ въ лѣсъ, къ рѣчнымъ доламъ, они торжественно при-
носили то „смороды“, то бѣлыя и красныя „порѣчки“⁸¹⁰), то
запропастившійся въ глуши „агрестъ“, то, наконецъ, полюбившу-
юся „колокалѹшну“⁸¹¹). рябинику, калинику“. Ко всему этому
кто-нибудь воткнулъ въ садовой площади живучую „вѣрбинку“,
приконалъ „ядловницъ“⁸¹²), дабы въ послѣдующее время имѣть
его при освященіи вербы подъ руками, а подновляя изгородь
всесою, употребилъ лозовый коль, который, какъ и „вѣрбинка“,
поросъ лѣтомъ густыми побѣгами: и вотъ сверхъ фруктовыхъ на-
сажденій въ саду появились тѣневья. Оставалось бы прибавить
сюда орѣшникъ да малиникъ; но ихъ много по сосѣдству, въ
лѣсу, обранныхъ склонахъ, непосредственно за „слабый“ — и
нѣтъ сомнѣнія, что рано ли, поздно ли они такъ и иначе сами
появятся здѣсь. И дѣйствительно, играя въ саду да „луская“
орѣхи, ребяташки растеряли послѣдніе, а какая-нибудь пчуж-
ка, выкармливая здѣсь птенчиковъ, уронила въ торопяхъ назрѣв-
шую малинику: потерянные и уцѣлѣвшіе плоды весною пошли въ
ростъ, а черезъ недолгіе сроки украсили садъ послѣднимъ допол-
неніемъ.

Такимъ образомъ, благодаря послѣдовательнымъ успліямъ
трехъ поколѣній, при певинномъ сотрудничествѣ дѣтей-игроковъ
и пчужки, на задворкахъ образовался садъ, въ которомъ, по-
жалуй, „чего хочешь, того ѣ просишь“. Что нужды въ доброка-
чественности фруктовъ? Такъ ли иначе ягоды своевременно и
даже безвременно будутъ убраны ребяташками; а яблоки, ли
груши... къ первой покушкѣ ихъ призоветъ молитвенное освяще-
ніе въ Спасовъ день, а засимъ, не вызывая чужой личности и
не примакивая даже ребяташекъ, яблоки и груши остаются на
деревѣ до полной зрѣлости. до той поры, когда вездѣ „колѹцюць,

трясуць сады“. Осенніе и зимніе морозы уравниють „полявку, дубовикъ“ ⁸¹³⁾ или иной „сáдкій“ ⁸¹⁴⁾ яблыкъ — выбьютъ изъ нихъ горечь, умягчатъ послѣ „талки“; что же касается острой вислоты ябловъ, то она является даже желательною: лакомясь мягкимъ, талымъ яблокомъ, здоровый человѣкъ прогоняетъ имъ „просонніку“, больной — „смажиньку“, а всѣ вообще поздравляютъ и благодарятъ основателей и дальнѣйшихъ тружениковъ сада ⁸¹⁵⁾.

Кромѣ такой существенной службы, садъ приноситъ лѣтомъ и другую: отъ ранней весны и до выхода въ поле со скотомъ здѣсь навязываются телята-„сиголѣтки“, даже „дядиныхи-курки“, и здѣсь же, въ знойные праздники, или будничные полудни вылеживаются и высыпаются въ тѣни рабочіе члены семьи, если только не нашлось для того подходящаго мѣста въ строеніи. Если же садовая площадь оберегается ради травы, по случаю нахожденія здѣсь одного-двухъ ульевъ пчель, то, давая семьянамъ полуденный притонъ, садовый лужокъ неощененъ и съ травой, и послѣ косьбы, которая здѣсь, какъ и на гуменныхъ лужкахъ, можетъ повториться въ теченіе лѣта два и три раза.

При настоящемъ поминѣ имѣлся въ виду средній садъ, встати, доступный меньшей половинѣ воспоминаемыхъ садоводовъ; но и такой садъ нерѣдко приходился одинъ на деревню, даже на двѣ деревни... Скромнѣе его почитался садъ съ одною-двумя „лисовушками“, и назвать его садомъ приходилось развѣ потому, что такъ величали его хозяева и сосѣди, бабъ и потому, что посаженные деревья ютились на кое-какомъ лужку. Обращаясь къ размѣщенію садовыхъ деревъ и ягодниковъ, можно воочию видѣть, что здѣсь сочетались труды и вѣусы лицъ разнообразныхъ временъ и возрастовъ и что ко всему этому подоспѣвала случайная садоводственная помощь: подъ тѣнью толстой и высокой „лисовушки“ ⁸¹⁶⁾ дѣда густо и высоко потянулись внуковы „смороды

и порѣчки“, а его „агрестъ захрѣсь“ въ садовомъ углу, не имѣя силъ преодолѣть присосѣдившагося „чапыжника, дядовника“⁸¹⁷⁾, крапивника и другой заросли, обычной при усадебныхъ строенияхъ.

Соотвѣтственный строй можно подмѣтить и въ тѣхъ садахъ, гдѣ есть съ десятокъ деревьевъ и ягодниковъ, гдѣ деревья добыты изъ питомниковъ, изъ вѣрныхъ рукъ, или „прищеплины“ на мѣстѣ свѣдущимъ лицомъ, надежными „прищепками“, и гдѣ лѣтомъ красуется уже арендаторская соломенная будка, съ единственнымъ лишь уклоненіемъ, что здѣсь деревья, по возможности, однородны, и что ягодные кусты находятся на окраинныхъ линіяхъ, а не разметаны по всему саду, какъ въ первомъ случаѣ. Признаться, о правильной, размѣренной посадкѣ деревьевъ воспоминаемый деревлянинъ не имѣлъ надлежащаго понятія, и его не вразумляло, что 10-тилѣтнія деревья сплетались въ густой сводъ на высотѣ 2 саж., да такъ и продолжали дружественный ростъ въ небесной выси.

При всей видимой пользѣ садовъ, они были слишкомъ рѣдкими, и на это имѣлись основательныя причины: на посредственныя фрукты несовсѣмъ легко бывало подыскать охочаго арендатора; сбывать ихъ лично было и того труднѣе. А между тѣмъ отъ явныхъ и, въ особенности, тайныхъ посягателей некуда уйти: одинъ просить на „покушку“, другой для больного, третья— „на молодое“⁸¹⁸⁾; что же касается садовыхъ хищниковъ, такъ и въ то, повидимому, простое время они бывали едва-ли малочисленнѣе теперешнихъ⁸¹⁹⁾. Погоня за каждымъ земельнымъ клочкомъ, недостатокъ крѣпостническаго времени, неумѣнье вести садовое дѣло и только что помянутыя причины становились поперекъ садоводства и тормозили его до переживаемыхъ дней, когда видимо созданная польза садовыхъ насажденій стала чуть ли не первою потребностью современной крестьянской усадьбы.

Когда такъ туго шли садовыя насажденія, то о простыхъ

древесныхъ насажденіяхъ едва-ли приходится говорить, какъ о дѣйствительномъ усадебномъ, или садовомъ дополненіи. Правда, благодаря отдаленнымъ строгимъ указаніямъ на древесныя насажденія вдоль грунтовыхъ бойкахъ дорогъ, при крестьянскихъ „сялибахъ“, встрѣчались тождественныя посадки съ раздражательнымъ размѣщеніемъ ихъ тамъ и сямъ. Эти древесныя великаны, уцѣлѣвшіе кое-гдѣ выхватами, краснорѣчиво напоминали потомкамъ о красѣ и пользѣ насажденій, на каковомъ, однако, поминѣ дѣло и заканчивалось. Тѣмъ не менѣе, очищая гуменную площадь, подступающій къ огороду, къ саду лѣсъ, иной „хозяйливый жихыръ“ все же пощадитъ одно-два деревца, которыя потомъ разовьются и разростутся чудною красою. Но не красы ищетъ простолюдинъ, а пользы насущной: древесная тѣнь пріютитъ навязаннаго теленка, жеребенка, лошадку, какъ и владыку ихъ, во время зноя; прочный древесный стволъ послужитъ надежною коновязью, а если пощаженное дерево—береза, клень, то въ каждую весну оно будетъ дарить или „бѣрку“, или „кляндвикъ“... Намѣренными и, отчасти, заботливыми, некорыстными насажденіями можно считать древесныя насажденія на родственныхъ могилахъ,—что можно видѣть на многихъ сельскихъ кладбищахъ, старыхъ такъ же, какъ и новыхъ. Къ сожалѣнію, разнузданныя пастухи, находя здѣсь для пасомыхъ обильный, тучный кормъ, губятъ юныя насадки и труды потомковъ надъ дорогимъ прахомъ предковъ ⁸²⁰)...

Мѣстный „городъ“ находится въ болѣе привилегированномъ положеніи и обставленъ лучшими условіями хозяйственнаго ухода, уже потому, что онъ состоитъ неизбѣжнымъ спутникомъ самобѣднѣйшей бобыльской „сялибы“ и соединенъ съ нею „якъ рукой подаць“. Такъ прежде всего ему дается наиболѣе благоустроенная, „щитная азгорода“, ежегодно удобряется онъ лучшимъ (конскимъ и овечьимъ) навозомъ; раньше и осмотрительнѣе другихъ земельныхъ участковъ онъ будетъ вспаханъ, при чемъ разобьются, или перетрутся руками ничтожныя комья, а камни и уцѣлѣвшія корне-

вища будутъ собраны и отнесены въ огородные углы. Если огородная площадь мала для сохи и бороны, то пахотная работа произведется заступомъ и граблями,—что на самомъ дѣлѣ лучше. И нельзя сказать, что огородная почва не отплачиваетъ за труды и старанія хозяевъ: на небольшой сравнительно площади родится столько овощей, что ихъ достаточно не только на лѣтнее продовольствіе семьи, но станетъ и на предстоящую зиму, съ новымъ обмѣненіемъ огорода включительно.

Несмотря на то, что неутомимые огородные копатели, свиньи, достаточно вспашутъ огородъ, какъ только послѣдній будетъ открытъ для нихъ послѣ осенней уборки, каждый заботливый хозяинъ взоретъ его на зиму, а иной даже и заборонитъ, и это не пойдетъ въ счетъ весенней вспашки: какъ только соха въ состояніи будетъ войти въ талую землю, огородная площадь снова вспашется, а чрезъ недѣлю, много.—чрезъ 10 дней, выдержитъ „мѣшинь“ съ бороньбою. Когда и безъ того мягкая земля распадется до послѣдняго разрыхленія, тогда въ ближайшемъ въ дому уголѣ, по приблизительному расчету, на четвертой части огородной площади, „гоняютца лѣшки“, т. е. проводятся сохою нѣсколько разъ по одному мѣсту глубокія борозды. На этомъ кончается мужская работа въ „ляшномъ“ отдѣленіи огорода; въ дальнѣйшемъ—„закапываюць лѣхи“, сѣютъ и вершаютъ запашку грядъ исключительно женщины,—что, по мѣстному климату, возможно въ періодъ отъ Юрьева (23 апр.) до Николина (9 мая) дня, и что кончается рѣдкостнымъ празднествомъ огородницъ — „бабскими рѣзбрыками“ ⁸²¹)...

Въ образѣ огороднаго засѣва, расположеніи овощей на грядкахъ и по отношенію другъ къ другу нельзя установить однообразія: иные засѣваютъ бураки, морковь и рѣдьку „подъ соху“, т. е. когда дѣлается послѣдняя мѣшань, при чемъ сѣмена корнеплодниковъ опускаются въ землю сухими; но отъ такого засѣва бываетъ крайне неравномѣрный ростъ корнеплодниковъ, что

зависитъ отъ глубины запаваго въ землю сѣмечка. Гораздо равномернѣе и для ожидаемыхъ цѣлей пригоднѣе „протычка“ сѣмянъ при помощи палки, чепельной или ухватной рукояти, или же при помощи пальца; но такой засѣвъ кропотливъ, вызываетъ продолжительную работу. Большинство пользуется упрощеннымъ и скорѣйшимъ засѣвомъ, а именно: положивъ въ тряпицу то сборная, то различныя сѣмена, да помѣстивъ узелокъ въ посудину съ комнатною („лѣтною“) водою, даютъ имъ разбухнуть и даже прорости; при засѣвѣ эти сѣмена перемѣшиваются съ сухою землею, золой, трѹсятся на подлежащихъ грядахъ и „заскорѣживаются“ граблями: бураки, морковь и рѣдька проростутъ скоро, но не будутъ имѣть длинныхъ корневищъ. Среди сдѣланнаго засѣва посыпаются то сухія, то размоченныя сѣмена рѣпы, втыкаются цѣльныя, или половинныя головки лука ⁸²²), размоченныя и проросшія огуречныя сѣмечки—и огородница кладетъ на свою работу благословенный крестъ...

При иномъ отношеніи къ огороднымъ засѣвамъ дается „каждому овощу своя борозда“ (отдѣльная гряда). Тутъ уже на извѣданныхъ, или особымъ удобреніемъ ⁸²³) подготовленныхъ уголкахъ, засѣваются мѣстные овощи отдѣльно и только остатки сѣмянъ отдаются неподлежащему уголку. Последніе засѣвы составляютъ особенность старообрядческихъ и промысловыхъ огородовъ къ сожалѣнію, слабо перенимаемую огородницами — „полячками“. Такіе распорядки нарушаются лишь изрѣдка слѣдующими, повидимому, несродными огородными насажденіями: на одной и той же грядѣ растутъ огурцы и разсадничные овощи—капуста и брюква или огурцы съ лукомъ. Къ тому и другому распорядку приводятъ, однако, глубокія хозяйственныя соображенія: въ то время, когда стелющійся по землѣ огуречникъ потребуетъ легкой тѣневой защиты, капуста и брюква дадутъ таковую своими высокими листьями, черенки которыхъ въ то же время замѣнятъ „тычки“, а лукъ, давая временныя „тычки“, дастъ драгоцѣнную сквозную

тѣнь и своимъ острымъ запахомъ отдаляетъ отъ огуречника лиш-
нихъ насѣкомыхъ.

Сверхъ указанныхъ овощей, на грядовомъ уголкѣ имѣютъ
мѣсто: чеснокъ, рѣдко посаженные „бобинки“, такъ же рѣдко по-
саженные промежъ разсадниковыхъ овощей въ антипаразитныхъ
цѣляхъ „коноплинки“, подсолнечники, „цукруваный“ горохъ,
„высадки“⁸²⁴) и тыква, обыкновенно растущая въ сосѣдствѣ
съ изгородью, по которой цѣпкое растеніе не замедлитъ протя-
нуть свой длинный стебель. Что же касается остальныхъ насаж-
деній, то на грядкахъ, какъ и на всей огородной площади, они
являются самосѣйками, въ случаѣ ненадобности, извлекаемыми по
мѣрѣ дальнѣйшаго ухода за огородомъ. Кромѣ чисто сорныхъ
растеній, сюда нужно причислить: простой макъ, укропъ, пастер-
накъ хрѣнь, „виногѣтки“ (ноготки) и проч.

Таково содержимое „ляшного“ отдѣленія огорода. Но этимъ
не исчерпывается богатство и разнообразіе огородныхъ насажде-
ній: вслѣдъ за грядками, или вокругъ нихъ идетъ большая пло-
щадь съ картофельнымъ, бобовымъ и коноплянымъ засѣвомъ, а
если огородная площадь велика, или составляетъ единственное зе-
мельное достояніе, какъ у бобылей, то здѣсь можно встрѣтить и
горохъ, и пшеницу, и ячмень, и ярицу, и ленъ, и даже—рожь.
О колосистыхъ растеніяхъ и посѣвѣ ихъ будетъ упомянуто ниже;
продолжая сказъ о чисто огородныхъ, овощныхъ растеніяхъ, не-
обходимо остановиться на засѣвѣ, или лучше—посадкѣ картофеля,
однообразной изъ края въ край.

Когда земля подготовлена къ посадкѣ, а это дѣлается одно-
временно и зарѣзъ на всей огородной площади, то сохою про-
ѣзжаютъ два раза у края картофельной площади и останавлива-
ютъ лошадей: въ глубь второй борозды кладется сѣменной карто-
фель то полнымъ зерномъ, то разрѣзанными предварительно поло-
винками, въ отступѣ другъ отъ друга верш. на 6, и эту увле-
кательную работу семьяне производятъ коллективно—и старъ, и

маль, выкладывая засѣваемое изъ подоловъ, фартуковъ, шанокъ и корзины. Новый проѣздъ сохою два раза закроетъ посѣвъ и дастъ борозду для новой засадки, и такъ до конца. Подобнымъ же образомъ засѣвается „подъ соху“ и бобъ, или предварительно замоченный въ водѣ на сутки, или, при влажной землѣ, оставшейся сухимъ. Но есть, однако, рѣдкіе случаи картофельнаго и бобоваго засѣва посредствомъ „протычки“, это—неимѣніе собственной лошади, когда бѣдный огородникъ едва добылъ таковую для обработки огорода, или же, когда огородная площадь слишкомъ ограничена: тутъ будущія „лѣшки“ создаются на глазомѣрѣ, при сотрудничествѣ „чепельника“, свободной „граблины“ и проч.

Какъ замѣчено выше, всѣ мужскія отношенія къ огороду прекращаются по выходѣ изъ него сохи и бороны; но послѣднія вмѣстѣ съ заправителемъ появляются тамъ разъ или два, когда назрѣла необходимость „погоняць, цираѣхыць бѣльбу“,—что бываетъ при подъемѣ картофельной „цицявы“ на 3—4 верш., и что замѣняетъ полоть картофеля. Уже исключительно женскими руками дѣлаются потомъ надлежащія исправленія свихнутой коегдѣ „цицявы“ и земляные окопы вокругъ каждой изъ нихъ, какъ и отдѣленіе сорной травы,—чего достаточно бываетъ одинъ разъ за время картофельнаго роста. Не то съ грядками и овощами на нихъ: тутъ сквозь поднимающуюся стѣну овощей, женскія руки пройдутъ по меньшей мѣрѣ три раза при „поливѣ“, причемъ приходится тѣсниться въ бороздѣ или на колѣняхъ, или „ѣрзыкымъ“⁸²⁵); да и въ послѣдующее время—„рядиць ли, холосциць ли лѣхи“⁸²⁶), или обкапываць кычанна и грыжинву“—приходится работать не иначе, какъ при крутомъ нагибѣ къ землѣ и незначительномъ „подсидцу“.

Насколько кропотливо, скучно и однообразно „поливо“ въ связи съ предшествующими „задѣлками лехъ“ и послѣдующимъ уходомъ за овощными насажденіями и посѣвами—можетъ быть

понятно лишь непосредственнымъ труженицамъ огороднаго дѣла, хозяйкамъ и ихъ пособницамъ, отдающимъ единичному только „пóливу“ не день-два, а добрую недѣлю, то подь солнечнымъ припекомъ, то подь дождемъ и слякотью... Зато, какими щедрыми дарами отплатить тотъ же выползанный „горóдь“ да перебранная руками „горóднина“! А эти разнообразные дары начинаются уже съ того времени, какъ бураки поднялись на „мизинъ-паницъ“ отъ земли, а „кислица, шныць, крапива да пыстырнакъ“ огрубѣли и сприврили“. Первымъ идетъ на потребление „ботóвійка“ — бурачные стебли съ листками при нихъ, — что доступно за недѣлю до Иванова дня (24 іюня). Если „ботóвійка“ мала, то въ помощь ей прибавляются маковые листья: то и другое осторожно отщипывается со стороны и рѣдко, когда необходимо „пырядиць“; выдергивается съ корнями. Одновременно съ симъ, а ради „покушки“ и раньше, получаютъ „цыбульни“ дары, — перистые листья лука, подобно бурачнымъ, отрываемые сбоку у корневища, или же отрываемые въ срединѣ куста наполь. При дальнѣйшемъ ростѣ бураковъ, когда стебли отолстѣли и поднялись на высоту 4—5 верш., листья съ нихъ „сѣсморгывыютца“ и поступаютъ въ свиную „сѣчинку“, куда одновременно съ крапивнымъ листомъ поступаютъ еще листья картофеля, боковой „ряпóвнпѣ“, рядькóвникъ и грыжóвникъ“⁸²⁷⁾, тогда какъ лишніе, готовые „зажóвкныць“⁸²⁸⁾ капустные листья обыкновенно присоединяются къ „ботóвійки“ на теплое кислое кушанье. Тѣмъ временемъ (около Петрова дня) „гыряць гурки“⁸²⁹⁾, и ихъ отпавшіе цвѣты, какъ и пустоцвѣтъ, идутъ на „зыкрасу холодника“, сообщая послѣднему кое-какой огуречный запахъ; за недѣлю же до Ильина дня, съ половины цвѣтенія и вплоть до огородной уборки, начинаются „бульбяны“ дары...

За исключеніемъ картофеля, всѣ остальные корнеплодники остаются неприкосновенными до „Макавья“ (1 авг.), когда, послѣ церковнаго освященія, они станутъ давать достаточно зрѣлую

„морквину, рѣпину, грѣжиньчину и рѣччину“; тогда же въ потребление идетъ не грубая „ботовійка“ только, но главнымъ образомъ бурачное корневище. Такимъ образомъ съ началомъ Снасова поста огородъ открываетъ чуть-ли не всѣ свои дары сразу, тѣмъ болѣе, что съ 6 авг. уже начинается и потребление зеленого боба и гороха, доступнаго раньше тайнымъ потребителямъ его—дѣтямъ. Значительно позже, въ концѣ августа, подоспѣваетъ „гарбузь“; но онъ не составляетъ наличности всякаго огорода, а гдѣ и засѣвается, тамъ не ожидаютъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ ожидаютъ остальныхъ овощей, или, какъ „гурковъ“, по преимуществу.

Малочисленные „самосѣйныя“ растенія открываютъ свои дары одновременно съ овощами, а хрѣвъ и „пыстырнѣкъ“ до огороднаго засѣва. Укропъ годенъ въ „боцвиння“, какъ только поднимется на вершокъ отъ земли, маковый листъ дополняетъ кислое изъ „ботовья“ кушанье, зеленая головка мака, отваренная въ молокѣ, помогаютъ матерямъ усыплять крикливыхъ, мѣшающихъ работѣ грудныхъ дѣтей⁸³⁰), а „впноготки“ вмѣстѣ съ другими „красками“⁸³¹) освящаются въ церкви (24 іюня) и потомъ, во все лѣто, первенствуютъ на головѣ щеголихи... Что огородные дары явными и тайными путями открываются для дѣтей гораздо раньше помянутыхъ сроковъ, въ томъ не можетъ быть и спора: „рѣдѣ, или холостѣ гряды“, мать дастъ имъ ненужную „морквинку, рѣпинку, рѣччинку“; пользуясь же отсутствіемъ старшихъ и оставаясь весь день подъ присмотромъ полуслѣпой, прикованной къ мѣсту бабки, эти „пустодомы“ имѣютъ много средствъ для пользованія огородными дарами...

Полной красы (въ цвѣтѣ и зелени) „городъ“ достигаетъ къ Ильину дню и, недолго продержавшись въ ней, начинаетъ развѣнчиваться съ выборкою сначала мака, которому предоставляется дозрѣвать стоймя въ какомъ-нибудь огородномъ углу, а потомъ—выборкою лука, дня три провѣтриваемаго на открытомъ

мѣстѣ, или сухомъ помѣщеніи и затѣмъ связываемаго въ „пльценки“: тотъ и другой выдергиваются изъ земли около 6 или 15 авг. Къ этому времени въ побурѣвшемъ и ранше оципанномъ „бульбянымъ цяцвнику“ образуются плѣшины различной величины, — что, въ соединеніи съ оголенными мѣстами, гдѣ росъ лукъ, налагаетъ на огородъ первые слѣды опустошенія, которое растетъ по мѣрѣ жатвы пшеницы и ячменя, созрѣвающихъ здѣсь ранше (1—15 авг.), а также боба и конопли, изъ коихъ первый сжинается послѣ Успенья, а вторая выдергивается къ концу августа. Плохою красою огорода остаются лишь картофель да насажденія на грядкахъ; но первый отъ старости и утренгиковъ окончательно потемнѣлъ и прилегъ къ землѣ, а вторыя, лишенныя прежняго досмотра, раскинулись „пожѣвклыми“ листьями въ разныя стороны, и эту безпорядочность уже не скрашиваютъ стояціе вблизи „кычанья“, на долю которыхъ падаетъ выступъ изъ огорода самими послѣдышами.

По завершеніи яровой уборки, что въ воспоминаемое время приходилось позже нынѣшняго (около 14 сент.), начинается остатнее развѣнчиванье огорода. Если картофельная площадь мала, грунтъ рассычатый, песчаный, или если недостаетъ лошадки, выборъ картофеля производится при помощи заступа, „рыдлѣвки, копыла, копки“ и граблей; въ противномъ случаѣ выборъ картофеля напоминаетъ посадку его: проведя сохою глубокую борозду, „оральбитъ“ останавливаетъ упряжное животное при межѣ и, совмѣстно съ пособниками, разгребаетъ граблями землю въ сторону отворачиваемаго дерна, между тѣмъ какъ старъ и малъ подбираютъ въ корзины, подолы и фартуки выкатившійся картофель. Такъ, борозда за бороздою, будетъ переорана и раскопана вся картофельная площадь. Не полагаясь, однако, на достаточную выборку, иные хозяева переборонятъ ту же площадь раза два и только тогда оставляютъ ее въ пользованіе свиней.

Выборка бураковъ, моркови, рѣпы, рѣдки и брюквы про-

исходитъ „цягымъ“ и значительно скорѣе, чему много помогаетъ стебель корнеплодика. Оборвется онъ или корень глубоко сидитъ въ землѣ—дѣлу помогутъ заступъ, „копка“, даже колъ. При благоприятной погодѣ, очистка грядныхъ корнеплодниковъ отъ стеблей и земли, какъ и относительная просушка ихъ, происходятъ тутъ же, на грядкахъ; въ противномъ случаѣ—въ поднавѣсномъ помѣщеніи, даже въ избѣ. Уже по завершеніи очистки корнеплодниковъ, распредѣленіи „на сѣмины и ѣмины“ и уборки ихъ, приступаютъ къ „кычанню“. Дабы не начкать „кычанья“ землю, каждый качанъ срѣзается у самой головки, и остающееся „охрапья“ вмѣстѣ съ другими остатками „городнины“ дѣлается потомъ достояніемъ свиней; у расчетливыхъ же („сквалыжныхъ“) хозяевъ каждый качанъ выдергивается, и его стволъ, спаренный въ котлѣ вмѣстѣ съ другими овощными отбросами, поступаетъ потомъ въ свиной и коровій кормъ („паринка“). Но отъ этого „сквалыжники“ выигрываютъ немного: свиное мясо и сало приобретаютъ рѣжущій вкусъ, а коровье молоко „прикриць“ во все время кормленія такой „паринкы“.

Появляясь на огородѣ какъ-то незримо, „соломэчникъ“ и исчезаетъ оттуда подобнымъ же путемъ: то возрастные, то ребята начинаютъ выковыривать сѣмечки, какъ только опадутъ лепестки подсолнечника и, пока головка дойдетъ до кое-какой зрѣлости, она уже опустѣетъ; тогда остается выдернуть грузный стебель, чтобы онъ не занималъ мѣста, и отдать въ распоряженіе настоящихъ хозяевъ „соломэчника“—ребятишекъ...

Въ свою очередь, незримо какъ-то и внѣ хозяйственнаго ухода, появляются на огородѣ „высыдки“: при засѣвѣ овощей, хозяйка воткнетъ въ землю нѣсколько перезимыхъ корнеплодниковъ—и растутъ, цвѣтутъ, зрѣютъ они сами по себѣ, и только тогда огородница подставитъ подпорки, или тычинку, когда „высыдки“ полегли на землю; сниметъ же она и уберетъ ихъ между

дѣломъ, на походѣ... Выростутъ они, должнымъ образомъ созрѣютъ— „ладно, нѣтъ— другое“!...

IX. „У пчалинцу“...

Подобно другимъ отраслямъ занятій, пчеловодное дѣло примыкаетъ къ хозяйству деревлянина мимоходомъ, между прочимъ, а не составляетъ промысла, которому бы исключительно отдался тотъ и другой хозяинъ, хотя любителей пчеловодства, какъ и приволья для пчелъ, можно найти съ избыткомъ чуть ли не въ каждомъ мѣстѣ: тамъ или здѣсь не умолкаетъ воспоминаніе о давнемъ пчеловодѣ, который имѣлъ до 40—50 „колодъ пщель“⁸³²), чуть не плавалъ въ меду, одаривалъ послѣднимъ нужного и ненужного человѣка, приносилъ „на офяру“ почти пудовую свѣчу и, при всемъ томъ, наживалъ еще „бизмѣрный грѣши“... Было ль такъ на самомъ дѣлѣ, или подобными воспоминаніями отдавалась предпочтительная дань стародавнему житьюбытью, но только бытоискуемой потомокъ сказочнаго пчеловода, одинъ на довольно широкую окружицу, не доходилъ и до половиннаго числа „колодъ пщель“; „стоицій пчальникъ“ имѣлъ ихъ съ десятокъ, а остальные любители довольствовались одною, двумя-тремя колодами, при чемъ и такіе скромные обладатели приходились единичными на двѣ-три деревни... У послѣднихъ пчеловодовъ колода ютилась то въ саду, то на огородномъ „узмѣжку“, то подъ стрѣхою чистаго строенія, то подъ гуменнымъ деревомъ, и только при 3—5 колодахъ для пчелъ отводился „пчелъницъ, пчельня“—скромная огородная гуменная, или примыкающая сюда „рысцярѣбная“ площадь съ кое-какими пощаженными деревьями⁸³³), едва доходившая до 30 кв. саж. Такой „пчелъницъ“ имѣлъ отдѣльную, по преимуществу, „пыркѣнную згороду“ и заперался „фѣрткой“.

Во всѣ памятные времена средняя „колода пщель“, т. е. имѣющая достаточное число обитательницъ, помѣщенныхъ въ проч-

ный, еще свѣжій улей, стоила не ниже современной, и если тогдашній любитель платилъ за нее рубль съ прибавкою, такъ тогдашній рубль оплачивалъ то же, что теперешніе три и болѣе рубля. Относительная дороговизна пчель становилась существенною преградой къ развитію пчеловодства, и на приобрѣтеніе ихъ рѣшался развѣ сотый любитель, рѣшался при подоспѣвшемъ случаѣ выгодной, обезцѣненной покупки; остальные приобрѣтали пчель отработкомъ, мѣною на хозяйственные предметы, подаркомъ, по наслѣдству, и, въ особенности поимкою, такъ что при послѣднемъ разѣ пчеловодомъ становился иногда тотъ, кто никогда раньше и не мечталъ объ этомъ. При благопріятныхъ условіяхъ да при умѣломъ уходѣ такое начинаніе разрастается потомъ и вызываетъ „пчальницъ“.

Какъ дѣло охоты, поимка пчель бываетъ случайностью: ушедшій рой осядетъ на огородѣ, въ гумнѣ, въ при-усадебномъ кустарникѣ, будетъ замѣченъ, остановленъ, или прослѣженъ на полетѣ, найденъ въ дуплѣ лѣсного, полевого дерева и проч. Но любители и относящіеся къ этому дѣлу на авось ловятъ пчель въ „стоячки“ — полные по внѣшней и внутренней отдѣлкѣ ульи длиною около арш., при діаметрѣ верш. въ 6, обыкновенно уставляемые на средней высотѣ какого-нибудь примѣтнаго въ лѣсу и на полѣ, рослаго дерева ⁸³⁴). Для привлеченія „иска“, внутренность „стоячка“ предварительно вытирается свѣжимъ воскомъ, листьями черной смородины, а иной ловець помѣщаетъ въ подлежащемъ мѣстѣ „головы“ даже кусочекъ сота. И нельзя сказать, чтобы труды и ожиданія охотника не увѣнчались успѣхомъ: отдѣльнымъ счастливицамъ, разставившимъ въ разныхъ мѣстахъ до трехъ и болѣе „столчкѣвъ“, удается поймать за дѣто одинъ-два роя, изъ коихъ, по пересадкѣ въ настоящій улей, иной обстроится къ зимѣ и успѣшно выйдетъ на работу весною. Къ сожалѣнію, большинство пойманныхъ такимъ путемъ роевъ или погибаетъ зимою, или, при наступленіи осени, разбредается по сосѣднимъ ульямъ, благо-

даря тому, что тѣснота „стоячка“ могла привлечь въ него только захудалый, малосильный рой.

Когда такимъ путемъ пчелы пойманы, то, въ предвидѣніи ненастной погоды, новый владѣлецъ отправляется ночью къ „стоячку“ и, заткнувъ осторожно „ходцы“, спускаетъ его на веревкѣ съ дерева и на плечахъ уноситъ домой, гдѣ на другой же день перемѣщаетъ пчелъ въ настоящій улей. Это перемѣщеніе (пересадка, перегонка) составляетъ довольно трудную часть пчеловоднаго дѣла, и часто случается, что рой уходитъ изъ улья въ ближайшіе дни по перемѣщеніи. Рой изъ дупла дерева, или изъ стараго строенія значительно сильнѣе; но такой рой весьма трудно перемѣститъ въ улей, къ чему большинство не дѣлаетъ даже попытокъ, а кончаетъ дѣло разграбленіемъ пчелинаго имущества...

Относительно легче имѣть дѣло съ роемъ, который подстереженъ при „высыпкѣ, осаженъ и загребенъ въ роѣвню“⁸³⁵): тогда только остается изловить матку и, помѣстивъ ее въ маточникъ съ тремя-пятью пчелами, воткнуть таковой въ подлежащее мѣсто улейной „головы“ — весь рой немедленно перейдетъ въ улей и въ тотъ же день примется за работу. Но пока все это придетъ, рой нужно „пильнуваць“⁸³⁶), и это скучное дѣло, часто растягиваемое проволочками намѣревающихся уйти пчелъ⁸³⁷), въ роѣвную пору вызываетъ бдительную ежедневную сторожку, отъ подъема утренней росы и до 4—5 ч. вечера. Если, при „высыпкѣ“, усталая матка присядетъ тутъ же вблизи, или къ присѣсту обяжетъ предстоящій дальній перелетъ, дѣло „осадки“ роя разрѣшается само собою: стоитъ обрызгать рой водою и загребать его; гораздо хлопотливѣе „осадить рой“, сразу и непосредственно изъ улья направляющійся къ облюбованному мѣсту: тутъ приходится сзывать на помощь не только семью, но и сосѣдей, — приходится пускать въ дѣло подручные колокольчики и „балагѣлки“, лязгать косами, серпами, сѣчками, ножами, стрѣлять изъ холостыхъ ружей, производить цѣлый дождь взмахами мокрыхъ вѣн-

ковъ, или, при недѣйствительности мѣръ, по случаю подъема роя на высоту и явномъ уходѣ его, остается галопировать вслѣдъ за бѣглецомъ, да по пути производить ожесточенный звонъ, лязгъ и взбрызгиванье вѣниками... Все это можетъ показаться стороннему донъ-кихотскими дѣянiями; но да не улыбнется зритель надъ погоней простолюдина за уносящимся отъ него „рублемъ съ прибавкою“, а лучше поможетъ ему, если не прямымъ участiемъ, такъ хотя обычнымъ на сей случай „привѣтанками“⁸³⁸⁾ — „осадиць вамъ! кабъ осѣввъ! сѣввъ-павъ, сѣвъ-павъ! колясѡмъ дорога!“⁸³⁹⁾ и проч.

Когда „рой осѣвсъ“ на невысокомъ гибкомъ суку и покоится на немъ „шапкой“, тогда стоитъ только подставить „роѣвню“ и встряхнуть сучекъ — вся „шапка“ спокойно и легко упадетъ въ посудину, которую остается обвязать сверху скатертью. При иномъ положенiи, когда „рой осѣвсъ у расквѣдку“, на значительной высотѣ, при стволѣ дерева, его нужно „огребѣць“, и это дѣлается зачерпомъ, при помощи „полоника“, точно переливается какая-нибудь жидкость. Дѣло огребанiя пойдетъ скорѣе, или только зачерпнута и помѣщена въ „роѣвню“ матка — остальные пчелы спѣшно перейдутъ туда и сами.

Все это можетъ сдѣлать и пчеловодный простакъ, который потомъ обязанъ поклониться настоящему пчеловоду, чтобы тотъ поймалъ матку и водворилъ новыхъ пчелъ въ ульѣ. Самъ пчеловодъ норовитъ „имѣць матку“ тогда, когда „огребѣиць рой“ — что большинству и удается; но обычная поимка матки происходитъ отдѣльно, чрезъ сутки, когда запертыя „у роѣвни“ пчелы нѣсколько умятся, — происходитъ передъ назначеннымъ для помѣщенiя „новыхъ пчелъ“ судномъ, на разостланной по землѣ скатерти или простынѣ. Поимщикъ вычерпываетъ пчелъ тѣмъ же „полоникомъ“, какимъ загребалъ, и, высыпавъ зачерпнутое на подстилку, тщательно высматриваетъ матку: послѣдняя скоро можетъ быть отличена по своему корпусу и по обильной группировкѣ око-

ло нея пчелъ. Тогда только остается „загнаць матку у маточникъ“,—что, на самомъ дѣлѣ, исполняютъ немногіе: матка осторожно берется пальцами, насильно впихивается въ маточникъ, который тутъ же и затыкается прилаженной затычкою. Въ своей тюрмѣ матка просидитъ ровно недѣлю, сперва „у роёвни“, если только „рой сильный“ и, по примѣтамъ пчеловода, нѣсколько коварень, т. е. можетъ уйти безъ матки,—а потомъ въ улейной „головѣ“.

Обычное имя пчелинаго судна, чаще всего называемаго колодой, безразлично принадлежитъ стоячему и лежащему улью, несмотря на то, что между тѣмъ и другимъ есть разница въ величинѣ: въ то время, какъ „стоякъ“ превыситъ поимочный „стоячокъ“ верш. на 8—10 въ длину и 2—4 въ діаметрѣ, „лежакъ“, имѣетъ длину около 2 арш. и 8 верш., при діаметрѣ верш. въ 12—20 и свыше ⁸⁴⁰). Первый предназначается для посадки малосильнаго роя и съ тѣмъ вмѣстѣ для отвода послѣдующихъ роёвъ: несомнѣнно, что маловмѣстимость „стояка“ рассчитана здѣсь на пчелиную нужду какъ можно чаще отдѣлять отъ себя прибывающее потомство,—почему отъ „стояка“, извѣстнаго подъ именемъ пчелинаго „заводника“, ожидаются рои, а не медь. Напротивъ, отъ „лежака“, всегда богатаго „силою“, ожидаются остальные дары пчелъ и рѣдкій, но могучій рой, который въ первое же лѣто опередитъ многихъ старыхъ пчелъ.

Обѣ колоды—„стоякъ и лежакъ“—дѣлаются изъ толстыхъ стволовъ смолистыхъ деревьевъ и рѣдко изъ остальныхъ,—дѣлаются предпочтительнѣе изъ „сухолыны“ ⁸⁴¹), съ которой только-что опала кора и древесина которой готова къ разрушенію; такую колоду легче выдалбливать и, пожалуй, перемѣщать, какъ улей. Долбежному дѣлу много помогаетъ дряблая сердцевина дерева и, въ особенности, сердцевинное дуло; но это же призываетъ къ прилаженію доньевъ на неврочные или сквозные концы и такимъ образомъ теряется цѣлостность судна, столь дорогая и необходи-

мая въ цѣляхъ пчеловодства. Такое судно состоитъ въ послѣднихъ и цѣнится ниже остальныхъ, гдѣ концы одинаковы съ концами долбежныхъ корытъ ⁸⁴²). Послѣдними додѣлками улья служатъ двѣ „тварьки“ — узкія одинаковой толщины со стѣнками улья доски ⁸⁴³), прилаженные къ улейному отверстию такъ, что при затворѣ его онѣ не впадаютъ внутрь и внѣшнею округлостью сливаются съ общимъ округленіемъ судна. Для удержанія же на мѣстѣ, та и другая „тварька“ съ обѣихъ сторонъ припирается двумя туго втыкаемыми въ судно деревянными „гвоздюками“. Остающіяся между „тварьками“ и отверстиемъ судна щели задѣлываются потомъ обитательницами, которыя, по своему усмотрѣнію, оставляютъ „лазы“ сверхъ „ходцевъ“, обыкновенно устраиваемыхъ хозяиномъ съ намѣреннымъ отступомъ одной „тварьки“ отъ другой, какъ протиснуть мизинецъ.

Въ такомъ видѣ улей, ожидающій жильцовъ по нѣскольку лѣтъ, готовъ для посадки, или перегонки пчелъ, и отъ величины судна да отъ воли хозяина будетъ зависѣть, сдѣлать ли его „стоякомъ или лежакомъ“. Въ первомъ случаѣ судно ставится вертикально на вкопанную въ землю прочную колодку, на плоскій камень, кирпичную клѣтку, или же оно остается висѣщимъ между двумя-тремя прочными кольями, вогнанными въ землю, въ отступѣ отъ послѣдней верш. на 8—12, при чемъ кольца соединены въ нѣсколькихъ мѣстахъ перевязями изъ прутьевъ ⁸⁴⁴). Тогда только остается покрыть улейную головку готовою корою ели, или берестою, наложивъ поверхъ ихъ два полѣна да столько же кирпичей или камней, чтобы не спадала покрывка, утвердить въ „головѣ крясцы“ ⁸⁴⁵), для основы и удержанія будущихъ сотовъ, и приставить къ судну одну-двѣ „лѣтки“ ⁸⁴⁶). — Во второмъ случаѣ („лежакъ“) судно устанавливается наклонно, при чемъ „пятá“ его только нижнимъ ребромъ опирается на подставку — колодку, плаху, камень, кирпичи, — тогда какъ „голова“ судна покоится на козлахъ изъ колевъ, возвышенномъ булыжникѣ, вы

сокой колодки, или вѣтки изъ плахъ, на аршинной высотѣ отъ земли. Судно-„лежакъ“ покрывается тою же корою, берестою, но вдоль, при чемъ концы покрывки спускаются на „голову и пяту“ его, а „летка“ приставляется снизу, на мѣстѣ соединенія „тварикъ“ съ улейнымъ отверстіемъ.

Когда Господь благословилъ пчеловода, когда его „молодыи и старыи пщёлки рявѹць, грузны съ полѣту идѹць, соты-мяды робѹць, рой плодюць“⁸⁴⁷⁾, тогда нельзя утаить пчеловоднаго благополучія: какъ въ пчельникѣ, такъ и враздробь—въ саду, огородѣ и гумнѣ—будутъ стоять или полужать лишь обитаемые ульи, по которымъ нетрудно опредѣлить наличность пчеловодства, потому что опустѣлый улей немедленно уносится въ складище, а новый устанавливается тогда лишь, когда въ рукахъ пчеловода есть пойманный рой, или когда набѣжала надобность „пересадить, перегнать пчелъ“ изъ одного судна въ другое. И какъ отрадно остановиться на такой кипучей жизни, жизни труда, неустанныхъ хлопотъ, среди окрестной людской жизни, весьма часто тутъ же рядомъ идущей въ разрѣзъ съ жизнью и хлопотами послѣдышей живого міра! Зато, съ какимъ гнетущимъ чувствомъ приходится останавливаться въ незатѣйливыхъ складищахъ опустѣлыхъ ульевъ—углу токовища, въ пунномъ углу, въ возовнѣ, въ „повклѣци“ и подъ повѣтью: колоды отъ вѣковыхъ деревьевъ, сваленныя здѣсь такъ и сякъ, служащія притономъ для мышей, цыплятъ, ночнымъ сѣдалищемъ деревенскаго хронометра и его подругъ, не напоминаютъ ли краснорѣчивѣе многихъ памятниковъ объ исчезнувшихъ законныхъ жильцахъ, объ ихъ жизнедѣятельности и мощномъ прошломъ! Быть можетъ, что подъ обаяніемъ подобнаго чувства пчеловодъ ютитъ опустѣлые ульи въ болѣе потребныхъ мѣстахъ, даже въ клѣти и сѣняхъ, а невольно погибшихъ или загубленныхъ имъ⁸⁴⁸⁾ тварей, не въ примѣръ прочимъ животнымъ, погребаетъ въ приличномъ мѣстѣ и ставитъ надъ ихъ могилою крестъ⁸⁴⁹⁾...

Кромѣ общихъ причинъ (борьба матокъ, обезматоченье улья, нападеніе завѣдомыхъ непріятелей пчелъ—медвѣдя, желны, булавастики, бражника мертвой головы—сыростная гниль, или „гнилецъ“ п. мн. др.), есть не мало мѣстныхъ, пзводящихъ пчелъ то по собственной винѣ пчеловодовъ, то по винѣ завистниковъ-сосѣдей. Къ первымъ слѣдуетъ отнести неумѣлую, иногда алчную „подлазку пчелъ“, когда вырѣзается не только „пятá“, но чуть ли и не вся „голова“, вырѣзается тогда, когда медовые сборы можно считать законченными, и—неумѣлый уходъ за ними. Зимую ульи не только не вносятся во „мшаникъ“, о построеніи котораго не думаютъ многіе пчеловоды, но и не защищаются на мѣстѣ соломой или чащею: улей защититъ развѣ обильный снѣгъ и метели; весною же ульи лишены очистки, и перезимья пчелы сами должны много потрудиться надъ уборкою пчелиныхъ труповъ и нечистотъ. Вторыми, не менѣе сильными причинами, приходится считать злонамѣренныя дѣянія завистниковъ и враговъ пчеловода. Такъ иной пробуравитъ зимою стѣнку улья, тотъ въ рабочую пору вымажетъ саломъ „ходцы, лазы, лѣтку и твѣрки“, третій подставитъ отравленнаго ⁸⁵⁰), или одуряющаго меду, а своимъ собственнымъ пчеламъ на сей моментъ — разбавленнаго спиртомъ, имбиремъ и проч. и, пока одурѣлыя пчелы придутъ въ себя, хмельные грабители унесутъ изъ улья медъ и воскъ. Такія дѣянія, или лучше—злодѣянія извѣстны подъ именемъ „волхѣбы, чырыствá, чорта у храпахъ“ ⁸⁵¹); но отъ этого не легче пчеловодамъ и, ближайшимъ образомъ, пчеламъ, которыя хирѣютъ и погибаютъ среди общей красоты природы, среди раскинутыхъ ею даровъ... Для пчеловода же это заканчивается тратою, которую можно поправить лишь чрезъ долгіе сроки и при измѣнившихся отношеніяхъ къ нему ненавистниковъ; а пока это придетъ, бывшій пчеловодъ потеряетъ расположеніе къ дѣлу, навыки, да и ульи частью погниютъ, частью разойдутся по добрымъ людямъ путемъ одолженія и продажи. Но несчастные, добрые пчеловоды не

забываются въ окружицѣ: получая пчелиныя дары даромъ, въ брасную пору пчеловодства они дѣлились съ нуждающимися, дѣлились иногда послѣднимъ фунтомъ меда на лѣкарственныя надобности, комочкомъ воска на необходимую святочную свѣчечку-самодѣлокъ и невозбранно позволяли пользоваться „вѣзый“ на пластырь...

Сталъ ли кто случайнымъ пчеловодомъ, или продолжаетъ пчеловодное дѣло по преемству отъ отца и дѣда, онъ неминуемо принужденъ обзаводиться немногими, правда, подспорными предметами пчеловодства, за малыми исключеніями, на другія надобности неупотребляющимися. Къ такимъ подспорнымъ предметамъ слѣдуетъ отнести: а) „роэвню“—лубяную, древесинную, долбежную, или плетеную изъ соломы и лозы посудину вмѣстимостью въ четверикъ; въ иномъ употребленіи такая „роэвня“ есть или „лѣбка, или сивалка“ (см. о нихъ отд. А, гл. XVI, п. 40, 41);—б) маточникъ—10-ти верш. длины деревяшку, одинъ конецъ которой, сперва продобленный насквозь крестообразно, а потомъ защищенный въ пробоинныхъ отверстіяхъ лучиночными и даже стеклянными „кватэрочками“, затыкается „шпунцикомъ“ сверху, а другой конецъ, стесанный въ доску, имѣетъ двѣ-три засѣчки, чтобы держаться въ ульѣ на привѣсѣ;—в) сито съ прилаженнымъ къ нему покрываломъ, для защиты лица, головы и шеи, при осмотрѣ пчелъ;—г) длинный (верш. 8) съ тонкимъ лезомъ ножъ, обыкновенно заказной, и д) „куряшки или дымокѹрки“—перегнвшіе до распадѣнія и предварительно высушенные древесныя пни, стволы, дымомъ которыхъ необходимо пользоваться при „подлаживаньи пчелъ“. Съ такими, не всегда наличными предметами пчеловодъ обходится какъ съ одною колодой, такъ и съ десяткомъ ихъ,—обходится и при весенней чисткѣ судна, такой или иной поправкѣ его лѣтомъ, пересадкѣ, перегонкѣ пчелъ, и, въ особенности, тогда, когда нужно „лазиць пщель, подрѣзать“ ихъ. На послѣднемъ кончаются всѣ сношенія пчеловода съ пчелами, о которыхъ

онъ слабо вспомнить при наступленіи слякоти, метелей, нѣсколько участливѣе—въ рождественскія святки, когда нужно начертить кресты освященною „крѣйдый“⁸⁵²⁾ да окропить крещенскою водою изъ „семи орданъ“⁸⁵³⁾, при чемъ, кстати, онъ наведетъ справку, живы-ль пчелы? Далѣе... но тутъ подоспѣютъ весенніе солнопеки, обманчиво вызывающіе пчелу изъ улья—и пчеловодъ, пожалѣвшій трудовъ защитить его отъ вьюги и холодовъ, спѣшитъ защитить улей отъ солнопека, быть можетъ, потому, что обманутыя коварнымъ тепломъ пчелы стали усыпать трупами своими мѣсто около улья...

Указать точные сроки, когда обыкновенно „лазюць, подрѣзаюць щѣль“! нѣсколько трудно: иной дѣлаетъ это неожиданно рано, когда подоспѣлъ случай „чустуваць“⁸⁵⁴⁾ гостей, другой—въ Ильинъ день, или на „Макавье“ (1 авг.), третій—въ Успенье и даже позже⁸⁵⁵⁾. Вообще же столъ пчеловода будетъ неполнымъ 1 авг., если въ этотъ день нѣтъ медовой „моканіны“, или сыты для „цюпокъ“.—Заслуживаетъ помина личное отношеніе пчеловода къ „подлазу, подрѣзу щѣль“. По откровенному признанію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, эта работа вызываетъ въ душѣ тоскливый упрекъ: „знаешь, что идешь брать „дармовщину“, знаешь также, что настоящіе владѣльцы улейнаго добра будутъ отстаивать его до потери жизни, и знаешь, наконецъ, что идешь туда, какъ грабитель, съ огнемъ и ножомъ“...⁸⁵⁶⁾! Въ дальнѣйшемъ развитіи такого чисто дѣтскаго взгляда на дѣло тѣ же лица удостовѣряли, что именно этотъ упрекъ и жалость у настоящихъ пчеловодовъ порождаетъ отвращеніе къ меду, котораго они и не употребляютъ.

Х. На пашнѣ.

Съ давнихъ временъ за Витебскою Бѣлоруссіей удерживается названіе земледѣльческаго края и, нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ же поръ коренной обитатель ея привыкъ не то съ униженіемъ, не

то съ достоинствомъ величать себя: „мы—землепахп“. Какъ угодно, но только по одному этому естественно ожидать, что на безспорно богатой всяческими дарами природы Бѣлорусской землѣ гнѣздится выдающійся земледѣлецъ, что онъ исключительно вѣдается съ благодарною отраслью труда и что все это позволяетъ ему жить прицѣваючи. А между тѣмъ кому же не неизвѣстны періодическія голодовки „землепахп“, улегшіяся, затерявшіяся въ сравнительно близкое къ намъ время? Кому не памятна полупрезрѣнная кличка „мякинника“⁸⁵⁷), еще и теперь направляемая по адресу того же „землепахп“? А тощій, болѣзненный видъ да воспитанная лишеніями угловатость лица не говорятъ ли, что, кромѣ трудовъ и житейскихъ ограниченій, „землепахп“ находился въ неустанной, малопродуктивной погонѣ за „хлѣбушкомъ насучнымъ“? Въ видимомъ несогласіи понятій—„земледѣльческій край, землепахп, мякинникъ“—хотятъ видѣть неблагодарность почвы, лѣнь и косность бѣлорусса, воспитанное вѣками органическое отупѣніе, привычку жить впроголодь и проч. Пусть все это останется вѣрнымъ дѣйствительности и пусть на этомъ построится приговоръ о „землепахп“, послѣдній, съ присущимъ ему добродушіемъ, отвѣтитъ роковымъ примѣромъ: „шавѣць ходиць бязъ ботывъ, кравѣць—увесь зылаплиный, конѣвникъ⁸⁵⁸)—болій пѣшшу,—дыкъ ци дивно жъ, кыли зимлипахп бязъ хлѣба живець“?..

Среди мнимыхъ и дѣйствительныхъ причинъ скуднаго подь годъ хлѣбородія, а для отдѣльныхъ хозяйствъ и хлѣбнаго ограниченія, есть одна, повидимому, забытая, а именно: какъ въ иныхъ отрасляхъ занятій, такъ и земледѣльческомъ, мѣстный проголодникъ состоялъ „вѣчнымъ подмастерьемъ, даже работникомъ, но настоящимъ мастеромъ ему не приходилось быть“. Раньше, при двойныхъ земледѣльческихъ трудахъ, крѣпостного и собственника, крестьянинъ не могъ понасть въ земледѣльческіе мастера: на „пригонѣ“ онъ составлялъ рабочую единицу, воля и дѣянія которой не выдѣлялись изъ скопа („налле“), а всегда были под-

чинены общей управительской волѣ; работа же собственника, работа на себя, неизменно должна быть спѣшною, междучасною, а если крѣпостной имѣль несчастье состоятъ таковымъ у алчной владѣльческой мелкоты, или въ положеніи арендуемаго, тогда работы собственника онъ справлялъ и въ лунную ночь, и въ праздники... Сдѣлавшись, наконецъ, полнымъ собственникомъ, тотъ же „землепахъ“ сталъ вѣдаться съ землею или свыше хозяйственныхъ силъ, или, увлекаясь наступившею горячкою раздѣловъ, дробилъ то, что и безъ того было дробно, мельчалъ земледѣліе до того, что негдѣ и не надѣ чѣмъ было выказать земледѣльческаго мастерства.

Въ приблизительномъ положеніи находилось землепашное дѣло бытописуемаго простолюдина низшей и средней руки. Пользуясь непошатнувшимся семейственнымъ патриархатомъ, численностью рабочихъ членовъ, кое-какими денежными и хозяйственными достатками да владѣя смѣлостью и рискомъ, отдѣльные „землепахы“ высшей руки пустились на аренду сосѣдскихъ крестьянскихъ земель, настоящіе хозяева которыхъ почему-либо принуждены разстаться съ ними, или же, при большемъ рискѣ да подспорныхъ условіяхъ, хватались за аренду помѣщичьихъ имѣній, нерѣдко перекочевывая туда изъ родной деревни и размѣщаясь въ опустѣлыхъ барскихъ строеніяхъ. Но такой предприниматель очень хорошо помнилъ, что вѣдается съ чужою собственностью, что рано-ли, поздно-ли, а быть можетъ, не сегодня-завтра, онъ сойдетъ съ аренды, уступить право другому арендатору, или настоящему собственнику земли. Въ сихъ видахъ арендаторъ не могъ задаться широкими требованіями землепашества, не могъ ухаживать за арендною землею въ расчетѣ на отдаленное вознагражденіе, а бралъ то, что она давала ему немедленно, нынѣ же. Какъ очевидно, такое положеніе создавало, быть можетъ, и усерднаго трудолюбца, неутомимаго „землепахъ“, скажемъ, земледѣльческаго

промышленника, но оно далеко не приводило его къ „земледѣльческому мастерству“.

Среди „землепаховъ“ высшей руки, т. е. надѣленныхъ достаточнымъ количествомъ земли и имѣющихъ въ распоряженіи семейную силу, денежный и хлѣбный достатокъ, остается скромное меньшинство такихъ, кои, не ища счастья вдали, не гоняясь за многимъ, преданы своему земельному уголку, гдѣ доблестно трудился дѣдъ и отецъ и гдѣ есть мѣсто и просторъ для трудовъ внука. Казалось бы здѣсь слѣдуетъ поискать „земледѣльческаго мастера“, настоящаго „землепаха“; но сыщется ли таковой и насколько онъ возможенъ—видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Сравнительно недавно приходилось слышать обличительное увѣреніе, что „мѣстный мужикъ есть исконный врагъ лѣса, что въ безпощадномъ истребленіи лѣса мужикъ мститъ ему за вѣковыя обиды—здѣсь важивались губительные лѣшіе, размножались матеріальные враги хозяйства—вредоносные звѣри, здѣсь же ютились разбойничьи шайки“ и проч. Однако, съ чего, какъ ни съ порубки лѣса принужденъ зачинать житье-бытье тотъ, кто Святою волею призванъ къ человѣчному земному существованію? Тѣснѣйшимъ образомъ это нужно для расчистки будущей усадебной площади, нужно для строительныхъ въ усадьбѣ надобностей, отопленія теплыхъ строеній и, сверхъ сего, на образованіе пашни, сѣножати, скотскаго выгона. И что дѣлать, если новоселье пришло не на чистомъ полѣ, не въ обиженномъ лѣсномъ краю, а именно тамъ, гдѣ есть лѣсъ, гдѣ его много?—Селиться на „расцяробахъ“⁸⁵⁹),—можетъ быть отвѣтомъ...

Закончивъ „расцяробы“ и упорядочивъ лѣсные стволы (на ульи, „на шұлы“, на хатку, другія усадебныя строенія, на загороду, дрова и хозяйственныя подѣлки—корыта, лодки и проч.), новосель складываетъ древесные отбросы въ разрозненныя кучи, а при густотѣ бывшаго лѣса и, слѣдовательно, множествѣ отбросовъ, въ видѣ древесныхъ макушекъ, сучьевъ, коры и встрѣчнаго

здѣсь мелкогѣсья—въ одну пространную кучу. Этимъ дается начало для образованія будущей пашни. Если „расцяробы“ пришлись въ концѣ лѣта, осенью, зимою и даже раннею весною, то ко времени поздняго ярового засѣва готовые „груды“ могутъ быть обработаны и утилизированы на засѣвъ: въ противномъ случаѣ, да при чернолѣсныхъ „расцяробахъ, груды“ остаются на цѣлый годъ и въ это время они пополняются новыми отбросами и „подцяробными“ дополненіями, а древесные пни на томъ же мѣстѣ успѣютъ значительно провянуть и даже подсохнуть. Пока „груды и пяннѣ“ сохнутъ, между послѣдними вырастаетъ дивная по вышинѣ и густотѣ, особенно любимая скотомъ, т. наз. „бѣлая трава“, которая своевременно будетъ убрана и составитъ красное начало сѣножати.

Послѣ достаточной сѣшки въ теченіе года и окончательной въ апрѣлѣ начинается второй подступъ къ образованію пашни, извѣстный подъ названіемъ „палки груды“; а если то касается сплошного, большого пространства—„палки ляды“, каковая работа приурочивается къ полупраздничному Борисову дню (2 мая), и только за ненастьемъ переносится на ближайшіе послѣдующіе дни.—Существенными условіями „палки груды и ляды“ служатъ: легкая подвѣтреная погода, участіе въ работѣ старѣйшаго члена семьи и подручныхъ пособниковъ-мальчиковъ, которые длинными жердями мѣшаютъ и подворачиваютъ головни, а въ нужныхъ случаяхъ дѣлаютъ это и голыми руками. Отъ всего этого перегораютъ, пепелятся и навсегда исчезаютъ остатки недавней древесной красы и на мѣстѣ ихъ получаютъ „груды, или ляды“—то обугленные выхваты среди нетронутыхъ огнемъ пней и зачищаемой травяной зелени, то сплошная обугленная съ обгорѣлыми пнями площадь, на которой тамъ и здѣсь мелькаютъ сѣрыя пепелница да наиболѣе сѣрыя, упрямые головни, въ видѣ обгорѣлыхъ жердей, между тѣмъ какъ мохъ, трава и дернъ истлѣваютъ до мягкости вѣжнаго песка... Такъ „палютца груды да ляды“ не

одинъ день, не у одного новосѣла, а съ недѣлю и во всей окру-
жицѣ одновременно, и идетъ въ высь, или стелется по землѣ
тотъ густой дымъ, который заставляетъ непосвященнаго въ дѣло
путника тревожно посматривать въ сторону дыма, или о причинѣ
его освѣдомляться у встрѣчныхъ да попутчиковъ!..

Для полученной „гарь, выгари“ ⁸⁶⁰⁾ весьма благоприятенъ
хотя и небольшой дождь на другой день: онъ прибѣдетъ къ зем-
лѣ драгоценный „пыль“, который иначе разметаешь вѣтеръ, и въ
то же время охладить землю, которую необходимо спѣшно подго-
товлять къ засѣву. Какъ замѣчено раньше, соха и борона уступа-
ютъ здѣсь мѣсто „копылу, злизняку“, граблямъ и только въ
разрѣженномъ на семь мѣстъ бывшемъ лѣсу, а теперь „пяндвыи“,
пускается для „скородьбы ельчинка“. При заботливой обработкѣ,
и этими первобытными орудіями „груды и ляды“ преобразуются
въ пашню чуть-ли не лучше заурядной нашенной площади, а вся
видимая рознь будетъ въ томъ, что на новой пашнѣ пока мель-
каютъ пни да обнаженные въ разныхъ мѣстахъ корни бывшихъ
деревъ. Если „груды и ляды“ вошли въ составъ общей пашен-
ной земли, то въ первые годы густые пни и корневища будутъ
оттѣнять ее своею чернью; съ теченіемъ времени дождь и пашен-
ное тренье снимаютъ угольную окраску, при чемъ отъ того же
воздѣйствія и людской помощи рѣдѣютъ пни и корневища ⁸⁶¹⁾;
у заботливыхъ хозяевъ они складываются въ груды, сжигаются
и подновляютъ ослабѣвающую силу удобренія. Черезъ десятокъ
лѣтъ „гарь, выгари“ совершенно сливаются съ пашенною землею
и только привычное названіе ихъ „грудами или лядами“ можетъ
напоминать о бывшемъ здѣсь когда-то лѣсѣ, каковое имя остает-
ся за ними и тогда, когда на запущенныхъ „грудѣхъ и лядѣхъ“
снова выросъ чуть-ли не дровяной лѣсъ, въ которомъ окрестные
деревляне давнымъ-давно собираютъ ягоды, грибы и орѣхи...

Тѣ же „груды и ляды“ на низменной площади, гдѣ посѣ-
вы можно производить на горбинахъ, становятся сѣножатнымъ

мѣстомъ и то порознь, то въ сліяніи съ лугами удерживаютъ то же имя навсегда, хотя остатки бывшего лѣса давнымъ-давно пропали и здѣсь, какъ они пропали на пашенныхъ „грудяхъ и лядахъ“, за исключеніемъ развѣ „полявѹшки“, дуба, или другого дерева, пригоднаго впоследствии для установки поимочнаго улья („стоячка“), или для полуденнаго притона въ знойное сѣнокосное время.

Когда такимъ образомъ бывшіе „расцяробы“ составили одно цѣлое съ пашенною площадью, тогда земледѣльческая работа на нихъ не отличается отъ общихъ: одна и та-же соха съ бороною пройдутъ всю пашню, одними и тѣми же приемами „землепахъ“ обсеменитъ свое поле и заурядъ соберетъ съ него плоды трудовъ — нынче ржаной хлѣбъ, въ слѣдующемъ году — яровой ⁸⁶²). Единственною разницею между старою пашнею и прибавленною къ ней новою, особенно въ первые годы, будетъ то, что на первую положится больше навозу, тогда какъ на вторую удѣлится значительно меньше, или же, въ расчетѣ на неизсякшее отъ „перепалу“ удобреніе, таковая остается безъ навозу. Съ этого акта земледѣльческихъ сношеній съ пашнею небезполезно обратиться въ послѣдней и тѣснѣе прослѣдить на ней труды и заботы тѣхъ, кто говоритъ о себѣ: „мы — землепахи“!

Лишь только весеннее солнышко „облысило погѹрки, суходѣлики“ ⁸⁶³), а безкормица или жалкіе остатки зимняго корма, отпускаемые скоту „на покѹшку“ развѣ, заставляютъ послѣдній жалобно „рюсь“ въ хлѣвахъ, хозяева спѣшатъ предоставить голодающимъ пособникамъ „жѣхарства“ кое-какъ утолить голодъ на талыхъ мѣстахъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ облысѣнія земли и роста зелени, паственные пути скота дѣлаются болѣе продолжительными и вызываютъ уже наступій надзоръ и руководство: скотъ побываетъ и въ лѣсу, и на лугахъ, и на „иржмцахъ“, а въ подоспѣвшіе морозные утренники, когда земля крѣпко скована, даже и на озимяхъ ⁸⁶⁴). Такой строй и приволье

застаеть официальный выгонъ скота на паству въ Юрьевъ день и нѣкоторое время длится послѣ него. Но вотъ около Николина дня земля поднимается „подъ яръ“ и спѣшно подготавливается къ посяву, такъ что здѣсь для пользованія скота остаются только межпашенные лужки да межи; почти одновременно съ симъ „завѣшаютца“⁸⁶⁵⁾ лужки въ чертѣ озимыхъ посявовъ, поемные луга и находящіяся среди лѣса. Тогда въ пользованіи скота остается лѣсъ, если таковой есть, и „парина или попаръ“ съ промежуточными здѣсь лужками „узмежками, обузмежками“⁸⁶⁶⁾, межами, „мочулами и хмызниками“⁸⁶⁷⁾. Весеннее тепло, парные дожди, сравнительная тучность „парины“ и живительная весенняя природа гонятъ изъ земли нѣжный и, пожалуй, достаточный для скота кормъ: нынче скотъ прѣльзъ этотъ кормъ на „попаръ“, а послѣ завтра снова готовъ здѣсь полухлѣбный, тучный кормъ!

Съ началомъ Петровокъ у скота отнимается этотъ лакомый и тучный кусочекъ, и „парина“ выдерживаетъ первое наступленіе „землепахы“ — сюда вывозится „гной“⁸⁶⁸⁾. По предварительному указанію хозяина, „скамдили“ скапываютъ его съ возовъ то гуще, на возвышенныхъ мѣстахъ, то рѣже на низменныхъ; на ровной же пашнѣ они руководятся личнымъ хозяйственнымъ навыкомъ и укладываютъ навозъ равномерными кучками. Эти послѣднія, въ отступѣ другъ отъ друга арш. на 4, къ концу навозной толочки покрываютъ „попаръ“ довольно стройными рядами. Позволить время — толочане разметають навозныя кучки, нѣтъ — это сдѣлаетъ хозяйская семья на другой, или въ ближайшіе дни: навозными вилами, граблями, легкимъ колышкомъ, наконецъ, просто руками навозъ будетъ разнесенъ по „попару“ — и яркая зелень, нѣжныя фіалки, ромашка и другая краса „парины“ очутятся подъ покровомъ бурога навоза, который придастъ имъ, какъ и на далекое вокругъ разстояніе, густой специфической „пахъ“...

Такое положеніе „парины“ не бываетъ продолжительнымъ: если „любыя госцики“ не разметали навоза, не „узняли парины“,

— что иногда дѣлается для завершения навозной толоки, то самъ хозяинъ и семейные пособники его „узиумуць парину“ приблизительно чрезъ недѣлю. Послѣ такого вторичнаго наступленія „землепахъ на парину“; послѣдняя избороздится вдоль нивы грузными „узмѣтами“. Жилась, поматывая въ тактъ поступи низко опускаемою головою, отмахиваясь хвостомъ отъ роя оводовъ, слѣпней и мухъ, такъ алчно налетающихъ къ потному тѣлу, да выслушивая неустанные выкрики и понукиванья ⁸⁶⁹⁾ слѣдующаго за сохою „оральбита“, терпѣливая лошадка, или замѣститель ея „бычанокъ“, примѣрно, саженную долю пашни пройдетъ туда и обратно не менѣе 10—12 разъ!

Тѣмъ временемъ, пока проходятъ текущія хозяйственныя работы, „узмѣты подоцрѣваюць“, т. е. перевернутый внизъ и на бокъ прошлогодній дернъ разрушается, а вмѣстѣ съ навозомъ тлѣютъ растительные побѣги сего года. Это—наиболѣе печальное состояніе „парины“: поднятая земля имѣетъ да и всему окружающему придаетъ мрачный видъ, пополняемый „узмѣтными“ горбинами, промежъ которыхъ кое-гдѣ торчитъ цвѣтокъ, травяной нучекъ, или виднѣется короткая бороздная рытвинка. Уже по мѣрѣ дальнѣйшаго покоя, да благодаря скотскому вытопту, дождевому прибою и проростающей травѣ, недѣли черезъ три „паринная ораллѣ“ теряетъ мрачную остроту и примиряетъ нѣсколько съ собою.

Управившись съ первыми сѣнокосами на болотистыхъ мѣстахъ, на гумнѣ, гдѣ потомъ можно получить отаву, „землепахъ“ дѣлаетъ третье наступленіе—„скородиць парину“; но эта работа проходитъ какъ-то между дѣломъ, по крайней мѣрѣ, ей отдается лишь половинная часть дня, при чемъ, какъ и при „оральбѣ“, послѣдождевое время почитается наиболѣе благоприятнымъ, особенно, на глинистыхъ и „подзолитыхъ“ мѣстахъ. Послѣ „скородьбы“, приводящей пашню въ стройную „ровнядну“, на послѣдней остаются пучки травяныхъ корневищъ; при участіи воз-

растныхъ досужіе дѣти собираютъ потомъ разметанныя корневища и вмѣстѣ съ упорными кольями да камнями сносятъ ихъ въ нашенный уголокъ, или рытвину, — что опять же проходитъ между дѣломъ.

Въ послѣднемъ видѣ пашня остается три-четыре недѣли, т. е. тотъ срокъ, въ которой пройдетъ второй сѣнокосъ, и за это время на ней успеетъ порости новая трава, а на чрезполосныхъ нивахъ появятся тропинки, проложенныя перегоняемымъ въ луга скотомъ, или же „ягодниками, грибовниками“ и рабочими, при выдающемся положеніи, когда нужно сократить рабочій путь, или когда нѣтъ полевыхъ дорожекъ⁸⁷⁰); по той же нивѣ пройдетъ и телѣжная дорожка съ явными слѣдами перевозимаго по ней сѣна и сноповаго хлѣба. Въ концѣ іюля, послѣ „Ганнывъ“⁸⁷¹), та же пашня выдерживаетъ четвертое наступленіе „землепахы“ — начинается „мѣшина“, т. е. вторичный подъемъ земли сохою. Благодаря тому, что „земля упрѣла“ и достаточно размягчена первичнымъ „поднѣмомъ да скородьбой, мѣшина“ идетъ вдвое скорѣе и у большинства заканчивается къ Спасу. Самый образъ „мѣшины“ ничѣмъ не отличается отъ обычной оральбы: но здѣсь уже нельзя увидѣть тѣхъ „узметовъ“, какъ при первой вспашкѣ, и рыхлая земля ложится тонкими, густыми, едва различаемыми грядками. По такой „мѣшини“ остается лишь засѣвать рожь, — что и дѣлается въ три различные срока: отъ 7 до 15 авг., отъ 16 до 29 авг. и отъ 1 до 14 сент.; эти повсемѣстные сроки извѣстны подъ именами ранняго, средняго и поздняго посѣва, и все три одинаково могутъ быть благопріятными и неблагопріятными, что зависитъ отъ общихъ климатическихъ условій даннаго года и, ближайшимъ образомъ, отъ тѣхъ же условій въ „засѣвныи“ сроки, при чемъ весьма часто утренній и вечерній засѣвъ одного и того же дня даютъ въ послѣдствіи замѣтную разницу во всходѣ, дальнѣйшемъ ростѣ и урожаѣ.

Приготовивъ съ вечера „сѣмины“, даже уложивъ ихъ на

телѣгу вмѣстѣ съ „сивалкы“ и однимъ-двумя кулями соломы, „сявбитъ“ на другое утро сѣшптъ на пашню и пробирается онъ туда скромными, околичными путями, чтобы избѣжать невыгодныхъ на сей разъ встрѣчъ. По прибытіи на мѣсто онъ прежде всего озирается, нѣтъ ли свидѣтелей предстоящей работы, и если таковые окажутся, то начинаетъ нескончаемо возиться около телѣги, лошади, пока свидѣтель не удалится. Уже тогда онъ сѣшпно енимаетъ съ телѣги привезенное, также сѣшпно помѣщаетъ его при межѣ, или на самой серединѣ нивы, и тутъ же сѣшптъ насыпать изъ мѣшка первую „сивалку“, разбавивъ „зѣрныты“ горстью-двумя освященной въ Спасовъ день ржи, которую онъ до сего времени держалъ въ тряпочкѣ за пазухой, при голомъ тѣлѣ. Когда все это сдѣлано и когда поверхность приглажена и назnamenована крестомъ, „сявбитъ“ привязываетъ къ „сивалочному“ ушку или кусочекъ артоса, или „Благовѣщныю проскурку“ ⁸⁷²), поднимается въ ростъ и еще разъ осматриваетъ, нѣтъ ли зрителей? По совершенномъ удостовѣреніи, что таковыхъ нѣтъ, „сявбитъ“ присѣдаетъ къ землѣ, накладываетъ почепку на шею черезъ голову и, поднявшись вмѣстѣ съ „сивалкой“, идетъ къ мѣсту, откуда слѣдуетъ начинать посѣвъ. Обыкновенно первая двѣ горсти „сѣмянъ“ рассыпаются крестообразно въ углу нивы, безъ обычнаго при засѣвѣ порядка; послѣдующая же разсыпка ихъ происходитъ при медленномъ движеніи „сявбита“, и въ то время, когда онъ наступаетъ правою ногой, горсть сѣмянъ выбрасывается впередъ, больше въ правую сторону, лѣвою ногою—другая горсть мечется въ лѣвую сторону, обѣ падаютъ на землю какъ бы сцепленными полукружіями и занимаютъ ширь въ 3—4 арш. Чтобы не потерять изъ виду предѣльнаго паденія „сѣмянъ“, эти мѣста отмѣчаются соломенными „тычками“, и это дѣло исполняетъ праздное дитя, тутъ же слѣдующее за „сявбитомъ“ съ пучкомъ соломы подъ мышкою, изъ которой для каждой „тычки“ отдѣляется съ десятокъ, сѣшпно сгибается пополамъ и втыкается

въ землю. По окончаніи засѣва нива представляетъ издали площадь, на которой довольно правильными рядами сдѣланы прихотливыя соломенные насажденія, отгѣненные двумя „стѣжками“, подобно иртовымъ на снѣгу слѣдамъ: одна изъ нихъ лежитъ на срединѣ, промежъ соломенныхъ рядковъ, а другая при каждомъ такомъ рядѣ... Какъ и при началѣ засѣва, „сявбитъ“ разсыпаетъ послѣднюю горсть сѣмянъ крестообразно въ противоположномъ углу и тутъ же ставитъ „сѣвалку“; въ то же время онъ не уноситъ съ мѣста и мѣшковъ, а перекинетъ ихъ на забороненное мѣсто лишь тогда, когда непосредственно за засѣвомъ примется боронить да въ работѣ дойдетъ до мѣстонахожденія мѣшковъ; то же и съ сѣвалкою. Уже по завершеніи бороньбы эти предметы убираются съ нивы, а остатки соломы разметываются тутъ же.

Принято засѣвать въ одинъ пріемъ такое пространство, которое можно было бы заборонить къ концу „запряжки“, или, въ крайнемъ случаѣ, къ вечеру засѣвнаго дня: незабороненныя на ночь зерна теряютъ половину въ будущемъ ростѣ и урожаѣ и могутъ сравниться съ забороненными лишь случайно ⁵⁷³)... Бороньба засѣва идетъ особенно быстро, и только внезапныя причины могутъ перенести эту работу на другой день. Поэтому незабороненный къ ночи засѣвъ слишкомъ рѣдокъ, и о немъ судятъ въ окружицѣ, какъ о несчастномъ событіи.

Послѣднимъ наступленіемъ „землепахъ“ на пашню нужно считать „лешенія“ послѣдней сохою, которое состоитъ въ проведеніи бороздъ то вдоль, то поперекъ пашни, а также и въ обводѣ ея болѣе глубокою бороздою по окраинамъ и вдоль межъ; это дѣлается или непосредственно за бороньбою, или въ ближайшую запряжку слѣдующаго дня. Густота и направленіе „лехъ“ всецѣло зависятъ отъ пашенной поверхности: низменна послѣдняя — „лехи“ проводятся гуще, высока — рѣже, или и совсѣмъ не проводятся. Несмотря на постоянную оплату, воспоминаемый „землепахъ“ не вѣдался съ поперечными „лехами на погѣрковыхъ

мѣстахъ“, а проводить таковыя по склону, сверху внизъ, почему, при весеннемъ и дождливомъ стока воды, получалъ здѣсь глубокія рытвины и песчаные наносы... Завершивъ круговую „леху, землепахъ“ проводилъ на пашенномъ углу двѣ короткія (около сажени) крестъ-на крестъ „лѣшки“, спускался съ пашни вмѣстѣ съ лошадью и сохою, благословлялъ рукою всю пашню и только тогда считалъ дѣло озимой запашки вполне законченнымъ. Какъ работникъ, онъ прибываетъ сюда чрезъ 11 мѣсяцевъ, а до того времени онъ появится раза два осмотрѣть „краску и рунь“, согнать скотъ, принять въ заморозки нарочно пускаемыхъ на „рунь“ лошадей; по веснѣ же зайдетъ въ Вербное воскресенье воткнуть освященную вербочку, въ Омино—зарыть остатки „свѣцнаго“, въ видѣ костей, яичной скорлупы и кое-какихъ крошекъ, а потомъ, лишь мимоходомъ „поцекавиць, ци хувайтца ворона у жыци ны Миколу, ци узнялося яно по колѣно на Узнесиння, ци колосуетца на Троицу ⁸⁷⁴), ды якъ красуетца, ци ядрино наливаиць“?... Всѣ нарочитыя мимоходныя, попутныя посѣщенія можно считать гостинными посѣщеніями, по крайней мѣрѣ, такъ отзывается о нихъ самъ „землепахъ“, когда передаетъ, что „житцо провѣдывавъ, у гosci къ житцѹ ходивъ“!

Какъ прошла „житвія успашка“, точно такъ же проходитъ и яровая: вся разница лишь въ срокахъ подъема и окончательной обработки яровой пашни. Если позволяетъ возможность и съ нею согласуется хозяйское радѣнье, „пржица“ поднимается еще осенью, по завершеніи полевыхъ работъ; въ противномъ случаѣ это дѣлается раннею весною, какъ только соха входитъ въ землю, и, въ особенности, непосредственно послѣ перваго грома, который „одмыкаиць землю“. При начальной работѣ съ сохою, когда „землепахъ“ и его пособникъ нѣсколько забудутъ „вориво“, земля только „заворивыитца“, т. е. поднимется полоса саженой ширины, и это „заворивыння“ приходится или на Свѣтлой недѣлѣ, начиная съ четверга, или на Радоницу, хотя при поздней

Пасхѣ бываетъ на Страстной, даже Вербной недѣлѣ. Ровно чрезъ недѣлю поднятая земля боронится, а чрезъ другую „мишаитца“, — съ чѣмъ соединена ея готовность къ яровому засѣву.

Указать точные сроки общаго ярового посѣва, какъ и посѣва отдѣльныхъ хлѣбовъ, довольно трудно: въ этомъ случаѣ многое зависитъ отъ климатической розни мѣстностей (южная окраина Леп. и сѣверная Велиж. у.), а нерѣдко отъ той же розни двухъ смежныхъ годовъ. Тутъ можно указать лишь приблизительные сроки, присоединивъ къ колосистымъ хлѣбамъ (ярицѣ, пшеницѣ и ячменю) ранній, средній и поздній посѣвъ. Эти сроки исчисляются недѣлями отъ Ильина дня назадъ и къ нимъ причисляются подвижные и постоянные праздники, какъ общіе, такъ и мѣстные, исключительно чтимые простонародьемъ и слѣдуемые за Пасхою. Такимъ образомъ, если имѣть въ виду св. Пасху послѣдняго года бытописуемаго срока ⁸⁷⁵), то нашенные яровые сроки падаютъ на слѣдующіе дни: 16 апр. „завѣривали“; 17, 18 и 20 апр. законченъ подъемъ ярового поля; 24 и 25 апр. бороньба; 1 и 2 мая „мѣшинь“, а 4—5 мая, на 11 нед., первые посѣвы ячменя (ранній ячень) и пшеницы, какъ на общей пашнѣ, такъ и на „грудяхъ, лядахъ“; 11—18 мая, на 10 нед., посѣвъ гороха; въ „Шосниковую“ недѣлю (6-ю по Пасхѣ и 9-ю отъ Ильи) посѣвъ овса, а послѣ этого, на 8-й нед., отъ 25—30 мая поздніе посѣвы, къ которымъ причисляется посѣвъ гречихи. Приведенные сроки могутъ отодвигаться отъ Ильина дня, и есть отдѣльные случаи, когда ранніе посѣвы начинаются на 13, даже 14-й недѣлѣ; тутъ хозяева уже рискуютъ, а если апрѣльскіе и майскіе морозцы погубятъ всходы, то приходится „отпахиваць ярь“ и чрезъ то сдѣлать ее поздною. Но эти же сроки не доходятъ до 6-й нед., и посѣявшій ярь даже на 7-й нед. можетъ снять таковую, какъ кормъ для скота.

Вопросъ, гдѣ сѣять тотъ или другой яровой хлѣбъ, разрѣшается хозяйственною практикою, примѣтами предыдущихъ лѣтъ,

при чемъ не упускается изъ виду преимущественная тучность „лѳговъ, подлѳговъ, низинъ“, куда стекаетъ съ высотъ удобри- тельная влага: тутъ обыкновенно сѣется ячмень, пшеница, ленъ и горохъ; овсу же отводится остальная, „погѳрковая земля“, или недостаточно удобренная подъ прошлогоднѳе озимп „ровнядина“. Но есть и отдѳльные, довольно секретныя указанія на тотъ и другой хлѳбосѣвъ: обилѳе „надѣекъ“, хрущевыхъ гусеницъ, „ко- зѳшникъ“ разныхъ, стайное метанье насѣкомыхъ („комары макъ товѳуць“) ⁸⁷⁶) и, въ особенности, налетъ ворѳнья, мелкихъ пта- шекъ, да безбоязненный подступъ ихъ къ пахарю, какъ и драч- ливое оспариванье выпахиваемыхъ насѣкомыхъ, и мн. др., могутъ неожиданно измѣнить хозяйскѳе планы—овесъ будетъ засѣянъ тамъ, гдѣ предполагался посѣвъ ячменя, или гречихи и проч. Ко всему этому присоединится развѣ обычная хозяйственная преду- смотрительность, благодаря которой пшеница и ячмень засѣваются подальше отъ усадьбы, чтобы на нихъ не залетали воробьи, го- рохъ—подальше отъ дороги, чтобы уберечь его отъ „рукатыхъ вѳрябѳекывъ“.

Внѣшнѳе, чисто рабочѳе прѳемы ярового засѣва отличаются отъ таковыхъ же при озимомъ лишь незначительными изъятѳями. Такъ при засѣвѣ овса, ячменя и бѳлаго гороха не приходится „ляшѳць“, потому что свѣтлыя зерна достаточно обозначаютъ грань паденѳя, но при засѣвѣ остального хлѳба „лешѳннѳа“ необ- ходимо, а при засѣвѣ темной гречихи приходится зорко примѣ- чать мѣсто паденѳя зеренъ и по одному сему устанавливать „тыч- ки“, или же предварительно намѣтить ими засѣваемую площадь. „Тычками“ здѣсь бывають, по большей части, древесныя вѣтки, такъ какъ солома или исчезнетъ за зиму, или поубавится на- столько, что ее жалъ пускать на непрѳизводительныя траты.— Ни „лехъ“, ни кругового обвода бороздою на яровой пашнѣ не дѣлается, а если заключительную бороньбу отправляетъ юнецъ, то онъ даже не благословитъ оставляемой пашни тѣмъ сердечно-лю-

бовнымъ крестомъ, который посылали при семъ случаѣ дѣды и отцы...

Умѣнье засѣвать хлѣбъ ⁸⁷⁷⁾ дается не сразу и не всякому; иные такъ на всю жизнь остаются неумѣлыми „сивбитами“, у которыхъ хлѣбъ вырастаетъ „въ одномъ мѣстѣ густо, а въ другомъ—пусто“. Особенно труденъ засѣвъ льна, который приходится метать не горстью, какъ остальной хлѣбъ, а „нюшкѣмъ“ (щепотью). Тутъ поневолѣ нужно обращаться къ знатокамъ льняного засѣва. Впрочемъ, то же обращеніе къ стороннимъ, владѣющимъ завѣдомо счастливою, легкою рукой, дѣлается при всякомъ хлѣбномъ засѣвѣ...

Последнимъ „заскорѣживаннимъ яри“ приканчиваются пашенные труды и, пожалуй, сношенія хозяевъ съ яровымъ полемъ, вплоть до уборки; сюда прокрадутся, или по семейному посылу забѣгутъ ребяташки, чтобы „нащипаць гороху“; подавляющая хлѣбъ лебеда, сурѣпица, осоть и другія сорныя травы не призвуть на „яринѹ“ ни хозяевъ, ни тѣмъ болѣе ихъ пособниковъ, чтобы выполоть хлѣбныхъ враговъ: „одѹжиць“ хлѣбъ сорныя травы, переростеть ихъ—все будетъ зависѣть отъ Божьей воли и поущенія. Въ данномъ случаѣ и въ пользу посѣвовъ хозяева сдѣлаютъ многое, когда подчистятъ насѣдающія на пашню лѣсныя поросли, „дадѹць подцярѣбы“, которыя съ теченіемъ времени войдутъ въ пашенную площадь...

Жнивнымъ работамъ предшествуетъ „зажѣнъ“, который дѣлаетъ сама хозяйка подъ вечеръ субботы, по преимуществу, и при полупраздничной обстановкѣ: она одѣвается въ чистую одежду, обувается въ болѣе парадную обувь и беретъ въ путь кое-какую закуску, среди которой обязательнымъ бываетъ сыръ. Срѣзавъ первымъ захватомъ серпа „каливъ 10 Богу“, она кладетъ ихъ въ зажиночномъ уголкѣ крестообразно и тутъ же присѣдаетъ для предварительной, небольшой закуски. Вслѣдъ за симъ хозяйка безостановочно нажинаетъ цѣлую „бабку“, иногда двѣ-три, устав-

ляетъ ее на сжатой площадкѣ и снова присѣдаетъ на прежнемъ мѣстѣ для болѣе основательной закуски. Скромные остатки послѣдней, или отдѣленные кусочки она кладетъ на покрывной снопъ, подъ бабку, на мѣсто, гдѣ лежали „каливъ 10 Богу“, и, собравъ послѣднія, съ подходящею пѣснею возвращается домой. Здѣсь „каливы“ прежде всего помѣщаются въ „божницу“, а потомъ, не въ очередь ѣды, семьяне поѣдаютъ „зажонные“ остатки, выслушивая повѣсть „зажонницы“ объ обстоятельствахъ работы, часто не имѣющихъ ни существеннаго отношенія къ ней, ни интереса.

Такъ ведется заурядный „зажонъ“ и въ подлежащее время, когда наступила дѣйствительная необходимость снимать созрѣвшій хлѣбъ. Но нужда, которая, по пословицѣ, „скачетъ, пляшетъ и пѣсенки поетъ“, значительно видоизмѣняетъ „зажонъ“: точно воры, жнеи тайкомъ пробираются къ зеленому хлѣбу, тайкомъ переносятъ жалкіе снопики, чтобы скорѣе отвѣдать „оржанники“; тутъ нѣтъ мѣста „зажонной перекускѣ“ и пѣснѣ, не красуется „зажонная бабка“-особнякъ, а только видишь все болѣе и болѣе разрастающуюся „иржища“ тогда, когда окружный хлѣбъ едва подходитъ къ зрѣлости...

Послѣдующія жнивныя работы идутъ своимъ обычнымъ чередомъ, съ унаслѣдованными отъ „сѣдой старины“ приемами—и на „иржищи“⁸⁷⁸⁾ сначала видны то поваленные, то стоймя торчащіе снопы, которые при солнечномъ закатѣ сперва снесутся въ длинныя рядки, а потомъ тутъ же преобразуются въ „бабки“, которыя, въ свою очередь, вытянутся въ стройныя „корогоды“... „Чудная картина“!—хочется сказать непричастному къ работѣ зрителю,—„и создается она, какъ отплата за чистый, святой трудъ“! и проч... Но тутъ не лишне подойти къ „жанцамъ“⁸⁷⁹⁾ да присмотрѣться къ ихъ праведнымъ трудамъ—и безсмертная, вѣчно свѣжая картина Н. А. Некрасова—„Въ полномъ разгарѣ страда деревенская“—возстаетъ во всей непошатнувшейся красѣ.

Что прибавится къ ней на мѣстѣ? Развѣ то, что долговязая Авгнянка, приземистая, неуклюже толстая Акснѣнка, да юная „писнацѣвка“ — Аринька ⁸³⁰) однообразно пригнуть головы на аршинъ отъ земли да орудуя серпомъ, отхватывая „жмѣньку за жмѣнькой“, стануть врываться въ хлѣбную рощу въ то время, когда общая духота и солнечный припекъ въ горизонтально подставленную спину и склоненную голову будутъ дожимать „пикельными дожимами“ ⁸³¹), отъ которыхъ то у той, то у другой жнеи „чѣхницъ носомъ кровь“, трясутся „поджилки“, горитъ лицо и каплетъ крупный потъ... Нѣтъ силъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ духотой — жнеи скидываютъ безъ того излишнее „одѣцця“ и, въ расчетъ на безсудность сосѣдокъ и отсутствіе мужчинъ, продолжаютъ жниво въ одной лишь разстегнутой рубашкѣ... При „задѣлѣ визьма“, то Авгнянка, то ея пособницы выпрямятся въ полный ростъ и скручиваютъ солому на отлетѣ; но вслѣдъ за спмъ они принуждены еще ниже припасть къ землѣ, чтобы распластать „вязьмо“, каждый разъ опять же низко согнуться для укладки сжатой „жмѣньки“ и совершенно припасть къ землѣ, когда необходимо нажать колѣномъ завязываемый снопъ... Все это — „чудная картина“, и этими же рабочими положеніями создается грядущая „отплата за чистый, святой трудъ“!..

Жатвенная картина нѣсколько пополняется, когда нужно снимать малорослый, едва достигшій 6 верш. хлѣбъ, или такой, что „отъ колоса до колоса ни чуваць голоса“, — снимать градобитные „прибѣи“ да скотскіе „вытонты“, которые и коса съ трудомъ можетъ „няць“. Эту работу только и могутъ исполнить Авгнянки, Акснѣнки и Ариньки — быть можетъ наитерпѣливые „жанцы“ изъ всѣхъ своихъ сестеръ въ мірѣ...

Сказанное одинаково относится къ ржаному и яровому жниву, которое оканчивается „дожономъ“ — болѣе параднымъ празднествомъ, чѣмъ „зажонъ“. Если данное хозяйство выше средняго и хозяева хлѣбосольны, то „дожонъ, дожники“ служатъ по-

водомъ къ скромному гостиному сбору и короткой пирушкѣ, невозобновлявшимся съ навозной толки. Существеннымъ образомъ „дожинки“ справляются по окончаніи ржаного жнива; но нѣкоторые хозяева вторятъ ихъ и послѣ ярового. Подобно тому, какъ и при навозной толокѣ, „дожинницы“, а позже и ихъ присные, являются скорѣе показными жнеями, такъ какъ къ „дожинкамъ“ оставляется на нивѣ лишь незначительная хлѣбная площадь, съ которою безъ труда могли бы управиться къ вечеру и семейныя жнеи. Приканчивая жнивную работу, жнеи оставляютъ нѣтронутыми ржаные стебли на 8-ми верш. угловомъ, или окраинномъ мѣстѣ, и направляютъ сюда нѣсколькихъ наиболее красивыхъ, молодыхъ товаришекъ своихъ. Пока остальные жнеи снашиваютъ снопы, ставятъ ихъ въ „бѣбки и корогоды“, избранницы присѣдаютъ вокругъ оставленныхъ стеблей и „завиваюць бороду“, — что, при пѣніи надлежащихъ пѣсенъ, состоитъ въ предварительномъ связываньи стеблей лентою, ниже 8—10 верш. отъ колосьевъ, и осторожномъ, медленномъ выпалываньи травы подъ стеблями, такъ что здѣсь образуется маленькое токовнище; въ то же время другая партія подобныхъ жвей, сидя на послѣднемъ снопѣ, вѣетъ ржаной вѣнокъ. Всѣ три работы — „завивка бороды“, плетенье вѣнка и установка сжатыхъ сноповъ — подгоняются къ одновременному концу. Тогда сгруппировавшіяся жнеи кладутъ вѣнокъ на голову самой красивой жнеи и, выставивъ ее вожакомъ, медленно, съ голосистою пѣснею направляются къ хозяйскому дому. Остановившись на дворѣ, жнеи доканчиваютъ пѣсню и входятъ въ домъ уже тогда, когда хозяйка встрѣтитъ ихъ съ хлѣбомъ-солью, а тѣмъ временемъ хозяину будетъ надѣтъ на голову вѣнокъ, въ каковомъ украшеніи онъ предшествуетъ гостямъ при вступленіи ихъ въ домъ.

Парадность „дожина“ имѣетъ мѣсто лишь при указанныхъ выше условіяхъ; но тамъ, гдѣ единственная въ домѣ жнея-хозяйка заканчиваетъ жниво, „дожинъ“ ограничивается лишь кое-ка-

кою завивкою „бороды“ и одиночнымъ пѣніемъ трехъ-четырехъ-стиховъ дожиночной пѣсни на нивѣ. Молчкомъ, одинокая сходить она съ мѣста работы и также молчкомъ вступаетъ въ домъ, принося туда изрѣдка не вѣнокъ, а дубликатъ „каливъ 10 Богу“. Что сказать о тѣхъ „захудальцахъ“, кои тайкомъ начинали „зажонъ“, увезли съ нивы еще невырѣвшій хлѣбъ и принуждены сдѣлать то же надъ послѣднимъ выходящимъ изъ-подъ серпа снопомъ? Ужъ какой тутъ „дожонъ“?!

При недостаткѣ выгонной „пашы“ и голодовкѣ скота на „попарѣ“, даже незначительная сжатая площадь даетъ ему обильные кормовые дары, потому что этимъ открывается прогонный путь въ межпашенные лужки, поросшіе отавою. Но съ этого же начинается и нескончаемая борьба хозяйства съ „потравами и шкѣдами въ бабкахъ“, пока тѣ не увезутся въ гумно: ни „розгачи“, ни другія убѣдительныя мѣры не призовутъ пастуховъ къ охраненію сжатого хлѣба, и хозяинъ увозить съ поля не одинъ снопъ, въ которомъ уцѣлѣла лишь солома. Посему хозяева часто изъ-подъ серпа убираютъ хлѣбъ съ такихъ опасныхъ мѣстъ и досушиваютъ его на гумнѣ, разставивъ въ „бабки“, прислонивъ снопы въ изгороди и строеніямъ, или воткнувъ ихъ на изгородные колья.

Сжатый хлѣбъ покоится на „иржищи“, пока солома и всякая трава межъ нею надлежаще не просохнуть. Если хлѣбъ сжатъ въ сырую погоду, или дожди проходили послѣ жнива, то при наступленіи вѣдра „бабки ускрываютца“, т. е. съ каждой изъ нихъ снимается покрывочный снопъ, какъ извѣстно, накладываемый на группу сноповъ зонтикомъ, шатромъ, коломъ вверхъ, или же, надломленный ниже „визма“, онъ накладывается на одну сторону сноповой группы, тогда какъ другая сторона остается лишь подъ навѣсомъ наклоненной головки⁸⁸²).

Мѣстная ржаная „бабка“ содержитъ 10, а яровая 6 сноповъ, считая въ томъ числѣ и покрывочный. При установкѣ ея

первый снопъ утверждается вертикально, остальные же, въ незначительномъ отступѣ другъ отъ друга, располагаются вокругъ „стояна“ наклонно и соединяются съ нимъ лишь колосинными верхушками. Какъ ни малосодержательна „бабка“ и какъ ни тѣсно подъ нею пространство, однако, тутъ можно приютить дитя, а подъ ржаною „бабкой“ можно укрыться отъ зноя и дождя и возрастной жнеѣ. — Одинъ или нѣсколько рядовъ „бабокъ“ даютъ извѣстный „корогодъ“, обыкновенно содержащій круглое число „копъ“ (копѣ—60 сноповъ, или другихъ предметовъ); на него приходится смотрѣть, какъ на полный возъ, на два воза, а не на доли ихъ. Если въ снопахъ „малая вязь“, или рабочая лошадь дюжа, близка доставка, ровна дорога, тогда хлѣбный возъ будетъ содержать свыше двухъ „копъ“; нормальнымъ же хлѣбнымъ возомъ считается поклажа въ двѣ „копы“, и этотъ грузъ едва по силамъ малорослой заморенной лошаdkѣ.

Полевая уборка льна, связываемаго также снопами, значительно разнится отъ всякой жатвенной работы: такъ прежде всего тутъ не нужно пригибаться къ землѣ, а достаточно опустить внизъ руку, да захвативъ горсть льняныхъ „верховокъ“, слегка потащить ихъ вверхъ—и мягкая земля отпустить на волю гладкіе льняные корешки, вообще слабо держащіеся въ ней. Кромѣ того, тутъ не приходится много хлопотать надъ скручиваньемъ „визьма“, потому что пятокъ стеблей довольно прочно сдерживаетъ снопъ, который на половину меньше хлѣбныхъ сноповъ. Наконецъ, льняные снопы не нужно уставлятъ въ „бабки и корогоды“⁸⁸³), а достаточно приставить ихъ другъ къ другу въ сплошную „стойку“: отрѣзанныя косою или ножомъ головки будутъ досушиваться въ „острѣвкахъ“ и въ сушильнѣ, передъ молотью, а оголенные снопики немедленно же будутъ отправлены на „мочиво“.

Что сдѣлано со льномъ, то же, безъ измѣненія, дѣлается и со скуднымъ засѣвомъ конопли, изъ которой, впрочемъ, вскорѣ послѣ цвѣтенія выдергиваются посконные стебли⁸⁸⁴). Еще съ по-

ловины лѣта они остаются прислоненными къ стѣнѣ, подъ стрѣхою, и здѣсь до конца августа поджидаютъ остальную коноплю, чтобы вмѣстѣ отправиться въ „мѣчиво“...

Созрѣвшій бобъ, котораго преимущественное мѣсто въ огородѣ, по большей части, сжинается, и только изрѣдка выдергивается, подобно льну и коноплѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вяжется въ толстые неуклюже-неровные снопы; послѣдніе, будучи перевиты соломеннымъ „вязьмомъ“, такъ рѣзко выдѣляющимся на черномъ корпусѣ снопа, готовы напомнить сюртучнаго мота въ лапоткахъ... Бобовые снопы просушиваются въ „островкахъ“, прислоненными къ стѣнѣ и изгороди, или торчатъ на изгородныхъ кольяхъ.

Полевая уборка гороха, „сочивки“ и гречихи совершенно не похожа на уборку остальныхъ хлѣбовъ, уже потому, что съ мѣстомъ родины ихъ разлучаетъ коса съ „грабѣлками“⁸⁸⁵), а послѣдующее превращеніе въ „кѹпы“ для сушки и принятія на возъ вершаютъ обыкновенныя грабли. Горохъ подворачивается ими, какъ сѣно, и сгребается въ подобіе пластовъ⁸⁸⁶); гречиха же свертывается въ отдѣльныя „кѹпы, крѹтки“ непосредственно изъ прокосовъ, при чемъ, насколько то возможно, каждая „крѹтка“ удерживаетъ комли въ одну сторону, тогда какъ зернистыя верхушки, стиснутыя и перевязанныя цѣпкимъ стебелькомъ той же гречихи, обращены въ противоположную. Когда „крѹтки“ установлены на комли, онѣ даютъ коническіе вороха, которые издали напоминаютъ разсѣянные пашиѣ камни.

При нагрузкѣ воевъ на пашиѣ, сноповые хлѣба могутъ быть уложены на телѣгу единолично, и только потѣхи ради на возъ допускается „топтѹнъ“ во образѣ семилѣтка, который потомъ, въ награду за трудъ, торчитъ на угнетенномъ возу; но при нагрузкѣ воза горохомъ, „сочивкой“ и гречихою, такой, хотя и болѣе рослый, „топтѹнъ“ совершенно необходимъ, иначе работаю

щему придется нѣсколько разъ вспрыгивать на возъ, или взбѣраться и спускаться оттуда по подставленной „жарди“, чтобы упорядочить растущій возъ...

Съ удаленіемъ послѣднихъ хлѣбныхъ возовъ развѣнчанная пашня изображаетъ ту пустынную голь, отъ которой сначала тоскиво щемится внутри, а потомъ, взглядывая на утопанное „оржаноя иржища“ и пока-что, желтѣющее „иравоя“, приходится тѣшить обиженный взоръ тѣмъ, что тутъ не стерлась жизнь: этотъ развѣвшійся подъ осень и лѣнливо бродящій скотъ, эти пресыщенные, отгуливающіеся „вороньки и бычанки“, это медленно парящее и чуть передвигающее ноги воронье—не напоминаютъ ли о сытой привольной жизни? Быть можетъ, пустынную картину готовы поддержать оголенные „хмызники“ да угрюмые булыжники, торчкомъ-торчащіе на пашенной окраинѣ?! Но вѣдь за такими памятниками разрушенія видѣется ярко-зеленая „рупь“ озимей—вѣстникъ грядущаго расцвѣта и жизни...

XI. На покосѣ.

Коса и грабли, въ общемъ вѣсѣ едва доходящія до 5 фунт. — вотъ существенныя, единственныя орудія, съ которыми недавній „оральбитъ, скородьбитъ, сявбитъ“, а на этотъ разъ „косьбитъ“ ведетъ дополнительную отрасль сельско-хозяйственныхъ пріобрѣтеній! Съ ними начинаются травокосные подступы, когда путевой, или оставленной дома на ночлегъ лошаdkѣ нужно подать корму, съ ними идутъ сѣнокосныя подчистки пашенныхъ и другихъ окраинъ передъ настоящимъ сѣнокосомъ, съ ними проходитъ страдная сѣнокосная работа, отъ Петра до Успенья, и съ ними же вершается сѣножать въ концѣ авг. и въ сент., когда „сѣно сушитца на влахъ“. И за это время изрѣдка, на первой майской травѣ, серпъ смѣнить косу: дѣти кое-какъ выжнутъ огородныя „обмѣжки“, или сочныя травяные побѣги въ „низинахъ“, и только пронырливая бобылка долгое время, до половины лѣта, бу-

доть выносить изъ разныхъ травянистыхъ мѣстъ мѣшки нажатой и тутъ же руками сгребенной травы. Отъ продолжительной „скользоты“ въ рукахъ обѣ насадочныя жердочки, „косовина и граблина“, какъ будто потончаютъ, стануть „гладюсинькими“, и только тамъ, гдѣ мозолистыя ладони „косьбитѣ“, вызывавшія нерѣдкое поплевыванье, имѣли болѣе частую опору, нарастаетъ грязевый слой, въ свою очередь, принимающій потомъ общую лакировку...

Сѣнокосныя работы не сразу вступаютъ въ силу, подобно остальнымъ полевымъ работамъ, а какъ-то исподволь и подхотцами: въ одномъ мѣстѣ „косьбитѣ обобьець обмежикъ, въ другомъ — узмежикъ, тамъ вытриць лысинку“, стародавнюю, почти сравнявшуюся съ землей канаву, межпашенную рытвину, здѣсь — прочистить полевую, или глухую въ лѣсу дорожку, „потретца въ кустахъ“⁸⁸⁷⁾ и около нихъ. Плодомъ всѣхъ такихъ сѣнокосныхъ метаній являются: то „жменька“, то крохотная охапка, то и цѣлое „биремо“ сѣна, а если „косьбитѣ забрался у островинку“⁸⁸⁸⁾, то онъ можетъ „цяць“⁸⁸⁹⁾ и нѣсколько пластовъ. „Биремо въ бирему“, пластъ къ пласту — получается „капешка, или даже визенька“⁸⁹⁰⁾, которая сырьемъ будетъ доставлена домой; тутъ на дворѣ, на улицѣ, или на гумнѣ она просушивается между дѣломъ, часто подъ присмотромъ домашнихъ сѣдуновъ — юныхъ и престарѣлыхъ немощниковъ. Какъ очевидно, это не настоящій покось, а скорѣе — проба силъ, подборъ сѣнокосныхъ крошекъ, неразлучныхъ съ прутиками, папоротниками, стволистыми растеніями; но ими же владеть фундаментъ сѣнокосному сбору, будущимъ „сторонамъ пуни“. Правда, у различной „голутьбы“ такими крохами начинается и кончается сѣнокось, особенно, когда сѣнные запасы нужны для рѣдкой поблажки единственной коровенки, или же для прокормленія какой-нибудь козы.

Настоящій покось производится на „ножнѣ“, гдѣ не приходится имѣть дѣла съ кривизною човерхности, заносить косы ради

отдѣльнаго клочка и потомъ выгребать послѣдній, выкапывать изъ-подъ куста, рытвины, канавы, колдобины: скошенная трава ложится ровными длинными грядками, „валами“, которые тутъ же разбиваются, и сѣножать выдерживаетъ всѣ дальнѣйшія превращенія, т. е. разметанная трава нѣсколько разъ подворачивается, а когда достигнетъ предѣльной сухости, послѣ полудня сгребается въ настоящія копны и объемистыми возами ввозится прямо въ пуню. Незначительное изъятіе возможно лишь для отдѣльнаго воза, даже копны, если они не могутъ быть высушены на мѣстѣ изъ опасенія стравежа, или же по отдаленности „пджни“ отъ дома и рабочихъ угловъ: тогда сыръемъ, или на половину высушеннымъ, сѣно доставляется ко двору, на гумно и, подобно упомянутому раньше, получаетъ здѣсь окончательную сушку.

Когда данное хозяйство вѣдается не съ „пѣженкой и пѣжней, а пѣжнями“, находящимися иногда въ далекомъ отрубѣ и разстояніи, тогда сѣнокосное дѣло нѣсколько видоизмѣняется: въ подлежащую пору туда отправляются отборные рабочіе не на „запряжку“ и день, а на срокъ, потребный для полной сѣножатной работы, до складки сѣна въ стога, или тамошнія цуни, включительно. Эти отхожіе рабочіе забираются на покосъ съ рассчитаннымъ запасомъ готовой и сырой провизіи, сами стряпаютъ здѣсь, ведутъ кочевое хозяйство, какъ умѣютъ ⁸⁹¹). При благоприятной погодѣ, въ какую-нибудь недѣлю съ небольшимъ въ пустынномъ доселѣ мѣстѣ вырастаютъ громадныя, относительно, стога и биткомъ набиваются отхожія „пуньки“, при чемъ, конечно, вторится все, что имѣетъ мѣсто при сѣнной уборкѣ вокругъ и вблизи дома: готовое сѣно сваживается къ складамъ грузными возами, или сволакивается сюда „по-копенно“ на двухъ положенныхъ на-крестъ хворостинахъ. Послѣдній, волоковой видъ доставки сѣна, нынѣ значительно позабытый, довольно ясно обозначается на пути двумя показателями—ровнымъ пригоптомъ въ одну сторону „косьбица“ и разсѣянными по нему сѣнными „варцелка-

ми“ различной длины и толщины, которая потомъ тутъ же незримо и погибають.

Въ большинствѣ случаевъ сѣнные складища на отхожихъ „пóжняхъ“ остаются въ покоѣ до зимнихъ первопутковъ, когда нѣсколько поочистится мѣсто въ домашнихъ пуняхъ: тогда наличными силами, или при толочномъ пособничествѣ, сѣно перемѣщается по принадлежности—то домой, то въ продажныя мѣста. Весьма нерѣдко, однако, тѣ же складища остаются резервами, откуда въ теченіе цѣлой зимы сѣно вывозится, по мѣрѣ надобности, лишь отдѣльными возами. Естественно ожидать, что удаленное, а часто и глухое мѣстонахождение сѣнныхъ складищъ можетъ давать просторъ хищенію, такой и иной отместкѣ; однако, давняя простота и особенная на сей случай честность ⁸⁹²⁾ дѣлали эти складища почти неприкосновенными, и проѣзжіи много грѣшили, когда позволялъ себѣ урвать скромную охапку, чтобы положить въ опустѣлый, невозможный для сидѣнья экипажъ. Впрочемъ, и съ такимъ грѣхомъ доводилось вѣдаться немногимъ и рѣдко, какъ потому, что складища ютились поодаль даже отъ „забочныхъ дорогъ“, такъ и потому, что пуни, напр., наглухо загоразивались.

Сѣнокосная уборка болотныхъ луговъ, трясинныхъ, или поемныхъ, при-водныхъ луговинъ представляетъ ту лишь особенность, что здѣсь сѣно только снашивается въ складища ⁸⁹³⁾, а не перевозится, какъ на „пóжняхъ“. Въ то же время оно, по необходимости, остается на мѣстѣ не въ стогахъ и „пунькахъ“ только, но и въ копнахъ, до прочнаго зяннаго пути. Когда состояніе покоса вызываетъ стога, таковые вырастають здѣсь, какъ грибы, при чемъ содержимость отдѣльнаго стога не превыситъ двухъ-трехъ возовъ, или 40—60 пуд., потому что сѣно кладется не непосредственно на землю, а на плетенныя подмости, правильнымъ кругомъ расположенныя около стожара. Для этого предварительно вколачиваются колья, которые, въ отступѣ отъ поверх-

ности земли на аршияхъ и болѣе, соединяются со стожаромъ то плетнемъ, то „крѹциками“: въ томъ и другомъ случаѣ стогъ представляется висящимъ въ воздухѣ, а подъ основаніемъ его могутъ находить зимній пріютъ и дерзкіе звѣри.

При опредѣленіи качественныхъ сторонъ сѣножати нѣсколь-ко трудно указать, какая трава, а слѣдовательно и сѣно лучше остальныхъ: обыкновенно скашивается „ѣщя трава“, изъ которой потомъ получается „ѣщя же сѣно“. Это понятіе слишкомъ растяжимо, слишкомъ неопредѣленно, потому что голодный скотъ способный поѣдать въ „рѣзи и цѣрницы“ старую крышу, аппетитно потребляетъ, какъ полуклеверное сѣно, такъ и перезрѣлую осоку, до крови рѣжущую пальцы, сгноенное ненастьемъ сѣно, отъ котораго летитъ плѣсенная пыль и разносится плѣсенный смрадъ, или же, увлекшись алчною ѣдой, заурядъ съ сѣнными клоками поѣдаетъ встрѣчающіеся здѣсь во множествѣ древесные и кустарниковые побѣги, отъ которыхъ въ „дробинахъ“, ясляхъ и подъ ногами остаются лишь оголенные прутья. Хозяинъ почтетъ выполненными свои обязательства по заготовкѣ скотскаго корма, когда „навѣлицъ стороны и набѣецъ пуню“, а чѣмъ и какъ—то разберетъ грядущая зима и голодное брюхо скота... Тѣмъ не менѣе всякое добропорядочное отношеніе къ этому дѣлу обязываетъ хозяевъ скосить ту и другую траву „за-пору, вготоваць ее за-погону“, и хотя разносѣртное, изъ разныхъ угловъ собранное сѣно сваливается въ общее складище, при сѣнокосѣ и въ послѣдующее время оно различается отдѣльными наименованіями, изъ коихъ заслуживаютъ помина слѣдующія.

1. „Дятлинное сѣно“—трава съ незначительною долею краснаго или бѣлаго клевера-самородка, какъ извѣстно, особенно любимаго скотомъ. Это сѣно выбирается изъ складища въ выдающіеся случаи—при путевыхъ надобностяхъ, при подачѣ жеребымъ и стелькамъ, при потерѣ аппетита, или какъ поблажка юнымъ животнымъ.

2. „Нивное сѣно“ даетъ трава, снятая съ запущенной пахоты и нивы. Такое сѣно изъ малорослой, рѣдкой травы на самомъ дѣлѣ хуже остальныхъ сортовъ, и если мѣстная оцѣнка ставитъ его непосредственно за „дятлинымъ“, такъ только потому, что оно получилось съ пашни, когда-то удабривавшейся навозомъ и обладающей хлѣбороднымъ „тукомъ“.

3. „Погурковое, узмежное, обузмежное и обмежное сѣно“ можетъ стоять выше послѣдующаго въ томъ случаѣ, когда оно получилось съ прилегающихъ къ пашнѣ мѣсть, потому что травѣ такъ или иначе передавался пашенный хлѣбородный „тукъ“.

4. „Низинное (межпашенное) сѣно“ слѣдовало бы считать лучшимъ, если бы здѣсь не было ни водостоя, ни протока весной и въ половодье, отъ которыхъ то разрушается, то уносится прочь хлѣбородный „тукъ“; благодаря сему, часто высокая, густая и сочная трава, особенно, безъ дятлины, уступаетъ первенство предыдущей.

5. „Облѣговое сѣно“ получается съ широкихъ межпашенныхъ лужковъ, а также и прилегающихъ къ пашнямъ возвышенныхъ луговинъ, которыя или въ давнія времена были пашенными площадями, или готовы перейти въ таковыя. Растущая здѣсь трава даетъ середовое по добротности сѣно, кстати, почти всегда лишенное не любимыхъ скотомъ, а иногда и вредныхъ растеній.

6. „Лядовое сѣно“ можетъ быть и лучше и хуже предыдущихъ, смотря по относительной высотѣ, или низменности ляда, а также по сухому и мокрому лѣту. Возвышенно лядо и мокро лѣто, или низменно оно и лѣто сухо—трава даетъ почти „дятлинное“, первосортное сѣно ⁸⁹⁴); въ обратномъ положеніи „лядовое сѣно“ ниже „облѣговаго“ и приближается къ послѣдующимъ низшимъ сортамъ.

7. „Медуничное сѣно“ даетъ трава, растущая въ сырыхъ прилѣсныхъ мѣстахъ, въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ извѣстною меду-

ницей, отъ которой трава, а впоследствии и сѣно воспринимаетъ запахъ. Эта трава высока, густа и сочна, — что вызываетъ продолжительную сушку, тѣмъ болѣе, что толстоствольная медуница, какъ и сосѣди ея — дикія зонтичныя растенія — неминуемо требуютъ такой же сушки, когда только предварительно не будутъ удалены. Если въ чемъ-нибудь сѣнокосѣ имѣется такая трава, хозяева норовятъ скосить ее во время цвѣтенія медуницы, пока не огрубѣлъ стволъ послѣдней.

8. „Комоничное сѣно“ пригодно только для овецъ и возъ, которыя любятъ его изъ-за „горькавыси комоницы“. Такая трава попадаетъсѣ выхватами на возвышенныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, въ сосѣдствѣ брусничника и плауна; въ то же время тутъ и мѣстонахожденіе сухихъ съ зеленымъ мхомъ „вѣпинъ“⁸⁹⁵). Все это вмѣстѣ низводитъ „комоничное сѣно“ въ кормовыя послѣдыши.

9. „Лосинниковое сѣно“ получается изъ тонкой камышеобразной травы, пучками растущей на тѣхъ же сухихъ мшистыхъ мѣстахъ. Эта трава захватывается косою изъ-за сосѣдства ея съ надлежащею травою и такимъ образомъ въ сѣнѣ появляется почти случайно. Тонкія, гладкія и круглыя травинки „лосинника“ скользятъ межъ зубовъ травоядника и только въ незначительномъ количествѣ пережевываются заурядъ съ остальною травою.

10. „Бобовниковое сѣно“ имѣетъ въ составѣ извѣстный бобовникъ — горькое, лопуховидное растеніе болотистыхъ мѣстъ и луговыхъ низинъ (трифоліумъ — трилистникъ). Подобно „комоницѣ“, онъ составляетъ лакомую траву для хлѣбныхъ „подножниковъ“, которые выбираютъ изъ сѣна только бобовникъ; лошади же и коровы поѣдаютъ его вмѣстѣ съ остальною травою.

11. „Осокливое сѣно“ по всей справедливости считается послѣднимъ; оно остается таковымъ и тогда, когда рано убрано, или когда осока тонколистна и малоросла. Такое сѣно подается развѣ голодному скоту; при иномъ положеніи даже мягкая осока по

дается въ смѣси съ добротнымъ сѣномъ. Крупная, грубая осока бросается скоту подъ ноги, а не закладывается въ „дробилны“ и ясли, или же, сгноенная на покосѣ вмѣстѣ съ апромъ, вывозится оттуда въ толочную (навозную) пору прямо на пашню.

12. При недостаткѣ травы, при алчности хозяевъ, или при хлѣбномъ неурожаѣ, непосредственно послѣ серпа, на сжатой нивѣ хозяйничаютъ коса и грабли: получается „иржищное сѣно“, въ которомъ добрую долю занимаютъ хлѣбные комельки, въ значительной мѣрѣ поѣдаемые скотомъ вмѣстѣ съ тучною лакомою травою. Едва ли нужно говорить, что оголенное косою мѣсто не приманитъ скота, который обыкновенно платитъ „иржищу“ удобреніемъ за взятый съ него кормъ, и удобрительнымъ матеріаломъ оголенной площадки остаются лишь тощій дернъ и полувершковыя комельки...

Самое роскошное „иржищное сѣно“ даетъ „ильница“ которое посему почти всегда выкашивается вслѣдъ за уборкою льна. Истощенная льномъ почва чрезъ это разоряется до послѣдней возможности; но сего не знаютъ, или не хотятъ знать корыстолюбивые хозяева, получившіе возъ наиболѣе мягкаго, тучнаго „иржищнаго сѣна“. Правда, скотъ тянется къ оголенному мѣсту, пригрызаетъ сѣнокосныя пеньки до земли, платитъ временной „урѣгъ“ обычнымъ своимъ удобреніемъ. Но что это значитъ для разоренной въ конецъ почвы, у которой, не въ примѣръ прочимъ пахотнымъ полоскамъ, не оставлены даже корни и пеньки ⁸⁹⁶)? Сюда потребуются чуть не весь наличный навозъ, а между тѣмъ послѣдній нуженъ на весь будущій „попаръ“.

Перечисленные виды сѣножати можно считать постоянными, и многіе изъ таковыхъ приносятъ изъ года въ годъ определенную, считанную прибыль. Но сверхъ неожиданной прибавки къ хозяйству сѣножати, въ видѣ аренды, купли, подарка, или возмездія за работы у разныхъ лицъ ⁸⁹⁷), весьма нерѣдка и сѣножать случайная, которую даетъ на пашнѣ то градобитіе, то обыч-

ный бичъ сельскаго хозяйства—пашенные стравежй, извѣстные подъ именами „стравы, потравы, шкѣды“. Пострадавшая пашня, или часть неминуемо скашивается, особенно, когда несчастье припало до времени хлѣбнаго налива и созрѣванія, чтобы взять хотя что-нибудь. Какъ очевидно, такое сѣно, выстраданное и выплаканное передъ косьбой и во время покоса, можетъ служить печальнымъ поминомъ о несчастьи, а потому многіе хозяева предпочитаютъ не касаться такого случайнаго покоса, по крайней мѣрѣ, это цѣликомъ относится къ градобитному пашенному мѣсту.

То же несчастье по отношенію къ чисто сѣнокоснымъ мѣстамъ не останавливаетъ косы, и она работаетъ здѣсь въ два раздѣльные срока, опредѣляемые „ржанымъ и яровымъ покосомъ“. Въ тѣсномъ смыслѣ подъ первымъ разумѣется сѣножатная уборка прилегающихъ къ ржаной пашнѣ луговинъ, а подъ вторымъ—къ яровой пашнѣ. Но это же указываетъ и на сѣножатную пору вообще: тамъ, версть за пять и болѣе, среди лѣса, болота, на трясинныхъ берегахъ рѣчекъ и озеръ, гдѣ не можетъ быть опасенія за стравежъ, сѣножатная работа идетъ именно въ указанные сроки, изъ коихъ первый зачинается послѣ 29 іюня, одновременно съ цвѣтеніемъ ржи, и приостанавливается послѣ жнива, ради ржаной уборки, а второй приканчивается съ яровымъ жнивомъ. Далѣе, за ненастьемъ, безвременьемъ, отвлеченіемъ на чужія работы, остается кое-гдѣ „позный покосъ“, иногда отправляемый чуть-ли не въ шубѣ, и при которомъ „сѣно сушится на влахъ“.

За исключеніемъ послѣдняго, т. е. легкой, а по случаю предъосенней погоды и невозможной сушки, всѣ сѣножатныя работы такъ однообразны, такъ до очевидности просты и легки, что среди остальныхъ работъ могутъ считаться гулевыми, на что отчасти и указываютъ ходячіе термины—„гулять съ косой, съ граблями“. Въ самомъ дѣлѣ, смотря на размѣрен-

ныя и нѣсколько тягучія движенія „косьбитá“, частыя остановки, чтобы „лопáциць косу“, повидимому, лишнюю остановку, чтобы перемолвиться съ сосѣдомъ, путникомъ, прослѣдить внезапное явленіе и въ то же время глядя на покорно укладывающуюся подъ косою мягкую траву, невольно хочется сказать, что у работающаго недостаточно „раззудилось плечо, размахнулась рука“, хочется упрекнуть въ рабочей лѣни вообще и бѣлорусской—преимущественно. Но тутъ же, по справкѣ съ настоящимъ положеніемъ дѣла, оказывается, что если бы косарь дѣлалъ въ минуту даже 20 косовинныхъ взмаховъ, то онъ не только не годился бы въ „косьбиты“ слѣдующаго дня, но не могъ бы довести работы до урочной „запряжки“, даже тамъ, гдѣ сѣнокосная площадь протянулась ровнѣмъ-гладнѣмъ. Что же сказать о томъ положеніи, когда коса должна нырять промежъ горбылей, кочекъ, пней, камней, набросанныхъ полѣньевъ, естественныхъ долочковъ, рытвинъ, или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше походило свиное рыло? Тутъ послѣ полного взмаха, непосредственно приходится дѣлать половинный лишь, даже четвертной, вѣдаться съ зацѣпами косы и выдерживать неожиданные толчки ея. Нѣтъ: „гулять съ косою“ — скорѣе ядовитая насмѣшка, совершенно тождественная съ подобными же рабочими терминами—„гулять съ сохой, серпомъ“ и проч. Несмотря на утреннюю или вечернюю прохладу, несмотря даже на „вильгыць“, когда обыкновенно работаетъ „косьбитъ“, рабочей потъ пронимаетъ его едва-ли не сильнѣе, чѣмъ „ораль-битá“ и жвею передъ полуднемъ.

Быть можетъ „гульня съ граблями“ стоитъ своего имени, тѣмъ болѣе, что среди нѣсколькихъ подступовъ къ работѣ тутъ есть промежутое время для спокойнаго отдыха?! Если „коса погоды не ждетъ“, то грабли вполне подчинены погодѣ, и ими приходится работать въ знойные часы, въ полдень, когда, пожалуй, и послѣдняя букашка убирается въ „засину“ ⁸⁹⁸), на покой. А эта „хмáра“, готовая погубить цѣлодневные труды, или труды

нѣсколькихъ дней, а эта предвечерняя роса не призываютъ ли къ сугубымъ усилямъ, спѣшности, когда, кажется, и десятокъ рукъ при однихъ плечахъ могли быть только въ пору?! Даже при спокойномъ теченіи грабельной работы, послѣдній сгребъ высушеннаго сѣна, сколачиваеье его въ пласты и перемѣщеніе послѣднимъ на плечахъ, съ приподнятыми вверхъ руками, которыя мѣются отъ неестественнаго положенія—какъ это непохоже на „гульню“!

Вполнѣ убранная сѣнокосная площадь не вызываетъ ощущенія пустынной голи, подобно убранной пашнѣ; напротивъ, гладкая луговина, сперва напоминающая шкуру только-что выстриженной овечки, дня черезъ три уже блеститъ яркою, ровною зеленью и манитъ къ себѣ еще болѣе, чѣмъ до покоса. Если луговина не оберегается ради отавы и, слѣдовательно, на повторительную косьбу, то она входитъ въ составъ, или дѣлается отдѣльною „пашій, ругый, уругый“, подъ чѣмъ разумѣются пастбищныя мѣста для скота. Хотя „коса лижиць гладко“, все-таки сѣнокосныя луговины даютъ скоту достаточный дождями подновляемый кормъ, а гдѣ она не могла „няць“—въ кустѣ, около пня, бамня,—тамъ скотъ находитъ обильный травяной кормъ вплоть до заключенія въ хлѣва на зимовку.

Безсмѣнное пребываніе скота на одной и той же „пашии, уруги“ причиняетъ сѣнокоснымъ луговинамъ едва сознаваемое хозяевами зло: скотъ утаптываетъ площадь, выдергиваетъ съ корнями травяные комельки, а свиньи кромѣ того роютъ и бороздятъ луговину. Если прибавить къ этому подневольный, или беспечный перевозъ только-что скошенной травы, для сушенья таковой при домѣ, на гумнѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, когда и самыя плодородныя сѣножати начинаютъ давать скудный урожай: высушиваемая трава роняетъ свои сѣмечки непроизводительно, въ ненужномъ мѣстѣ. О разсыпѣ сѣнной „пашухи“ по обиженнымъ луговинамъ хозяева даже не хотятъ знать, и почтен-

ные вороха таковой, ежегодно выгребаемые из пунь, спокойно тлѣютъ у сарайнаго угла, или пополняютъ хлѣвную подстилку, дорожныя рытвины ³⁹⁹).

ХП. Въ лѣсу; лѣсные дары.

Отъ пашень и покосовъ недалеко переходъ къ лѣсу, который съ давнихъ поръ, почти повсемѣстно, называется почему-то „болотомъ“, и обычныя выраженія—„ицциць у болото, вѣйциць зъ болота“—понимаются не иначе, какъ—итти въ лѣсъ, выйти изъ лѣсу. Живые свидѣтели бытописуемаго не откажутся подтвердить, что роскошно-богатою, разнообразною наличностью мѣстные лѣса все еще недалеко отставали отъ тѣхъ, которые подъ именами „цѣмныхъ, щирыхъ лясовъ, или пуць-дрямунць“ уцѣлѣли лишь въ сказкахъ да пѣсняхъ. Выслушивая повѣсть о стародавнемъ житьѣ-бытьѣ, внукъ не хочетъ вѣрить, что тамъ, непосредственно за усадебною изгородью, дѣдъ встрѣтился съ медвѣдемъ, неоднократно выгонялъ его то изъ пчельника, то изъ овса, не хочетъ вѣрить, что бабка, искательница ягодъ, грибовъ, или затерявшейся скотины, заблудилась вотъ тамъ, въ верстѣ отъ дома, не хочетъ, наконецъ, вѣрить и отцовскому сообщенію, будто какое-нибудь Рытомо ⁹⁰⁰), нынѣ свободно видимое изъ сосѣднихъ деревень, отдѣлялось такими лѣсами, куда не рѣшались заходить завѣдомые смѣльчаки, и гдѣ были мѣста, незнавшія человеческой ступни. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить приводимыя сообщенія съ наличностью: не только за усадебною изгородью, на версту въ окружицѣ нѣтъ ничего похожаго на лѣсъ, нѣтъ притона не только медвѣдю или лосю, но и зайцу, негдѣ отдаваться ни пѣсенному, ни сзывному эху грибныхъ искателей, ягодниковъ, и черезлѣсные раньше сосѣди могутъ видѣть другъ друга, а при близости деревень, да благодаря горластости—даже и кое-какъ переговариваться. Таща изъ Богъ вѣсть какой дали два-три строевыя бревнышка, немногимъ толще изгородныхъ жер-

дей, да присѣдая на поклажу, ввукъ съ трудомъ можетъ понять, какъ и отбуда дѣдъ перевозилъ „бирвѣння и кряжжѣ то у пяць, то у шесъ конѣвъ“, и это тѣмъ поразительнѣе, что давній избяной лѣсъ нынѣ чуть-чуть поспѣваетъ на „шұлы“, а что прежде годилось на пунн и еродныя имъ постройки, то теперь идетъ на хатку. Поднавѣсныя и другія складаща дровъ не прочь напомнить, что, за ненадобностію, хозяева порубили изгородный „пыркѣнъ на подтопу“; путевая же встрѣча съ дровянымъ возомъ, слѣдующимъ изъ лѣсу къ дому, заставляетъ думать, что это доставляется хворостъ для изгороднаго плетня. Имѣя въ виду столкратныя данныя о пышности и богатствѣ бывшаго лѣса, крайне жалкою становится дѣйствительность, при которой современный дровяникъ отапливается мелкимъ „хмызникомъ, прутушками“, или же керчуетъ для того полуистлѣвшіе пни давнихъ лѣсосѣковъ, съ „щѣлій, папцилю, которая ни то „горлицъ, ни то куритца“⁹⁰¹), и при которой выростаетъ грозный вопросъ: гдѣ братъ лѣсъ на первыя нужды?

Хотя нынѣ и можно встрѣтить раздѣльныя площади краснолѣся и чернолѣся, однако, въ преобладающемъ большинствѣ, мѣстный лѣсъ состоялъ и теперь даетъ смѣсь хвойныхъ деревьевъ съ лиственными, — что, примѣнительно къ древеснымъ „купамъ“, отгѣняетъ лишь „дубникъ, ясинникъ, сосонникъ, ёльникъ, бирѣзникъ, осинникъ, олёшникъ, орѣшникъ, лозовникъ да крушникъ“⁹⁰²), — каковыя имена остаются за лѣсомъ, при неизмѣнномъ названіи его „болотомъ“. Нѣсколько иное дѣло — возрастъ лѣса: кромѣ общихъ названій дровяного, строевого и проч., мѣстный лѣсъ различается слѣдующими именованіями:

1. „Парысникъ“ состоитъ изъ молодыхъ порослей и побѣговъ (отростковъ) на лѣсосѣкѣ, лѣсной опушкѣ, луговой низинѣ, или на оставленной пашнѣ. Этотъ зачинающійся лѣсокъ, не превышающій человеческого роста, остается пашею для скота, а если онъ пришелся не въ „паринѣ“ и выгонѣ да изобилуетъ ягодами,

такъ сюда стекаются и ягодники. Обиваемый тѣмъ и другими, „пáрысникъ“ съ трудомъ поднимается, кривѣютъ особи, которыя могутъ пригодиться развѣ на замощеніе дорожныхъ и другихъ рытвинъ, на болотныя дороги и всяческія гáти, и только рѣдкое деревцо окажется пригоднымъ на „бруцики“, обручи и т. под. надобности. Если то подходяще, „пáрысникъ“ цирѣбитца на груды и ляды“, на образованіе будущей пашни, или покоса, и только при обиліи послѣднихъ да при невозможности управиться съ настойчиво отрастающими побѣгами. „пáрыснику“ предоставляется выростать въ настоящій лѣсъ.

2. „Нáспа, нáсыпка, нáспычка“ гораздо симпатичнѣе „пáрысниба“, уже потому, что состоитъ изъ однѣхъ, превышающихъ человѣческой ростъ березъ. Служа грибнымъ и ягоднымъ надобностямъ, но безъ обильной травы, „нáспа“ не посѣщается скотомъ и, какъ будущая роща, а потомъ—„жаркіи дрóвы“, пользуется большею хозяйскою заботливостью. Мѣстонахожденіемъ „нáспы“ служитъ только запущенная нива, или „облóга“.

3. Гай, гаекъ есть настоящая съ рослыми деревьями роща, расположенная на возвышенности среди окружныхъ низинъ и „ровнядинъ“, а также и среди лѣса. Въ первомъ случаѣ образованіе гай дaютъ бывшія „нáспы“, а во второмъ—„кущы“ односортовыхъ деревъ.

4. Имя „щираго борà“ принадлежитъ исключительно краснолѣсью, растянувшемуся на большое пространство. Въ виду того, что такой лѣсъ встрѣчается значительно рѣже, большинство деревлянъ знаетъ о немъ только по пѣсенному и сказочному помину.—Гдѣ есть „щирьи боры“, тамъ замѣтенъ упадокъ скотоводства, а выдѣляющійся типъ мѣстныхъ жителей оттѣняетъ ихъ отъ жителей чернолѣсья.

5. „Цѣмны лѣсъ“ есть именно тотъ, изъ-за вершинъ котораго едва перепадаетъ на землю солнечный лучъ, гдѣ на 10-ти-сажен. разстояніи уже нельзя видѣть предмета и гдѣ во время

бури слышится только шумъ качающихся вершинъ, да отдаленный гулъ...

6. „Гусцёръ, гусцирвѣ“ одинаково принадлежитъ и большому лѣсу, между которымъ сплошною стѣной идетъ мелколѣсье, и отдѣльному „хмызнику или пѣрысику“. Охотникамъ и вообще проходящимъ по „гусцяру“, достаточно памятно, что здѣсь нужно пробираться различными способами—избоченясь, согнувшись, даже ползкомъ,—раздвигать руками переплешшіеся сучья и вѣтви, а при случаѣ—„бочиць“, обходить препятствія. Послѣднее часто приводитъ къ потерѣ принятаго направленія, наталкиваетъ на отдыхающаго Мишку и неожиданно заставляетъ упасть въ скрытую ямину, или поклониться встрѣчному дереву. Въ мѣстахъ приводныхъ, на сравнительно возвышенныхъ болотинахъ, есть своя отдѣльная „гусцирѣ“ изъ лозняка, тростника, высокой осоки и стволистыхъ растеній: охотники за утками не могутъ забыть, что здѣсь еще труднѣе пробираться.

7. Имя „пѣлишнѣ“ принадлежитъ такому лѣсному участку, который пригоденъ для охотничьихъ съ собакою надобностей. Это—обычныя кнеи, служащія приютомъ для тетеревей, рябчиковъ; тутъ же находятся и заячьи логи. Искатели грибовъ и ягодники заходятъ сюда неохотно, изъ опасенія встрѣчи съ недобрыми лѣсными духами, несмотря на то, что „пѣлишнѣ“ часто изобилуетъ грибами и ягодами.

8. Мѣста, гдѣ складывается срубленный для сплава лѣсъ, а также и дровосѣчныя складыща для той же цѣли, называются „рюмами“⁹⁰³). Тѣ же лѣсохранилища вдали отъ сплавныхъ мѣстъ, извѣстны подъ именами лѣсовала и дровосѣка.

9. Первоначальное значеніе „пустыкъ“ принадлежитъ мѣсту, гдѣ отобрано и удалено какое-нибудь имущество. Лѣсныя „пустыки“ понимаются нѣсколько иначе: это—а) бывший лѣсосѣкъ и б) отдѣльное лѣсистое мѣсто, островинка, стяжавшая несомнѣнно

лестную известность и обѣгаемая прохожими. Между прочимъ, здѣсь весьма часто зарывается палый скотъ.

10. Встрѣчающіяся въ лѣсахъ „островинки и чпсцяди“, т. е. кнеи, рощицы среди лѣса, обрамленныя луговинами, и эти послѣднія, составляютъ необходимую принадлежность прострапныхъ лѣсныхъ площадей и въ то же время служатъ путевыми или пограничными показателями.

Среди множества „корунныхъ“⁹⁰⁴⁾ деревъ, идущихъ на сплавъ и выдающіяся строенія, попадаются „сுவяртѣчины“ — отдѣльныя, различной величины и сорта деревья какъ будто съ перекрученными стволами. Сосновыя и еловыя „сுவяртѣчины“ не обходятся строителями, а предпочтительнѣе передъ другими идутъ на нижніе вѣнцы жилыхъ строеній⁹⁰⁵⁾. Сравнительно съ „сுவяртѣчинами“ весьма жалка судьба „повала и сухостѣя“, нерѣдко покрывающихъ значительныя лѣсныя площади: несмотря на прекрасный стволъ, эти великаны лежатъ и стоятъ неприкосновенными, пока время не разрушитъ и не уничтожитъ ихъ. Правда, при нуждѣ, „поваль“ еще идетъ на отдѣльно стоящія пуни, между тѣмъ какъ „сухостѣй“ не употребляется даже на дрова, изъ опасенія перенести въ домъ червей-древоточцевъ, или сухотныя болѣзни на жильцовъ. Эти жалкія деревья выстаиваютъ иногда десятки лѣтъ и даютъ работу носамъ дятловъ и желнѣ⁹⁰⁶⁾.

Путешествующій по лѣсу весьма часто наталкивается на чудныя лѣсныя дорожки и тропинки, по которымъ растетъ такая или иная трава и на которыхъ нѣтъ и признака дорожныхъ колеи. Богъ вѣсть, кто и когда прокладывалъ ихъ? Объ одной такой дорожкѣ говорятъ, что она есть прямикъ раздѣльныхъ пунктовъ, или ведетъ къ лѣсосѣвку; на такую-то „стѣжку“ указываютъ, какъ на сокращенный путь отъ одного мѣста къ другому. Но пройдешь версту, другую — и дорожка пропала: нѣтъ ничего похожаго на лѣсосѣвку, нѣтъ и предѣльнаго пункта, а напротивъ значится еще болѣе густой лѣсъ. Несомнѣнно, что въ забытое время это

были проѣздные и пѣшеходные пути чрезъ поля и луга; но теперь на мѣстѣ давнихъ пашень, или луговъ стоитъ „цѣмны лѣсъ да щирый боръ“, и только давнія борозды, межи и копцы отчасти могутъ раскрывать дѣйствительное значеніе путей, нынѣ поддерживаемыхъ искателями грибовъ, ягодъ, охотниками да лѣсными сторожами. Подобно бойкимъ дорогамъ, гостиницамъ всѣхъ видовъ, а также и полевымъ, упоминаемые лѣсные пути имѣютъ и „ростыньки и пуцявищи“: подъ червыми разумѣются перекрестки, а подъ вторыми—угловое соединеніе двухъ путей.—Если въ простонародной жизни имѣютъ суевѣрное значеніе обыкновенныя „ростыни и пуцявы“, то лѣсныя имѣютъ сугубое: здѣсь излюбленное мѣсто лѣсныхъ духовъ, здѣсь же вырастаетъ губительное „стоярѣсовое“ дерево ⁹⁰⁷)...

Полученіемъ „бирвѣння, жирдѣ, цыркѣну, клѣбинъ разныхъ, луцця“, липовой, берестовой, вязовой и еловой коры, а также „мяздры“, смолы, смоляковъ, лучины, вѣнниковъ, метель и проч., далеко не исчерпываются богатые лѣсные дары: для охотника тутъ много разнообразной дичи, а для искателей грибовъ, ягодъ и орѣховъ остаются тѣ сокровища, про которыя можно сказать: „братъ ихъ—не выбрать, носить—не переносить“, и про которыя на мѣстѣ говорятъ—„хоть косу закладай“! За полученіемъ этихъ даровъ идутъ въ лѣсъ и старъ и малъ, и богачъ и бѣднякъ, и здоровый и недужный; одну часть даровъ сборщики оставляютъ на семейное пользованіе, а другую сбываютъ въ стороннія руки. Съ удержаніемъ мѣстныхъ именъ эти лѣсные дары будутъ перечислены въ двухъ группахъ—грибной и ягодной.

1. Красною грибныхъ даровъ, по всей справедливости, приходится считать боровики, обильный урожай которыхъ стоитъ въ прямой противоположности съ урожаемъ ржи и, въ особенности, съ надлежащею уборкою хлѣба и сѣножати. Въ такой грибной годъ боровики вывозятся изъ лѣсу цѣлыми возами и попадаютъ въ самыхъ, повидимому, неожиданныхъ мѣстахъ: въ сосѣд-

ствѣ дуба, ольхи, даже лозы, различаясь крѣпостію, окраскою верхняго покрова и душистостью ⁹⁰⁸). Для сушки почтеннаго количества боровиковъ отводятся не только наличныя печи жилыхъ строеній, но и печи овиновъ и бань, при чемъ значительные остатки боровичнаго сырья отдаются коровамъ ⁹⁰⁹).

2. „Обабки“ (черные грибы) появляются раньше боровиковъ, и уже въ Петровки ихъ можно находить всюду, гдѣ есть кое-какой березнякъ. По пословицѣ— „по дереву и грибъ“— въ юныхъ, напр., „наспахъ“ они бывають меньше желудной чашечки, тогда какъ въ настоящемъ лѣсу пожилой „обабокъ“ достигаетъ величины шапки. Искатели грибовъ берутъ тотъ и другой „обабокъ“, и когда только послѣдній не очень червивъ ⁹¹⁰), онъ поступаетъ въ грибную „страву“ наравнѣ съ первымъ. При обилии молодыхъ „обабковъ“,— что бываетъ въ концѣ лѣта, когда распарившаяся земля выпускаетъ ихъ на пожнѣ, лишь бы въ сосѣдствѣ находилась хотя и одинокая береза,— старые разлапистые „обабки“ поступаютъ „на сушенку“, для земныхъ надобностей.

3. Совершенно то же дѣлается и съ подосиновиками, какъ извѣстно, значительно рѣже встрѣчающимися, только въ сосѣдствѣ осиновыхъ деревьевъ. Пока не наступила полная грибная пора, подосиновнику оказывается то же вниманіе, какъ и „обабку“; но въ обратномъ случаѣ, они или обходятся, или же выбрасываются изъ корзины ради мѣста для предшествующихъ грибовъ.

4. Подъ именемъ „козловъ“ извѣстны два вида губчатыхъ грибовъ: масляки и собственно козляки. Первые, съ покрывкою кирпичнаго цвѣта, обыкновенно снимаемою въ видѣ пленки, появляются вблизи молодого сосняка, а вторые, съ крѣпкою покрывкою табачнаго цвѣта— въ сосѣдствѣ лозняка. Тѣ и другіе грибы собираются за недостаткомъ иныхъ и идутъ на свѣжее исключительно кушанье, въ смѣси съ другими грибами.

5. „Моховики“ разнятся отъ масляковъ лишь тѣмъ, что имѣютъ табачный покровъ и растутъ на болотинахъ, хотя и въ сосѣдствѣ съ болотными соснами. По крѣлости шляпочки моховики едва уступаютъ боровику; но по болотному запаху и дикому вкусу они стоятъ ниже многихъ зонтичныхъ грибовъ, и если подлежатъ сбору въ концѣ лѣта и засушиваются, такъ развѣ за недостаткомъ другихъ грибовъ изъ отдѣла губчатыхъ.

6. „Суровѣжки“ являются почти первыми по времени и самыми обильными грибами въ любомъ мѣстѣ; съ нихъ начинается „грибная новина“ ⁹¹¹). Пока нѣтъ еще другихъ грибовъ, между „суровѣжками“ не дѣлается выбора; въ дальнѣйшее же время бѣлая „суровѣжка“ предпочитается блѣдно-зеленымъ, а эти послѣднія—краснымъ. Во всѣхъ случаяхъ съ этихъ грибовъ снимается покрывчатая плева, и они идутъ на свѣжее исключительно кушанье.

7. Нѣжные, а подъ годъ и весьма плодовые рыжики не заготавливаются въ прокъ ни соленьемъ, ни тѣмъ менѣе маринованьемъ, о которомъ деревляне не имѣютъ и понятія; подобно „суровѣжкамъ“, онѣ даютъ лишь свѣжее кушанье, въ которомъ отвариваются заурядъ шляпочки и корешки.

8. „Грузды“ можно считать единственными грибами, которые заготавливаются въ прокъ слабою солкою и правильнѣе могутъ быть названы „мочеными“ ⁹¹²). Въ свѣжее грибное кушанье они поступаютъ лишь въ ограниченномъ количествѣ, ради немногихъ любителей груздовой горечи и хруста, и если въ грибную пору попадаются рѣдкими особями, такъ не подлежатъ даже и сбору.

9. Изрѣдка и немногіе знатоки солки „мочуць волнѣнки“, чему долженъ предшествовать обваръ ихъ кипяткомъ на рѣшетѣ, ради удаленія грибной горечи; чрезъ это, однако, горечь не пропадаетъ окончательно, и любители „волнѣнокъ“ потребляютъ ихъ изъ-за этой именно горечи, примиряясь въ то же время съ тем-

нымъ цвѣтомъ грибовъ, получаемымъ при обварѣ и моченьи. За исключеніемъ рѣдкаго подбора „волнѣнокъ“ любителями и знатоками соли, онѣ обходятся остальными искателями грибовъ, а поднятыя по ошибкѣ вмѣсто рыжика, съ которымъ имѣютъ сходную свѣтло-розовую шляпочку, тутъ же бросаются прочь.

10. Еще рѣже подбираются „свинки, швинки“—привлекательные по виду, съ гладкою темно-пепельною шляпочкою, на которой, какъ и на волнушкахъ, отчетливо виднѣются концентрическіе кружки. Твердая шляпочка, дикій вкусъ и неотстающая горечь привлекаютъ къ „свинкамъ“ крайне ограниченныхъ потребителей, а обычные искатели грибовъ не обращаютъ на нихъ даже и вниманія.

11. Ярко-рыжія лисички, попадающіяся кѹпами, подлежатъ усердному сбору и даютъ сравнительно лакомое, свѣжее кушанье. Попадая на купу лисичекъ, грибники подбираютъ ихъ отъ первой до послѣдней, не рискуя найти междупорочныхъ особей, потому что лисички есть немногіе грибы, въ которыхъ не заводятся черви ⁹¹³).

12. Не будетъ погрѣшности въ увѣреніи, что кустистые опѣнки—достояніе чернолѣсья—начинаютъ и кончаютъ грибной сезонъ. Лишь только весеннее салнышко около Юрьева дня достаточно обогрѣетъ старые лѣсосѣжи и, въ особенности, дряблѣющіе березовые пни, на послѣднихъ и вокругъ нихъ появляются желтоватые, водянисто-прозрачные опѣнки: это — „говорѹшки“. По мѣрѣ дальнѣйшаго тепла, слѣдующее поколѣніе „говорѹшникъ“ ⁹¹⁴) теряетъ водянистость, прозрачность, а къ концу лѣта появляются уже совершенныя „пянѹшки“, съ мутною и корявою шляпочкою. Послѣднія даютъ обильный, легкій сборъ, идутъ на текущія надобности и въ большомъ количествѣ засушиваются на зиму.

13. Вмѣстѣ съ „говорѹшками“ сморчки можно считать первыми грибными вѣстниками: мѣсторожденіе ихъ, водянистость и

нѣжный вкусъ совершенно обща „говорѹшкамъ“; но, несмотря на соблазнительную пору появленія и вкусъ, сморчки имѣютъ немногихъ и при томъ разборчивыхъ потребителей, благодаря присутствію въ безчисленныхъ ноздреватыхъ складкахъ ядовитыхъ насѣкомыхъ. При досужествѣ и неудержимомъ тяготѣніи къ первымъ дарамъ, сморчки тщательно перебираются, обвариваются кипяткомъ и тогда уже поступаютъ въ стряню, служа лишь „покушкою“.

Перечисленные доселѣ грибы извѣстны подъ именемъ „ѣщихъ“: въ употребленіе они поступаютъ то свѣжими, то засушенными, то запеченными на уголькахъ. При грибномъ довольствѣ, они даютъ полное, часто содѣлательное блюдо, а при меньшемъ урожаѣ, служатъ только „покушкою“, и это послѣднее такъ приросло къ обиходности, что деревлянинъ почитетъ свою жизнь неполною, когда въ данное лѣто не отвѣдаетъ грибовъ. Нѣтъ ихъ подъ руками, грибовники отправляются версть за 5—10 и, забывая усталость отъ хозяйственныхъ трудовъ предыдущаго дня, забывая и грядущія тяготы завтрашняго, иной пробродитъ день и почитетъ труды оплаченными, когда принесетъ домой какую-нибудь „лѹбу грибовъ“, красная цѣна которой 50 коп. Но это возможно лишь въ праздничные и полупраздничные дни: въ будни тотъ же грибовникъ не имѣетъ времени, чтобы поднять и упорядочить попутный грибъ—и грибные дары погибаютъ на мѣстѣ родины.

Кромѣ „ѣщихъ“ грибовъ, подбираются и усиленно утилизируются и другіе, исключительно зонтичные грибы. Тутъ приходится упомянуть лишь о валуяхъ и мухоморахъ.

14. По внѣшнему виду валуи такъ похожи на боровики изъ краснотѣся, что и самые опытные грибовники не разъ попадаютъ въ обманъ. На самомъ дѣлѣ эти толстые грибы имѣютъ, больше достоинствъ, чѣмъ, напр., сыроѣжка: они даютъ пріятный грибной вкусъ и много слизи, такъ цѣнимою въ грибной ухѣ, такъ

что отдѣльные, весьма рѣдкіе, впрочемъ, потребители подбираютъ валуи для отдѣльнаго блюда себѣ. Но общее нерасположеніе къ нимъ и преимущественная плодовитость съ давнихъ поръ свели эти грибы въ разрядъ несъѣдомыхъ, и они тлѣютъ и гніютъ на мѣстѣ. Впрочемъ, кое-гдѣ валуями пользуются для истребленія сухотныхъ телятъ, которымъ дается поило, приготовленное изъ густого отвара валуевъ.

15. Первая служба мухоморовъ—истребленіе надоѣдливыхъ мухъ. Тутъ мухоморы запекаются на уголькахъ и, смазанные сметаною или медомъ, раскладываются на подоконникахъ и „полчкахъ“, со строгимъ предупрежденіемъ дѣтей, не касаться опасныхъ грибовъ. Благодаря небрежности, а иногда и непонятому приказу, дѣти добираются до запретныхъ грибовъ и потомъ выкупаютъ неосторожность опасными страданіями. Что же касается неразумныхъ цыплятъ, то они погибаютъ иногда цѣлымъ гнѣздомъ послѣ уборки отравленныхъ мухъ, или поклевавъ небрежно положеннаго мухомора.

Другая служба мухомора чисто лѣкарственная. Сложивъ сырой грибъ въ бутылку и тщательно заткнувъ послѣднюю, деревенскіе лѣкари зарываютъ ее въ навозъ: недѣли черезъ три въ бутылкѣ получается спиртуозная жидкость, которою потомъ вытираются ревматическіе страдальцы. Тѣ же лѣкари сушатъ мухоморныя шляпочки на лѣкарственное питье, при желудочныхъ спазмахъ, а мѣстные чаровники—на потайныя, чародѣйныя надобности...

Всѣ остальные грибы, не исключая и прекраснѣйшихъ шампиньоновъ, причисляются къ разряду „благѣшекъ и поганокъ“. Первые грибы только не идутъ въ употребленіе, тогда какъ одно прикосновеніе къ „поганкамъ“ обязываетъ немедленно же мыть руки, или ноги, когда пришлось наступить на такой грибъ. Къ этимъ опальнымъ грибамъ принадлежатъ навозники и вообще имѣющіе темное подшляпье.

Одновременно съ перечисленными дарами тотъ же лѣсъ еще въ большемъ количествѣ поставляетъ ягодныя дары, въ свою очередь, призывающіе къ себѣ лицъ разныхъ возрастовъ и положеній. Забывая предшествующіе и грядущіе труды, искатели ягодъ не стѣсняются ни пройденнымъ пространствомъ, ни тою необходимостью ягодника, при которой приходится чуть не ползати по землѣ, кланяться отдѣльной ягодо, ни такою или иною погодою, лишь бы на то уллучился свободный денекъ. Тутъ не щадится иногда даже полуденный, „межзапрѣжный“ отдыхъ...

Въ постепенности появленія ягодныя дары бываютъ:

16. „Позѣмки или суніцы“. Хотя между обѣими ягодами нѣтъ розни ни во внѣшнемъ видѣ, ни во вкусѣ, однако, ягодники различаютъ ихъ, и къ первымъ относятъ землянику съ открытыхъ мѣстъ и слѣдов. раньше созрѣвающую, а ко вторымъ—исключительно лѣсную, болѣе позиточную и въ то же время дающую продолжительный сборъ (отъ Петрова до Ильина дня, и позже). Сборомъ земляники удовлетворяются какъ меркантильныя, подчиненно-повинныя цѣли, такъ и семейныя потребности. Въ послѣднемъ случаѣ каждый отдѣльный сборъ потребляется сырымъ, въ прикуску съ хлѣбомъ, рѣдко—съ сладкимъ молокомъ, и только скромныя, но лишніе остатки высушиваются на лѣкарственныя надобности.—Такъ какъ сборъ земляники на открытыхъ мѣстахъ кропотливъ, обязываетъ раздвигать часто густую и рослую траву канавъ, „обмѣжковъ и лядъ“, то за „позѣмками“ обыкновенно отправляются дѣти и подростки.

17. На глинистыхъ „погуркахъ“ и на таковыхъ же луговинкахъ, иногда среди густой травы, попадаются дикія „трескѣлки, или одтрискѣлки“—мелкоягодная клубника. Эти ягоды не подлежатъ спеціальному сбору, какъ по малочисленности, такъ и недостаточной слащавости. Сверхъ того „трескѣлки“ какъ-будто не дозрѣваютъ, и мягкая, сочная ягода, годная на употребленіе, нерѣдко имѣетъ чуть-чуть зарумянившуюся вершинку, а твердо-

приставшія снизу, къ лепестковой чашечкѣ, ягоды заставляютъ каждый разъ очищать таковую отдѣльно. Благодаря всему этому, „трескалки“ составляютъ лишь дѣтскую, лакомую добычу.

18. Одновременно съ „сунѣцами“ начинается прибыльный сборъ „чарвѣцъ“, спачала на опушечныхъ „подцярѣбахъ“, а потомъ въ „паросникахъ“ и въ лѣсу. Служа сбору сравнительно короткое время, черника значительно больше удовлетворяетъ домашнимъ и ввѣдомашнимъ надобностямъ. Потребляемая сырьемъ съ хлѣбомъ, молокомъ, она одинаково хороша и въ „ласый кулагѣ“. — Въ свою очередь, скромные остатки черники засушиваются на лѣкарственные нужды.

19. Какъ извѣстно, сборъ малины еще кратковременнѣе сбора черники: онъ зачинается съ созрѣваніемъ ржи и чуть переживаетъ ржаное жниво ⁹¹⁵). Но какую богатую, несравненную добычу даетъ этотъ краткосрочный сборъ!— Мѣстонахожденіе малинника такъ неопредѣленно, что съ этой стороны остальные ягоды могутъ относиться къ малинѣ, какъ осѣдлые къ кочевникамъ. Жильцы той и другой мѣстности могутъ указывать десятки мѣстъ, гдѣ въ теченіе послѣдовательныхъ пяти лѣтъ бывалъ неисчерпаемый урожай малины, и гдѣ теперь нѣтъ ни одного малиноваго кустика, при чемъ возрожденіе малинника въ иномъ мѣстѣ превышаетъ ожиданіе: то онъ появился на „лядѣ“, то въ „паросникѣ“, то на склонѣ ручья, въ низинѣ, то на недавнемъ лѣсо-сѣкѣ, то среди бурелома. Но гдѣ бы ни объявился малинникъ, ягодники найдутъ его и воспользуются дарами. Если то пришло на глухое мѣсто, они отправляются туда скопомъ и, въ чаяніи попасть на медвѣдя, предварительно кричатъ, аукаютъ, стучатъ палками по деревьямъ, барабаютъ по посудинѣ, а во все время пребыванія на мѣстѣ несмолкаемо поютъ пѣсни. Съ полными ведрами, „кубличками“, объемистыми горшками и кринками, переносимыми при помощи коромысла, или „на повирку“

съ дополнительными кузовами, возвращаются ягодники домой. — Дальнейшая судьба малинной добычи одинакова съ судьбою земляники.

20. „Косцянцы“ не вызываютъ отдѣльнаго похода за сборомъ: попадающіяся въ разбросѣ ягоды подбираются мимоходомъ и кладутся въ одно мѣсто съ земляничкою, черничкою или малиною. Если гдѣ найдется ихъ побольше, то дома онѣ постушаютъ цѣликомъ въ „кулагу“.

21. Точно также мимоходомъ и ради покуски собираются красныя и бѣлыя „порѣчки“, дающія на мѣстѣ (въ лѣсныхъ низинахъ, на склонѣ береговъ, на днѣ овраговъ) слишкомъ мелкія и малочисленныя ягоды.

22. Нѣсколько иначе со „смороданами“, мѣстонахожденіемъ которыхъ служатъ: лѣсныя низины, при-водный лознякъ, низинныя „паросники и хмызники“. Легко собираемая (сосморгниваньемъ всей кисти сразу), часто весьма крупныя ягоды позволяютъ сдѣлать въ короткое время обильный сборъ. За непригодностью ягодъ на ѣду сырьемъ, „смороды“ цѣликомъ идутъ на „кулагу“, и только часть ихъ высушивается на лѣкарственныя нужды.

23. Такъ же скоро и удобно „сморгаются брусничцы“, которыя поступаютъ потомъ на „кулагу, моченку“, квасъ и на продажу. Охотники запасаются брусничкою для пріученія къ мѣсту охоты тетеревей, рябчиковъ и куропатокъ, зимнею порой, когда глубокіе снѣга закроютъ брусничныя мѣста. Значительные остатки брусники подбираются весною, и тогда перезимыя ягоды составляютъ лакомый сборъ.

24. Въ то время, когда прекращается сборъ черники, на смѣну послѣдней появляются „пьяницы“ (онѣ же — „дурняцы, дурношьянки“ — гонобдль), плоды черникоподобнаго растенія болотистыхъ мѣстъ, мало отличающіеся отъ черники внѣшнимъ видомъ и вкусомъ. Такъ какъ ягоды растутъ въ сосѣдствѣ багуна, то, прививая къ себѣ только въ слабой степени багунный запахъ,

онѣ защищены, однако, острымъ запахомъ багуна, который не позволяетъ ягодникамъ оставаться на мѣстѣ подолгу, и „дурницы“ едва собираются на „кулагу“.

25. „Ожавины“ (ежевика, глухая малина) есть темносивій, съ дымкой поверхъ, плодъ ползучаго съ колючими шипками растенія, попадающагося на „подцярбахъ“ и, въ особенности, на склонахъ рѣкъ и озеръ. „Ожавины“ подбираются мимоходомъ, и только терпѣливые да праздные ягодники могутъ собрать нѣсколько горстей на „кулагу“.

26. Въ концѣ лѣта, около времени ярового жнивна и нѣсколько позже, поспѣваютъ „сирболжны“ (черная малина)—темнокрасныя съ клоповымъ запахомъ ягоды, обильно растущія среди „паросниковъ“ и на лѣсосѣкахъ. Хотя ягоды не даютъ сбора малины, но все-таки ихъ достаточно бываетъ для ѣды съ хлѣбомъ и на „кулагу“.

27. Красною ягодныхъ сборовъ и многоцѣннымъ даромъ заростающихъ лѣсомъ болотинъ, по всей справедливости, нужно считать „журавины“ (клюкву). Какъ нарочно, ко времени сбора этихъ ягодъ подоспѣваютъ два благопріятныя условія: освобожденіе отъ жнивныхъ работъ и ослабленіе одуряющаго багуннаго запаха,—что позволяетъ ягодникамъ подолгу и прибыльно трудиться. Гдѣ есть „журавинныя“ мѣста, тамъ деревляне заготовляютъ невѣроятные запасы ягодъ, и это тѣмъ сподручнѣе, что клюква не боится ни сырой, ни морозной погоды; что не dokonчено осенью, то съ одинаковымъ успѣхомъ восполняется весной, по удаленіи снѣга: тогда перезимавшая клюква теряетъ острую кислоту и годится даже на „кулагу“.—Кромѣ разнообразнаго домашняго употребленія (квасъ, морсъ, потребленіе сырьемъ для утоленія жажды („прогонъ смѣги“), значительные запасы клюквы сбываются въ мѣстечкахъ и городахъ, при зимнихъ поѣздкахъ туда.

28. Наземными сборами не заканчиваются ягодные лѣсные дары: въ то время, когда отъ весенней безхлѣбницы, или отъ неумѣреннаго потребленія зеленаго хлѣба, огородныхъ и грибныхъ даровъ, начинается чуть-ли не повальное желудочное разстройство, посиѣваетъ „колокалѹха, калѹши“: подойдетъ немощникъ къ дереву (черемуха), пригнетъ его, или сукъ, поѣстъ черныхъ ягодъ до „коляносци, одубенѣнїя языка“—и болѣзнь какъ рукой сниметъ!.. То же дѣлаютъ лакомки-дѣти и праздные возрастные при встрѣчѣ съ деревомъ въ лѣсу, или на открытомъ мѣстѣ.

29. Сборъ рябины приберегается къ тому вполне свободному времени, когда наступаютъ первые морозы и густые иней: морозъ значительно удаляетъ рябинную горечь и смягчитъ ягоды. Тогда громадные пучки кустистыхъ ягодъ подвѣшиваются подъ стрѣхи, подъ крышу хатки и сѣней, на клѣтныхъ балкахъ, или покоятся въ мѣшкахъ, въ объемистой посудинѣ, служа во всю зиму, какъ лакомство, да изрѣдка поступаая на „кулѹгу“.

30. Одновременно съ рябиною идетъ сборъ калины, которая въ болѣе скромныхъ пучкахъ покоится вмѣстѣ съ первою и служитъ одинаковымъ съ нею надобностямъ; слабогрудые и сухотники пользуются ею какъ лѣкарствомъ, и въ сыромъ видѣ, и въ отварѣ.

Подобно грибамъ, несъѣдобныя ягоды раздѣляются на „благїи и поганыя“. Сюда принадлежатъ: ягоды лѣснаго ландыша, „воробїи ягоды, крушина“ и другїя. Однѣ изъ такихъ ягодъ обходятся изъ-за специфическаго запаха, а другїя, какъ „крушина“ (волчьи ягоды), по причинѣ ядовитаго свойства: какъ извѣстно, народное предубѣжденіе заходитъ здѣсь слишкомъ далеко, и отъ простого держанья „поганыхъ ягодъ“ въ рукахъ спадаютъ ногти, а отъ держанья ихъ во рту крошатся зубы, пахотить глухота, слѣпота и проч.

Вершающими лѣсными дарами приходится считать обильный сборъ „лѣсовушекъ“, орѣховъ и кое-гдѣ желудей. О первыхъ до-

статочно сказано въ VIII гл. наст. отд.; о богатствѣ же орѣховыхъ сборовъ нетрудно судить по тѣмъ возамъ, которые въ урожайные годы прибываютъ на мѣстечковые и городскіе базары и которые составляютъ лишь часть даровъ, другая, не менѣе почтенная часть—расходуется на мѣстѣ, или составляетъ богатая складища бѣлокъ.—Въ пору созрѣванія орѣховъ за сборомъ ихъ отправляются съ мѣшками почти всѣ наличные семьяне: стара „лящнина“, не гнется она—дерево срубаютъ; при всемъ томъ, несмотря на неустанную порубку „лящнинныхъ“ кустовъ на обручи и „клубы“, они какъ-то снѣжно замѣняются молодыми порослями, подъ которыми отъ густой тѣни и трава не растетъ...

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть много дубняка, послѣднимъ лѣснымъ даромъ является такой или иной сборъ желудей, поступающихъ почти исключительно въ свинной кормъ да на дѣтскую забаву. Впрочемъ, уже въ то глухое, повидимому, безпросвѣтное время въ отдѣльныхъ семьяхъ изъ желудей приготовлялось нѣчто сродное кофе, и потребители пользовались теплымъ напиткомъ и въ будни, и въ праздникъ. Такимъ образомъ, безъ подсказа, „бѣленькій мужичокъ“ предупредилъ сознаваемую образованными людьми пользу желудей и указаніе на то же медицины!

ХІІІ. При водѣ.

Сравнительно недавнему, да и теперь еще не оскудѣвшему въ конецъ лѣсному богатству соотвѣтствуютъ гораздо болѣе содержательныя и обильныя водовмѣстилища: начиная съ сѣверо-востока, по всей длинѣ губерніи, прошла красавица-Двина съ многочисленными притоками своими, которая изъ общей длины въ 910 вер. отдаетъ Витеб. губ. 680 верстѣ; на пространствѣ, едва превышающемъ 39,688 кв. вер., раскинуто свыше 2509 озеръ, изъ коихъ многія пріобрѣли географическую извѣстность; на томъ же пространствѣ изъ края въ край пестрятъ поверхность то боль-

шія, то малыя болота со своими скрытыми водами; а безчисленные родники, ручейки, естественные прудки, соединительныя рѣченки?! Да такія водовмѣстилища найдутся при каждой деревнѣ, при каждомъ одиночномъ поселкѣ, при каждой дорогѣ. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются ненадежныя водовмѣстилища, или почти безводье, такъ что въ иную суровую зиму поселенцы-горемычники принуждены продовольствовать себя и скотъ водою изъ за пяти-верстнаго разстоянія, или же неустанно трудиться надъ добываніемъ снѣговой воды; но это очевидное исключеніе могло родиться въ силу неудачнаго, а быть можетъ и подневольнаго выбора мѣстожителства первопоселенцами, потомки которыхъ или не умѣли, или не могли отстать отъ напѣннаго мѣста.... Въ отдѣльных мѣстахъ бытописанія упоминалось о наличныхъ водовмѣстилищахъ, такъ что къ системному перечисленію ихъ остается присоединить лишь немногочисленные, скорѣе видовыя сообщенія.

1. „Узноръ, взноръ“ есть пня родника на долинной и горной площади, или на плоскомъ ложѣ безводнаго рва. Такой родникъ не теряетъ своего имени и тогда, когда при невысокомъ срубѣ, или вставной кадкѣ ⁹¹⁶), онъ расширенъ до мелководнаго колодца и когда вокругъ него появилась растительность. „Узноры“ нельзя считать надежными водовмѣстилищами, и множество старыхъ срубовъ да кадокъ въ неожиданныхъ, повидимому, мѣстахъ указываетъ на непостоянство родниковъ.

2. Тотъ же родникъ, но вытекающій изъ берегового склона рва, рѣки, озера и пруда, таящійся въ кустарной, или травянистой заросли, носитъ имя „криницы, криничинки“. Этотъ родникъ какъ-будто постояннѣе, по крайней мѣрѣ, при совмѣстномъ существованіи „узнора и криницы“, колодезное приспособленіе дано будетъ послѣдней.

3. Когда родниковое мѣсто расширено аршина на два въ квадратѣ, углублено на аршинъ, или немногимъ болѣе, да внутрь его помещенъ срубъ, тогда получается настоящій колодезь. Тѣмъ

же именовъ называется и сродное углубленіе въ заростающемъ прудку, болотинѣ, какъ и въ низинѣ, даже и тогда, когда тутъ нѣтъ не только внутренняго, но и наружнаго сруба, а имѣется вокругъ кое-какая загорожа изъ жердей, чтобы въ колодезь не падалъ скоть, или дѣти.—Такіе колодези даютъ возможность пить „набогѣмъ“⁹¹⁷⁾, потому что они всегда полны водою до краевъ, и скорѣе похожи на резервуары. Если колодези не на родникахъ, то при ошутительномъ запахѣ, вкусѣ и цвѣтѣ, вода ихъ нерѣдко кипитъ тлями, жуками и другими тварями, кои отдѣляются дома процѣживаньемъ на густомъ ситѣ, или холстинѣ... Неизбѣжною принадлежностью всѣхъ такихъ колодцевъ и, преимущественно, съ наземными срубами, является крючковатый шестъ, для зацѣпа ведра или другой посуды, который не уносится съ мѣста при самыхъ крайнихъ положеніяхъ⁹¹⁸⁾.

4. Глубокій, до трехъ и болѣе сажень колодезь, съ внутреннимъ и наземнымъ срубомъ, кое-какою то полною, то половиною покрывкою, даетъ „студню“. При удачномъ выборѣ водяной жилы, при заботливомъ устроеніи да при поддержкѣ „студни“ является безцѣннымъ кладомъ, который, къ сожалѣнію, многіе безводные горемычники не желаютъ отыскивать.—Естественно ожидать, что для вычерпа воды изъ глубокой „студни“ долженъ быть устроенъ „жѳоровъ“; но онъ встрѣтится лишь при десятой „студни“, тогда какъ изъ остальныхъ вода добывается помощью длиннаго „крюка“, въ ручную.

5. Весьма частыми и цѣнными водовмѣстилищами считаются полевые и луговинныя „колдѳбы“—естественные колодцы; однѣ „колдѳбы“ хранятъ воду лишь по веснѣ, или послѣ дождя, а другія—и во весь годъ,—что бываетъ, по преимуществу, въ луговыхъ „колдѳбахъ“, образующихся изъ разорваннаго лѣтомъ ручья. Чтобы понять неоцѣнимыя достоинства послѣднихъ „колдѳбъ“, стоитъ припомнить, что тутъ не нужно трудиться надъ углубленіемъ водовмѣстилища, не нужно строить сруба, загорожи,—

что вода ежегодно смѣняется весною, а при наводкахъ—и нѣсколько разъ въ годъ,—что тутъ, наконецъ, удовлетворяются всѣ потребности, начиная отъ обмыванія грязныхъ ногъ и кончая мочкою льна и пеньки.

6. Чаше другихъ стоячихъ водовмѣстилищъ попадаетъ известная „мочула, мочулина, мочулинка“—естественный прудокъ довольно неопредѣленной величины⁹¹⁹), возможный на всякой высотѣ, часто заросшій травою и даже лознякомъ. Отдѣльные „мочулы“ имѣютъ „кочовники“—сравнительно твердые кочки,—что вмѣстѣ съ порослями даетъ возможность переходить ихъ въ различныхъ направленіяхъ. Кромѣ достаточной воды во весь годъ, „мочулы“ даютъ коровамъ кое-какой кормъ лѣтомъ, принимая который, онѣ въ то же время прохлаждаются въ водѣ, тогда какъ свиньи обыкновенно нѣжатся въ береговыхъ окраинахъ той же „мочулы“. Если „мочула не имѣетъ узорнаго подхода“, то она не надежна: лѣтомъ высыхаетъ, а зимою вымерзаетъ; тогда, для удержанія воды на возможно долгіе сроки, въ окраинахъ ея выкапываются ямины, принимающія значеніе колодцевъ.

7. Гдѣ нѣтъ поименованныхъ и другихъ водовмѣстилищъ, окрестные безводники принуждены копать „сѣжилки“—прудки различного вида—круглые, квадратные, продольные,—что вполне замѣняетъ „мочулы“. Въ крѣпостническое время отдѣльные помещики обязывали крѣпостныхъ устраивать „сѣжилки“, по возможности, въ каждомъ отдѣльномъ полѣ и на лугахъ, даже и тогда, когда подъ руками находились водовмѣстилища, и помещать туда карасей или линей. Заросшія, обезрыбѣвшія, заваленныя принадлежностями льняной мочки—хворостомъ, колодинами, камнями—эти „сѣжилки“ и теперь еще напоминаютъ о разумныхъ заботахъ. Къ сожалѣнію, дѣло съ такими „сѣжилками“ остановилось на прекращеніи крѣпостничества, и только въ сравнительно свѣжее время, въ силу строгаго воспрещенія мочить ленъ и пеньку въ рѣкахъ и озерахъ, стали появляться на поляхъ и лугахъ кое-ка-

кія „сажилки“, для моченья льна исключительно. Спеціальное назначеніе, слишкомъ скромный объёмъ и служба для нуждъ отдѣльнаго хозяйства дѣлають эти „сажилки“ - колодцы слишкомъ непохожими на прежнія, гдѣ и для скота и для утомленнаго на знойномъ припекѣ рабочаго достаточно было мѣста для освѣженія тѣла иногда и на самомъ дѣлѣ прекрасною водою.

8. Если гдѣ заботы о сооруженіи искусственныхъ водовмѣстилищъ заходили дальше полевого и лугового прудка, вызывали таковой на нужды всей деревни, тамъ выкапывался „исполь или усполь“ — болѣе широкій и длинный прудъ, нерѣдко среди деревни. Весьма дорогимъ при данномъ случаѣ было то, если на мѣстѣ проходилъ какой-нибудь, хотя бы и высыхающій лѣтомъ ручеекъ: весною и въ паводки онъ смѣнялъ „успольную воду“.

9. Подъ именемъ „омшары“ извѣстно не только мшистое болото, но и преимущественно озерко, прудокъ на немъ, который, при безводьѣ, служитъ иногда единственнымъ мѣстнымъ водохранилищемъ. Если такая „омшара“ имѣетъ трясинные берега и поверхность, то весь путь отъ материка до воды выстилается бревенчатыми кладками, или хворостомъ. — Достоинства „омшарной воды“ понятны, а замученный видъ пользующихся этою водою ставитъ ихъ въ горькіе послѣдыши среди окрестнаго населенія.

10. Безводная, повидимому, „омшара“ имѣетъ иногда естественныя, а иногда и рукою человѣка продѣланныя „воконцы“, въ свою очередь, называемыя „зажѣрами, прожѣрами“. Получаемая отсюда вода, часто густого табачнаго цвѣта, съ явными признаками органическаго разложенія въ ней, можетъ быть пригодна въ томъ лишь исключительномъ положеніи, про которое пословично говорятъ: „надо жиць, якъ набяглиць“, т. е. какъ придется.

Среди многочисленныхъ розказней про связь чертей съ болотами, на „воконцы, или зажѣры, прожѣры“ указывается, какъ на бѣсовскія пролазы въ „омшару“ и оттуда, подобно тому, какъ это есть при лисьихъ и барсучьихъ логовищахъ. Посему, „ом-

шарная и воконная вода“, каждый разъ при зачерпѣ осѣняемая крестомъ, хотя и сбрасываетъ „бѣсовскую погань“, теряетъ вредоносную силу; однако, сумерочные пути къ такой водѣ всегда опасны, и отъ захода до восхода солнца за нею не принято ходить, по крайней мѣрѣ, въ одиночку... Нерѣдко бываетъ, что рыболовы пользуются „воконцами или прожѣрами“ для рыболовли, и опущенная туда на какомъ-нибудь кнутовищѣ удочка подцѣпшитъ порядочную рыбку, а въ ротъ попадетъ и нѣсколько такихъ рыбокъ. Почти угольный цвѣтъ рыбы и особенный вкусъ ея ставятъ въ недоразумѣніе ловцовъ—рыба ли эта? не воплощенные ли это болотные проказники?..

11. Но есть вода и похуже „омшарной, воконной“: это—вода изъ „бѣгны“—чернаго (торфяного) болотистаго мѣста, не покрывающагося растительностью и имѣющаго видъ черной грязи. Вода здѣсь не стоитъ на поверхности, и чтобы получить ее, нужно раскопать „бѣгну“, которая по маломъ времени опять сплыветъ, опять составитъ ровную грязевую площадь... Какъ ни насущна потребность въ водѣ, къ употребленію таковой изъ „бѣгны“ пригоняетъ послѣдняя крайность, и горемычные потребители каждый разъ дорого платятъ за нѣсколько глотковъ воды.

12. Когда идетъ рѣчь о ранговомъ соотношеніи „нячѣспиковъ“, „вирѣвникъ“ стоитъ ниже „болотника“, а этотъ послѣдній—ниже „оржавиника“, и обозваніе кого-нибудь первостатейнымъ чортомъ выражается такими словами: „ня зъ виру и ни зъ болота, а зъ сѣмый оржавини“!.. Такимъ образомъ „оржавинь, или оржавиня“ представляется гнѣздилищемъ крайняго бѣса—и какъ же она должна быть?! На самомъ дѣлѣ „оржавиня“ есть „бѣгна“ съ рыжеватой грязью, возможная на болотинѣ и на луговой низинѣ,—что цѣликомъ зависитъ отъ подхода сюда родника изъ подъ буро-желѣзной руды. Если иногда на поверхности грязи стоитъ ржавая вода, то она бываетъ покрыта желѣзистымъ

„саломъ, свѣчками“, напоминающими пролитый и плавающій на водной поверхности жиръ. Въ остальномъ—болотная топь, отсутствіе растительности или скудость ея вблизи слишкомъ общи съ „багною“. Но такую и иную воду послѣдней, какъ и окружающую траву, потребляетъ скотъ, болотныя птицы ищутъ здѣсь корма; ничего похожаго нѣтъ „у оржавини“, и нуждающіяся животныя не подходятъ къ ней близко. Въ безысходной нуждѣ человѣкъ не такъ разборчивъ, какъ безсловесники, и, не взирая на отталкивающій остро-желѣзистый вкусъ, потребляетъ „оржавинную воду“, при сознаніи, что таковая въ конецъ засорена болотными проказниками...

13. Если кому-нибудь судьба послала подручное, или сосѣдливое „озярѣ“, то лучшаго водовмѣстилища нельзя и желать: „уздѣръ, криница“ и колодезь даютъ воду только для питья и стирки; чтобы вымыть въ нихъ бѣлье, нужно имѣть корыто; „колдобы, мочулы, сажилки и усидлы“ или непостоянны, или вызываютъ особые труды на сооруженіе; остальные стоячія водовмѣстилища опасны сами по себѣ и своею водою; что же касается текучихъ водъ, то своими разливами, быстротою и непостоянствомъ онѣ способны причинять вредъ, какой иногда ня могутъ принести и всѣ перечисленныя воды въ совокупности, и нѣтъ удивительнаго въ томъ, что при-рѣчный поселенецъ завидуетъ при-озерному. Озерныя блага неисчислимы: кромѣ достаточной воды для питья, стирки, тутъ полное приволье для купанья скота; на извѣданныхъ, изъ года въ годъ неизмѣнныхъ, мѣстахъ можно безбоязненно купаться даже ребятишкамъ; замоченный ленъ и пенька не унесутся съ мѣста, не будутъ обмываться проточной водою и чрезъ то терять въ прочности; а тростникъ, камышъ, аиръ, прибрежная осока?! Наконецъ, рыболовныя сѣти только и могутъ служить въ озерѣ, гдѣ онѣ спокойно лежатъ въ забросѣ ночь, сутки, и гдѣ рыбелову только и приходится бороться съ волной, а не съ упрямою струей.

Настоящее, т. е. пространное „озяро“, съ чистыми, по возможности, берегами, грунтовымъ дномъ и другими свойствами, отличающими его отъ болотнаго и заростающаго, то полностью, то по частямъ имѣетъ раздѣльныя особенности, а именно: а) береговой „отмѣль“, въ отдѣльныхъ озерахъ протягивающійся далеко въ озеро и служащій драгоцѣннымъ мѣстомъ для брода и стоянки купающемуся скоту, а также и рыболовамъ съ бродячими снастями. б) Если подобный „отмѣль“ приходится на срединѣ озера, поросъ рябинникомъ ⁹²⁰), отчасти лопухами, камышомъ и тростникомъ, гдѣ удобно пріючиваться рыбѣ, то онъ даетъ драгоцѣнный для рыболова „всцюгъ или усцүгъ“. в) Тотъ же среднеозерный „отмѣль“, въ свою очередь, пригодный для рыболовли, но поросшій тростникомъ, или камышомъ, называется то „тристой“, то „ситой“. г) Хотя вѣры, какъ мѣста водоворотовъ, могутъ считаться исключительною принадлежностью текучихъ водъ, но они имѣются и въ озерахъ, только здѣсь „вѣристыя“ мѣста представляютъ ни что иное, какъ ямы, рытвины въ днѣ. При всемъ обилии рыбы здѣсь, эти мѣста обходятся рыболовами (а рѣчные вѣры—прохожими) изъ-за преимущественнаго пребыванія въ нихъ „водяниковъ“. д) Мѣстные „хлуды“ имѣютъ двойное значеніе: этимъ именемъ называется подмывъ подъ корнями прибрежныхъ деревьевъ и—наносъ растительныхъ остатковъ (плавуновъ) на корни, кусты и въ заливъ. Первые „хлуды“ служатъ притонными мѣстами для рыбы, а также для выдръ и „нориць“; вторые пригодны на легкое топливо, на подстилку въ хлѣву, или, вывезенные на пашню, сжигаются тамъ для цѣлей удобренія. Болѣе нѣжные „хлуды“, состоящіе изъ травянистыхъ наносовъ, употребляются на гнѣзда насѣдокъ, преимущественно, водоплавающихъ, причемъ озерные „хлуды“ предпочитаютъ рѣчнымъ. е) „Чапы“ не могутъ считаться неизбѣжною принадлежностью озерныхъ и рѣчныхъ водомѣстилищъ, и скорѣе могутъ быть вредны для рыболовли, хотя здѣсь всегда есть обильный притонъ рыбы. „Чапы“

даютъ: камни, бугорки, затонувшія деревья, корневища, а также бревна и хворостины, оставшіяся послѣ моченья льна. ж) Болотистыя и даже нѣкоторыя грунтовыя озера въ отдѣльныхъ окраинахъ имѣютъ „плавь“ — дерновыя заросли изъ различныхъ растеній, даже лозняка, подъ которыми есть вода. „Плавь“ недоступны для прохода, и въ бурную погоду они зыблются, какъ волны, при чемъ отдѣлившіяся отъ материка части плаваютъ иногда по долгу, пока не затонуть или не прикрѣпятся къ матерку, — и это отдѣленіе чаще всего бываетъ при вскрытіи озеръ. — Подъ „плавями“ ютится множество рыбы, которая выходитъ отсюда въ поростовую пору. з) „Завыня, завынька“ есть небольшой озерный или рѣчной заливъ, который можно считать надежнымъ рыболовнымъ мѣстомъ, особенно, когда здѣсь есть водоросли. и) Всякая луговина, примыкающая къ озеру, или его „плавамъ, завынькамъ“, и одинаково доступная для косьбы, какъ и для скота, называется „болдннимъ, оболоннимъ“. Въ водополье такая луговина заливается водою; весною же здѣсь бываетъ просторъ для рыболова съ острогою и ружейнаго охотника.

14. Имя „ручча“ принадлежитъ безводному лѣтомъ и относительно богатому водою ручью весною и въ паводки. Это имя остается за пашенною, или луговою низиною, даже и тогда, когда здѣсь незамѣтно и слѣдовъ ручья. Ясно, что всѣ „руччи“ служатъ водовмѣстилищами лишь временно, да и въ эту пору они не даютъ порядочной воды.

15. „Узгоръ и криница“ нерѣдко даютъ начало „руччавини“ ⁹²¹⁾ — скромному, правда, водовмѣстительству, но такому, гдѣ имѣется постоянная, „подходящая вода“. Если тѣ вызывается хозяйственными нуждами, „руччавина“ отводится въ близлежащую „колдобину“, или перегораживается запрудою изъ насыпи и камней: въ томъ и другомъ случаѣ „руччавина“ даетъ болѣе углубленное водовмѣстительство, пригодное на всѣ житейскіе спросы.

16. Постепенно распрямлясь отъ приема родниковъ, или отъ приема водныхъ ручейковъ, „руччавина“ становится „рячонкой, ручушкой“, пока не сдѣлается притокомъ озера, или крупнои рѣки. — Чтобы нагляднѣе представить разницу между „руччавинный и ручушкый“, стоитъ припомнить, что первая, отъ ширины вершковъ въ 8 едва доходитъ до саженой ширины, при шуточной пословичной глубинѣ— „старому вирабью по колѣно“, — тогда какъ вторая зачинается съ саженой ширины и доходитъ до 2—3 саж., при соотвѣтствующей глубинѣ; первая вездѣ даетъ бродъ, или же ее можно перешагнуть, перепрыгнуть, — вторая вызываетъ кладки, мостки, или переправу въ лодкѣ, на плоту, и рѣдко—въ бродъ.

17. Тамъ, гдѣ рѣка избрала новое русло, на мѣстѣ стараго образуются то продольныя „отѣки“, то цѣпь ихъ, состоящая изъ небольшихъ прудковъ, поросшихъ тростникомъ, камышами и др. водорослями. Вода въ „отѣкахъ“ смѣняется весною и въ половодье, потому что онѣ соединяются тогда и другъ съ другомъ и съ рѣкою; благодаря сему, „отѣки“ ежегодно пополняются рыбою, которая во время перехода даетъ обильный ловъ въ „язвахъ“ и достаточный въ теченіе остального времени.

Каково ни есть подручное водовмѣстилище, будь это даже „оржавина“, и каковымъ житейскимъ надобностямъ ни служить оно, простолюдинъ чтитъ его и воду, какъ великій даръ Творца, или страшится, какъ гнѣздилища нечистой силы. По тѣмъ и другимъ побужденіямъ водовмѣстилища не подлежатъ самомалѣйшему оскверненію: рыболовъ и перевозчикъ пристають къ берегу для отправленія даже легкихъ нуждъ; они, какъ и береговые прохожіе, не сплюнуть въ воду, не метнутъ туда горсти земли, камня, если это не вызывается рыболовными нуждами, или необходимостью загнать и выгнать домашнихъ гусей, утокъ, коровъ. Хотя „вода брѣду ни дяржиць“, и въ ней невозбранно обмываются такіе предметы, какъ бѣлье, загрязненная посуда, овощи съ приставшею

землей, мочится лень и пенька, купаются люди и скоть, но когда въ томъ же водовмѣстилищѣ нужно умывать руки, лицо ⁹²²), или обмывать ноги, то это не будетъ сдѣлано надъ водою, а въ отступѣ отъ нея, и нужная вода въ посудинѣ или въ горстяхъ относится на берегъ; въ свою очередь, полощущій ротъ выплеснетъ воду на берегъ, а недопившій ея изъ посуды выльетъ на траву, на песокъ, но не обратно въ водовмѣстилище, куда предосудительно пускать даже „пѹцики“.

Такъ чтится заурядная вода; вода заговоренная, или талая изъ молодого снѣга ⁹²³) подлежитъ сугубому почитанію, какъ лѣкарственная, и каждая капелька такой воды имѣетъ относительную цѣнность. Что же послѣ этого сказать о почитаніи освященной въ церкви, іорданской воды, или о водѣ изъ чтимыхъ мѣстъ? Такая вода называется „святою“: ея домашнее мѣсто въ божницѣ, ея употребленіе—выдающіяся событія и дни, а ея потребители—тѣ многочисленные вѣрующіе и уповающіе, которыми далеко не бѣдна давняя Бѣлая Русь...

XIV. На рыболовлѣ.

При разнообразіи водовмѣстилищъ, богатствѣ ихъ водою и доброкачественности многихъ водъ, далеко не всѣ онѣ ютятъ водную красу—рыбу. Уже отъ такихъ скромниковъ, какъ „узноръ, криница, колодезь, колдѣба, мочѹла, сажилка, омшара, багна и, въ особенности, оржавинь“, нельзя ожидать рыбы, такъ какъ бѣдный объемъ, свойство, доступъ къ водѣ и непостоянство послѣдней не всегда позволяютъ ютиться и размножаться здѣсь какой-нибудь лягушкѣ, пѣвкѣ, жуку; но и гораздо содержательныя водовмѣстилища иногда или вовсе не имѣютъ водной красы, или же таковая состоитъ изъ ограниченнаго числа особей, изъ односемейной породы рыбъ ⁹²⁴). Сверхъ сего рѣдкія, правда, водовмѣстилища ютятъ такую рыбу, которая и вкусомъ, и внѣшнимъ видомъ не очень приманитъ къ себѣ и рыболова, и потребителя ⁹²⁵),

и если обрѣтается первый, такъ развѣ потому, что у него подъ руками мѣсто, предметъ для охотничьей дѣятельности и пути для удовлетворенія охотничьихъ потребностей; вѣдь ружейный охотникъ „стрѣляетъ же сороку да ворону въ чайнѣ добратся до лебедя“?!.. Если же имѣются потребители этой рыбы, то они пользуются ею, за неимѣніемъ другой, какъ, за неимѣніемъ лучшей воды, иные потребители принуждены бываютъ пользоваться водою изъ „оржавини“...

Быть можетъ крайнее слово о рыбномъ дѣлѣ позволить считать его послѣдышемъ въ простонародной обиходности, какимъ-то прихвостнемъ въ общихъ дѣлахъ простолюдина, малосодержательнымъ предметомъ, не стоящимъ траты силъ и времени? Но тутъ прежде всего не лишне ознакомиться съ почтеннымъ спискомъ мѣстныхъ рыбъ, составляющихъ дѣйствительную красу водовмѣстлищъ и, повидимому, превышающихъ ожиданіе. Такъ, болѣе извѣстны слѣдующія рыбы: ⁹²⁶⁾ сомъ, налимъ (мянтузъ), угорь, щука (щупакъ), судакъ, окунь, голавль (головѣнь), селява, лещъ-синецъ и бѣлый, подлещикъ, карась золотистый и серебристый, язь, плотва, краснопѣрка, линь, густеря (лускерка, лѣтка), елецъ, укляя, верховка, быстрянка, ершъ (ижгуръ), пескаръ (пискашъ), голѣцъ (пискунъ), ольшаникъ (курмѣль), щиповка-колючка, голѣцъ-подкаменьщикъ (песочникъ), минога рѣчная и ручьевая (выюнъ); менѣе извѣстны—шересперъ (живосцеръ), подустъ или сырть (подуста), стынка (устынка) и снѣтки. Кроме того въ рыболовномъ дѣлѣ извѣстны: „окунець“ (годовой стайный окунь), „овясѣць“ (стайный окунь-сеголѣтокъ) и „малюшки“ (сборная, годовая мелкорыбица). Такое разнообразіе рыбъ, за малыми исключеніями, ютящихся иногда въ одномъ водовмѣстлищѣ, не можетъ не привлечь вниманія окрестныхъ жителей, а обиліе рыбы и не трудный доступъ къ рыболовлѣ наталкиваютъ на послѣднюю, и чтобы воочию убѣдиться въ томъ, такъ стоитъ побывать въ при-рѣчныхъ и при-озерныхъ мѣстахъ, да присмотрѣться къ ухищренной погоиѣ за

„рыбинный“ и домашнему празднеству, создаваемому появленіемъ „рыбины“. Въ эту погоню пускаются лица разнообразныхъ положеній, мужчины, женщины и дѣти, безразлично, — пускаются при всякой подходящей возможности, тѣмъ болѣе, что для рыболовли нѣтъ ограничительныхъ сроковъ. какіе, напр., существуютъ для искателей грибовъ и ягодъ.

Обращаясь къ рыбному обилію, приходится вспоминать повѣсть „старыхъ граммъ“ о томъ, что иныя водовмѣстлица „кишмя-кишѣли“ рыбою, что во время нороста, въ половодье и паводки она ловилась просто руками, снятымъ съ тѣла бѣльемъ, кое-какъ прилаженною къ шесту торбой, рѣшетомъ, или такими немудреными снастями и снарядами, съ которыми нынче и не встрѣтишься. При такомъ условіи, когда рыба сама точно напрашивалась на ловъ, едва-ли нужно быть рыболовомъ въ общепринятомъ смыслѣ, т. е. тонко знать рыбью жизнь, ходы и становища ⁹²⁷), и имѣть благоустроенные снаряды и снасти. Несмотря на то, что бытописуемый простолюдинъ въ рыбы побольше современнаго, удѣлялъ рыболовлѣ столько же времени, какъ и теперь, онъ могъ назваться развѣ „рыбачкомъ“ изъ-за того лишь, что имѣлъ кое-какія сѣтишки, которыми орудовалъ изъ лодчѣнки, корыта, или плота. Да и такими „рыбачками“ могли быть немногіе, уже потому, что приходилось вести рыболовлю въ чужихъ водовмѣстлицахъ—казенныхъ, монастырскихъ, причтовыхъ, помѣщичьихъ; справляясь же съ трудами пригонника и собственника, настояцій „землецахъ“ не имѣлъ времени и силъ на болѣе широкую рыболовлю. Если всегдашніе счастливики-бобыли, да безземельники могли бывать тѣмъ, что обзывалось именемъ „рыбачка“, такъ на это рыбачество приходится смотрѣть условно, такъ какъ оно могло относиться къ настоящей рыболовлѣ, какъ полуденная тѣнь къ вечерней, по крайней мѣрѣ, такъ приходится смотрѣть на „рыбачковъ“ и рыболовлю по сравненію съ рыболовными главарями того времени—„остапами“, періодически появлявшимися сюда

со своими ужаснѣйшими неводами саж. въ 300—500, при ширинѣ ихъ саж. въ двѣ,—смотришь по сравненію съ рыболовнымъ дѣломъ самихъ владѣльцевъ, съ ихъ болѣе скромными „подволоками“. Очень возможно, что во второй половинѣ бытописуемаго срока мужикъ и дошелъ бы до настоящей, широкой рыболовли; но пока онъ думалъ, это дѣло перешло въ алчныя руки рыбопромышленниковъ...

Какъ ни проста воспоминаемая рыболовля и какъ легко ни давалась деревлянину тогдашняя рыба, все же голыми руками, или такими предметами, какъ снятое бѣлье, торба и рѣшето, поймашь немного, при подходящемъ случаѣ лишь. Для удовлетворенія потребности и охотничьихъ движеній, необходимы воспособляющіе, подручныя снаряды и снасти, чтобы та же потребность и движеніе могли удовлетворяться тогда, когда то нужно рыболову, когда выискалось удобное время и съ нимъ рыболовное расположеніе. Эти немногочисленные, немудреные снаряды и снасти, вошедшіе въ обиходность по преемству, не пошли дальше прадѣдовскихъ, и, за малыми изъятіями, въ неприкосновенномъ видѣ встрѣчаются въ текущей рыболовлѣ... Всѣ эти рыболовные снаряды и снасти можно подвести подъ слѣдующія категоріи: а) волоковые, б) заставные, г) ударные и д) удильные,—при чемъ, по приѣмамъ изготовленія, ихъ можно дѣлить на вязаные, тканые, плетеные, витые и кованые, или литые ⁹²⁸).

1. Наибольшій волоковой снарядъ, требующій участія по меньшей мѣрѣ двухъ лицъ, есть извѣстная „подволока“, уменьшающаяся иногда до „подволочки“, т. е. волоковой сѣти, чуть превышающей бредень. По своему строенію и по приѣмамъ введенія въ воду и извлеченія оттуда, „подволока“ напоминаетъ неводъ: та же длинная, густая корма, тѣ же два крыла, тѣ же двѣ „оборы“ по всей длинѣ сѣти, изъ коихъ верхняя унизана то берестовыми ⁹²⁹), то деревянными плавниками, а нижняя—то глиняными „котэлками“, то камнями, завернутыми въ тряпки, или

въ берестовыя, да лыковыя плетушки; тѣ же, наконецъ, двѣ прочныя палки по крайнамъ сѣти, для привязи волоковыхъ веревокъ. Подобно неводу, „подволока“ закидывается въ воду съ лодки, въ возможномъ отступѣ отъ берега, и тащится сюда сперва помощью волоковыхъ веревокъ, которыми время-отъ-времени хлещутъ по водѣ, чтобы испугивать оцѣпленную рыбу, а когда крылья подойдутъ къ берегу—непосредственно за сѣть.—Самая большая крестьянская „подволока“ едва доходитъ до 200 „маховыхъ сажень“⁹³⁰), а самая меньшая, въ доступную пору (лѣтомъ) служащая бреднемъ, бываетъ около 15—20 тѣхъ же саж., при соотвѣтственной ширинѣ. Такимъ снарядомъ съ одинаковымъ успѣхомъ можно ловить рыбу какъ въ стоячихъ водовмѣстилищахъ, такъ и въ медленно текущихъ рѣкахъ, преимущественно, въ устьяхъ и мельничныхъ запрудахъ.

2. У при-рѣчныхъ рыболововъ имѣется отдѣльная „подволока“ то съ небольшою кормою, то вовсе безъ нея, называемая „плавунѡмъ“. Въ то время, какъ „подволока“ нижнею частью идетъ по дну, „плавунъ“ устраивается для болѣе свободнаго движенія надъ онымъ, такъ какъ своею нижнею стороною онъ не касается дна, а виситъ въ водѣ, поддерживаемый сверху надежными плавками—мелкими боченками, ведрами, небольшими колодами. „Плавунъ“ употребляется на большихъ рѣкахъ, во всякое время лѣта, на малыхъ же—только въ половодье и наводки; тамъ и здѣсь, перегородивъ рѣку, онъ плыветъ по теченію ея. Когда наступитъ время, одинъ конецъ „плавунѡ“ придерживается, а другой круто и спѣшно притягивается къ тому же берегу; послѣ сего оба конца сѣти извлекаются, какъ неводъ, „подволока“ и бредень.—Изъ всѣхъ волоковыхъ сѣтей „плавунъ“ можетъ быть поставленъ на одномъ и томъ же мѣстѣ для нѣсколькихъ тоней.

„Подволока и плавунъ“ не могутъ считаться распространенными сѣтями уже потому, что обязываютъ рыболова имѣть лодку,

или корыто, плотъ. Сверхъ того вязанье ихъ, посадка и, главное — водный просторъ, умѣнье вводить и извлекать изъ воды, поправлять въ опасныхъ мѣстахъ, или обходить таковыя, требуютъ рукъ и терпѣнія присяжнаго рыболова.

3. Совершенно другое дѣло — „бродень“ — вязаная и тканая сѣть, въ своемъ построеніи напоминающая описанныя и различающаяся лишь размѣрами: самый большой „бродень“ рѣдко доходитъ до 10 маховыхъ саж. въ длину и чаще всего имѣетъ ее въ 3—4 саж., при чемъ ширина какъ-то особенно непропорціональна длинѣ. — „Броднемъ“ можно ловить рыбу въ любой водѣ, лишь бы тамъ могъ двигаться рыболовъ, и съ нимъ одинаково успешно бродятъ мужчины, женщины, даже дѣти-подростки: благодаря густотѣ ячеекъ, ширинѣ снаряда, который правильно движется отъ дна до поверхности, да скорому движенію рыболововъ, „бродень“ захватываетъ мелкорыбицу такъ же, какъ и оцѣпленную здѣсь, иногда весьма крупную „рыбину“.

Какова ни есть длина „бродня“, имъ орудуютъ двое рыболововъ, изъ которыхъ одинъ, болѣе сильный и ловкій, отправляется „у заходъ“, т. е. въ болѣе глубокое мѣсто; пройдя нужное пространство, онъ сѣшно соединяется съ товарищемъ, при чемъ время-отъ-времени оба они брызгаютъ водою внутрь оцѣпленнаго пространства, чтобы задержать здѣсь рыбу, вспугнуть щуку, всегда готовую перепрыгнуть чрезъ снарядъ. Если возможно, рыболовы сводятъ концы снаряда и приподымаютъ его въ водѣ, въ отступѣ отъ берега; въ противномъ случаѣ „бродень“ вытаскивается на берегъ, подобно „подволокъ и плавуну“. То же дѣлается и на рѣчныхъ тоняхъ, гдѣ рыболовы обыкновенно слѣдуютъ со снарядомъ вверхъ по теченію.

Въ заключеніе остается упомянуть, что бродниковая рыболовля возможна лишь тогда, когда вода станетъ „лѣтною“ (331), доступною для купанья, при чемъ ночная и полуденная рыбо-

ловля бываетъ болѣе прибыльною, потому что въ это время рыба отдыхаетъ и жируетъ.

4. Въ травянистыхъ мѣстахъ, гдѣ бредень можетъ цѣпляться, или пойдетъ поверху, „крига“ составляетъ незамѣнимый снарядъ. По строенію она напоминаетъ два полоза-„копанца“, соединенные другъ съ другомъ въ противоположной отъ загиба сторонѣ, и служащіе какъ бы рамами, на кои туго натянута густая сѣтчатая ткань, вязаная или тканая. Съ „кригою“ обыкновенно управляются трое рыболововъ: одинъ, болѣе дюжій, орудуетъ серединою частью снаряда, гдѣ соединены полозья, остальные—концами его. При „заходѣ, крига“ волочется въ растяжную, то по поверхности воды, то поставленная вертикально; когда же наступило время оцѣпить избранное пространство, крылья „криги“ сводятся: все живое, не исключая раковъ и лягушекъ, остается промежъ стѣнокъ снаряда, который тутъ же и приподнимается плашмя на поверхность. Въ то время, когда товарищи придерживаютъ концы сложенной „криги“, третій извлекаетъ добычу, засовывая руку внутрь, между рамами.

Ловля „кригою“ возможна въ тѣ же сроки, какъ и ловля бреднемъ; но она значительно прибыльнѣе послѣдней, и если „крига“ встрѣчается въ рыболовномъ обиходѣ нѣсколько рѣже, такъ это частію зависитъ отъ необходимости привлекать къ рыболовлѣ троихъ участниковъ, а частію отъ сравнительной трудности построенія снаряда, для котораго нужно подыскивать и прилаживать „копанцы“.

5. „Топтунъ“ удобнѣе всѣхъ волоковыхъ снарядовъ потому, что съ нимъ можетъ управиться одинъ рыболовъ, въ такихъ мѣстахъ, которыя недоступны для ловли съ иными снарядами—въ густой травѣ, среди камней и корчей, около „хлудовъ“: подставивъ широкое устье „топтунá“ къ намѣченному мѣсту, да пыря тамъ шестикомъ, или шевеля свободною рукою траву, кустъ, береговой, трясинный навѣсъ, „хлудъ“, при чемъ въ помощь дѣлу

подоспѣваетъ нога, заносимая въ ту и другую сторону, рыболовъ можетъ загнать въ снарядъ не только мелкорыбицу и крупную „рыбинну“, но и выдру, „норлицу“, или молодую утку. А разь добыча вошла въ устье „топтунá“, она не выберется изъ густо вязаннаго, или тканаго мѣшка саженой и болѣе длины. При рѣчной рыболовлѣ, мѣшокъ пускается хвостомъ внизъ по теченію.

„Топтунъ“ съ одною лишь округлою рамою при устьи встрѣчается чаще „топтунá“, гдѣ тотъ же мѣшокъ (вязаный и тканый, безразлично) натянуть на прутья, соединенные въ одномъ концѣ, расходящіяся врозь и привязанные противоположными концами къ рамѣ устья,—что придаетъ снаряду коническую форму. Этотъ „топтунъ“ неуклюжъ, грузенъ; но имъ можно покрыть подходящее мѣсто въ топи, или уставить на быстринныхъ протокахъ, какъ „прутню“.

6. Послѣднимъ волоковымъ снарядомъ приходится считать „чарнокъ“, который бываетъ вязаный и тканый, при чемъ, подѣтъмъ именемъ и на той же службѣ нерѣдко встрѣчается рѣшето, корзиночка, плетенка изъ прутьевъ, насаженные на подходящій шестъ. Настоящая служба „чирпкá“—извлекать оставшююся въ „колдобинахъ, или затрүченную“ рыбу, задыхающуюся при мочкѣ льна и пеньки, а также при зимнихъ „тохахъ“, какъ и болѣе крупную, попавшуюся на удочку; въ остальномъ „чарнокъ“ служитъ дѣтямъ-рыболовамъ, или же въ немъ, на подвѣсѣ, вянутъ и просушиваются сыры...

Какъ очевидно, „бродень, крига, топтунъ и чарнокъ“ могутъ быть сѣтчатыми, вязаными, и ткаными. Для послѣдней надобности дѣлается особая ткань на домашнихъ кроснахъ: основа здѣсь не пропускается чрезъ каждую „тристу“ берда, а только чрезъ одну, или двѣ „тристы“; въ свою очередь и уточная нитка не прибивается бердомъ, а слегка придвигается къ ткани, лишь бы уравнить нитку. Такая работа кропотлива, и подвигать на

нее могут развѣтъ рыболовныя блага, на которыя разсчитываютъ творцы тканыхъ снарядовъ. Но и вязальная работа тѣхъ же снарядовъ стоитъ ткацкой, особенно, если вязальщикъ не умѣетъ сдѣлать ординарнаго узла, какъ это дѣлаютъ при вязаньи филе, и для образованія одной ячей долженъ продѣть челнокъ два раза: тогда, при погонѣ за густотою ячеекъ, бредень можетъ быть сработанъ лишь въ мѣсяцъ и болѣе, а сачокъ—въ сутки...

Заставные, т. е. неподвижно стоящіе въ водѣ снаряды почти всѣ вязаные, сѣтчатые, и только послѣдныи этихъ снарядовъ—плетеные, изъ лозовыхъ прутьевъ. Примѣнительно къ потребностямъ, ячей однѣхъ сѣтей бываютъ гуще, другихъ—рѣже; что же касается лозовыхъ плетенокъ, то здѣсь прутья приставляются другъ къ другу, по возможности, плотно, и промежутками между ними можно считать лишь тѣсныя щели, образующіяся отъ прохода поперечнаго прута, или замѣпяющаго таковой—тонкой бичевки. Величина заставныхъ снарядовъ, по крайней мѣрѣ, сѣтчатыхъ, приспособляется къ водовмѣстилицу, и, какъ это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, не подлежитъ условному измѣренію.

7. Самый большой заставной снарядъ есть „оборъ, оборѣцъ“^{*}—прямая безъ кормы сѣть-тройчатка, съ берестовыми поплавками на верхней „оборѣ“ и глиняными „котѣлками“—на нижнемъ, имѣющая длину отъ 20—70 маховыхъ саж. при ширинѣ въ 1 арш. и 12 верш., или ровно 2 арш. Густыли „оборѣчныи вѣки“, или доходятъ они до квадр. вершк., во всю длину и ширину сѣти, съ той и другой стороны, идетъ „рѣжа“—сѣтчатое вязанье изъ тоненькой бичевки, имѣющее ячей въ два съ небольшимъ квадр. вершка. При „посадкѣ оборца, рѣжа“ прикрѣпляется къ верхней и нижней „оборѣ“ и послѣ сего составляетъ одно цѣлое съ сѣтью. Если нужно оцѣпить значительное пространство, или, примѣрно, два рыболова сошлесь на совмѣстную рыболов-

лю ⁹³²), тогда соединяются нѣсколько „оборцовъ“, могущихъ занять протяженіе свыше 100 обыкновенныхъ сажень.

„Оборѣць“ можетъ служить для рыболовли только въ стоячихъ водовмѣстилищахъ, гдѣ есть водорасли, какъ-то: на „усцугахъ, при тристы, ситы и въ завныяхъ“. Во всѣхъ случаяхъ онъ осторожно выбрасывается въ воду съ лодки, корыта, или плота, то кольцеобразно, вокругъ подводной островинки, то полукружіемъ—вдоль береговъ, то прямолинейно, когда нужно перегородить заливъ. Если оцѣпляемое мѣсто глубоко, не видно сѣти, то къ одному концу снаряда, на веревкѣ, привязывается соломенный, камышевый, или тростниковый пучекъ, показывающій мѣстонахождение „оборѣчнаго конца“. Послѣ заброса снаряда рыболовъ еще разъ объѣзжаетъ вдоль сѣти и осторожно поправляетъ ее тамъ, гдѣ она лежитъ на травѣ, не доходить до дна, или свернулась „вирцялѣмъ“ ⁹³³), а потомъ уже вступаетъ внутрь оцѣпленнаго пространства, для загона рыбы въ сѣть.

Послѣднее дѣйствіе совершается при помощи „бѣвта“—тонкаго шеста, около 2 саж., на одномъ концѣ котораго неподвижно прикрѣплена круглая или досчатая деревяжка. Стремительнымъ опущеніемъ въ воду то вертикально, то наискось, рыболовъ поднимаетъ „бѣвтомъ“ пѣнистый столбъ за столбомъ и тутъ же, круто отворотясь въ противоположную сторону, хлестко бьетъ по водѣ тонкимъ концомъ „бѣвта“, или колотитъ имъ о борты судна. Въ заключеніе онъ объѣзжаетъ вблизи всей сѣти и при этомъ еще „бѣвтаиць бѣвтомъ“. Отъ всего этого испуганная рыба мечется въ сѣть и, потянувъ „гусцярү“ впередъ, попадаетъ въ ячейку „ръжи“: въ образовавшемся мѣшкѣ она остается вѣрною добычею рыболова...

Извлеченіе „оборца“ изъ воды происходитъ отъ поплавочнаго конца, при чемъ рыболовъ норовитъ „подворачивать“ его, т. е. сильнѣе и преимущественнѣе тянетъ нижнюю „обору“—сѣть идетъ жолобомъ. Если рыбы мало, то, выбирая послѣднюю изъ

мѣшечковъ, онъ выбираетъ и приставшія къ сѣти водорасли; въ противномъ случаѣ—спѣшить поскорѣе извлечь сѣть, которую перебираетъ потомъ, приставъ къ уютному мѣсту.

Когда имѣется достаточный просторъ для рыболовли, когда есть „большой оборѣцъ“ и лодка, то ловля этимъ снарядомъ производится двумя лицами, изъ коихъ одно править лодкою, а другое управляется съ „оборцомъ и бовтомъ“. При иномъ условіи все дѣло справляетъ одно лицо: лѣвою рукою орудуетъ весломъ, а правою выбрасываетъ, или выбираетъ скромный снарядъ въ неменѣе скромную „комягу, душегубку“, или плотъ, а при загонѣ рыбы обходится лишь „бовтомъ“, которымъ то гребетъ, то упирается въ дно, чтобы двинуться съ мѣста.

8. „Оборѣчикъ“, называемый еще „запшкой, зашихалкой“ совершенно одинаковаго построения съ описаннымъ снарядомъ. Длина его 3—4 саж., а ширина чуть превышаетъ аршинъ. Такой скромный объемъ снаряда позволяетъ пользоваться имъ въ мелководныхъ, травянистыхъ мѣстахъ. Обыкновенно рыболовъ управляется со снарядомъ такъ: подѣхавъ къ намѣченному мѣсту съ открытой воды, онъ втыкаетъ въ дно шестикъ, или весло, за его ребромъ осторожно опускаетъ сѣть въ воду срединною частью, а концы ея просовываетъ чрезъ траву къ берегамъ, при чемъ получается сѣтчатый уголь. Просову помогаетъ длинный шестъ и два коническіе „лапотка“, укрѣпленные на концахъ нижней „оборы“. Не трогаясь съ мѣста, рыболовъ прыгаетъ шестомъ въ оцѣпленномъ пространствѣ и тѣмъ загоняетъ въ сѣть ютившуюся здѣсь рыбу, по преимуществу, карасей, линей, плотву—завсегдатаевъ такихъ мѣстъ, какъ осока, хвощъ, аиръ. Нужно замѣтить, что ловля „оборѣчикомъ“ проходитъ такъ тихо отъ начала до конца, что на аршинномъ разстояніи рыба не можетъ быть потревожена, а это позволяетъ рыболову начать новую тоню рядомъ съ оставленною.

„Оборѣчикъ“ извлекается изъ воды при воткнутомъ въ дно шестикѣ—то обѣими сторонами за разъ, то поочередно. Если въ снарядъ попала болѣе крупная рыба, то она глушится ударомъ шеста, или же имъ загоняется въ глубь мѣшечка; то же дѣлается съ выдрюю и норницею, изрѣдка попадающими въ снарядъ. Во время рыбьяго пороста „оборѣчикъ и оборецъ“ заставляются въ подходящихъ мѣстахъ: тутъ рыба сама вязнетъ въ ячеяхъ, запутывается въ мѣшечкахъ, и рыболову остается лишь навѣщать „заставу“ да выбирать рыбу,—что обыкновенно дѣлается утромъ и вечеромъ каждаго поростоваго дня.

9. Гдѣ водовмѣстилище обилуетъ уклейей, рыболовы сооружаютъ „уклейчную сѣтку“—прямую, ординарную сѣть съ густыми ячейками, лишь бы въ нихъ могла входить головка уклей. Эта сѣть, съ обычными поплавками и грузилами, ставится въ растяжную во время пороста уклей и, безъ малѣйшаго загона сюда рыбы, биткомъ набивается юркою, особенно подвижною уклейей, которая потомъ идетъ на текущее употребленіе и въ „сушенку, какъ малюшки“. Въ этого короткаго срока (три дня въ половинѣ іюня) сѣть отираетъ различныя обязанности: ею покрываются разсадники отъ куръ, вишнякъ—отъ воробьевъ, или же сѣть смиренно покоится подъ навѣсомъ до уклейчаго пороста будущаго года.

10. Въ цѣломъ видѣ „жакъ“ представляетъ „топтунъ“ трехсаженной длины, перегороденный внутри, въ отступѣ другъ отъ друга на $1\frac{1}{2}$ арш., вертикально стоящими и постепенно уменьшающимися обручами, при чемъ при каждомъ обручѣ есть сѣтчатая ткань съ узкимъ проходомъ въ центрѣ, а устье снаряда имѣетъ саженыя и болѣе крылья, расходящіяся въ стороны. При помаши вколоченныхъ въ дно кольевъ „жакъ“ и крылья его уставляются въ растяжку то на рѣкѣ, то на ходовыхъ мѣстахъ проточнаго озера, преимущественно, во время пороста, и часто случается, что этотъ снарядъ биткомъ набивается рыбою, а потому

нѣтъ удивительнаго въ томъ, что заинтересованныя лица строжайше преслѣдуютъ „ужасци якѣй жакъ“. Къ счастью, построение „жака“ (мелкое вязанье, размѣщеніе обручей), какъ и установка при рыболовлѣ, вызывающія значительное время и трату, дѣлаютъ снарядъ малодоступнымъ для обычнаго рыболова, а потому въ обиходности деревенскаго рыболова онъ встрѣчается весьма рѣдко.

11. „Норотъ, нэрыть или мѣрда“ можетъ считаться однимъ изъ распространенныхъ заставныхъ снарядовъ въ текучихъ и стоячихъ водахъ, безразлично. Въ рыболовномъ употребленіи различаются два „норота: язовый“ ⁹³⁴⁾ и обыкновенный, зимнею порою служащій для поимки нѣкоторыхъ птицъ, между прочимъ, „омилушекъ“ и куропатокъ ⁹³⁵⁾. Первый, до сажени въ длину, ставится на проточныхъ, перегородженныхъ мѣстахъ, а второй, на половину меньшій—въ тѣхъ же мѣстахъ и стоячихъ водахъ, даже подъ ледъ, весеннею порою. Въ остальномъ оба „норота“ схожи и имѣютъ коническую форму, съ плоскимъ основаніемъ, съ большимъ закрытымъ устьемъ, въ серединѣ котораго, однако, есть узкій проходъ, какъ продѣтъ руку. Для „норота“ первоначально изготовляются рамы изъ сырыхъ тонкихъ жердочекъ, которыя потомъ обтягиваются двумя сѣтчатыми мѣшками, постепенно сужающимися: узкій конецъ одного мѣшка приходится на хвостовомъ соединеніи жердочекъ, а такой же конецъ другого входитъ внутрь „норота“ тонкимъ горлышкомъ, вполнѣ, однако, достаточнымъ для прохода рыбы и извлеченія ея оттуда рукою; широкіе же концы мѣшковъ сшиваются недалеко отъ головки „норота“, верш. на 4 ниже устья.

Преимущественная ловля „норотомъ“ бываетъ весною и во время norоста той или другой рыбы; но и въ остальное время года, даже зимою, подо льдомъ, имъ можно поймать рыбу. Тогда, для приманки рыбы, внутрь снаряда кладутся поджаренныя корки хлѣба, или поджаренная мука въ тряпкѣ, а самый снарядъ, съ кам-

нями внутри, на веревкѣ опускается ко дну.—Въ болѣе жаркую рыболовную пору „нѳротъ“ буквально набивается рыбою, вслѣдъ за которою туда же вползаетъ иногда выдра, или норка; увлекшись готовою добычей, да потерявъ выходъ, хищница захлебывается и поступаетъ въ добычу рыболова. Послѣднему, однако, чаще приходится лишь свидѣтельствовать гощеніе алчницы въ „нѳротѣ“, гдѣ она оставляетъ рыбныя недоѣдки, или широкую дыру въ стѣнкѣ снаряда...

12. Наипростѣйшій заставной снарядъ есть „прутня“ (она же— бѳча, кѳша)—коническая плетенка изъ лозовыхъ прутьевъ, длиною около 2 арш., съ открытымъ устьемъ, діаметръ котораго колеблется между 10—12 верш. Весною и въ паводки „прутня“ ставится въ канавѣ, или узкомъ ручейкѣ, если они, соединяя два водовмѣстилища, имѣютъ стремительно-быстрое теченіе: проходящая по нимъ рыба останавливается въ узкомъ хвостѣ снаряда, гдѣ, отъ напора воды и засоренія плывущимъ мусоромъ, она не въ состояніи извернуться. Среди множества мелкорыбицы въ „прутнѣ“ иногда очутится то 10-ти фунт. щука, то язь, то лещъ и др. крупная рыба. При извлеченіи добычи изъ снаряда, послѣдній относится на чистядину и, перевернутый устьемъ внизъ, встрясается,—что на рыболовномъ языкѣ извѣстно подъ терминомъ „тресь прутню“⁹³⁶).

13. Такая же „прутня“, но со вставленною въ устье болѣе короткою, имѣющею въ срединѣ узкій проходъ, употребляется для исключительной ловли пискарей-гольцовъ, во время нороста послѣднихъ въ дек. и янв. Этотъ снарядъ, нѣсколько напоминающій „нѳротъ“, опускается на дно болотистыхъ рѣченокъ, въ „воконцы“ трясинъ, подъ кусты, и часто биткомъ набивается „пискунами“, среди которыхъ попадаетъ иногда и налимъ⁹³⁷).

14. „Ости, вѳсци“ (острога) есть довольно распространенный ударный снарядъ, главная служба котораго бываетъ равнею весною, когда норостующія щуки во множествѣ и безбоязненно сну-

ютъ у береговыхъ проталинъ, или уходятъ на луговые разливы, пробираются по ручейкамъ и канавамъ. Тѣ же „восци“ служатъ и при позднѣйшихъ рыбьихъ норостахъ—карасей, линей, лещей, какъ и при зимнихъ „тохахъ“; завзятые же рыболовы пользуются ими осенью, когда „лучать рыбу“⁹³⁸), и зимою, если только знакомы съ рыбными становищами. Благодаря рыболовному терпѣнью, навичной ловкости, знакомству съ мѣстами и рыбьими снаровками, иной рыболовъ налавливаетъ за разъ до пуда и болѣе крупной рыбы, у которой можетъ быть лишь одинъ изъянъ—изуродованное острогою тѣло да икрью и молочный прилипъ.

Мѣстные „восци“, приготовляемыя деревенскими кузнецами, бывають о 4—7 зубьяхъ съ зазубринами на каждомъ; онѣ грубы, какъ грубъ насадочный шестъ, сглаживающійся и полирующійся потомъ въ мозолистыхъ рукахъ рыболова ..

15. Когда озеро или рѣка замерзаетъ при безвѣтряной погодѣ и когда прозрачный ледъ позволяетъ видѣть предметы въ водѣ, рыболовы „глушатъ рыбу“ при помощи „куки“—увѣсистаго деревяннаго молотка на саженой рукояти. Размашистымъ ударомъ „куки“ по мѣсту, гдѣ замѣчена отдыхающая рыба, рыболовъ одновременно глушитъ послѣднюю и надламываетъ пока еще тонкій ледъ, который потомъ спѣшно прорубаетъ топоромъ, для извлеченія добычи. Въ рѣдкихъ случаяхъ добычею изъ-подъ „куки“ бываетъ вышедшая на охоту выдра, или норка.—Хотя рыболовы держатся береговыхъ мѣстъ, по преимуществу, все же рѣдкій изъ нихъ не отвѣдаетъ по-колѣнной и даже поясной ванны...

На скорую руку, вмѣсто „куки“ употребляется увѣсистая „пубоѣшка“, или обухъ топора, которымъ, вслѣдъ за ударомъ можно прорубить нужное мѣсто.

16. Подобно ударнымъ, удильные снаряды весьма немногочисленны, и все построение ихъ состоитъ изъ удилица, прикрѣпленной къ нему лесы, или нитки, тонкаго шнура, съ крючкомъ

на концѣ. Въ обиходѣ деревенскаго рыболова нѣтъ раздѣльныхъ удочекъ—„поддонныхъ“, навѣсныхъ, верховыхъ,—нѣтъ и специальныхъ разновидностей ихъ для ужения той и другой рыбы, какъ это бываетъ у городскихъ удильщиковъ—„удочка уклеечная, пескашная, плотвичная, лещовая“ и проч.; тутъ весьма часто одна поплавочная удочка служитъ на безразличное ужение всякой рыбы, и если иногда къ ней придается вторая, такъ развѣ для запаса, на случай поврежденія первой. Впрочемъ, наиболее ловкіе удильщики и въ рыбныхъ мѣстахъ пользуются двумя удочками сразу, держа ихъ въ той и другой рукѣ, или уложивъ навѣсно на траву, кустъ, бортъ судна. Подъ безразличнымъ именемъ „вуды, вудки“, этотъ удильный снарядъ изъ края въ край, на стоячихъ и текучихъ водахъ, приблизительно таковъ: къ тонкому концу удилица саженой длины привязана чуть-чуть витая леса изъ 6—8 конскихъ волосъ, не превышающая длину удилица, такъ что въ сложенной удочкѣ крючокъ упирается въ удилицную пятку. Безъ обычнаго замаха и свиста удочки, такъ часто отпугивающихъ рыбу, это позволяетъ забросить ее въ желанное мѣсто, для чего стоитъ лишь слегка нагнуть удилице и отпустить лесу—грузъ крючка съ насадкою и поплавокъ отнесутъ ее впередъ, насколько позволяетъ длина всей удочки; въ то же время, при извлеченіи удочки, послѣдняя выходитъ изъ воды почти вертикально и не издаетъ извѣстнаго „сѣрба“. Если вмѣсто леси привязана нитка, или тонкій шнуръ, то чрезъ это нѣсколько не измѣняются ни длина удочки, ни указанная удобства. Самодѣльный крючекъ изъ тонкаго гвоздя, проволоки, булавки и перекаленной иголки предпочитается фабричнымъ; онъ привязывается нѣсколько неряшливо (концы леси торчатъ щетиною), но прочно. Поплавокъ изъ гусинаго пера, цѣлымъ стволомъ надѣтый на лесу и заткнутый собственнымъ комлемъ, предпочитается остальнымъ изъ-за бѣлизны; когда же нѣтъ пера, поплавокъ становится готовая пробка, оструганная кора сосны, лозы,

или на текущее ужение привязывается кусочек прошлогодняго, даже нынѣшняго камыша. Каковъ ни есть поплавокъ, онъ утверждается выше крючка верш. въ 12—16: въ мѣстѣ, гдѣ требуется приблизить поплавокъ къ крючку, рыболовъ не станетъ удить, а въ глубокомъ мѣстѣ рыба и сама подойдетъ къ приманкѣ, какъ ни далека послѣдняя отъ дна.

Удильщики при-двинскіе, какъ и удильщики на рѣкахъ, впадающихъ въ Двину, гдѣ имѣется особая рыба (подустъ, шересцеръ и др.) и гдѣ быстрота теченія, измѣнчивое положеніе „струи“⁹³⁹) и неровность дна непохожи на стоячія, или едва движущіяся воды остальныхъ рѣкъ, удильные снаряды нѣсколько разнообразны, по крайней мѣрѣ, тутъ можно встрѣтить слѣдующія удочки: а) „поддонную съ потопцомъ“ и безъ него, б) „подусвиную, в) живосцерную, г) живцовую, д) пискашную, е) укличную и ж) шнуры на прочныхъ удилицахъ и безъ нихъ—заставные, съ множествомъ крючковъ, привязанныхъ короткими привязями, въ отступѣ другъ отъ друга арш. на 1¹/₂. Нераздельно со многими такими снарядами стоитъ построеніе „захвъ“, ловля извѣстной „митулицы“ и перемѣщеніе, по крайней мѣрѣ, на „душегубкѣ“. Такъ какъ все это вмѣстѣ составляетъ обособленность при-двинской рыболовли, заслужившей отдѣльнаго, кста-ти, содержательнаго описанія⁹⁴⁰), то здѣсь уместно ограничиться однимъ лишь помяномъ и продолжить слово объ удильныхъ снарядахъ остальныхъ мѣстностей.

17. Для поимки хищниковъ, на толстую, волосъ въ 15—20 лесу, или сурь, привязывается наиболѣе прочный, большой крюкъ, у иныхъ—и „зубецъ“⁹⁴¹), на который насаживается „живецъ“—небольшая живая рыбка. За неимѣніемъ крюковъ, преимущественно къ снуру, приврѣпляется проволочная или крѣпкодревесная „рогѹлька“—заостренныя вилочки, зубцами къ удилицу, и къ ней привязывается „живчикъ“.—Вмѣсто удилица снарядъ привязы-

вается къ гибкому береговому кусту, или отдѣльному дереву.

18. Ловля щуки, окуней, судаковъ и голавлей „дорожкой“ составляетъ неизбежное дополненіе удильной рыболовли, и она ничѣмъ не разнится отъ общей: рыболовь привязываетъ металлическую съ крючкомъ пластинку къ надежному длинному шнуру и волочитъ по водовмѣстилищу, то разбѣзжая по водѣ, то отбрасывая съ мѣста—съ берега, острова, съ судна. Нѣтъ такой обработанной пластинки—привязывается сложенное на-двое гусиное перо со скрытымъ здѣсь крючкомъ.—Для большей приманки хищниковъ, „дорóжка“ перевивается въ одномъ-двухъ мѣстахъ красною тесемочкою.

19. Въ „окунечныхъ мѣстахъ“ зимній ловъ хищниковъ дѣлается „облитней“ (блесною), которая есть цинковая или оловянная пластинка съ задѣланнымъ крючкомъ, напоминающая бѣлорыбцу. Прорубивъ во льду небольшое отверстіе, удильщикъ опускаетъ на шуръ „облитню“ и періодически подергиваетъ снарядъ вверхъ. Чаще всего шуръ держится на короткомъ удилицѣ—надежномъ прутикѣ, который длиною и толщиною напоминаетъ обычное кнутовище.

20. Для ловли щуки лѣтнею порой употребляется „петля“ (силокъ) изъ лошадиныхъ волосъ, обыкновенно укрѣпляемая на концѣ надежнаго удилица, или тонкаго шеста. „Петля“ осторожно надѣвается на морду отдыхающей щуки и стремительно задерживается, какъ скоро будетъ проведена за жабры. Между прочимъ, такимъ образомъ совершенно вылавливаются щуки, оставшіяся въ „колдóбахъ и ручьявннхъ завывнькахъ“, вылавливаются, кстати, исключительно подростками ⁹¹²), потому что степенный рыболовь не возьметса даже и за болѣе почетныя удильныя снасти, памятуя пословичную мудрость: „кто рыбу вѣдиць, у того хлѣба ня будиць“...

21. Дополнительными статьями удильной рыболовли нужно считать „принáду, привáду и примáну“. Подъ первыми двумя разумѣется все, что привлекаетъ рыбу къ желанному мѣсту, какъ и тѣ приспособленія, кои дѣлаются тутъ же для ужения, а подъ вторыми—разнообразныя насадки на крючокъ, начиная отъ мушки и кончая кускомъ селедки, или кускомъ мяса. У городскихъ, при-двинскихъ удильщиковъ всѣ „принáды, привáды и примáны“ составляютъ необходимое дополненіе удильной рыболовли, довольно разнообразны и заботливо обставлены. Такъ, соорудивъ на „струѣ захву (она же—закóль, заѣздохъ“), удильщикъ помѣщаетъ при ней „закрышъ“—смѣсь глины съ отрубями, поджаренною мукой, поджаренною и перетолченною коноплей, или съ „митулицей“; тѣмъ же „закрышимъ“ время-отъ-времени онъ мутитъ воду и при ужении; для насадки ловить въ садахъ „бартулéй“ ночью, съ фонаремъ, роется въ мусорныхъ кучахъ за личинками хруща (бѣлые, толстые и короткіе черви), въ грязи ручейковъ—за „вьюна́ми (ручейковыя миноги) для живца“, въ гніющемъ мясѣ, крови убойнаго животнаго и, въ особенности, въ желудкѣ его терпѣливо выращиваетъ „чарцовъ, рыбаковъ“; наконецъ, ловить „митулицу“, заготовляетъ ее въ прокъ и проч. Для деревенскаго удильщика ничего этого не нужно: подхвативъ свои двѣ удочки, да на всякій случай—„торбочку“, на пути къ рыболовлѣ онъ пороется на задворкахъ, подстрѣшныхъ мѣстахъ, чтобы „укопнѣць надѣвѣць“, подниметъ камень, колоду, дернъ, чтобы дополнить ими же „примáну“, отвернетъ кору „сухостóя“, или неочищеннаго бревна, чтобы извлечь оттуда „закóрьника, закóрьщика“, подхватить попутнаго „кызилка, стрѣлку, мятлика“⁹⁴³); во время рыболовли, на мѣстѣ, онъ не преминетъ воспользоваться „шцикомъ“⁹⁴⁴), а если попалъ на „окунѣчное мѣсто“, то употребитъ на насадку шейку рака, стегно лягушки; нуженъ будетъ „живецъ“—онъ тутъ же выкопаетъ свѣжую миногу, или „наживицъ вѣду“ первую попавшеюся мелкорыбцею. Но и всего этого бу-

детъ много: съ запасомъ красныхъ дождевыхъ червей да хлѣбнаго мякиша, который разбрасывается крошками, какъ „привада“, или, перемятый въ пальцахъ, шаркомъ накладывается на крючокъ, удильщикъ сдѣлаетъ то же, что дѣлаютъ и съ большими „привадами, привадами и приманами“, т. е. наудитъ полмѣшка смѣшанной рыбы и ужъ во всякомъ случаѣ столько, что, по шуточному присловью, „будетъ чѣмъ отъ кошки бороница“, особенно, если онъ ушелъ изъ дому тайкомъ, избѣжалъ путевыхъ встрѣчъ, не набрелъ на товарища и попадалъ на рыбныя мѣста.

Въ дополненіе къ сему рыболовъ воспользуется развѣ весьма важнымъ „приваднымъ“ предметомъ—человѣческой; слюною, ближайшимъ образомъ—собственною. Удильщикъ обязательно троекратно плюетъ на насадку, будь это даже „живчикъ“, рыболовъ съ сѣтями—въ край, или корму послѣднихъ; троекратнаго поплевыванья не избѣгаютъ и ударные снаряды. Въ свою очередь это дѣлается и въ раскрытый ротъ первой пойманной рыбки... Приготовляя рыболовные снаряды и снасти, рыболовъ, по преимуществу, а его сотрудники, между прочимъ, оставляютъ тамъ и здѣсь свою слюну,—что сказывается въ безпрестанномъ смачиваньи ею пальцевъ при витѣ, напр., лесы, шнура, веревки, и откусываньи, но не отрѣзываньи тѣхъ и другихъ концовъ.

Удильщикъ почти не знаетъ съ лодкою, корытомъ, плотомъ, а удитъ то съ берега, то забравшись на нависшее береговое дерево, на владку, мостъ, или же по колѣно и по поясъ стоитъ въ водѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, переминаясь съ ноги на ногу, онъ мутитъ воду,—что составляетъ „приваду“ и совершенно необходимо при уженьи „пискашовъ“, которые въ семъ случаѣ большими стаями стекаются въ „замутъ“ и даютъ обильную добычу. Иные удильщики строятъ на сей случай короткую (1¹/₂ арш.) лесу, съ тремя и болѣе крючками, и утверждаютъ ее на

прутикѣ, длиною въ кнотовище. Поплавка въ такой удочкѣ нѣтъ, и удильщикѣ узнаеть о попавшейся рыбѣ только по дерганью удилица изъ рукъ. Какъ извѣстно, эта рыба, подобно окуню, ершу и др., не вызываетъ подсѣчки, такъ какъ хватаетъ насадку сразу и тутъ же плотаетъ ее; но и при уженьи чисто поплавочными удочками, удильщикъ тащитъ удочку лишь тогда, когда поплавокъ уходитъ съ поверхности воды, при чемъ, попавшаяся рыбка не подтягивается исподволь, а взмахомъ, иногда чрезъ голову, выкидывается удочкою на берегъ. Хотя такой приѣмъ обрываетъ удочку, губу попавшейся рыбки, но деревенскій удильщикъ не разстается съ нимъ и не щадитъ трудовъ, когда ему приходится выходить и снова входить въ воду послѣ каждой пойманной рыбки..

Воспособляющими при рыболовлѣ предметами служатъ съ давнихъ поръ: а) „човны“—короткія, тупоносые лодки-досчаники, по большей части, съ плоскимъ дномъ и широкимъ разваломъ. Такія лодки грузны, неповоротливы, медленно ходятъ, несмотря даже на то, что весломъ при нихъ состоитъ довольно широкая лопата, приводимая въ дѣйствіе дюжими руками. Благодаря опасенію, какъ бы „човня“ не разохся, онъ все лѣто стоитъ на водѣ, а иной такъ и зимуетъ на ней,—что еще болѣе грузитъ судно, которое глубоко идетъ въ водѣ и которое, при длинѣ въ 4 и ширинѣ въ 1¹/₂ арш., едва удерживаетъ двоихъ рыболововъ и мокрый „оборѣцъ“.—б) Собственно лодка есть правильно отдѣланная „душегубка“ съ пришитыми къ ней досчатыми бортами. Это судно значительно легче и само по себѣ, и на ходу, хотя оно не можетъ выдерживать груза больше „човна“; въ то же время существенная основа лодки, „душегубка“, сработанная изъ осины, березы, или ольхи и липы, скоро прѣетъ и гниетъ.—в) „Душегубка“—голое, безъ пришивныхъ бортовъ, судно—встрѣчается весьма рѣдко въ рыболовной обиходности, собственно потому, что она едва выдерживаетъ одного возрастнаго человѣка, да и тотъ

принужденъ быть крайне сдержаннымъ въ движеніяхъ. г) Гораздо чаще, на стоячихъ водахъ, можно встрѣтить извѣстную „кымагу, дубицу“—саженной длины корыто, изъ толстаго древеснаго ствола, доходящаго въ діаметрѣ до арш. и болѣе, съ прилаженными вдоль бортовъ объемистыми „крыльями“, которыми бывають или цѣльныя бревна толщиною верш. въ 4, или брусья той же толщины. Несмотря на плоскодонность и стесанный низъ носовой части, судно движется медленно, сидитъ глубоко въ водѣ, такъ же скоро можетъ перевернуться, какъ и душегубка, и рыболовъ съ сѣтью выѣзжаетъ въ „дубицы“ только при спокойной погодѣ, или при легкой ряби воды.—д) Когда нѣтъ возможности обзавестись такимъ и инымъ судномъ, или когда приходится вести рыболовлю на уединенномъ озерѣ, вдали отъ дома, тамъ, на мѣстѣ строится небольшой бревень въ 5 плотикъ, который сходитъ съ воды развѣ тогда, когда при весенней ломкѣ льда будетъ выброшенъ вмѣстѣ съ нимъ на берегъ... Отъ безсмѣннаго пребыванія въ водѣ плотикъ брякнетъ, и нѣтъ удивительнаго, когда чрезъ годъ рыболовъ увидитъ своего сотрудника мирно покоящимся на днѣ...

Въ заключительномъ словѣ о рыболовлѣ необходимо упомянуть о бичахъ ея, благодаря которымъ инныя богатая рыбою водомѣстилища недоступны для широкаго лова, инныя періодически пустѣють, а инныя и совершенно обезрыбѣли отъ истребительнаго хозяйничанья алчныхъ промышленниковъ. Этими бичами съ памятныхъ поръ служили:

а) „корчи, чапы“—затонувшія деревья то съ отпавшими, то еще держащимися сучьями, а также камни и подводные бугорки. Не препятствуя, а скорѣе помогая привольной жизни и размноженію рыбы, эти бичи могутъ окончательно погубить большой, дорогой снарядъ,—что, по рассказамъ старожиловъ, и случилось съ неводами „осташовъ“ на ловлѣ въ Гребенницкомъ оз., Вит. у., и въ Подсѣльскомъ, Пол. у., откуда самонадѣянные

рыболовы извлекали лишь жалкіе обрывки.—Кромѣ естественнаго засоренія водовмѣстилища „корчами и чапами“ бываетъ и преднамѣренное, чтобы отвадить крупныхъ рыболововъ и тѣмъ сбечь рыбу для мѣстныхъ, удобно управляющихся со своими скромными снарядами.

б) Рыбные „тѣхи и дѣхи“ то совершенно обезрыбливаютъ водовмѣстилища, то уничтожаютъ въ нихъ наиболѣе нѣжную, цѣнную рыбу, — что возможно въ безпроточныхъ, мелководныхъ озерахъ во время суровой зимы безъ оттепелей. Тутъ рыба задыхается отъ недостатка свѣжаго воздуха и погибаетъ, сперва болѣе нѣжная, а за нею, отъ разложенія труповъ, и остальная. Немного помогаетъ дѣлу своевременно подоспѣвшая людская помощь: задыхающаяся рыба бьется къ прорубямъ, гдѣ и становится легкой добычей, извлекаемою даже руками. Такъ именно въ сравнительно недавнее (около 17—20 л.) время погибли и едва-ли развелись потомъ знаменитые лещи Дубокрайскаго оз., Нев. у., и такъ же періодически погибала наиболѣе нѣжная рыба въ Добѣѣ, Сельи и Вельи, Пол. у., и многихъ другихъ, — о чемъ окрестное населеніе вспоминаетъ и нынѣ.—Менѣе ужасны по своимъ послѣдствіямъ „тѣхи и дѣхи“ отъ мочки льна и пеньки въ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ. Въ первыхъ рыба гибнетъ лишь въ промежномъ пространствѣ между одною грядою замоченнаго и другою, а во вторыхъ — самая нѣжная рыба, тогда какъ лини, караси и гольцы ютятся около замоченнаго и пользуются даже его слизью.

в) „Труцзна“ рыбы, такъ преслѣдуемая закономъ и властями, составляла въ бытописуемое время одинъ изъ легкихъ и, къ сожалѣнію, распространенныхъ способовъ рыболовля, какъ въ рѣкахъ, такъ и озерахъ, гдѣ каждый разъ, безъ пользы для преступнаго охотника, погибало 99⁰/₁₀₀ рыбы, особенно, если отравляющій составъ приготовленъ неумѣло ⁹⁴⁵⁾ и у рыболова нѣтъ лодки и сачка для поимки добычи. Соответственная рыбная ги-

бель въ Двинѣ и крупныхъ притокахъ ея вызывалась охотою на шересперовъ, когда удильщикъ принужденъ хотя-не-хотя травить рыбу, чтобы привлечь къ мѣсту бойкихъ алчунковъ.

г) Кромѣ выдръ, норокъ и чаекъ, рыболовными бичами являются раки, неустанно пожирающіе рыбою икру и мелкорыбцу, и гдѣ есть много раковъ, тамъ подрастающее поколѣніе не можетъ пополнять убыли, производимой хотя бы и правильною рыболовлей. Къ счастью, эти бичи внезапно, иногда на нѣскольکو лѣтъ сряду, исчезаютъ изъ водовмѣстилищъ и, пока разведутся новые, размножится рыба, оживится рыболовія.

д) Въ нѣкоторыхъ водовмѣстителяхъ замѣчается въ иной годъ то особенное обиліе, то непонятное уменьшеніе рыбы, низводящее рыболовлю до крайнихъ предѣловъ. Какъ и чѣмъ объяснить это неоспоримое явленіе—пока что не отвѣчаютъ наличныя свѣдѣнія о жизни рыбъ. Простолудинъ видитъ здѣсь новый бичъ во образѣ „рыбнаго царя“⁹⁴⁶), который перегоняетъ рыбу изъ одного водовмѣстителя въ другое...

е) Наконецъ, неунимающимся и непредотвратимымъ бичомъ рыболовли являются тѣ потребители „кляйненьки плотыцки“, которые далеко не въ „кляйненькомъ“ числѣ облегли край и наложили руку на водовмѣстительныя богатства его. Чтобы видѣть дикія проявленія этого бича, такъ стоитъ, во-первыхъ, побывать въ пятничные базары въ рыбныхъ рядахъ, а во-вторыхъ—на мѣстѣ рыболовли, откуда доставляются „кляйненьки плотыцки“: тутъ густо вязаный снарядъ, ячейки котораго едва пропускаютъ горошинку, извлекаетъ изъ воды нынѣшнихъ выводковъ, которымъ нѣтъ пощады ради юности, нѣтъ отпуска для подраста и размноженія, какъ это дѣлается при человѣчной рыболовлѣ и какъ это выполняли когда-то „осташки“!.. И тотъ мужикъ, который частенько поѣдалъ настоящую „рыбину“⁹⁴⁷), придерживая ее у рта обѣими руками, теперь чуть не съ бою лакомится „кляйненькими плотыцкыми“, прибрѣтаемыми на базарѣ и прошедшими

нѣсколько рукъ да потерявшими свои юныя головки, въ то время, когда злополучнымъ удильщикамъ и на самомъ дѣлѣ уже „нечѣмъ отъ кошки одбороннца“, а остальнымъ рыболовамъ, потратившимъ время и трудъ, обмочившимся выше пояса, продрогшимъ отъ сырости и холода, приходится возвращаться съ едва замоченною торбою, потому только, что во время рыболовли она висѣла подъ мышкою, или покоилась въ мокрой кормѣ судна. При всемъ томъ, съ наступленіемъ рыболовнаго періода, у рыболова-охотника воскресаютъ надежды, что авось „рыбный царь подгонитъ рыбы“, подойдетъ рыба сама собой, или подоспѣютъ другія благопріятныя условія рыболовли—и удильщикъ „сучиць лѣски“, мастеритъ крючки, приготовляетъ удилица, а его болѣе положительный товарищъ чинитъ сѣти, сооружаетъ ихъ заново...

Когда деревлянинъ называлъ свое мѣстожителство „надто звярливымъ“, онъ тѣмъ самымъ удостовѣрялъ, что тамъ водится множество медвѣдей и волковъ; съ этими врагами, кстати сказать, одного лишь скотоводства онъ велъ явную и скрытую борьбу: устройеніемъ крѣпкихъ заповоръ онъ не столько ограждался отъ злыхъ людей, сколько отъ неумолимыхъ дикихъ хищниковъ, отправлялся въ путь съ надежными „уручинами“ и своихъ конюшасовъ да пастуховъ вооружалъ неменѣе надежными „дубининами“⁹⁴⁸). На первый взглядъ борьба съ этими врагами сужается до обороны и отогнанія такихъ осязательныхъ губителей, какъ медвѣди и волки. Но едва-ли меньшую борьбу приходилось вести деревлянину и съ остальными дикими животными, отъ которыхъ нужно было ограждать огородныя и садовыя насажденія, посѣвы, даже сѣножать, равно какъ хлѣбныя и сѣножатныя складыща. Этой борьбы онъ не считалъ за настоящее дѣло, быть можетъ, потому, что истребители не отнимали послѣдняго и при столкновеніи не оказывали опаснаго сопротивленія: стоитъ появиться человѣку, собакѣ, стоитъ махнуть рукою, бросить палкою, камнемъ

—и враги спѣшно удаляются; тутъ какъ будто и не борьба, а съ одной стороны проявленіе владычной воли земного властелина, а съ другой—послушное подчиненіе той же волѣ... Однако, по суммѣ приносимаго вреда, второстепенные враги хозяйства на самомъ дѣлѣ призывали къ той же неустанной борьбѣ, преслѣдованію, огражденію, и тѣмъ болѣе, что они бывали не малочисленными, легко укрывающимися при хищеніи, какъ и во время преслѣдованія. Теперь, пожалуй, трудно повѣрить эпизодамъ такой борьбы, несмотря даже на то, что ихъ передаютъ „живыя старыя граммы“, непосредственные участники борьбы. Такъ, въ одномъ мѣстѣ дѣды и отцы, вооруженные кольями да жердями, при скоповомъ гикѣ, не разъ прогоняли съ пахоты лося, „сарну, дика“⁹⁴⁹), при чемъ, въ побѣдоносныхъ случаяхъ, имъ удавалось загнать непріятеля въ загорожу, строеніе, въ воду, въ оврагъ, и тутъ доканать его; въ другомъ мѣстѣ опять же не разъ приходилось выгонять зайцевъ изъ сада, кашусты или гороха, при чемъ непріятель занутывался въ скрученныхъ стебляхъ растенія и становился добычею преслѣдователей⁹⁵⁰); тамъ періодически нужно бывало прогонять тетеревей изъ „лѣдовыхъ посѣвовъ“, или оспаривать у нихъ брусничныя да черничныя мѣста, здѣсь—дѣти принуждены были выгонять цѣлыя стаи дикихъ утокъ изъ прибрежныхъ посѣвовъ, луговинъ и огородовъ, при чемъ своими единственными орудіями—палками и хворостинами они заколачивали и засѣкали дерзкихъ враговъ⁹⁵¹)... Все это нѣсколько граничитъ со сказочными повѣствованіями, и не имѣй мы подъ руками данныхъ о борьбѣ первобытнаго человѣка съ окружающими его врагами изъ міра животныхъ, да не опирайся на повѣсть личныхъ участниковъ той же борьбы, мы вправѣ были бы отвернуться отъ вымышленнаго сказа, которому текущая дѣйствительность не дастъ ни малѣйшаго подтвержденія.

Помянутая борьба съ врагами изъ міра животныхъ—далеко еще не охота въ общепринятомъ смыслѣ: послѣднюю обыкновенно

создаетъ или погоня за средствами къ жизни, промыселъ, или досужее развлеченіе, поиски сильныхъ ощущеній. Во всѣ памятные времена, а въ бытописуемое—по преимуществу, скромный „землепáхъ“ вполне обходился „працый рукъ“ надъ сохою и косою, пзъ-за которыхъ онъ не смѣлъ помышлять объ охотничьихъ развлеченіяхъ, а до погони за сильными ощущеніями ему не было и нужды. Такимъ образомъ житейское положеніе деревлянина не создавало изъ него охотника, и если гдѣ объявлялся „стралець“, такъ онъ мелькалъ значительно рѣже, чѣмъ „рыболóвцы“, и носилъ это имя потому только, что имѣлъ кое-какую „стральбу“, ружйну“, изъ которой „пáливъ“ кое-когда то „на пыливáнню“⁹⁵²), то въ цѣль, не щадя ни товарищеской, ни собственной шапки; эта послѣдняя, изсѣченная дробью, часто съ оторванными кусками и съ половиннымъ козырькомъ, въ будни и въ праздникъ прикрывала непутную на окрестный взглядъ голову „полёвщика“, котораго въ одно и то же время недолюбливали и боялись изъ-за смертоснаго оружія. Будь и иначе, т. е. найдись симпатичный охотникъ, посвети онъ себя всецѣло промыслу, будь онъ счастливъ на охотѣ—что дѣлать и куда дѣвать добычу? Помѣщичьи ледники всегда бывали не бѣдны запасною отборною дичью, скопляемою собственными охотами и обязательными приносами ловчихъ и лѣсничихъ; другіе окрестные, кстати, немногочисленные потребители дичи обезцѣнивали таковую до стоимости потраченного заряда; сбытъ же таковой въ городахъ и мѣстечкахъ не всегда могъ состояться, потому что въ крѣпостное время пути туда бывали трудными, рѣдкими. Оставалось бы пользоваться дичью на собственные надобности; но вѣдь тетеревъ, рябчикъ, куропатка, утка, или заяць, сваренные въ какой-нибудь „пóливцы. крупѣни“ не дадутъ накипа, суповаго отвара, а зажаренные въ видѣ „пачыста“, безъ обычнаго шпигованья, они не балуютъ вкуса, не даютъ сноснаго будничнаго блюда. Нѣсколько иное дѣло добыча отъ краснаго звѣря: шкура можетъ дать чуть не со-

стояніе; но на такую охоту нужна смѣлость, привычность, надежное ружье и, въ дополненіе, правильный сбытъ, — что опять же возможно и призоветъ къ дѣлу наиболѣе рѣдкаго охотника.

Такимъ образомъ, чтобы объявиться охотникомъ, этому послѣднему нужно въ значительной мѣрѣ отрѣшиться отъ „землепача“, выработать охотничью снаровку и привычность, пренебречь нерасположеніемъ среды, выдерживать укоризну и насмѣшки, переносить боязливое отношеніе къ себѣ и своему оружію нерѣдко самыхъ близкихъ лицъ, иногда таиться съ охотничьимъ товарищемъ, а главное — изыскать средства и пути къ пріобрѣтенію ружья и нераздѣльно съ симъ изыскивать средства къ пріобрѣтенію пороха, дроби, пуль и проч. Все это въ свое время составляло такія преграды, перейти которыя доступно было немногимъ избранникамъ, несмотря на то, что многихъ и очень многихъ тянуло къ ружью и къ охотѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ устоять охотничьему влеченію, когда тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, густыми стаями плаваютъ не чирки какія-нибудь, а кряквы да гуси, безбоязненно смотрящіе на прохожаго? Можно ли равнодушно смотрѣть на громадныя стаи тѣхъ же водоплавающихъ, когда весною и осенью онѣ перемѣщаются изъ одного водовмѣстлица въ другое да оглашаютъ крикомъ при-водную окрестность? Можно ли оставаться равнодушнымъ къ стайному подъему изъ-подъ ногъ одного или нѣсколькихъ рябичьихъ выводковъ, тутъ же осѣдающихъ на деревьяхъ, выслушивать ихъ металлическій пискъ въ пору спариванья (въ августѣ и весною)? что дѣлать, когда еще большія стаи тетеревиныхъ выводковъ, взорвавшись изъ-подъ ногъ, размѣстятся по сосѣднимъ деревьямъ, откуда любопытный „чарнышъ“ и его желтоперыя подруги высматриваютъ нарушителя ихъ наземнаго похода? Что дѣлать, наконецъ, когда тетеревиныя стаи, подобно вороньимъ, густыми точками повиснутъ на сучьяхъ и вѣтвяхъ при-болотнаго лѣса осенью, когда нѣсколько меньшія стаи качаются на оголенныхъ деревьяхъ зимою, у са-

мой дороги, или стономъ-стонуть косачи весною, своими пѣснями какъ бы вторящіе ручейковому журчанью? Но кромѣ такой крупной приманки, кромѣ дикой мелкоты—юркой сѣрой куропатки, хохочущей (весною) пардвы ⁹⁵³), зуликающаго кроншнепа, харкающей „слонки“ ⁹⁵⁴), стонущаго голубя—сколько еще охотничьей приманки даетъ безбоязненно подходящая къ усальбѣ лисица, заяцъ, или ютящіяся въ ближнемъ водовмѣстилищѣ выдра и норка! При всѣхъ такихъ, несомнѣнно, богатыхъ дарахъ сколько разъ устами и думою повторено будетъ: „вотъ кабы ружье“!.. И тянется „землецахъ“ къ дорогому предмету, обходитъ семейныя и житейскія преграды, дѣлается „стральцомъ, полѣвщикомъ“, какъ скоро пріобрѣтетъ ружье и необходимыя принадлежности ружейной охоты.

Подъ именемъ „ружья, ружины, стральбы, фузѣи, зыпѣсины, крамсѣля, крамсѣльки“ и проч., охотничье ружье входило въ обиходность деревлянина довольно неувеличимыми путями—мѣною, отработкомъ, подаркомъ, одолженіемъ ⁹⁵⁵) и случайною, выгодною покупкою у промотавшагося охотника, ловчаго, или, за ненадобностію—у мелкихъ шляхтичей, отпущенныхъ, б. дворовыхъ,—часто за сущіе пустяки, за нѣсколько рюмовъ водки. Два общія условія удерживались за пріобрѣтаемыми ружьями: они поступали къ охотнику „подержанными“ и вели происхожденіе или „отъ хранища“ (въ первое 10-тилѣтіе), или были „мятежными“ (послѣ 1863 г.). Въ томъ и другомъ случаѣ иногда и на самомъ дѣлѣ недурной „цволь, ствольна“ почитался счастливою находкою при землекопной работѣ, въ дуплѣ дерева, или же, при всей трудности дѣла, его сберегъ тотъ и другой предокъ, укрывая въ землѣ, зерновомъ хлѣбѣ, въ соломѣ, заткнувъ въ крышу, и проч. ⁹⁵⁶). Такой „цволь“, часто съ случайнымъ замкомъ, вправлялся въ самодѣльную „осаду“ (ложе), чуть-чуть напоминающую настоящую ружейную ⁹⁵⁷). Что можно было додѣлать въ мѣстной кузницѣ (шдмполь, банку, ушко), то додѣлывалось; въ противномъ

случаѣ „цволъ“ прикрѣплялся къ ложу проволокою, надежною бечевкою, пята его и замокъ—подходящими гвоздями, а потерянная, или недостававшая дужка (надъ собачкою) не составляла чего-нибудь существеннаго и новою не замѣнялась. Если „стволна“ толстостѣнная (а такая надежнѣе), „осада“ толста, есть полные металлическіе доборы, то охотничье ружье вѣсило 10—15 фун, — что, при веревочной, даже поясной почекѣ, немилосердно рѣзало плечо и вызывало неустанное перемѣщеніе почки съ одного плеча на другое, или же обязывало по-смѣнно нести въ рукахъ, пока тѣ не замлѣютъ.

Какимъ-то роковымъ дополненіемъ упоминаемыхъ ружей служила невѣрность, искривленность ствола, благодаря которой благоустроенное, повидимому, ружье въ рукахъ завѣдомаго стрѣлка то „высило, то нѣзило, то бочило, то рысцыпало, то било кулій“⁹⁵⁸). Настоящій хозяинъ зналъ ту или другую придурь ружья и стрѣливалъ изъ него относительно успѣшно; но это же состояніе ружья въ связи съ внутреннею ржавчиной, залежавшимся или превышеннымъ зарядомъ⁹⁵⁹), помимо чувствительныхъ толчковъ въ плечо („ружжѣ тувхѣиць, оддаецъ“), не разъ приводило къ разрыву ствола, увѣчью охотника, послѣ чего „дорогѣй цволъ“ передѣлывался „ны лимяши“, серпы, топоры и ножи...

Въ такомъ нестроеніи ружья охотникъ видѣлъ или личный недостаточный навыкъ въ стрѣльбѣ, или чародѣйную порчу ружья злыми завистниками, или же возможную въ охотничьемъ дѣлѣ невадучу, несчастье. Тутъ онъ прибѣгалъ къ невѣдомымъ нынѣ средствамъ исправленія ружья, стрѣльбы и своего счастья, изъ коихъ многія (средства) довольно преступны и дикы. Оставивъ послѣднія, нелишне познакомиться съ остальными, имѣвшими живое мѣсто въ охотѣ; у грамотныхъ охотниковъ эти средства бывали записаны въ отдѣльной тетрадкѣ, носились при себѣ, какъ и извѣстный „Сонъ Богородицы“. Вотъ эти средства⁹⁶⁰):

а) „Застрѣли воробья, стараясь подойти сколько можно ближе, чтобъ испорченное ружье могло убить съ дроби его. Если ружье колдовствомъ испорчено, воробья нацвалъ не убьешь.— Голову сего воробья всади на пыжевникъ, чтобъ можно было оную въ стволъ впустить и ею внутри вездѣ вытереть. Послѣ сего возьми бѣлую луковицу, натри оною ветошечку; но прежде, и луковицу всади на пыжѣвникъ, тоже внутри ствола вытри, а потомъ натертою лукомъ ветошечкою. Сдѣлавъ сіе, заверни воробьяннюю голову и луковицу въ ту же ветошечку и повѣсь въ дымовую трубу: ружье отъ сего исправится, да и пріятель, сдѣлавшій пакость, окажется.—Черезъ нѣсколько дней повѣшанную ветошечку выбрось вонъ, а изъ ружья застрѣли первую попавшуюся птицу, хотя и маленькую. Ружье заряди порохомъ; на оный положи убитую птичку, или хотя часть оной, и выстрѣли на воздухъ“.

б) „Когда ружье испорчено (разумѣется, колдовствомъ), то застрѣли уклада или сою, тотчасъ вырви изъ ней сердце и вытри онымъ внутри ствола; послѣ того вытри ветошечкою, натертою лукомъ. Сердце и луковицу завяжи въ тряпочку и повѣсь въ дымномъ коминѣ; черезъ нѣсколько дней ветошечку изъ трубы вынь, вытри оною стволъ внутри, а ветошечку брось въ рѣку: послѣ сего ружье начнетъ стрѣлять попережнему“.

в) „Возьми чернушки, воробьиного кала и крѣпкаго уксуса, положи все сіе въ ружейный стволъ, и, заткнувъ все оное, оставь на сутки. Потомъ ружье вычисти, а бывшее въ немъ закопай въ землю подъ порогомъ“.

г) „Когда ружье сдѣлается легко на рану: выверни казенный шорубъ и положи стволъ на сутки въ текучую воду, такъ, чтобы вода лилась сквозь него; вложи послѣ того стволъ опять въ ложе. Когда изъ онаго убьешь первую дичину, кровью оной вымажь стволъ“.

д) „Когда ружье живитъ: заряди ружье однимъ порохомъ; но прежде должно пусть пойманную живую молоденькую змѣю: пусти оную въ стволъ и послѣ того выстрѣли въ дубовое дерево. Ружье сдѣлается тяжелѣе на рану.

е) „Еще лучшее и испытанное средство: вынь ружье изъ лоджа и постарайся найти слѣзную змѣю, или мѣдяницу; пусти оную въ ружье, заткни стволъ и оставь такъ на сутки, чтобъ мѣдяница умерла. Вытряси змѣю сію вонъ; ружье заряди, опять пусти мѣдяницу въ стволъ и выстрѣли на воздухъ. Со удивленіемъ увидишь, какъ жестоко махнетъ послѣ того бить то же ружье. Если пуля хотя нѣсколько звѣря зацѣпитъ, оный далеко не отбѣжитъ. То мѣсто, въ которое попала пуля, на ладонь шириною около раны будетъ какъ бы воспалено и сожжено, отчего звѣрь тотчасъ умираетъ. Такое дѣйствіе въ ружьѣ остается навсегда, пока оно не будетъ вышустовано сверломъ“⁹⁶¹).

ж) Въ тѣхъ же цѣляхъ весьма полезно вытирать внутри ствола теплою кровью каждаго застрѣленнаго животнаго немедленно послѣ выстрѣла, пока не остыль стволъ; дѣлать это нужно мизинцемъ правой руки.

з) Нужно ли мазать кровью внутри ствола, или не нужно, охотникъ вновь заряжаетъ ружье при застрѣленномъ животномъ, наступивъ на него ногою, и только тогда убираетъ и разсматриваетъ животное, когда окончательно управится съ ружьемъ.

и) Когда охотникъ не полагается на смертоносный выстрѣль изъ своего ружья, тогда онъ запасается нѣсколькими дробинками, извлеченными изъ застрѣленнаго раньше животнаго: достаточно прибавить къ заряду одну такую дробинку—и выстрѣль будетъ вѣрнымъ, смертоноснымъ. Въ соотвѣтственной мѣрѣ помогаютъ дѣлу и такія дробинки, которыя извлечены изъ растущаго дерева, преимущественно, ясеневаго; но дробинки изъ сухого дерева парализуютъ вѣрный выстрѣль наиболѣе мѣткого стрѣлка.

i) Если кто самолично prepares дробь и пули, то лить ихъ, или обдѣлывать другимъ образомъ онъ долженъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда солнце вступаетъ въ знакъ Стрѣльца, или въ тотъ срокъ, когда луна коснется того же знака, при чемъ весьма полезно перетирать вырабатываемыя пули и дробь порошкомъ дерева, разбитаго молніей. Тѣмъ же порошкомъ нужно вытирать форму, въ которую отливаются пули...

Въ дальнѣйшемъ развитіи охотничьихъ тайнъ и предупрежденій можно встрѣтиться и съ такими: чтобы подстрѣленный звѣрь не ушелъ далеко отъ кнел, изъ желаннаго мѣста, то нужно осторожно вырѣзать кусочекъ земли, гдѣ кое-какъ отпечатался слѣдъ звѣря, поднять его (кусочекъ земли) и перемѣстить пятау на мѣсто пальцевъ, — это заставитъ звѣря „пойти въ пятау“... Если кто опасается порчи ружья колдовствомъ, а это можетъ быть сдѣлано прикосновеніемъ къ ружью, опущеніемъ пальца въ стволъ и даже заочно; по звуку выстрѣла, тотъ не долженъ давать своего ружья стороннему лицу въ руки; выходя же на охоту, онъ долженъ вынуть шомпель, ткнуть имъ три раза въ землю, опустить въ стволъ и потомъ, вложивъ шомполь на свое мѣсто, три раза ткнуть въ землю стволомъ; въ то же время ружейный кремль необходимо обвертѣть корнемъ бѣлаго звѣробоя или крестоваго корня... Полученныя отъ выстрѣла раны у человѣка и животныхъ успешно залѣчиваются „раннымъ деревомъ“, которое есть ясневый пруть, срѣзанный въ полночь на Кушалу или въ рождественскую коляду. Такой пруть долженъ быть срѣзанъ однимъ взмахомъ ножа и раздробленъ на вершковыя чурочки, изъ коихъ каждая тутъ же должна быть расколота пополамъ. Рана натирается два раза въ день одновременно обѣими плашечками, которыя потомъ соединяются и въ такомъ видѣ лежатъ до новаго натиранья...

Массою такихъ тайнъ и предупрежденій бываетъ обставлена охота деревенскаго „стрильца“. Среди нихъ довольно трудно уловить тѣ, что примѣняются на самомъ дѣлѣ, собственно, потому,

что многіе ружейные охотники болѣе остальныхъ любятъ красоты, и, какъ удостовѣряетъ опытъ, къ ихъ часто содержательнымъ разговорамъ приходится относиться нѣсколько сдержанно. Гораздо существеннѣе для настоящаго бытописанія внѣшніе приемы, снаровка и обычаи охоты, какъ и немногочисленные предметы воспособленія, кои составляютъ повсюдное, необходимое дополненіе охоты, по преимуществу, ружейной.

Если ружейный охотникъ иногда таится отъ семьи, сосѣдей и встрѣчныхъ, то онъ весьма охотно сходится съ товарищемъ и даже компаніей охотниковъ: въ семъ случаѣ они устраиваютъ облаву на утокъ, тетеревей и зайцевъ безъ всякаго собачьяго пособничества и, не въ примѣръ рыболовамъ, безъ вражды и зависти относятся къ удачѣ и успѣхамъ компанейца. Тутъ, кажется, вопросъ не въ томъ, кто именно успѣлъ на облавѣ, а—лишь бы успѣлъ, лишь бы достигнута цѣль: самыя удачи и неудачи раздѣляются всѣми, о нихъ судятъ, какъ и о личныхъ. Всѣ такія облавы составляются спѣшно, идутъ дружно, при возможной компанейской предупредительности, и если онѣ составляются относительно рѣдко, такъ лишь потому, что немногіе охотники умѣютъ стрѣлять по движущейся дичи, гдѣ такъ возможна „пудла“, а съ нею и трата дорогого заряда. Между прочимъ, это обстоятельство сводитъ „охвоту“ до стрѣльбы по неподвижной дичи, при чемъ самая стрѣльба бываетъ „съ подходу, подъѣзду и на сѣжѣ“.

Дѣло „съ подходомъ“ ведется во всѣхъ случаяхъ, когда нужно приблизиться къ замѣченной дичи. Тутъ, подъ прикрытіемъ дерева, куста, камня, пригорка, охотникъ пройдетъ на цыпочкахъ чуть не верстовое разстояніе, балансируя почти акробатически, сдерживая дыханіе и не сводя глазъ съ дичи. Такъ подходятъ къ глухарямъ и тетеревамъ на току ⁹⁶²), когда они на деревѣ; такъ подходятъ съ подвѣтренной стороны и къ зайцамъ, когда тѣ въ лѣтній вечеръ теребятся отъ комаровъ, а зимою,

при мелкомъ снѣгѣ, свѣютъ ночью по озимямъ, или около осино-выхъ хворостинъ. При сравнительной трудности зимняго „подхода“ къ зайцамъ и тетеревамъ, это дѣло отправляется „подъѣздомъ“ на дровняхъ: тутъ, благодаря указанію „зайчихъ пицель“, можно подъѣхать къ самому логову, можно смѣлѣе приблизиться къ зайцу на озимяхъ и стрѣлять тамъ и здѣсь просто въ упоръ; въ то же время можно подъѣхать на вѣрный выстрѣлъ и къ отдыхающимъ на деревьяхъ тетеревамъ. Подъѣзжающій охотникъ лежитъ въ саняхъ то бокомъ, въ сторону дичи, то навзничь, съ какового положенія онъ стрѣляетъ. Если требуется подъѣхать къ водоплавающимъ, то это дѣлается на суднѣ, или плотѣ, заботливо обставленномъ хворостомъ, еловыми вѣтвями, среди которыхъ скрывается охотникъ ⁹⁶³).

Приближеніе къ дичи „съ подповзу“ труднѣе предыдущихъ: здѣсь, иногда не обходя попутной грязи, ложбинъ, бугровъ, охотникъ движется на колѣняхъ съ согнутою спиною, или буквально ползетъ на груди и животѣ и тащитъ ружье. Если онъ увлекся дичью и своимъ движеніемъ, забылъ осторожность, то зацѣпившееся куркомъ ружье дѣлаетъ неожиданный, нерѣдко съ печальнымъ исходомъ выстрѣлъ. Во всякомъ случаѣ стрѣльба „съ подповзу“ обходится охотнику дороже всякой иной стрѣльбы; но какъ здѣсь, такъ и при другихъ случаяхъ охотникъ не считаетъ трудовъ и дорожитъ дичью ради того и тогда, когда она „сидитъ на цѣлику“ ⁹⁶⁴).

Самая пріятная, спокойная, хотя и призывающая къ предварительнымъ трудамъ стрѣльба бываетъ на „сѣжи“. Эта стрѣльба идетъ съ разсчитаннаго мѣста, къ которому дичь приманивается вабленіемъ, различными съѣдобными приманками, или чучелами. Вабленіе дичи при помощи дудочки (вабика) производится лишь на рябчиковъ (въ августѣ и весною), и единственнымъ снарядомъ здѣсь служитъ „пищикъ, или пицелка“ изъ тонкой птичьей косточки, обработанной на подобіе свирѣли, съ однимъ

клапаномъ, передъ которымъ косточка перегораживается внутри воскомъ. Остальную дичь, до волка включительно, вабятъ голосомъ, неподражаемо точнымъ воспроизведеніемъ призывныхъ звуковъ того или другого животного: волчій вой, заячье ауканье, утиный крикъ, тетеревиное „чувышь, болмотанья, квѣки“ и т. под. продѣлываются съ подлинною копировкой, при чемъ охотникъ ютится подъ прикрытіемъ хвоста, или за деревомъ, кустомъ, камнемъ, въ ямѣ.

„Сѣжа“ со съѣдобною приманкою требуетъ построения будки на разстояніи выстрѣла отъ поклажи. Приманкою для хищниковъ обыкновенно служитъ падалъ, а пріютомъ для охотника — полати на деревѣ ⁹⁶⁵), землянка, или какое-нибудь отдаленное строеніе; приманкою для зайцевъ служатъ овсяные снопки, для тетеревей—ягоды. Сверхъ сего, при весенней охотѣ (вабленіе) на утокъ и при осенней (загонъ) на тетеревей, употребляются утинья и тетеревиныя чучела—весьма грубыя подобія этихъ птицъ, у рѣдкихъ охотниковъ сработанныя изъ подлежащей шкуры съ перьями. Утиный болванъ на ниткѣ, или на суркѣ откидывается въ воду, а тетеревиный на длинномъ шестѣ уставляется между сучьями, въ вѣтвяхъ дерева: то вабленіемъ, то загономъ ⁹⁶⁶) подлежащія птицы привлекаются къ болванамъ, которыхъ онѣ начинаютъ клевать и колотить, и попадаютъ подъ выстрѣлъ улыбающагося ожесточенной дракѣ охотника ⁹⁶⁷)...

Было ли ружье „крамсѣлька“ ⁹⁶⁸) (въ первое 10-тилѣтіе), или „пистунѣвка“ (во второе), владѣтель его, охотникъ, исподволь обзаводился слѣдующими предметами: а) сумкою изъ барсучьей шкуры, которая ставилась шерстью наружу, или мастерилъ подобную сумку изъ обработанной кожи, изъ старыхъ голенищъ, въ прибѣдненныхъ случаяхъ—изъ кусковъ суконной, даже холщевой домотканки. Сюда не клалась дичь, а только дополнительные принадлежности: б) пороховой рогъ—коровій или козій, кое-какъ обработанный личными усиліями, со вставнымъ

деревяннымъ дномъ и затычкою, какъ въ нюхательномъ рожкѣ, и вмѣщавшій около $\frac{1}{4}$ ф. пороху. При немъ нераздѣльно висѣла на привязи в) „мѣрка“ — маленькій бездонный рожокъ емкостью въ ружейный зарядъ, опять же личнаго изготовленія. г) „Шры(о)товница“ дѣлалась изъ двухъ спитыхъ кусковъ случайной кожи, съ тонкою, какъ продѣтъ палецъ, шейкою, куда вставлялась „барилка“ — деревянный цилиндръ около вершка длиною: „шротъ“ (дробь) высыпался и высыпался изъ „шрытовницы“ только чрезъ это устье. При „крамсѣлькахъ“ совершенно необходима была д) „отвѣртка“, которую являлась то настоящая отвѣртка съ деревянною посадкою, то подходящій кусокъ желѣза; въ крайнея случаѣ „отвѣрткою“ бывалъ поясной ножъ. — Съ появленіемъ и распространеніемъ „пистунововъ“ въ сумку охотника прибыла е) „пистонница“ — крохотная „шрытовница“, или кое-какая коробочка для пистоновъ. — ж) „Ладѹны(о)къ“ — жестяной патронъ для заряда, перегороденный внутри стѣнкою — только мелькалъ въ обиходности охотника и попадалъ сюда въ одиночку, случайными путями. з) „Кѹли“ можно было найти въ сумкѣ почти каждаго охотника, и онѣ имѣлись тутъ на случай стрѣльбы по крупному звѣрю — медвѣдю, или лосю; пули валялись въ сумкѣ запросто, незавернутыми. Для стрѣльбы по менѣе крупной дичи — глухарю, гусю, большому нырку, зайцу, козѣ, даже волку, въ той же сумкѣ держались и) „дранкѹльки“ ⁹⁶⁹⁾ — ружейная картечь, обыкновенно завязанная въ тряпочку. Что же касается послѣднихъ принадлежностей — „пакулля“ (для пыжей) и кремней, то первое покоилось поверхъ охотничьяго склада въ сумкѣ, удерживая мелочь отъ выпаденія, а вторые болтались на днѣ ея вмѣстѣ съ пулями.

Не трудно видѣть, что сумочный складъ, совершенно необходимый при охотѣ, много-много мѣшалъ той же охотѣ. Такъ, заряжая ружье вслѣдъ за выстрѣломъ, охотникъ достаетъ немножко „пакулля“, чтобы прочистить стволъ; потомъ онъ достаетъ по-

роховой рогъ съ „мѣркой“, отсыпаетъ зарядъ, кладетъ рогъ на мѣсто и оттуда вынимаетъ „пáкулля“ для перваго пыжа; далѣе достаетъ „шрытовницу“, отмѣряетъ дробь, кладетъ на мѣсто и добываетъ второй пыжъ; снарядивъ ружье, охотникъ въ заключеніе достаетъ пороховой рогъ снова, чтобы насыпать пороху на „пáны(о)вку“ (при кремневомъ ружьѣ), или чтобы запустить пороху „у кымянóкъ“ (въ пистонномъ ружьѣ), достаетъ, наконецъ, пистонъ. Такимъ образомъ, при одномъ лишь зарядѣ, рука охотника опускается въ сумку, по меньшей мѣрѣ, пять разъ. Если къ этому присоединить выемку шомпола, чистку ствола, заблачиванье пыжей, то ружье можетъ быть заряжено въ такой срокъ, въ который опуделеванное животное успѣетъ скрыться чуть-ли не за тридевять полей... Кромѣ того сумочный складъ заявляетъ о себѣ даже при спокойномъ движеніи охотника; когда же послѣдній бѣжитъ, то въ сумкѣ зачинается просто барабанная трескотня, слабо унимающаяся при поддержкѣ сумки рукою... Сколько по сему, столько и по нуждѣ, большинство охотниковъ размѣщаетъ скромныя дополненія по карманамъ, при чемъ пороховой рогъ и пистонница держатся за пазухой, или въ карманѣ портковъ; на сторонній взглядъ такой охотникъ представляется лишь переносящимъ ружье... Носитель ружья!.. Но вѣдь то же можно сказать и о многихъ ружейныхъ охотникахъ, имѣющихъ благоустроенныя охотничьи дополненія, въ видѣ яхташа, патронташа и проч. Вѣдь добыча не дается охотнику по заказу, по предварительному расчету, и предметъ охоты имѣетъ тотъ просторъ, какой предоставляетъ ему вольное поднебесье, я́сная глушь, полевая или степная ширь,—что далеко не похоже на предметъ рыболовли, который, такъ сказать, запертъ иногда въ довольно ограниченномъ пространствѣ. Если деревенскій охотникъ оказывается болѣе частымъ носителемъ ружья, но не дичи, такъ помимо того, что въ его пользованіе поступаетъ послѣднее, съ придурью ружье, стрѣляющее шаговъ на 30, помимо недостатка практической стрѣльбы,

приходящейся „годы въ ряды“, деревенскій охотникъ дорожитъ зарядомъ и выпускаетъ его лишь тогда, когда выстрѣлъ можетъ быть вѣрнымъ, точнымъ, а это нерѣдко приходится одинъ разъ на три-четыре охотничьихъ похода. При такихъ условіяхъ, да при окрестномъ нерасположеніи къ ружью, стрѣльбѣ и охотнику, послѣдній жалокъ среди охотниковъ другихъ видовъ. Это сознаетъ и самъ ружейный охотникъ, когда придетъ въ зрѣлый возрастъ, спокойно расстаётся съ ружьемъ и охотой году на сороковомъ; по крайней мѣрѣ, практическая жизнь рѣдко поставяетъ ружейнаго охотника выше такихъ лѣтъ.

На ружейной стрѣльбѣ далеко не заканчивается охотничья погоня за дичью, и какъ ружейный, такъ и безружейный охотникъ пользуется еще другимъ снарядомъ для поимки „омилушекъ“ куропатокъ, голубей, рябчиковъ, тетеревей, бѣлокъ, зайцевъ, хорьковъ, горностаевъ, норокъ, выдръ, лисицъ, даже волковъ и медвѣдей. То полностью, то по частямъ въ охотничьей обиходности встрѣчаются:

1. „Сѣтка“, которую правильнѣе можно назвать „норотомъ“ или по сходству его съ рыболовнымъ, или же по употребленію послѣдняго на охотничьи надобности. Главнымъ образомъ „сѣтка“ употребляется для поимки куропатокъ, когда тѣ цѣлыми стадами прибываютъ на токъ и въ пуню, во время свѣжвой, морозной зимы. Для приманки голодныхъ куропатокъ въ снарядъ, достаточно насыпать на землю какой-нибудь мякины и на это мѣсто поставить „сѣтку“: вслѣдъ за первою куропаткой въ норотъ войдетъ и вся стая; если же которая не умѣетъ найти входа въ вольную тюрму, то она будетъ суетливо бѣгать вокругъ и жалобно „квокаць“!.. Судьба плѣнницъ рѣшается вытаскиваньемъ изъ „сѣтки“, какъ рыбы изъ норта, и передушеніемъ отъ первой до послѣдней...

2. Силки всѣхъ видовъ изъ волосъ и нитокъ называются „пѣтлями“. Маленькими „пѣтлями“ обыкновенно ловится только

пернатая мелочь—воробьи, щеглята, чижи и проч., и этимъ тѣшатся лишь дѣти; для поимки же настоящей пернатой дичи, „петля“ дѣлаются изъ прочныхъ нитокъ, тонкихъ снуровъ. Такая „петля“, или нѣсколько ихъ прикрѣпляются къ гибкой вершинѣ небольшого, очищеннаго отъ сучьевъ дерева, которое потомъ пригибается къ землѣ вершиною, прикрывается слегка мхомъ и ягодною, или хлѣбною приманкою. Если птица попала въ „пятлю“ ножкой, то она, пожалуй, еще достанется охотнику живьемъ; если же попала головой, то непременно удавится, какъ скоро будетъ вздернута вверхъ и повиснетъ на гибкой вершинѣ выпрямившагося деревца⁹⁷⁰)... Такимъ образомъ попадаютъ „у пятлю“ сѣрыя и бѣлыя куропатки, голуби, рябчики и тетерева; когда же приманкою служили хлѣбные стебельки, то въ прочную „пятлю“ изрѣдка попадаетъ и заяць, который второпяхъ и испугъ не догадается перегрызти ни дерева, ни „пятли“.

3. Въ отдѣльныхъ охотничьихъ случаяхъ дикія утки ловятся на крючки съ насадкою изъ небольшихъ кусочковъ легкаго, какъ извѣстно, держащагося на поверхности воды,—каковая ловля имѣетъ преимущественное мѣсто на разлившейся луговинѣ весною, когда уткамъ еще нѣтъ надлежащаго корма. Наиболѣе успѣшнымъ бываетъ слѣдующее приспособленіе: вколотивъ въ дно колъ вровень съ поверхностью воды; охотникъ кладетъ на него кирпичъ, или камень, къ которому привязанъ суръ съ крючкомъ и приманкою на другомъ концѣ (длина снура соразмѣряется съ глубиною воды, при чемъ суръ меньше послѣдней на 3—4 верш.). Утка проглатываетъ приманку, пытается освободить суръ и отплыть, но въ это время грузъ спадаетъ съ пола въ воду—и утка очутится въ положеніи ныряющей и заливается. Это положеніе не пугаетъ остальныхъ утокъ, которыя тутъ же попадаютъ на сосѣдніе крючки⁹⁷¹)...

4. „Пастка“ употребляется исключительно для поимки звѣрковъ-хищниковъ (горностаевъ, хорьковъ, норокъ, выдръ), хотя

сюда можетъ попасться бѣлка, заяцъ и даже птица, если только положена подходящая для нихъ приманка. „Пастка“ бываетъ двухъ типовъ: въ видѣ продолговатаго, просторнаго ящика, съ подъемною дверью, и въ видѣ двухъ досокъ съ чувствительною лучинкою между ними, слабо держащеюся на подпоркѣ, при чемъ на верхнюю подъемную доску накладывается тяжелый грузъ изъ камней и кирпичей. Первая „пастка“, напоминающая отчасти давнюю деревянную мышеловку, берегаетъ животное живымъ, во второй же оно обязательно раздавливается.

5. „Зилѣзы“ (капканъ) ставятся на выдръ, лисицъ и волковъ, хотя, при подходящей приманкѣ, ими могутъ быть пойманы и меньшіе звѣрьки, даже птицы. Такъ какъ „зилѣзы“ могутъ быть лишь покупными, что вызываетъ отдѣльную трату, то въ охотничьей обиходности онѣ встрѣчаются особенно рѣдко, заходятъ случайными путями.

6. Въ многочисленныхъ разказахъ про давнія охоты весьма часто можно слышать упоминаніе о „ловчихъ ямахъ“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и указываютъ на такія ямы, хотя онѣ скорѣе походятъ уже на пограничныя, концовыя. Въ воспоминаемое время охотники не дѣлали „ловчихъ ямъ“, и такія или иныя свѣдѣнія о нихъ приходится возстановлять по описанію давнихъ очевидцевъ. Обыкновенно ямы выкапывались въ глухихъ, малопроходныхъ мѣстахъ, и имѣли глубину свыше сажени, при ширинѣ арш. 4—5. При помощи легкихъ подпорокъ или накладныхъ жердочекъ отверстіе ямы прикрывалось хворостомъ и мхомъ, средѣ чего явственно выходилъ наружу столбъ; на послѣдній помещалась живая (поросенокъ, козленокъ, пѣтухъ, гусь), или мертвая (падалъ, испорченное мясо, сало) приманка. Бросаясь на послѣднюю, хищникъ попадалъ въ яму, гдѣ оставался до прихода хозяина; тутъ онъ разставался со своею единственною шубкою...

7. Послѣднимъ, кѣстати, весьма рѣдкимъ, охотничьимъ дѣломъ нужно считать „труцизну“ исключительно волковъ и лисицъ. Мясо, сало, сыръ и даже хлѣбъ, насыщенные отравляющими снадобьями раскидывались зимою въ проходныхъ для звѣрей, но удаленныхъ отъ поселка мѣстахъ. Если подоспѣвала падалъ изъ домашней мелкоты, она начиналась, правильнѣе—шпиговалась отравою. По невѣрнымъ слѣдамъ отравившагося хищника, часто по кровавой рвотѣ и захвату попутнаго снѣга, охотникъ отыскивалъ добычу, и если звѣрь не околѣлъ, то добивалъ его въ ручную дубиною, топоромъ.— Во всѣ времена отравляющими снадобьями служили: бѣлый и желтый мышьякъ, сулема (бѣлая ртутная соль), и ужаснѣйшій стрихнинъ, какъ извѣстно, добываемый изъ цѣлибухи. Какими путями всѣ эти острия снадобья проходили въ обиходность деревенскаго охотника—сказать трудно; несомнѣнно одно, что секретными поставщиками ихъ бывали одни и тѣ же проныры, которые съ бутылкою крайне сомнительной водки появлялись при молотѣбѣ, при мятѣ льна, пеньки, и, пока одурѣлые Миколы да Михалки „буруздили“, лѣзли чуть не съ поцѣлуями къ внезапнымъ благодѣтелямъ, отбирали чистое зерно и добротное волокно, оставляя труженикамъ мякинку на „ѣдиво“ а „бракъ—на одѣця“⁹⁷²)... Но кромѣ указанныхъ снадобій, въ пользованіи того же охотника находилось немало и другихъ, чисто домашнихъ: такъ случайный кусокъ мѣди окислялся для полученія яри-мѣдянки, изъ зеленаго мака, бѣлены и др. растеній вываривался ядовитый экстрактъ, выращивались, или разыскивались плоды (пуговичной формы) рѣдкаго дикаго растенія, служащіе исключительно для отравленія слѣпорожденныхъ, и проч. Къ сему слѣдуетъ дополнить, что въ потайномъ пользованіи немногихъ благодѣтелей того времени, далеко не охотниковъ, находились вѣрныя средства на предметъ лишенія плодородія хищниковъ—волковъ и лисицъ, по преимуществу, или же средства для проведенія между ними эпидеміи. Къ несчастью, въ силу

суевѣрной обстановки, такія тайны не передавались зря, и благодѣтельное средство утрачивалось со смертью неопѣненныхъ, часто невѣдомыхъ благодѣтелей⁹⁷³).

Благодаря мѣткости и ловкости, отдѣльные лица убивали ту и другую дичь камнемъ и палкою, уяѣло и во время брошенными. Такой способъ добыванія дичи, чисто случайный, не принадлежитъ къ спеціальнымъ охотничьимъ средствамъ, хотя въ памятное время кое-гдѣ и практиковалось метанье камней и заостренныхъ колышковъ изъ особаго снаряда, въ которомъ соединены были—подобіе ружейнаго ложа и лука.

Не призывая къ тратѣ времени и денегъ, охота съ второстепенными предметами, совершаемая между дѣломъ, пользовалась если не общественнымъ покровительствомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, большею снисходительностью, чѣмъ охота ружейная. То же и въ отношеніи личности охотника: въ то время, когда мирный отравитель волка и лисицы встрѣчался и слылъ, какъ завѣдомый благодѣтель, ружейный товарищъ его, подъ именами „стрильца, охвѣтничка, палѣвщика“ унижился до понятія безпутнаго бездѣльника, завѣдомаго враля. Практическая жизнь много - много разъ подтверждаетъ, что „землепахъ“, занозившій ногу, косарь, порѣзавшій руку, тонорникъ, поранившій то и другое мѣсто, вызываютъ окрестное сожалѣніе, посильную, но дѣятельную помощь, тогда-какъ ружейный охотникъ, потерявшій, примѣрно, глазъ, или отстрѣлившій пальцы, и вообще подвергшійся несчастью на охотѣ, приравнивается къ членовредителю, по собственной винѣ,—и обычное въ этомъ случаѣ слово о немъ почти всегда таково: „можа ципѣрицька ци ня кѣниць пылюваць“?!..

Кажется, что единственно теплое спасибо приносилось ружейному охотнику только въ двухъ случаяхъ: а) когда онъ „облѣжиць ви(ѣ)дьмѣдку, или пошколиць вовкѣвъ ны облѣми“⁹⁷⁴), и б) когда холостымъ выстрѣломъ изъ ружья или пистолета онъ

усугубить святое торжество, открываемое въ душѣ величайшимъ христіанскимъ благовѣстомъ въ началѣ Пасхальной заутрени⁹⁷⁵): тутъ, какъ будто во имя всеобщаго мира, ружейный охотникъ получаетъ нѣкоторое забвеніе его вольныхъ и невольныхъ грѣшковъ. Но прѣкончивъ, исполнивъ свое дѣло „полѣвщикъ“, обратился онъ къ мелкой стрѣльбѣ—и на общій, окрестный взглядъ овъ снова прежній, пустой „охотникъ“, бездѣльный „стралець“!.. И съ этой стороны онъ весьма правдоподобно приравнивается къ извѣстнымъ житейскимъ усладителямъ—„дудару и музыкѣ“: пока тѣ на службѣ, они окружены вниманіемъ, за ними ухаживаетъ толпа молодежи, ищущей „скѣковъ и плясовъ“, а когда тѣ же искатели пріятныхъ ощущеній насытились музыкальною игрою, они отшатываются отъ „дударя и музыки“, которые снова остаются лишь со своими излюбленными спутницами—дудюю и скрипкой...

XVI. Тамъ же нынѣ.

Относительно немного—только треть вѣка протекла съ того дня, съ котораго началось возрожденіе простонароднаго житья-бытья и который посчитанъ рубежной гранью двухъ смежныхъ десятилѣтій, составившихъ тему настоящаго бытописанія. Безспорно, что и по сейчасъ еще здравствуютъ многія лица, коимъ суждено было или зачинать жизнь, или быть въ красной порѣ ея, иначе—свидѣтельствовать, какъ отживающее поколѣніе, во образѣ дѣдовъ и бабокъ, передавало потомству немудреные завѣты и еще менѣе мудреный скарбъ свой; въ свою очередь, безспорно и то, что и понынѣ не обветшали въ конецъ, не ушли изъ обиходности многіе предметы, перечню и описанію которыхъ посвященъ заканчиваемый отдѣлъ. Если здѣсь имѣетъ мѣсто аналогичное сравненіе съ извѣстнымъ закономъ, по которому „уголъ паденія равенъ углу отраженія“, такъ вѣдь житейское движеніе продолжаетъ одно и то же тѣло, съ давними къ нему приростами, прилипами, хотя самый путь идетъ прочь отъ ударной точки!..

На самомъ дѣлѣ, однако, сколько новизны, сколько невѣдомыхъ раньше предметовъ вошло въ современную обиходность простолюдина, и какъ въ связи съ ними преобразовалась, повидимому, недавняя „бѣленькая жизнь“! Притокъ новизны коснулся не уголковъ только, не отдѣльныхъ положеній, лицъ, семей, а сказался на строѣ жизни, на бытовомъ состояніи цѣлыхъ обществъ, даже края, и чтобы во-очію удостовѣриться въ томъ, такъ стоитъ побывать въ бытописуемыхъ уголкахъ да присмотрѣться къ наличности: мѣста и уголки—все тѣ же, по крайней мѣрѣ, узнать ихъ можно, да и самые предметы уже какъ будто не новы, не потому, что гдѣ-то, поодаль отсюда, встрѣчались, а потому, что на мѣстѣ имѣютъ уже нѣкоторые слѣды давности, видно, что не сейчасъ приросли къ обиходу. Каковы формальныя стороны происшедшей перемѣны, что новаго въ обиходности—составить предметъ послѣдующаго повѣствованія.

Переступаешь порогъ теперешнихъ „сѣнцовъ“—и уже нѣтъ нужды высоко заносить ноги, нѣтъ надобности нагибать головы, дабы уклониться отъ низкаго дверного косяка: послѣдній находится на значительной высотѣ, а первый, если и сохранялъ давнюю высоту, такъ со стороны двора имѣетъ такой или иной „ганычекъ, пристѹпцу“, а со стороны сѣней—благоустроенный, иногда и весьма „щитный мостъ“, надъ которымъ покоится не менѣе „щитная столъ“, съ затворяющимся пролазомъ на давнюю „гору“.—Осматриваешь привычные здѣсь углы и невольно спрашиваешь: „а гдѣ же жарѣнки? куда дѣвалась молочная скрыня“? Но первыхъ давно уже нѣтъ здѣсь, какъ давно нѣтъ ихъ ни въ хаткѣ, ни въ „призби“, ни въ клѣти: какой-нибудь „вирхѣнь“ лежитъ передъ сѣянымъ порогомъ, а его товарищъ „исподѣнь“, стоявшій не малыхъ трудовъ жерносѣку, на той же полножной службѣ покоится передъ клѣтнымъ. И на что эта „рыгыза“ въ домѣ, когда содержательное, какъ и скромное мелево, нерѣдко доставляемое на плечахъ въ сосѣднюю, иногда запризничавшуюся

мельницу ⁹⁷⁶), можетъ быть справлено скоро, за скромную плату (3—4 коп. отъ пуда) и дать тонкую муку, изъ которой врядъ-ли бытъ старинному „пирогу“!.. Въ свою очередь и „молочная скрыня рыгозила сѣнки“: на ея мѣстѣ стоитъ уже болѣе совершенная „шкѣпа“—то одностворчатая, то двустворчатая, на желѣзныхъ завѣсахъ, и, пожалуй, съ внутреннимъ даже замкомъ, —сработанная чуть-ли не домашнимъ, своимъ мастеромъ, и только-вотъ ожидающая покраски.

Продолжая дальнѣйшее слѣдованіе къ дверямъ хатки, недоумѣваешь, гдѣ же тутъ „исценка“, о которой такъ много говорилось раньше? Отворяешь болѣе загрязненную дверь—но она вводитъ въ обыкновенную жилую избу, тогда-какъ сравнительно чистая дверь съ желѣзными „клямками“, иногда съ всячимъ замкомъ, приходящаяся противъ первой, вводитъ въ чистую „горницу“, весьма нерѣдко перегороженную досчатою стѣнкою и дающую извѣстную каморку. Въ свѣтлой, просторной половинѣ „горницы“ нѣтъ уже „лавъ“, нѣтъ скопа „ирадочкывъ, зэдличкывъ“, а тамъ и сямъ разметаны „тыбурѣчки, стѹльцы“ со спинками, виднѣется даже диванный „тыпчаникъ“ и одинъ-два безкозельные стола; въ другой половинѣ ея, за „заградкой“, стоятъ одна-двѣ кровати, столярный, часто раскрашенный сундукъ. Все это сработано или своимъ домашнимъ, или родственнымъ, изрѣдка лишь стороннимъ столяромъ. Старинные кублы, какъ и ихъ поклажные товарищи, ютятся то въ жилой избѣ, то смиренно почиваютъ въ клѣти, амбарѣ, съ хлѣбными сѣменами, или съ мелочною поклажей, въ видѣ „мѹтрухлясцѣйка“, рабочихъ „иыдрыбязывъ“, а если они (кублы) сложены плотнѣе, такъ здѣсь хранятся мясные и салные консервы...

Быть можетъ, слово о благоустроеніи хатки и о столярной мебели позволить считать прстонародную обстановку измѣнившуюся кореннымъ образомъ?! Нѣтъ! перечисленное составляетъ достояніе пока немногихъ деревлянъ, да и здѣсь трудно бываетъ разо-

браться, погоня ли это за культурою, или... осмѣяніе послѣдней, по крайней мѣрѣ, внезапный посѣтитель „горницы“ легко можетъ застать хомутъ и сѣдло на „тыпчанику“, а просушивающіеся лапти, или свободную квашню—на „стульцу“⁹⁷⁷).

Безспорно, лучина и, въ особенности, „моканики“ мало знакомы современному деревлянину: первой кое-гдѣ не изъ чего выдѣлывать, а матеріаль для вторыхъ съ полезною необходимостью идетъ на столовыя нужды. Да и къ чему лучина съ „моканиками“, если цѣнность 1 фун. керосина соперничаетъ съ цѣнностью керосинной лампочки, а два эти предмета вмѣстѣ могутъ стоить 6—7 коп.? Такимъ образомъ лучина не коптитъ хатки, не дымитъ глазъ; но едва-ли лучше отъ безстекольной лампочки, фитиль которой неустанно пускаетъ вверхъ довольно замѣтную струю копоти, и если „лучинники“ жмурили-слезящіеся глаза, проканчивали дымомъ даже одежду⁹⁷⁸), такъ „керосинники“ воспринимаютъ внутрь немало копоти, остальная часть которой темнитъ стѣны, потолокъ и верхнюю сторону одежды, какъ и верхнюю часть находящихся въ хаткѣ предметовъ.

Въ тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ деревенскіе школьники находились подъ руководствомъ учителей, знакомыхъ съ какимъ-нибудь мастерствомъ, довольно замѣтно распространено производство такихъ или иныхъ издѣлій—столярныхъ, токарныхъ, кузнечно-слесарныхъ, плетеныхъ и проч., по крайней мѣрѣ, тутъ часто мелькаетъ свой, иногда и очень юный столяръ, издѣлія котораго не стыдно помѣстить на выставочномъ прилавкѣ, а тонкія модели, приготовленныя тою же рукою, по всѣмъ правамъ, занимаютъ видное мѣсто въ мѣстномъ музеѣ при Витеб. стат. ком.⁹⁷⁹). Ясно, что какъ модельныя, такъ и существенныя въ обиходности издѣлія не работаются топорикомъ только, или въ сотрудничествѣ ножа и „скобелки“; нѣтъ—къ давнему набору подручныхъ и другихъ инструментовъ прибавился цѣлый наборъ, напр., столярныхъ, токарныхъ, или слесарныхъ.

Быть можетъ, это не по средствамъ захудалому деревлянину, едва оперяющемуся юнцу?! Но тутъ можно опираться на живые примѣры, какъ подобные мастера обзаводятся подходящими инструментами исподволь, по мѣрѣ текущаго заработка, и какъ послѣдній ютится уже въ узорной шкатулкѣ личнаго мастерства, съ мудреными иногда запорами. Такой шкатулкѣ не стыдно дать мѣсто и на туалетномъ столикѣ!..

Хотя современный простолюдинъ и не успѣлъ еще завести у себя виолнѣ „стаѣннаго, стыйловѣго коника“, однако, болѣе состоятельный мужикъ удерживаетъ выѣздную лошадку, иногда настолько цѣнную и сильную, что для раненія отъ конокрадовъ онъ запираетъ ее надежными запорами, стреноживаетъ „зильзыми“ и сверхъ того держитъ на надежной цѣпи. Такая лошадка не несетъ ни пашенныхъ, ни грузовыхъ, перевозочныхъ работъ.— вмѣстѣ съ выѣздною лошадкой, въ строго отдѣленномъ хлѣвномъ помѣщеніи ютится не чахлая „молдчица“ давнихъ дней, а иногда и очень породистая коровка. Распространеніе же полезныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, какъ и живой примѣръ соседнихъ агрономическихъ экономій, въ значительной мѣрѣ измѣнили отношеніе владѣльцевъ къ своему скоту, и это прежде всего сказалось на выборѣ породистыхъ особей и на заботливой пищѣ, которая уже подсаливается, при чемъ поило дается не стелькамъ только, но и всѣмъ дойнымъ коровкамъ.

Заглянувъ въ возовню внука, воскресшій, примѣрно, дѣдъ подумалъ бы, что въ домѣ находятся какіе-нибудь именитые гости, потому что здѣсь можно увидѣть не „корафашку“ только, а кое-гдѣ и рессорный лѣтній экипажъ, по крайней мѣрѣ, рессоры въ немъ подложены въ экипажный задокъ, который сверхъ сего имѣетъ и пружинную подушку. Понятно, что и остальные части того же экипажа будутъ почти всѣ желѣзныя, расписныя, такъ что, при стоимости его въ 50—150 руб., можно утверждать, что тутъ, въ легкомъ, изящномъ и прочномъ экипажѣ, все

состояніе дѣда отъ его „ошашовъ“ до послѣдней „живоцивинки“ включительно... Но и давнія „колесы“ слишкомъ преобразились: оси, подушки, настилочные и боковыя доски уже перенесли столярную, мастерскую обработку, прилажены плотно, красиво, и не грузятъ экипажа⁹⁸⁰). Что же касается болѣе дешевыхъ, зимнихъ экипажей, то разнообразіе тазовыхъ, какъ и относительную пышность можно видѣть при ярмарочныхъ и праздничныхъ съѣздахъ, въ свадебныхъ и гостиныхъ поѣздкахъ, гдѣ полозьями служатъ не пресловутые „кошанцы“, а чистенькіе „гнѣцики“ съ тормозами.

Добротная лошадка и, въ особенности, благоустроенный экипажикъ вызываютъ соотвѣтственную сбрую и упряжь—и она вся на виду, на лошади, при экипажѣ: хомутъ, гужя, шлея, сѣделка, чрезсѣдельникъ и уздечка цѣликомъ ременные, съ подлежащими металлическими „наборами“, и если при базарныхъ поѣздкахъ видится смѣсь ременной сбруи съ давнею „плищюшовой“ и веревочной, такъ это будетъ лишь хозяйственная предосторожность по отношенію къ многочисленнымъ посягателямъ на ременные уздечки, супони и проч.

Пословичные „кривые роженки“, составляющіе почти повсюдное дополненіе возовни, годъ-отъ-году рѣдѣютъ, а въ ближайшихъ къ городамъ мѣстностяхъ, среди болѣе зажиточныхъ „землецахъ“, они только мелькаютъ среди ярко-синихъ съ черномъ сошникомъ плуговъ, одинаково пригодныхъ и для одиночный, и для парной запряжки. Слѣдуетъ признать, что еще слишкомъ юно, свѣже то время, когда чуть не при каждой желѣзной лавкѣ въ Витебскѣ появились продажныя плуги, а встрѣча съ ними на крестьянской телѣгѣ, на саняхъ, или среди обозной поклажи, направленной въ то и другое мѣстечко, на ярмарку, не указываютъ ли на развившуюся потребность въ плугѣ, на сознательное преимущество его передъ „кривыми роженками“?!

Вопросъ объ исчезновеніи „ѣльцывъ, ѣльчинокъ“, и о замѣнѣ ихъ другими боронами, хотя бы и съ желѣзными зубьями, раз-

рѣшается современнымъ положеніемъ лѣсного дѣла: гдѣ брать нужную ель, когда ея недостаетъ и на первыя нужды—стройку, отопленіе? Гораздо удобнѣе построить „кляцы“, борону съ деревянными и даже съ желѣзными зубьями, благодаря развитію желѣзныхъ издѣлій и дешевизнѣ матеріала. Такъ именно и устраиваются безлѣсники, не затрудняющіеся въ средствахъ „землепахи“.

Но не однѣ сохи да бороны стали замѣняться болѣе совершенными земледѣльческими орудіями: тамъ и здѣсь появились молотилки и вѣялки, которыя первоначально вошли въ обиходность деревлянина, взявшаго, примѣрно, крупную аренду помѣщичьяго имѣнія, или пріобрѣвшаго таковое въ собственность. Въ томъ и другомъ случаѣ молотилка и вѣялка поступали въ распоряженіе „землепаха“, какъ дополнительныя статьи аренды и купли. Такъ повелось еще со второй половины бытописуемаго срока, а въ половинѣ 70-хъ годовъ кое-гдѣ, въ болѣе широкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, начали появляться выписныя молотилки да вѣялки⁹⁸¹). Къ сожалѣнію, окрестное крестьянство не сдѣлалось преимчивымъ и продолжаетъ орудовать хлѣбъ на току прадѣдовскими цѣпами да неразлучными ихъ товарищами—лопаточкой, граблями, метлой.

Крестьянскій садъ... это—уже содержательная площадь съ фруктовыми, культурными деревьями и ягодными кустарниками. Первыя—нерѣдко изъ собственнаго питомника, изъ котораго периодически сбываются на сторону излишки, а вторыя вошли далеко не тѣми простыми, случайными путями, на кои указано было въ VIII гл. отдѣла. Деревья и ягодники размѣщены тамъ, гдѣ это удобнѣе и выгоднѣе для ихъ роста,—правильными рядами, при чемъ заботливою рукою садовода юныя, напр., деревца на зиму обвязываются соломкою, а старшіе товарищи ихъ обмазываются къ лѣту глиною, известкою, жидкимъ навозомъ, даже дегтемъ, чтобы преградить доступъ къ нимъ насѣкомыхъ. Какъ оче-

видно, все это не похоже на возню съ „лисовушкый, пылявушкый“, которыя не боялись ни морозовъ, ни зайцевъ, ни козъ, ни насѣкомыхъ.

Въ томъ же саду, или на отдѣльной огородной площадкѣ, заботливо обработанной, подъ своимъ подлиннымъ именемъ появилась дов. порядочная клубника, которую такъ выгодно и не единично сбываютъ на базарахъ деревенскіе ягодуники. Если ко всему этому недостаетъ обильныхъ простѣйшихъ насажденій, составляющихъ окраинную красу садовъ, такъ вопросъ объ этомъ разрѣшается или малоземельемъ, или практическими соображеніями. Тѣмъ не менѣе дѣло и съ простѣйшими древесными насажденіями не забыто, только оно имѣетъ чисто практическія цѣли. Такъ между стѣснившимися постройками протянулись густые ряды лозняковъ березъ, даже елей, а въ помощь изгороднымъ кольямъ стройными, линіями растутъ рябины, какъ очевидно, сослуживающія двойную службу.

Про огородныя произведенія едва-ли нужно упоминать послѣ того, какъ всѣмъ извѣстно, что таковыми продовольствуются не производители только, но и другіе, далеко немалочисленные потребители: картофель, бураки, капуста, морковь и проч. извѣстны чуть-ли не пятилѣтнему городскому потребителю. Но родители такихъ юнцовъ не могутъ забыть, что на базарныхъ возахъ деревлянъ кое-когда можно купить петрушки, ширею и т. под. огородныхъ новинокъ, съ которыми дѣдушки и отцы продавцовъ не имѣли ни малѣйшаго дѣла.

Неоспоримо, что пчеловодное дѣло не ушло далеко отъ дѣдовскаго и отеческаго; болѣе того: эта отрасль какъ-будто упала, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такихъ „пчельниковъ“, про которыхъ бы гремѣла слава, произведеніями которыхъ наполнялись бы рынки, продовольствовались бы въ окружицѣ. Но и при скромномъ положеніи пчеловодства, въ послѣднее вошли нѣкоторыя новшества, ближайшимъ образомъ „у пчалінцу“ появились судна изъ

досокъ, со стекольчатыми вставками, или же ульи изъ соломенныхъ матовъ. Положимъ, это новшество пришло отчасти подневольно, благодаря оскудѣнію „колѣдныхъ“ деревъ; но нельзя не признать тутъ и тѣхъ заслугъ, кои незримо подоспѣли то со стороны школы, то отъ популярныхъ на сей предметъ сообщеній, то путемъ подражанія образованнымъ сосѣдямъ-пчеловедамъ.

Какъ и когда къ хлѣбнымъ засѣвамъ присоединился клеверный засѣвъ — отвѣтить трудно; въ данномъ случаѣ можно лишь свидѣтельствовать его наличность, какъ и возрастающую погоню простолюдина за тѣмъ же клеверомъ. Высоко цѣня „дятлинное сѣно“, деревлянинъ даетъ должную оцѣнку клеверу, который составляетъ чистую, безпримѣсную „дятлину“, такъ любимую скотомъ. Что же касается сѣвооборота, приѣмовъ запашки и уборки, то они — наши старинные знакомцы: тѣ же согнутыя Авгѣньки, Аксиньки, Ариньки поочередно „спустѹюць“ то и другое поле, а ихъ житейскіе сотрудники или докаиваютъ „пустованья“, когда станутъ сваживать снопы, или готовятъ поле вспашкою да засѣвами⁹⁸²).

Какъ исчезали собственные крестьянскіе лѣса и какъ оголялись содержательныя пространства, про то, пожалуй, затруднится сказать современный деревлянинъ, потому что это сдѣлалось послѣдовательными исканіями пахотной земли чуть не двухъ поколѣній сряду, исканіемъ готовой копейки то отъ желѣзнодорожныхъ компаній, то отъ сплавщиковъ, то отъ подрядныхъ и базарныхъ сбытовъ. Во всемъ этомъ фигурировалъ лѣсъ и лѣсъ, не замѣнявшійся новымъ и оставлявшій широкія оголенные пространства. Какъ извѣстно, рядомъ съ этимъ шло и владѣльческое (помѣщичье) лѣсоистребленіе, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ не уступавшее крестьянскому. Тогда у деревлянина осталось единственное лѣсное приволье — казенный лѣсъ: за нѣкоторыми изъятіями, т. е. свободной рубки деревьевъ, дранья коры, всѣ остальные дары, въ видѣ ягодъ и грибовъ, онъ сталъ получать изъ этого

прочнаго лѣсохранилища. Дождется ли мужикъ того времени, когда въ его собственномъ лѣсу запахнетъ грибами, закраснѣетъ ягодами и когда именно это будетъ — отвѣтить невозможно, по крайней мѣрѣ, сейчасъ онъ не имѣетъ даже и понятія о лѣсосѣвѣ, смѣется надъ возможностью его...

Безспорно, къ описаннымъ водовмѣстилищамъ не могли прибавиться новыя, и скорѣе можно согласиться, что число существовавшихъ раньше нѣсколько уменьшилось. Такъ, оставаясь безъ поддержки, періодической чистки и досмотра, многочисленныя „усполы, сажилки“, засоренныя наносами, лишеныя запрудъ, стали сквозными, или, по хозяйственнымъ нуждамъ, засыпаны и обращены въ луговинныя, даже пашенныя площади. Вмѣстѣ съ симъ по многимъ „кичовникамъ“⁹⁸³), омшарамъ, багнамъ и оржавинямъ“ кое-гдѣ прорѣзались довольно глубокія иногда канавы, — отчего малопроезжныя раньше мѣста стали доступными не только для скота и человѣка, но тутъ же прошла соха и борова, зазеленѣлъ и заколосился хлѣбъ, пролегла надежная дорога... Къ сожалѣнію, рядомъ съ мощными усиліями человѣка сократить болотную топъ утилизировать для пашеннаго дѣла какую-нибудь „багну и оржавину“, медленно и незримо совершалось естественное обмелѣніе нѣкоторыхъ водовмѣстителей: гдѣ раньше на бойкой рѣченкѣ шумѣла не одна мельница, бѣшевала струя, вертѣлись „виры“, тамъ нынѣ видится ничтожный, разорванный ручей, давній немалое число „колдобъ“, или же по давнему рѣчному ложу пробѣжала дорожка, поросла трава, а озерныя и рѣчныя берега, или лучше — береговья отмели стали какъ-то длиннѣе, сузили иное озеро до размѣровъ прудка, а рѣку — до размѣровъ ручья; породивъ тутъ множество невѣдомыхъ раньше бродовъ...

Благодаря послѣднему, а главное — слишкомъ промышленной постановкѣ рыболовнаго дѣла, многочисленныя прежде, прибыльныя для рыболовства мѣста, спѣшно обращаются въ водную пустыню и ужъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то сказочнымъ является

сообщеніе о пудовыхъ лещахъ ⁹⁸⁴), двухпудовыхъ шукахъ, полпудовыхъ судакахъ, трехфунтовой селявѣ, лещевидныхъ серебристыхъ карасяхъ и проч., составлявшихъ нерѣдкостную добычу давней рыболовли. Какъ ни изощряется современный деревенскій рыболовъ, какими благоустроенными снастями и снарядами ни вооружается онъ, но только ему не приходится вдоволь поѣсть рыбы отъ собственной рыболовли: онъ лакомится лишь покушными „кляйнинькими плѣтыцкими“, а крупною рыбой любитъся тогда, когда рыбопромышленники вытаскиваютъ такую изъ его сосѣдливаго озера, или когда видитъ ее на базарѣ, въ рыбныхъ рядахъ... Его „бродники, криги, топтуны, нэрыты и прутни“ годъ-отъ-году все меньше и меньше окупаютъ траты и изъ воды извлекаются почти невинными въ поимкѣ той, или другой рыбы. Приобрѣтая благоустроенные „риськи, аглицкіи“ крючки, съ прозрачными изъ китовыхъ усовъ надвязками, строя изящныя леси и удилица, прилагая къ дѣлу „привады, принады и приманы“, нынѣшній удильщикъ напрасно тратитъ время и средства: ему не наудитъ стародавней „повторбы“ рыбы, не удовлетворить-стать охотничьихъ движеній...

Не лучше, а пожалуй—еще хуже повелось ружейному охотнику, который все чаще и чаще сталъ возвращаться съ охоты съ „пустыми руками“, несмотря даже на то, что къ концу, примѣрно, бытописуемаго срока успѣлъ обзавестись благоустроенными ружейными снарядами, научился стрѣлять по движущейся дичи и пользоваться услугами гончихъ, лягавыхъ собакъ. Это послѣднее невѣдомо бывало „крямсѣльнику“, и если онъ бралъ на охоту какого-нибудь „кѹцка, жѹчку“, такъ ворчбою они лишь предостерегали о близости медвѣдя, а лаемъ на дерево указывали на сидящаго тамъ тетерева, глухаря, рябчика, къ которымъ охотнику нужно было подходить, подползать,—какъ объ этомъ говорилось въ XV главѣ... Вспоминая про ружейно-охотничью горячку, какъ-то рѣзко усилившуюся въ концѣ 70-хъ и возраставшую во

все время 80-х годовъ, прежде всего приходится остановиться на разнообразіи ружей, поступившихъ въ обиходность деревенскаго охотника. Тутъ чаще всего можно было видѣть „тулки“, ружья съ „бьяльгицкими“ (бельгійскими) стволами, „жированки“⁹⁸⁵) разныхъ видовъ и относительно рѣже—„дуясволки“. Всѣ такія и съ другими наименованіями ружья, легкія, изящныя, до невозможности обездешевленныя⁹⁸⁶), заняли густые ряды въ лавкахъ съ желѣзными издѣліями, въ ихъ витринахъ и въ шкафахъ слесарей, а отсюда стали расплзаться въ деревенскіе уголки по десяткамъ и сотнямъ рукъ. Нераздѣльно съ симъ упростилось пріобрѣтеніе пороха, какъ и остальныхъ принадлежностей стрѣльбы... И вотъ дешѣвка-ружье замелькало въ рукахъ всевозможныхъ деревенскихъ охотниковъ, нерѣдко 15-тилѣтнихъ юнцовъ, а отъ скопа такихъ охотниковъ, кстати, пронырливыхъ, обстоятельно знакомыхъ съ мѣстностью, раздался тотъ ружейный гулъ, изъ-за котораго мирному человѣку опасно было не только входить въ лѣсъ, но иногда даже пробираться по лѣсной дорогѣ, тропинкѣ,—тотъ гулъ, который весьма нерѣдко сливался съ призывнымъ къ церкви благовѣстомъ и молитвою здѣсь охотничьихъ отцовъ и дѣдовъ!..

Что сказать о предметѣ охоты? Просвѣщенные любители охоты терялись передъ опустошительною тратою нѣжной дичи, а всѣ и непричастныя къ сему дѣлу лица видѣли, что тутъ прежде всего беззастѣнчиво обходились прямыя указанія закона на сроки охоты, обходился и, кстати, ослабѣлъ родительскій запретъ⁹⁸⁷), развелось неуваженіе къ владѣльческимъ правамъ и—полное безсердечіе къ предмету охоты, которому грозило конечное истребленіе. Тутъ какъ будто властвовала одна твердая, но неуловимая воля, повинуваясь которой скопы ружейныхъ деревенскихъ охотниковъ не имѣли дѣла съ вредоносными животными, не тянулись, напр., къ облавамъ на медвѣдей и волковъ, а переполняли базары именно нѣжною дичью, да увѣшивали ею отдѣльныхъ барышниковъ. Невольно набѣгаетъ далеко не личный вопросъ: къ ка-

кому концу привелъ бы только одинъ десятокъ лѣтъ подобной развужданной охоты, если бы не раздалось на сей предметъ спасительное слово 3 февраля 1892 года?—Произошло великое чудо: сотни и болѣе охотниковъ сразу же обрекли на бездѣйствіе свои „тѣлки, жированки, дуясволки“, и въ недавнихъ охотничьихъ мѣстахъ ружейный выстрѣлъ порѣдѣлъ настолько, что нынче въ деревнѣ ему дивятся чуть-ли не такъ, какъ и зимнему грому; въ то же время, несмотря на относительно короткій срокъ, умиравшая было роскошная раньше фауна видимо стала воскресать: снова безстрашно запѣли весною косачи, запищали рябчики, закрикали стайно и понеслись утки, заворковали голуби и проч. Правда, вмѣстѣ съ симъ во множествѣ замелькали четвероногіе и пернатые хищники; но вѣдь въ общей экономіи, заботливо предусмотрѣнной Творцомъ и выраженной при мірозданіи, такъ и быть должно: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“,—прибавляетъ къ сему народная мудрость... Оставшись не у дѣла, многочисленныя ружья, а также и пистолеты замѣнили для пастуховъ и конопасовъ прежнія „дубинки, уручники“, или же въ безмолвномъ покоѣ, запущенныя, заржавленныя, какъ-будто поджидаютъ передѣлки на мирныя сельско-хозяйственныя издѣлія ⁹⁸⁸)!..

Незамѣтно, хотя нѣсколько и спѣшно довелось заглянуть во всѣ почти уголки и мѣста, вспомнить многіе предметы обиходности, подлежавшіе описанію въ послѣднемъ отдѣлѣ. Какъ очевидно, и здѣсь давняя обиходность вышла изъ прежнихъ устоевъ: въ одномъ мѣстѣ исчезли подручныя раньше предметы, восполнились новыми, въ другомъ—заново вошли въ обиходность неизвѣстные прежде, въ третьемъ—старые и новые предметы ужились рядомъ, безъ помѣхи другъ другу. Безспорно, все это пока-что лишь мелькаетъ, пока-что только зачинаетъ преуспѣяніе „бѣленькаго“ землячка; но на семъ зачинаніи строится улучшающеея житье-бытье его, а самому преуспѣянію видимо сопутствуютъ исконная „вѣра, вѣрность“ и тяготѣніе къ свѣту потомковъ древнихъ Кривичей...

Послѣсловіе.

Составитель „Очерковъ“ считаетъ свой трудъ законченнымъ и вѣритъ, что во множествѣ приводимаго матеріала найдутся достаточныя данныя для иллюстраціи простонароднаго житья-бытья за обусловленный періодъ времени. Что именно ушло изъ простонародной обиходности и что удержалось понынѣ—можно видѣть изъ сравненія бытописуемаго съ настоящимъ, къ чему составитель прилагалъ нѣкоторыя усилія въ заключительныхъ главахъ каждаго отдѣла. Несомнѣнно, что лучшія силы и возможность могли бы дать болѣе совершенное описаніе того же житья-бытья, при чемъ сравнительное сопоставленіе двухъ сроковъ, раздѣленныхъ доброю третью вѣка, обильною новшествами, вышло бы полнѣе, содержательнѣе. Возлагая на все это пока-что усердныя надежды, составитель „Очерковъ“ предвноситъ свой посильный трудъ; въ настоящемъ же послѣсловномъ обращеніи къ нему находить необходимымъ обмолвиться краткими, немногими указаніями, относящимися скорѣе къ формальной сторонѣ труда.

Въ предисловномъ поминѣ замѣчено было, что „настоящій трудъ, въ возможно полномъ видѣ, въ этнографической литературѣ появляется пока-что впервые“. Къ сему можно прибавить, что составителю прежде всего не приходилось пользоваться печатными источниками, а въ разрозненныхъ, часто лаконическихъ указаніяхъ на житье-бытье, какъ и предметы обиходности, не суждено было найти воспособляющаго матеріала: единственными источниками труда служили, съ одной стороны—„раскрытая книга жизни“ бытописуемаго, а съ другой—сказъ и подтвержденіе „живыхъ старыхъ граммъ“, да уцѣлѣвшіе предметы обиходности. Будучи начальнымъ опытомъ, трудомъ безъ предшественника, и въ текущемъ счету—единоличнымъ, „Очерки“ не избѣжали многихъ недостатковъ, кои не только не отрицаются составителемъ, а скорѣе поставляются на видъ. Такъ, прежде всего, въ бытописаніи относительно мало говорится о жизнедѣятельности, духовномъ мірѣ

бытописуемаго, когда они соприкасаются съ матеріальными предметами обиходности, т. е. когда эти предметы даютъ возможность выйти изъ заурядныхъ, почти нескончаемыхъ будней. Отдѣльное слово о семъ составитель „Очерковъ“ удерживаетъ за собою, даже и въ томъ случаѣ, если бы подобное слово уредило составительское сказаніе,—чѣмъ въ значительной мѣрѣ можетъ быть восполненъ первый недочетъ настоящаго труда.

Вторымъ недочетомъ приходится признать то, что многочисленныя данныя взяты какъ-будто изъ облюбованныхъ мѣстностей Вит., Гор., Пол. и Дрис. уѣздовъ, по крайней мѣрѣ, составитель чаще другихъ упоминаетъ таковыя мѣстности, чрезъ что топографическая область бытописанія сужается чуть-ли не до этихъ уѣздовъ, включая сюда и существовавшій раньше Суражскій, какъ известно, раздѣленный между сосѣдними ⁹⁸⁹⁾—Вит., Гор. и Вел. По мнѣнію составителя „Очерковъ“, различныя мѣста помянутыхъ уѣздовъ, кстати, въ до-реформенное и по-реформенное время неоднократно посѣщенныя имъ лично, какъ-то поляѣе и осязательнѣе кажутъ то именно житье-бытье, которое поставлено темою труда. Состоя раньше въ положеніи рѣдняковъ да захолустій ⁹⁹⁰⁾, эти мѣста и нынѣ не особенно далеко ушли отъ „старосвѣчины“ несмотря на то, что въ пользу желательнаго измѣненія послѣдней къ лучшему работало время и повсюдное преобразование простонароднаго житья-бытья подъ воздѣйствіемъ школы.

Если читатель потрудится припомнить, что между первыми и послѣдними печатными строками „Очерковъ“ протекъ полный 14-тимѣсячный срокъ ⁹⁹¹⁾, т. е. такое время, въ теченіе котораго періодическія сообщенія или совершенно утрачиваются, или до нѣкоторой степени ослабляются въ памятованіи, то весьма немногочисленныя, быть можетъ, и дословныя повторенія не покажутся особенно преступными. Но и при насущной нуждѣ составитель избѣгалъ повтореній, помѣчая въ выноскахъ лишь указанія на то, что имъ оглашено раньше.

Нельзя не замѣтить въ бытописаніи такихъ сообщеній, кои могутъ оттѣнять жизнь и быть простолюдина съ неприглядной стороны, умалять многія весьма почтенныя проявленія души и жизни его,—могутъ наложить печать косности, дикаго невѣжества и проч. При встрѣчѣ съ данными этой категоріи составитель „Очерковъ“ могъ лишь позавидовать сроднымъ сообщеніямъ сказочныхъ и пѣсенныхъ собирателей, какъ и самъ послѣднимъ: въ то время, когда первые ограждены всесвѣтною поговоркой, утверждающею, что „сказка—ложь, а пѣсня—быль“, вторые находятся подъ прикрытіемъ чисто русской—„изъ пѣсни словъ не выкидываютъ“; кромѣ того, тѣ и другіе не создаютъ ни сказокъ, ни пѣсень, а получаютъ ихъ готовыми, личною, или корреспондентною записью, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, нѣкоторая доля отвѣтственности падаетъ на сотрудника, и не за содержаніе только, но и за форму. „Раскрытая книга жизни“ не предоставляетъ бытописателю подобныхъ преимуществъ... Но правъ ли онъ будетъ, когда станетъ вычеркивать страницы такой книги, или подтасовывать жизненныя положенія? Можетъ ли онъ сдѣлать это при существенной необходимости быть безпристрастнымъ, при обязанности изобразить бытописуемое съ его свѣтлыми и неприглядными сторонами? Въ свою очередь, виноваты ли бытописуемый простолюдинъ за цѣлый строй, или за отдѣльныя, часто неказистыя проявленія своего житья-бытья, за ту темень, изъ которой онъ началъ выбиваться лишь въ памятное время?

Наконецъ, среди перечисленныхъ, какъ и неговоренныхъ недочетовъ, поразительнымъ является неустойчивое начертаніе однихъ и тѣхъ же реченій мѣстнаго говора, весьма нерѣдко состоящее въ разладѣ съ принятою собирателями трајскрипціей, а также и недостаточное толкованіе этихъ реченій. Еще во время печатанія „Очерковъ“ это составляло неутихаемую скорбь бытописателя; нынѣ же, когда трудъ предстаетъ въ видѣ цѣлостной книги, она усугубляется, и тѣмъ ощутительнѣе, что, потерявшись

во множествѣ на сей предметъ требованій, признаться, не всегда солддарныхъ другъ съ другомъ, составитель уже не въ состояніи обойти многочисленныхъ несправностей.

Чужіе грѣхи—не примѣръ, не пути къ оправданію; однако, обращаясь къ весьма почтеннымъ, содержательнымъ сборникамъ сказокъ, пѣсенъ и другихъ памятниковъ народнаго творчества, обращаясь затѣмъ къ живому источнику—говору, составитель пока-что не можетъ свидѣтельствовать въ первыхъ безусловной устойчивости транскрипціи, не можетъ указать во второмъ неизблѣмыхъ данныхъ, съ коими можно было бы сказать: „вотъ гдѣ искомая, предѣльная правота“! Среди всего этого составителю „Очерковъ“ приходится еще разъ пригласить читателя вспомнить, что существенною задачею труда служило лишь намѣреніе—*иллюстрировать простонародную жизнь и бытъ въ связи съ матеріальными предметами обиходности*,—что поименныя названія предметовъ, типичныя реченія входили въ текстъ только мимоходомъ, и что, жертвуя послѣдовательностью транскрипціи, обходя фонетическое начертаніе, онъ тѣмъ самымъ не принесъ ущерба привычному, коренному начертанію такихъ реченій. Предполагая въ составѣ читателей лицъ, незнакомыхъ съ приведенными реченіями, давая послѣдныя толкованія послѣднихъ, бытописатель исполнялъ лишь общепринятыя авторскія обязанности и не позволялъ себѣ въ этомъ случаѣ докторальности филолога, лингвиста, лексикографа...

Что же касается остальныхъ недочетовъ, или правильнѣе—погрѣшностей, то составитель рѣшается напомнить, что и онъ—*„человѣкъ есть“*, что замѣченныя и удобопоправимыя погрѣшности перечислены въ подлежащемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, со всѣми вольными и подневольными погрѣшностями, съ легкими, какъ и неоправдываемыми недочетами, бытописаніе предстаетъ суду читателя въ томъ видѣ, въ какомъ, по предназначенію составителя ⁹⁹²), оно доведено до желаннаго

конца. Хотѣлось бы вѣрить, что и въ такомъ видѣ „Очерки“ не останутся читательнымъ балластомъ, а сослужатъ посильную службу: новоприбывающія въ край лица, постарѣнныя въ такое или иное сношеніе съ простонародною средою, найдутъ здѣсь не лишнія данныя для знакомства и уразумѣнія быта и жизни тѣхъ, съ кѣмъ сводитъ ихъ житейское, или служебное положеніе; старожилы края, личные свидѣтели бытописуемаго, припомнимъ сравнительно недавнее прошлое и, быть можетъ, не откажутся восполнить бытописанія своими многоцѣнными дополненіями. Если составитель увидитъ осуществленіе даже половинной доли намѣченныхъ ожиданій, онъ почтетъ свой трудъ и время не потраченными даромъ.

Отмѣчая признательностью все, что въ различное время стояло не только „за“, но и „противъ“ оконченныхъ нынѣ „Очерковъ“, отмѣчая теплымъ поминомъ, что благонамѣренныя указанія въ области труда не оставлялись безъ вниманія, а прилагались къ дѣлу, по мѣрѣ возможности, составитель вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность выразить сердечную благодарность Редакціи „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ въ лицѣ настоящаго редактора, обязательнѣйшаго Игнатія Ивановича Пилчна.

Н. Я. Никифоровскій.

Конецъ.

Выноски и примѣчанія.

1) Изъ послѣдующаго видно будетъ, что такъ называется хлѣбъ, въ которомъ есть только доля ржи.

2) Лапти изъ лозовой коры.

3) Сальникъ—сущ.—свинья и боровъ, вообще откармливаемые на убой—преимущественно; поросенокъ, какъ будущій сальникъ.

4) Быченокъ—сущ.—молодой быкъ; здѣсь — молодой рабочій волъ, мѣстной, малорослой породы. Вполнѣ замѣняя въ бѣдныхъ хозяйствахъ лошадей, при легкой ѣздѣ, быченокъ бѣгивалъ даже „трюшкомъ“—рысью.

5) Пекла, лы—сущ.—адъ въ обыкновенномъ значеніи; въ переносномъ житейскія страданія.—Въ отношеніи даннаго слова слѣдуетъ замѣтить, что изъ средн. рода—пекло—оно въ мѣстномъ употребленіи перешло въ женскій. Подобный переходъ замѣтенъ во многихъ существит. средн. р. съ окончаніемъ о и е.

6) Пытацца—глагол.—спрашивать у кого, вывѣдывать.

7) Здѣсь 3 л. глаг. маицца—имѣть себя, поживать, здравствовать, но не шататься,—какъ то обыкновенно понимается.

8) Кое-какъ, чуть-чуть; совсѣмъ плохо.

9) Мадѣишь—2 л. глагол. мадѣць—тянешь жизнь, перебиваешься; живешь съ горемъ пополамъ.

10) Инфляндскіе уѣзды: Двинскій, Рѣжицкій, Люцинскій и западная часть Дриссенскаго.

11) Для оправданія принятой здѣсь транскрипціи слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ неударяемыя твердыя гласныя произносятся какъ ы, даже послѣ гортанныхъ.—Неударяемое е произносится за и, безъ исключенія. Последнее часто позволяетъ смѣшивать первое и второе спряженіе. Глагольныя формы—цца и тца—различаются: первая—неопред. накл., а вторая—3-е л. единств. и множ. число глаголовъ, оканчивающихся на ся.—Буквы и, ю, я почти всегда замѣняются соответствующими твердыми—ы, у, а, при чемъ настоящая буква ы нерѣдко переходитъ въ и (крыша—вм. крыша); въ отдѣльныхъ случаяхъ подобный переходъ весьма возможенъ и съ мягкими ю, я особенно, послѣ р (цару, дару, рабина, равкнуць).—Буква т передъ мягкими гласными и полугласною ь произносится, какъ умягченное ц, безъ всякой подставки (тц).—Въ моей транскрипціи нѣтъ дз, потому что буква д передъ мягкими на самомъ дѣлѣ не даетъ такого звука.

12) Последнія три слова не всегда принимаютъ укоризненно—бранный оттѣнокъ. Въ житейскомъ употребленіи они выражаютъ только спѣшную, обильную ѣду, по крайней мѣрѣ, глаг.—жерць и момницъ—понимаются именно такъ.

13) Дословный переводъ: когда бы не дыра во рту, такъ человекъ ходилъ бы въ золотѣ.

14) Прицуваць—гл.—работать, трудиться. Сущ.—праца, працка; прил.—працовный, прыцавцый.

15) Последнее слово, сдѣлавшееся будничнымъ, заимствовано изъ молитвы Господней, передѣлано на народный ладъ и выражаетъ понятіе: насыщающій, питающій.

16) Глаг.—полоць, подпалывыць, переполуць—обозначаютъ особенную чистку зеренъ и крупы, которая дополняетъ провѣваніе. Это дѣлается дома, особеннымъ взмахомъ провѣваемаго въ легкомъ корытѣ.

17) Этотъ глаголъ въ настоящ. врем. спрягается такъ: ѣмъ, яси, ѣсь, ядемъ, ясе и ядице, ядуць.

18) Отъ слова—грядка—шесть въ сушильнѣ, на которомъ уставляются снопы. Прил.—градовый и сущ.—градовка—выражаютъ хлѣбъ, недостаточно очищенный вѣяньемъ, почти такой, какимъ онъ выходитъ съ сушильной грядки; правильнѣе—хлѣбъ, куда поступила гряда мякины, сложившаяся при вѣяньи.

19) Отъ сущ.—сквалыга, сквалыжникъ—скряга, позорный скупецъ. Глаг.—сквалыжничиць имѣеть то же значеніе.

20) Настоящими, какими слѣдуетъ быть.—То же слово—стоицій—обозначаетъ лицо, отбывающее подводную повинность, при чемъ „стоицими“ называются лошади и экипажи подводчика.

21) Оржанина—сущ.—исключительно ржаной хлѣбъ, или значительная примѣсь его. Происходящія отсюда ласкат.—оржанинка, оржанушка—цѣликомъ выражаютъ водочное имя, когда о водкѣ говорится „отумѣчно“, иносказательно.

22) Ниже будутъ объяснены термины, которые теперь употреблены вскользь, мимоходомъ.

23) Употребляя по ходу рѣчи то настоящее, то прошедшее время, авторъ приглашаетъ имѣть въ виду тотъ періодъ, о которомъ сказано въ предисловіи.

24) Прикриць и прикрициць—глаг.—дѣлаться противнымъ, приторнымъ, Прил.—прикрыый, сущ.—прикрысь, сци, и нар.—прикро имѣють то же значеніе.

25) Ображаць Бога—имѣеть единственный смыслъ: хулить, порицать, быть недовольнымъ. Въ отношеніи къ людямъ то же понятіе означаетъ: сна-

ряжать, готовить въ путь, исполнять предписываемую обрядность, какъ, напр., при отправленіи младенца ко кресту, брачущихся—въ церковь, покойника—въ гробъ и на кладбище.

26) Дословный переводъ: „по немъ когда и чертъ побѣжитъ, такъ ногу занозитъ“.—Сущ.—скабка—заноза и хребтовья, а также реберныя порціи въ заготовленіи и въ кушаньѣ.

27) Болѣзньныи годы не есть исключительно такіе, когда появлялась та, или другая болѣзнь; это скорѣе только — „чужолые годы“ — трудно переживаемое время, по случаю засухи, дождей, морозовъ, крутой барщины, рекрутчины и проч.

28) Грамма—сущ.—свидѣтельскій источникъ въ лицѣ старожила, знатока данныхъ событій и времени. Употребительный терминъ—живая грамма—именуетъ живое пока-что лицо, свидѣтеля событій, на авторитетъ котораго можно полагаться.

29) Лопунъ получаетъ названіе отъ звука, который издается при разбивѣ тѣста ладонью. Ходячій терминъ—печь лопуны—имѣетъ переносный смыслъ и означаетъ ударъ ладонью по мягкимъ частямъ тѣла,—что, конечно, не обходится безъ отчетливаго звука.

30) Какъ и лопунъ, „ляпинъ“ получаетъ названіе отъ ударнаго ладонью звука, который здѣсь нѣсколько дробнѣе и можетъ быть приравненъ къ ляпанью.

31) Провидки, кывъ—сущ. во мн. ч.—визитъ, посѣщеніе родихи замужнею женщиной, при обязательномъ приносѣ какого-нибудь съѣдобнаго гостинца.

32) Ласый—прил.—лакомый, особенно вкусный. Сущ.—ласунъ—лакомка, ласуныкъ, нка—лакомый предметъ; глаг.—ласывыць—лакомиться.

33) О мованинѣ будетъ сказано ниже.

34) Пирапекъ—сущ.—(перепекъ) такое хозяйственное положеніе, когда недостаетъ печенаго хлѣба: отъ прежняго печенья не осталось его, а новое запоздало. Перепекъ является нежелательнымъ и всегда пророчитъ неожиданныю отлучку одного изъ членовъ семьи.

35) Ситникъ—ситный хлѣбъ и рѣчной, озерный камышъ; обараныкъ—извѣстная баранка, кольцеобразный крендель; пранякъ, пупраникъ, перьникъ—всякій пряникъ.

36) Подсмециinne и посмециinne—сущ.—принимаетъ форму женск. рода на я и склоняется по этому роду (см. 5 примѣч.)—подсметанная жижа, остающаяся послѣ бойки коровьяго масла.

37) Названіе „юхи, юшки“ принадлежитъ исключительно этому кушанью, а не прѣсному; его не имѣетъ даже рыба уха, называемая почти

всегда „жижкой“. Извѣстный терминъ — „спусциць юху, юшку“ — означаетъ побить кого до истеченія крови.

38) Приправленный сметаню, молокомъ, „подсмециннымъ“.

39) Путрянисъ, сци — сущ. — крахмалистость, нѣкоторая сгущенность. Сущ. — иутра — особое кушанье, описанное ниже; прил. — путряный, глаг. — путряницъ, зыпутряницъ — удерживаютъ то же значеніе.

40) Сопкій — прил. — рассыпчатый, скоро разваривающійся.

41) Обыкновенное названіе тыквы и приготовленій изъ нея.

42) Сущ. — грыжинка и грыжанка — различаются между собою: первое есть имя брюквы, а второе означаетъ кушанье изъ нея.

43) Старое молоко получается осенью, отъ стельныхъ коровъ, пока представляется возможнымъ доить ихъ; новое же — по отеленіи коровъ, въ рождественскій мясоѣдъ.

44) Отъ прич. — катаный — слѣдуетъ отличать другое — катыный — наказанный „катомъ“, палачомъ. Послѣдній еще былъ извѣстенъ въ воспоминаемые сроки. На предметъ смѣшенія того и другого понятія существовала слѣдующая ходячая присказка: „хуць (хотя) катаный, ды ни катыный!“ — Глаг. — катывыць — давать наказаніе на эшафотъ.

45) Пыдпадкрупье, пья — сущ. — измельченная часть крупы, обыкновенно отдѣляемая отъ крупнѣйшей просѣвомъ на рѣшетѣ.

46) Просовая.

47) Першій и перьшій — числ. — первый; происходящее отсюда сущ. — пирьшакъ, ба — означаетъ старшаго сына.

48) Рождественскій сочельникъ, канунъ новаго года и крещенскій сочельникъ.

49) Болотная черника, уступающая обыкновенной вкусомъ и лѣкарственными свойствами.

50) Ныдиваникъ, ба — сущ. — начиненная тѣмъ или другимъ снадобьемъ кишка — колбаса (см. ниже).

51) Мясныя, начиненныя грудными внутренностями (печень, легкія, сердце, селезенка) и начиненныя кровью, которая обязательно смѣшивается то съ грудными внутренностями, то съ растительными предметами — крупою, мукою, картофелемъ.

52) Понятіе „дяды“ выражаетъ: а) безразличное имя предковъ — „живали дяды, ни мали (не имѣли) бяды“; — б) умершихъ родственниковъ, къ которымъ причисляются и умершія дѣти, и в) отдѣльные поминальные дни, коихъ четыре: 1 — перьшій дяды, тывстыя суббота (передъ заговѣньемъ на масленую), — 2 — вилкодныи дяды, радыница (втор. 9-м. нед.) — 3 — троецкіи дяды (суб. передъ Троиц. дн.) и 4 — остатныи дяды, Змитрывка, восиньскіи дяды (суб. передъ 26 окт.).

53) Такое названіе происходитъ отъ желудочныхъ складокъ, отчасти напоминающихъ сложенные листы книги.—Отъ имени „бнигывеа“ слѣдуетъ отличать то же имя, которымъ называется пиголица—извѣстная неряшливая птица.

54) Цюриць и цпрюшиць—глаголъ.—выражаетъ дѣйствіе крошенья, но только руками, при чемъ, напр., хлѣбъ раздробляется въ мелкія крошки. Последнее у дѣтей составляетъ отдѣльную особенность хлѣбной ѣды: раскрошивъ хлѣбъ въ миску, въ поставленный подолъ рубашки, они вычерпываютъ его потомъ горстью.

55) Многія реченія, оставляемыя безъ поясненій, будутъ комментированы своевременно въ текстѣ.

56) Чикуляда—сущ.—отъ польск. глагола чекаць—ожидать. Производимое такимъ образомъ слово выражаетъ понятіе о кушаньи, котораго недолго ожидать—оно скоро изготовится.

57) Покыць—глаголъ.—лопаться, издавать звукъ лопанья. Сродный глаголъ.—пукыць—выражаетъ дополнительное иногда дѣйствіе при скрипичной игрѣ, когда досужій любитель „пука“, испросивъ позволеніе скрипача, ударяетъ прутикомъ по басу и терціи, въ тактъ наигрываемой пьесы (см. мой очеркъ музыкантовъ въ „Этн. Обзор.“, кн. XIII—XIV, 1892 г.).

58) Цыбуля и чибуля—сущ.—лукъ и спеціальное кушанье изъ него. Сущ.—цыбульничъ—извѣстный пирогъ, начиненный лукомъ и составляющій любимое пшеничное печенье у евреевъ.

59) Пыстыялка—сущ.—нѣсколько отстоявшееся молоко, съ котораго сняты сливки, или же онѣ взболтаны съ первымъ въ кринкѣ.

60) Жидкій сырой творогъ, вслѣдствіе продолжительнаго стоянья молока въ нехолодномъ мѣстѣ, отдѣлившійся отъ сыворотки. Про такое молоко обыкновенно говорятъ, что оно „створожилось“.

61) Сырница—сущ.—соленый творогъ, приготовляемый въ прокъ, на надобности масляной недѣли.

62) Отъ такой „путры“ слѣдуетъ отличать „путрянисъ“ (р. п.—путрянисци)—крахмалистость кушанья, и „путру“ латышскую—дикое жидкое кушанье изъ смѣси муки, крупы, картофеля, сала и селедки. Доведенная до густоты каши послѣдняя „путра“ намазывается на хлѣбъ, какъ масло.

63) Брыдкій—прил.—приторный, противный. Сущ.—брыдысь, сци и глаголъ брыдиць,—дицца,—имѣютъ одинаковый смыслъ. Въмѣсто настоящихъ словъ съ тѣмъ же значеніемъ употребляются: гидысь,—гидкій,—гидиць,—дицца.—Оттѣнками двухъ сродныхъ понятій можно считать: первое указываетъ на приторный вкусъ и запахъ, а второе—на такой же видъ его.

64) Искаженное въ евр. жаргонѣ нѣмецкое прилаг.—хорошій.

65) Первые — масленики и отчасти похожие на них — подлзовики, вторые же грибы, растущие на мху, поросшем соснякомъ.

66) Або — разд. союзъ — или. Сродный союзъ — абы — лишь-бы, только-бы.

67) Первое название приходилось слышать въ Вит., Полоцк. и Лепел. уѣз., а послѣдніе два — въ Городок. и Невел.

68) Мѣстное употребленіе слову — смягнуть — даетъ совершенно иное значеніе, и относитъ къ уменьшенію, къ ступенію кушанья отъ дѣйствія теплоты, какъ въ данномъ случаѣ. — Сущ. — смага — сухость во рту и на губахъ отъ душнаго вѣтра, внутренняго жара, при болѣзни, или послѣ сна. Въ послѣднемъ случаѣ — „прогнать смагу, смажиньку — значитъ — напиться, или съѣсть чего нибудь кислаго, прохладительнаго.

69) По сходству именъ, даже по созвучію, являются: то соотвѣтственныя кушанья, какъ въ данномъ случаѣ, то — праздники, какъ „Поясы“ 31 авг., въ с. Болецкѣ, Город. уѣзда.

70) Знатоки этого печенья не могутъ забыть, что каждый городъ и въ особенности, мѣстечко даютъ баранкамъ особый оттѣнокъ, по которому онѣ различаются — велижскія, яновичскія, сиротипскія, бѣшенковичскія, полоцкія и проч.

71) Цукерка — сущ. — конфекта. Это полоническое имя конфеты замѣтно уходитъ изъ простонароднаго словаря.

72) Дуля и дулина — сущ. — большая груша. Какъ кажется, сейчасъ торговля ими увядаетъ. — Въ переносномъ смыслѣ дуля и дулина означаетъ: поднесенный кукишъ, кулачный ударъ въ лицо.

73) Кирмашевья — сущ. — съдобный гостинецъ, доставленный съ ярмарки.

74) Существуетъ непоколебимая увѣренность, что заторенное до полудня тѣсто не вскиснетъ надлежащимъ образомъ, или дастъ нежелательные по вкусу и виду хлѣбы.

75) Сущ. — учина и затвора, какъ и происходящія отъ нихъ слова — учиниць, зытвориць, — совершенно тождественны и относятся къ хлѣбному затору.

76) Хлѣбы четырехугольные встрѣчались только въ монастырскихъ и помѣщичьихъ экономіяхъ; въ домѣ сельчанъ прибѣгать къ этому почиталось почти преступнымъ: свобода „кормильца“ ограничивалась — отсюда неурожай, скудное зерно, недостаточный подъемъ въ печи и проч.

77) Кленовыя листья являются подстилкою на зиму, ради чего они и собираются въ запасъ во время листопада. Но такая подстилка скорѣе нежелательна: по мѣстному повѣрью (Вымно и Котово, Вит. у.), съѣвшій пудъ клену изъ-подъ хлѣба обязательно умираетъ отъ чахотки. — Подстилка изъ зеленыхъ листьевъ аира сообщаетъ нижней коркѣ пріятный запахъ.

78) Наихудшіи „поскробышъ“ отдается коровамъ и овцамъ, часто съ предразсудочными цѣлями, какъ лѣкарство.

79) Сухымятка—сущ.—сухояденіе.

80) Буквальный переводъ: чтобы былъ послѣдышъ.

81) Катэлка—сущ.—хлѣбный шарикъ и, въ особенности, сверченный въ продольную палочку хлѣбный мякишъ;—глиняный при сѣти сквозной шарикъ, для огруженія нижней части ея.

82) Въ этомъ случаѣ предпочтительнѣе перебрасывается освященный хлѣбъ, или скромные кусочки его, нарочно берегаемые отъ пасхальнаго „святцоньго, блыговѣщиныи проскурки“ (просфоры, освящаемыя въ церквѣ 25 марта) и кусочки артоса.

83) Подпекаемый до легкаго горѣнья хлѣбный кусочекъ снѣшно подносится къ носу: острый дымокъ хлѣба дѣйствуетъ, какъ нашатырный спиртъ, и облегчаетъ насморкъ.

84) Чвартовка, вцы,—сущ.—разсѣченіе туши на части для соленья и вообще дробленіе мяса. Глаг.—чвыртываць—имѣетъ то же значеніе.—Въ этомъ, какъ и многихъ подобныхъ случаяхъ, имѣютъ живое мѣсто церк.-слав. флексіи (у руцѣ, при нозѣ), т. е. г переходитъ въ з, в—въ ц,—что авторъ приглашаетъ имѣть въ виду во всѣхъ мѣстахъ очерковъ.

85) Первые два кормовыя приготовленія состояются изъ разнообразной смѣси мякины, отрубей, овощныхъ очистковъ, провасившагося кушанья, или остатковъ его; смѣсь задабривается „поспый“—(въ Вит. у. и „посыпкый“ въ Город. у.) грубою мукою изъ „пызадкывыхъ зернитъ“. Телячій же кулешъ готовится исключительно изъ тонкой овсяной, или ячменной муки; онъ разводится молокомъ и составляетъ единственное неизмѣнное пойло уже десятидневнаго теленка.—Кромѣ наследственности, такое питанье теленка въ нѣжномъ возрастѣ помогаетъ измельчанью породы.

Въ широкихъ хозяйствахъ разносортныя высѣвки помѣщаются въ отдѣльныя складыща, откуда сподручнѣе брать ихъ на спеціальныя надобности.

86) Кисиль, сили,—сущ.—исключительно присущая квашнѣ кислота, взаимѣнъ дрождей, служащая къ окисленію и подходу тѣста.

87) Загресь печку—одинъ изъ множества идіотизмовъ—выражаетъ, дѣйствию загребанія жаркихъ угольевъ въ печурки.

88) Нѣжная кожица молодого картофеля отдѣляется такъ скоро и легко что это вызвало пословичное сравненіе: „якъ у бульби сеурка (у лѣтву—лѣтомъ)“.

89) При громадной, сравнительно, величинѣ печи, обязательно имѣющей въ лицевой сторонѣ „припечикъ“ (печной выступъ), такое разстояніе доходитъ до двухъ съ половиною аршинъ.

90) Ходячій терминъ, обозначающій наивысшую степень горѣнья дровъ въ печи, когда пламя буквально заливаетъ послѣднюю. Если то же видится во снѣ, нужно ожидать какой-нибудь особенной печали изъ дома, про который снилось (повсемѣстное повѣрье).

91) Цямѣй—прил.—внимательно присматривающійся, подмѣчающій что-нибудь; владѣющій вѣрнымъ зрѣніемъ.—Сущ.—цямкысь, сци,—глагол.—цямить, прицямливцыц—имѣютъ то же значеніе. Ходячій терминъ—браць, или ициць ныцямки—означаетъ: дѣлать наугадъ, напроломъ, итти напрямкѣ.

92) Заурядная примѣта въ с. Хвошнѣ и Войхани, Город. у.

93) Исчезнувшая нынѣ профессія волочебниковъ въ воспоминаемое время была еще довольно популярна. Обыкновенно общество небогатыхъ весельчаковъ, въ количествѣ лицъ 8—10, съ запѣвалой (пычинальникъ) и скрипачомъ (музыка) во главѣ, въ пасхальные дни обходили дома зажиточныхъ сельчанъ и пѣли подъ окнами спеціальныя волочебныя пѣсни, въ которыхъ всѣ угодили, наиболѣе чествуемые простолюдиномъ, призываются на помощь и къ благосостоянію дома (см. богатое собраніе этихъ пѣсенъ у г. Шейна „Бѣлор. п.“ 1874 г., стр. 75—119 и 453—456, а также и у г. Романова „Бѣлор. сборн.“ 1886 г., стр. 448—457).

94) Рыскырацица—глагол.—имѣтъ выдвинутыя въ стороны ноги, или придать имъ такой видъ временно. Поросенокъ за жаривается въ печи именно раскарякою и такимъ подается на столъ.

95) Окончаніе волочебной пѣсни, записанной мною въ Веляшковичахъ, Вит. у., 23 мар. 1863 г. (см. „Бѣлор. п.“ г. III. стр. 75—80). Мѣсторожденіе пѣсни с. Вымно, того же у.

96) См. „Пословицы рус. нар.“ Даля, изд. 1879 г., т. I, стр. 437 и дальнѣйшія.

97) Острое ядовитое словцо съ цѣлью уязвить, униженно оскорбить противника. Отъ этого сущ. есть производный глагол.—шпильчиць и шпилькываць—удерживающій тотъ же смыслъ.

98) Нечистоты, испражненія мышей и крысъ.

99) Приведенное присловье выражаетъ, съ одной стороны, легкую возможность перейти отъ стола къ постели (поль—нары), а съ другой—то прихоть и досужество, которыя позволяютъ отдыхъ и сонъ послѣ ѣды. Въ общемъ присловье скорѣе пронизываетъ на счетъ тѣхъ, кто поступаетъ такъ.

100) Слова изъ вѣщепскихъ пѣсенъ о ниспосланіи здоровья тому, кто сдѣлалъ забавъ „чициць спѣвъ“, въ житейскомъ употребленіи сдѣлавшіяся присловьемъ (с. Махирово, Пол. у.).

101) Тыпытня, — сущ. — хождение въ ограниченномъ пространствѣ, при производствѣ той, или другой работы.—Глаг.—тыпытаць—имѣеть то же, значеніе.

102) Вяць, привяць, прош. вр.—вявѣ, привявѣ,—глаг.—вянуть, провянуть. Мѣстное употребленіе этихъ словъ допускаеть относить ихъ къ твердымъ предметамъ, подвергшимся мочкѣ, какъ здѣсь, и къ одеждѣ, которая послѣ дождя „вяницъ“, т. е. отъ сушки дѣлается чуть влажною.

103) Чужь-чужанинъ,—сущ.—совершенно чужой, пришлый человѣкъ, не имѣющій родныхъ въ данной средѣ. Такими „чужиками“ оказываются всегда лица, вошедшія въ домъ по силѣ брачныхъ обязательствъ, по найму, или какъ бѣглецы крѣпостного времени.

104) Линька, линянье, какъ и другія происходящія отъ нихъ слова въ отношеніи къ человѣку выражаютъ: отоцаніе его, внѣшнее изнуреніе, слабость.

105) Относительно заговѣнья сложилось шуточное увѣреніе, что въ этотъ день нужно ѣсть столько разъ, сколько недѣль въ предстоящемъ посту (Вит. и Пол. у.). На самомъ дѣлѣ (с. Ловожь, Пол. у.) это скорѣе относится къ числу изготовляемыхъ „варь“ (варя—кушанье).

106) Упряжка, зыпряжка—промежутокъ рабочаго времени, предѣльными гранями котораго служатъ „запрогъ и отпрогъ“ лошади, вола (бычанка). Такихъ „упряжикъ“ три: а) отъ разсвѣта до „сниданна“, б) послѣ него—до обѣда и в) послѣ „полдника“—до солнечнаго заката. Хотя такое дѣленіе рабочаго времени всецѣло принадлежитъ пашенному дѣлу, однако же и при другихъ сельско-полевыхъ работахъ (косьба, уборка сѣна, жниво, возка хлѣба и сѣна, даже дровосѣкъ) время измѣряется „упряжками“.

107) Вары (иногда—вари) рызваривыць—почти злобное, насмѣшливое показаніе на бѣдность, при которой кухня бездѣйствуетъ, и хозяева пробавляются „хлускый да сухымяткый“.

108) Понятія: „ладныя часина и добрыя часина“—не тождественны, хотя оба слишкомъ относительныя. Въ болѣе опредѣленномъ переводѣ первое понятіе обозначаетъ время, потребное на проходъ 5—6 верстъ, а второе—вдвое большаго пути.

109) Слѣдуетъ признаться, что толочное пособничество, встати, не подлежащее оплатѣ, съуживается до „навозной толочкы“ только, и при другихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ очень рѣдко. „Навозницкы“ ѣдятъ во всѣ сробы въ хозяйскомъ домѣ, за тѣснотой его—въ сараѣ, на дворѣ, подъ открытымъ небомъ; остальныхъ видовъ толочане — на мѣстѣ работъ, кромѣ ужина.

110) Троху, трохи, трошку, трошки и крышки,—нар.—немного, немножко.

111) Ще сэрца,—въ знач. нар.—патошакъ.—Безъ гигиеническихъ указателей, на основаніи традиціонныхъ пріемовъ, простолюднѣ не выходитъ изъ дому иначе, какъ употребивъ глотка два хлѣба, а за несподручностью его—довольствуется столькими же глотками воды, кваса. Разумѣется, самое строгое „ще сэрца“ соблюдается во дни Св. Причащенія, пожилыми же лицами и женщинами—при обыкновенномъ отправленіи въ церковь.

112) Стацькомъ и устончку, нар.—въ стоячемъ положеніи. За тѣсно-тою, необходимостью часто отлучаться отъ стола, такъ ѣсть стряпуха, или ближайшая сотрудница ея, а также незначительный посѣтитель во время ѣды, на привѣтъ котораго отвѣчено хозяевами: „просимъ къ намъ!“

113) Люцкысь, сци и людянысь, сци,—сущ.—тѣ условные обычаи и обрядность, кои приняты вездѣ и нарушение которыхъ есть нарушение общественныхъ приличій, — что свидѣтельствуется о неблаговоспитанности.

114) Застольная соль, т. е. находящаяся въ солонкѣ, или замѣняющей ее посудинѣ, никогда не берется непосредственно рукою, а рукояткою ложки, просто ложкою, концомъ ножа; въ исключительномъ случаѣ солонка наклоняется къ избранному мѣсту, чтобы просыпать нужное количество соли. Будучи сдѣлано рукою, то же напонило бы Іуду-предателя („Юдаша“).

115) Пуцкь,—сущ.—тонкоструйный (путь) слѣдъ, оставляемый на столѣ и другомъ мѣстѣ во время ѣды жидкаго кушанья. Отъ этого сущ. слѣдуетъ отличать другое—пуцкь—означающее полнолицое и вообще полнотѣлое дитя.

116) Жидишъ, шу и гусцежъ, жу,—сущ. вполне понятныя.—Слѣдуетъ сказать, что оба слова имѣютъ единственное мѣсто въ „стравахъ“. Понятіе, напр., густоты въ другихъ случаяхъ, выражается иными словами: гусцеръ (обиліе сорной травы въ хлѣбѣ, густота хлѣба), гусцирва (заросль въ лѣсу, мелкая чаща).

117) Между понятіями—чавокъ и цмякъ—есть нѣкоторая разница, а именно: первый звукъ при ѣдѣ скорѣе похожъ на шумъ, а второй сходенъ съ незначительнымъ подобіемъ прищелкиванья.—Отъ приведенныхъ сущ. происходятъ глаголы: сербыць, чаввыць и цмякыць.

118) Выбачай и выбачь,—повел. форма—извини, не осуди, не поставь въ вину, по не—прости,—какое понятие значительно сильнѣе предыдущихъ.

119) Доно, на,—сущ.—собственно дно деревянной посуды. Наименьшее дно, изъ ведра и шайки, часто служитъ при столѣ для разрѣзыванья мяса и сала. То же имя получаетъ едва округленная дощечка, когда она служитъ для указанной надобности.

120) Подлива, вы,—сущ.—соусъ безъ примѣси муки, получившійся отъ смѣшенія жира съ водою, которая то выступила изъ мяса, то въ незна-

чительномъ количествѣ добавлялась къ жаркому, для періодической поливки. Впрочемъ, въ угоду семейному вкусу, стряпуха не преминетъ увеличить количественность „подливки“.

121) Капокъ, кыпка.—сущ.—отдѣльная капля кушанья, упавшая на столъ,—что значительно разнится отъ „пуцика“.

122) Жартъ, та,—сущ.—невинная шутка, не словомъ только, но и дѣломъ.—Прил.—жартовный; глаг.—жиртываць.

123) Мацюгъ, га и мыцюръщина, ны,—сущ.—рѣзкая брань, состоящая изъ т. наз. материнскихъ словъ. Сущ.—мыцюръщинникъ—тотъ, кто такъ бранится; глаг.—мыцюгаць; нар.—ны мыцюжную—когда дѣло дошло до этихъ бранныхъ словъ.

124) Польское слово—дѣлать крестное знаменіе на сторонній предметъ.

125) Куцыкъ, цка—сущ.—собств. собака и кличка собаки съ обкарнаннымъ хвостомъ, каковыя собаки довольно обычны въ селахъ. Чаще всего случается, что провинившейся собакѣ отрубають хвостъ сами хозяева; но есть и довольно дикій пріемъ для этого: хвостъ защемляется въ расколотую палку и съ теченіемъ времени отгниваетъ,—что дѣлають особенно неисправной собакѣ.

Кицка, цки,—сущ.—обычное названіе и кличка кошки.

126) Рыгъ, га и икъ, пка,—сущ.—отрыжка и иканье. Въ будничномъ употребленіи оба понятія часто смѣшиваются, по крайней мѣрѣ, второе замѣняется первымъ.—Отъ сущ.—рыги—слѣдуетъ отличать созвучное—реги—глубокій, раскатистый хохотъ.

127) Относительно этого слова, какъ и подобныхъ ему—ѣстыньки, ходыньки, гулиньки, спатыньки и проч.—слѣдуетъ сказать, что оно есть ласкательная форма глагола (повел. наел.), спустившаяся до склоненія, подобно имени сущ.—питыникъ, питынькыми и т. д.

128) Просонійка, ки,—сущ.—то состояніе, въ которомъ находится только что проснувшійся отъ дневного сна.—Замѣнь обыкновенныхъ словъ ласкательными формами ихъ составляетъ замѣчательную типичную особенность бѣлорусскаго говора.

129) Т. е. „голодень, какъ хортъ“. Здѣсь имѣется въ виду т. наз. поджаристость хорты (борзая собака), отсутствіе у него полного живота.

130) Криничная и узнорная вода—ключевая, родниковая вода. Въ житейскомъ употребленіи оба мѣсторожденія воды имѣють слѣдующее различіе: криница—родникъ, выходящій съ горнаго склона, узноръ—ключъ на плоскомъ днѣ рва и вообще низменности (Веляшковичская вол., Витеб. уѣзда).

131) Мочула, лы и мочулина, ны,—сущ.—естественный прудокъ, заросшій травой съ лознякомъ и удерживающій кое-какую воду. Такія водовмѣстилища во множествѣ попадаются тамъ, гдѣ преобладаетъ чернолѣсье, и достаточно извѣстны по Витеб. губ. подъ именемъ „мочулистыхъ мѣсть“.

132) Въ 35 в. отъ Витебска есть дер. Ушивка, по увѣренію тамошнихъ старожилковъ, получившая свое названіе отъ колодезныхъ „вошій“, невѣроятно наполняющихъ мѣстные колодцы. Такая же „вшивая вода“ встрѣчалась и въ сосѣднихъ деревняхъ (юго-вост. окраина Вит. губ.).

133) Вылавливанье жуковъ, какъ и неизбежное каждый разъ процѣживаніе воды приходилось видѣть близъ мѣст. Орѣховна, Леп. у., еще въ 1870—71 г.

134) Фраза, сдѣлавшаяся поговоркою. Бруда, ды,—сущ.—мутная нечистота, которая при устоѣ спадаетъ на дно.—Есть непоколебимая увѣренность (д. Вербель, Пол. у., 1868 г.), что вода окончательно, или надолго портится только тогда, когда въ ней загублена чья-нибудь (человѣческая—преимущественно) жизнь и что замучиванье воды скорѣе дистиллируетъ послѣднюю послѣ устоя.

135) Лѣпи, лѣши, ляпѣй, липяшѣй,—нар. кач.—лучше, пригоднѣе, сподручнѣе; красивѣе.

136) Дерць и дерци,—глагол.—драть. Въ приведенномъ присловьи понимается такое сильное дѣйствіе кваса, что расширятся глаза пьющаго.

137) Т. е. выливающейся чрезъ кранъ, которымъ на самомъ дѣлѣ бываетъ вставная деревянная трубочка съ затычкой въ концѣ. Изъ нижеслѣдующаго видно будетъ, что „круць“ этотъ называется еще гвоздемъ,—почему и самый квасъ извѣстенъ подъ терминомъ—„зъ-пыдъ гвезда“. Такии же именемъ обозначается быстрое тонкоструйное теченіе жидкости.

138) Т. е. гвоздь (трубочка) съ затычкою.

139) Туць, бу,—сущ.—питательное свойство пищевого предмета, но не жиръ, который называется „тлусомъ“.

140) Пылявка и пылявушка, би,—сущ.—дикая (полевая и лѣсная) яблоня и плодъ ея.—Падалицею называется каждое упавшее съ дерева яблоко. Слово это чаще понимается, какъ имя сущ. собирательное.

141) Домашнее пивовареніе приходилось видѣть въ Пухновѣ и Барановѣ, Велиж. у. зимою 1853—54 г.; спустя же 15 л. пришлось видѣть закрытіе пивоваренныхъ заводовъ въ с. Ловжѣ и м. Спротинѣ, Пол. уѣзда.

142) Марцовый, — прил. собственно, мартовский (мѣс. мартъ); въ отноше-
ніи къ данному пиву — выстоявшійся, старый напитокъ. Въ послѣднемъ
значеніи слово „марцовый“ прилагается къ устарѣлымъ женихамъ и не-
вѣстамъ.

143) Сыхари, ревъ, — сущ. — сахаръ. — Эти слова нищенской пѣсни, по-
рицающія роскошь, часто встрѣчаются въ излюбленномъ „лазарѣ“, при опи-
саніи довольства богача.

144) Париць грудки (согрѣть грудь внутри) — типичное обозначеніе
дѣйствія, при которомъ пьется и ѣтся что-нибудь горячее.

145) Могучимъ средствомъ для излѣченія желтухи считается слѣдую-
щее: въ горшокъ, по округлости не превышающій головы больного, кладутся
12 различныхъ желѣзныхъ предметовъ — замокъ, пробой, гвоздь, игла и проч. —
которые до топки печи наливается водой. Приставленный въ печь одновре-
менно съ подкладкою подъ дрова огня, горшокъ все время подъ накрывкою ос-
тается въ ней до опорожненія стряпныхъ горшковъ, — что приходится вечеромъ.
Уже тогда вынимается лѣкарственный горшокъ, и больной пьетъ изъ него
отваръ „нагбомъ“ — черезъ край (с. Борковичи, Др. у., и Ловожъ, Махирово,
Пол. у.).

146) Колька, ки, — сущ. — помѣстное колотье въ тѣлѣ, довольно обыден-
ное страданіе въ крестьянскомъ быту.

147) Почтеннымъ сборникомъ врачебныхъ средствъ слѣдуетъ почестъ
книжку „О врачебныхъ растеніяхъ, дико растущихъ въ Витебской губерніи“,
А. А. Антонова. Витебскъ, 1888 года (I — III, 1—42 стр.).

148) Забиць, зарѣзыць, зыдавиць муху — перенести или скромную по-
пойку, или же очень большую, но не среднюю.

149) Шулумейка, ки, — сущ. — собст. голова, когда о ней говорится при
кутежѣ.

150) Частное, нѣсколько совѣстливое. названіе попойки, или лучше —
„полосканья зубовъ“ въ понедѣльникъ 1-й нед. Вел. поста, который посему
называется „шилнымъ, шилывытымъ пынидѣлкымъ“. Попойка происходитъ
при ближайшей корчмѣ, но подъ открытымъ небомъ (д. Поддубье, Вит. у.
въ 1862 г.).

151) Кругъ такихъ данныхъ имѣетъ „Бѣлор. сбор.“ Е. Р. Романова,
вып. III, Вит. 1891 г., стр. 11, 13 и мн. др.

152) Мощный, — прил. отъ сущ. моца, цы — спиртуозная брѣдость, сила,
мощь, — что въ отношеніи къ человѣку указываетъ на нравственную, но не
физическую мощь послѣдняго.

153) Имбирный. — Сущ. — галгынь — имбирь.

154) Питейная мѣра, рюмка.

155) Зыживаць,—глаголю.—употреблять тотъ или другой продуктъ, какъ предметъ питанья, или какъ прихоть, по привычкѣ. Въ этомъ смыслѣ понимается, напр., употребленіе табаку.

156) Поднести рюмку ко рту и коснуться водки губами.

157) Привычка произносить компанейское привѣтствіе сказывается нерѣдко и тогда, когда то приходится дѣлать только одному товарищу (с. Ловожь, Пол. у., въ 1868 г.).

158) Примусъ, са,—сущ.—принужденіе въ хлѣбосольномъ дѣлѣ, настойчивое упрашиванье, составляющее необходимую принадлежность угощенія. При недостаткѣ его, гости потомъ отзываются такъ: „усего досыць було—и горѣлки, и ѣжи, али только примусу ни було“.—Глаголю.—примушаць—время-отъ-времени упрашивать гостей ѣсть и пить.

159) Т. е. настоящей, какая должна быть, или какая принята въ окрестномъ быту.

160) Пыливаный,—въ знач. прилаг.—покрытый глазурью, отъ сущ.—полива, вы,—имѣющаго значеніе собират. имени посуды съ глазурью.

161) Подъ этимъ именемъ извѣстна серія деревянныхъ издѣлій, сработанныхъ чрезъ выдалбливанье: лодки, корыта, кадки, ульи, миски, ковши и ложки. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ „долбежными“ издѣліями приходится считать тѣ издѣлія, кои выдолблены при помощи долота и ножа.

162) Подлинная „долбежная“ миска имѣется въ музеѣ при Витебск. стат. ком. (отд. V, № 90). Вѣсъ ея 1½ ф., діаметръ дна 3½ в., устья—5 в. и глубина 2 вер.

163) Сравнительно изящно выточенные, красиво расписанныя миски, тарелки и ложки, привозимыя на продажу изъ внутреннихъ губерній, въ простонародной средѣ не имѣли большого распространенія именно изъ-за того, что краска прикрывала сортъ дерева и дѣлала его „невѣдымымъ“, причемъ, не мало обезцѣнивало такую посуду распространенное мнѣніе, что въ составъ краски входитъ кошачій мозгъ... (юго-вост. окр. Вит. губ. въ 1850-хъ годахъ).

164) Збожже, жжа, ласкат.—збожжійка,—сущ.—зерновой хлѣбъ, по большей части, смѣшанный; тотъ же хлѣбъ—однородокъ называется „зернитымп“

165) Шуруваць.—глаголю.—при мойкѣ натирать предметъ пескомъ, хвощомъ, мочалкою.

166) Цавье, цывья, ласк.—цавейцо, ца,—сущ.—рукоять нѣкоторыхъ предметовъ: ложки, долбни, молотка, косы, цѣпа и проч.

167) Приблизительно точный типъ такихъ ложекъ имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 93).

168) Пярчовка, вки,—сущ.—перечница.

169) Подъ именемъ „прирадъ“ разумѣются вспомогательные при страпнѣ предметы. Впрочемъ, и многія другія работы имѣютъ свои отдѣльныя „прирады“.

170) У „цокуновъ“, живущихъ по сѣв.-восточ. окраинамъ Вит. губ. и (нѣсколько вглубь) прилегающихъ уѣздовъ—Витеб., Город., Нев.—такое произношеніе буквы ч довольно обычно; но приходится недоумѣвать, услышавъ произношеніе „цыгунъ“ въ Бѣломъ и Бононѣ, Пол. у.

171) Такое произношеніе слова—горшокъ—съ особенною выразительностью встрѣчается около Межева, Пол. у.

172) Горнуль, горнуликъ и гырнулсныкъ, гырнулешикъ—уменьш. назв. горшка, на самомъ дѣлѣ очень маленькаго.

173) За неимѣніемъ подходящихъ банокъ, сельскіе врачи-самородки пользуются маленькими горшками, которые и ставятъ больному вмѣсто банокъ,—какое дѣйствіе выражается приведеннымъ терминомъ.

174) Широченный, большенный, страшенный и под.—прилаг. въ прев. степени, хотя ту же степень выражаютъ формы на ущій—широчущій, большущій, страшущій и др.

175) Слова: подсосокъ и подсосъ рѣзко различаются между собою. Первое обозначаетъ потребителя (сосуна), а второе—мать его въ періодъ сосанья.

176) Отъ сущ.—шума, мы,—соръ, мелкая мякина, какъ то бываетъ въ крупѣ, п под. предметы, всплывающіе на поверхность горшка.

177) По внѣшнему подобію, тѣмъ же именемъ называется голова-стикъ.

178) Въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 92).

179) Тамъ же.

180) Уменьш. отъ ночвы—довольно изящное корыто съ двумя бортами по концамъ и съ постепеннымъ пониженіемъ отъ нихъ къ срединѣ,—что рѣзко отличаетъ „ночвы“ отъ корыта собственно, которое имѣетъ отрубные концы и прямыя стѣнки при нихъ.—Величина „ночивъ, ночевыкъ“ разнообразна: наибольшія изъ нихъ (для стирки платья) бываютъ выше полторы арш. въ длину и до 1 арш. въ ширину, при соотвѣтственной глубинѣ.

181) Отъ страпныхъ корытъ дов. рѣзко отличаются: водопойныя, корыта-лодки и для свиного корма; между прочимъ, они отличаются и другъ отъ друга: первое (длина свыше сажени) узко и имѣетъ на концахъ сквозныя ушки; второе (длиною до сажени) значительно шире, съ однимъ ушкомъ, послѣднее же разнится отъ страпного величиною (до 2 ар. въ длину и 12—14 верш. въ ширину).

182) Изъ всѣхъ предметовъ обиходности квашня не одолжается въ сторонній домъ. Зная это, при крутыхъ обстоятельствахъ, сельчане относятъ

свою муку въ домъ хозяевъ квашни, гдѣ и печется хлѣбъ стряпухою-хозяйкой.

183) Куфа, фы,—сущ.—исключительно 40-ведерная бочка. Половиной емкости бочку называютъ „повкуфый“.

184) Отъ такого „чирпла“, называемаго еще въ Вит. у. (с. Котово, Стасево) „чирпахый, чирпахый“, нужно отличать „рыбное чарпло“ (сачокъ), которое дѣлается изъ сѣти, рѣдкой ткани, корзины и рѣшета, для вылавливанья рыбы лѣтомъ въ ручейковыхъ „завыняхъ“, осенью—при мочкѣ льна и пеньки и зимою—когда бываетъ рыбный „дохъ и тохъ“ отъ недостатка воздуха подо льдомъ.

185) Слоиъ, слоика,—сущ. отъ „лой, лоя“—преимущественно внутренней жиръ (еще—доръ, ра) животного, зажаренный и тѣмъ приведенный въ жидкое состояніе.

186) Гырлачъ, ча,—сущ.—обыкновенное названіе молочной кринки, при которой нѣтъ ручки. Въмѣсто этого названія посудина носитъ имя „жбынка“, хотя на самомъ дѣлѣ такое имя должно принадлежать кувшину (см. ниже—п. 48).

187) Бирисчень, сня,—сущ.—общее имя посуды, обвитой берестю, и болѣе тѣсное—глинянаго горшка. Посему въ житейскомъ употребленіи можно встрѣтить „бирасневку, бирасценыкъ, бираснуликъ“ (уменьш. посудину).

188) Кырчага, ги,—сущ.—принимается въ бранномъ значеніи, наравнѣ съ сущ.—кырга (неуклюже согнутый предметъ).—Та же посудина, какъ и прототипъ ея—кринка, называется еще „кылбаномъ, кылбаникъмъ“ (въ Город. у.), хотя въ Вит. и Пол. у. это имя принадлежитъ исключительно кринкѣ, кстати, называемой еще „стывбукомъ“ (отъ сущ. столбъ) „стовбунікъмъ“.

189) Паекъ, пыйка (отъ сущ.—пай) принятая, хотя и несовсѣмъ точная, мѣра въ 8 гарнцевъ (см. „0 мѣрахъ и вѣсахъ въ Вит. губ.“ А. Сементовскаго, Витебскъ, 1874 г., стр. 8).

190) Обычное имя собирателей ягодъ, какъ „грибники“—собирателей грибовъ, „рыбники“—рыболововъ (с. Махирово, Пол. у.).

191) Высота „бойки“ доходитъ до арш. при діаметрѣ основанія въ 8 вер. и отверстія (крышки)—въ 4—6 вер.

192) Суды (воды и др. жидкостей), судовъ,—сущ. во мн. ч.—два ведра,—что принимается иногда за мѣрную единицу (въ Вит., Пол., Леп. и Др. у.).

193) Живоцина, ны, живоцинка, живоцининка, ки,—сущ.—названіе отдѣльнаго четвероногаго домашняго животного и полного состава такихъ животныхъ. На сей послѣдній случай дов. употребительно имя—„животы“

(Пухново, Промочево, Бѣлавино, Велиж. у.). Слова: „стачинина, стачининка и статьинь“ выражаютъ то же, хотя и болѣе обще—всѣхъ домашнихъ животныхъ.

194) Заурядный, размѣръ ковша слѣдующій: общая длина $5\frac{1}{2}$ вер. (ручка 2 в. и выдолбъ $2\frac{1}{2}$), ширина выдолба въ отверстіи $1\frac{1}{2}$ в., дна— $1\frac{1}{3}$ вер., при глубинѣ 1 вершка.

195) Сдѣланная изъ бляхи (жести).

196) Бутля, ли,—сущ.—бутыль вмѣстимостью свыше четверти ведра, но не менѣе этой мѣры.

197) „Сбѣгать за водкой“—обычный терминъ, выражающій такое положеніе, когда за водкой посылаютъ изъ дому, чтобы распить ее здѣсь, несмотря на то, что посланецъ (напр., старикъ, увѣчный) сдѣлаетъ это относительно медленно, а всадникъ—скорѣе пѣшаго.

198) Стаканныя грани и цвѣточныя полоски въ чашкахъ.

199) Кіекъ, кійка и пыпирашка, шки,—сущ.—путевая для вспоможенія палка, въ данномъ случаѣ то же, что извѣстный „посошокъ“.

200) Настоящая чарка—ковшичекъ хранится въ музеѣ при Витеб. стат. ком. (см. V, 91), а собраніе такихъ чарокъ (6 ковшичковыхъ) можно было видѣть у свящ. Старо-Сельск., Вит. у., церкви о. Станевскаго, въ 1860 г.

201) Приведенную пѣсню, пропѣтую во время одной и той же компанейской попойки „многи—многи разы“, приходилось слышать только въ 50-хъ годахъ въ Пухновѣ, Бѣлавинѣ, Барановѣ, Велижск. у., и въ д. Юдинѣ, Синякахъ, с. Котовѣ, Витеб. уѣзда.

202) Сверхъ подлиннаго значенія, обозначающаго финальную ѣду и питье, приведенный терминъ выражаетъ и конечное дѣло, заключительное слово о чемъ-нибудь. Терминъ употребленъ здѣсь въ послѣднемъ значеніи.

203) Подзолица, цы и подзолъ, ла,—сущ.—наихудшій сортъ земли, почва которой имѣетъ чистѣйшее сходство съ густою массою изъ золы. „Подзолица“ бываетъ то темнѣе, то свѣтлѣе, при чемъ она одинаково бесплодна и становится пахотною въ крайнемъ безземельи.—Прил.—подзолыстый и подзолый—имѣютъ то же значеніе.

204) Изюмомъ и миндалямъ.—Выраженіе: „хапаць мигдалы зъ неба“ осмѣиваетъ тѣхъ, кто полагается на несбыточныя надежды и вѣритъ, что желаемое придетъ, „кабъ манна“,—осмѣиваетъ хвастуновъ и привирающихъ.

205) Переработанное на мѣстный ладъ слово—пеклеванный, т. е. испеченный изъ смѣси т. наз. ситной и тонкой ржаной муки.—Сущ.—питлевба и глаг.—питлюваць выражаютъ дѣйствіе, при которомъ происходитъ мельничная обработка ржи для пеклеваннаго хлѣба.

206) Въ с. Хвошнѣ, Веречъи, Бескатовѣ, Болецкѣ, Войхани, Кошѣ, Город. у., и др. прилегающихъ къ нимъ мѣстахъ.

207) Налесникъ, ва,—сущ.—тонкій пшеничный блинъ, сложенный вчетверо (прямой уголъ), или ввосемь (острый уголъ), и потомъ слегка поджаренный на маслѣ, или салѣ.

208) Грибокъ, бка,—сущ.—общеизвѣстная драчена, тѣсто для которой готовится значительно гуще блиннаго, — на молокѣ и яйцахъ. Налитое на слегка теплую и подмазанную сковороду, драченное тѣсто ставится въ легкую печь, при окончаніи стряпни.

209) По большей части, „крипаны“ (начиненные) блины имѣютъ творожную съ жидкими яйцами начинку; такіе блины называются „сырниками“ хотя подъ этимъ именемъ вездѣ по Вит. Бѣл. извѣстно отдѣльное печенье, тѣсто котораго состоитъ главнымъ образомъ изъ прѣснаго творога, для вкуса и клейкости смѣшаннаго съ яйцами и мукою. Изъ густого тѣста дѣлаются „сырники“—или толстыя, круглыя (діам. $1\frac{1}{2}$ вер.), или ромбоидальныя лепешки, съ насѣчками наверху, и потомъ зажариваются въ маслѣ на сковородѣ.

210) Колдуны, новъ,—сущ.—извѣстное польское кушанье, состоящее изъ мясныхъ шариковъ (но величинѣ орѣха), изъ коихъ каждый номѣщенъ въ тонкое пшеничное тѣсто; по изготовленіи, „колдуны“ отвариваются и заливаются масломъ. Существуетъ шуточное увѣреніе, что „ковдуны треба ѣсця по копѣ“ (копа—60 штукъ).

211) Подъ именемъ „ныдиваныхъ, ныдиваникывъ“ разумѣются всѣ фаршированныя изготовленія.

212) При описаніи латышскихъ кушаній („Историч. свѣд. о Бѣлор.“, М. Безъ-Корниловича, Спб. 1855 г., стр. 263, „Сборн. въ память перв. русск. стат. съѣзда“, А. Сементовскаго, Спб. 1872 г., стр. 338, „Народы Россіи“ (этнограф. очерки), Спб. 1880 г., оч. VI, и „Витебская губернія“, вып. I, Витеб. 1890 г., стр. 293) о „путрѣ“ кратко упоминается только въ послѣдней кн. А между тѣмъ это кушанье у богача и бѣдняка (у послѣдняго—единственное теплое изо дня-въ-день)—есть чуть ли не племенное, весьма тишичное кушанье, и существенную основу его составляетъ проквашенные, доведенные до броженія молочные и хлѣбные остатки. Въ убогомъ случаѣ „путра“ потребляется сырымъ, какъ жидкое кушанье; обыкновенно же основа переваривается съ дополненіемъ муки, крупы, картофеля, другихъ овощей, изрѣдка—стручковыхъ плодовъ, мяса, сала, или рыбы, по большей части: селедки. Въ готовомъ видѣ „путра“ есть продуктъ совмѣстной варки почти всѣхъ перечисленныхъ предметовъ; она бываетъ жидкою и густою, потребляется какъ супъ и каша, или намазывается на хлѣбъ, какъ „булага“ и солодуха у Бѣлор.—На цѣлдневныя надобности семьи „путра“ готовится въ объемахъ

стомъ котлѣ, который время-отъ-времени подогревается, при чемъ, сгустившаяся кушанье, по мѣрѣ надобности, разбавляется основою, или теплою водою.

213) По увѣренію очевидцевъ, латыши не придерживаются опредѣленныхъ сроковъ ѣды: кто хочетъ ѣсть, тотъ подходитъ къ котлу и накладываетъ въ миску столько „пугры“, сколько можетъ съѣсть. Разумѣется, что въ будни это исключаетъ всякую возможность группироваться всей семьѣ за обѣденнымъ столомъ, что такъ обычно у коренного простонародья.

214) Это можно отчасти встрѣтить въ близлежащихъ мѣстахъ къ недавнимъ сравнительно латышскимъ поселкамъ (въ Королевской, Веляшбовской и Вымнянской вол.); но то же встрѣчалось еще въ 1880 г. у железнодорожныхъ служителей (будочниковъ) по дв.-вит. ж. д.

215) Старожилы и современные жители Витебска не могутъ забыть, что это происходитъ на Юрьевой горкѣ (23 апр.), близъ Марь. монаст. (9 мая и въ Духовъ день), въ Залучесьи (23 мая), близъ Св.-Дух. цер. (въ Вознес. и Троиц. день).

216) Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ довольно изящныя издѣлія изъ мѣстной глины готовились при Борковичскомъ (Дрис. у.) имѣніи г-жи Залютинской, и типичною особенностью ихъ была черная глазурь снаружи и внутри.

217) Незабвенный Н. Д. Н., бывший свящ. (съ 7 мар. 1860 по 9 нояб. 1864 г.) въ м. Придруйска, Др. у., рассказывалъ, что по случаю освященія дома, на одномъ крестьянскомъ обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ и рассказчикъ, въ такой именно новой посудинѣ предложенъ былъ гостямъ „сцюдинь“... Многочисленные рассказы о появленіи на столѣ спальной посуды, будто бы забытой ночевавшимъ въ домѣ офицеромъ, „коморникомъ“ (землемѣромъ), или „панами“, слѣдуетъ считать скорѣе анекдотическими сказаніями насчетъ простака-землячка...

218) Половина поджаренной винной ягоды даетъ такой крѣпкій чаеподобный настой, что его достаточно бываетъ тремъ-четыремъ чаенійцамъ. Этотъ чай фигурировалъ въ с. Ловжѣ, Пол. у., въ 1868—69 гг.

219) Пыха, хи, — сущ. — показное щегольство, желаніе стать выше обычнаго положенія. Терминъ — „бращъ на пыхи“ — выражаетъ такое именно желаніе.

220) Последнее почему-то понравилось простолюдину при первомъ же ознакомленіи съ чаепитіемъ. Въ текущее время водку замѣняютъ „сливки отъ бѣшеной коровы“ (наливка, ромъ, коньякъ),

221) Анкарыкъ, рка, — сущ. — анкерокъ, небольшой винный боченокъ. По Академическому „Слов. рус. яз.“, изд. 1891 г., ст. 48, вмѣстимостъ ан-

берка опредѣляется $2\frac{3}{4}$ — $3\frac{1}{4}$ ведра; мѣстный же „анбарыкъ“ содержитъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра.

222) Сипуха, сипучка, сипучій, сипѣць—переработанныя на мѣстный ладъ слова отъ—шипѣть, шипѣнье. Въ житейскомъ употребленіи эти слова имѣютъ различное значеніе: такъ, „сипухый“ назыв. иногда женщина, по органическому строенію; „сипучый“—шипящій напитокъ и змѣя, гнѣвная женщина, охриплость (чаще—сипѣа); что же касается глагола, то его употребленіе разнообразно и причудливо: „змія-свѣрова сипиць“, простудившійся „сипиць“, сырыя „дровы сипяць“ въ печи и проч.

223) Т. е. чтобы при приѣмѣ внутрь водка была пріятна и чтобы питье ея сказалося желаннымъ хмелькомъ, опьяненіемъ.

224) По завѣренію С. Я. К., уроженца с. Вѣтрина, Леп. у., такое привѣтствіе при попойкахъ употребляется окрестною б. шляхтою; но то же привѣтствіе приходилось слышать въ пограничномъ м. Ліознѣ, Могил. губ., дѣломъ 1889 г. при крестьянской попойкѣ.

225) Чукыцца,—глагол.,—сравнительно недавно вошедшій въ употребленіе и переработанный изъ слова—чокаться.

226) Оба слова есть имена собират. и выражаютъ бругъ одеждъ и обуви. Здѣсь они употреблены въ имен. пад. един. ч., при чемъ неударяемое е перешло въ я (см. примѣч. 11); но такое же произношеніе и начертаніе остается за этими словами и въ им. п. множ. числа.

227) Житейское пониманіе этой пословицы таково: когда бы не заботы о пищѣ и одеждѣ, такъ бездѣйствующій человекъ изнемогъ (оболѣлъ) бы отъ лежанья.—Данное г. Носовичемъ („Словарь Бѣлор. нар.“) объясненіе слова—опригацца—значительно расходится съ помѣстнымъ (юго-вост. часть Вит. губ.), гдѣ оно, принимая укоризненно-бранный смыслъ, выражаетъ такое животное удовлетвореніе пищею, питьемъ и сномъ, которое можно приравнять къ положенію откармливаемого, напр., борова, который иногда не переживаетъ выкорма и оболѣваетъ.

228) Кромѣ сдѣланнаго въ текстѣ объясненія слова—приборы—оно понимается, какъ дорожный сборъ, или домашняя укладка, размѣщеніе предметовъ. Житейское пониманіе пословицы допускаетъ считать „приборами“ и послѣднее.

229) Слово—хула—въ значеніи хвалы имѣетъ единственное мѣсто лишь въ этомъ возгласѣ.

230) Авторъ приглашаетъ имѣть въ виду ограниченный въ предисловіи періодъ времени.

231) Бяштоникъ, или бизпортошникъ—небрежно употребляемое имя мальчишка, пока тотъ не носитъ портковъ. „Бизпортошныя кыманда“—назва-

ніе общества такихъ же дѣтей, гдѣ не выдѣляются и маленькія дѣвочки, не носящія юбокъ.

232) Паликъ, пылика, —сущ.—подмышечная нашивка въ сорочкѣ, принимающая видъ паллицы (изъ числа свящ. облаченій).

233) Помимо житейскаго употребленія чистый типъ такой сорочки имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 73), а „кывняровки“ — V, 9.

234) Такое названіе принадлежитъ ткани, когда, при условной длинѣ она удерживаетъ при сшивѣ свою точную ширину. Въмѣсто выраженія—„четыре полотнища“ въ Вит. и Пол. у. дов. часто можно услышать—„четыре полы“.

235) Кишень, ня, —сущ.—карманъ; ласк.—кишанеѣ и кишеникъ.—Отъ этого слова получаетъ названіе одежда съ карманами—„кишаневья одежда“.

236) Весьма точный типъ такихъ портковъ имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 70).

237) Гузенне, ня, —сущ.—нижняя часть портковъ на задней сторонѣ, гдѣ подъ углами сходится нѣсколько швовъ. Происходя отъ сущ. гузка, это слово не имѣетъ родства съ мѣстнымъ сущ.—гузь, за—желвакъ, затвердѣлый наростъ на лбу и головѣ (природный и отъ ушиба).

238) Суроцы, цывъ (еще: уроки, бывъ), —сущ.—такое воздѣйствіе челоуѣка на одушевл. предметъ и даже дѣйствіе предмета, отъ котораго послѣдній подвергается заболѣванію, или же дѣйствіе идетъ на пагубу („на сцертья“),—что происходитъ отъ особеннаго сѣлада „сурочника“ и магнетическаго вліянія его глазъ (Распространенное повѣрье по Вит. Бѣлор.).—Прил.—сурочный, урочный (уреченный) и глаг.—сурочиць, урочиць—имѣютъ то же значеніе.

239) Офяра, ры, сущ.—всякій предметъ, жертвуемый по обѣту, какъ и обѣщаніе по религіознымъ побужденіямъ итти на богомолье, положить извѣстное число поклоновъ, пройти разстояніе на обнаженныхъ колѣняхъ и проч. Отсюда происходитъ глаг.—офируваць, вацца.—прил.—офярный, офяровый.

240) Такія „разини, разиньки“ бываютъ въ нѣсколькихъ случаяхъ: такъ этимъ именемъ называется узкое отверстіе ворота, обнажающее грудь полосою,—промежутокъ между платкомъ на шеѣ и рубашкой,—недостаточно стянутыя снуркомъ голенища башмаковъ,—наконецъ, полосныя дырья на бѣльѣ, чрезъ которыя обнажается тѣло (Черница и Оболь, Пол. у).—Точный „кывняровый носовъ“ можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 63).

241) Одѣванье балахонной одежды „булькомъ, или пукымъ“, т. е. мѣшковатымъ положеніемъ ея на тѣлѣ, зависитъ отъ побря и не всегдашняго опоясыванья „сподкывъ“.

242) Есть шуточное увѣреніе (Вѣтрино, Леп. у., и Межево, Пол. у.), что „черная сермяга“ подарена только шляхтѣ и что мужикъ можетъ приближаться къ этому цвѣту одежды, но не смѣетъ носить ея...

243) При сомнительной погодѣ, ради большей теплоты, а также и для показанія достатка въ одеждѣ, на шубу надѣвается сермяга, — изрѣдка — балахонъ. — Въ описываемое время обязательно одѣвались такъ брачушіеся, даже лѣтомъ, при чемъ, не въ примѣръ зимнему одѣванью, шуба и сермяга не опоясывались, а послѣдняя бывала распашною.

244) Отъ сущ. — кожухъ, кыжушокъ. Въ уничиж. смыслѣ принимается, какъ сущ. жен. рода.

245) Польское названіе вязаныхъ перчатокъ.

246) Испотка, испоччина, испоччинка и испоччининка — обычное имя рукавицы въ прямомъ и ласкат. значеніи.

247) Это можетъ показаться преувеличеннымъ („обловуха“ въ музеѣ при Вит. ст. ком. вѣситъ только фунтъ); но у нищихъ, нижнихъ полицейскихъ чиновъ (сельск. десятскіе), лѣсныхъ сторожей и др. „обловуха“ съ поклажею въ ней (деньги, курительныя принадлежности, порохъ, дробь) доходила до такого именно вѣса.

248) Нябощикъ, ка, — сущ. — (небожитель) умершій, но не погребенный человекъ. Ображаць (исполнить обрядность) — омыть, одѣть, прибрать покойника (см. вын. 25). — Объ этомъ подробно сказано мною въ сборн. П. В. Шейна („Матеріалы“, т. I, ч. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 507—517).

249) Шуметникъ, ка, сущ. отъ словъ — „шума, шумецца, шмяцце“ (соръ) — мусорная куча, мѣсто для выброса сора.

250) Подлинную рубашку описаннаго типа, между прочимъ, можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 61).

251) Пудмуровка, вки, — сущ. — собственно фундаментная часть зданія, какъ каменная и оштукатуренная, рѣзко отличающаяся отъ деревяннаго корпуса. Въ отношеніи къ рубашкѣ слово „пудмуровка“ имѣетъ полунасмѣшливое значеніе, хотя (с. Махирово, Пол. у.) оно и производится отъ „бабиго муру“ — извѣстныхъ періодическихъ нечистотъ.

252) Подлинную „сподницу“ такого построенія можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 62).

253) Между перечисленными узорными тканями есть большая разница: ткань „у мачинки“, неизбежно тонкая, имѣетъ правильно размѣщенные крапины, на самомъ дѣлѣ сходныя съ зерномъ мака; — „у клятушки“ (кляточка) — тѣ же правильныя кляточки; — „у кукушки“ — мелкіе узоры, оконеч-

ность которыхъ, какъ и цвѣтъ, напоминаетъ округлую оконечность пера кукушки;—„у ялушки“ (елочки)—имѣетъ размѣщеніе линій, напоминающихъ размѣщеніе еловыхъ листковъ на вѣткѣ.

254) Онъ же—„андыракъ“, между прочимъ, вошедшій въ слѣдующую пословицу: „якъ у церкву, якъ у быбакъ—усе одинъ андыракъ (или—андракъ). Сравнительно точный „дрылпкъ-андыракъ“ можно видѣть въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 85).

255) Ялывица, яловка—нестельная корова; сущ.—ялывиччина—мясо такой коровы.

256) Поется повсемѣстно и осмѣиваетъ безразсудное мотовство щеголихъ.

257) Коптуръ, ра,—сущ.—шапка съ приподнятыми вверхъ наушниками и надшейникомъ,—что дѣлаетъ ее значительно шире, полнѣе. Это послѣднее и выражаетъ полноту, ширь, которую сообщаетъ головѣ повязка.—Отъ этого слова нужно отличать другое—„коптырь“—такую полноту, которая превысила мѣру (верхъ въ мѣрѣ сыпучихъ тѣлъ, или то же при накладкѣ предметовъ въ корзину, горшокъ, кадку, фартукъ, подолъ).

258) Бахроцца, цци,—сущ. въ значеніи имени собир.—бахрома, тесьма съ махрами.

259) Къ сожалѣнію, многія добрыя стороны жизни старообрядцевъ (трудолюбіе, опрятность, трезвость, привязанность къ національной одеждѣ и др.) не прививаются къ жизни „полячка“,—о чемъ достаточно сказано мною въ статьѣ о хозяйскихъ пособникахъ („Этн. Обзор.“ XVІІ кн., стр. 135—138).

260) При спѣшныхъ, короткихъ „пыбгущкыхъ“, шуба, сермяга и балахонъ только накидываются на плечи, но такъ, что спинка и рукава спускаются назадъ и висятъ, остальная же часть одежды держится на плечахъ талией,—какового ношенья одежды мужчины не допускаютъ.

261) Табая витушка есть только половинная сторона веревки и, предоставленная себѣ, легко можетъ развертѣться. Какъ изловчатся сплести лапотъ изъ витушекъ—составляетъ особое умѣнье и сноровку мастеровъ. Плетенье изъ полныхъ веревокъ не такъ трудно, зато вызываетъ болѣе продолжительную работу, именно—приготовленіе веревокъ.

262) Мотушка, шки, и мотокъ, тка,—сущ.—связка кольцеобразныхъ предметовъ, нанизанныхъ на повязь, и прядь нитокъ на мотовилѣ, или снятая съ него, но пока-что неразрѣзанная.

Кора молодого липняка, хотя и снимается полосой, но послѣдняя при сушкѣ свертывается въ трубочку и подъ именемъ „трубыкъ“ поступаетъ въ продажу.

Всѣ перечисленные предметы съ лутьемъ (молодой липнякъ) включительно въ изобиліи поставлялись на четверговые базары въ м. Ліознѣ, Мог. г., и привлекали многочисленныхъ покупателей изъ деревень Вит. у., верстѣ за 20 и болѣе отъ мѣстечка, особенно въ Вознесенье и „девятникъ“.

263) Кывярзни, невѣ, —сущ. отъ гл.—кывирзаць—ковырять, дѣлать подкладку послѣ предварительнаго подковыриванья, какъ это и бываетъ при изготовленіи лаптей вообще.

264) Быковикъ и быковица—отъ сущ. бобѣ—боковая сторона лаптя, низкаго башмака, изрѣдка—боковая сторона верхней одежды;—дымовое отверстіе въ печи, стѣнѣ, которое чаще (въ Вит. у.) называется „бобовый“.

265) Отъ гл. пыдвираць—подплетать, подшивать,—что исключительно относится къ укрѣпленію подошвы лаптя.

266) Мулицъ и мулицъ,—глаголъ—тереть, беспокоить, мозолить. Сущ.—муль, нар.—мулко употребляются въ томъ же значеніи.

267) Кыляный,—прил. отъ сущ. колъ—твердый (не каменный, не металлическій), прямостоящій предметъ, какъ, напр., замороженная мокрая тряпка, руки, уши, остывшій трупъ человѣка и животнаго. Сущ.—кылянысь, сци, ласк. прил.—кыляничькѣй, глаголъ—кыляницъ, нар.—кыляно—имѣютъ то же значеніе.—Кыляны валицы—туго свойлочные валенки.

268) Шипуваль (собств.—шаповаль),—сущ.—войлочникъ, валильщикъ, онъ же—в шерстобить.

269) Рантовое шитье обуви, возобновившееся въ самое послѣднее время, есть такое, когда подошва имѣетъ выступы, т. е. края не пристають плотно къ верхней кожѣ. Въ воспоминаемое время рантовое шитье имѣло ту особенность, что верхъ только пришивался дратвою къ подошвѣ, въ нижней сторонѣ которой дѣлался для этого мелкій надрѣзь, скрывавшій строчку.

270) Подборы—каблуки изъ божаныхъ обрѣзковъ.

271) Такъ назывались типичные сапоги, въ готовомъ видѣ доставлявшіеся на мѣстныя ярмарки и въ сапожныя лавки изъ Остап. у., Тв. г., но то же имя носили единственные тогда рыболовы (исключит. зимою), выходцы изъ Остапк. у.

272) Сколько помнится, шарфы стали вытѣснять шейные платки и косынки около 1860 г. и, какъ водится, сперва появились въ городахъ, а потомъ пробрались и въ деревни, гдѣ и задержались до нашихъ дней.

273) Повсемѣстное названіе трубки, чубука и крючковой въ полтора вер. проволоки. Трубка и „чисцикъ“ всегда бываютъ привязаны къ чубуку то узенькими ремешками, то снурочками.

274) Бирьки—плашечки вершковой длины изъ расколотыхъ чурокъ, не превышавшихъ толщины мизинца. При игрѣ „у бирьки“ такихъ плашечекъ должно быть 6: онѣ подбрасываются вверхъ съ руки, и отъ паденья то обруглою, то плоскою стороною четнаго или нечетнаго числа ихъ зависитъ условный выигрышъ и проигрышъ (въ юго-восточ. окраинѣ Вит. у.).

„Тронки“—глиняные, или оловяные шарики величиною, едва превышающую ружейную круглую пулю.

Въ свою очередь „тронки“ бросаются съ руки въ заранее высверленную каблукѣмъ въ землѣ ямочку, имѣющую по ту и другую сторону поперечные ровики (какъ улечься пальцу). Отъ числа упавшихъ въ ямочку „тронкѣ“, чета и нечета ихъ, зависитъ условный выигрышъ и проигрышъ. Къ сказанному остается прибавить, что игра „у тронки“ спорадична: случается, что въ срединѣ между 30-ти-верстными игорными пунктами не имѣютъ даже понятія „о тронкахъ“.

275) Чипурица, прчипурица, — глаг.—пріодѣться по-шегольски, убрать платье понаряднѣе.—Въ 60-хъ годахъ въ Веляшков. в., Вит. у., была крестьянская семья Чипурныхъ, Чипурненковъ.

276) На дѣтскомъ языкѣ—„ляля, лялька, лялинька“—есть имя маленькаго дитяти и названіе куклы, какъ подобія его. Отъ этого слова отличается дѣтское названіе игрушки—„цаца, цацка, цацынька, цацулька“.

277) Женскія серьги бываютъ: гладкія колечки и „подвѣски“; подѣ послѣдними собственно разумѣются такія, гдѣ къ гладкимъ колечкамъ привѣшены другія, съ камнями къ нимъ, или съ ажурною, рѣзною разрисовкой, шариками, бистями и проч. Но тѣмъ же именемъ „подвѣсы“ называются и гладкія серьги, если въ ободокъ вправленъ какой-либо камень, правильнѣе—цвѣтное стеклышко.

278) Шахва, хвы,—ласк.—шахвычка—у мелочныхъ торговцевъ небольшою шкафикъ, двѣ створчатыя дверки котораго, какъ и остальной корпусъ, имѣютъ множество отдѣленій для укладки мелочнаго товара. Типъ „шахвы“ остался неизмѣннымъ до нашихъ дней: она и теперь еще торчитъ на скамейкѣ, то на базарѣ, то при т. наз. „погребкахъ“.

279) Послѣднее названіе приходилось слышать въ Горковской вол., Гор. у., гдѣ оно встрѣчается и въ пѣснѣ объ Акулинкѣ:

„Акулинка къ обѣднишла,
Пихцель пироговъ нисла...“

(См. „Этн. Обзор.“ кн. XVII, стр. 128).

Тѣмъ же именемъ называется и плетеный, на подобіе сѣти, изъ веревочекъ, дорожный мѣшокъ для сѣна.

280) Чистый типъ такого кошеля, кстати, довольно древняго, имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком. (см. V, 60).

ей, поросать, козь, кроликовъ, или о драньѣ перьевъ въ подушки). Но—
нуць, скубануць, даць скубку—означаетъ: щипнуть кого, дернуть за во-
, бороду, уши и носъ.

306) Естественно ожидать, что пеньковыя нитки, какъ наиболѣе крѣп-
могутъ быть швейными. На самомъ дѣлѣ онѣ бываютъ таковыми въ
ьно ограниченныхъ случаяхъ: пенька труднѣе „волоконитца“, для умяг-
требуетъ продолжительной работы, а это такъ неудобно при массѣ дру-
женскихъ работъ.

307) Трусъ, са,—сущ.—кроликъ.

308) Кудла, длы,—сущ.—названіе длинношерстной, кудрявой собаки,
о можетъ быть пудель, и названіе длинныхъ, вселокоченныхъ волосъ,
пряди ихъ на головѣ человѣка; болтунъ у человѣка и собаки.—
нар.—будлатый, кудластый, гл.—кудлачиць—происходятъ отъ этого
а.

309) Гидысь, сци,—сущ.—противность, чувство отвращенія, поселяемое
метомъ, или состояніемъ его. Отъ этого сущ. происходятъ слова: прил.—
ий, глг.—гидиць, гидицца, нар.—гидко. Въ родствѣ съ этимъ словомъ
итъ и даже замѣняетъ его сущ.—брыдысь, сци,—хотя такое понятіе
ажаетъ меньшую степень приторности.

310) Такіе страдальцы прибѣгаютъ иногда къ слишкомъ крупнымъ
ствамъ, между которыми бываетъ пересыпка пальцевъ нюхательнымъ
комъ,—что доводитъ до рвоты. Болѣе мирными средствами считаются:
шокъ плавуна („диразы“), „чирьвяточина“ (древесныя гнилушки, по-
комъ которыхъ пересыпаютъ прѣющія мѣста у пеленаемыхъ дѣтей) и, въ
ности, „вовчинныя тыбака“ (въ юго вост. окраинѣ), или „пукывка“ (с.
шно, Город. у.)—порошокъ мутно-коричневаго цвѣта отъ созрѣвшаго ша-
разнаго грибка, обильно попадающагося въ лѣсу, на поляхъ, лугахъ и
дорогахъ.

311) „Зычинаць вирцяно“, чаще—„зычинаць ручайку“—слишкомъ
тннй въ прядильной работѣ терминъ, какъ и другой—„скынчаць вир-
р, ручайку“, которымъ обозначается конецъ прядива на отдѣльномъ
тенѣ.

312) Защевкъ, вка,—сущ.—петля на остромъ концѣ веретена, дѣлаемая
кончаніи навивки выпряденнаго конца. Обыкновенно „защевка“ бываетъ
варною; но при пряденьи „кужиля“, сученьи нитокъ, дѣлаются двѣ
и.

313) Въ различныхъ мѣстахъ юго-вост. окраины и въ Добеѣ, Ловжѣ,
скомъ, Оболи и Махировѣ, Пол. у.

314) Названіе „рогуль“ имѣютъ многіе предметы (сѣнныя вилы, на-
вилы безъ желѣзныхъ наконечниковъ, вилочки для плетенья поя-
рючекъ для витья веревокъ, стародавняя рыболовная снасть и др.), у

которыхъ есть кое-какое сходство съ рогами животнаго, но сколько тѣ гармонируютъ со всѣмъ корпусомъ его.

315) Госцины, нъ,—сущ.—гощенье. которое отбывается въ два срока: отъ начала октября до заговѣнья (14 нояб.) и отъ рожд. святокъ до масленицы; на Свѣтлой недѣлѣ „госцины“ не составляютъ за бездорожьемъ, въ послѣдующее время весны, лѣта и начала осени—изъ-за неустанной работы; „толока“ въ Петровки (исключит. навозная) является единственными „госцинами“ за это время, и загрязнившіеся „навознички“ называются не иначе, какъ „госциными любимыми“.

316) До-свицця,—сущ.—предразсвѣтное время, началомъ котораго считается такая, или иная дѣятельность проснувагося человѣка. Смотря по времени просыпленія, „до-свицця“ бываетъ „ладная“ (продолжительное), „трошичная“ (короткое) и „туды-й-сюды“ (средней продолжительности).

317) Вохъ-крохъ,—сущ., склоняемое совмѣстно--оханье и кряхтѣнье недужныхъ.

318) По увѣренію училищной стряпухи въ Ловжѣ, Пол. у., жительницы д. Заборья, Ловож. вол., „тая баба ницуянна, што ня возитца ны маслинну зъ горы ны пралицы: стопщія хыжайка бизутмѣино проѣдницъ раздругей ны пралици, а тоды ужу ци ны лядни, ци ны санехъ, бо чимъ дядячѣй ина проѣдницъ, дыгъ довжѣй будиць лень у прибудищія лѣто“ (зап. 19 янв. 1870 г.). Къ этому остается прибавить, что въ 50-хъ годахъ катанье съ горы возрастныхъ практиковалось на масленицѣ, какъ нѣчто обязательное каталась на ледянкахъ, подходящей доскѣ, салазкахъ, дѣтскихъ санкахъ и настоящихъ саняхъ, но безъ запряжки лошадей (окрестности с. Вымна, Вит. у.).

319) Чистая стѣна есть противоположная печи и нарамъ. Такое названіе стѣна получаетъ отъ двухъ оконъ, обязательно имѣющихся въ ней, и отъ большей сравнительно чисторядности: на нее не вѣшается одежда и „ванзѣлки“, а только ручникъ и шапки; въ остальномъ „чистая стѣна“ такъ же грязна, закоптѣла, какъ и другія.

320) Сущ.—праха, снуваха, тѣаха—есть имена одной и той же труженицы, одного лица, но при различной работѣ съ ниткою (швея называется „швахый“).

321) „Стѣной“ въ данномъ случаѣ называется разстояніе отъ „кутняго“ до „порожнаго“ колышка,—что слишкомъ условно и зависитъ отъ длины стѣнныхъ бревенъ.

322) Пасмо, сма,—сущ.—соединеніе условнаго числа нитокъ; незначительное число послѣднихъ даетъ „пасмычко, пасымко.“

323) Довольно общее по Впт. г. и за предѣлами ея (въ пограничныхъ мѣстахъ Могил. и Смол. г.) повѣрье, обязывающее управляться съ основою въ одинъ день.

281) Эта головка и даже сама палка называется „былдовней, былдовешкый, пыбовешкый“ (въ юго-вост. окраинѣ).

282) Сховъ. ва,—сущ.—дѣйствіе приберегающаго, прячущаго; какъ и самый предметъ, подлежащій припрятыванью. Отъ этого слова рѣзко отличаются слова: „поховъ, поховный, пухуваць“, относящіяся къ погребенію покойника.

283) Предѣльною мѣрою „кубла“ приходится считать 20-ведерную, примѣрно, вмѣстимость.

284) Болѣе подробное описаніе этого сдѣлано мною въ „Матер.“ П. В. Шейна, т. I, ч. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 47.

285) Нижнія нары вдоль стѣны, начинающіяся отъ лѣвой стороны печи.

286) Сцирка, реи,—сущ.—имѣетъ два значенія: тряпка для стиранія стола, вытиранія посуды, и мытье бѣлья дома, каковое дѣйствіе внѣ дома называется „полосканьемъ“.

287) Т. е. за вѣшними углами избы и другихъ строеній, каковыя мѣста, за исключеніемъ „краснаго угла“ (гдѣ внутри помѣщены иконы), считаются непотребными и всегда грязны. Выраженіе—„слыняца пы за-вголли“—между прочимъ, обозначаетъ такое житейское положеніе, когда человѣкъ принужденъ бываетъ вѣдаться только съ отрицательными сторонами жизни.

288) Лапикъ, ка,—сущ.—заплата въ одеждѣ и обуви. Отъ глаг. „лапичь“ (иногда значитъ обнимать, отъ сущ.—лапа—рука) происходитъ прич. „лаплиный“, которое въ приложеніи къ лошади значитъ пѣгую („стракатыю“) лошадь.

289) Пушка, шки,—сущ.—высокая (6 вер. вышиною и 3—4 вер. въ діаметрѣ) кубышка то деревянная, точеная, то жестяная, то берестовая.

290) Искателямъ археологическихъ и др. предметовъ древности смѣло можно рекомендовать обращеніе къ такимъ складамъ, присовокупляя, что доступъ къ нимъ довольно труденъ, и что настоящіе хозяева не понимаютъ цѣнности многого „пыдрыбяззя“, которое они такъ заботливо берегутъ...

291) Отъ пар.—троху, трошку—немного, т. е. такое смѣшанное складище, про которое мѣтко говорятъ: „всего понемножку“.

292) Въ концѣ 60-хъ годовъ приходилось встрѣчаться съ этимъ въ районѣ Ловожской вол., Пол. у., и чаще всего—у тамошнихъ старообрядцевъ, отъ которыхъ, несомнѣнно, оно перенято и коренными крестьянами.

293) Отъ сущ.—патруха (труха) сѣнная и соломенная.—Каждый разъ, при встряскѣ сѣнника и такой же подушки передъ сномъ, въ избѣ поднимается густая пыль, которая, въ соединеніи съ лучиннымъ дымомъ да пылью

подметенной избы, даетъ своеобразный туманъ, улегающійся „во тьмѣ ночной“.

294) Горохвины, нъ,—сущ.—гороховая солома, кстати, менѣе хрупкая, чѣмъ другая солома. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя суевѣрныя примѣты стоятъ противъ спанья на „горохвиныхъ“ и даже выработался несовсѣмъ почетный терминъ: „кытаца ны горохвинныхъ“...

295) Лежать или спать „у покыть“ (отъ слова—катиться)—то же, что лежать и спать рядомъ.

296) Кромѣ житейскаго употребленія этого имени, между прочимъ, оно помѣчено у г. Шейна („Бѣлор. пѣсни“, Спб. 1874 г., стр. 14) въ записи изъ м. Чашникъ, Леп. у.

297) Отъ сущ.—портъ, ту—всякое издѣліе изъ льна, пеньки и ваты, дающее при горѣннн типичный запахъ, рѣзко отличающійся отъ запаха горящей шерсти и шелка. Отъ такого именно свойства („пахницъ портымъ“) „пырцанины“ получаетъ названіе весь кругъ льняныхъ одеждъ.

298) Повѣсмо, сма,—сущ.—связка, или кулъ вытрепаннаго льна и пеньки, горстей въ 10—12. Отдѣльная горсть такого матеріала носитъ имя „повѣсмычка, повѣсымка и жмени, жменьки“. Вычесанный и слѣдов. готовый къ пряжѣ ленъ и пенька удерживаетъ то же имя. Но „повѣсымко“, свернутое „кылцашомъ“ (витушечнымъ комкомъ) и приносимое въ церковь на „офяру“, или въ даръ какому-нибудь лицу, пазывается просто „кужилимъ“.

299) Здѣсь частица „ты“ не мѣст., а прибавочное „то“, произносимое такъ, какъ неударяемое.

300) Приневоленная къ замужеству дѣвушка произноситъ эти слова,— что имѣло памятное мѣсто въ д. Морочахъ, Вит. у.; въ 1-62 г.

301) Помимо заурядной необходимости приготовить для пряденья мягкій и чистый ленъ, тройная ческа его—„у сидичку, у стоичку, у лежичку“—дѣлается и для того, чтобы будущее издѣліе одинаково хорошо служило человѣку въ состояніи сидѣнья, ходьбы и лежанья (м. Орѣховно, Леп. у., въ 1871 г.).

302) Дярута, ги и дяружина, ны,—сущ.—названіе грубой тесьмы служащей для застилки сидѣнья въ экипажѣ, покрышки путевой лошади зимою, покрышки воза, а дома—для переноса мякины, травы, мелкаго на- лежника, щепъ и проч.

303) Дявуцій, дявуція,—въ знач. сущ.—старый холостякъ и такая же дѣвушка.

304) Обгонки, обыгонки, ныкъ, и пираспѣхи, хъ,—сущ. во мн. ч.— (кто кого обгонитъ), всякая работа, гдѣ идетъ соревнованіе трудящихся. Тѣмъ же именемъ называется извѣстная игра въ горѣлки.

305) Отъ гл.—скусь, скубаць—отрывать, выдергивать, драть говорится о выдергиваньи перьевъ и пуха у птицъ, щетины и шерсти .

324) Но это же имѣетъ и суевѣрное значеніе: троекратнымъ ударомъ о стѣну (во имя Св. Троицы) изъ основы удаляются черти, которые къ концу работы уже начинаютъ забираться сюда... (Ловозь, Пол. у., въ 1869 г.).

325) Оставляемые теперь безъ обычнаго объясненія мѣстныхъ названій частей стана будутъ объяснены ниже, въ XIV гл., при описаніи предметовъ, служащихъ для производства одежды, обуви и уборовъ.

326) Такой станъ есть болѣе совершенный, сработанный тамъ, гдѣ имѣется свой плотникъ, или столяръ. Тутъ всѣ части стана отличаются даже изяществомъ, особенно, когда свой же маляръ откраситъ его. У значительнаго большинства станъ грубѣе и проще: всѣ четыре стойки его будутъ равны, неподвижныя перекладины (д) идутъ отъ заднихъ до переднихъ стоекъ, упоры (е) нѣтъ, а въ передней стойкѣ будутъ такіе же вырѣзы, для помѣщенія „колодки“, какъ въ заднихъ, но только спереди. Но и на такомъ станѣ „живая фабрика“ сумѣетъ сдѣлать дивную по тонкости и узорчатости ткань...

327) Если инструментальное положеніе мастера не позволяетъ сдѣлать округлой пробины (какъ на чертежѣ), таковая кое-какъ выдалбливается подручнымъ долотомъ, выстругивается ножомъ, при чемъ вершина передней стойки остается съ открытымъ вырѣзомъ, и „колодка“ входитъ въ него сверху. Съ годами, отъ постояннаго верченья „колодокъ“ въ вырѣзахъ, неровности послѣднихъ совершенно сглаживаются.

328) Головки не всегда бываютъ круглыми, а нерѣдко—и плоскими квадратными брусьями): въ такихъ головкахъ гораздо легче дѣлать пробины.

329) Трисцина, ны и триста, еты,—сущ.—отдѣльная бердовая лучинка, тростинка, разстояніе между ними. Глаг. „трысциць“ (основу) выражаетъ дѣйствіе, когда послѣдняя вдѣвается въ бердо; но „трысциць бердо“ означаетъ: сооружать его, вставлять новыя тростинки на мѣсто выпавшихъ или изломанныхъ.

330) Продольная выбоина (какъ улечься пальцу) дѣлается въ той и другой „колодкѣ“ не длиннѣе разстоянія между стоекъ, для вложенія сюда особыхъ прутьевъ: задній называется „зытыкальникомъ“, а передній—„припусьникомъ“. Впрочемъ, оба названія смѣшиваются, такъ какъ оба прута совершенно одинаковы по длинѣ и толщинѣ (средній палецъ) и могутъ быть положены на мѣсто другъ друга.

331) Сукуруцина, ны и сукруцина, сукрутка, сукырытка,—сущ.—такое мѣсто въ ниткѣ, гдѣ она ссучилась,—что происходитъ отъ неравномѣрнаго прядива (см. X гл.) и чаще возможно въ шерстяныхъ ниткахъ. Глаг.—сукуруциць, —цца—происходитъ отъ этого сущ.

332) Кстати упомянуть: всѣ описанныя доселѣ дѣянiя „живой фабрики“ вмѣстѣ и порознь, составляютъ событiя, о которыхъ нескончаемо говорятъ въ своей семьѣ и у сосѣдей (д. Вербель, Пол. у.).

333) Пыножи, жовъ,—сущ. (отъ—нога, ножка)—педали (на черт.—п), деревянные дощечки въ 10 верш. длиною и въ 3 верш. ширпою, съ дырочками по концамъ. Нижними частями „пыножи“ упираются въ землю, хотя и привязаны „почечкыми“ къ особому шесту, лежащему на землѣ, по сю сторону стоекъ, а приподнятыми верхними соединены съ петлями, спускающимися отъ „нитывъ“.—Число „пыножовъ“ стоитъ въ зависимости отъ числа „нитывъ“.

334) Употребленiе одного и того же слова въ муж. („поножь“) и жен. („поножа“) родѣ приходилось наблюдать въ д. Вербели и Маринкинѣ (разст. не болѣе 5 верствъ) Ловож. вол., Пол. у., въ 1869 г.

335) Марудный,—прил. отъ сущ.—маруда, маруднысь, и глаг.—марудиць—тягостно-медленный, однообразно-скучный. Всѣ слова имѣютъ укоризненный смыслъ и всегда произносятся съ нѣкоторымъ негодованiемъ.

336) Въ отдаленное время (въ началѣ 50-хъ годовъ) приходилось видѣть это въ д. Попкахъ, Острѣйковѣ и Рыбакахъ, Вымн. вол., Вит. у., а въ 1873 г.—въ д. Глинищѣ и Махировѣ, Бѣльской вол., Пол. у.

337) Скуть, та,—сущ.—полоса новой ткани въ периодъ времени отъ конца тканья до окончателнаго выбѣленiя послѣдней; предѣльная длина „скута“ колеблется между 8—15 арш. Въ этомъ случаѣ понятны будутъ термины: „скруциць, рыскруциць, мочиць, праць (колотить валькомъ), сбираць скуты“.—Слѣдуетъ имѣть въ виду, что „скутами, скутками“, называются части льняной, по преимуществу, ткани.

338) Обыденникъ, ка,—сущ. отъ—обыднѣ, дни—предметъ, сработанный въ одинъ день (отъ утренняго разсвѣта до вечернихъ сумерекъ, рѣдко—въ 24 ч.). Подъ этимъ именемъ извѣстны многіе предметы: каплицы, голубцы (продольные на могилахъ срубы въ 3—5 вѣнцовъ, съ покрывкою) и, въ особенности, прядильныя издѣлія—нитки, пояса, ткани (ручники, фартуки къ придорожному „Рыспяцю“ и кресту, небольшія рыболовныя снасти—„топтунъ, брига“, шнуры) и проч. „Обыденники“ работаются по обѣту, какъ жертва въ храмъ, въ каплицу, на крестъ,—какъ средство охраненiя отъ энидеміи, и для успешной рыболовли (См. мои сообщенiя объ этомъ въ „Западной Двинѣ“, А. И. Салунова, Витеб. 1893 г., стр. 259).—„Обыденники“ работаются коллективно—семьей, цѣлой деревней—и въ одиночку; послѣднее издѣліе почитается наиболѣе достигающимъ цѣли.

339) Общее повѣрье по Вит. Бѣлор., имѣющее силу и въ переживаемое время.

340) Бѣль, ли,—сущ.—общее названіе льняной ткани и нитокъ, поступившихъ въ бѣленье, находящихся въ этомъ состояніи и вполне готовыхъ, пока онѣ не поступили въ складыща.

341) Глаголъ—жлукциць—отъ сущ.—жлуэца, кты—щелокъ („лугъ“ въ юго-вост. окраинѣ); дѣйствіе, при которомъ ткань и бѣлье бучится; посудина, въ которой задѣланъ щелокъ.—„Жлукцитца“ не одна только новая ткань, а и бѣлье, благодаря чему уничтожаются гниды въ рубашечныхъ и портковхъ складкахъ.

342) Ближайшимъ образомъ „добро“ есть названіе зернового хлѣба, преимущественно, запасного; въ отдаленномъ значеніи то же имя принадлежитъ всему составу имущества (кромѣ скота и построекъ), составляющему богатство дома.

343) Подлинная поговорка произносится такъ: „Якей Богъ вымычивъ Тэй-Самый и высушиць“. Посему выходящій изъ дому, нерѣдко одѣваетъ свою еще довольно мохрую одежду, которая, при солнечной и вѣтренной погодѣ, высыхаетъ на немъ въ пути, за работой. Чаще всего высушивается такъ одежда на пастухахъ.

344) Смотря по цвѣту, эта ткань называется „синь, крась, шѣрь“ (сѣрая), когда бѣлыя нитки смѣшаны съ цвѣтными, но не черными; послѣдняя „шѣрь“—исключительно шляхетская, и въ крестьянскомъ домѣ появляется случайно.

345) Крушинникъ, ка,—сущ.—названіе кустарника „волчьи ягоды“. Какъ извѣстно, темно-красныя ягоды („крушина“) кустарника ядовиты, и чтобы отвадить дѣтей отъ неосторожнаго употребленія таковыхъ, у родителей существуетъ единственное устрашающее увѣреніе: „достаточно подержать во рту одну только ягоду да проглотить слюну—всѣ зубы станутъ крошиться и выпадать“ (въ юго-вост. окраинѣ).

346) Мѣстное названіе однолѣтняго растенія, извѣстнаго въ ботаникѣ подъ именемъ сѣраго и чернаго коровьяка (см. „Витеб. губ.“ вып. I, Витебскъ, 1890 г., стр. 214; о „крушинѣ“—тамъ же, стр. 211).

347) Несовсѣмъ ошибочнымъ можно считать увѣреніе (с. Бопонь, Пол. у., въ 1874 г.), что домашняя окраска нитокъ и мелкой ткани состоитъ въ нѣкоторой связи съ окраскою яицъ, начиная отъ Пасхи и кончая Троицынымъ днемъ, когда они красятся въ отварѣ молодыхъ листьевъ березы, травы, по крайней мѣрѣ, окрашиваемые предметы поступаютъ въ краску немедленно по вынутіи оттуда яицъ, чтобы „не перестоялась краска“.

348) Такъ весьма часто называютъ себя пожилыя деревенскія женщины, когда хотятъ выразить культурный терминъ: „мы—слабый полъ“ (Ловожск. вол., Пол. у.).

349) „Выще пы скутахъ и трубыхъ“, не уступающее голошенью надъ родственнымъ покойникомъ, неоднократно приходилось слышать въ

разныхъ мѣстахъ Веляшковичской и сосѣдней Королевской вол., гдѣ издавна важивались посягатели, между прочимъ, и на ткацкое производство...

350) Обычное обращеніе къ сверстницѣ, неродственницѣ, соответствующее подобному же обращенію мужчинъ, когда тѣ употребляютъ слова: „братъ, брацицъ, братокъ, братулька, брыциня, брахынѣка, братынѣка“ и др.

351) Подъ терминомъ „подсѣчьца, пидсицаца“ извѣстна крестьянская стрижка, которую составляетъ лишь подрѣзыванье волосъ. Въ воспоминаемое время всѣ мужчины (въ юго-вост. окраинѣ) дѣлали однообразную „подсѣчку“: волоса подрѣзывались сзади и по сторонамъ такъ, что прикрывали верхнюю половину ушей; впереди же, надъ глазами. „подсѣчьца“ закрывала верхнюю половину лба, образуя т. наз. „воротцы“.

352) Т. е. кожаную пуговицу, о которой упомянуто было въ I гл., 3 пунѣ, настоящаго отдѣла. Единственное мѣсто этой пуговицы—въ воротниковыхъ портахъ. Кожаная пуговица въ сермягахъ, шубахъ и рукавицахъ имѣютъ шарообразный, слегка овальный видъ и не называются „гузиками“, каковое имя принадлежитъ только плоскимъ пуговицамъ.

353) Очень возможно, что немногіе знакомы съ житейскимъ значеніемъ словъ: „искаца, сочица (сочиць, — глаг. — искать кого и что)“; а между тѣмъ значеніе и обиходность ихъ извѣстны и старому и малому деревлянину. Обыкновенно „ишутца, сочутца“ женщины, въ длинныхъ волосахъ которыхъ ютятся невыводныя, съ трудомъ вычесываемыя вши и гниды. По взаимному соглашенію, двѣ близкія другъ къ другѣ женщины, при помощи ножа, гребня, просто рукъ, тщательно перебираютъ волосы, уничтожая паразитовъ, для чего поочередно кладутъ голову на стегна, или грудь искательницы. Сверхъ пріятнаго ощущенія, такимъ способомъ значительно облегчается страданіе отъ паразитовъ, и дѣлается это въ часы праздничнаго досуга, во время рабочихъ приваловъ, въ долгіе зимніе вечера.—Болѣе короткіе волоса мужчинъ не заставляютъ прибѣгать къ этому, а дѣлу помогаетъ извѣстный поясной „грибинець“.

354) Этотъ перехватъ (какъ обнять рукою кистью) дѣлается, по большей части, на срединѣ вертикальной доски, вырѣзанъ съ обѣихъ сторонъ, и служитъ для перемѣщенія прялки.

355) Уступницъ, пца, — сущ. — лѣстничная и крыльцовая ступенька, исключительно досчатая, плоская.

356) Кыпань, ня, и кыпанецъ, ица, — сущ. (отъ глаг. копать) — такое дерево, корень котораго даетъ стволу крючковатость. Болѣе тонкіе „кыпани“ употребляются на кочергу, „кисляевку“ (см. I отд., XV гл., 21 и 22), потолще — на строила и въ телѣгу, наиболѣе толстыя, съ двумя расходящимися корнями — на мялку; весьма толстыя „кыпани“ идутъ въ корпусъ барки.

357) Обычное названіе чердака, преимущественно—избяного. Но—горба—названіе небольшой подпотолочной полки.

358) Этотъ „смычокъ“ бываетъ довольно почтенныхъ размѣровъ и представляетъ подобіе лука съ тетивою. Образъ употребленія „смычка“ совершенно одинаковъ съ употребленіемъ его у ювелировъ, слесарей и вообще мелкороботныхъ мастеровъ, при обтачиваніи издѣлій.

359) Знакомые съ токарными работами не откажутся припомнить, что прижимъ тупой стороны инструмента, или даже куска сухого дерева къ вертящемуся предмету, не замедлитъ оставить на послѣднемъ темное кольцо (обугливанье предмета чрезъ треніе).

360) Дѣтская „садибка“ (она же—„стойка“) есть специальное сооруженіе для усадки, или стойня маленькихъ дѣтей, едва становящихся на ноги. Она состоитъ изъ двухъ досокъ, скрѣпленныхъ 4-мя ножками (не выше 8 верш.), изъ коихъ верхняя съ пробоиной (какъ войти дѣтскому туловищу), а нижняя—гладкая. „Садибка“ съ помѣщеннымъ въ нее дитятею можетъ быть поставлена въ любомъ мѣстѣ.

361) Есть еще одинъ способъ перевивки нитокъ съ „ручайки на просцинь“, или съ послѣдняго на клубокъ, мотовило, заслуживающій упоминанія: „ручайка, или просцинь“ укладывается между ножными пальцами—пятка веретена въ одной ногѣ, а остріе—въ другой; но это же выходитъ гораздо типичнѣе, а для пальцевъ спокойнѣе, когда ноги обуты въ лапти: тогда концы веретена вставляются въ лапотныя дырочки,—что вполне замѣняетъ „стойку“...

362) Т. е. прѣютъ, дѣлаются слабѣе обыкновеннаго,—что такъ часто бываетъ съ клубками, пролежавшими годъ, или два.

363) Такъ обыкновенно называется цѣвка съ навитою на нее ниткою, т. е. готовая для помѣщенія въ челнокъ.

364) Когда пѣтъ „сукалки“, или когда послѣдняя неисправна, „уточка“ сооружается на челнокъ, куда предварительно вправлена пустая цѣвка, или же послѣдняя навивается съ руки, какъ клубокъ.

365) Наилучшею, повсюдною и даже единственною дощечкой бываетъ готовая трепалка, имѣющая нѣсколько заостренные края. На этой же трепалкѣ рыбаки изготовляютъ „рѣжу“ для сѣтей.

366) При гладкой ткани употребляется только два „нита“, при узорной же—три и четыре.

367) Какъ извѣстно, боковая и подбрюшная шерсть считается послѣднею и цѣликомъ идетъ на войлоки и колаки; но въ бѣдныхъ, или расчетливыхъ хозяйствахъ „быковины и подпуззійки“ употребляются на вязальныя нитки, а недостаточную прочность такихъ нитокъ восполняетъ домашнее валенье издѣлія.

368) Трощенка, би,—сущ.—парныя и тройныя нитки, приготовленныя къ сученью. Суконная „трощенка“ покоится иногда не въ клубкѣ, а на веретенѣ.—Пока ссученныя нитки находятся на веретенѣ, онѣ называются „сученный, сучинкый“.

369) Нынарстыкъ, стка,—сущ. наперстокъ, по большей части, сквозной („бяздоникъ“), употребляемый портными при шитьѣ толстыхъ тканей и шубъ.

370) Прасъ, са,—сущ. утюгъ. Отсюда происходитъ сущ.—прасовка—утюженье, и глаг.—прысуваць.

371) Эти крючки имѣютъ не прямой, какъ въ „кыпыняхъ“, а острый уголъ, во время производства работы обращенный назадъ, т. е. въ сторону „рычажника“ (названіе канатнаго мастера, въ данномъ случаѣ—шутливое).

372) Смуницъ, или смурыжицъ, — глаг., значеніе котораго ясно изъ послѣдующаго. Но этими же словами обозначается напрасное ношеніе обуви и одежды, излишнее употребленіе сбруи.—Отъ этихъ глаг. происходятъ сущ.—„смуньба и смурыжка“ (въ юго-зап. окр.), каковыя имена придаются самому разнообразному тренію мягкихъ предметовъ.

373) Серіозное увѣреніе въ этомъ приходилось слышать въ Ловжѣ, Пол. у., въ 1868 г. Въ параллель сему не лишне вспомнить, что въ числѣ средствъ „на любки“ (чтобы полюбили) практикуется добываніе и пользованіе костяными вилочками и крючками летучей мыши, которая въ завязанномъ горшкѣ кладется живьемъ въ муравейникъ, гдѣ чрезъ нѣсколько дней отъ нея остаются однѣ лишь кости.

374) Отъ сущ.—шротъ, ту — дробь.—Такъ называется отдѣльный кожаный мѣшечекъ съ барилкою въ устьи, для ношенія дроби.

375) Въ припѣвкѣ къ одной малоупотребительной нынѣ, игривой пѣснѣ эти два имени сопоставляются вмѣстѣ и съ двумя другими именами профессиональныхъ мастеровъ, а именно: „шевчики (сапожники), крѣвчики (портные), шипувалы (валильщики-шапкодѣлы, см. прим. 268), кынывалы“ (коновалы). Ласкательное наименованіе первыхъ двухъ мастеровъ и обычное послѣднихъ выражаетъ большія симпатія къ первымъ, или же—покровительственно-ласковое отношеніе, какъ къ обиженнымъ судьбою...

376) Личныя мѣст.—„енъ, ина“ (онъ, она)—весьма обычны при замѣнѣ подлинныхъ именъ хозяина и хозяйки: это такъ и понимаютъ собесѣдники. Вмѣсто личныхъ въ томъ же значеніи употребляются и мѣст. притяж.—нашъ, „нашія“, вашъ, „вашія“.

377) Т. е. имѣющій кистья, которыми, для прочности, бывають туго завязанные концы поясныхъ нитокъ. „Кутасовый пыаь“—одинаково уборный у мужчинъ и женщинъ.

378) „Оральбитъ, скыродьбитъ, сывбитъ, мылоцьбитъ, косьбитъ“ и др. есть названіе рабочей единицы, которая ореть, боронить, сѣять, молотить, косить (см. мой очеркъ крѣпостныхъ „пособниковъ“ въ XX кн. „Этногр. Обзор. 1894 г., стр. 31—40).

379) Т. е. полотнище въ полотнищу, о чемъ сказано въ 234 примѣч.

380) Несомнѣнно, что мужскіе портки часто не имѣютъ обрuba въ „калошинахъ“, а только заметаны ниткою чрезъ край, или въ щегольскихъ положеніяхъ, задѣланы короткою бахромой, для того, чтобы избѣжать лишняго, въ этомъ мѣстѣ особенно постылаго рубца.

381) Наиболе часто мыло служитъ лѣкарственнымъ снадобьемъ при желудочныхъ затвердѣніяхъ, когда въ видѣ оструганной палочки оно вводится въ задній проходъ, подобно клистирной трубкѣ, — при горловыхъ боляхъ, когда наскребается, или намазывается на тряпочку, и ми друг.

382) Нащиницъ, ца, или — насъкій, — сущ. — свой человекъ, т. е. одного сословія и общественнаго положенія; крестьянинъ.

383) Всякій подарокъ, такъ и иначе отнятый обратно, называется „кошинимъ (кошачьимъ) пыдарункымъ“ (въ юго-вост. окр.). Тоже названіе удерживается за предметомъ, когда послѣдній занимаетъ неопредѣленное положеніе не то подарка, не то одолженнаго предмета.

384) Въ этомъ случаѣ одолженіе невесты не только лентами, но и другими предметами, несовсѣмъ благоприятное для невесты, весьма полезно для одолажающихъ подругъ ся, и онѣ всемѣрно стараются ссудить послѣднюю, чтобы скорѣе выйти замужъ. Для той же цѣли каждой дѣвушкѣ полезно имѣть хотя что-нибудь изъ невестныхъ уборовъ, кои нарасхватъ рвутся подругами при сниманіи ихъ съ новобрачной.

385) Типомъ такимъ портныхъ въ 60-хъ годахъ могъ похвастаться б. дворовый Ефимъ, бобыль дер. Ловжи, Пол. у. Онъ зналъ и скругчную кройку своего времени, шилъ стройно, прочно. Другой подобный портной, Кузьма (лысый), крест. дер. Заболотья, Веляшков. вол., Вят. у., состоялъ даже надѣльнымъ хозяиномъ; но хозяйство его велось семьянами — женой и дѣтьми.

386) По увѣренію престарѣлаго портного Леона, крест. Спиртинскаго общ. Ловожской вол., весь вѣкъ портняжничавшаго въ родныхъ мѣстахъ, онъ ни однажды не бывалъ въ двухъ деревняхъ своего общества, отстоящихъ отъ мѣста его родины въ 15 верстахъ, хотя два раза былъ въ Ригѣ (сообщ. 1868 г.).

387) Съ этой стороны памятнымъ остается безродникъ-Сширидь (хромой на костыль), имѣвшій притонъ въ д. Свирбахъ, Вит. у. Его громадныя портняжныя ножницы не одинъ разъ выкупались нанимателями у окрестныхъ

корчмарей. Про него, какъ и про многихъ другихъ, сельчане обыкновенно говорили: „руки—золотыя, а губа—дрянь“.

388) Исключивъ дурные, иногда и безнравственные навыки мастеровыхъ, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ добрыхъ проявленіяхъ и помощи средѣ. Владѣя кое-какою грамотностью, они между дѣломъ выучивали грамотѣ дѣтей (см. очеркъ „Сельско-школьное обученіе“, помѣщенный въ „Витеб. Губ. Вѣд.“ въ 1893 г.), пѣвали въ домѣ церковныя пѣсни, для возрастныхъ читали книги, надъ покойниками—псалтири. Болѣе частыми грамотѣями были сапожники, носившіе въ своей котомкѣ псалтирь, часословъ или гражданскую религіозно-нравственную книгу. Читеніемъ такихъ книгъ они отчасти искупали свои грѣшки...

389) Наболѣе дѣятельною порою мастеровыхъ почиталось то время, когда деревляне „прицинаютца кылы двору“, что бываетъ отъ прекращенія полевыхъ работъ осенью до возобновленія ихъ весною. Во время лѣтней страды мастеровые оставались безъ заработковъ, а многіе изъ нихъ становились въ ряды поденниковъ на крестьянскихъ работахъ.

390) Непонятный нынѣ типъ „скарбовыхъ“ имѣлъ живое мѣсто при крѣпостническомъ строѣ. „Скарбовыхъ“ составляли крѣпостные для черныхъ работъ, жившіе на помѣщичьихъ задворкахъ и составлявшіе резервъ черно-рабочихъ на чисто крестьянскія работы (см. мой очеркъ крѣпостныхъ „пособниковъ“ въ XX тн. „Этногр. Обзор“. 1894 г., стр. 40—44).

391) Въ юго-вост. окраинѣ „шипувалы“ наѣзжали изъ Смол. губер.: какъ мастеровые—въ заурядные дни, а какъ торговцы готовыми издѣліями—въ ярмарочные и базарные.

392) Собственно „накидкою“ называется одежда, холстина, рогожа и проч., наброшенная на плечи ради временнаго прикрытія человѣка и другихъ предметовъ,—прибавка къ предмету, къ вѣсу. То же слово, употребленное во множ. ч., какъ здѣсь, имѣетъ переносное значеніе и выражаетъ понятіе заключительныхъ рѣчей и сужденій.

393) Поговорка неполна; она всегда договаривается такъ: „а хто и видивъ, дыкъ (такъ) ни собидивъ“ (с. Хвошно и Войхань, Город. у.).

394) Приведенное правило „житейской мудрости“ есть одна изъ еврейскихъ догмъ, вполне оправдывающаяся въ жизни еврейскаго народа: Какъ и когда эта догма вошла въ крестьянскую жизнь—указать невозможно, хотя приведенное реченіе приходилось слышать въ нѣсколькихъ мѣстахъ Пол. у. еще въ концѣ 60-хъ годовъ.

395) Нѣчто подобное сему приходится видѣть и теперь (24 іюня 1894 г.) въ м. Колышкахъ, Вит. у., гдѣ тѣсно граничатъ Вит., Мог. и Смол. г.,—видѣть въ празднично-ярмарочные сборы окрестныхъ деревлянъ, изъ боиухъ

„зарубежники“ (изъ Смол. г.) служатъ живымъ памятникомъ бѣлизны, о которой идетъ рѣчь. Мужчины, женщины и дѣти одѣваются въ исключительно бѣлые „насовы“ кафтаннаго покроя, хотя порты и шапки первыхъ всегда цвѣтные, а юбки женщинъ — темныя домотканки, обложенныя вокругъ подоловъ позументными и вообще цвѣтными тесьмами. По такому одѣянію „зарубежники“ рѣзко отдѣляются отъ окрестныхъ бѣлоруссовъ, составляющихъ пеструю толпу.

396) По сообщенію очевидцевъ (Н. А. Бѣл.), въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ Город. у. теперь можно встрѣтить и ручныя и ножныя швейныя машины, при помощи которыхъ женщины обшиваютъ свою родную семью.

397) Въ сравнительно недавнее время мужчины и женщины начали носить крашенныя (ярко-рыжаго цвѣта) нагольные шубы, которыя въ щегольскихъ положеніяхъ замѣнили прежнія бѣлыя. Заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что эти воротниковыя, длинныя шубы шли отъ западной къ восточной окраинѣ, — что совершенно противоположно распространенію мужской „руській“ рубашки, которая въ памятное время шла въ глубь губерніи съ вост. и сѣверн. окраины.

398) Въ недавнее время приходилось видѣть это въ районѣ двухъ смежныхъ волостей, Болецкой и Бескатовской, Город. у.

399) Нелишне вспомнить, что высокопр. Никаноръ, архіеп. Херсонскій (сконч. въ Одессѣ 27 дек. 1890 г.), всегда возмущался „кургузскими пиджаками“ на простонародьи и что около 10 л. тому назадъ печать пронесла во всѣ концы Россіи обличительное по сему предмету сужденіе незабвеннаго архипастыря. На сколько извѣстно, многіе достойные сельскіе пастыри мѣстной епархіи порицаютъ то же въ своихъ прихожанахъ.

400) Такое искаженное, или лучше — передѣланное на свой ладъ слово „щеголять“ приходится слышать въ районахъ смежныхъ волостей: Пяташи., Войхан., Город. у., и Миши., Пол. у.

401) Ляска, ски, — сущ. — вошедшее цѣликомъ польское названіе ручной палеи („лясъ“ — лѣсъ).

402) Къ сожалѣнію, еще въ авг. 1878 г. пришлось быть личнымъ свидѣтелемъ того, какъ 16-ти-лѣтній крестьянскій юнецъ, явившійся къ экзамену для поступленія въ специальное учебное заведеніе, не могъ правильно перекреститься той рукой, которая украшена была „блискучимъ пирсцанемъ“...

403) Пуртунеть, ласк. — пуртунецикъ — опять же передѣланное на свой ладъ имя портмоне, извѣстнаго денежнаго кошелька.

404) „Картузныя тыбака“ — обычное названіе курительнаго табаку лучшихъ сортовъ (въ юго-вост. окр.), съ давнихъ поръ продаваемаго въ бумажныхъ пачкахъ, разновѣсомъ.

405) Т. е. свертывать такія папирсы, которыя курятся при помощи курительнаго мундштука. Этотъ послѣдній у упоминаемыхъ курильщикоуъ бываетъ покушнымъ и самодѣльнымъ — изъ дерева и тростника.

406) Сколько помнится, трубка — „агличанка“ стала входить въ общность одновременно съ „баваровымъ“ пивомъ, и проводниками ея слѣдуетъ считать строителей Дв.-Вит. ж. дор. (въ 1865—66 гг.).

407) Т. е. жестяной коробочкѣ (плоской и круглой), въ которой обыкновенно продаются конфеты „ландринъ“ въ мелкій разновѣсъ.

408) Терминъ — „смолицъ тыбаку“ — выражаетъ такое запойное куренье, когда курильщикъ дѣлаетъ его часто, съ увлеченіемъ и по долгу.

409) Слова изъ полународной пѣсни новаго пошиба, записанной въ Потапн. вол., Город. у., 24 фев. 1891 г., и доставленной Ек. Арх. Бѣл. Полностью пѣсня помѣщена въ „Этн. Обзор.“, кн. XIII—XIV, стр. 200.

410) Къ примѣч. 395 нелишне добавить, что „зарубежники“ обязательно носятъ парадный фартукъ изъ ярко-пестрой кумачной ткани, который у подола обшитъ одной, или двумя то парчевыми, то цвѣтными тесьмами. Немногія бѣлорусски той же окраины носятъ праздничные фартуки такого построения; но это будетъ почти единственное парадное употребленіе фартука въ Вит. Бѣлор.

411) Цуруваць, — глаг. — штопать. Откуда происходятъ сущ. — цуровка, цуруванне. Подобное употребленіе замѣтно по отношенію къ слову „чурь“, какъ и происходящимъ отъ него, у извѣстныхъ „докуновъ“, — что въ отдѣльныхъ случаяхъ ведетъ къ смѣшенію понятій.

412) Сцилька, ки, сцелька, ки и подсцилька, ки, — сущ. — небольшое количество прямой соломы, сложенной по длинѣ обуви и помѣщенной внутрь ея, для спокойствія ногъ и уменьшенія просторности обуви, о чемъ упомянуто было въ п. 39 и 45 III гл. этого отдѣла. Въмѣсто соломы часто кладется и сѣно.

413) Случай новый и въ своемъ родѣ единственный: по сообщенію уважаемаго П. Ст. Бр., юный хозяинъ Бескатовской вол., Город. у., не взирая на семейныя нужды и материнскій протестъ, весною 1893 г. продалъ чуть-ли не единственнаго подателя молочка — козу и на вырученныя деньги посѣшилъ купить зонтикъ, съ которымъ и началъ щеголять на деревенскихъ сборищахъ...

414) Такъ еще лѣтомъ 1870 г. приходилось слышать въ м. Сиротинѣ, Пол. у., какъ балахонный въ рыжихъ сапогахъ отецъ называлъ „вы“ своего пиджачнаго юнца сына... То же, съ большими знаками почтительности къ „ученымъ“ щеголямъ-сынкамъ приходилось слышать позже (въ Ловжѣ, Оболи, Махировѣ, Бѣломъ, Пол. у., и, въ особенности, въ Веляшков., Вит. у.).

415) Жилле, для и жинце-бынце, —сущ., первоначальное значеніе которыхъ выражаетъ понятіе строя и образа жизни, матеріальные достатки семьи и отдѣльнаго лица. Уже въ дальнѣшемъ значеніи оба слова выражаютъ понятіе усадьбы и тѣснѣе—жилыхъ построекъ; но это послѣднее такъ приросло къ обиходному употребленію, что и не понимается иначе.

„Сялиба, бы и будовля, вли“ (отъ сущ. „буда“ — кибиточный покровъ), выражаютъ исключительно понятіе усадьбы, при чемъ второе слово имѣетъ болѣе частое употребленіе въ Дрис. и Леп. у. Происходящія отъ него—„будыныкъ“ (жилой домъ), „будуванне“ (дѣйствіе строящагося) и „будувацца“ (строиться, застраиваться) удерживаютъ значеніе стройки, при которой нераздѣльно понимается и покрыва.

416) Катъ, та, —сущ.—палачъ, заплечный мастеръ; тиранъ, извергъ. Глаг.—батывыць—сущ. катывыння—понимаются въ томъ же значеніи.—Простолюдинъ такъ отрешивается отъ положенія „бата“: „ни суди мнѣ, Божа, быць: а ни войтымъ-катымъ, а ни сватымъ—чиловѣнымъ прыклятымъ“ (мѣстная поговорка).

417) Домовки,—нар. въ ласк. формѣ отъ обычнаго „домовъ“—домой.—Нелишне вспомнить, что извѣстная искусственная поэма „Тарасъ“, между прочимъ, весьма типично обрисовываетъ эту именно черту. Несмотря на очевидное преимущество олимпійскаго положенія Тараса и, въ особенности, на общую пріязнь и вниманіе къ нему олимпійцевъ, временный счастливецъ въ концѣ-концовъ жалобно проситъ показать ему дорогу „домовки“...

418) Зычиць,—глаг.—сердечно, искренно желать, хотя желать добра такъ же, какъ и зла, смотря по отношенію къ лицу и предмету. Сложныя слова—позычаць (глаг.) и позыка (сущ.)—выражаютъ одолженіе, заемъ.

419) Такое повѣрье приходилось слышать въ Смолякахъ, Пол. у. Но есть и видоизмѣненное вѣрованіе: смерть приводитъ отдѣльныхъ избранниковъ къ тому именно мѣсту, гдѣ они родились. Такое вѣрованіе циркулируетъ въ окрестности Сивошина, Дрис. у., относительно извѣстнаго героя 12 г., ген.-м. Як. Петр. Кульнева (род. въ 1763 г., а палъ въ битвѣ 20 іюля 1812 г.). Какъ извѣстно, на мѣстѣ паденія героя, на Сивошинской кручѣ

праваго берега р. Дриссы, стоить небольшой памятникъ съ надписью:

„Гдѣ Кульневъ нашъ рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?

.

Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесъ его могила“.

На основаніи послѣдняго четверостишія, мѣстная молва утверждаетъ, что Кульневъ палъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, послѣ переправы чрезъ рѣку, мать его разрѣшилась въ домѣ перевозчика, стоявшаго на той же кручѣ... Такъ докторально удостовѣрялъ 4 іюля 1879 г. инвалидъ, охранявшій въ то время памятникъ, а дословное повтореніе того же приходилось слышать въ Старо-Замшанахъ, Дерновичахъ, Борковичахъ, Дрис. у. Разумѣется, это нуждается въ болѣе точномъ подтвержденіи.

420) Тамъ же и сосѣднемъ с. Махировѣ.

421) Ранда, ды, — сущ. аренда, какъ и пользованіе арендными угодьями. Вѣдающіяся съ арендою лица, обыкновенно называются „рындацилими“. Въ воспоминаемое время кое-гдѣ „рандый“ называлась корчма, хотя таковая содержалась иногда помѣщикомъ, а сидѣльцемъ въ ней бывалъ приставленный крѣпостной („рындациль и ранда“ въ Веляшков., Вит. у., съ 1853 1860 гг.).

422) Слова изъ волочебной пѣсни, записанной мною въ 1873 г. (см. „Бѣлор. п.“ г. Шейна, стр. 75 — 80). Хозяйственное благополучіе крестьянина выражается въ пѣснѣ слѣдующимъ двустишіемъ:

„Зы добромъ анбаръ рыспирантца,
А въ хлѣви скоть ни стывлянтца“,

т. е. не толпится, не вмѣщается.

423) Трогательный примѣръ такого почтенія приходилось видѣть въ Язвинѣ, Вит. у., въ 1875 г., и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пол. и Вит. у., когда потомки выселенцевъ чуть не со слезами подробно объясняли на мѣстѣ расположеніе давней усадьбы, для сторонняго представляющей заурядный пустырь. Очевидно, фамиллярныя преданія о поселкахъ составляютъ отдѣльную тему семейныхъ разговоровъ

424) Тобовище и пунище — старыя мѣста, гдѣ раньше находился тобъ, или „пуня“. Стоитъ кстати вспомнить подобныя имена давнихъ мѣстъ: „церковище, городище, погостище, селище, банище“ и др.

425) Пуца-дрямуца, — въ знач. сущ. — обычное названіе дремучаго, вѣкового лѣса.

426) Такая форма въ окончаніи прил. обыкновенно выражаетъ превосх. ст. (см. 174 прим). Но есть еще одна форма той же степени — на „усенькій и юсенькій“: сухусенькій, цяплюсенькій, добрусенькій, бялюсенькій и др.

427) Жихырѣ, ра, сущ.—хозяинѣ, домовитый человекѣ. Отсюда происходятъ слова: жихырство (ведение хозяйства) и жихарица (хозяйничать, жить хозяйствомъ).

428) Голицѣ вочи — изнурительно бѣгать во время поисковъ; забывая, или не взирая на стыдѣ, просить объ одолженіи.

429) Спѣшу оговориться, что подобный произволѣ не имѣетъ мѣста въ переживаемое время, благодаря неослабному наблюденію за строительнымъ дѣломъ властей. Въ воспоминаемое же время это составляло одно изъ средствъ „уторницы рожонѣ“, или „пыдсучица, подстроица, пыдсудобица дудку“ сосѣду, т. е. сдѣлать преграду, неприятность, готовится къ злодѣянію или къ мести.

430) Сварба, ки — сущ. — обыкновенная брань, ругань; сильнѣе ея стоитъ „сварба зѣ мыцюгами“, т. е. съ т. наз. „материнскими словами“. — Спиране, ня, — сущ. — спорѣ; глаг. спираца — спорить.

431) Хыдунемѣ (иногда хыдюнемѣ) — ходица — вертѣться, неудержимо прыгать и ходить вокругъ чего, развязно и нахально держать себя.

432) Быйданѣ, на, — сущ. — то же, что и юрѣ, т. е. открытое для вѣтра, незащищенное мѣсто.

433) См. 113 прим., къ которому остается присоединить, что „людянысь или люцкысь“ понимается также и въ значеніи умѣнья жить съ людьми, сноситься съ ними, — чему въ житейскомъ быту противоплагается нелюдность.

434) Гдѣ усадьба расположена не при проѣзжей дорогѣ, тамъ улица мало будетъ отличаться отъ дорогъ чрезъ гумно и вообще „пызадкывыхѣ“ (позади строеній) дорогъ: весною этими дорогами проѣзжаютъ на свои поля и возвращаются оттуда пахаря, лѣтомъ по нимъ же провозится сѣно и хлѣбъ въ подлежащія мѣста. Все это, какъ и частый проходѣ, дѣлаетъ „гуменныи“ дороги „бойными“.

435) Шула, лы и шулина, ны, — сущ. — заборный столбѣ, который въ срединѣ забора имѣетъ пазы съ обѣихъ сторонѣ, а въ концѣ его въ одной только сторонѣ, прилегающей къ пряслу. — Глаг. — шулицѣ — означаетъ: строить заборѣ, укладывать „замецины“.

436) Знитный, снитный и щитный, — прил. плотно прилаженный, пристающий другѣ къ другѣ. Сущ. — знитнысь, сци. — щитнысь, сци — выражаютъ состояніе плотно приложеннаго, пригнаннаго.

437) Фортка, тѣи, —сущ.—обыкновенное названіе балитки, какъ и всякой маленькой двери въ изгороди, но внѣ строеній.

438) Отъ сущ. „пырканъ, на“—такая частовольная изгородь, гдѣ тонкія жердочки стоятъ въ перелетѣ и тѣсно другъ при другѣ, то вертикально, то наклонно („прямѣй и касѣй пырканъ“).

439) Этотъ простой снарядъ (доска арш. длины, въ срединѣ съ пробойной, куда прочно задѣланъ сажен. шесть), служащій для сдвиганія грязи и дорожнаго навоза (во время оттепелей и весною), имѣется въ каждомъ почти хозяйствѣ и только у наиболѣе безпечныхъ хозяевъ то же дѣлается граблями.

440) Зыхворосныць,—глагол. (отъ—хворость) спѣшно подмести дворъ, сѣни и избу метлою, чтобы удалить наиболѣе крупный соръ. Но то же названіе имѣетъ и метенье вѣвникомъ, если оно дѣлается наскоро, или касается лишь угла, части избы, сѣней.

441) Ганыкъ, нка, —сущ.—крыльцо, въ крестьянскомъ обиходѣ—рѣдко съ навѣсомъ и перилами.

442) Ушакъ, ба, —сущ.—верхняя перекладина въ дверномъ отверстіи (онъ же—косякъ), довольно свободно вынимающаяся въ нѣкоторыхъ домашнихъ положеніяхъ (при покойникѣ, трудныхъ родахъ).

443) Пглица, цы, —сущ.—клиноподобная задвижка, плотно входящая въ пазовыя вырѣзки дверныхъ досокъ и служащая для ихъ связи.

444) Т. е. отворяется и затворяется. Терминъ „одхутаць двери, ворота“—отворить дверь, ворота.

445) Чепиль, ля, сущ.—желѣзный пробой для всякаго замка. Клямка, ки.—сущ.—желѣзная петля, на которую вздѣвается „чепиль“.

446) Засовка—щеколда; при послѣднемъ условіи она имѣетъ нарѣзки на верхней сторонѣ, входя въ которыя шарнирная бородка ключа позволяетъ задвигать и отодвигать щеколду.

447) Притылыка, ки, —сущ.—боковой косячатый брусъ (въ сѣняхъ—„шулинка“) въ дверяхъ, имѣющій въ сторону стѣны пазъ.

448) Всѣ приведенныя названія одной и той же хатки достаточно объяснены въ „Толк. слов.“ В. И. Даля. Относительно послѣдняго названія можно замѣтить развѣ то, что на мѣстѣ (Пол. и Гор. у.) оно производится отъ слова „хибо“ (развѣ?) и въ употребленіи выражаетъ такую хатку, о которой можно спросить: „да развѣ это хатка?!“

449) Пылацы, цывъ,—сущ.—палаты (итал.—палаццо), дворець—пролическое названіе убогой избенки и такихъ же усадебныхъ строеній. Отъ этого имени нужно отличать „пылаци“ (полати)—подпотолочный помостъ, о которомъ будетъ сказано въ слѣд. главѣ.

450) Рывнядь, ди, — сущ. — ровная горизонтальная площадь, при постройках не вызывающая срыванья земли, — чего всемерно избегают деревенские строители, ведущие дѣло на глазомѣрь.

451) Строительный вѣнецъ есть связь четырехъ бревенъ; высота строения измѣряется числомъ вѣнцовъ.

452) Терминъ — „ладныя часина, часинина“ — составляетъ, повидимому, неточную протяженность времени; но въ быту деревлянъ такое время оформляется: а) проездомъ 8, а проходомъ 5 верстъ, и б) срокомъ отдыха среди работъ, подъ которыми понимается ѣда и сонъ послѣ нея (послѣ второй, предъобѣденной „зыпряжки“).

453) Такой срокъ можетъ казаться преувеличеннымъ; но стоитъ вспомнить сооруженіе „обыденникывь“ (см. 338 прим.) и кладку стѣнъ при готовомъ срубѣ.

454) „Ны цямки“ — въ знач. нар. — на глазомѣрь. Прил. — цямкій — приметливый, внимательный; глаг. — цямиць — мѣтить, — прицямливыцца — приглядываться къ чему, издали сличать, выбирать (см. прим. 91).

455) См. отд. Б, гл. VIII, гдѣ сказано объ этомъ (см. прим. 91).

456) Кромѣ суетѣрныхъ (тайный переносъ прусаковъ изъ своего дома въ чужой) и чисто антипаразитныхъ средствъ, борьба съ прусаками и тараканами разрѣшается довольно просто: въ сильный морозъ жильцы оставляютъ домъ дня на три, раскрывъ окна и дверь — „морозуць прусовъ“. Но того же нельзя сдѣлать съ клопами („пхлы“), и единственнымъ средствомъ въ воспоминаемое время было — смазыванье щелей и клоповыхъ гнѣздъ желчью животныхъ, или немного проквашенными рыбными помоями (рукописная записъ б. благоч. о. Мартирія Бѣлинскаго, въ Клевникахъ, Нев. у.). Какъ извѣстно, упорныя клопы съ теченіемъ времени привыкаютъ къ этому и свободно размножаются.

457) Болонка, ки, кватѣрка, би и шибя, бы, — имена относящіяся къ окну. Первое есть имя окна, состоящаго изъ одного, но не болѣе двухъ стеколъ, коимъ собственно и принадлежитъ имя; второе — есть часть (четвертая) такого окна, которое содержитъ только четыре стекла почти квадратной формы, при чемъ, по величинѣ, такія стекла бывають: „кватѣры, кватѣрки, кватѣринки и кватѣрчинки“; „шибя“ же есть названіе всего окна, съ рамами и остекленіемъ, хотя (въ Вит. у.) этимъ именемъ изрѣдка называется и отдѣльное оконное стекло.

458) Помѣстный въ (юго-вост. окраинѣ Вит. г.) обычай требуетъ, чтобы разговоръ въ Р. Х. пропозло до разсвѣта. Но если стряпня замедлилась и разговоръ приходится уже днемъ, тогда окна завѣшиваються одеждою, платками, закрываються ставнями и матами или задвигаются волоковыми внутри досками. Въ такой искусственной темнотѣ, при свѣтѣ лучины или

свѣчи, происходитъ разговѣнье (см. мои сообщенія о семъ въ „Бѣлор. п.“ г. Шейна, Спб. 1874 г., стр. 38—41).

459) Окейница, цы,—сущ.—ставень, обыкновенно одностворчатый.

460) Высота порога („пираступъ“) равна высотѣ двухъ съ половиною нижнихъ вѣнцовъ. Если хатка и сѣни мощенныя, высота порога становится значительно ниже, чѣмъ то бываетъ въ немощенныхъ хаткахъ и сѣняхъ.

461) Разница между тою и другою крышей довольно велика: первая тоньше и стелется „макушками“ (головками, колосьями) внизъ, наружу, а вторая—толще и стелется бочками наружу.

462) Казениць, нца,—сущ.—б. государ. крестьянинъ, довольно замѣтно отличавшійся отъ крѣпостного (см. мои сообщенія о „казенныхъ“ въ „Этногр. Обзор.“ 1894 г., кн. XX, стр. 64—68).

463) По существующему увѣренію (въ Пол. и Дрис. у.), нечистые духи съ трудомъ пробираются въ избу, дверь которой, какъ и другія отверстія, ограждены мѣловыми крестами, окропленіемъ освященной воды или привѣсомъ освященной (24 іюня) травы. Но это не ограждаетъ отъ „нячисцикывъ“ скрытыя отверстія, каковыми въ данномъ случаѣ могутъ быть потолочныя дырья.

464) Гора, ры и горка, ки,—сущ.—заурядное названіе чердака съ насыпною землею, который бываетъ только въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Тотъ же чердакъ безъ насыпи называется „столій, столлю“, каковое названіе принадлежитъ и избяному потолку.

465) Отвоный, —прил.—имѣющій некрутую покатость. Сущ.—отвонысь, сци и ласк. прил.—отвонинькій—удерживаютъ то же значеніе.

466) Въ отдѣльныхъ, кстати, щегольскихъ постройкахъ эти „рогульки“ (козлы на избяномъ гребнѣ) на самомъ дѣлѣ имѣютъ видъ двухъ обращенныхъ другъ къ другу роговъ.

467) „Юдашевыми бирвенными“, какъ и вообще деревьями, называются осина и ольха. По непоколебимому и дов. распространенному вѣрованію „ны осинины Юда зыдавився, а ны олешину кровь пускавъ“,—отчего произошла горечь древесины у первой и краснота древесины у послѣдней... Въ бытующее время то и другое дерево бывало малопотребнымъ и шло развѣ на банное, овинное топливо, да на изгороди.

468) Трупехныць,—глагол.—становиться хрупкимъ, дряблымъ отъ гніенія; по частямъ распадаться. Сущ.—трупехлысь, сци, трупехлина, ны—и прил.—трупехлый—имѣютъ то же значеніе.

469) Наиболее подходящимъ временемъ для рубки строительнаго лѣса считается время отъ Николаина дня (6 дек.) до Срѣтенія, когда деревья слишкомъ мерзлы. Но и въ этотъ срокъ деревья, срубленныя въ новолуніе и

даже въ первую половину луннаго мѣсяца, предпочитаютъ срубленнымъ послѣ полнолунія.

470) Кымяница, цы,—сущ.—каменное строеніе вообще и жилой домъ— по преимуществу. Среди мѣстныхъ „кымяницъ“ встрѣчаются каменные зданія (церкви—въ Лѣсковичахъ, Вит. у., въ Старой-Слободѣ, Люц. у.,—мельницы, корчмы), красивыя и прочныя сооруженія изъ булыжника, имѣющія кирпичныя добавки при выводѣ оконныхъ и дверныхъ отверстій.

471) Распространенная и любимая поговорка мѣстнаго престолярства, обыкновенно выражающая необходимость подчиниться сложившимся обстоятельствамъ.

472) Приведенными названіями выражаются неподходящія для жизни простолюдина стороны такого, или иного не-крестьянскаго дома. Такъ, „сто-дола“ (большое холодное строеніе для склада невымолоченнаго хлѣба) выражаетъ понятіе большой, съ трудомъ нагрѣваемой избы; „стайня“ (конюшенное съ большими дверями зданіе)—опять же большое, растягивающееся въ длину строеніе; „лядовпя“ (ледникъ)—подвальное и холодное помѣщеніе; „вывывня“ (отъ сущ.—волкъ)—высокое, расширенное строеніе, на подобіе строеній для цирка—съ трудомъ согрѣваемое зданіе, гдѣ человекъ боится и теряется въ пустотѣ.

473) Спыживаць,—глаголъ.—не всегда выражаетъ пословичное реченіе „поживать“, а весьма часто—съѣсть, насытиться,—что, между прочимъ, видно изъ причета надъ убойнымъ животнымъ: „суди, Божа, спожичь яго (убитое животное) у корысци, у радысци, у добрымъ здоровійку“!... (въ юго-вост. крайнѣ Вит. г.).

474) Къ типичной особености жилыхъ строеній можно отнести то, что сюда идутъ только цѣльныя, а не стачиваемыя бревна. Строители маскируютъ истинныя причины этого, когда увѣряютъ, будто рознь сточенныхъ бревенъ порождаетъ рознь семейной жизни жильцовъ,—будто цѣльныя бревна не уживаются въ сосѣдствѣ со сточенными (въ дер. Глиницѣ, Пол. у.), чрезъ что хатка скорѣе разрушается...

475) Избы съ квадратнымъ построеніемъ считаются менѣе желательными, хотя на самомъ дѣлѣ и встрѣчаются весьма часто, потому что стройка таковыхъ и, въ особенности, перекладка нѣсколько удобнѣе, такъ какъ, безъ ущерба дѣлу, можно замѣстить, напр., продольное бревно поперечнымъ и наоборотъ.

476) Курошесця, или курошадня,—сущ.—шесть, жердь, балка, гдѣ лѣтомъ ночуютъ куры; „курошесныя мѣсто“—то именно, гдѣ находятся эти предметы для ночлежнаго сидѣнья куръ.

477) Такое обычное, хотя и рѣдкое явленіе бываетъ при внезапной отпечели. Жильцы обыкновенно видятъ въ этомъ неожиданную смерть одного изъ семьянъ, или вѣсть о смерти близкаго лица (Ловожь, Пол. у.).

478) Мосничный, — прил. — вымощенный, настланный досками, изъ коихъ отдѣльная доска будетъ „мосница, мосничина, мосничинка; весь же полъ называется „мостомъ“. Сущестующій терминъ — „мостъ мосницъ“ — означаетъ: настилать полъ досками; въ отношеніи потолочной настилки досками же есть терминъ — „столь столицъ“.

479) Тынцы-плясы, род. тынцы-плясывъ, — сущ. — общее имя уже продѣланныхъ на вечеринкѣ танцевъ; названіе танцевальной вечеринки, — игрища. Танцы раздѣляются: а) на „плясы“, когда танцующіе ходятъ плавно, не очень шумно, и — б) на „скоки“, когда они усиленно притопываютъ и прыгиваютъ.

480) „Мосничный“ полъ не вѣдается съ такимъ пониженіемъ и, какъ замѣчено дальше, скорѣе повышается, благодаря наносамъ. При одной и той же высотѣ порога немощеной и мощеной хатки, полъ второй будетъ выше земляного настолько, какъ могутъ улечься на землю половыя балки (4—5 верш. въ діам.) и досчатая настилка („двядумники“ — доски въ 2 д. толщ.), — что составитъ приблизительную высоту въ 6—7 верш.

481) Будетъ ли жилая изба въ отношеніи улицы стоять такъ, какъ показано на черт. А, или — какъ на черт. Б, печь той и другой избы помѣщается при стѣнѣ къ хлѣву. Чрезъ это расположеніе предметовъ внутри избы измѣняется только такъ: что въ одной (черт. Б.) приходится справа, то въ другой (черт. А) придется слѣва.

482) Лавка толщиною въ 2 верш. почитается наиболѣе подходящею и желательною. Лавка изъ половинника бываетъ толще (по срединѣ) и не нуждается даже въ подпоркѣ; зато края такой лавки остры. — что имѣетъ очевидныя неудобства.

483) Реги, регывъ, — сущ. — громкій хохоть. Глаг. — ригытаць — хохотать. — Отъ такого смѣха строго отличается сдержанный смѣхъ — „хихи“.

484) Какъ извѣстно, при первичномъ появленіи въ домѣ намѣченной невесты, сваты ведутъ рѣчь иносказаніями („отумѣки“), называя сватаемую дѣвушку „товаромъ, птицею, дорогимъ звѣрькомъ, краснорыбницей“, а себя и жениха — „купцами, охотниками, ловцами“.

485) Терминъ — „буницу мириць, зымиряць“ — означаетъ: покончить сватовство рукобитьемъ и нераздѣльно съ нимъ „запойнами“ (въ юго-вост. окр. Вит. г.). Отъ этого термина нужно отличать другой: „попа мириць“, — подъ чѣмъ обыкновенно разумѣется оповѣщеніе и переговоры со священникомъ о состоявшемся сватовствѣ.

486) Чистуваць, — глаг. — собств., оказывать честь, честить, подъ чѣмъ нераздѣльно понимается гостепріимное угощеніе. Въ томъ же значеніи понимается и терминъ „быць ны часци“.

487) Т. е. остающееся. послѣднее времечко. — „Пычасный гosciкъ“ — обыкновенное названіе покойника въ домѣ (находящагося здѣсь временно, нѣсколько часовъ), каковое имя нерѣдко слышится въ причитаньяхъ при голошеніи надъ покойникомъ, пока тотъ въ домѣ.

488) Крэйда, ды, — сущ. — польское названіе мѣла. Такой мѣлъ служилъ для намѣчанія надписей и крестовъ на дверяхъ, верхнихъ косякахъ оконъ, стѣнахъ и ульяхъ. — „Читварговья соль“, освященная въ Чист. Четв., служила для посыпки ею новорожденныхъ животныхъ, огородовъ и полей; ее употребляли и носили при себѣ боящіеся грома. — „Блыговѣщинья проскурка“ — освященная 25 мар. просфора, какъ и кусочекъ артоса, въ тряпочкѣ привѣшивались къ „свалки, лубцы“, при хлѣбномъ посѣвѣ, и употреблялись по окончаніи его. — „Громничныя свѣчи“, освященные 2 февр., служили для легкаго обжиганія новорожденныхъ животныхъ, зажигались во время грозы и зажженными подавались въ руки умирающимъ. — На предметъ освященія перечисленныхъ и неперечисленныхъ предметовъ въ давнихъ униатскихъ требникахъ имѣлись особые „чины“ (см. замѣчаніе о таковомъ требникѣ Е. Р. Романова, „Бѣлор. сборн.“, вып. V, Витеб. 1891 г., стр. 195). — Въ распоряженіи автора есть такой требникъ.

489) Въ сравнительно недавнее время такія фигурки отдѣльныхъ частей тѣла, или цѣлаго корпуса, кстати, кое-какъ слѣпленные, приходилось видѣть въ числѣ „офярныхъ приносывъ“ въ Борковичахъ, Др. у., въ „Дивятникѣ“ (четвергъ 9-й нед. по Пасхѣ) и въ Жеребычахъ, Вит. у., въ обѣ „Пяцинки“ (пятницы передъ 29 іюня и 20 іюля).

490) См. мои сообщенія объ этомъ изъ Веляшк., Вит. у., въ „Бѣлор. п.“ г. Шейна, СПб. 1874 г., стр. 41.

491) Зызныць, озызныць, — глаг. — озязнуть, продрогнуть. Прил. — зызлый, озызлый происходитъ отсюда.

492) Раньше (отд. А, II гл., п. 38) упомянуто, что ржаная каша варится около Ильина дня, — что совпадаетъ съ созрѣваніемъ ржи. Но для каши сжинается нѣсколько сноповъ незрѣлой, зеленой ржи, которая послѣ сушки обрабатывается въ крупу. Ржаная каша варится одинъ — два раза, и почти повсемѣстно ею „разговляются“ въ Ильинъ день.

493) Мижикрылы, лъ, — сущ. — часть хребта, приходящаяся между лопатокъ; спина ниже этого мѣста называется „спрядиный“, а прилегающая къ тазу часть ея есть извѣстное „храсцо“ (крестецъ), „крыжъ“, какъ у людей, такъ и животныхъ.

494) Табъ обыкновенно называется печной уголь, — соединеніе двухъ лицевыхъ сторонъ печи; верхнее же остроконечіеугла извѣстно подъ именемъ „рога“. Но того же названія не имѣютъ остальные ребра печи и рога ея, а именуется просто „боками, краями“.

495) Увесь, уся, усе, — мѣст. — весь. — Находъ, ду, — сущ. — сходъ, сборище.

496) Пылюваць, — глаг. — охотиться, стрѣлять. — Производимое отъ сущ. — поле и глаг. — „палиць“ (жечь огнемъ) понятіе это не измѣняется въ значеніи. То же значеніе удерживаютъ и слѣдующія родственныя слова: „пылюванне“ — охота и мѣсто ея, „пылюванникъ“ — охотникъ, стрѣлокъ.

497) Шукаць, — глаг. — искать. Но сложный глаг. ошукаць — обмануть; родственное сущ. — ошука — ошибка, ошуканицъ — обманщикъ.

498) Миколка и Авгинька — ласкательно употребленныя имена: Николай и Евгенія.

499) Такія, почти дословныя „рацен“ приходилось слышать: въ Пол. у.: а) 15 окт. 1867 г., въ д. Воропъкахъ, передъ надѣленіемъ новобрачной, и б) 22 окт. 1867 г., въ д. Паршинѣ, въ домѣ Ад. Григорьева, передъ надѣленіемъ новобрачнаго. Въ томъ и другомъ домѣ „раценстами“ были наиболѣе „говоркшіи“ мужчины. Одѣтые по дорожному, даже въ шапкахъ, съ прибаутками, ломаньемъ, съ напускнымъ недужествомъ, точно нехотя, они взбирались, или подсаживались „на конь“, гдѣ продолжали „штукариць“ — подолгу откашливались, начинали рѣчь хриплымъ голосомъ и тутъ же обрывали ее, пока догадливые хозяева не приподносили „промочки“. Послѣ этого, при общей тишинѣ, выливались приведенныя рѣчи...

Тутъ же удостовѣряли, что иной „штукаръ-раценсть“, подъ вліяніемъ хмелька и на усладу гостей, при послѣднемъ словѣ рѣчи, скатывался съ „кыня“ на печь, съ печи на лежанку, оттуда — на „поль“ и, наконецъ — на „зямлю“, гдѣ охалъ, стоналъ, покатывался съ боку на бокъ, пока, въ видѣ микстуры, не получалъ новой „промочки“... Несомнѣнно, такой финаль рѣчи приноситъ двоякую пользу: среди заупынныхъ на сей моментъ пѣсенъ и причитаній гости задушевно похочутъ, а изъ сожалѣнія къ „раценсту“ на самомъ дѣлѣ помявшему собственные бока, „рысныяснуць-рысцягнуць, усю свою сокровійку“ болѣе обыкновеннаго, т. е. вмѣсто обычныхъ одной-двухъ коп. положить въ сборную миску, шапку, рукавицу три-четыре копейки!..

500) Эти булыжники, не выше пуда вѣсомъ каждый, помѣщаются въ верхней половинѣ печки, и число ихъ въ одной избяной печи не превышаетъ десятка.

501) Этимъ именемъ называется еще небольшое (1 саж. длиною и 2 арш. шириною) вѣнцовъ въ 5 строеніе, безъ крыши, наполненное лучшею

землей: тутъ (въ парникѣ) обыкновенно засѣваются и первое время растутъ пересадочные овощи капуста и брюква.

502) Нагляднымъ показателемъ „замочныхъ“ угловъ и связей служатъ сундукъ и столярный ящикъ. Между прочимъ, съ такими углами строятся цѣлыя строения (въ городахъ, мѣстечкахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ); но деревляне избѣгаютъ стройки съ замочными углами.

503) Этотъ выступъ несовсѣмъ справедливо носитъ имя „припка, припка, припичка“, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ такъ называется описанная въ п. 7 лежанка, на что отчасти указываетъ начало дѣтской пѣсни:

„Ды-ли, ды-ли скрипка!
Ляциць баба съ припка“...

Или:

„Скрипа-скрипа скрипца!
Ляциць баба съ припца“...

504) Жирства, жарствы, — сущ. — пережженный, рассыпающийся камень; о немъ будетъ сказано ниже.

505) Отъ сущ. — склепъ, — каковое понятие выражаетъ сводчатое каменное построение. Отсюда глаг. — скляпницъ — сдѣлать сводъ въ каменной постройкѣ вообще.

506) Между прочимъ, загадка о заслонѣ произносится такъ: „а якей ета вовчекъ, што маиць горѣлинькѣй бочекъ“?

507) Коминный, — прил. отъ сущ. — коминъ, на — печная труба.

508) Поджожинка и подтоинка, — сущ. собир. — однозначныя слова, коими выражается понятие о древесномъ матеріалѣ, служащемъ при затопливаньи печи.

509) Кулюкушки, шикъ, — сущ. — известная дѣтская игра въ прятки. Сущ. — кулюковщикъ — тотъ который разыскиваетъ спрятавшихся; глаг. — кулюкываць — разыскивать ихъ.

510) „Скачкомъ блины“! — обычное привѣтствіе новопрішедшаго при печеньи блиновъ. При игривомъ настроеніи, стряпуха шутливо отвѣчаетъ: „торчкомъ сы збы“! Незначительное число привѣтствій на разные случаи есть въ „Мат.“ г. Шейна (т. II, Сиб. 1893 г., стр. 503 510).

511) Цирабицца, — глаг. — въ данномъ случаѣ — париться. Вообще же этимъ словомъ выражается чесанье зудящаго мѣста, подергиванье и перетирь перьевъ птицами. Но — цирабиць — подчищать, срубить мелколѣсье при пашнѣ и на лугу, — отчего такія мѣста называются „подцяробыми, рысцяробыми“.

512) Т. е. скупцы несутъ (эпитимію) наказаніе.

513) Мѣстонахожденіе „боковки“ въ трубной печи — середина той части лицевой стороны трубы, которая (часть) приходится между печнымъ карни-

зомъ и потолокомъ. Величина „боковки“ не превышаетъ величины трубной дверцы, за отсутствіемъ которой отверстіе закрывается прилаженною дощечкою.

514) Куряшка, ки, —сущ. —въ данномъ случаѣ —названіе курной хатки. Собственно же „куряшкый, или дымокуркый“ называется высушенная древесная гнилушка, дымомъ которой пользуются для выкуриванья пчелъ изъ улья или дупла (борти).

515) Гылывашникъ, ка и гылывашка, ки, —сущ. — названіе многихъ предметовъ, подкладываемыхъ подъ голову лежащаго человѣка: маленькая подушечка („пыдушчонка“), скомканная одежда въ изголовьѣ, на „полу, пылацкхъ, лижанцы“, —небольшой, наклонный помостъ изъ досокъ тамъ же. „У грубцы“ этотъ помостъ кирпичный и всегда приходится надъ устьемъ ея, въ сторону хатки.

516) Ложикъ, жка; —сущ. —кровать. О ней будетъ сказано ниже.

517) Чтобы получить упоминаемый глянецъ, кстати, совершенно необходимый для прикрѣпленія къ стѣнѣ копоты, печка періодически топится исключительно осиновыми дровами. То же дѣлается и въ печкѣ съ трубою: дымъ осиновыхъ дровъ чиститъ и глянцеуетъ трубу.

518) Вапна, ны, —сущ. —известка. Сущ. —вапенникъ —рабочій, пережигающій известъ, —ваненица —горнь, гдѣ она пережигается; глаг. —вапцъ —бѣлить известкою, штукатурить.

519) Пэнзыль, ля, —сущ. —красильная кисть. Глаг. —пэндиць и пынзэлицъ —мазать, пачкать —имѣетъ скорѣе ироническое значеніе.

520) Метенье избы и выносъ сора должны быть сдѣланы тайкомъ и до разсвѣта; выносить соръ нужно съ зажмуренными глазами (изъ множества повсемѣстныхъ по Витеб. г. повѣрій). Это дѣло обыкновенно отправляется дѣтьми на перебой.

521) Прикрытіе сквозныхъ мѣстъ и даже покрышка второстепенныхъ построекъ тростникомъ, камышомъ, апрокъ встрѣчается у при-водныхъ жильцовъ, гдѣ изъ года въ годъ озера, рѣки и пруды даютъ обильный, даровой матеріалъ. У остальныхъ защитою и покрышкою служитъ солома, а изрѣдка — мелкій хворостъ, чаща (вѣтки ели) и кора большихъ деревьевъ.

522) Столевыный, —стр. прич. отъ глаг. столицъ, стылюваць, который, въ свою очередь, происходитъ отъ сущ. „столь“ —потолокъ. Среднее сущ. —стылювання — позволяетъ смѣшивать два отдѣльныхъ понятія: столовое продовольствіе (столь) и плотничную работу при настлѣкѣ потолка („столь“).

523) Эта повсемѣстная примѣта тѣмъ чаще подлежитъ наблюденію, чѣмъ неряшливѣе содержаніе жилыхъ помѣщеній, а между тѣмъ весьма нерѣдкіе счастливики каждый разъ тѣшатъ себя надеждою на новое и новое благополучіе, не получивъ толковата отвѣта отъ предыдущихъ пророчесственныхъ указаній...

524) „Нясуція, или кладуція бурба“ почему-то охотнѣе всего кладется на чердакѣ хатки, гдѣ для ея гнѣзда готова мягкая подстилка, достаточное тепло для яицъ, а главное--это мѣсто недоступно для многочисленныхъ алчниковъ—собакъ и свиней.

525) Собственно „исцепкый“ слѣдуетъ назвать запасную избу, невозможную для отопленія, прекратившую таковое по старости печи или своей собственной (Ловожь, Пол. у., вѣ 1867 г.), хотя на дѣлѣ такъ называется всякая запасная, даже новая изба, безъ отопленія и даже безъ печи. Имя „призбы, или прійзбы“ гораздо точнѣе выражаетъ ея служебное при хаткѣ положеніе.

526) Очухыцца,—глагол.—отдышаться, успокоиться отъ усиленнаго движенія, въ данномъ случаѣ—отрезвиться, притти въ нормальное положеніе.—Сохраняя укориженный смыслъ, это слово имѣетъ своимъ родоначальникомъ межд. „чухъ“! которымъ деревляне испугиваютъ свиней, а терминомъ —„чухыло-рухыло-крухыло“—называютъ ихъ безотносительно къ особи. Несомнѣнно, что данный глаголъ образовался, какъ укоризна, намекъ хмельному на его неестественное состояніе.

527) Соответствующіе, часто повторяемые въ обиходѣ простолюдина, предметы имѣютъ существенное различіе, которое обозначается предлогами: вы, за, изъ, отъ, чере, при и др.

528) Изъ предыдущаго описанія видно было, что сѣни довольно слабо освѣщаются сами по себѣ—чрезъ отворенную дверь, заметныя щели и рѣдкостныя прорубы. „Клѣць празъ сѣнки“, лишенная прорубовъ ради того, чтобы чрезъ нихъ не забралась кошки, хорьки и птички. пользуется лишь сѣннымъ свѣтомъ. Не погрѣша противъ истины, можно утверждать, что сюда приходится заходить „днемъ съ огнемъ“.

529) Свиринъ, рна,—сущ.—въ помѣщичьихъ усадьбахъ большое зданіе для храненія исключительно зернового хлѣба. Это имя перенесено и на крестьянскіе амбары (клѣти), хотя въ нихъ вмѣстѣ съ зерновымъ хлѣбомъ сохраняются довольно разнообразныя предметы обиходности,—какъ то видно будетъ изъ послѣдующаго описанія.

530) Живоцина, ны, животы, товъ, стачина, ны и статыкъ, тка,—сущ. собир., выражающія имя домашнихъ животныхъ всей деревни, даннаго хозяйства, или только извѣстную группу ихъ (лошади, коровы и проч.). Въ томъ же значеніи понимаются имена: живоцинина, стачинина, изрѣдка прилагаемыя къ особи. Соб. имя домашнихъ птицъ есть „птаства, ствы“.

531) Это дѣлается въ первые дни послѣ отеленія коровы въ суровое зимнее время, и не только при захудалыхъ хлѣвахъ, но и при болѣе благоустроенныхъ. Здѣсь мать видится съ отдѣленнымъ отъ нея теленкомъ, потребить предложенныя ей наиболѣе лакомыя мѣшанъ и пойло, да кстати и

выдоится. Если при домѣ есть „исцепка“, то корова вводится туда, такъ какъ подвоспитывающіяся животныя ютятся тамъ.

532) Терминъ — лыкомъ шитый“ — прилагается ко многимъ именамъ, выражающимъ профессію даннаго лица: такъ, есть „лыкомъ шитый“ мастеръ, землепашецъ, грамотей, музыкантъ и проч. Во всѣхъ случаяхъ здѣсь разумѣется недостаточный знатокъ своего дѣла, кое-какъ ведущій его.

533) Только въ послѣдніе годы наиболѣе предприимчивые крестьяне Потапичской, Войханской, Мишневичской и другихъ недалекихъ отъ дв.-бит. ж. д. волостей начали вводить культурное удобреніе земли гипсомъ, каковой удобрительный матеріалъ задешево (50 коп. пудъ) можно получать съ желѣзно-дорожныхъ станцій и изъ городскихъ складовъ.

534) Крестьяне воспоминаемаго времени знали только трехпольное хозяйство, а захолустники даже и не слыхивали о другомъ, такъ какъ помѣщики, крупные арендаторы и духовенство держались одного трехпольнаго хозяйства.

535) Полною хаткой называютъ жилое помѣщеніе съ сѣнями и „призбый“ нераздѣльно, когда онѣ имѣютъ одну общую крышу.

536) Предѣльною шириною хлѣва нужно считать 2 саж. и 2 арш., каковая ширина доходитъ до 3 саж. тамъ, гдѣ хлѣва находятся въ отступѣ отъ задней стѣны хатки.

537) Дерзость свиней и разореніе ими загорожи достаточно выражены въ пословичномъ сравненіи: „свинни абы (лишь-бы) лычъ продѣць (сѣвозъ загорожу), дыкъ ина и уся пройдець“...

538) Вацерьъ, вапрукъ, вэприбъ, выпручекъ имена кастрированнаго самца, борова. Раньше кастраціи онъ называется „килуномъ, килашомъ“.

539) Хлявникъ, хливника, —сущ. — имя одного изъ домашнихъ духовъ притонъ котораго есть хлѣвъ. „Хлявникъ“ является въ большинствѣ охранителемъ скота и только въ капризныхъ случаяхъ мучителемъ его. Не въ примѣръ вѣдьмамъ и чаровникамъ, онъ не выдаиваетъ молока, а только обезмолачиваетъ боровъ изнурительною ѣздою на нихъ по хлѣву преимущественно ночью (повсемѣстное повѣрье).

540) Имена одного и того же животнаго, преимущественно коровъ, примѣнительно къ росту, бываютъ слѣдующія: „селитка, или снголтка, пиралѣтка (пережившая лѣто), пиразимка (пережившая лѣто и зиму), поццелькъ (имѣющая годъ), другодичка (два года) и триццачка (три года)“.

541) Въ виду безпокойнаго поведенія свиней и наиболѣе зловоннаго навоза ихъ, „свинярня“ относится въ отдаленный уголъ хлѣва, какъ то можно видѣть на черт. А, подъ лит. е.

Гдѣ водятся гуси, тамъ подѣ повѣтью, или подѣ надворною стрѣхою строится „гусарня“—маленькое частокольное строеніе, дающее жалкій пріютъ племеннымъ гусямъ въ теченіе зимы.

542) Толочные пособники, обыкновенно справляющіе работу изъ-за угощенія только, называются „госциками“, а приглашеніе ихъ къ толочкѣ принимается, какъ зовъ въ гости. Такъ смотрятъ на дѣло и на самихъ себя пособники и хозяева.

543) Крыша описываемаго хлѣва зачинается такъ: вдоль задней стѣны хатки ставятся три-четыре вертикальныя „сохи“, на которыя потомъ накладывается длинное бревно; отъ него, наложенные крючковатымъ концомъ („копани-самородки“), спускаются къ внѣшней стѣнѣ „латы“, вмѣстѣ съ кровельными жердями дающіе „поплетъ“ (см. отд. В, гл. II) для настилки крыши.

544) На практикѣ такая защита хлѣвныхъ стѣнъ даетъ поводъ къ цѣлозимней борьбѣ: съ одной стороны скотъ разрушаетъ мягкую защиту, когда хочетъ ѣсть, или отъ нечего дѣлать, а съ другой—хозяева исправляютъ порчу новымъ, хотя однимъ и тѣмъ же матеріаломъ.

545) Дянникъ, динниба, — сущ. (отъ день)—мѣсто, предназначенное для дневного пребыванія скота. Лѣтомъ, когда по случаю вывоза навоза (толока), исправленія хлѣва, карантиннаго положенія, отдаленности пастбищныхъ мѣстъ отъ дома, скотъ принужденъ ночевать, или, по крайней мѣрѣ, полдневать не дома, тогда на парной пашнѣ, лугу, въ рощѣ, создаются временный „дянникъ“, перемѣщаемый дня черезъ три, или черезъ недѣлю. Онъ есть четырехугольная загорожа изъ двухъ-трехъ межачихъ жердей, покоящихся на рѣдко поставленныхъ кольяхъ. Если продолжится кочевье скота, то, благодаря перемѣщенію „динника“, такимъ путемъ можетъ удобриться почти все поле.

546) Кромѣ боданья ко ровъ, возможной обиды младшихъ и слабыхъ, безпокойство скота бываетъ отъ внезапнаго пробѣга кошки, хорька, мыши и ласки. Какъ извѣстно, ласка иногда вспрыгиваетъ на животное, чтобы воспользоваться клочкомъ шерсти для своего гнѣзда: испуганное животное мечется по хлѣву и тѣмъ поднимаетъ на ноги остальныхъ—происходитъ непонятная суматоха, кончающаяся увѣчьемъ отдѣльныхъ животныхъ. Такое положеніе поддерживаетъ и укрѣпляетъ вѣру въ „хливниковъ“ (см. прим. 539).

547) Въ этомъ случаѣ авторъ опирается на увѣреніе Д. П. Цвѣткова, уроженца Каменской вол., Леп. у., что, при устройеніи хлѣва непосредственно при хаткѣ, такая гигиеническая польза его имѣется въ виду строителями...

548) Шкода, ды, — сущ. — трата, потеря отъ стравежа; всякая трата вообще. Отсюда происходят слова: шкодивысь, сци, — школивый — прил., и глаг. — шкодиць, шкодывыць. — Отъ этого слова рѣзко отличается другое — шкыда, — нар. — жаль, больно.

549) По своему имени „повклѣць“ (полклѣть) должна бы быть на половину меньше клѣти на самомъ дѣлѣ она то равна ей, то немногимъ меньше, и если можетъ быть рассматриваема, какъ нѣчто половинное, такъ развѣ по количеству и добротности помещеннаго здѣсь имущества.

550) Отгадка (въ Дрис. у.): верхняя и нижняя полость рта, а среди нихъ языкъ Но есть и довольно циничная отгадка той же загадки.

551) Насколько тонкій дѣсь идетъ на клѣть и подобныя ей строенія, можно видѣть изъ того, что, напр., въ д. Крякахъ, Бескат. вол., Гор. у., при полевой дорогѣ стоитъ мшеное, дов. свѣжее строеніе, въ которомъ 23 вѣнца, но которое едва превышаетъ 1 саж., а отдѣльныя бревна имѣютъ діаметръ только въ 2 вершка!..

552) Кылонца, цы, — сущ. — перегорѣвшій и сгустившійся въ колееѣ и на оси деготь. Онъ употребляется, какъ противолихорадочное средство (три шарика величиною въ горошину до восхода и по закатѣ солнца); тотъ же деготь, приставшій отъ оси къ воротнымъ столбамъ, еще меньшими шариками накладывается на бородавки („дичи“) и сводитъ ихъ, какъ симпатическое средство (изъ дѣлѣбныхъ пріемовъ въ Махировѣ, Пол. у., въ 1875 г.).

553) Повсцѣныкъ, нка, — сущ. — имѣющій половину стѣнной высоты; на самомъ дѣлѣ высота полстѣнка едва превышаетъ аршинъ. — Мѣсто его — только клѣть.

554) Такъ чаще всего называются закромы въ клѣти и „повклѣци“

555) Хотя подобные самоубійцы могутъ найти не мало и другихъ мѣсть, но клѣть почему-то считается наиболѣе подходящею: она ближе къ дому, хорошо запирается снару, а главное — что дѣлается въ ней, недоступно для наблюденія извнѣ, и потому не можетъ быть предупрежденія замысла... Такъ ли это по статистикѣ самоубійствъ — вопросъ иной; практическій же знатокъ простонародной жизни, Сер. Адр. Комаровъ, еще въ 1868 г. утверждалъ, что половина повѣсившихся сводитъ счеты съ жизнью въ клѣти.

556) Вотрина получается при вѣяньи хлѣба на току и состоитъ изъ наиболѣе грубой мякины, въ которой во множествѣ попадаются отпавшіе колосья. „Вотрина“ дается животнымъ, какъ лакомый кормъ.

„Пилуха“ — тонкая мякина, получается при просѣвѣ зернового хлѣба чрезъ рѣдкое рѣшето, на ручной вѣялѣ и чрезъ „подпалыванье“; при вѣ-

яныи хлѣба на току, она ложится небольшою полосою передъ „вотринный“, почти у ногъ вѣющаго.

„Шаколы, шакины“ стоятъ значительно ниже „пилюхи“, хотя, какъ отдѣленные отъ зеренъ скорлупы, онѣ должны бы считаться болѣе добротными. „Шаколы“ получаютъ при обработкѣ перловой и гречневой крупы; ими становятся выжатыя овсяныя высѣвки послѣ настоя цѣжи. Онѣ даются домашнимъ птицамъ въ видѣ мѣшани съ мукою, картофелемъ, а скоту — съ прибавленіемъ „вотрины или пилюхи“.

557) Церница, цы, — сущ. — мятая, непрямая солома, иногда смѣшанная съ сѣномъ, чтобы скотъ охотнѣе ѣлъ ее. „Уцерницу“ поступаетъ болѣе нѣжная ржаная солома и вся яровая, за исключеніемъ соломы отъ пшеницы „лядовки“ (озимой), которая, какъ и прямая ржаная солома, рѣжется косою, ножемъ, отдѣльнымъ „ризакомъ“ и, подъ именемъ „рѣзи“, поступаетъ въ кормъ только въ болѣе трудные годы. Но ту же „рѣзь“, смѣшанную съ овсомъ или ячменемъ, рабочія лошади охотно ѣдятъ въ любую пору года.

558. Какъ извѣстно, для куръ не устраивается отдѣльнаго курятника: зимою онѣ помѣщаются въ подпольѣ, а съ весны до поздней осени — подъ навѣсомъ строеній, по собственному выбору. За невозможностью пріютиться подъ навѣсомъ, они избираютъ „курошесцій“ ближайшее къ дому дерево.

559) Въ чертѣ гуменной площади, вблизи мѣста выработки кирпичей, на небольшомъ отдаленномъ лужеѣ и на болотинѣ, для временной поклажи сеновъ, кирпичей, сѣна и др. предметовъ, кои почему-либо неудобно помѣстить въ постоянныя складыща, устраивается подобная повѣть: она безъ заметныхъ стѣнъ и представляетъ односкатный, или двускатный навѣсъ, утвержденный на четырехъ вольныхъ столбахъ. Такое строеніе удерживаетъ имя повѣти, пока тамъ есть какая-нибудь поклажа.

560) Трудно указать мѣста, гдѣ разграничиваются приведенныя названія одного и того же овина, потому что эти имена одинаково извѣстны изъ края въ край, и скорѣе можно свидѣтельствовать, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ овинъ называется всѣми тремя именами безразлично, переходя довольно часто въ ласкательныя — „точекъ, рижка, рейка“.

561) Гуменныя постройки немногочисленны и въ строгомъ смыслѣ ограничиваются только овиномъ и хлѣбнымъ сараемъ, если таковой отстроены. На самомъ дѣлѣ сюда причисляется сѣнной сарай, баня, особыя сооруженія для сушки немолоченнаго хлѣба, когда тѣ помѣщены на гуменной площади или даже коснулись линіи ея.

562) Пукъ, ка, — сущ. — буль соломы, въ данномъ случаѣ. Въ другомъ случаѣ „пукъ“ (межд. — „покъ“) есть звукъ отъ удара по мягкому тѣлу,

или ударъ прутикомъ по басу и терци, при скрипичной игрѣ, что дѣлаетъ досужій сторонній любитель этого дѣла (см. мой очеркъ музыкантовъ въ „Этногр. Обзор.“ 1892 г., в. XIII—XIV). Прутикъ этотъ называется „пукывый, пукывылый, покывый“, а дѣйствіе выражается словами „пукыць, покыць“.

563) Эти „сохи“ называются еще „вилами“ и стоятъ въ близкой связи съ „круками“ (стропилами), потому что вмѣстѣ съ ними даютъ основаніе крышѣ.—Изъ сопоставленія этихъ именъ есть игривый уклончивый отвѣтъ на вопросъ пана къ мужику: „кто вашія сяло дяржиць“?—„Сохи, вилы ды круки“... (см. объ этомъ въ Бѣлор. пѣсн. г. Шейна, 1874 г., стр. 429).

564) Насколько приходилось наблюдать, установка сохъ и помѣщеніе въ ихъ вилы гребневого бревна составляютъ наиболѣе трудную работу для которой приглашаются наличные сосѣди-мужчины. При помощи ухватовъ, жердей и веревокъ, послѣ многочисленныхъ „пылдай! нылдай!“ бревно помѣщается на мѣсто, и сохи закапываются землею.

565) Сушильни послѣдняго типа и имени встрѣчались въ юго-вост. окраинѣ губерніи; въ другихъ мѣстахъ на „евни“ переносились лишь имя ихъ, какъ то есть и теперь въ разныхъ мѣстахъ Гор. у.

566) Пудливый, —прил.—пугающійся, страшливый, трусь. Сущ.—пудъ, ду, глаг.—пудиць, цца, нар.—супуду—происходятъ отъ одного корня.—Сущ.—лябыння, гл.—лябыць—и другія, происходящія отсюда слова выражаютъ не постоянную, прирожденную трусливость, а только испугъ отъ даннаго предмета, явленія,—спорадическую боязливость.

567) При измѣреніи нѣсколькихъ сушильныхъ печей въ Островскихъ, Вит. у., лѣтомъ 1867 г., приходилось попадать на совершенно кубическія печи, ребра которыхъ не превышали 1 арш. и 8 верш.,—что особенно слѣдуетъ отнести къ глинобитнымъ и лишь изрѣдка—кирпичнымъ печамъ.

568) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ мелкорослый, но густой горошекъ, дающій плоскія зерна, на половину меньшія обыкновеннаго гороха. Въ воспоминаемое время „сочивка“ кое-гдѣ разводилась въ юго-вост. окраинѣ: зерна ея шли на кашу („цалкомъ“), а „сочивины“—въ кормъ скоту.

569) Сдвинутыя къ одной стѣнѣ, эти „градки“ покоятся на балкахъ грудюю во все свободное время. Въ такомъ видѣ онѣ становятся полкомъ, когда сушильня замѣняетъ баню и когда необходимо взмоститься на высоту, чтобы орудовать вѣничкомъ. Если „градки“ очень закоптѣли, то же продѣлывается на внесенной сѣмѣ, на колодкѣ и даже на печномъ углу кирпичной, или глинобитной печи.—Въ тѣхъ жалкихъ положеніяхъ, когда нѣтъ возможности высушить травы на открытомъ мѣстѣ, на „градкахъ“ сушится сѣно: тогда онѣ раздвигаются, по мѣрѣ надобности. Служа постелью для

отдѣльныхъ лицъ, „градки“ придвигаются одна къ другой и застилаются соломой, „горохвинными“.

570) Терминъ — „садиць евню, осецъ“ — сохраняетъ все значеніе посада, т. е. имъ обозначается дѣйствіе и количество высушиваемыхъ за одинъ разъ сноповъ.

571) Какъ извѣстно, мѣстная „копа“ обозначаетъ численный составъ единицъ въ 60 штукъ, и такую мѣрою повсемѣстно исчисляются снопы, кули, конны сѣна, фрукты, куриныя яйца и вообще строго раздѣльные предметы одного и того же рода. Въ сравнительно недавнее время (въ 1877 г. въ Пол. у.) существовала „копа“ въ 100 штукъ („кыпа социныя и шисъ-дисятныя“).

572) Сноповая вязъ бываетъ: большая, средняя и малая — что опредѣляется діаметромъ снопа въ основаніи — 5, 4 и 3 верш.; это разграниченіе вязи въ ржаныхъ и яровыхъ снопахъ неодинаково: что въ первыхъ составляетъ среднюю вязъ, то во вторыхъ — большую, и т. дал.

573) Тривалѣй — пр. въ сравн. степ. — терпѣливѣе, переносливѣе, — отъ прил. — тривалый; глаг. — триваць (терпѣть), вытрывыць (вытерпѣть). Какъ извѣстно, просушенное зерно противостоятъ стихійнымъ вліяніямъ — излишней сырости и холоду — гораздо успѣшнѣе, чѣмъ сыромолотное.

574) Полученныя отъ сего зерна ржи извѣстны подъ именемъ „околоцинь“. — Ничего подобнаго не дѣлается съ яровымъ хлѣбомъ, который, впрочемъ, не доживаетъ въ снопахъ до посѣва, а перемолачивается осенью. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь есть свои „околоцины“, которыми называются „пызадкывыи зерниты“, т. е. послѣднія, легковѣсныя, малодобротныя зерна.

575) Гукъ-пукъ, — сущ. и отглагол. межд., лучше всего передающее тотъ тупой звукъ, который слышится при мѣрномъ ударѣ цѣповъ по снопамъ.

576) Подражательное воспроизведеніе такихъ и иныхъ звуковъ и сопровождающихъ ихъ дѣйствій развито у крестьянскихъ дѣтей и касается многихъ предметовъ. Такъ дѣти „дражнюць звоны“ (см. объ этомъ въ „Бѣлор. пѣсн.“ г. Шейна, 1874 г., стр. 37), „дудку“ (мои сообщенія о музыкантахъ въ „Этногр. Обзор.“ 1892 г., кн. XIII—XIV), пѣнье различныхъ птицъ, — къ чему придается часто комическій, а нерѣдко и нелѣпый текстъ. „Дражнюць мылоцьбу“, по большей части, лишь ударомъ ладоней по стегнамъ, другъ о дружку, по груди, предплечіямъ, при чемъ удары чередуются. Такъ изображеніе молотбы въ 8 цѣповъ происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: ударъ правой ладони по правому стегну, лѣвой по лѣвому, другъ о дружку, поочередный — по груди, правой ладони о лѣвое предплечіе, лѣвой — о правое, новый ударъ другъ о дружку. Молотба съ меньшимъ числомъ цѣ-

повъ „дражнитца“ соответственно.—Дѣти ведутъ игру сидя, въ одиночку и коллективно, въ неребой: въ послѣднемъ случаѣ, при совпаденіи съ настоящею молотью, игра бываетъ особенно интересною и оживленною.

577) Хороводныя игры не ведутся мѣстными крестьянами, хотя и достаточно извѣстны имъ по употребленію таковыхъ у сосѣдей-старообрядцевъ. Тѣмъ не менѣе, терминомъ „водиць хироводы, хироводица“ обозначаются другія простѣйшія игры, даже извѣстныя „горѣлки“ какъ и „жарты (шутки) мальцовъ зъ дѣвкымъ“.

578) Разрѣшеніе отъ беременности извѣстно подъ терминами: „сходиць у ригу, зѣздиць у ригу“, хотя бы это произошло дома, въ банѣ, и др. мѣстѣ; пациентку же шуточно называютъ „рижанкыѣ“, новорожденного „рижаненкымъ“, каковымъ именемъ онъ отличается отъ „кращивника, кыноцельника“ (незаконнорожденного).

579) Таковы обычныя пріемы при сношеніяхъ хозяевъ съ „бѣглыми“; въ случаѣ обвиненія въ пристанодержательствѣ, при очныхъ, примѣрно, ставкахъ, стороны могутъ опираться на невѣдѣніе другъ друга,—что на самомъ дѣлѣ не расходилось съ дѣйствительностью.

580) Авторъ опирается на личныя сообщенія такого „бѣглаго“, Архипа Лѣбскаго, крѣпостного имѣнія Веляшковичъ, Вит. у., относящіяся къ 50-мъ годамъ (см. мои очерки нищихъ въ XII кн. „Этногр. Обзор.“, вольныхъ рабочихъ—въ XVII кн. и крѣпостныхъ—въ XX кн.).

581) Такое сужденіе приходилось выслушивать въ районѣ Бѣльской вол., Пол. у., еще въ 1875 г., а нѣсколько позже—въ Зябковской вол., Дрис. у. Практическая жизнь подтверждаетъ, что дѣятельность цыганъ и грызуновъ нѣсколько тождественна и одинаково вредоносна мирной жизни сельчанъ.

582) Въ обычныхъ при семъ случаѣ терминахъ: „ладиць евню, садиць, сушиць, выстиць, сумаць“ ее и проч. разумѣется не строеніе, а посадь.

583) Ночное время измѣряется „пѣтухами“, т. е. пѣніемъ ихъ. Какъ извѣстно, такихъ „пѣтуховъ“ три: первые—около 11 ч. веч., вторые—въ 1 ч. и третьи—около 3 ч. ночи. При спокойномъ, регулярномъ состояніи погоды, такіе показатели времени дов. точны, и сбиваютъ съ толку передъ переменною ея.

584) Есть категорія работъ, за которыя принимаются неумытыми, по пословицѣ: „нямыцьки гыроды бяруць“. Это—работы землекопныя, дровосѣчныя и, какъ въ данномъ случаѣ, молотильныя, льняныя, т. е. наиболѣе трудныя и грязныя. Остальнымъ работамъ, даже пашеннымъ, предшествуетъ обязательное умыванье рукъ и лица.

585) Если въ домѣ есть подходящій подростокъ, то онъ приставляется къ лучинѣ и держитъ таковую въ рукахъ, перемѣщаясь по требованію молотъбитовъ отъ одного угла лицевой стороны сушильни къ другому, вдоль стѣны. Онъ—тоже молотъбитъ. Въ противномъ случаѣ, смѣняютъ лучину и наблюдаютъ за нею сами молотящіе. Немногіе, болѣе осторожные хозяева хранятъ на сей случай самодѣльные сальные свѣчи, извѣстные „моганики“ (изъ наблюденій въ Вит. и Пол. у.).

586) Ностыць, ци,—сущ.—имѣетъ значеніе чего-то урочнаго и относится тѣснѣйшимъ образомъ къ жатвѣ и молотбѣ; при другихъ полевыхъ, изрѣдка и луговыхъ работахъ, „ностыць“ поминается въ шутку, хотя и здѣсь это слово выражаетъ понятіе урока.

587) Молотъбиты обѣихъ сторонъ стоятъ наискось другъ противъ друга, и когда, во время молотбы, одна сторона движется впередъ, другая пятится назадъ,—что извѣстно подъ терминами: „ныддываць пыддываць“ (въ юго-вост. окраинѣ).

588) Вязмо, визьма, —сущ.—завитокъ изъ горсти того хлѣба, который жнутъ, служащій для связыванья снопа—сноповая опояска. Слово „вязмо“ весьма часто замѣняетъ „вязь“.

589) Ворушиць, цца, глаг.—воротить, трогать, перевертывать и подвергаться тому же со стороны.

590) Пирагонъ, ну, - сущ. (глаг.—пирьгыняць)—такое дѣйствіе граблями по вымолоченному хлѣбу, которымъ, по снятіи соломы, извлекаются изъ хлѣбной груды мелкая солома, колосья, трава и проч.

591) Ньюшокъ, шба,—сущ.—щепотка, т. е. сколько берется нюхательнаго табаку для одновременнаго потребленія.

592) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что такое укрывательство собственнаго добра сейчасъ имѣетъ двѣ причины: опасеніе прослыть за богача и опасеніе „худого глаза“. Въ крѣпостное время была сильна и третья—скрывалась наличность добра, дабы излишекъ его отъ семейныхъ надобностей не поступилъ „до сварбу“,—что имѣло мѣсто у землевладѣльческой мелкоты, или арендаторовъ крупныхъ имѣній. Какъ это ни грустно, но приходится свидѣтельствовать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ вымолачиваемый, напр., хлѣбъ укладывался на току въ два вороха—открытый и припрятанный подъ соломой, на случай внезапнаго посѣщенія „дозорца“ (крѣпостнической чинъ шпиона; мои сообщенія объ этомъ въ ХХ кн. „Эти. Обзор.“ за 1894 г., стр. 58—59). Точно также подъ соломой, или въ потайномъ погребѣ, припрятывалась часть провѣяннаго хлѣба въ то время, когда другая часть его покоилась въ бѣлти. Впрочемъ, это дѣлалось въ огражденіе добра и отъ другихъ алчнковъ и посягателей...

593) Подъ послѣднимъ именемъ извѣстенъ собственно хлѣбный молотильный сарай („Толк. слов.“ В. И. Даля). Но въ Вит. Бѣлор. нѣтъ молотильныхъ сараевъ, и все молотильное дѣло справляется въ описанномъ току или ригѣ. Имя клуни принадлежитъ только хлѣбному сараю, которымъ, безъ перестройки и какого-бы то ни было приспособленія, можетъ быть обычная пуня—сѣнной сарай. Даже имя клуни какъ-то спорадично и скорѣе слышится въ южной (Леп. у.) и западной (Дрис. у.) окраинѣ.

594) Дѣти устраиваютъ качели только подъ повѣтью и въ пунѣ, пользуясь для того готовыми перекладинами—балками, при чемъ предпочтительнѣе они избираютъ пуню, какъ мѣсто, удаленное отъ стѣснительнаго досмотра старшихъ и дающее большій просторъ для качанья. Вслѣдъ за дѣтьми тамъ же привѣшиваютъ качели парни и дѣвушки.

595) Есть шуточное хозяйственное увѣреніе, что „послѣ Ильи сѣно сушится на вилахъ“ (Махирово, Смоляки и Боновъ, Пол. у., около 1875 г.), т. е сырая трава, подаваемая вилами на вершину сѣнного складаща (стогъ, подгребенье крыши), не доводитъ его до горѣнья и сама высушивается, снизу—отъ сѣнной теплоты, а сверху и сторонь—отъ вѣтра. Практика указываетъ, что болѣе заботливо сушится и потомъ въ сараѣ утаптывается лишь первое, молодое сѣно, и что, по мѣрѣ сокращенія сѣнокоса, позднее сѣно сушится наскоро и небрежно,—что можно видѣть въ сравненіи сушки ржаного и ярового покосовъ.

596) Одновременно съ „кулюкушками“ (прятки) и даже въ связи съ ними стоитъ „куляння“—прыжки на сѣно и съ него, которое дѣлается нерѣдко съ значительной высоты и при забвеніи о предосторожности: юные игроки падаютъ на голову, на протянутыя руки, и послѣдствіемъ этого бываютъ частыя вывихи и искривленіе шеи, рукъ и ногъ. Гораздо безопаснѣе дѣтское „куляння“ на землѣ, которымъ бываетъ: или перевертъ всего тѣла черезъ голову, или движеніе „коткомъ“ въ одну сторону, до полнаго головокруженія,—что охотнѣе дѣлается игроками съ горнаго свята, гдѣ „куляющійся котитца“ инертно.

597) „Островки“ (небольшія—„островки“) нерѣдко можно встрѣтить на льянищѣ (убранная льняная нива), гдѣ онѣ временно ставятся для просушки льняныхъ головокъ,—и на „коноплищѣ“, въ чертѣ огорода, для конопляныхъ головокъ. Посему, въ каждомъ хозяйствѣ имѣется запасъ такихъ сучковатыхъ жердей, по минованіи надобности, обыкновенно покоящихся безобразною грудю на гуменной площади.

598) Осилыкъ, лба,—сущ.—обычное имя сказочныхъ богатырей, какъ и дѣйствительныхъ лицъ, отличающихся физическою силою. Насколько то можно уловить изъ повѣствованія о сказочныхъ „осилыкахъ“, они мало превосходили дѣйствительныхъ и далеко уступали героямъ богатырскаго эпоса. Мѣстные „осилыки“ метали мельничные жернова, понатужившись, сдвигали

съ мѣста церковь, домикъ: на подобныхъ проявленіяхъ тѣлесной мощи, пожалуй, можно и обчесться...

599) По удостовѣренію „живыхъ граммъ“, бани 20—30-хъ годовъ имѣли дверь поразительно малыхъ размѣровъ, не болѣе квадратнаго арш., и въ такую баню пробирались ползкомъ. Выше сомнѣнія, это дѣлалось ради лучшаго задержанія банной духоты и пара (изъ разсказовъ въ Вымяѣ и Котовѣ, Вит. у.).

600) На такихъ безкровельныхъ баняхъ нетрудно встрѣтить зачинающійся дѣсь — аршинной и болѣе высоты березки, рябины, яблони, а также малинникъ, или иной кустарникъ.

601) Въ бытописуемое время изрѣдка встрѣчались „лазны-землянки“, устраиваемыя въ подходящемъ крутомъ склонѣ пригорка. Такія бани имѣли, правда, деревянныя стѣны и потолокъ, но первыя состояли изъ ряда стоячихъ бревенъ, или половинниковъ, а второй — исключительно изъ половинниковъ, и устраивались для удержанія лишь земли. Наружу выступала только часть лицевой стѣны съ дверью. — „Лазня землянка“ прекрасно держитъ тепло и паръ, но въ то же время, не освѣжаемая отворомъ „боковки“, которой здѣсь нѣтъ, удерживаетъ тяжелый сыростный воздухъ: слабогрудые не выносятъ такой бани и идутъ туда по нуждѣ. Съ проведеніемъ дв.-вит. ж. д. эти бани стали мелькать при скромныхъ усадьбахъ дорожныхъ сторожей, кои для банныхъ стѣнъ пользуются старыми шпалами. Въ окрестныя крестьянскія усадьбы такія бани не перенимаются, и если кое-гдѣ строится землянка съ топкою, такъ это будетъ лишь зимняя охотничья сторожка „на сѣжѣ“, т. е. вблизи положенной надали (для волковъ и лисицъ), или разставленныхъ овсяныхъ снопиковъ (для зайцевъ).

602) Въ бѣдныхъ положеніяхъ встрѣчаются бани и съ земляными полами (дер. Цари, Горьковск. вол., Гор. у.). Крайнія невыгоды такихъ бань очевидны.

603) Запасъ крупныхъ камней, какъ и меньшихъ, для каменки, имѣется при каждой порядочной банѣ, — что вмѣстѣ съ банными выбросами еще менѣе краситъ внѣшность бани. Впрочемъ, большіе булыжники вѣтываются въ передбанникъ, гдѣ до времени они замѣняютъ лавки и скамьи.

604) Раны отъ ушибовъ и ссадины у животныхъ, между прочимъ, излѣчиваются прикладываньемъ подпольной земли изъ бани. Та же земля, смѣшанная съ мыломъ и золою, прикладывается на опухшее отъ вывиха мѣсто.

605) Надѣйка, ки, — сущ. — обычное имя дождевика, служащаго и лѣтомъ и зимой главною удильною приманкою.

606) Проводя сравненіе бани съ хаткою, придется установить, что этотъ уголь есть стряпной уголь хатки: тамъ заготавливаются и покоятся предметы потребленія для бды, здѣсь — для мытья и паренья.

607) Грѣніе воды камнями не потерялось даже и въ текущее время; но, какъ раньше такъ и теперь, это дѣлается преимущественно въ корытѣ, гдѣ расхолодившійся камень рѣдко порветъ и разнесетъ таковое. — что дов. часто бываетъ съ кадками. — Меньшая бадка хранитъ воду для запариванья вѣшниковъ и влива таковой на каменку, потому что холодная вода даетъ меньше пара и охлаживаетъ каменку. При недостаткѣ жаркой воды, на мытье головъ идетъ и эта съ вѣшниковымъ настоемъ вода...

608) Несмотря на очевидныя преимущества котельной воды, банные завсегдатаи предпочитаютъ ей мутную воду, грѣтую камнями, быть можетъ, потому именно, что она имѣетъ щелочной составъ отъ золы, поступающей сюда вмѣстѣ съ камнями. Какъ извѣстно, щелочная вода („лугъ“) дов. часто употребляется женщинами при домашнемъ мытьѣ головы, — что иногда дѣлается дополнительно къ банному мытью, за недостаткомъ ли воды, или для вывода паразитовъ...

609) Шуточное названіе „баннымъ гостемъ“ каждого посѣтителя бани нѣсколько ослабѣваетъ, когда сюда приглашается стороннее лицо. Въ этомъ случаѣ обычное приглашеніе — „просимъ на голый банкетъ“ (чаще „на голую банкету“) — сохраняетъ всю серьезность толочнаго приглашенія, выражаемаго такъ: „просимъ у гosci ды тылоки !..“

610) Баня топится и идутъ въ нее наканунѣ праздника но во всѣ четыре „дяды“ (см. примѣч. 52) это дѣлается въ тотъ же день.,

611) Насколько приходилось подмѣчать, банная зола выгребается слишкомъ рѣдко, когда толстый слой ея препятствуетъ укладкѣ нужнаго количества дровъ. Эта небрежность вызываетъ продолжительное копанье въ печи, чтобы извлечь запрятывающіяся въ золу головни, отъ которыхъ потомъ бываетъ угаръ и горечь.

612) Благодаря такой работѣ, у приставника не всегда найдется времени для очистки сора на полбу, подмосткѣ, лавкахъ и полу: вѣшниковые прутья, листья, постильная солома и просыпанный распавшійся камень („жирства“) отъ бани до бани остаются на мѣстахъ, прирастаютъ и дѣлаютъ баню весьма грязною. Этому, однако, не придается большого значенія: кому мѣшаетъ, или не любо это, тотъ самолично, на собственныя надобности, очиститъ ногою, вѣшникомъ мѣсто. Такимъ образомъ въ банѣ можно встрѣтить не одинъ древній ворохъ мусора...

613) Подъ такимъ вычурнымъ иносказаніемъ извѣстно по Вит. Бѣлор. пребываніе въ банѣ и такими словами обыкновенно приглашаются въ баню. Отсюда банные посѣтители называются „голыми банкетниками и банкетницами“.

614) „Облягчица, пылягчица, скидывица“ — обычные понятія, выражающія раздѣванье, освобожденіе отъ одежды.

615) На долю женщинъ достается мытье и паренье въ банѣ всѣхъ малолѣтковъ (парятъ обязательно даже грудныхъ дѣтей), и, пока мальчики состоятъ въ „бланныхъ, глупичкахъ“, они ходятъ въ баню съ женщинами, — что для отдѣльныхъ лицъ затягивается до 7—9 лѣтъ. Въ свою очередь, по крупнымъ семейнымъ обстоятельствамъ (сиротство, болѣзнь матери, отсутствіе въ домѣ женщинъ), вмѣстѣ съ мужчинами идетъ въ баню „бланныя, глупичка“; но это не заходитъ дальше 7-милѣтняго возраста дѣвочки.

616) Т. е. мягкій, какъ шелкъ. На самомъ дѣлѣ банный вѣникъ бываетъ таковымъ лишь тогда, когда приготовленъ изъ свѣжихъ молодыхъ вѣтвей березы или дуба. Засушенный вѣникъ можетъ только „зыдаца шавковымъ“, и такой вѣникъ перебивается въ пользованіи каждаго „банкетника“.

617) У старообрядцевъ (д. Васютино, Вит. у., и Ловожь, Пол. у.) этой призывъ взлить воды на каменку выражается словами „поддажною“!

618) Собственно „опунуца“ означаетъ: очутиться, поспѣть куда-нибудь. Но это же слово употребляется взаимно слова—окунуться, погрузиться въ воду.

619) „Жалобный (отъ сущ.— „жалоба—трауръ) столъ“ есть поминальный обѣдъ при погребеніи; въ „шасцинному столу“ (поминанье въ 40 день), годовому и проч. относится названіе лишь „поминокъ“.

620) Термицъ „руда-нуда-грязь“, вошедшій въ бранный словарь, какъ очевидно, состоитъ изъ трехъ раздѣльныхъ понятій: руда—загрязненіе тѣла, измѣненіе его бѣлизны; нуда—то же загрязненіе, вызывающее зудъ; грязь—крайнее загрязненіе и чрезъ то порочность тѣла, къ чему относятся короста, вереда, „цыпки“ (трещины) на ногахъ.

621) Градаціи баннаго пара извѣстны подъ слѣдующими именами: „першій (первый), сиридавэй и остатній духъ“. Когда же, послѣ охлажденія калильной печи, въ банѣ не осталось даже „вольнаго духу“, тогда обыкновенно говорятъ: „ни хуху, ни духу“!

622) Благодаря неряшливому содержанію бани, отъ пребыванія на полку, отдыха на полу, передбанникѣ и на открытомъ мѣстѣ, тѣло успѣетъ загрязниться чуть-ли не больше того, чѣмъ оно было до бани. Это вызываетъ необходимость „обздаца“. Но обачиванье тѣла ограничивается потребленіемъ кружки и рѣдко—полведра воды... Последняя готовится „дѣтній“, т. е. едва теплою, и употребляется предпочтительнѣе „сцюденки, хылоденки“, которая послѣ бани якобы предрасполагаетъ тѣло къ разведенію паразитовъ... При возвращеніи изъ бани босикомъ, домой приносится на но-

гахъ обильная „руда-гразь“, которая вытирается здѣсь подходящею пряткой.

623) Жданки, кывъ, —сущ.—ожиданіе, часто напрасное, про которое обыкновенно иронически говорятъ: „ждали, ждали, ды й жданки поѣли“ (см. „Толк. Слов.“ В. И. Даля).

624) Среди множества пословицъ, присловіи и иносказаній, обыкновенно восхваляющихъ достоинства „второй матери“, есть не мало и съ отрицательнымъ пониманіемъ, напр., „зыдаць духу, зыдаць паринку, вышкылиць шѣрыхъ блохъ, зыдаць такъ, што до новыхъ вѣникывъ ни забудиць“ и проч. Всѣ эти и подобныя иносказанія выражаютъ то рукопашную потасовку, то пристыженіе, выговоръ, брань.

625) Въ исключительныхъ и, разумѣется, рѣдкихъ случаяхъ, рожденіе человѣка происходитъ и въ гробу, и на днѣ морскомъ (мнимоумершія и утопленницы беременныя).

626) Изъ сказаній о семъ въ Махировѣ, Пол. у., въ 1879 году.

627) Точно также поступаетъ и всякая женщина, освободившаяся отъ мѣсячныхъ нечистотъ: она первая входитъ въ баню въ одсждѣ и бѣльѣ, остальные поджидаютъ передъ баней и вступаютъ туда не раньше, какъ раздѣнется первая (Хвошно, Войхань и др. мѣста Гор. у.).

628) Видѣть это приходилось въ юго-вост. окраинѣ губерніи; но того же не замѣчается въ Город. у.

629) Дядиниць, вца, —сущ.—большое подворье, лужокъ передъ главнымъ домомъ (въ барскихъ усадьбахъ), иногда разбитый дорожками, усаженный кустарниками и цвѣтами.

630) Такъ обыкновенно называются наемные годовые работники и работницы; нанятые на меньшіе сроки бываютъ: а) „припырники“ (наемники на лѣтнія полевые и луговые работы), б) „ноденники“ (однодневные и даже трехдневные наемники) и в) „на-часники. налетники“, нанятые для краткосрочной работы (мой подробныя сообщенія объ этомъ въ XVІІ кн. Этногр. Обзор.“ 1893 г., стр. 92—151). Всѣ такіе наемники, какъ пастухи, пастушки и бесплатные толочане не называются „мыльцами и мыльчанками“.

631) Хлѣбъ и овощи раздѣляются на „сѣминны и ѣминны“, т. е. предназначенные для посѣва и текущаго погребленія. Сѣменные овощи и, преимущественно, картофель покоятся зимой въ полевыхъ ямахъ, или же въ „кучахъ“, на хребтѣ песчанаго пригорка. Въ этомъ случаѣ картофель помѣщается непосредственно на землю, освобожденную отъ дерна, насыпается сажеными кубами и потомъ покрывается слоемъ земли и соломенными матами. Сохраненіе картофеля, какъ и другихъ овощей, въ „кучахъ—грудахъ“

умѣстно въ большихъ хозяйствахъ и при обильномъ урожаѣ, когда требуется копанье не одной объемистой ямки“.

632) Къ сему нужно прибавить, что полеть вкапывается не отдѣльными бревнышками, а цѣлою стѣною, для чего предварительно копаются ровы глубиною въ 8—10 вершковъ.

633) Изгорода, или просто згорода—есть общее имя изгороди всѣхъ видовъ, и только въ незначительномъ числѣ мѣстностей такъ называется собственно жердяная изгородь.

634) Плетень изъ однѣхъ исключительно еловыхъ вѣтвей возможно построить при случайномъ лѣсосѣкѣ, и такіе плетни встрѣчаются слишкомъ рѣдко; гораздо чаще можно увидѣть еловыя хворостины заткнутыми въ сомнительныя мѣста обыкновеннаго плетня, для огражденія отъ мелкихъ домашнихъ животныхъ.

635) О пядцаробыхъ и рысцаробыхъ“ подробно будетъ сказано ниже.

636) Сцига, сцяги, сжежка, сжежичка—обычное имя тропинки.

637) Построеніе изгородей составляетъ одну изъ кропотливыхъ работъ, а потому нерѣдко происходитъ „наскокомъ“, между дѣломъ. Въ то же время тутъ приходится пользоваться тѣмъ, что набѣжало, есть подъ руками для изгороди. Но сей причинѣ нетрудно встрѣтить линію изгороди, гдѣ — поплоть, колья, пурканъ, згорода и плицень — перемѣшаны другъ съ другомъ.

638. Знакомые съ давними усадебными мѣстами деревлянъ не откажутся припомнить, что эти мѣста какъ-будто таились отъ дороги и людей. Тотъ же характеръ припрятыванья носила и хатка, когда заставлялась надворными постройками. Текуція требованія отъ усадебнаго мѣста, между прочимъ, вызываютъ и просѣкъ лѣса, если таковой закрываетъ дорогу, или красивый видъ на окрестность (изъ путевыхъ наблюденій въ юго-вост. окраинѣ лѣтомъ 1889 и 1894 г.).

639) Не поминая множества деревень и мѣстъ, достаточно указать на при-дорожную дер. Вѣдемки, Вит. у., въ бытописуемое время одну изъ захудалыхъ въ данной мѣстности, а нынѣ поражающую своими почти не деревенскими домами.

640) Въ плотнично-столярномъ производствѣ дверная и ставенная обработка „елочками“ отличается отъ филичатой тѣмъ, что здѣсь на готовую дверь, или ставень накладываются косыя фанеры, — что въ сочетаніи фанерныхъ рядовъ напоминаетъ расположеніе еловыхъ иглъ на вѣткѣ.

641) Люхта, ты,—сущ.—обычное имя небольшихъ отверстій (отдушникъ) въ каменныхъ сооруженіяхъ—фундаментахъ, стѣнахъ и печахъ.

642) Последнее, совершенно свежее дополнение къ стройкѣ можно видѣть на многихъ деревенскихъ домахъ, расположенныхъ при большой дорогѣ отъ м. Сиротина, Пол. у., до г. Городка.

643) Не сейчасъ созданная пословица (с. Бескатово, Гор. у.) указывала на слѣдующее житейское предупрежденіе: „хощь ня-хощь, али зъ дымьмъ рызлучись, тоды й людемъ пыкажись“!

644) По справедливому замѣчанію Г.Г. Бар., коренного жителя при им. Шипулинѣ, Пол. у., и знатока обрестной простонародной жизни, стоитъ только одному деревлянину завести у себя какое-нибудь строительное улучшение—и его починъ не замедлитъ отозваться на сосѣдяхъ ревнивою подражательностью.

645) Штаба, бы,—сущ.—дов. толстая желѣзная полоса, при запорахъ, имѣющая видъ громаднаго дверного пробоя,—та же полоса при оковкѣ экипажей, нѣсколько тоньше, называется „пывштабый“.

646) Изъ давнихъ наблюденій въ юго-вост. окраинѣ припоминается, что наипростѣйшая луговая вѣха (воткнутая въ землю хворостина, верхушка которой кое-какъ завита кольцомъ), будучи поставлена на любой раздѣльной линіи, дѣлала таковую запретною въ широкомъ значеніи слова. О существовавшихъ на сей предметъ повѣрьяхъ будетъ сказано отдѣльно.

647) Стройныя, прочныя и въ то же время недорогія булыжныя ограды вокругъ нѣкоторыхъ (Войхань, Кошо, Болецкъ, Бескатово и др.) церквей Гор. у. могутъ послужить прекраснымъ подражательнымъ образцомъ для загорожъ.

648) Двыядумный,—прил.—имѣющій толщину двухъ дюймовъ; сущ.—двыядумникъ. Такъ обыкновенно называются доски, пригодныя для половъ; доски въ 1 д. толщиной есть извѣстныя „цальки, цалевки“ (обшивныя, заборныя доски) столярныя доски имѣютъ среднюю толщину „двыядумника и цалевки“.

649) На этотъ счетъ есть множество практическихъ указаній. Такъ, на столъ не кладется шапка, одежда съ плеча, топоръ, подушка и вообще спальныя принадлежности, не очищенные овощи, такое-же убойное ж и вотное и мн. др.

650) Т. е. осиновыя и ольховыя. См. объ этомъ 467 примѣч.

651) Шуруванья,—сущ.—дѣйствіе мощаго какой-нибудь твердый предметъ, при каковой мойкѣ нераздѣльно треніе его чистящими предметами—мочалкою, пескомъ, рассыпавшимся камнемъ („жирства“), голикомъ („гольнемъ“), хвощемъ и проч.

652) Названіемъ „оцепкѣй, или бацькинъ столъ“ выражается не наследственное преемство его, какъ мебели, вещи, а какъ достойное предковъ

и, ближайшимъ образомъ, родного отца, поддержаніе правилъ чести, гостепріимства и вообще всѣхъ видовъ хлѣбосольтва. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и другія подходящія выраженія „оцецкій домъ, оцецкій сынъ, оцецкіи распорядки“ и проч.

653) Такое застольное размѣщеніе чаще всего встрѣчается при отправленіи „жалобнаго стола“, къ которому стекаются нищіе изахудалые бобыли, въ воспоминаемое же время полнымъ скокомъ набѣгали къ нему жильцы сельскихъ богадѣленъ. Въ остальныхъ видахъ „столовъ“, когда собираются званые гости, примѣняется второй распорядокъ.

654) Гукаць, — глаг. — собственно, аукать, кликать кого, въ данномъ случаѣ, какъ и въ предварительномъ зовѣ — просить, приглашать; это слово понимается не иначе при всѣхъ зовахъ въ гости и къ столу, при чемъ здѣсь идетъ поименный зовъ.

655) Обычное употребленіе этого термина встрѣчается въ рѣчи объ опоенныхъ и перегнанныхъ лошадяхъ, изрѣдка — о слабоногихъ, ревматическихъ страдальцахъ, подагрикахъ; въ отношеніи разрушенной мебели тотъ же терминъ имѣетъ ироническій смыслъ.

656) По завѣренію „старыхъ граммъ“, имъ памятно погребеніе умершихъ въ выдолбленныхъ гробахъ¹ (въ Велиж. у.), въ бытописуемое время то же погребеніе происходило у старообрядцевъ въ Вит. и Пол. у.

657) Насколько приходилось наблюдать въ Вит. у., сѣдуны и ползуны-дѣти засаживались въ „садибку“ на довольно долгіе сроки, когда матери или нянѣ приходилось отлучаться: здѣсь, послѣ самозабавы, или бесполезнаго крика, они спокойно засыпали. Когда же дитя достаточно владѣло ножками, могло выбраться изъ „садибки“ и уйти, то на время материнской, или няниной отлучки, оно навязывалось на длинный поясъ, одинъ конецъ котораго прикрѣплялся къ крюку, балкѣ, ножкѣ стола. При подручности харчей, на привязи, въ запертой хаткѣ, дитя оставалось одинокимъ по нѣскольку часовъ сряду...

658) Кывилы, ловъ, — сущ. — обычное названіе костылей. Всѣ остальные виды вспоможеній для престадѣлыхъ и немощниковъ извѣстны подъ нижеприведимыми именами, при чемъ на дѣтскомъ языкѣ исключительно старческія вспоможенія извѣстны подъ именемъ „ногъ“.

659) Былдавешка, шки, — сущ. — палка съ головкою-самородкомъ, самая головка въ такой палкѣ.

660) Имя „тыбацера“ одинаково принадлежало посудинѣ, каменной ступкѣ и тому, кто взялся за терку табака.

661) Выцирки, оцирки, высивки, осѣвки — имена табачныхъ остатковъ, состоящихъ изъ тонкихъ жилочекъ табачныхъ листовъ.

662) Какъ очевидно, болѣе мягкіе камни обрабатываются легче, а потому такіе камни и идутъ главнымъ образомъ на жернова. Но это же вызываетъ частую бовку ихъ,—что и выражается терминомъ „бѣць жерны“.

663) Поспа, спы,—сущ.—наихудшій сортъ муки изъ смѣшанныхъ зеренъ, которою посыпается для удобренія „мѣшинка“.

664) Скрыгъ, га,—сущ.—густой съ тупымъ звукомъ скрипъ, который только и могла давать мельничная работа, гдѣ извѣстный шумъ жернововъ и тонкій скрипъ „мелна въ баньки“ и упоркѣ сливались въ одно цѣлое, своеобразное гудѣнье.—Отъ этого сущ. происходятъ глаг.—скрыгыць и скрыгытаць, выражающіе одно и то же дѣйствіе, но въ разной продолжительности.

665) Въ виду разрушительнаго вліянія земляного пола на мебельныя ножки, подъ послѣднія кладутся подставки—отпиленные брусочки, кирпичи, плоскіе камни,—что можно видѣть подъ столовыми ножками. „Молочная скрыня“, стоящая въ холодномъ сыромъ помѣщеніи, болѣе всего нуждается въ подобныхъ подставкахъ, тѣмъ болѣе, что подъ нее возможенъ хлѣвной подтекъ...

666) Употребленіе кожаныхъ завѣсъ вмѣсто желѣзныхъ встрѣчается при многихъ ящикахъ, и на это дѣло обыкновенно идутъ старыя подошвы то отъ домашней обуви, то поднятыя на городскихъ и мѣстечковыхъ задворкахъ. Служебная несостоятельность кожаныхъ завѣсъ очевидна, и посягателю на чужое добро можно разрѣзать такія завѣсы тупымъ ножомъ. Полагаясь на охрану кожаныхъ завѣсъ, вручая носильной охранѣ ихъ свое добро, простонародье утверждаетъ, что даже „замокъ не для вора, а для добраго человѣка“...

667) Шуточное, а для нѣкоторыхъ лицъ и серьезное повѣрье утверждаетъ, что въ моментъ внезапной и даже подготовившейся тишины среди общества трехъ-четырехъ собесѣдниковъ, „гдѣ-нибудь родится воръ“... Къ упоминаемой тишинѣ это повѣрье не относится.

668) Цяцло, цицла,—ласк.—ципельцо, ца,—сущ.—названіе огня вообще и свѣтового пламени—по преимуществу, подъ каковымъ именемъ, однако, нельзя считать пожарнаго, даже печного огня и пламени.—Термины: „дуць цяцло, палиць цяцло“ понимаются именно въ смыслѣ добыванія и поддержки свѣтового пламени.

669) Тресычка и тросычка,—сущ.—названіе тонкихъ, нѣжныхъ осколковъ лучины, употребляющихся при выдуваніи пламени.

670) Изъ наблюденій въ юго-вост. окраинѣ и въ Ловожской, Добейской, Обольской, Струнской и Бѣльской вол., Пол. у., относительно выдува-

нія огня замѣчено слѣдующее: а) это, по преимуществу, дѣлаетъ самъ хозяинъ, или тотъ, кому онъ на данныйъ разъ поручить; б) мужчины дѣлаютъ это предпочтительнѣе передъ женщинами; в) къ выдуванію огня допускаются только совершеннолѣтніе; г) обороченные (въ воровствѣ, свѣжей фальши передъ семьей), навлекшіе гнѣвъ старшихъ и, въ особенности, женщины въ періодѣ регуль и родихи до 40 дней, къ выдуванію огня не допускаются, какъ и сторонніе на сей моментъ посѣтители; д) точно также не допускаются и тѣ, у которыхъ дѣло не спорилось раньше. Припоминается случай (Ловожь, Пол. у., въ 1869 г.), что неподлежаще добытый огонь тушился, и дѣло выдуванія его начиналось снова другимъ лицомъ.

671) Существуетъ немало примѣтъ и повѣрій, связанныхъ съ вечернимъ выдуваніемъ огня, о нихъ сказано будетъ отдѣльно.—Добываніе огня при помощи фосфорныхъ спичекъ, уже распространявшихся до начала бытописуемаго срока, не имѣло такой торжественности, и сюда не относились старозавѣтные примѣты и повѣрья.

672) „Гонкимъ“ обыкновенно называется ровное, прямое дерево, сучь котораго зачинаются на значительной высотѣ.

673) Т. е. осеннее гощеніе, которое начинается около Покрова и длится до заговѣнья. Второй періодъ гощенія начинается отъ Р. Хр. и заканчивается на масленой недѣлѣ. Въ эти сроки родственники и состоящіе другъ съ другомъ въ хлѣбосольныхъ сношеніяхъ взаимно гостятъ одинъ у другого, и чѣмъ дальше они живутъ, тѣмъ дольше бываетъ гощеніе, затягивающееся нерѣдко на цѣлую недѣлю.

674) Псуваць, — глаг. — портить, тратить, губить, непронизительно расходовать.

675) Кноть, та, — сущ. — свѣчной и ламповый фитиль. Ласк. — кнотокъ, кноцнѣкъ, кноцичикъ.

676) Извѣстныя на мѣстѣ еврейскія свѣчи — шабашовки, теперь уже старинныя, пока-что и сейчасъ называются „смыркачкыми“, и это имя перенесено отъ недавно вышедшихъ изъ употребленія сальныхъ „мокапокъ“. — Въ шутивно-бранномъ употребленіи „смыркачъ и смыркачка“ есть имена соплей, какъ и имена мальчика и дѣвочки, не утирающихъ своихъ носовъ.

677) Лихтаръ, — ласк. лихтариць и лихтарокъ — обычное имя подсвѣчника. Отсюда прил. — лихтарный и глаг. — лихтариць — быть на мѣстѣ подсвѣчника, свѣтить.

678) Порщаць, — глаг. — издавать особый, легкій трескъ, и такой трескъ получается при поджариваньи, когда отдѣляются брызги. — Когда „порщиць“

самодѣльная свѣча, то вокруг мѣстонахожденія ея образуются замѣтныя кучи то салныхъ, то восковыхъ мельчайшихъ шариковъ.

679) При житейскихъ столкновеніяхъ и препирательствахъ, нетрудно бывало услышать укоризну за пользованіе не-лучшими предметами освѣщенія (д. Подворица и Рыбакъ, Вит. у., въ 1852 г.), хотя бы то приходилось изрѣдка, при парадномъ положеніи дома. При этомъ нелишне помнить, что салныя, напр., свѣчи и сало въ плашкахъ не жглись въ постные дни (изъ наблюденій въ Пол. у.).

680) Какъ наиболѣе замѣтное проявленіе упоминаемой особенности можно указать на нѣкоторыя захудалыя мѣста, впоследствии вошедшія въ составъ волостей: Вымянской, Яновичской, Веляшковской и Королевской, Вит. у., гдѣ не отдѣльныя лица, не семьи только, а и половинное населеніе деревень выматривало подслѣповатыми.

681) Кромѣ естественныхъ причинъ болѣзней (простуда, плохія гигиеническія условія, трудовое изнуреніе), которымъ не придается, впрочемъ, важнаго значенія, у простолюдина есть еще и другія — „порча и насланіе“, Подъ первыми разумѣются матеріальныя поврежденія, учиненныя лиходѣемъ (вредоносныя снадобья, отравленіе), а подъ вторымъ — неуловимое нематеріальное наведеніе болѣзни, нѣчто въ родѣ эпидемической заразы, сообщаемой по воздуху.

682) Всѣми тремя словами одинаково выражается имя предметовъ данной категоріи. Но тѣ же слова даютъ право видѣть слѣдующую рознь понятій. „запасина“ есть не только рабочее орудіе, но и дубликатъ того и другого предмета; „уручина“ — всякое орудіе, гдѣ соединено дерево съ желѣзомъ, могущее служить подспорнымъ, охраннымъ предметомъ (палка, топоръ, рогаatina); „струменщина“ значительно шире предыдущихъ понятій, и имъ можетъ быть названъ даже булакъ драчуна, какъ и поготъ, которымъ давит-ся тѣльный паразитъ...

683) Здѣсь нѣтъ рѣчи о предметахъ, относящихся къ области женскихъ работъ: почти полностью о нихъ сказано раньше.

684) Приходится повторить, что на мѣстѣ существовала строгая рознь между мужскими и женскими работами, которая не позволяла вторженія въ чуждую область, и въ этомъ отношеніи пришлось видѣть единственный примѣръ вдовы Улиты (д. Городка, Вит. у.), оставшейся съ малолѣтними дѣтьми: она самолично пахала, косила и вообще справляла по дому и хозяйству всѣ мужскія работы, — что составляло окрестное чудо въ концѣ 50-хъ годовъ, передъ которымъ любопытные останавливались такъ же, какъ передъ водимымъ въ то время Мишкою...

685) Последняя, под именем „чачотки“, какъ имѣющая перевитые слои, выносливѣе дуба, а потому и встрѣчается чаще его на „пубоешки“. Отъ нея нужно отличать „побовню“—такую же долбню (колотушка съ рукоятью), хотя и второе длиннѣе первой. „Побовня“ служитъ при болѣе грубыхъ топорныхъ работахъ—раскалываньи плахъ, при загонѣ въ дерево клиньевъ и проч., и ею бьютъ въ нужное мѣсто наотмашь, держа обѣими руками. Между прочимъ, „побовнѣй“ убиваются свиньи (ударъ направляется въ лицевую сторону черепа), послѣ чего упавшая свинья протыкается въ грудь веретеномъ, или „жигаломъ“, чтобы вывести кровь.

686) Этотъ „язычокъ“ представляетъ желобъ, длина котораго колеблется между 4 и 8 верш. Съ одного конца желобъ имѣетъ вершковый цилиндръ, стесанный въ усѣченный конусъ и по длинѣ просверленный насквозь: этимъ концомъ „язычокъ“ вгоняется въ просверленную дыру весенята дерева. Остальная часть его (онъ же—„лоточокъ“), соструганная до плахи, имѣетъ чистый видъ желоба съ двумя нарѣзками на концѣ, чтобы удерживать „почепку“ отъ привѣшанной, на „язычекъ“ посуды. вмѣсто него въ топорный просѣкъ дерева зачастую вгоняется ведерная клепка, или туда же втыкается соломенный пучекъ въ палецъ толщиною: сокъ стекаетъ въ поставленную на землю посудину.—По окончаніи срока, эти желоба заростають въ деревѣ и отпадаютъ года черезъ три, если не будутъ оторваны случайно (зацѣпомъ, скотомъ, ребятишками). Не говоря о преждевременномъ истощеніи дерева (береза и кленъ), это ведетъ къ ранней дупловатости и порчѣ наиболѣе лучшей красы чернолѣся...

687) Знакомые съ построениемъ „дуды“ не могутъ забыть, что последняя состоитъ изъ кожаннаго мѣшка (корпусъ „дуды“), куда задѣланы: а) „соска“—тонкій деревянный цилиндръ въ 4 верш. длиною, для введенія воздуха, б) „гуки“—тонкіе цилиндры верш. въ 10, заканчивающіеся въ видѣ бурительной трубки, и в) „пираборъ“—опять же тонкій цилиндръ верш. въ 8, съ 6-ю открытыми клапанами. (См. мой очеркъ мѣстныхъ музыкантовъ въ „Этногр. Обзор.“ 1892 г., кн. XIII—XIV).

688) Есть изрѣдка употребляемый терминъ—„по первому обцугу“,—которымъ выражается дѣйствіе первой удачи (стрѣлокъ убиваетъ дичь при первомъ гоѣ, или первымъ, картежникъ—ничтожнымъ козыремъ вѣрную взятку противника въ началѣ игры, косарь ломаетъ косу при первомъ замахѣ и проч.).

689) Шрубъ, шрубикъ, шрубчикъ и шрубчикъ—имена различныхъ по величинѣ винтовъ. Отсюда сущ. „шрубунка“—имя винтовой, ружья съ винтовымъ базенникомъ, или же имѣющаго витой стволъ, называемый еще „жируванкой“.

690) Цвякъ, цвячокъ и цвючокъ,—сущ.—названіе шляпочнаго гвоздя по преимуществу; имя всякаго небольшого гвоздя.

691, Какъ извѣстно, давніе „гынтали“ имѣли продольную шляпочку, или лучше—какъ бы двѣ соединенныя въ головкѣ шляпочки, и были исключительно четырехгранными, а не круглыми, подобно теперешнимъ кровельнымъ гвоздямъ. Что же касается „ухналевъ“, то послѣдніе и нынѣ тѣ же, что были раньше.

692) Зилѣзина, ны,—сущ.—всякая желѣзная вещь; кусокъ необработаннаго желѣза. Это сущ. нерѣдко становится собирательнымъ и тогда оно выражаетъ имя сборнаго желѣза въ складищѣ.

693) Смыкъ, ка,—сущ.—имѣетъ множество значеній: имъ называется борона изъ еловыхъ плахъ, гдѣ сучья даютъ готовые зубья,—шерстобитная дужка съ тетивою,—скрипичный смычекъ (чаще—„пысмыбайла“), который за нужду бываетъ тонкою дужкою, и, накопецъ, какъ въ данномъ случаѣ—дугою въ пилѣ. Для лучшаго сбереженія дровяной пилы и возможности работать ею въ одиночку, послѣдняя имѣетъ „смыкъ“—дугу, оба конца которой туго прилажены къ ручкамъ.

694) Гебиль, бля,—сущ.—преимущественное названіе шлифтубеля, хотя нерѣдко тѣмъ же именемъ называется и шерхебель—первоначальный стружокъ, у мѣстныхъ столяровъ извѣстный подъ именемъ рубанка. Плотничій стружокъ (съ 4-мя ручками по сторонамъ колодки) и большой стругъ для спуска досокъ безразлично называются „спусниками“.

695) Суетное, при благопріятной наличности, излишнее, даже алчное желаніе, обыкновенно осуждается приведеннымъ терминомъ, къ которому нерѣдко прибавляется дополненіе „отъ Бога“. Тѣмъ же терминомъ осмѣивается и крайнее положеніе лица, вслѣдствіе видимаго распутства, бѣдности по собственной винѣ, если это лицо не скрываетъ надеждъ на чудесную перемену обстоятельствъ, въ видѣ манны небесной.

696) Подъ именемъ туроликъ (тиролька) извѣстны красношерстныя коровы крупной породы, издавна разводимыя въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Онѣ, какъ и другія крупныя породы, между прочимъ, страшатъ деревенцевъ своею бойкостью, подвижностью и съ этой стороны совершенно не похожи на мирныхъ, повидимому, приниженныхъ, коровъ мѣстнаго происхожденія.

697) Хотя съ именемъ „шленскій“ и соединено понятіе о длинношерстности, даже продолговатости овечьяго корпуса, овцы съ такимъ названіемъ представляются чѣмъ то необычнымъ,—и что онѣ на самомъ дѣлѣ, того никто не можетъ объяснить.

698) Дубецъ, бца,—сущ.—тонкій, гибкій пруть, у пастуховъ замѣняющій кнутъ. „Дубцомъ“ чаще всего бываетъ лозовый пруть. То же имя принадлежитъ и вѣниковому прутіку, который обыкновенно, на скорую рубку, служитъ бичующимъ предметомъ для дѣтей.

699) Повелит. форма отъ глаг. „вытныць, выциць“ — стремительно ударить гибкимъ предметомъ (хворостиною, кнутомъ), это слово сдѣлалось сущ. („выцинь, тня; множ. число—вытниц“), въ каковомъ значеніи оно употреблено здѣсь.

„Кляпышъ, или коромисилъ“ — короткое, верш. S, полѣно, отрубкомъ оглобли, перевязанный на срединѣ веревкою, которая арканомъ надѣвается на шею свиньи. При движеніи послѣдней, полѣно бьется о колѣпа свиньи, — что замедляетъ ходъ, а при попыткѣ пробраться сквозь изгородь, задерживаетъ ее по сю сторону. Выгодное для обузданія „шкодливыхъ“ свиней приспособленіе это изнуряетъ послѣднихъ, а перѣдко ведетъ къ вывиху и перелому ногъ.

700) Главными и существенными причинами скотскихъ незадачъ признаются: а) „статыкъ не по хлѣву“, и наоборотъ, подъ чѣмъ разумѣется неподходящій лѣсъ, какъ и стройка скотнаго помѣщенія, и б) размолвка „хливника“ со скотомъ, съ хозяевами, или нерасположеніе его къ хлѣву.

701) Певный, — прил. — вѣрный, надежный, извѣстный. Сущ. — певныси, сци; нар. — певни — (въ видѣ предположенія) вѣрно, должно быть, нужно полагать.

702) Хотя подсосомъ слѣдуетъ называть сосущаго жеребенка, это имя прежде всего принадлежитъ матери, которая есть „кобыла-подсосъ“.

703) Судьба „позняковъ“, между которыми попадаются иногда добротныя особи, довольно печальна: они задешево продаются кожевникамъ или уничтожаются дома. — На осеннюю ярмарку 1872 г. въ м. Волинцы, Дрис. у., приведено было до 60 „позняковъ“, которые продавались по 30, 20 коп. или — кто сколько дастъ; оставшіеся нераспроданными, въ количествѣ 30 штукъ были брошены владѣльцами на произволъ и на горе мѣстечковыхъ зрителей...

704) Лянэй, линая, ляноя, — прил. — лѣнивый.

705) „Натурливый или съ затонемъ“ конь есть извѣстный упрямецъ, который нерѣдко привередничаетъ отъ неувимыхъ неисправностей въ упряжи, отъ неумѣстнаго подергиванья возжами, удара кнутомъ и проч., — что достаточно извѣстно обращающимся съ лошадьми, какъ извѣстны и тѣ муки, которыя приходится переносить владѣльцамъ, пока не будутъ изучены, уловлены „натурливість и затонъ“ данной лошади. Тѣснѣйшимъ образомъ „затонъ“ состоитъ изъ внезапной остановки лошади, по которому она „а ни зъ мѣста“, тогда какъ „натурливая“ лошадь лягается, становится дыбомъ, кусается, мечется въ сторону, падаетъ на землю и проч.

706) Такъ называется иноходъ — любительская лошадка, какъ извѣстно, при побѣжкѣ перемѣщающая разомъ обѣ ноги той или другой стороны.

На практическій взглядъ простолюдина инокходъ хорошъ тѣмъ, что „не заеѣкаетъ“ ногою, т. е. подкозою или копытомъ задней ноги не задѣваетъ передней.

707) Лапичный,—отъ глаг. лапичь—накладывать, пришивать заплату. Такъ полунасмѣшливо называется пѣгая лошадь, окровь которой представляется составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ материн.

708) Имя „кнора, кнороза“ переходитъ и на мясо такого быка (кнорина, кнорозина), въ отличіе отъ остальнаго говяжьего мяса, называемаго „яловичиный“.

709) Т. е. за изгородь бросаютъ. Въ выбрасываньи за изгородь можно уличить лишь тогда, когда такое животное пало, и въ таковомъ приѣмѣ сказывается не пословичное требованіе, а только обычное житейское правило, по которому мертвое животное не переносится по слѣдамъ и пути живыхъ.

710) Половоха имѣющая пепельный цвѣтъ шерсти; имя „половой“ всецѣло принадлежитъ одной только коровѣ этой масти.

711) Подъ именемъ „звездони, звездоньки“ извѣстна кличка многихъ коровъ, имѣющихъ на лбу небольшое бѣлое пятно.

712) Всѣ эти имена происходятъ отъ приманныхъ и отгонныхъ возгласовъ: „шкыр! кыз! аюсь! трусъ! кыць“!

713) Клиба и клибина,—сущ.—гибкій, тонкій шестъ, имѣющій примѣненіе въ частяхъ экипажа: имъ соединяются санныя головки одна съ другою и съ копыльями, связываются копылья, передокъ и задокъ телѣжной поверху накладки и проч. Въ подходящихъ случаяхъ „клибина“ отправляетъ надъ крупными животными то же, что кнутъ и „дубецъ“.

714) Миркуваць,—глаг. (наст. вр.—мярькую)—обдумывать, соображать и чрезъ то приготовляться къ дѣлу, безъ предварительнаго соглашенія, совѣта.—Раиць, раица,—глаг.—ту же думу, соображеніе подвергать на сторонній судъ; совѣтоваться.

716) Хряпы и охряпы—обычное названіе овощныхъ черенковъ въ листьяхъ и названіе канустныхъ кочерыжекъ: изъ послѣднихъ, какъ и листьевъ брюквы, непужныхъ для „канусты“ листьевъ свеклы, заготовляется значительный запасъ свиного корма на первое время зимы.

716) Кожанатый,—въ знач. прил.—захудалый, у котораго шерсть всклокоченная, раздувшаяся въ стороны. Послѣ мытья въ щелокѣ, или табачномъ настоѣ, „кожанатый порсючокъ“ выкидывается на дворъ чрезъ окно... (Стасево, Вит. у., въ 1865 г.).

717) Кримяный,—прил. отъ кремень—крѣпей тѣлесно; живой, подвижной, совершенно противоположный „кожанатому“.—Глаг.—кримяницъ—противоплагается глаг.—кожанацницъ.

718) Нельзя умолчать о томъ, что „килбасники“ откармливаются на убой неодинаково: если ходять получить брѣпко-волобнистое мясо и сало, его кормятъ исключительно ржанымъ хлѣбомъ; менѣе волобнистое—ячменнымъ, совершенно „крохкое“—въ кормъ помѣщается гороховая и бобовая мука. Но есть и нежелательные случаи „крохкости“ свиного мяса, когда оно при варкѣ обращается „въ крупки“, и это происходитъ (по увѣренію въ Махировѣ, Пол. у., въ 1876 г.) отъ того, что „килбасникъ“ жралъ змѣлѣтомъ...

719) Сколоцины, нъ,—сущ.—при сбоѣ масла, молочные остатки—„нѣсмецина“, въ данномъ случаѣ—солома, слегка смѣшанная съ сѣномъ, чтобы скотъ охотнѣе ѣлъ таковую.

720) Подобные крюки во множествѣ вколочены въ стѣны различныхъ помѣщеній: въ хатѣ на такомъ крюкѣ держится неподвижный свѣточъ висятъ ручки, уклады, одежда, въ сѣняхъ—сбруя, менѣе цѣнные уклады, въ клѣти—ленъ, пенька въ сыромъ и обработанномъ видѣ, на току—цѣны, въ банѣ—одежда моющихся, въ пупѣ—„крошны“, грабли и проч. Эти, не дорого стоящіе крюки всегда подъ руками, и дѣлаются они изъ еловой плахи съ сукомъ, изъ старой „ельчины“, по преимуществу.

721) Паренчина, ны,—сущ.—отдѣльная балясина; паренцы, цывъ—рѣшетчатая изъ балясинъ изгородь (на крыльцѣ, неподвижной лѣстницѣ).

722) Биремо, ма,—сущ.—охапка, сколько можно понести въ рукахъ передъ собою: такъ наскоро переносится скотній кормъ при пажити и сѣнокосѣ.

723) Пихцеръ, (въ Город. у.—пихцель) весьма часто имѣетъ насмѣшливо-укоризненный смыслъ и означаетъ угробистаго, малоподвижнаго челолѣка, который движется, „якъ пукъ“ (туго перевязанный кулъ соломы).

724) Непрочныя, т. наз. „гнилыя зимы“ достаточно извѣстны на мѣстѣ, и существованіе ихъ, какъ непутной весны, осени, создало насмѣшливое завѣреніе, что въ Вит. Бѣлор. возможны: „среди зимы—лѣто, а среди лѣта—зима“... (Ловожъ, Пол. у., зима 1868—69 г.). Въ отношеніи къ бытующему это сотый разъ подтверждаетъ, что и зимою требуется иногда внезапное пользованіе телѣгою, какъ позднюю весною (23 апр. 1862 г.) и ранней осенью (13 сент. 1867 г.) пользованіе санями. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что перевозка ульевъ съ пчелами во всякое время года дѣлается исключительно на саняхъ.

725) Какъ и при многихъ другихъ подѣлкахъ, мастера обходятъ такія крѣпкодревесныя деревья, какъ дубъ, ясень, кленъ, потому что обработка ихъ указанными инструментами трудна.

723) Чаще (въ юго-вост. окраинѣ) всего эти накладки извѣстны подъ именемъ „крюговъ“ и бываютъ то круглыми (наибольшій діаметръ 2 верш.), то брусчатыми.

727) При сдавливаньи воза гнетомъ, крюки рѣшительно необходимы для зацѣпа вазовой веревки, которая привязывается къ одному изъ нихъ концомъ и, перекинутая черезъ гнетъ, цѣпляется за другой крюкъ, чтобы удержать за гнетомъ достигнутое сдавленіе воза.

728) Наилучшею почитается такая „тройня“, у которой послѣ изгиба есть два равномерные суга, не круто расходящіеся въ стороны. Тогда „тройня“ задѣлывается между подушкою и осью двумя концами.

729) Если „шворинь“ деревянный, а такимъ онъ бываетъ у большинства телѣгъ, то онъ сдѣланъ изъ дуба, для чего выбирается подходящее по толщинѣ молодое дерево съ сучкомъ-двумя при комлѣ, чтобы задерживать „шворинь“ сверху. Снизу, подъ осью онъ не имѣетъ никакой поперечной задвижки, отчего, при подъемѣ на крутизну и подскобѣ передка, иногда отдѣлившись отъ послѣдняго, „одеръ“, падаетъ на землю, или опрокидывается назадъ. То же возможно и при желѣзномъ шворинѣ, часто не подогнанномъ къ высотѣ оси и подушки и еще чаще — не заклиненнымъ поперечкою.

730) Наклистка, кп,—сущ.—имя соединительной вязки, вообще, которою бываетъ согнутый, нѣсколько стесанный стволъ тонкаго гибкаго дерева; такъ соединяются въ копыльяхъ стороны саней, какъ и противоположащія части того и другого экипажа. Но то же имя дается деревяннымъ дощечкамъ, небольшимъ брусчатымъ планкамъ, когда тѣ, какъ въ данномъ случаѣ, замѣняютъ вязки.

731) Путешественники не могли не замѣтить, что въ числѣ падающихъ по дорогамъ предметовъ, больше всего попадаютъ выпавшія изъ телѣгъ чеки, а потомъ — дощечки, составляющія часть кузова. Послѣднія подбираются относительно рѣже первыхъ, кои тутъ же и втыкаются въ ось вмѣсто ненадежныхъ собственныхъ:—Слѣдуетъ отмѣтить, что житейская порядочность обязываетъ бросить свою ненадежную чеку въ сторону отъ дороги, дабы не трудить напрасну того, кто вздумалъ бы воспользоваться лежащею на дорогѣ чекою (изъ наблюденій въ Контевичяхъ, Казановѣ и Слободкѣ, Лен. у., іюнь 1861 г.).

732) Если вмѣсто „одра“ подъ заднюю часть перевозимаго бревна пододится запасный передокъ, то, при обратномъ слѣдованіи, возница ѣдетъ на двухъ передкахъ, изъ конхъ задній, безъ отосъ, привязывается концами оглоблей къ оси передняго,—что даетъ возможность размѣститься нѣсколько привольнѣе.

733) Такія колеса употребительны въ разныхъ мѣстахъ Гродн. губ., гдѣ они имѣютъ обязательную оковку.

734) См. объ этомъ въ VI гл. предыдущаго отдѣла и примѣч. 552. Самое имя „колоницы“ какъ-то неустойчиво: такъ имъ называется дегтярная (ведро) посудина, деготь въ пей и перегорѣвшій, сгустившійся деготь.

735) Польское названіе апста („буццнѣ, род. буццна, бусилѣ, род. бусла“).

736) Слишкомъ рѣдкій обычай „паницъ злыдни“, приуроченный къ Купальскому вечеру, достаточно описанъ мною въ отдѣльномъ сборникѣ. На сей разъ достаточно помнить про служебное значеніе негодныхъ, повидимому, колесъ.

737) Насколько позволяетъ мастерское умѣнье, задъ кузова и, особенно рамочная накладка украшаются рѣзьбою, которая состоитъ изъ кое-какихъ кружковъ, равномерныхъ нарѣзокъ, косыхъ вырѣзокъ, квадратиковъ, ромбовъ, треугольниковъ, или же сюда вставляются лучевидно мелкія плапочки, какъ и въ спицкѣ возка.

738) Помѣстный обычай требуетъ, чтобы повобрачная не становилась ни на ступицу, ни на ободъ, а взбиралась въ телѣгу другими способами, иначе у нея столько лѣтъ не будетъ дѣтей, сколько въ колесѣ спиць... Это требованіе, съ совершенно другими мотивами, относится и къ кумѣ съ крестницею въ рукахъ.

739) Бдущіе съ попутнымъ изъ милости весьма легко могутъ быть отличены отъ другихъ сѣдоковъ: они обыкновенно торчатъ въ экипажномъ задкѣ, затылкомъ къ лошади, свѣсивъ назадъ ноги. Такъ обыкновенно „подвозится“ мастеровая, грогулявшаяся мелкота...

740) Такое имя дается экипажу, когда въ немъ прилажена верхняя накладная рама; оно чисто мѣстное (Пухново, Вел. у.), хотя и встрѣченное въ Придруйкѣ, Дрис. у.

741) Обычное имя чеки, которая есть всегда деревянная. Съ большею заботливостію „загвызка“ прилаживается только къ новому экипажу, въ послѣдующее время она дѣлается наскоро, при набѣжавшей надобности, въ пути же ею бываетъ случайный пруть, опять же наскоро выломанный и заткнутый въ ось.

742) Сюда не входятъ чисто барскіе экипажи (дрожки, тарантасъ, карета и проч.), при встрѣчѣ съ которыми мужикъ съ давнихъ поръ привыкъ сторониться.

743) Такъ называютъ себя старообрядцы, а вельдѣ за ними и окрестное населеніе; всѣхъ крестьянъ, не-мескальковъ старообрядцы зовутъ „полячками“ (изъ наблюдений въ Ловожской вол., Пол. у., съ 1867 по 1871 г.).

744) Въ 50-хъ годахъ „копанцы“ поставлялись въ изобиліи окрестными экипажниками въ м. Ліозно, Мог. губ., и отсюда расходились въ сосѣднія мѣста Вит. губ.—Тогдашняя цѣнность зимнихъ экипажей можетъ почтеться, пожалуй, невѣроятною: такъ, „возокъ, какъ запрячь“ стоилъ ниже рубля; соотвѣтственно сему понижались и остальные сани дровни стоили 15—20 коп., а дѣтскія „санички“ 3 коп.

745) Высота полоза-„копанца“ доходитъ до 4 верш., тогда какъ ширина его едва превышаетъ 2 верш. Въ соотвѣтствіе сему высота головокъ, не оканчивающихся загибомъ назадъ и скорѣе торчащихъ впередъ, едва доходила до 1 арш.

746) Когда розвальни идутъ подъ сѣннымъ или соломеннымъ возомъ то для удержанія гнета спереди, къ головкамъ привязывается концями „пирародка“—прочная веревка въ 5 арш. длиною. Если такая петля велика для угнетаемаго воза, „пирародка“ нѣсколько разъ обматывается при за-сѣчкѣ гнета.

747) Вонки, ныкъ,—сущ. во мн. ч.—внѣшняя сторона возка и вообще экипажа, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, держится нога ѣздока. Но то же имя носитъ временное, то вольное, то принудительное удаленіе изъ избы въ сѣни и на дворъ (дѣти уходятъ отъ наказанія, а отдѣльные члены семьи, или вся семья, при буйствѣ подгулявшаго домовладыки).

748) Т. е. „за двѣ копейки (везутъ) тронхъ сѣдоковъ“—злая насмѣшка Витебскихъ извозчиковъ-лихачей надъ „форфорками“, нынѣ появляющимися только съ зимними возками, которые на самомъ дѣлѣ бѣдны такъ же какъ сравнительно недавно были бѣдны и „лѣтнія форфорки“.

749) Расписанные возки издавна можно было видѣть у окрестныхъ старообрядцевъ, во множествѣ собирающихся въ м. Сиротино, Пол. у., на зимнія ярмарки (6 дек., 6 и 7 янв. и 2 февр.). Яркіе цвѣты, неменѣе яркіе узоры (кружки, квадратики, ромбы) и кое-гдѣ яркая надписьчей экипажъ и кто работалъ—составляли красу возковъ, которые, какъ и повозки съ тою же окраскою, перенимались и крестьянами. Ровный цвѣтъ экипажной окраски встрѣчался рѣже.

750) Отъ такихъ иртъ нужно отличать ирты болотныя, повидимому, не имѣющія сходства съ снѣговыми. Онѣ состоятъ изъ овальныхъ дубовыхъ „гнуциковъ“ (длина овала 10, а ширина 6 верш.), переплетенныхъ вдоль и поперекъ тонкими дубовыми же вязками. Чистый типъ болотныхъ иртъ имѣется въ музеѣ при Вит. ст. ком.

751) Справка съ житейскимъ употребленіемъ приведенныхъ словъ и толкованіемъ въ „Словарѣ“ В. И. Даля позволяетъ считать ихъ тождественными, хотя на самомъ дѣлѣ сбруя есть лишь часть упряжи: подъ первою приходится разумѣть упряжные предметы, непосредственно соприкасающіеся съ

тѣломъ упряжнаго животнаго; тогда какъ подвѣторю — всѣ остальные пред-
меты запряжки, со сбруей включительно.

752) Мѣстное осмѣяніе чванливой „голудьбы“ (Бононь, Пол. у.) до-
полняетъ къ такому же общему („мѣдной посудыны—крестъ да пуговица,
рогатой скотинны—тараканъ въ запечьи“ и проч.) и приведенное;—что зна-
чительно смягчаетъ пасмѣшку.

753) „Теплая копейка“ есть быстро набѣгающія, иногда и довольно
значительныя деньги (излюбленный терминъ торговцевъ).

754) Помѣстный обычай (кр. Игнатъ изъ дер. Сtryженево, Вит. у.;
въ 1859 г.) запрещаетъ женщинѣ не только шивать сбрую заново, но и
чинить таковую: наилучшій конь въ такой сбруѣ становится „натур-
ливымъ“.

755) Эти лямки (шейные арканы) необходимы при коновязи на огра-
ниченномъ пастбищномъ пространствѣ, — при навязываніи телятъ на гумнѣ,
огородныхъ межахъ, какъ и навязываніи жеребятъ „отссыговъ“. Впрочемъ,
при назрѣвшей необходимости отлучить жеребенка отъ материнскаго молока,
„отсоску“ надѣвается особый недоуздокъ съ тонкими, заостренными рогатин-
ками на лицевой сторонѣ: не разлучаясь съ дѣтенышемъ, не тоскуя по немъ,
мать, однако, не можетъ допустить его къ вымени; тогда уже нѣтъ надобно-
сти въ лямкѣ и жеребенокъ не знаетъ таковой до коновязи.

756) Присидѣльникъ, ка.—сущ.—чрезсѣдельникъ—веревка, или ре-
мень, который проходитъ чрезъ ушки сѣделки и концами привязывается къ
серединамъ оглоблей: при помощи его соединенныя съ гужами оглобли поз-
воляютъ приподнимать хомутъ на лошадиной шеѣ.

„Вожжи и лейцы“ есть обычное имя вожжей, хотя послѣднее больше
употребительно въ Леп. и Дрис. у.: Въ прямой службѣ вожжи употребле-
ются при навязываніи козъ, телятъ, жеребятъ и лошадей на ограниченныхъ
пастбищахъ. Отсюда получилъ начало терминъ—„навязаць на вожжи, на
лейцы“,—имѣющій прямое и переносное значеніе.

757) „Дротованое“ витѣе веревки есть такое, когда скручиваются три
витушки, при чемъ, въ домашнемъ витѣѣ, это дѣлается такъ: сперва во
всю длину свиваются только двѣ витушки, а потомъ веревка перевивается
съ третьею,—что значительно видоизмѣняетъ ее и даетъ болѣе прочности.

758) „Ораллельный хомутъ“ имѣетъ полный видъ упряжнаго, имѣетъ
гужи, къ которымъ обыкновенно только привязываются постромки—недли-
ныя веревки, идущія отъ оглоблей сохи, или бороны. Тотъ же хомутъ упо-
требляется при волоковой перевозкѣ сѣна, соломы и гороха.

759) Первый представляетъ узкій (4—5 верш.) и пластомъ набитый
мѣшскъ, куда вложена рогожа, или сухіе листья „муховки“, а вторая—сло-
жепную вдвое „дяружину“, или же сю бываетъ плотная лыковая, бересто-

вая плетенка, для непроницаемости смазанная дегтемъ (въ юго-вост окр.).

760) Дышловой запряжки крестьяне не знаютъ, а потому къ ней не имѣется экипажныхъ и угряжныхъ дополненій; но и пристяжная, а тѣмъ болѣе трючная запряжка употребляется рѣдко (свадебные поѣзда, провозъ начальствующихъ). Въ свою очередь, и для парной, пристяжной запряжки нѣтъ специальныхъ приспособленій, при надобности, на верхъ передка прилаживается жердь арш. въ 2, конецъ которой торчитъ въ сторону пристяжки; конецъ привязывается веревкою къ экипажному задку и соединяется съ наскоро прилаженнымъ валькомъ, къ которому и привязываются случайныя постромки—возовыя веревки, вдвое сложенные вожжи. По минованіи надобности, пристяжное приспособленіе разбирается при распряжкѣ лошадей.

761) Такъ обыкновенно называются желѣзныя удила въ пограничныхъ мѣстахъ Пол. и Дрис. у.—Глаг.—зыкилзаць, закелзывыць—выражаетъ дѣйствіе запузданія, при которомъ удила кладутся лошади въ ротъ.

762) Всѣ три слова одинаково относятся къ названію кнута „пегонялки“ „Пуга, пужка, пужчонка“ если и бываетъ ременною, такъ только въ одинъ ремешокъ, а не витую, какъ „бизунъ, бизуникъ, бизуничекъ“, по большей части, она—веревочная, хотя съ специальнымъ витьемъ (у пастуховъ и нищихъ пуга доходитъ до 3 саж. длины, особенно у послѣднихъ, ради частой обороны отъ собакъ). „Бизунъ“—уже болѣе изящный всадническій кнутъ съ короткою рукоятью, перевитою тонкими ремешками, тщательно сработанный изъ ремешковъ же (о „бизуновыхъ чинахъ“ мои сообщенія въ XX кн. „Этногр. Обзор“, стр 55—58).—Исключительно цыганскій кнутъ, чжупла напоминаетъ нагайку и страшенъ при ударѣ.

763) Балаголка, лки, — сущ. — грубый колокольчикъ изъ толстой жести, имѣющій видъ усѣченного конуса, съ желѣзнымъ бѣломъ внутри. По тупому звяканью „балаголки“, каждый разъ производимому лошадыю при подскокѣ (когда она смутана), узнается мѣстопахожденіе послѣдней.

764) Когда дровни преобразуются въ развальни, т е прилаживается „накладка“ (рама), то у задней „паклистен“ уладывается дугообразная жердь, лучкою внизъ, къ концамъ которой и прикрѣпляются боковыя жерди, идущія отъ головокъ во всю длину саней.

765) Подобныя дуги служатъ основою „бойки“—особаго сѣмпаго ящика, для возки песка, глины, земли, щебня,—что можно видѣть у городскихъ возчиковъ.

766) Слѣдуетъ замѣтить, что эти же ограниченныя пространства весь-

из часто галопируютъ дѣвушки и молодухи, сидя на лошади по-мужски и управляясь съ ѣздою не хуже „мальцевъ“.

767) Во всѣхъ мѣстахъ ременная сбруя оставляетъ густой специфическій запахъ, ослабляющійся развѣ по мѣрѣ обветшанія сбруи. Не зная имущественнаго положенія хозяевъ, не видя сбруи налицо, по сему запаху можно утверждать, что хозяева не изъ бѣдныхъ, потому что имѣютъ ременную сбрую. То же почетное, надежное мѣсто отводится и гостинной сбруѣ.

768) „Послов. рус. народа“ В. И. Даля, изд. втор., 1879 г., т. I, стр. 429

769) Въ основаніи перваго требованія кроется вѣра въ счастье того или другаго дерева, въ счастливый моментъ рубки, отдѣлки его: несчастливо одно дерево, другое можетъ оказаться удачливымъ. Что же касается втораго требованія, слышаннаго лишь въ д. Плиговкахъ, Пол. у., въ 1818 г., то передатчикъ, крест. Елисей Романовъ, не могъ объяснить причинъ его

770) Отъ сущ. „диряво“ необходимо отличать другое — „дпрывина“, — что полностью относится къ крупному и ровному дереву на нивѣ

771) Точпѣ „рогачомъ“ называется вся головка сохи съ „колодою“ включительно, а отсюда это имя нерѣдко переносится и на всю соху; въ частности „рогачомъ“ называются только ручки, въ отдѣльныхъ построеніяхъ напоминающія короткіе рога мѣстнаго „бычанка-рогача“. Тогда „колоды“ будетъ называться только брусчатая часть головочной накладки.

772) Подобно предыдущему, сущ. „обжа“ можетъ вести къ сбивчивому пониманію, такъ какъ этимъ именемъ принято называть сошную оглоблю, даже всю соху; на самомъ дѣлѣ оглобли воспринимаютъ имя отъ поминнаго брусочка, съ которымъ онѣ прочно и прежде всего соединяются въ сошной головкѣ.

773) Точно также имя „зимляпки“ переносится кое-гдѣ (Корол. вол., Вит. у.) на „пыцяжки“.

774) Петли изъ самаго крѣпкаго дерева не долго выдерживаютъ треніе и вызываютъ частыя смѣны „пыцяжикъ“, въ виду сего всякій порядочный хозяинъ спѣшитъ приспособить сюда желѣзныя петли, заказываемыя мѣстнымъ бузнецамъ, или же надѣваетъ случайныя желѣзныя кольца.

775) Въ компилятивномъ этнографическомъ сборникѣ „Народы Россіи“, изд. г. Ильина, Спб. 1880 г., упоминается о нашенной запряжкѣ въ дышло лошади и коровы, практикуемой въ Бѣлор. Приходится свидѣтельствовать, что въ Вит. Бѣлор. не существовало дышловой нашенной запряжки и, слѣдовательно — комическаго соединенія въ упряжки такихъ несродныхъ животныхъ, хотя въ прибѣденномъ положеніи бывали кое-гдѣ случаи запряжки одной коровы въ соху и борону.

776) Такія крайнія положенія наблюдались въ юго-вост. окраинѣ Вит.

губ. въ 50-хъ годахъ, а по сказанію „старыхъ граммъ“, бывали весьма нерѣдки въ б. Суражск. у. раньше сего, благодаря скотскимъ падежамъ, вонокрадству, истребленію или пораненію звѣрми, крѣпостническому разоренію. Подобное же приходилось слышать про давнія запашки въ чертѣ нынѣшней Мишкович. вол., Пол. у.

777) Къ сажалѣнію, приходится свидѣтельствовать, что еще въ то отдаленное время хозяева каждый разъ уносили сохи съ полей на ночь, чтобы уберечь „лимяши“ и наполокъ отъ тогдашнихъ личинокъ (изъ воспомин. въ юго-вост. окранныхъ).

778) Лунка, нѣи, — сущ. — круглая, небольшая прорубь во льду, та же прорубь („пролубка“ то жъ) для рыболовныхъ надобностей называется „луничкый, луничкый“.

779) Первымъ госѣвомъ на такой новинѣ обыкновенно бываетъ ленъ, который здѣсь бываетъ чистъ и почти всегда росль, хотя, по мѣстному увѣренію (Бѣлое и Старо-Замшаны, Пол. у.), и не имѣетъ крѣпости пашеннаго льна, выросшаго на унавоженномъ мѣстѣ. — После перегноя дерна, удобренія навозомъ и глубокой вспашки, — что дѣлается черезъ годъ, — тутъ засѣвается озимый хлѣбъ — и бывшая новина преобразуется въ пашню.

780) Описанныя доселѣ желѣзныя насадки (лемехи, напки, заступы, лопаты) издавна приобрѣтались въ желѣзныхъ лавкахъ и на ярмаркахъ; по кто желалъ болѣе прочныхъ издѣлій, тотъ обыкновенно обращался къ мѣстнымъ кузнецамъ — и послѣдніе дѣйствительно выпускали прочныя, хотя и грузныя, аляноватыя издѣлія.

781) Всѣ три слова есть безразличныя имена одного и того же орудія, о которомъ идетъ рѣчь ниже.

782) Цицива, цицывы, — сущ. — названіе стебля и корня корнеплодниковъ; но стебель хлѣбныхъ растений называется „каливый“ („каливка“ — брюква, въ Вит. у).

783) Во все время „копачка“ бываетъ дѣтскимъ игрушечнымъ орудіемъ, изображая „звлязникъ и рыдиль“, и только на скорую руку она употребляется для размѣшиванья опаренной, грязной свиной мѣшани.

784) Даже у незапасливыхъ хозяевъ имѣется кое какая заготовка такихъ плахъ, которыя грудями лежатъ то въ лѣсу, то дома, рѣдко — подъ навѣсомъ.

785) Сущ. „скорода“, какъ и глаг. „скыродиць“, имѣютъ переносное значеніе и выражаютъ понятіе упрямства, нравственной расшатанности, или же этимъ понятіемъ обозначается движеніе хмельнаго человѣка.

786) Клецъ, ца, — сущ. — вставной бороній зубъ, имѣющій единственное мѣсто только въ упоминаемой боронѣ.

787) Когда вода замерзаетъ при спокойной погодѣ и даетъ ровный ледъ, таковыя „буками“ обыкновенно глушатъ береговую рыбу, видимую чрезъ тонкій ледъ.

788) Изъ давней уніатской жизни пока что остаются памятными „билевыши“ (юбилей — въ полонизированномъ произношеніи) — доселѣ отличаема, но недавно еще чтимыя мѣста, гдѣ когда-то, въ точные сроки, произносились общественныя проповѣди. Между прочимъ, въ содержаніе проповѣдей входили предсказанія о грядущихъ бѣдахъ отъ желѣза: пройдиць ланцугъ (землежѣрная цѣпь), забѣгиць по зямли и воды зилѣзныи конь, рызокцець зилѣзныи павукъ (павукъ) зилѣзную шывучиницу (здѣсь слѣдуютъ библейскія указанія на кончину міра) — и тоды найдиць копецъ свѣту... По свидѣтельству „старой живой граммы“, личнаго свидѣтеля „билевышивъ“, собрании народъ уходилъ съ мѣста проповѣди съ удручающими думами и впечатлѣніями, кои передавались потомъ, какъ пророчество, грядущему поколѣнію. Въ бытующее время „билевыши“ отличены были высокими крестами, и память о нихъ, какъ и рѣчахъ, была сильна, жива, и можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что престолюдинъ сторонился, боялся желѣза...

789) Въ чуждой и, вѣстаети, возможно полной волочебной пѣснѣ изъ дер. Загорья, Дисненск. у., Виленск. г. („Бѣлор. пѣсни“ П. В. Шейна, 1874 г., стр. 86—92), на эти сроки указывается слѣдующими словами:

„Шипилника у кузню идець...

У кузню идець, сярны зубиць“...

Какъ извѣстно изъ содержанія волочебныхъ пѣсней, „уси святки, уси празьнички“ призываются къ сельско-хозяйственной помощи поздравляемому дому. Между прочимъ, на половину празднуемая „Шипилника“ (пятница передъ Ильинимъ днемъ, въ Дисн. у., и Богородичные праздники 2 и 8 іюля повсемѣстно) призывается, т. е. отдается зазубриванью серловъ, за исключеніемъ развѣ мѣстностей, гдѣ въ эти дни есть храмовыя празднества („Шипилка“ — въ Лемницахъ и Жеребычахъ, Вит. у., 2 іюля въ м. Сиротницъ, Пол. у.).

790) Такое затрудненіе съ особенною силою выразилось лѣтами 1861—1864 г., пока отношенія крестьянъ и помѣщиковъ не уложились въ новыя формы, самымъ же безпримѣрно-затруднительнымъ можно считать лѣто 1863 г., когда хлѣбъ остался песнятымъ на зиму (им. Манулки и окрестныя, Вит. у.).

791) Последнимъ именемъ „бошелочка“ обязана тому положенію, которое занимаютъ при косбѣ косовинная пятка и бонецъ косовья: здѣсь всегда имѣется осадокъ травяной жидкости, при снѣжномъ движеніи косы да-

ющей зеленоватую пѣну, оттираемую каждый разъ горстью травы, когда необходимо „лопаиць косу“.

792) Луна, пы,—сущ.—задеръ и выщербъ въ желѣзномъ предметѣ. Изъ косы „луны выгоняютца“ тщательнымъ расплескиваньемъ поврежденнаго лезвія.—Съ этимъ именемъ связывается имя св. ап. Луппа (23 авг.), когда не дѣлается посѣва, иначе хлѣбъ выростетъ „лунами“ (плѣшинами), и не производится работъ желѣзными орудіями (д. Спяки и Острѣйково, Вит. у.), на которыхъ появляются „луны“.

793) Хлѣбъ скашивается только въ крайнемъ случаѣ, когда онъ рѣдокъ, и когда слѣдовательно „ня можно няць“ серпомъ. Кромѣ гречихи, гороха и „сочивки“, всякій, даже малорослый, но густой хлѣбъ обязательно сжинается.

794) Крохкій,—прил.—разсыпчатый (когда идетъ рѣчь о хлѣбѣ и нѣкоторыхъ густыхъ бѣшаньяхъ), хрупкій, какъ въ данномъ случаѣ,—что цѣликомъ зависитъ отъ свойства еловой, или сосновой жердочки, за ровность и легкость предпочитаемой всѣмъ остальнымъ, также и отъ времени рубки: одно и то же дерево, срубленное въ молодикѣ, въ полнолуіе и на исходѣ луны будетъ имѣть различную крѣпость.

795) По общему увѣренію, самую прочную „путьцу“ даетъ угревая кожа, снятая съ живого угря; но она не вѣдерживаетъ сопряженія съ горохомъ и рвется при первыхъ шагахъ гороховой молотбы.—Слабымъ источникомъ такого повѣрья служить увѣреніе (Вымнѣ и Котовѣ, Вит. у.), что въ росистыя ночи угри пробираются на ближайшія гороховыя нивы, чтобы полакомиться горохомъ и, въ расчетѣ на опозданіе, оставляютъ по пути слизистый слѣдъ, по которому потомъ и возвращаются. Кто замѣтилъ такой слѣдъ да пересыпалъ его пескомъ, тотъ можетъ поймать живого угря на сѣшѣ. Что любилъ угорь, то разрушаетъ его кожу.—Нѣчто среднее иметъ увѣреніе, что свѣжій медъ, бабъ и свѣжій гусиный пометъ, разрушаетъ обработанную кожу и обувь (?)...

796) „Гоняць добро, или збожжа“—обычный терминъ, которымъ выражается дѣйствіе надъ хлѣбомъ въ промежуткѣ, когда цѣпь окончилъ работу, до наступленія вѣянья: тутъ главнымъ образомъ работаютъ вилы и грабли; остатнюю же „гонку добра“ справляютъ грабли и метла послѣ вѣянья.

797) Эти „вершники“ въ одно и то же время называются „топтунами“.

798) До проведенія дв.-вит. ж. д., когда мѣстный ленъ и пеньба (последняя въ ограниченномъ количествѣ) отправлялись сплавнымъ путемъ въ Ригу, густыя партіи „трипачкывъ“, съ пожитками въ „торбахъ“ и двумя „трипачками“ (меньшая—за поясомъ, большая—подъ мышкою) появлялись въ Витебскѣ около Р. Хр. и, размѣстившись по тогдашнимъ складамъ

щамъ (пристаннымъ амбарамъ), обрабатывали ленъ вплоть до нагрузки его на барки и лайбы весною. Все это еще памятно Витебскимъ старожиламъ, какъ памятно и то, что послѣ тяжелой, грязной и продолжительной работы, почти всѣ „трипачки возвращались домой съ тѣмъ, съ чѣмъ пришли въ городъ“..

799) Пересадка состоитъ въ томъ, что прежніе „ниты“ разматываются, при чемъ они освобождаются отъ „пухлика“, и если „ниты“ не перетерлись, они опять вяжутся на трепалкѣ, какъ новыя: трепалка здѣсь то же, что дощечка при вязаньи сѣтей.

800) Заурядъ съ курама и другою мелкотой, имя „зѣбди“ принадлежитъ и дѣтямъ, пока тѣ, за малолѣтствомъ, не приставлены къ надлежащей работѣ.

801) Имя „птаха“ принадлежитъ собственно дикой птицѣ; но если гдѣ принято называть имъ отдѣльную домашнюю птицу, то, для отличенія ея отъ дикой, къ имени послѣдней прибавляются слова: „набесны, вольны, лисовэй, выдянэй, пылявэй“ и проч.

802) Шурпа, пы, — сущ. — курица и гусь, имѣющіе взъерошенные перья. Какъ извѣстно, такія куры оголяются лѣтомъ и тогда имѣютъ непривычный мѣдно-красный цвѣтъ тѣла, — что въ значительной мѣрѣ не располагаетъ къ нимъ деревлянъ, привывшихъ ставить бѣлизну куриного мяса въ примѣръ (сравненіе — „бѣло, якъ курячча цѣло“).

803) „Крапивница“, усердно держащаяся своего потайного гнѣзда, выгодна тѣмъ, что больше другихъ куръ заботится о цѣлости и добротности яицъ (они со здоровыми зародышами). Если такая курица выводитъ „крапивниковъ“ (самосѣйки — тожъ), то, не говоря о хозяйственномъ сюрпризѣ, получается гнѣздо болѣе здоровыхъ выводковъ; но если это произошло въ концѣ лѣта, получились „позняки“, то куриный сюрпризъ составляетъ хозяйственную кару.

804) Вдоль нѣкоторыхъ мѣстныхъ рѣчекъ, въ видѣ небольшихъ, часто глубокихъ прудковъ, идутъ „отоки“ — несомнѣнно, давнія русла, въ половодье сообщающіяся одна съ другою и съ рѣкою. Вмѣстѣ съ матерью утинныя выводки относятся въ „отоки“, и дальнѣйшая судьба ихъ стоитъ внѣ всякихъ хозяйственныхъ заботъ: насѣдка выводитъ здѣсь второе и третье гнѣздо, а благодаря густому тростнику, камышамъ, мелкорыбицѣ и улиткамъ, всѣ выводки ютятся и прокармливаются до заморозковъ и ихъ приходится вылавливать (Борковичскія „отоки“).

805) Индюкъ и цесарка почитаются „кволыми“ птицами; кромѣ того, выкрики ихъ какъ-то жалобны, непривычны среди бойкихъ выкриковъ куръ, гусей и утокъ.

806) Лѣсовушка, шви,—сущ.—название дикой яблони и груши (онѣ же — „дички“), выросшей въ лѣсу. Та же „дичка“ на открытомъ мѣстѣ называется „полевушкой“; плоды того и другого дерева безразлично называются „полявками“.

807) Прищепъ, па и (по ж. р.) прищепа, ны,—сущ.—черенокъ, или почка культивированнаго фруктоваго дерева, употребленные на прививку; дѣйствіе прививки.—Въ воспоминаемое время и въ воспоминаемыхъ мѣстахъ (юго-вост. окр.) практиковалась лишь черенковая прививка, хотя въ то же время извѣстно было и „почкованья“ (прививка фрутовыхъ почекъ); большинство говорило о немъ, какъ о чемъ-то несбыточномъ.

808) Три(е)потынь, на,—сущ.—(не терпентинъ-ли?)—садовничья мастика для замазки пораненнаго мѣста въ деревѣ, въ данномъ случаѣ — гдѣ приставленъ черенокъ или почка.—Общепотребительная садовничья мастика состоитъ изъ растительныхъ маселъ съ примѣсью къ нимъ воска, смолы, муки, извести, золы и кирпича, въ размѣренныхъ дозахъ; но мѣстный „трипотынь“ есть кое-какая самодѣльная замазка изъ воска, смолы и постнаго масла, предварительно переваренная и накладываемая на тряпочку, какъ пластырь.

809) Наивное и чисто дѣтское завѣщаніе дѣда не покажется таковымъ, если, приведя въ памяти послѣдніе завѣты различныхъ выдающихся православно-русскихъ отшельниковъ отъ сей жизни, читатель не откажется припомнить тѣснаго міра простолюдина, которому на смертномъ одрѣ естественно вспомнить и о своемъ питомцѣ. (См. мои сообщенія объ умирающемъ простолюдинѣ въ „Матеріалахъ“, г. Шейна, т. I, ч. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 510).

810) По мѣстному, между черной смородиной и остальными разновидностями ея существуетъ слѣдующее различіе: первая называется „смородами“ (смрадъ-запахъ), а вторая, красная и бѣлая — „порѣчками“, примѣнительно къ большому и преимущественному мѣстонахожденію ихъ вдоль ручьевъ, рѣчекъ и въ оврагахъ. Перемѣщенные въ садъ, но оставленные здѣсь безъ всякой культуры, „смороды и порѣчки“ даютъ тѣ же мелкія кислыя ягоды, какъ на родинѣ, и пригодны развѣ для лакомства ребятишкамъ, а всѣ кустарники — для увеличенія садовой зелени да рѣдкаго употребленія на практическія надобности (листь черной смородины служитъ приправою при солжѣ огурцовъ; этими листьями вытирается внутренность улья передъ посадкою пчель; при „коликахъ“ — колотье въ груди и бокахъ — крыжевный стебель, совмѣстно съ другими колючими растеніями, даетъ лѣкарственный отваръ и проч.).

811) Колокалушина, или калуша — имя черемуховаго дерева въ порѣ, когда оно даетъ ягоды — „колокалуху, калушу“. При чисткѣ чорослей, такія

деревья обыкновенно падают ради лекарственных ягод (отъ поноса).

812) Ядловиць, вца и ялиницъ, нца, — сущ. — обычное имя можжевельника, ягоды котораго, въ свою очередь, почитаются лекарственными.

813) Дубовикъ, ка, — сущ. — общее названіе особенно твердаго яблога, по мѣстному увѣренію, плода сдѣланной когда-то прививки дуба. Подобная прививка дѣлалась и къ другимъ листовнымъ деревьямъ, отчего получались „бязезовики, ольшаники, осинники, лозовики“, своимъ вкусомъ отчасти напоминающіе мезгу, древесину и даже цвѣтъ березы, ольхи, осины, лозы.

814) Садкій, — прил. — терпкій, т. е. имѣющій суровую, вяжущую кислоту, напоминающую дубовую.

815) Всѣ „полявки“, собранныя въ собственномъ саду, съ прибавленіемъ къ нимъ лѣсныхъ, полевыхъ и луговыхъ, а также мелкія, но съ грубою мякотью культурныя яблоки, запрятываются на зиму въ сѣно, солому, или же въ мякину и „вотрину“, тогда какъ крупныя яблоки помѣщаются въ зерновомъ хлѣбѣ. Тамъ и здѣсь яблоки промерзаютъ и, оттаянныя, значительно видоизмѣняютъ прежній вкусъ. Дѣти и нетерпѣливыя лакомки обыкновенно грызутъ и мерзлые яблоки. — Часто случается, что каждый малолѣтній членъ семьи имѣетъ свое отдѣльное складище „полявокъ“.

816) Сохраняя уменьшительное имя, такая „лисовушка“ въ порѣ красы имѣетъ высоту двухъ избъ, толщину въ добрый обхватъ и подходит подъ стѣлѣтнюю зрѣлость...

817) Чапыжникъ, ка, — сущ. — весьма неопредѣленное имя (при-изгородныхъ и при-усадебныхъ высоко поднимающихся растеній (крапива, чертополохъ, чернобыльникъ, хмель, бѣлена и проч.); гораздо опредѣленнѣе имя „дядовника“ съ лопухообразными листьями, который бываетъ: „болкій, глухой и гладкій“; головки двухъ послѣднихъ ерѣпко цѣпляются за платье крючковатыми иглами.

818) Этимъ именемъ называются странныя часто прихоти беременной. Слѣдуетъ отмѣтить, что деревляне чтутъ эти прихоти настолько, что хозяйка не рѣшаются, напр., укорить садовой, огородной, или гороховой хищницы, даже тогда, когда она поймана на мѣстѣ, и не отнять похищенного.

819) Изъ наблюдений во второмъ десятилѣтіи бытописуемаго періода по Вит., Пол., Дрис. и Леп. у. остаются памятными садовыя хищенія, учиняемыя цѣлою шайкою, повидимому, мирныхъ лицъ: свои хищническіе походы они устраивали ночью, вооруженные бѣлками...

820) Заботливыми указаніями подлежащаго начальства и, отчасти, по личному побужденію сельчанъ, эти мѣста „вѣчнаго упокоенія“ обводятся

рвами и изгородью. Но, гдѣ не исполнено начальственное указаніе да нѣтъ должной заботливости потомковъ, тамъ жутко дѣлается за покоящагося въ послѣднемъ земномъ пріютѣ, когда видишь, какъ безсловесныя твари, страшившіяся прежде его голоса и движенія, теперь спокойно топчутъ могильный холмъ, чешутся о памятникъ и чинятъ инныя безобразія надъ головой и грудью бывшаго владыки...

821) „Бабскіе разбрыки“—исключительно праздники огородницъ, пріуроченный къ вечеру вторника, четверга, субботы; празднество совершается семьей, или коллективно сосѣдками, управившимися съ огородною запашкою; — совершается вдали отъ дома, на сухомъ пригоркѣ, и состоитъ въ выраженіи радости по случаю запашки: участницы пьютъ водку, поютъ, бѣгаютъ, борются, катаются по землѣ, словомъ — „дядинютца“. Если тутъ и появляются близкіе мужчины, такъ они не выходятъ изъ роли скромныхъ гостей и зрителей „бабскихъ разбрыковъ“ (изъ наблюденій въ окрестностяхъ Вит. въ 1874—76 г.).

822) Неправильное пониманіе растительнаго дѣла корнеплодниковъ и преимущественно, скудные остатки сѣменниковъ, приводятъ къ тому, что лукъ и картофель при посадкѣ разрѣзываются пополамъ, при чемъ первый рѣжется горизонтально росту и „усикамъ“ (старымъ корешкамъ). Это даетъ сравнительно, мелкіе плоды, а часто перемѣняетъ даже и сортъ ихъ: сладкій лукъ становится остро-горькимъ, а разсыпчатый картофель перерождается въ бѣлый водянистый.

823) Если не ошибаюсь, такъ мѣсто для лука удобряется куринымъ пометомъ, выгребеннымъ изъ подпечья, или гусинымъ — изъ гусятника, мѣсто для капусты—золою, а мѣсто для бураковъ, моркови и рѣдьки съ рѣпою — „шумеццимъ“ изъ избы. На остальные огородныя мѣста идетъ, по преимуществу, надворный навозъ, сгребаемый въ кучи во время оттепелей и весною.

824) Подъ именемъ „цукруванаго“ (сахарнаго) извѣстенъ бѣлый горохъ, дающій болѣе крупныя зерна и стручья безъ внутренней твердой шелухи, которая поѣдается сырьемъ вмѣстѣ съ горохомъ. Сахаристость такого гороха ничѣмъ не разнится отъ обычной сладковатости простого полевого гороха. — Подобно гороху, есть и „цукруванный“ бобъ, отличающійся отъ простого лишь величиною стручьевъ и зеренъ.

„Высадки“ — перезимые корне плодники, за исключеніемъ картофеля — составляютъ необходимое дополненіе огородныхъ носѣвовъ: они даютъ подлежащія овощныя сѣмена для будущаго засѣва. Рѣже другихъ можно встрѣтить капустныя брювенныя „высадки“, тутъ или покупаются готовыя сѣмена, засѣваемые потомъ въ разсадникахъ, или же покупается рассада, т. е. выращенная до пересадки на гряды капуста и брюква, обильно сбываемая бывало въ Витебскѣ въ два дня — „на Антонито“ (31 іюня) и въ „Дивятникѣ“.

(четвергъ 9-й нед. по Пасхѣ), въ каковыя дни стекалась масса богомольцевъ — они же покупатели расады.

825) Ерзыбьмъ,—нар.—выражаетъ состояніе движущагося сидня. Такъ перемѣщаются ползающія дѣти и нѣкоторые „безножники“.

826) Рѣденье и холощенье растеній составляютъ два различные приѣма: въ первомъ случаѣ излишняя густая поросль или расаживается на свободныя мѣста, или совершенно извлекается, какъ сорная трава, а во второмъ—обрываются пустоцвѣты, стволыстые побѣги (у лука), или же наземныя усики.

827) Всѣми тремя именами обозначаются названія стеблей и листьевъ поминаемыхъ корнеплодниковъ.

828) Жоввнуць,—гл.—желтѣть, когда говорится о листьяхъ растеній.

829) Хозяйственная осторожность въ отношеніи огурцовъ возбраняетъ обычное названіе — „огурцы цвѣтуть“—и требуетъ замѣна его приведеннымъ выраженіемъ, иначе огуречникъ не дастъ обильнаго, плодотворнаго цвѣтенія. Подобныя иносказанія употребляются при всѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ оплодотвореніи („жито красуитца“ и проч.).

830) Грустное, невѣжественное средство унимать беспокойныхъ поеншей, несомнѣнно, погубившее не мало дѣтей, къ сожалѣнію, незримо для матерей, переносится наемными изъ деревень лѣнивыми нянями и на успокоеніе городскихъ дѣтей, къ коимъ такая няня приставлена. Въ семъ случаѣ авторъ опирается на достовѣрные случаи недавняго времени.

831) Именемъ „красокъ“ повсемѣстно называются цвѣты всѣхъ видовъ и мѣстонахожденій, хотя комнатныя цвѣты чаще другихъ называются „квятами“.

832) Употребленіе слова „пщелы“, какъ и слово „горщокъ“, вмѣсто обычныхъ, является спорадичнымъ и скорѣе можетъ быть вызвано щеголеватостью говоруна.

833) Необходимость ютить пчель вблизи жилья вызывалась опасеніемъ медвѣжьихъ нашествій; благодаря густымъ вокругъ лѣсамъ, эти лакомки опасны были уже за деревенской околицей. Хищеніе пчелинаго имущества людьми непосредственно изъ ульевъ неизвѣстно было въ то простое время.

834) Смотри по тому, на какое дерево предполагалось установить „стоячебъ“, послѣдній обвивался со всѣхъ сторонъ корою соотвѣтственнаго дерева: такъ, если онъ долженъ стоять на ели—еловою корою, на березѣ—берестомъ, на липѣ—липовымъ лубомъ.

Согласно установившемуся съ незапамятныхъ поръ обычаю, завѣдомо чужой рой, по пятамъ прослѣженный хозяевами отъ дома до „стоячка“, ос-

тается за ними пока не вобрался внутрь, и съ этого времени можетъ быть возвращенъ, какъ даръ, или на платныхъ условіяхъ. Предвидя неговорчивость новаго владѣльца роя, прежній хозяинъ его вымазываетъ улейные входы саломъ — и рой немедленно покидаетъ „стоячекъ“ (Веляшковичи, Вит. у. въ 1859 г.).

835) „Высыпка, мптусення (метанье), осадба, загребъ и посадка“ — розничныя, хотя и постепенныя дѣйствія роя и надъ нимъ отъ выхода его изъ улья до окончательнаго водворенія въ новомъ.

836) Пильнуваць, — гл. — старательно оберегать, караулить кого или что. Сущ. — пильнысь, сци — стараніе, прилежаніе; прил. — пильный и нар. пильно употребляются въ томъ же значеніи, но сущ. „пильновба“ есть обычная сторожба, карауленье.

837) Пчеловоды удостовѣряютъ, что если въ составѣ отходящаго роя есть старыя пчелы, въ свою очередь, когда-то подкарауленныя и пойманныя, то онѣ помогаютъ рою обойти бдительность караульщика; въ расчетѣ на его уходъ въ обѣду и по другимъ надобностямъ, пчелы убавляютъ суматоху и жужжанье, и часто случается, что довѣрившійся сему караульщикъ не застаётъ роя послѣ отлучки минутъ на 10.

838) Привитанка, или привитанне, — сущ. — привѣтствіе сторонняго тѣмъ или другимъ добрымъ, ласковымъ словомъ. Каждое отдѣльное занятіе вызываетъ и отдѣльную „привитанку“.

839) Слова: „сѣла-пала!“ есть призывный кличъ, обращенный къ курицѣ, которую желательно поймать — и глупенькая „курка“ пріучается понимать кличъ и припадаетъ къ землѣ... Въ отношеніи роя тотъ же кличъ служитъ привѣтствіемъ и благожеланіемъ поимщникамъ. — Колесомъ дорога! — недоброежелательный кличъ, которымъ напутствуютъ отправляющагося въ путь непріятеля (противоположное напутствіе — путемъ, скатертью дорога!) и съ которымъ безпутныя пастухи обращаются къ вереницѣ перелетающихъ подъ осень и весною птицъ, которыя, по повѣрью, теряютъ принятое направленіе и начинаютъ колесить... Въ отношеніи роя послѣдствія клича являются желательными и выгодными для скорѣйшей поимки.

840) Лѣтомъ 1875 г. пришлось видѣть поражающей толщины (около 2 арш. въ діам. дубовые ульи въ им. Малашенкахъ, Вит. у., принадлежавшемъ тогда Н. Е. Стрѣльцову; по завѣренію владѣльца, ульи добыты изъ Велиж. у. и, числомъ пять, выдѣланы изъ одного ствола.

841) Сухолина, ны, — сущ. — усохшее и простоявшее на нѣтъ года два дерево. Если дерево подходящее, его дѣлаютъ „сухолиннымъ“ искусственно, т. е. внизу снимаютъ кору вокругъ ствола — и дерево усыхаетъ. Такая „сухолина“ дряблѣетъ медленно постунаетъ въ обработку года черезъ три-четыре.

842) Какъ достигается выдалбливанье судна, т. е. какъ вводятся внутрь, чрезъ узкій проходъ, долбежные инструменты (топоръ, долото, тесла, скреба) — стороннему не удастся уловить, потому что вся работа производится въ уединенныхъ усадебныхъ мѣстахъ и въ растяжимые сроки.

843) Для лучшей цѣлостности судна весьмажелательно, чтобы „тварь-ки“ сработаны были изъ одного ствола съ ульемъ; ради чего вмѣстѣ съ распиленными колодами хранится и верхушечный отпилокъ того же ствола (Оболь-Онуфр., Пол. у., въ 1869 г.).

844) Эти подпорные колья необходимы при „стоякѣ“ во всѣхъ случаяхъ, даже и тогда, когда онъ приставленъ къ строенію, или дереву. Впрочемъ, послѣдней, какъ и вообще низкой установки, приходится избѣгать изъ-за мышей, ползучихъ насѣкомыхъ и земляной сырости.

845) Эти „брясцы“ (кресты, крестовики) состоятъ изъ тонкой (въ палецъ) жердочки, въ которую крестообразно вправлены гладкія, верш. въ 3—4 длиною палочки (маслобойное колесо).

846) „Летка“ — условной длины легкая, неширокая дощечка — существенно необходима при суднѣ ради присѣста грузныхъ отъ добычи пчелъ. Пчеловоды ставятъ „летку“ круче, иначе по ней взбѣраются „бороватки“ (земляныя) лягушки и вылавливаютъ пчелъ...

847) Слова изъ нищенской пѣсни, по заказу хозяевъ, распѣваемой при моленіи о благополучномъ пчеловодствѣ. Тѣ же слова почти цѣликомъ входили въ поздравительную волочebную пѣсню, пѣтую въ пасхальные дни.

848) При не совсѣмъ понятныхъ обстоятельствахъ пчеловодъ самолично убиваетъ собственныхъ пчелъ (дымомъ багуна, бѣленою и др. ядовитыми растеніями), хотя нѣкоторыя изъ нихъ и могли бы перенести зиму.

849) Старательное погребеніе и, въ особенности, постановка креста на могилѣ составляетъ единственный примѣръ чествованія животныхъ, еще весною 1852 г. видѣнный въ дер. Синякахъ, Вит. у., въ саду пчеловода-бр. Сумона-лысаго...

850) Въ концѣ 50-хъ годовъ въ окрестностяхъ Велешковичъ и Замшина, Вит. у., пчелиные лиходѣи изводили чужихъ пчелъ „ливандреконь“ (густая отварная смѣсь изъ лютика, чесноку, сала, воску и мн. др. предметовъ), кусочекъ котораго, введенный въ улей, заставлялъ пчелъ стремительно покидать послѣдній.

851) „Имѣть чорта у храпахъ, у чмыхахъ“ (въ носу) — быть такимъ выдающимся чаровникомъ, который можетъ узнавать о присутствіи нечистой силы обоняніемъ; — наводитъ чародѣйную порчу чиханьемъ, дыханьемъ чрезъ носъ (изъ повѣрій въ юго-вост. окр.).

852, Т. е. мѣломъ (объ этомъ сказано раньше).

853) Въ юго-вост. крайнѣ многіе пчеловоды собирали Крещенскую воду изъ семи іорданей и. соединивъ въ одно, зимою оброузли ульи сна-ружи, а при весеннемъ осмотрѣ ульевъ— и внутри (б. пчеловодъ, слѣпецъ-Восепка (Осипъ), кр. дер. Швинокъ, Вит. у.).

854) Чустуваць (отъ—честь),—гл.—честить, угощать.—Угощеніе ме-домъ, хотя бы и въ ограниченно-скромныхъ размѣрахъ (одна ложка) неми-нуемо должно быть сдѣлано пчеловодомъ, иначе гость, какъ и сами хозяева, почтутъ угощеніе неполнымъ...

855) При такомъ, или иномъ осмотрѣ пчель, а при взрѣзываніи со-товъ преимущественно крайне нежелательными являются тайные зрители, высматривающіе изъ-за изгороди и дерева: тогда пчелы начинаютъ ожесто-ченно жалить своего хозяина, безбоязненно и безъ сита приходившаго къ нимъ раньше. Въ этомъ случаѣ пчеловодъ или укоризненно, но громко зо-ветъ къ себѣ тайнаго зрителя, или разсылаетъ посыльныхъ искать и уда-лять его (повсемѣстное повѣрье).

856) Тожественныя признанія приходилось слышать въ Полтевѣ и Милашенкахъ, Вит. у., а также въ Махировѣ, Пол. у., и въ Борковичахъ, Дрис. у.

857) Даже такой убогій сосѣдъ, какъ пограничный житель изъ Порѣч. у. Смол. г., называетъ Вит. бѣлоруса „мякинникомъ“, а на спросъ послѣд-няго, „кто вы такіи будица“? отвѣчаетъ: „мы—пшанитники“... (М. Колыш-ки, 14 сент. 1868 г.).

858) „Коневникомъ“ называется собственно любитель лошадей, лоша-динный барышникъ и, какъ въ приведенномъ присловьи—конкрадъ. Въ по-слѣднемъ значеніи слово принимаетъ то укоризненный, то бранный смыслъ.

859) Встрѣчавшіяся раньше и упоминаемыя въ настоящей главѣ — „расцяробы и подцяробы“—одинаково указываютъ на лѣсорѣзъ; но подъ пер-выми разумѣется сплошная рубка лѣса для поселка, образованія дороги и на продажу, а подъ вторыми—лишь вырубка мелколѣся среди рослаго лѣса (въ рощахъ) или на опушкѣ, въ сосѣдствѣ съ напнею и лугами, какъ и подчистка (плинтовка) на послѣднемъ кустарниковъ, молодыхъ поро-слей.

860) Гарь и выгарь—въ данномъ случаѣ совершенно тождественныя понятія, хотя первое тутъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, есть запахъ горѣнья.—Отъ сущ. „выгарь“ нужно отличать „выгарки“ (употр. во мн. ч.)—выгорѣвшія торфяныя болота и луговинныя мѣста; они не идутъ подъ засѣвы, но и долгіе годы не даютъ травы.

861) Правильнаго корчевальца, которое сразу касалось бы цѣлой пло-щади, въ бытующее время не встрѣчалось въ крестьянскомъ хозяйствѣ: выкорчевывались только отдѣльныя, подгнившіе пни и еорневища. Чтобы

первые скорѣе разрушались, на нихъ клали дерны, или мелкія травянистыя корневища, выбороненныя здѣсь же.

862) Мѣстному „земленаху“ извѣстно лишь трехпольное хозяйство и сѣвооборотъ. Если приходится иногда видѣть яровые посѣвы среди озимыхъ и наоборотъ, или одиночные посѣвы на „паринѣ“, то на это нужно смотрѣть, какъ на подоспѣвшую когда-то хозяйственную неисправность и недостатки: не стало яровыхъ сѣмянъ, пріѣдены они къ веснѣ—и приготовленная нива поступаетъ подъ незаурядный засѣвъ.

863) Погурокъ, рка, — сущ. — пашенный и луговой холмикъ. — Суходолина и суходолинка — названіе безводнаго лога; плескій конецъ лога, неограниченный высотой, а скорѣе примыкающій къ водному, или болотистому спуску, извѣстенъ подъ именемъ „подлоги“ (сущ. ж. р. на а).

864) При густотѣ озимыхъ всходовъ („рунь“), въ морозные осенніе дни скотъ выгоняется на озими, для рѣденія послѣднихъ; то же намѣренно дѣлается и въ весенніе утренники, или тогда же скашиваются мѣста, гдѣ озими гуще. Скашиваются и яровые всходы, но... „лабы переродить хлѣбъ“ (?).

865) Завѣщаць и завѣщиць, — гл. — поставить запретныя вѣхи, которыми бывають воткнутыя въ землю хворостины, или небольшія деревца, вершины которыхъ перевиты кольцеобразно.

866) Есть рѣдкостное положеніе пашенной площади, при которомъ она имѣетъ нѣчто похожее на террасы; слишкомъ косой, невозможный для сохи, спускъ съ верхней площади на низменную даетъ „обузмежикъ“. Узкая, незасѣваемая полоса между пашнею и близъ лежащею дорогою, считая здѣсь канаву, или промывной ровикъ, даетъ „узмежикъ“.

867) Хмызникъ, ка, — сущ. названіе густыхъ, невысокихъ зарослей на лугу, болотѣ, вдоль рѣкъ и при озерныхъ лубахъ, которыми въ мокрыхъ мѣстахъ бываетъ лознякъ, а на нѣсколько возвышенныхъ — ольшаникъ и кустарникъ волчьихъ ягодъ („крушинникъ“).

868) Это мѣстное названіе навоза имѣетъ бранное значеніе, когда прилагается къ человѣку (въ отношеніи женщины „гноявка“).

869) Обычными при оральбѣ выкриками служатъ слѣдующіе, „вылизъ!“ (когда пашущее животное идетъ по бороздѣ), „ближи!“ (когда оно не идетъ по окраинѣ, надъ бороздою, а отдаляется отъ нея), „правѣй!“ ливѣй!“ (при уклоняющихся въ сторону шагахъ), „назадъ! отсади! наддай!“ (при заворотахъ, или перехватѣ сохою по поверхности). Понятливое животное спѣшитъ поправить свою оплошность и то выступаетъ изъ борозды, то приближается къ ней, то пятится назадъ. Что же касается болѣе внушительныхъ выкриковъ — „нэ! вовки цибе залупи! вовчиной ты мясо, скура!“ и проч., а ими такъ богатъ бранный словарь, то послушное животное узна-

еть остроту ихъ и грозное значеніе по выраженію голоса „оральбита“, да соединенной съ симъ „подцебкой“...

870) Теперь, когда у крестьянина такъ велика погоня за каждою пядью земли, почти совершенно исчезли межпашенныя и луговые дорожки, неизбѣжныя бывало во всякомъ полѣ; вмѣстѣ съ ними исчезли и тѣ просторныя межи, на которыхъ проходящій не рисковалъ оступиться и ясно видѣлъ границы нивъ. Нынѣ это можно видѣть лишь по розни смежныхъ хлѣбовъ...

871) Ганны, — сущ. во мн. ч. — чтимый простонародьемъ день св. Анны, 25 іюля.

872) Кусочекъ артоса, или освященная въ Благовѣщенье просфора впервые привязываются къ „сивалцы“ при весеннемъ, яровомъ посѣвѣ, причемъ они остаются здѣсь до озимаго посѣва, если хозяева не боятся уничтоженія ихъ мышами, кошками; въ противномъ случаѣ тѣ же освященные предметы отвязываются и, сбереженные въ божницѣ, укромномъ складищѣ, вторично привязываются въ поминаемое время.

873) Устрашающимъ на сей случай повѣрьемъ служить то, что „шавловливые черти могутъ собрать ночью и унести незабороненныя сѣмена“... Кромѣ обычныхъ опасеній (ненастная погода, отсрочка), не менѣе законными, но всегда маскируемыми опасеніями нужно считать: спускъ на пашню перелетныхъ птицъ (подъ осень), или стайное перемѣщеніе крысъ, мышей, во всякую пору. Несомнѣнно, тѣ и другія могутъ уничтожить оголенные зерна.

874) Всѣми такими примѣтами предугадывается будущій урожай. „Красованья жита“ (цвѣтеніе), при спокойной погодѣ, и „ядриный (сочный, матерой) наливъ“ колоса, при дождливой, почитаются наиболѣе желательными.

875) Въ 1870 г. св. Пасха была 12 апр.; въ тотъ же день она приходилась и въ 1859 и 1881 простые годы.

876) „Комары макъ товкуць“ — первыя по веснѣ роиныя метанья комаровъ падъ тѣмъ и другимъ мѣстомъ на дворѣ. Высота метанья, какъ высота роинаго столба, или ширина его густота скопившихся комаровъ принимаются въ соображеніе при яровой запашкѣ. Между прочимъ, изъ-подъ первыхъ комаровъ берется горсть мусору, часть котораго помѣщается въ гнѣздо куриной насѣдки, а остальной расходуется на огородѣ и пашнѣ.

877) Есть случаи, когда для изученія засѣвнаго дѣла отдѣльныя лица практикуются на засѣвѣ песку, каковая работа производится тайкомъ, чтобы не вызывать насмѣшекъ. Большинство „сивбитовъ“ приобрѣтаетъ, однако, такое умѣнье съ дѣтства, благодаря играмъ въ землешество. — При засѣвѣ иныхъ хлѣбовъ выпускаемая горсть зеренъ у нѣкоторыхъ мастеровъ этого дѣла ударяется лѣвымъ хвостомъ о стѣнку „сивалки“ и незримо, но

совершенно правильно пополняетъ недочеты между правою и лѣвою розсыпью.

878) Пржище, ща, — сущ. — пѣньки ржаныхъ и яровыхъ стеблей, причемъ площадь тѣхъ и другихъ различается названіями — оржаноя, яровая пржища“.

879) Происходя отъ сущ. м. р. („жанецъ, яца“), это слово во мн. ч. является собират. и обозначаетъ скопъ жней исключительно

880) Желскія имена Евгени, Ксеии, Прины. — Съ нѣкоторою гордостью произносимое родителями сл. во „шиспацтовка“ можетъ быть приравнено къ словамъ: „она—ужь невѣста“! Въ послѣдующіе годы невѣстиной жизни къ 17—20 прибавляется окончаніе — ццатовка“. Но послѣ 20 л. родители и сама „ццатовка“, по общему обычаю, прикрываютъ численное состояніе лѣтъ, удостовѣряя, что ей перевалило за 20, или что она „якъ есь княгиня“ (невѣста).

881) Т. е. адскими мученіями. Такъ обыкновенно называются невыносимыя страданія, созданныя извнѣ, но которыя необходимо переносить (дурное супружество, сожителство со свекровью, снохами, мачихою).

882) Послѣдній видъ побрышки „бабки“ имѣютъ у „москальковъ“ (въ Ловожской вол., Под. у.) и служатъ показною рознью смежныхъ полей (полячковъ“.

883) По сравнительно точному измѣренію, діаметръ площади, занятой ржаною „бабкою“, равенъ 1 1/2 арш., а яровою — 1 арш. Изрѣдка встрѣчается „бабка“ ржи въ 12 и даже 15 сноповъ, но она занимаетъ почти тотъ же діаметръ.

884) Поскопная конопля, или посконъ, есть пыльниковая конопля, служащая къ оплодотворенію остальной. Не давая сѣмянъ и увядая вскорѣ послѣ цвѣтенія, посконъ имѣетъ болѣе крѣпкое волокно, а цвѣтомъ ея пользуются на предметъ лишенія плодородія млекопитающихъ (?).

885) Вдоль Вит. Бѣлор. гречиха обыкновенно родится густою и высокою, что и вызываетъ скашивание ея; но при плохомъ урожаѣ и незаурядной малорослости, она выдергивается, какъ ленъ, конопля и бобъ. Тогда гречиха связывается въ небольшіе, подобно овсянымъ, снопки, связываемые собственными стеблями.

886) При наступающемъ ненастьѣ, горохъ складывается въ копны, подобне сѣну, а отсюда накладывается на возъ, или снова раскидывается по пашнѣ для сушки.

887) Ходячіе термины: „оббиць обмежикъ, узмежикъ, выцирць лыспинку, поцерца въ кустахъ“, слишкомъ попятные въ простонародномъ быту, указываютъ на область мелкихъ сѣнокосныхъ работъ, которымъ, однако.

предшествуетъ сѣнокосная уборка гумна, такъ необходимаго при дальнѣйшей сушкѣ сѣна дома и подъ руками.

888) Островника — небольшой лужокъ среди лѣса, или заростающей мелкоколѣсъемъ болотины; небольшая кнея, или рошица среди лѣсной пожни.

889) Гл.: цаць, какъ и сложныя — уцаць, нацаць и др. — выражаютъ дѣйствіе быстрой полочки; но гл.: выциць обозначаетъ стремительный однократный ударъ по живому тѣлу.

890) Копешка и визеня, визенька — названіе небольшой копны и полуваза, исключительно сѣна.

891) Если сюда взяты дѣти, то они въ изобиліи поставляютъ ягоды, грибы и даже рыбу. За неимѣніемъ настоящихъ горшковъ, грибы и рыба часто „готуютца“ въ опорожненныхъ молочныхъ кринкахъ, въ которыхъ, какъ и „кубличкахъ“, перевозится „страва“.

892) Во всѣ времена можно бывало натолкнуться на такую или иную, мѣсть обидчику; но она касалась послѣдняго лично и не заходила далеко когда относилась къ неповиннымъ тварямъ. Посему весьма возможными бывали „дѣлежи хохловъ и мѣренье кольями“ двухъ враговъ, послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ выгналъ прутникомъ вражеское животное изъ стравежа. Аналогичное отношеніе врага къ кормовымъ складамъ для скота дѣлало послѣднія неприкосновенными, даже при острой злобѣ къ обидчику, владѣльцу таковыхъ.

893) Если трясина не даетъ „просева“, то косарь и носильщикъ травы бродятъ по колѣно въ выступающей подъ ногами водѣ; въ противномъ случаѣ дѣлу помогаютъ „болотныя ирты“, о которыхъ упомянуто въ 750 примѣч.

894) Бичомъ „лядовой“ сѣножати являются ничѣмъ неумолчимые искатели ягодъ, обыкновенно во множествѣ появляющіеся здѣсь, и это тѣмъ несноснѣе, что одно и то же „лядо“ можетъ давать землянику, чернику и малину, послѣдовательное созрѣваніе которыхъ приходится передъ сѣнокосомъ, въ красную пору травы.

895) Купина, ны и купа. ны, — сущ. — обычное имя отдѣльной кочки.

896) Какъ извѣстно, ленъ выдергивается при уборкѣ съ корнемъ, — что въ свою очередь рыхлитъ почву и тѣмъ позволяетъ скоту выдергивать жадкіе остатки корневища.

897) Довольно частымъ бываетъ сѣнокосъ „съ полу, съ третьей, даже четвертой копны“, т. е. „дольщикъ“ получаетъ оплату за трудъ натурою, согласно уговору съ владѣльцемъ сѣножати.

898) Засина, ны, — сущ. — тѣнистое мѣсто.

899) Вирочемъ, деревенскіе дѣкари и дѣкарки въ воспоминаемое время пользовались сѣнною трухой, какъ дѣкарственнымъ средствомъ при ревматическихъ страданіяхъ (ванны) и при хроническомъ кашлѣ (отваръ), а лошадинне цѣлители дѣлали изъ нея ножную припарку и поило для опоеенныхъ лошадей.

900) Дер. Рытомо находится въ районѣ Веляшков. вол., Вит. у., и въ бытописуемое время была одною изъ глухихъ деревень, несмотря на близость ея къ просвѣщеннымъ пунктамъ.

901) Пцѣль и паницль, — сущ. — полустгнившій дровяной и строительный матеріалъ, только тлѣющій при горѣнн. Въ такомъ значеніи понимаются: прил. — пцѣлый и глаг. — пцѣць.

902) Примѣтною характерностью именъ древесныхъ и кустарныхъ особей служитъ окончаніе на „инина“: бирезинина, липинина, соснинина, ольшинина“ и проч. То же типичное окончаніе принадлежит и именамъ ягодныхъ особей: „суничинина, чарничинина, брусничинина, кодокалушинина“.

903) Будничные термины „быть на рюму, оставить рюмъ“ (въ отдѣльн. произношеніи — румъ) — достаточно извѣстны въ мѣстномъ лѣсопромышленномъ (сплавномъ) дѣлѣ.

904) Въ торговомъ мѣрѣ подъ именемъ „коруна, коруннаго“ разумѣется первосортный, годный въ продажу, но необработанный (сырой) товаръ

905) Еще сравнительно недавно можно было видѣть угловой домъ противъ Ильинской ц. въ Вит, принадлежавшій г. Кабану, и сложенный изъ „суварточныхъ“ бревенъ, которыя послѣ долготѣней службы совершенно цѣлыми скрыты у новаго владѣльца подъ обшивкою.

906) Если толстыя „сухолины“ идутъ на ульи, даже „шұлы“ отхожихъ пунь, то тамъ и здѣсь нѣтъ мѣста подобному опасенію — запахъ пчелинаго яда уничтожить червей, а сѣно не боится древоточцевъ.

907) „Стояросовое дерево“ — мѣстическое дерево, способное ко всевозможнымъ превращеніямъ, даже въ некрешенаго человѣка (въ юго-вост. окр.). По смутному объясненію на мѣстѣ, это дерево есть что-то въ родѣ „мумы и вовы“ (бука — несуществующее страшилище для дѣтей), но только для взрослыхъ...

908) Среди всѣхъ такихъ боровиковъ попадаются особи съ незаурядною окраскою шляпочки, съ плѣсеиною плевою внизу. Они не обходятся искателями грибовъ и извѣстны подъ именемъ „глухихъ боровиковъ“; но это — скорѣе больныя, поврежденныя особи, безъ обычнаго запаха и вкуса. — Заслуживаетъ упоминанія, что рѣдкіе, отдѣльные любители собираютъ крупныхъ улитокъ съ боровиковъ, даже черныхъ грибовъ, и, подъ именемъ

„смовшовъ“ (ед. ч.—смовша—по ж. р.), ѣдятъ ихъ свѣжезапеченными на уголькахъ...

909) Во многихъ мѣстахъ практикуется слѣдующій приемъ при грибномъ (боровичномъ) сборѣ; искатель приходитъ на грибное мѣсто до разсвѣта и скромно покоится на сторожѣ до восхода солнца, когда только и совершается боровичный ростъ—всѣ окрестныя боровики будутъ его... Въ листопадное время тотъ же искатель отправляется въ лѣсъ съ граблями.

910) Простонародная кухня весьма часто не брезгаетъ и червивыми матеріалами (грибы, мясо, сало, творогъ) совершенно справедливо напоминая для семейнаго успокоенія, что „тѣ не черви, которыхъ мы ѣдимъ, а вотъ тѣ черви, что насъ будутъ ѣсть“!..

911) При первомъ отвѣдываніи новогодней зелени, овощей, грибовъ и ягодъ вкушающій обыкновенно шутливо произноситъ, „новая повина, комаринная ѣда, мидвѣжая сила кабы у ротъ носило“!..

912) Подъ именемъ „моченыхъ“ грузди вывозятся на осенніе базары,— что достаточно извѣстно витеблянамъ

913) Благодаря сему, лисички можно считать единственными грибами, идущими на столъ мѣстнаго еврейства, крайне разборчиваго въ пищевыхъ продуктахъ.

914) „Говорушки“ поступаютъ на свѣжее лишь кушанье, пока не появятся иные грибы; въ остальное время онѣ обходятся грибочками и тѣвють да высухаютъ на мѣстѣ родины.

915) Въ будничномъ различеніи есть три срока малиннаго урожая, соответствующіе тремъ ржанымъ—раннему, среднему, позднему: чистота ягодъ, величина ихъ и обиліе пророчать то же и во ржи.

916) Водовмѣстилище съ послѣднимъ построеніемъ принимаетъ имя „бодни“, хотя такъ называется собственно кадка въ настоящаго употребленія.

917) Пить „набгомъ“—пить прислонивъ голову къ неподвижно стоящей посудинѣ съ водою, или прижавъ къ водовмѣстительцу; но пить „нагбомъ“—пить только изъ посуды, которую необходимо наклонить, и въ семъ случаѣ имѣется въ виду посуда больше питейной—ведро, кадка, горшокъ, кринка и проч.

918) Зимнія „лунки“ (проруби) въ этихъ и другихъ водовмѣстителяхъ бывають закрыты соломенными плетенками; чаще всего тутъ отслуживаетъ послѣднюю службу старое колесо: его спицы, густо переплетенныя соломой, даютъ соломенный кружокъ, а болѣе длинный конецъ ступицы съ воткнутымъ сюда коломъ—удобную рукоять. Послѣ зимы эти колеса такъ

и остаются на мѣстѣ, пока текучая вода не унесетъ ихъ, а стоячая не скроетъ на дно...

919) Если „мочула“ круглая, то діаметръ самой большей будетъ около 15 саж. „Мочула“ съ болѣе длинными концами переходитъ уже въ „болотца, омшару, или кичовникъ“.

920) Водяной „рябинникъ“ имѣетъ дов. смутное сходство съ деревомъ и ягодами того же имени; это—легко-розоватая водоросль на „отмеляхъ“ съ крѣпкимъ, каменистымъ и песчанымъ дномъ; къ серединѣ лѣта „рябинникъ“ увѣнчивается розовыми цвѣточными головками, покоящимися на водной поверхности. Въ то время, когда „рябинникъ“, камышъ и тростникъ даютъ указаніе на крѣпкое дно, лопухи, аиръ и хвощъ указываютъ на „бузяноя“ (илистое).

921) „По лѣсу—грибъ, по водѣ—рыбина“,—говоритъ присловье... Въ „руччавинахъ“ водится своя отдѣльная мелкорыбица—„курмяли“ (гольцы), наибольшая величина которыхъ не превышаетъ 2¹/₂ верш. „Курмяли“ нѣжны, жирны и даютъ лакомое рыбное блюдо, для образованія котораго, однако, много нужно потрудиться ребятишкамъ—единственнымъ, терпѣливымъ ловцамъ этой мелкорыбицы, успѣшно укрывающейся въ береговые „хлуды“—подмытый берегъ и корни при-рѣчнаго ольшаника.

922) Умыванье лица надъ водою не дѣлается и по другимъ причинамъ: „водяникъ“ можетъ подмѣтити отразившееся въ водѣ лицо, и если по почему-либо понравилось ему, то станетъ потомъ искать и преслѣдовать намѣченную жертву... Это общее предупрежденіе въ частности относится къ дѣтямъ и красивымъ дѣвушкамъ (Ловожь, Пол. у.).

923) Послѣ „Сороковъ“ (память 40 мучен. 9 мар.) всякій свѣжій снѣжокъ называется „новымъ“. Онъ собирается съ болѣе чистыхъ мѣстъ въ новую посудину, таетъ здѣсь; полученная вода предупреждаетъ загаръ, веснушки и даже прыщи... За такимъ снѣгомъ и водою обыкновенно гоняются тѣ, кто хочетъ сберечь, или придать своему лицу бѣлизну, нѣжность и вообще молоджавость.

924) Такъ, напр., извѣстное близъ ст. Боровухи (дв.-вит. ж. д.) озеро Окунецъ имѣетъ исключительно окуней и щукъ; эти рыбы пожираютъ здѣсь своихъ выводковъ и другъ друга.

925) Эта рыба достаточно знакома базарнымъ покупателямъ, какъ и то, что она цѣнится ниже другой, сродной рыбы. Въ семъ отношеніи красивая по внѣшности рыба изъ при-усвятскихъ озеръ, Велиж. у., считается хуже рыбы сосѣднихъ озеръ.

926) Слова въ скобкахъ обозначаютъ мѣстныя имена той же рыбы. Что же касается надлежащихъ свѣдѣній о той или другой рыбѣ, таковыя даютъ два почтенныя изслѣдованія: „Жизнь рыбъ“, П. Терлецкаго, Спб., 1879 г.,

и „Западная Двина“, А. П. Санунова, Вит., 1893 г. Оба изслѣдованія одинаково касаются рыбъ Витеб. губ.

927) Спѣшу оговориться, что престонародные рассказы богаты преданіями о нѣкоторыхъ выдававшихся мѣстныхъ рыболовахъ: такъ, они видѣли озеро и рѣку насквозь, знали гдѣ, когда и какую рыбу можно ловить, такъ что могли давать даже заочныя указанія на предметъ рыболовли, и проч. Воскрешая же память о такихъ рыболовахъ, эти рассказы не приравнивали къ давнимъ рыболовамъ современныхъ, считая послѣднихъ „негодящимися имъ даже въ подметки“... Несомнѣнно, что хваленые рыболовы обстоятельно знали рыбы ходы, становища, какъ и жизнь отдѣльныхъ рыбъ; къ сожалѣнію, ихъ многоцѣнныя знанія для промысла и даже науки утрачивались со смертію, и тѣмъ болѣе, что обычная въ семъ случаѣ сдержанность возбраняла передавать секретъ самымъ близкимъ лицамъ.—Заслуживаетъ вниманія и то, что „рыболовныя познанія даются выше, какъ особый даръ Творца, а не пріобрѣтаются связями съ нечистою силою, какъ у стрѣлковъ, пчеловодовъ, скотоводовъ“ и проч., несмотря на то, что угрюмый, несообщительный рыболовъ, повидимому, долженъ быть въ подобномъ подозрѣніи (изъ сообщеній въ Губинѣ, Леп. у., въ 1861 г.).

928) Въ дальнѣйшемъ авторъ отчасти пользуется личными сообщеніями изъ „Западн. Двины“, А. П. Санунова (стр. 243—262),—что, не умаляя достоинствъ почтеннаго труда, существенно для настоящей главы.

929) Какъ извѣстно, берестовые полавки состоятъ изъ туго свернутой берестовой полоски. Это достигается варкою бересты, по преимуществу, въ соленой водѣ.—Грузящія сѣтъ „котѣлки“ приготовляются рыболовами лично изъ глины съ пескомъ и обрабатываются гончарными приѣмами.

930) Маховая сажень, вошедшая въ престонародную обиходность—дов. неточная мѣра: если имѣть въ виду разстояніе между растянутыми въ стороны руками возрастнаго человѣка, по концы пальцевъ, то сажень едва будетъ доходить до 2¹/₂ арш.

931) „Лѣтная вода“—дов. неопредѣленное понятіе, которымъ обозначается внѣшняя вода, доступная для купанья комнатная вода („вода зѣщилася“) банная жаркая слегка разбавленная холодною (около 20°).

932) Послѣднее бываетъ рѣдко, развѣ между родственными рыболовами, такъ какъ здѣсь невольно можно выдать рыболовныя тайны, а это далеко не входитъ въ планы несообщительныхъ, даже коварныхъ рыболововъ, кстати, недолюбливающихъ другъ друга больше, чѣмъ другіе охотники.

933) При неумѣломъ забросѣ, когда низъ снаряда ложится на тугія водорасли, сѣтъ быстро скручивается,—что или совершенно, или на половину губить тоню и заставляетъ потомъ потратить немало времени для разверта „вирциля“.

934) „Язовый“, — прил. — относящійся къ язу, который есть плетневая перегородка черезъ рѣку, съ отверстіемъ посрединѣ, для установки ворота. Чтобы рыба не проходила сквозь плетневые дырѣя, перегородка уставляется еловыми вѣтками со стороны теченія. — Такими язами, въ иныхъ мѣстахъ замѣняющими кладки перегороджено множество небольшихъ рѣчекъ. Кромѣ плетневыхъ есть язы закольные (изъ колевъ), бревенчатые и каменные. Послѣдніе хорошо сохранившіеся отъ давнихъ дней можно видѣть на р. Уша-чѣ, при с. Бонони, Пол. у.

935) Подъ именемъ омилушекъ извѣстны перелетныя птицы изъ семейства дроздовыхъ, которыя позднею осенью изрѣдка появляются здѣсь большими стаями и истребляютъ рябину. Для приманки этихъ птицъ въ ворота внутрь послѣднихъ обыкновенно кладутся пучки рябины; для приманки же куропатокъ достаточно бываетъ овсяной мякины.

936) Выборка рыбы изъ „ворота и прутни“ одинаково извѣстна подъ терминами: тресь (трясти), или колоциць воротъ, прутню, хотя изъ перваго приходится лишь выбирать рыбу рукою.

937) Особенно прибыльною бываетъ такая рыболовля въ болотистыхъ рѣчкахъ Будовѣсти и Черницѣ, притокахъ р. Оболи, Пол. у.

938) Подъ терминомъ „ѣздить съ острогою“ этотъ видъ рыболовли обстоятельно и художественно описанъ С. Т. Аксаковымъ. — При мѣстномъ лученіи рыбы освѣтительнымъ матеріаломъ служитъ лучина и „смоляки“ — небольшія полѣнья, обильно насыщенные смолою, которыя парочно отбираются при лѣсосѣкѣ, или дровосѣкѣ.

939) Въ удильно-рыболовномъ пониманіи струя есть главная ложбина, русло рѣки, весьма часто не различаемое на поверхности. Опытные, старые удильщики знаютъ эти струи, нерѣдко перемѣняющіяся, и устраиваютъ на нихъ „захвы“, или останавливаются на якорѣ.

940) „Жизнь рыбъ“ и „Западная Двина“, — о которыхъ упомянуто въ 927 примѣчаніи.

941) Зубецъ — двойной крючокъ съ расходящимися въ стороны головками и соединенными пятками — достаточно извѣстенъ городскимъ удильщикамъ; у деревенскихъ рыболововъ онъ безъ зазубринъ, самодѣльный.

942) Здѣсь умѣстно упомянуть, что женская рыболовля ведется только бреднемъ, „кригой и изрѣдка — топтуномъ“. Что же касается деревенскихъ удильщицъ, то онѣ такъ же странны, какъ странно и необычно появленіе женщины-пахаря, косца, дроворуба, скрипача, дударя и всадника, сидящаго по-мужски.

943) Имена насекомыхъ — кузнечика, летающей стрекозы и бабочки. Первый служитъ прекрасною насадкою для плотвы.

944) Шицкѣ, ка,—сущ.—водяной червячекѣ, ютящійся въ корѣ сгнившаго прутка, въ трубчкѣ лветка, къ концѣ онѣ прибавляетъ то мелкія растительныя частички, то песчяки. Въ своемъ всегда цилиндрическомъ убѣжищѣ, замаскированномъ прядями, „шицкѣ“ недоступенъ для рыбы, которая знакомится съ нимъ лишь на крючкѣ удильщика.

945) Если преступный рыболовъ превысилъ дозу прибавляемаго сюда табаку, то отравляющаяся рыба будетъ метаться у дна и на поверхность всплываетъ развѣ мертвою; но такой рыбы не берутъ отравители, извлекая лишь полуживую, которую они немедленно же и потрошатъ.

946) Сказаніе о рыбномъ царѣ достаточно описанное мною въ другомъ мѣстѣ и по основной мысли заслуживающее вниманія, пришлось слышать отъ рѣдкаго рыболова-любителя (топтуномъ), кр. Домны, изъ дер. Нузырей, Город. у., хорошо извѣстной на мѣстѣ (старухѣ около 80 л.).

947) При видимомъ оскудѣніи рыбы, еще и нынѣ, какъ и въ воспоминаемое время, приобрѣли извѣстность: а) Ивановскіе (Нев. у.) лещи, б) Себежская, Бѣльская (Пол. у.) селява, в) Залосемскіе, Себежскіе, Горонскіе (соедин. съ Себеж. оз.) и Дубокрайскіе ерши, г) окуни изъ озера—Окунца, Селья (Пол. у.), Завѣсна (Гор. у.) и р. Ловати,—д) Придруйскіе налимы и др.

948) Кромѣ топора, кое-какого лома, пещи, шворни, весьма частыя сотоварищѣй путника и коноаса, тѣ же лица и пастухи нашивали „дубинны“ съ желѣзными копьевидными насадками, или же одинъ конецъ палки истончался на огнѣ до возможной остроты тогда какъ противоположный конецъ ея имѣлъ видъ „болдовни“.

949) Первымъ именемъ обыкновенно называлась дикая коза а вторымъ—дикая свинья.—Легкій ушибъ козы или козла останавливалъ нѣжное животное которое жалобно верезжало „дрыгыло“ ногой, трясло головою и въ такомъ положеніи скоро становилось добычею. Съ „дикомъ“ нѣсколько иначе: онѣ раненый зашибленный, онѣ яростно бросается и на многолюдныхъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе отдѣльные смѣльчаки уносили даже поросятъ „дика“ изъ берлоги (д. Паршино и Выгарки Пол. у. въ 1868 г.)

950) То же бывало съ зайцемъ когда, онѣ попадалъ въ надзрѣвающіи лень: чѣмъ быстрѣе его движенія здѣсь, тѣмъ вѣрнѣе онѣ запутывался въ льнищѣ.

951) Повѣсть о семъ приходилось слышать отъ почтеннаго о. Н. Доронина, лично видѣвшаго это въ Ст.-Слободѣ, Люц. у., въ концѣ 50-хъ годовъ.

952) Вникая въ житейское значеніе этого слова, трудно рѣшить: происходитъ ли оно отъ слова „палиць“ (жечь. въ данномъ случаѣ порохъ), или же отъ сущ. „поле“ какъ мѣста охоты?

953) Обычное и повсюдное имя бѣлой куропатки какъ извѣстно, издающей (въ пору токованья) подобіе звуковъ хохочущаго человѣка — что, нераздѣльно съ звуками выи, бекаса и другихъ болотныхъ и неболотныхъ птицъ, въ свое время создавало пространныя повѣсти о „водяникахъ и болотникахъ“.

954) Именемъ „слонки, сломки“ обыкновенно называется вальдшнепъ — крупнѣйшій бекасъ (боровой куликъ), составляющій весьма цѣнный предметъ весенней охоты у городскихъ охотниковъ и остающійся безъ вниманія у деревенскихъ.

955) Не взирая на точное житейское предписаніе — „николи ни пызычай (никогда не одолжай) другому ни ружья, ни женки, ни быня“, — ружье какъ-то долго бродить по чужимъ рукамъ и часто возвращается владѣльцу въ жалкомъ видѣ.

956) Припрятывать стволъ и добротное ружье приходилось потому именно, что на нихъ всегда вдоволь бывало посягателей, начиная отъ пана и кончая послѣднимъ дворovýmъ прислужникомъ, которые завладѣвали ружьемъ, по праву крѣпостныхъ владыкъ совершенно безвозмездно. Во время мятежа 1863 г. и въ первые за симъ годы огнестрѣльное оружіе припрятывалось по недоразумѣнію: мужикъ страшился предъявлять подлежащимъ властямъ ружье и пистолеть, чтобы внести ихъ въ списки и приложить печать. Отъ этихъ прятокъ погибало много весьма доброкачественныхъ ружей и пистолетовъ.

957) Любопытно было видѣть, какъ на самодѣльной ружейной ложѣ торчитъ иногда пистолетный стволъ, нынѣ чуть пригодный для дѣтскаго игрушечнаго ружья. Шаговъ на 15—20 охотникъ стрѣливалъ изъ такого ружья въ утку, тетерева и рябчика...

958) Опасеніе за разсыпной выстрѣлъ приводило къ тому, что ружейные стволы никогда не смазывались внутри подлежащимъ жиромъ. Что же касается выстрѣла „кулій“, то это происходило отъ тугого прибоа верхняго пыжа, благодаря чему дробь вдавливалась въ мягкую паклю.

959) Зарядная мѣрочка дѣлалась такъ: по ширинѣ отверстія ствола выстругивался деревянный, или роговой цилиндръ, глубиною котораго служилъ діаметръ стволоваго отверстія. Ясно, что недоброкачественный порохъ даетъ слабый выстрѣлъ, не доноситъ, какъ говорятъ охотники, тогда-какъ сильный порохъ вызоветъ ружейный толчокъ въ плечо и щеку.

960) Въ концѣ 50-хъ годовъ авторъ видѣлъ четкую, но безграмотную запись „охотничьихъ средствъ“ въ Веляшковичахъ, Вит. у. Гораздо позже,

въ 1862 г., въ его распоряженіи была старопечатная книга съ такими средствами: по ней передаются здѣсь наставленія подѣ пунктами а—е.

961) Въ заключительномъ словѣ охотничьихъ средствъ сказано: „въ семь состоятъ тайны, которыя открылъ намъ г. Дебель, и сего довольно для понятія о томъ, какою пищею севѣріе въ старину занималось, даже между охотниками...“

962) Къ мѣсту тока охотникъ отправляется въ полночь, при чемъ, для лучшей маскировки, одѣваетъ вывороченную шубу и баранью шапку (обловуху). Лишь только раздастся голосъ тетерева, или глухаря, онъ спѣшно идетъ къ мѣсту и внимательно улавливаетъ предзвонечные звуки токующаго; когда же они прекращаются, охотникъ останавливается иногда на одной ногѣ пока тѣ же звуки токующаго не возобновятся опять. Подходъ къ рячику не вызываетъ подобныхъ предосторожностей.

963) Весьма часто и успѣшно охотникъ прячется за лошадь, которую ведетъ вдоль берега, или, одѣвшись въ вывороченную шубу и шапку, подходитъ на четверенькахъ.

964) Сидѣць, стояць на цѣлику — охотничій терминъ, которымъ опредѣляется положеніе дичи, когда на нее наведено ружье и готовится выстрѣль. Упомянувъ объ этомъ моментѣ, самый закудамый стрѣлокъ горделиво говоритъ, что не возьму ста рублей за спускъ дичи съ цѣлика (Д. М. Бѣловъ и Т. Н. Кононоковъ въ Ловжѣ, Пол. у., въ 1870 г.).

965) Тагія полати устраиваются исключительно на медвѣдей, приманиваемыхъ „стервятиной“, или вблизи овса, куда звѣрь повадился ходить.

966) Охота съ загонномъ (тетеревей исключительно) производится въ „пароснигахъ и наспычкахъ“ послѣ листопада. Тутъ охотливыми загонщиками являются дѣти: растянувшись въ линію, они движутся по направленію къ охотничьей будкѣ и немилосердно хлопаютъ надѣтыми на руки рукавицами.

967) Тутъ нельзя повторить, что охотникъ стрѣлялъ тогда лишь, когда предстоялъ вѣрный надежный выстрѣль. Прицѣлываясь подолгу, свѣряя нѣсколько разъ положеніе направленнаго ружья, будучи увѣреннымъ въ спокойномъ положеніи дичи, наиболѣе набожный стрѣлокъ вершалъ прицѣливанье крестнымъ знаменіемъ и себя, и дичи, прочитывалъ подходящую молитву и со словомъ „амгчъ“! нажималъ ружейную собачку... При такой осмотрительности, охотникъ рѣдко пуделилъ, подстрѣливалъ дичь.

968) До конца 50-хъ годовъ охотники вѣдали только съ кремневыми ружьями, которыя съ 1860 гг. спѣшно стали передѣлываться въ пистолныя. Эти ружья могли быть легко отличены по замку, гдѣ оставались праздыми двѣ винтовыя дырочки, и по прилаженному наскоро „каменку“, который дов. часто вырывался изъ ствола.

985) Гладкоствольныя ружья извѣстны были подъ именемъ „тулокъ, утулокъ“, хотя многія изъ нихъ и не выходили изъ тульскихъ заводовъ; ружья съ витыми, узорными стволами назывались „жированками“ и цѣнились выше первыхъ. При улучшившемся производствѣ, стали появляться дешевыя „тулки“ съ весьма красивыми, мелкими узорами снаружи и внутри ствола.

986) Насколько дешевы стали ружья въ концѣ 80-хъ год. можно судить изъ того, что новая, напр., „тулка-двоюрюлька“ (двустволка) покупалась за 5 руб., а „одпорулька“ — за 2 рубля, при чемъ иное задачливое ружье стрѣливало среднюю дробью шаговъ на 50.

987) Благомыслящая часть общества давно и не разъ выражала свою горечь по поводу ослабленія власти и авторитета старшихъ въ простонародной семьѣ. Наличное положеніе этого дѣла, между прочимъ, таково: отецъ и его 15-тилѣт. сынъ сосутъ одну и ту же трубку; папиросу, отецъ хлопочетъ о сыновнемъ чиджакѣ, ботахъ со скрипами, о гармоникѣ, тросточкѣ и проч. Соотвѣтственно сему шло послабленіе старшихъ и къ ружейно-охотничьимъ движеніямъ сынковъ...

988) Въ числѣ насмѣшливыхъ сужденій о ружьѣ даннаго охотника-хвастуна почти всегда можно бывало услышать не единичное слово сторонняго лица: „а добрыи-бъ лимяши были“!.. или: „пирявуй-ка ты яго (ружейный стволъ) ны лимяши“!... По отношенію къ теперешнему положенію охотничьихъ ружей у деревлянъ эти насмѣшливыя слова оказываются чуть-ли не пророчесвенными,...

989) Суражскій уѣздъ упраздненъ 31 окт. 1866 г. и вслѣдъ за симъ онъ распределенъ между тремя сосѣдними уѣздами — Свѣ. Гор. и Велижскимъ.

990) Съ сѣв.-зап. къ юго-вост., на 205 вер. 250 саж., по Вит. гу протянулось С.-Цет.-Кіев. шоссе, зажившее полною жизнью еще съ 1850 г., а съ 1854 г. юго-вост. окраину губерніи прорѣзало Смолен. шоссе на протяженіи 28 вер. 100 саж. Слѣдуетъ признать, что при ожидаемомъ просвѣтительномъ воздѣйствіи на жизнь и бытъ придорожнаго простонародья, обѣ „каменки“ не провели этого воздѣйствія на сосѣдливое, окрестное простонародье, — что значительно разнится отъ просвѣтительнаго воздѣйствія „чугунки“. — Какъ извѣстно, движеніе по б. Двин.-Вит. ж. д. открыто въ два срока: отъ Двинска до Пол. 25 мая, а съ Пол. до Вит. — 5 окт. 1866 г.; чрезъ два года, а именно — 10 окт. 1868 г. открыто движеніе по первому участку (отъ Вит. до Смолен.), Орлов.-Вит. ж. д. Уже въ первые годы придорожное прѣ-

стонародѣ замѣтно преобразилось въ послѣдующее же время это не замедлило сказаться и на отдаленныхъ сосѣдяхъ „чугуновъ“.

991) Печатаніе „Очерковъ“ въ фельетонномъ отдѣлѣ „Вит. Губ Вѣд.“ началось 10 марта 1894 г., а закончилось 11 мая 1895 г.

992) Здѣсь считаю умѣстнымъ вспомнить, что еще въ ноябрѣ 1890 г. въ распоряженіе извѣстнаго этнографа собирателя П. В. Шейна мною препровожденъ былъ сродный этнографическій матеріалъ, который можно назвать спѣшно составленнымъ конспектомъ первыхъ двухъ отдѣловъ настоящихъ „Очерковъ“. Думается, что появленіе „конспекта“ въ сборникѣ этнографа собирателя едва-ли будетъ умѣстнымъ послѣ того, что даетъ законченное нынѣ бытописаніе.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

А. Въ текстѣ.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	2	головки	головни
7	9	рубленныя	рубленныя
8	31	какой-нибудь	какой-нибудь
20	7	что	чего
20	16	„подсмесцинимъ“	„подсмесцинимъ“
22	1	животнаго:	животнаго
22	3	алады	олады
36	18	„вындлиный“	„вядлиный“
37	18	лепешкоооальной	лепешко-ооальной
47	7	за то	зато
62	21	свой кусочекъ	своего кусочка
64	6	они	онѣ
66	10	ня дяржиць“	ни дяржиць“
66	31	вкуса	бваса
67	8	какъ 5:1	какъ 5 къ 1
68	17	къ исчезновенію	къ исчезновенію
71	18	и безъ	безъ
72	30	причеты	причеты
113	1	вязать, также какъ и носить	вязать такъ же, какъ и носить
115	7—8		II (гл.). Женская одежда.
116	9	обрывомъ	обрывеомъ
131	8	также, какъ	такъ же, какъ
137	25	привѣшенными	привѣшанными
150	24—25		IX (гл.). Нитка.
155	17	во время	на время
167	13	наслоившійся	наслояющійся
169	6	суживается	сужается
169	29	приблизятся	приблизится
170	3	часто	чисто
170	14	называемую,	называемую
177	19	въ 8 верш.: (п и п),	въ 8 верш. (п и п),
179	31	„дяружный“	„дяружины“
184	31	отмѣчено	отвѣчено
186	1	двухъ верхней одежду	двухъ—верхней одежды
187	18	тканью	тканью—
198	8	опояску какъ	опояску, какъ
212	6	отдаленные	отдѣльные
213	10	ходиць“	ходиць“
214	18	и прямо	и прясло
214	31	и солома	или солома
215	3	суживается	сужается
216	11	насланіе	наслоеніе
217	9	съ парами	съ пазами
222	13	по немъ	по нему
224	14	равняются	ровняются

226	2	„мувальныхъ“	„снувальныхъ“
231	22	слой грязи	слой грязи,
237	21	другой	другой:
237	22	достаточн;	достаточно
252	20	съ хаткой	съ хаткою,
254	14	соломенки	соломинки
261	31	дезинфицируютъ	дезинфицируютъ
267	25	чепиль“	чепиль“
269	18	сѣуженное	сѣзившееся
271	9	токовища	токовища,
271	23	книзу	снизу
276	23	„тынцы-плясы“	„тынцы-плясы“
280	27	слѣдуетъ	слѣдуютъ:
295	11	мужчинами	мужчинами,
307	1	тѣсною	стѣсною
309	7	тковая	таковая
313	18	разсмотрѣны. —	разсмотрѣны
315	21	„игиць“	„иглиць“
316	2	заклепанныхъ	заклепанными
318	20	гостиннаго	гостинаго
321	12	посрединѣ	на срединѣ
324	20	въ семьѣ родѣ	въ семьѣ и родѣ
326	14	черенки	(черенки
326	20	„исцелки“	исцелки“,
328	20	тратуто	трату—то
338	10	упряжи даже	упряжи, даже
340	28	допустить	допустить
347	32	лавки	лавки
349	9	жерновъ	жернововъ
351	26	коротконогіе	коротконогія
352	8	лужиць	лужицы
355	31	съ рукъ, также	съ рукъ такъ же,
361	21	сѣнныя	сѣнныя
362	22	мѣшець;	мѣшець,
364	14	которая	которыя
365	10	„шворень“	„шворинь“
366	1	дребезжатъ	дребезжатъ
366	25	запасалась	запасалось
369	10	покупаются	покупаются
371	13	легка	слегка
377	3	держатъ	— держать
379	18	расчеты	расчеты
383	15	въ немногихъ	въ немногихъ
388	2	счесана	стесана
389	27	въ 1 верш.,	въ 1 верш.
396	24	средній	средней
411	3	ило	или
411	4	ни	но
412	3	поискахъ	поисковъ
418	1	отдаляетъ	отдалить
418	14	пастернакъ	пастернакъ,
420	1	дѣла	дѣла—
422	1	сухомъ	въ сухомъ
423	10	качанъ	кочанъ
423	13	качанъ	кочанъ

427	8	обычнымъ	обычными
427	18	или	если
432	16	деревяшкѣ	деревяжкѣ
433	12	пщель“!	пщель“,
436	17	какъ ни	какъ не
442	1	досужіе дѣти	досужія дѣти
442	6	въ которой	въ который
447	5	прошлогодніе	прошлогоднія
454	25	попашнѣ	по пашнѣ
455	12	напоминають ни	напоминають ли
456	19	„капешка“	„копешка“
464	20	Поподобными	подобными
465	6	послѣднимъ	послѣднихъ
471	6	гостиницамъ	гостинцамъ
472	17	„обабки“	„обабки-подугребы“
474	16	между порочныхъ	между ними порочныхъ
474	21	солнышко	солнышко
476	5	истребленія	исправленія
477	3	сумерочные	сумеречные
488	20	ни могутъ	не могутъ
488	25	неизмѣнныхъ,	неизмѣнныхъ
489	17	ни что иное	ни иное что
490	13	водоросли	водорасли
491	16	водоросли	водорасли
493	22	подкаменьщикъ	подкаменьщикъ
496	2	окрайнамъ	окрайнамъ
502	20	опускать	опускаетъ
502	25	ютившуюся	ютящуюся
503	29	При помаши	При помощи
507	15	длину	длины
513	5	крыльями	„крылами“
516	14—15		XV. (гл.). На охотѣ.
520	9	„вотъ кабы	„вотъ, кабы
526	10	стрѣляетъ	и стрѣляетъ
529	4	снарядивъ	зарядивъ
530	21	стами	стаями
531	27	пола	кола
540	21	среди болѣе	у болѣе
540	23	одиночный	одиночной
546	25	развелось	развилося
547	11	стайно и	и стайно

Б. Въ выноскахъ и примѣчаніяхъ.

М.М. ВЪНЕСОКЪ.

Строка вы-
носки.

Напечатано.

Слѣдуетъ читать.

3	1	боровъ, вообще	боровъ вообще
11	6	число	числа
56	3	изготовится	готовится
67	2	послѣдніе	послѣднія
77	1	Кленовыя листья	Кленовые листья
277	3	къ нимъ	въ нихъ

318	7	обязательное	обязательное:
338	5	въ собенности	въ особенности
369	1	сущ.	сущ.—
370	1	сущ.	сущ.—
385	1	такимъ	такихъ
399	5	На сколько	Какъ
419	18	стоявшаго	стоявшаго (дома)
448	2	объясны	объяснены
549	2	блѣти	блѣти;
565	2	имя	имена
610	1	праздника	праздника;
653	2	изахудалые	и захудалые
656	3	старобрядцевъ	старобрядцевъ
657	9	нѣскольку	нѣскольку
658	2	престарѣлыхъ	престарѣлыхъ
672	1	сучь—	сучья
673	2	начинается	начинается
718	2	ходятъ	хотятъ
718	7	змѣ	змѣй
729	4	осью	осью,
731	9	іюнь	въ іюнь
732	1	пододѣтся	подводится
737	1	особенно	особенно,
748	4	недавна	недавно
749	4	надписьчей	надпись: чей
795	9	имеетъ	имѣетъ
824	13	31 іюня	13 іюня
824	7	корне плодники	корнеплодники
827	1	стеблей	стеблей
922	3	но почему-либо	почему-либо
949	5	онъ раненый	раненый,
962	6	ногѣ пока	ногѣ, пока
978	3	дезинфицируетъ	дезинфицируетъ
980	2	покатомъ	покатомъ";
981	1	правда хотя	правда, хотя
981	5	не при чемъ	ни при чемъ
990	12	преобразилось	преобразилось;